

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus[®]

Clarivate
Web of Science[™]

OPEN
ACCESS

We are
Crossref
Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU
РИНЦ

DOAJ

NSD ERIH PLUS
EUROPEAN REFERENCE FRAME FOR THE
EVALUATION OF AND QUALITY SCIENTIFIC

Dimensions

Google
scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 6, 2024

NAUCHNYI DIALOG

Volume 13, Issue 6, 2024

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 6, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIN PLUS• Российский индекс научного цитирования – РИНЦ• КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Волгоград	Ростов-на-Дону
	Воронеж	Самара
	Екатеринбург	Саранск
	Казань	Санкт-Петербург
	Москва	Тамбов
	Нижний Новгород	Тобольск
	Новосибирск	Тюмень
	Пекин (Китай)	Урумчи (Китай)
	Псков	Чебоксары
	Авторы, имеющие ученую степень	91 %

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 05.08.2024

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 6, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	<ul style="list-style-type: none">• WoS (Emerging Sources Citation Index)• Scopus• DOAJ• ERIH PLUS• Science Index (Rus)• CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none">• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library• CyberLeninka
Printing house	<ul style="list-style-type: none">• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	<ul style="list-style-type: none">• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Dumnică, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Андреанова Н. С., Булина Е. Н., Мингазова Р. Р.</i> Специфика перевода иконимов на разноструктурные языки (на материале английского, французского и татарского языков)	9
<i>Антонова Н. А., Игнатьева Т. С.</i> Английские глаголы направленного зрения : сочетаемость с обозначениями качественного признака	26
<i>Богоявленская Ю. В., Ли Тяньин.</i> Лингвокультурный типаж «филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка	43
<i>Бочкарев А. И.</i> Аксиологический подход к исследованию концепта PRIDE (гордость, гордыня) в рамках комического дискурса	60
<i>Никитина Т. Г., Розалёва Е. И.</i> Конфессиональный компонент урбанонимии в лексикографической интерпретации	78
<i>Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л.</i> Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков : российский и мировой контекст	95
<i>Чжан Яньцю.</i> Культурно-национальные особенности русских и китайских пословиц с компонентом «мышь»	114
<i>Ширишкова А. А.</i> Английские предлоги, выражающие предельный срок совершения действия : особенности семантики и функционирования	127

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Киржаева В. П., Осовский О. О.</i> Журнал «Русская школа» в истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920—1930-х годов	146
<i>Коломиец Е. А.</i> Создание образа эксперта в жанре «редакторская статья» : дискурсивные практики	169
<i>Кочетова Л. А., Кононова И. В.</i> Медиазация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ : корпусный подход	186
<i>Хань Цзясин, Чэнь Исинь, Таказов В. Д.</i> Выражение и эволюция общественного мнения в социальной сети ВКонтакте в период пандемии COVID-19	209

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Барова А. Г., Трофимова Л. В.</i> Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут)	230
<i>Меркулова М. Г., Прудис И. Г.</i> Графический роман — адаптация : к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов)	250
<i>Осьмухина О. Ю.</i> Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор»	266

Фролова А. В. Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова 287

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барышников В. Н., Смолин А. В., Чепик В. Н. План Рапацкого : к вопросу о политике малых стран Центральной и Восточной Европы во второй половине 1950-х годов..... 305

Власов Н. А., Колосков Е. А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов..... 322

Егоров А. И. Обеспечение военно-политической безопасности в диалоге СССР и ФРГ (1987—1989 годы)..... 344

Зимаков А. В. Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии : результат климатической политики?..... 365

Ильин П. В. Новые имена в истории движения декабристов : купец-заговорщик А. П. Сапожников 388

Костецкая Е. В., Сулова Л. Н., Зольникова К. Е. Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков : распространение, численный состав и религиозная культура 409

Пьянков С. А., Сушков А. В. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны : от проектов к реализации..... 435

Сафонов Д. А. Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области)..... 456

Татарникова А. И. Реорганизация системы размещения населения Северо-Западной Сибири как отражение социально-экономической политики СССР в 1930—1950-е годы 478

Трут В. П. Добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны..... 498

Тулузакова М. И., Буранок С. О. Иммиграционный кризис в Палестине (1933—1936) в отражении периодической печати США..... 515

АВТОРАМ..... 532

CONTENTS..... 538

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анна Александровна Ширшикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Арсентий Игоревич Бочкарев, канд. филол. наук (Новосибирск)
Доржи Львович Хилханов, д-р социол. наук (Москва)
Евгения Николаевна Булина, канд. филол. наук (Казань)
Елена Ивановна Рогалёва, д-р филол. наук (Псков)
Ли Тяньин, аспирант (Екатеринбург)
Надежда Александровна Антонова, канд. пед. наук (Чебоксары)
Наталья Сергеевна Андрианова, канд. филол. наук (Казань)
Раушания Разуловна Мингазова, старший преподаватель (Казань)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Станиславовна Игнатъева, канд. пед. наук (Чебоксары)
Чжан Яньцю, канд. филол. наук (Пекин, Китай)
Эржен Владимировна Хилханова, д-р филол. наук (Москва)
Юлия Валерьевна Богоявленская, д-р филол. наук (Екатеринбург, Петрозаводск)

Информация для цитирования:

Андрианова Н. С. Специфика перевода иконимов на разноструктурные языки (на материале английского, французского и татарского языков) / Н. С. Андрианова, Е. Н. Булина, Р. Р. Мингазова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-9-25.

Andrianova, N. S., Bulina, E. N., Mingazova, R. R. (2024). Specificity of Translating Icononyms into Diverse Structural Languages (English, French, and Tatar). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-9-25. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика перевода иконимов на разноструктурные языки (на материале английского, французского и татарского языков)

Андрианова Наталия Сергеевна
orcid.org/0000-0001-5631-9115
кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики преподавания иностранных языков
natalia_an83@mail.ru

Булина Евгения Николаевна
orcid.org/0000-0002-0296-815X
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики преподавания иностранных языков,
корреспондирующий автор
bulina@yandex.ru

Мингазова Раушания Разуловна
orcid.org/0000-0002-9151-2348
старший преподаватель кафедры теории и практики преподавания иностранных языков
rushaniyam@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Россия)

Specificity of Translating Icononyms into Diverse Structural Languages (English, French, and Tatar)

Natalia S. Andrianova
orcid.org/0000-0001-5631-9115
PhD of Philology, Associate Professor
Department of Theory and Practice, of Teaching Foreign Languages
natalia_an83@mail.ru

Evgenia N. Bulina
orcid.org/0000-0002-0296-815X
PhD of Philology, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages,
Corresponding author
bulina@yandex.ru

Raushania R. Mingazova
orcid.org/0000-0002-9151-2348
Senior Lecturer Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages
rushaniyam@mail.ru

Kazan (Volga region) Federal University
(Kazan, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются имена собственные, выступающие в качестве наименований произведений иконописи (*Покров Богоматери*, *Воскресение Христово*, *Сошествие во ад* и др.), в аспекте исследования способов их перевода на английский, французский и татарский языки. Проведен сопоставительный анализ артионимов (иконимов). Источниками исследования послужили каталоги древнерусской живописи, в том числе из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (г. Казань). Комментируются сложности перевода таких единиц, как *умиление*, *покров*, *усние* и др. С одной стороны, в языках перевода отмечаются догматические несоответствия, вызванные экстралингвистическими факторами (различия в подходах к главным христианским догматам в православии, протестантизме и католицизме, отсутствие элемента культуры языка оригинала в языке перевода). С другой стороны, обнаруживаются семантические несоответствия, которые объясняются попытками генерализации, либо, наоборот, конкретизации содержания терминов, предпринятой для того, чтобы облегчить их понимание реципиентом. Одной из наиболее частотных переводческих трансформаций является калькирование, выявленные при этом различия в словообразовательных моделях объясняются своеобразием типологических моделей сопоставляемых языков (синтетизм, аналитизм, агглютинация).

Ключевые слова:

ономастика; артионим; иконопись; иконим; переводческие трансформации; калькирование; транслитерация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines proper names functioning as titles of iconographic works (such as ‘Pokrov Bogomateri’ (the Protection of the Mother of God), ‘Voskreseniye Khristovo’ (the Resurrection of Christ), ‘Soshestiye vo ad’ (the Descent into Hell) etc.) in the context of exploring their translation into English, French, and Tatar. A comparative analysis of artonyms (icononyms) is conducted. The sources for this research include catalogs of ancient Russian painting, particularly those from the collection of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan (Kazan). The paper discusses the challenges involved in translating terms such as ‘umileniye’ (compassion), ‘pokrov’ (protection), and ‘usniye’ (dormition) etc. On one hand, doctrinal discrepancies are noted in the target languages, which are attributed to extralinguistic factors (differences in approaches to key Christian doctrines among Orthodoxy, Protestantism, and Catholicism, as well as the absence of cultural elements from the source language in the target language). On the other hand, semantic inconsistencies are identified, which can be explained by attempts at generalization or, conversely, specification of the content of terms aimed at facilitating recipient comprehension. One of the most frequent translational transformations observed is calquing, with identified differences in word formation patterns explained by the distinct typological models of the languages being compared (synthetic, analytic, agglutinative).

Key words:

onomastics; artonym; iconography; icononym; translational transformations; calquing; transliteration.

УДК 81-115+81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-9-25

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Специфика перевода иконимов на разноструктурные языки (на материале английского, французского и татарского языков)

© Андрианова Н. С., Булина Е. Н., Мингазова Р. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Изучению имен собственных посвящены многочисленные исследования, среди которых основные труды А. В. Суперанской, В. Д. Бондалетова, В. И. Супруна, М. Э. Рут, Е. Л. Березович и мн. др. [Суперанская, 1973; Бондалетов, 1976; Супрун, 2000; Рут, 2003; Березович 2001]. Исследования же артионимов немногочисленны, но в последние десятилетия эти языковые единицы постепенно входят в фокус исследования ученых (см., например, работу Е. А. Бурмистровой [Бурмистрова, 2006]).

Согласно А. В. Суперанской [Суперанская, 1973, с. 201], названия произведений искусства можно отнести к особой области, которую «едва ли можно считать предметной», поскольку, например, упоминания названий картин создают у реципиента определенные зрительные образы. В связи с этим названия картин «образуют свои специфические ряды со своими характерными признаками» [Там же].

Выделенная из идеонимов группа *артионимов*, трактуемая как названия произведений искусства [Подольская, 1978], входит в ономастическое пространство (и так называемое артионимическое пространство [Бурмистрова, 2006, с. 5]) и является объектом всестороннего исследования. Артионимы «являются организованной системой» со своей спецификой, определяемой как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами [Там же]. К лингвистическим факторам отнесем синтаксическую и семантическую структуру, поскольку артионимы выступают в качестве единиц номинации, к экстралингвистическим — культурную составляющую.

Актуальность представленного исследования обусловлена необходимостью перевода названий произведений искусства на разноструктурные языки с целью межкультурного обмена и коммуникации. Отметим, что татарский язык привлечен для исследования данной области впервые в связи

с появлением каталога древнерусской живописи с параллельным переводом на татарский язык в музеях Республики Татарстан [ДИ, 2013].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящего исследования является определение специфики способов перевода названий произведений древнерусской живописи (иконописи) на английский, французский и татарский языки. Нами учитывались как структурные, так и семантические особенности перевода названий с языка-оригинала (русского) на другие языки.

Объектом представленного исследования являются номинации объектов древнерусской живописи (иконописи) в английском, французском и татарском языках.

Предмет исследования — способы передачи номинаций объектов иконописи в трех параллельных переводах.

Источниками исследования послужили каталоги древнерусской живописи [Лосский и др., 2014; Ouspensky et al., 1982, 2003; Popova et al., 1996], в том числе из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан (г. Казань) [ДИ, 2013].

Материалом исследования послужили номинации объектов иконописи в количестве 291 единицы, из которых на русском языке — 89, на английском — 87, на французском — 73, на татарском — 42. Количественная асимметрия в английском и французском языках обусловлена существованием различных вариантов перевода, а в татарском — меньшей распространенностью переводов наименований икон на татарский язык.

В ходе исследования были использованы метод структурно-семантического анализа, описательный метод, сопоставительный метод.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды по сопоставительному анализу В. Г. Гака [Гак, 1997], А. Д. Райхштейна [Райхштейн, 1979] и по компонентному анализу И. А. Стернина [Стернин, 2015].

Этапы исследования включали в себя: 1) отбор номинаций произведений древнерусской живописи на основе каталогов и списков иконописи в специальной литературе на русском, английском, французском и татарском языках; 2) первичную классификацию номинаций по структурным признакам; 3) определение способов перевода номинативных единиц в сопоставляемых языках; 4) компонентный анализ ряда лексических единиц в составе изучаемых номинаций; 5) выявление общего и различного в сопоставляемых переводах.

На начальном этапе исследования из иноязычных текстов были отобраны номинации, относящиеся к сфере православной иконописи. Про-

изведения иконописи принято классифицировать на следующие группы: а) наименования икон Христовых (*Спас Нерукотворный*, *Христос Пантократор* и др.); б) наименования икон Богоматери (*Богоматерь «Знамение»*, *Богоматерь «Одигитрия»*, *Богоматерь «Умиление»*, *Богоматерь Донская* и др.); в) наименования икон Святых (*Архангел Гавриил*, *Евангелист Лука*, *Святой Георгий Змееборец*, *Святой пророк Илия* и др.); г) наименования основных православных праздников (*Покров Богородицы*, *Рождество Христово*, *Святая Пятидесятница*, *Вход Господень в Иерусалим*, *Сретение* и др.).

Следующим этапом работы стал анализ их семантических свойств и способов перевода на вышеозначенные языки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В русском, английском и французском языках фиксируются единицы, обозначающие общехристианские понятия:

- рус. *Троица*, англ. *Trinity*, фр. *Trinité*,
- рус. *Воскресение*, англ. *the Resurrection*, фр. *la Résurrection*;
- рус. *апостол*, англ. *apostle*, фр. *apôtre*.

Тем не менее, например, лексема *Рождество* в значении главного праздника в странах Западной Европы и Северной Америки, который отмечается двадцать пятого декабря, переводится на английский язык как *Christmas*, в то время как *Рождество Христово* — название одного из главных праздников православия, отмечаемого седьмого января, — переводится на английский язык как *the Nativity* или *Nativité* на французский [Скобелева, 2017, с. 70]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что на перевод религиозных терминов влияют не только языковые, но и экстралингвистические (культурологические) факторы.

Отмечаются следующие способы перевода данных единиц на татарский язык: транслитерация — рус. *апостол* / тат. *апостол*, одновременное существование транслитерированной и калькированной форм — рус. *Троица* / тат. *Троица*; *Өчлек*, приближенный перевод — рус. *Воскресение* / тат. *Яңадан туу* (букв. ‘снова родиться’).

Основное расхождение между исследуемыми единицами русского языка и единицами языков перевода (английский / французский) объясняется их принадлежностью к разным ветвям христианской религии: православию, протестантизму и католицизму. С наибольшими сложностями можно столкнуться, вероятно, при переводе на татарский язык, ведь православная религия исповедуется лишь относительно небольшой этнокультурной общностью татар-кряшенов, и большое число культуранимов остается не до конца понятным носителям татарского языка.

3.1. Икона как религиозный текст и культурный феномен

Икона (от греч. *eikon* — образ, изображение) — в христианском искусстве изображение Бога, святых, библейских событий, персонажей Ветхого и Нового завета, догматов церкви и апокрифических преданий [Чаговец, 2022, с. 51]. Еще П. П. Муратов, представитель Серебряного века, искусствовед и знаток древнерусской живописи, отмечал, что икона, построенная не на сочетании тонов, а на сочетании цветов, обладает признаками художественного содержания [Муратов, 2008, с. 36—37]. «Выдающееся значение древнерусской живописи в истории мировой культуры», обусловленное ее художественными качествами, подчеркивает один из крупнейших отечественных специалистов Э. С. Смирнова в [Сарабьянов и др., 2007, с. 17].

Древнерусская живопись, берущая начало в Византийской живописи, принадлежит как сфере религии, так и сфере искусства. Помимо культовых сооружений и частных коллекций, иконы находятся в собраниях музеев РФ и музеях мира (см., например, [Юренева, 2017а; Юренева, 2017б]).

Как известно, изначальное назначение иконы принадлежит области религиозного, сакрального: «В системе христианской культуры икона занимает поистине уникальное место, являясь одной из вершин человеческого творчества. Но Церковью икона никогда не рассматривалась только как произведение искусства. Икона, прежде всего, вероучительный текст, призванный помочь постижению истины» [Языкова, 2014, с. 26]. Итак, икона в христианской традиции — это текст, наделенный определенной функцией и подчиняющийся канону.

Икона воплощает основные принципы православного вероучения и отражает православную традицию русского народа. В основу англоязычной культуры, однако, легла Вторая заповедь («Не сотвори себе кумира»), эта культура почти полностью уничтожила христианский визуальный ряд в виде религиозных картин и скульптуры, что превратило ее в культуру вербальную [Дудченко, 2009, с. 130].

Не менее важными для исследователей антропологии религии являются малочисленные этнические, а также различные этно- и субконфессиональные группы. Так, иконы являются необходимым компонентом религиозной культуры татар-кряшен. Синкретичность культуры кряшен приводит к значительным отличиям в традициях иконописи (так, например, Богородица на кряшенских иконах изображается в национальном платье). Своеобразное положение татар-кряшен на стыке между русским православием и татарским исламом, а также на фоне специфической религиозности других соседних народов (чуваши, удмурты, марийцы) вызывает интерес и к возможности религиозного взаимовлияния [Баркар, 2007].

3.2. Иконим как лингвистическое явление. Варианты перевода иконима на разноструктурные языки

Наименование иконы может пониматься как ономастический термин. Так, И. В. Бугаева для названия иконы предлагает ввести ономастический термин *иконим*, «под которым понимается сложная многокомпонентная апеллятивно-ономастическая формула, состоящая из ядерных и периферийных, обязательных и факультативных компонентов» [Бугаева, 2008, с. 30].

Как лингвистическое явление, наименования икон (иконимы) часто относятся к категории безэквивалентной лексики. Иконимы могут иметь коннотации, не всегда доступные для понимания носителя другой культуры, что затрудняет их перевод и приводит к поиску других способов перевода помимо традиционных приемов перевода безэквивалентной лексики (транслитерация, калькирование, приближенный перевод, описательный перевод). Передача различных компонентов значения иконима зависит, таким образом, от их адекватной экспликации в рамках иноязычных эквивалентов.

Так, например, названия икон часто содержат в себе топонимы или другую локальную атрибутику. В этом случае привлекается механизм транслитерации, который обеспечивает однозначность, хотя в некоторых случаях является непонятным для реципиента. Поэтому формирование эквивалентов иконимов *Богоматерь Донская*, *Богоматерь Владимирская*, *Богоматерь Казанская* происходит путем лексической кальки и использования словообразовательных моделей английского, французского и татарского языков: *Our Lady of Kazan / La Vierge de Kazan, La Vierge du Don, La Vierge de Vladimir, Казан Алла Анасы, Тихвин Алла анасы*.

Перевод эллинизированных иконимов осуществляется как с помощью транскрипции, так и с помощью калькирования с греческого языка: *Богоматерь «Одигитрия» (Одигитрия в греч. букв. ‘Указующая путь’) / The Virgin Hodegetria / La Vierge Hodighitria / Юл курсәтүче Алла Анасы (букв. ‘Богоматерь, указывающая путь’); Богоматерь «Умиление» / La Vierge Glykophilousa / Куңел йомшару Алла Анасы (букв. ‘Богоматерь Смягчение души’).*

С помощью кальки с греческого языка переданы на французском и английском языке иконимы *Спас Нерукотворный* и *Спас Вседержитель*: *Le Sauveur Acheiropoietos / The Saviour Achieropoietos / Le Christ Pantocrator / The Pantocrator*.

Реализация культурного компонента не всегда достигается в переводе. Наименование одной из устойчивых и наиболее древних схем изображения Христа Вседержителя — *Спас на престоле / Спас в силах* — имеет следующие эквиваленты в английском и французском языках: *Christ in Majesty / Le Sauveur en majesté* (букв. ‘Спас в величии’). Однако данные

эквиваленты не семантизируют изображение Сил Небесных (ангельского сонма) на иконе. Попытка такой семантизации обнаруживается в переводе на татарский язык: *Изге көчләр чолганышындагы Коткаручы* (букв. ‘Спаситель в окружении Святых сил’).

Наиболее частотными среди обнаруженных эквивалентов наименований икон *Богоматери* являются варианты *The Virgin* в английском языке и *La Vierge* во французском, семантизирующие в первую очередь догмат о непорочном зачатии, который является отличительной чертой почитания Девы Марии в католицизме. Варианты *Our Lady* и *Notre Dame* соответствуют западноевропейской традиции именования матери Иисуса Христа. Эти аналоги используются для описания традиций наименования в католической церкви и не соответствуют традиции православия. Татарский язык в данном случае калькирует русскую лексему *Богоматерь* — *Алла анасы* (букв. ‘мать Бога’).

Иконим *Coesctivue vo ad* имеет во французском языке эквивалент *Descente du Christ aux limbes*. Лимб (лат. *limbus* — ‘рубеж, край, предел’) — термин, использовавшийся в средневековом католическом богословии и обозначавший состояние или место пребывания не попавших в рай душ, не являющееся адом или чистилищем [ПЭ]. В православии такого догмата не существует, а значит, подобная замена православного компонента на католический искажает семантику иконима.

Несмотря на то, что лимб существует преимущественно в католическом богословии, данная лексическая единица зафиксирована и в корпусе англоязычных примеров (*Descent into Hell / Descent into Limbo*).

Анализ перевода различных иконимов, содержащих ранги святых, показал, что в английских и французских эквивалентах часто наблюдается передача степени святости с помощью гиперонима *saint*. Так, например, иконимы *Святитель Николай*, *Святой Иоанн Креститель* и *Преподобный Сергей Радонежский* представлены следующими эквивалентами: *St Nicholas the Wonderworker / Saint Nicolas*, *John the Baptist / Saint Jean-Baptiste*, *Saint Serge de Radonège*. Таким образом, при отсутствии прямых эквивалентов для перевода целого ряда русских лексем используется гиперонимическое иноязычное прилагательное *saint* с широким спектром значений, что соответствует тенденциям номинации в исследуемых языках. В татарском языке в подобных случаях также используется гипероним *изге* (‘святой’), как, например, в иконимах *Святитель Иоанн Златоуст / Изге Иоанн Златоуст*, *Святые князя Борис и Глеб / Изге кенэзләр Борис һәм Глеб*. К данному гиперониму переводчики прибегают и при переводе языковой единицы *Праотец: Праотец Мельхиседек / Изге ата Мельхиседек* (букв. ‘Святой отец Мельхиседек’); *Праотец Авраам / Изге ата Авраам* (букв. ‘Святой отец Авраам’).

Иконим *Покров Богоматери* во французском языке имеет эквивалент *La Protection de la Vierge*. Данный перевод может считаться приближенным, так как не передает полностью семантику православного иконима (покров, то есть *мафорий* — [греч. μαφόριον], плат, покрывающий голову и плечи) [ПЭ].

Воскресение Христово передается на татарский язык при помощи выражения *янадан туу* букв. ‘снова родиться’. Таким образом, в названии отсутствует сема воскрешения, отмечается значительное догматическое несоответствие. Следует отметить существование в татарском языке более точного эквивалента *Гайсә Мәсихнең терелүе*. *Гайсә* — фонетически измененное имя *Иса* (у христиан — Иисус), *Мәсих* представляет собой арабский аналог греческого термина *Христос* или еврейского *машиах* (мессия, помазанник). Лексема *терелү* (от *тере* ‘живой, здравствующий’) содержит искомую сему воскрешения, восстания из мертвых. Однако без необходимых пояснений переводчика понимание такого иконима может быть значительно затруднено.

Перевод иконима *Жены Мироносицы у гроба* осуществлен следующим образом: *Табынучы хатыннар Алла табуты янында*. Мироносицы — женщины, пришедшие ко гробу воскресшего Христа с маслами и благовониями. *Миро* — особым образом приготовленное и освященное масло, используемое в таинстве миропомазания человека. В переводе на татарский язык используется лексема *табынучы* ‘почитатель, -ница’. Жены-мироносицы известны в православной традиции как Святые, почитавшие Спасителя и возложившие на себя заботу о Нем при его жизни. Переводчик на татарский язык, таким образом, прибегает к генерализации, несколько смещая культурные акценты. Однако эквивалентность перевода, по нашему мнению, в данном случае не нарушена.

В переводах на татарский язык отмечается некоторое семантическое несоответствие единиц перевода церковно-славянским и старославянским языковым единицам, таким как, например, *рождество, усение, сретение*. Переводчики используют в качестве эквивалентов лексические единицы современного татарского языка *туу* ‘рождение’, *үлем* ‘смерть’, *каришылау* ‘встреча’: *Христос туу, Алла Анасы туу, Алла Анасының үлеме*. Таким образом, содержание терминов конкретизируется, сохраняются их интегральные семы, однако утрачивается ряд коннотативных аспектов, таких как конфессиональная маркированность, историко-культурная соотнесенность.

В культуре татар-кряшен отмечается употребление лексем, подвергнувшихся фонетической ассимиляции, либо параллельное существование исходной и измененной форм: *Покрау* (Покров), *Питрау* (Петров день), *Раштуа* (Рождество), *Тройсын* (Троица), что, вероятно, может приводить к утрате мотивированности значения.

3.3. Компонентный анализ иконимов *Богоматерь «Умиление», Сретение, Покров Богородицы, Успение Богоматери*

Ряд лексем (например, *умиление / tender / tendresse / pitié; покров / protection; сретение / presentation / présentation, уснение / repose / dormition / улем*) был подвергнут процедуре компонентного анализа с целью фиксации интегральных и дифференциальных сем в составе значения.

Рассмотрим иконим *Успение Богоматери*. И в православной, и в католической традиции в основу номинации праздника *Успения Богоматери* положено представление о сне. В западной традиции праздник известен как *Вознесение Марии*, что, с одной стороны, символизирует смерть и погребение, а с другой — воскресение и вознесение Марии [Лосский и др., 2014, с. 319]. В английском переводе иконима *Успение Богородицы* зафиксировано два варианта: *the Repose of the Virgin* (букв. ‘покой / отдых Богородицы’) и *the Dormition of the Mother of God* (букв. ‘уснение / сон Богоматери’). В составе русской лексемы *уснение* зафиксирована сема ‘смерть, кончина’ [МАС, т. 4, с. 521], в то время как в составе английской лексемы *repose* зафиксированы семы ‘rest’ (букв. ‘отдых’), ‘sleep’ (букв. ‘сон’), ‘feeling calm’ (букв. ‘чувствуя спокойствие’) [OALD]. Английская лексема *dormition*, заимствованная из французского *dormition*, которая, в свою очередь, является латинским заимствованием из *dormitio* — ‘сон’, ‘дремота’, также указывает на состояние сна, покоя, а не смерти и погребения. Однако сон традиционно устойчиво ассоциируется со смертью, и этимологический словарь русского языка также возводит лексему *уснение* к др.-русск. *успьнение* ‘засыпание, сон; смерть, кончина’. Таким образом, в названии иконы *Успение Богоматери* в русском языке лежат понятия смерти и погребения, а в английском и французском переводах понятия сна, отдыха, чувства спокойствия.

Сон в пространстве мировой культуры используется как метафора смерти. Так, например, в Библии: *vuvì dè Xristòs èγήγερται ἐκ νεκρῶν ἀπαρχῆ τῶν κεκοιμημένων* («Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших (*κεκοιμημένων* букв. «уснувших»)») (1 Кор. 15:20); у Шекспира в монологе Гамлета: «*To die-to sleep, / No more; and by a sleep to say we end / The heart-ache and the thousand natural shocks <...> / To die, to sleep; / To sleep, <...> / For in that sleep of death what dreams may come*» (в пер. М. Л. Лозинского «*Умереть, уснуть — И только; / и сказать, что сном кончаешь / Тоску и тысячу природных мук <...> / Умереть, уснуть. — Уснуть! <...> / Какие сны приснятся в смертном сне*»); у А. С. Пушкина в «Руслан и Людмила»: «*Но что сказал я? Где Руслан? / Лежит он мертвый в чистом поле; <...> / Но князя крепок холодный сон, / И долго щит его не грянет*» (Песнь шестая).

В переводе иконима на татарский язык *Алла Анасының үлеме* (букв. ‘Смерть Богоматери’) использована лексема *үлеме*, содержащая в своем со-

ставе сему ‘смерть’ и сему ‘принадлежность’, выраженную специальным аффиксом. Таким образом, переводчик сохраняет лишь ключевые семы, необходимые для понимания элемента культуры, и исключает компоненты значения, которые при переводе могут вызвать искажения смысла.

Сретение (или *Принесение во Храм*) — один из праздников православной церкви в память о встрече старца Симеона с младенцем Христом, когда Дева Мария принесла Младенца в храм. *Сретенье* — букв. ‘встреча’, заимствованное из церковно-славянского, является калькой с греческого языка [Фасмер, т. 3, с. 740]. На Западе данный праздник известен как *Очищение Богоматери* (*Purification of the Holy Virgin*) [Ouspensky et al., 1982, с. 168]. На английский язык данный иконим переводится *the Presentation of Christ in the Temple* (букв. ‘показ Христа в Храме’), где англ. *presentation* — ‘the act of showing something or of giving something to somebody’ [OALD] (букв. ‘акт демонстрации или дарения чего-то кому-то’).

На французский язык данный иконим также переводится как *La Présentation du Christ au Temple* (букв. ‘показ Христа в Храме’), где фр. *présentation* — ‘action de présenter quelque chose au public’ [DFL] (букв. ‘акт демонстрации чего-то общественности’).

На татарский язык *Сретение* обычно переводят как *Каршылау* (букв. ‘встреча’). В культуре татар-кряшен существует и следующая дефиниция: *Иисус Христосны келәү өендә каршы алу көне* (букв. ‘День встречи Иисуса Христа в храме’), где лексема *каршы алу* означает ‘встретить, выйти навстречу’. Таким образом, акцент смещается на смирение, с которым праведный Симеон встретил младенца Христа, радость от встречи с Богом.

Праздник *Покров* — знаменует собой явление Богоматери в Константинополе в X веке. Слово *покров* происходит от *кров, крыть* [Фасмер, т. 3, с. 305] и означает одновременно ‘то, чем покрывают кого-,что-либо’ и ‘покровительство, защиту’ [МАС, т. 3, с. 251]. *Покров* в качестве религиозного термина понимается как *мафорий* — [греч. μαφόριον], то есть плат, покрывающий голову и плечи [ПЭ]. На английский язык данный иконим переводится как *The Protection of the Mother of God* (букв. ‘Защита Матери Бога’). Лексема *protection* имеет следующее значение в словаре: ‘the act of protecting somebody / something; the state of being protected’ [OALD] (букв. ‘акт защиты кого-,чего-либо; состояние защищенности’). В словаре английского языка также зафиксировано значение ‘a thing that protects somebody / something against something’ (букв. ‘вещь, которая защищает кого-,что-либо от чего-то’), однако в дефиниции не указано, что именно защищает, как в русском языке, в котором эксплицировано значение ‘то, чем покрывают’.

На французский язык данный иконим переводится как *La Protection de la Vierge*. В значении лексемы *protection* фиксируются те же семы, что и в ан-

глийском языке: ‘action de protéger, de défendre quelqu’un contre un danger, un mal, un risque’ [DFL] (букв. ‘акт защиты кого-либо от опасности, беды или риска’) и ‘ce qui protège, assure contre un risque, un danger, un mal’ [DFL] (букв. ‘то, что защищает, предохраняет от опасности, беды или риска’).

В татарском языке помимо заимствований *Покров*, *Покрау көне* существует следующий вариант перевода (преимущественно у татар-кряшен): *Изге Кыз Марияның Бөркәнчеге* (букв. ‘Покрывало Святой девы Марии’), где *бөркәнчек* — покрывало, фата [TPC, т. 1, с. 258].

Богоматерь «Умиление» изображает Младенца, прильнувшего щекой к Матери. В словаре лексема *умиление* трактуется как ‘нежное, теплое чувство, возбуждаемое чем-л. трогательным’ [MAC, т. 4, с. 431]. Данная лексема представляет определенную трудность для перевода. Так, на английский язык иконим переводится как *The Virgin Tender Emotion* (букв. ‘Дева Нежные эмоции’). Англ. *tender* — ‘kind, gentle and loving’ (букв. ‘добрый, нежный, любящий’). В переводе книги В. Лосского, Л. Успенского «Смысл икон» на английский язык отмечается, что в английском языке не существует подходящего варианта перевода лексемы *умиление*, поскольку варианты *mercy* (букв. ‘милосердие’, ‘сострадание’, ‘милость’), *compassion* (букв. ‘жалость’, ‘сострадание’, ‘сочувствие’), *pity* (букв. ‘жалость’, ‘сострадание’, ‘сожаление’), *tenderness* (букв. ‘нежность’) либо «слишком ограничены, либо сентиментальны», и предлагается *Loving-kindness* (букв. ‘любящая доброта’) как наиболее полно соответствующий оригиналу вариант перевода [Ouspensky et al., 1982, с. 93].

Во французском языке варианты перевода данного иконима — *La Vierge de Tendresse / La Vierge de Pitié* — содержат лексемы *tendresse* и *pitié*. Значение существительного *tendresse* — ‘sentiment tendre d’amitié, d’affection, d’amour qui se manifeste par des paroles, des gestes doux et des attentions délicates’ [DFL] (букв. ‘нежное чувство дружбы, привязанности, любви, которое проявляется в словах, ласковых движениях и деликатном внимании’). Значение существительного *pitié* — ‘sentiment qui porte à compatir aux souffrances ou à la faiblesse d’autrui, à le considérer avec commisération, à le traiter avec une indulgence particulière’ [DFL] (букв. ‘чувство, которое побуждает сочувствовать страданиям и слабости другого, относиться к нему с состраданием и особой снисходительностью’). Наш взгляд, первый вариант перевода наиболее приближен к изначальному термину, так как семы ‘любовь’ (*sentiment tendre d’amour*) и ‘движение’ (*gestes doux*) в его значении передают визуальный и культурный компоненты иконима.

Как отмечает В. Г. Гак, следует также учесть особую роль церковнославянского языка в переводе Священного Писания в России [Гак, 1997,

с. 57]. Это приводит к некоторым сложностям при переводе иконимов на исследуемые языки, где эквивалентами могут выступать только лексемы современных языков.

На татарский язык иконим *Богоматерь «Умиление»* переведен следующим образом: *Куңел йомшару Алла Анасы* (букв. ‘Богоматерь Смягчение души’). Умиление, понимаемое как радостное, тёплое чувство благоговения, а также внутреннее состояние, обусловленное проявлением этого чувства, передается на татарский язык при помощи выражения *куңел йомшару*: *куңел* — внутренний мир, духовный мир, настроение, дух [ТРС, т. 1, с. 675]; *йомшару* — размягчаться, расслабляться [ТРС, т. 1, с. 482].11

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, анализ корпуса иконимов и их переводов на английский и французский языки показывает, что распространенными приемами перевода являются транскрипция (*Богоматерь «Одигитрия» / The Virgin Hodegetria / La Vierge Hodighitria*) и калькирование (*Богоматерь «Умиление» / La Vierge Glycophilousa*) как с греческого, так и с русского языков. В силу различного типологического характера представленных языков (синтетический русский язык и аналитические английский и французский языки) могут использоваться различные словообразовательные модели (*Богоматерь Донская / La Vierge du Don*), а также описательный перевод (*Святой Георгий Змеборец / Saint Georges terrasant le dragon*).

В переводах на татарский язык наиболее часто отмечаются такие переводческие трансформации, как транслитерация и калькирование с русского языка (*Богоматерь / Алла анасы*). В более редких случаях переводчики прибегают к генерализации (*Святитель / Святой / праотец / изге*), что может приводить к неполной передаче значений при переводе.

Таким образом, адекватная экспликация православного эквивалента не всегда достигается в переводе, что приводит как к догматическим (*Богоматерь / The Virgin / La Vierge; Воскресение / Яңадан туу*), так и к семантическим (*Покров Богоматери / The Protection of the Mother of God / La Protection de la Vierge; Спеление / the Presentation of Christ in the Temple / Каришлыу*) несоответствиям. Семантические несоответствия объясняются также сложностью перевода церковнославянских единиц русского языка с помощью современных лексических средств переводящих языков.

Выявленные виды переводческих трансформаций требуют дальнейшего подробного изучения и систематизации с привлечением более обширного корпуса примеров, результатом чего могла бы стать разработка практических приемов и рекомендаций для перевода иконимов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ДИ — Древнерусское искусство. — Казань : Заман, 2013. — 112 с.
2. МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — Москва : Рус. язык, 1985—1988.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — 198 с.
4. ПЭ — Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pravenc.ru/> (дата обращения 15.05.2024).
5. ТРС — Татарско-русский словарь : в 2-х т / АН РТ, ИЯЛИ ; под ред. Н. Ш. Асылгараева, Ф. А. Ганиева, М. З. Закиева. — Казань : Магариф, 2007. — 728 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Муза — Сят / М. Фасмер ; пер. С нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 832 с.
7. Чаговец Т. П. Словарь терминов по изобразительному искусству. Живопись. Графика. Скульптура : учебное пособие для СПО / Т. П. Чаговец. — Санкт-Петербург : Лань / Планета музыки, 2022. — 176 с. — ISBN 978-5-507-48854-4.
8. DFL — Dictionnaire de français Larousse [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed 15.05.2024).
8. OALD — Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. — sixth edition. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 1540 p.
9. Popova O. Les ícones. L'histoire, les styles, les thèmes des origines à nos jours / O. Popova, E. Smirnova, P. Cortesi. — Paris : Éditions Solar, 1996. — 192 p.

Литература

1. Баркаръ Е. В. Крящёны и их народная религиозность / Е. В. Баркаръ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2007. — № 3. — С. 54—69.
2. Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе : критические заметки / Е. Л. Березович // Известия Российской академии наук. Серия Литературы и языка. — 2001. — Т. 60. — № 6. — С. 34—46.
3. Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения / В. Д. Бондалетов // Ономастика и норма. — Москва : Наука, 1976. — С. 12—46.
4. Бугаева И. В. Способы номинации икон / И. В. Бугаева // Альманах современной науки и образования. — 2008. — № 2. — С. 29—32.
5. Бурмистрова Е. А. Названия произведений искусства как объект ономастики : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Бурмистрова. — Волгоград, 2006. — 24 с.
6. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. — 1997. — № 5. — С. 55—65.

7. Дудченко Л.Ю. Особенности англоязычного описания русских икон / Л.Ю. Дудченко // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2009. — № 7. — С.130-133.

8. Лосский В. Н. Смысл икон / В. Н. Лосский, Л. А. Успенский ; пер. с фр. В. А. Решиковой, Л. А. Успенской. — Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет : Эксмо, 2014. — 336 с. — ISBN 978-5-699-61939-9.

9. Муратов П. П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования / П. П. Муратов. — Санкт-Петербург : Библиополис, 2008. — 432 с. — ISBN 978-5-7435-0277-6.

10. Райхштейн А. Д. О межязыковом сопоставлении фразеологических единиц немецкого и русского языков / А. Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. — 1979. — № 4. — С. 3-8.

11. Рут М. Э. Номинация, наречение и имя собственное / М. Э. Рут // Ономастика и диалектная лексика : сборник научных трудов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — Вып. 4. — С. 120—124.

12. Сарабьянов В. Д. История древнерусской живописи / В. Д. Сарабьянов, Э. С. Смирнова. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. — 752 с. — ISBN 978-5-7429-0309-3.

13. Скобелева Е. А. Особенности перевода текстов православной тематики на английский язык / Е. А. Скобелева // Вестник Новгородского государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 68—71.

14. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи : монография / И. А. Стернин ; изд. 2-е. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 239 с.

15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1973. — 366 с.

16. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с.

17. Юренева Т. Ю. Русская икона в европейских музейных собраниях / Т. Ю. Юренева // Вестник славянских культур. — 2017а. — № 3. — С. 176—189.

18. Юренева Т. Ю. Русская икона в музеях США / Т. Ю. Юренева // Культурное наследие России. — 2017б. — № 2. — С. 84—91.

19. Языкова И. К. Сотворение образа. Богословие иконы. — 2-е изд. — Москва : ББИ, 2014. — 368 с. — ISBN 978-5-89647-241-4.

20. Ouspensky L. Le sens des icônes, Cerf, coll / L. Ouspensky, V. Lossky ; traduction du russe Lydia Alexandrovna Ouspensky. — Paris: Éd. du Cerf, 2003. — 202 p. ISBN 978-2204071857.

21. Ouspensky L. The meaning of icons / L. Ouspensky, V. Lossky. — Crestwood, N.Y. : St. Vladimir's Seminary Press, 1982. — 222 p. — ISBN 978-0913836774.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

Chagovets, T. P. (2022). Dictionary of terms on fine art. Painting. Graphics. Sculpture: a textbook for PDF. St. Petersburg: Lan: Planet of Music. 176 p. ISBN 978-5-507-48854-4. (In Russ.). DFL — Dictionnaire de français Larousse. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed 15.05.2024). (In Frenc.).

- DI — Ancient Russian art. (2013). Kazan: Zaman. 112 p. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes of Musi, 3. Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).
- MAS — Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. (1985—1988). Moscow: Rus. language. (In Russ.).
- OALD — Hornby, A. S. (2000). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press. 1540 p.
- PE — Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia. Available at: <https://pravenc.ru/> (accessed 15.05.2024). (In Russ.).
- Podolskaya, N. V. (1978). Dictionary of Russian onomastic terminology. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russ.).
- Popova, O. (1996). Engeline Smirnova, Paola Cortesi. Les icônes. L'histoire, les styles, les thèmes des origines à nos jours. Paris: Éditions Solar. 192 p. (In Franc.).
- TRS — Tatar-Russian dictionary: in 2 volumes. (2007). Kazan: Magarif. 728 p. (In Russ.).

References

- Barkar, E. V. (2007). Kryashens and their folk religiosity. State, religion, church in Russia and abroad, 3: 54—69. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2001). Russian onomastics at the present stage: critical notes. Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language, 60(6): 34-46. (In Russ.).
- Bondaletov, V. D. (1976). Russian name book, its composition, statistical structure and features of change. In: Onomastics and norm. Moscow: Nauka. 12-46. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. (2008). Methods of icon nomination. Almanac of modern science and education, 2: 29—32. (In Russ.).
- Burmistrova, E. A. (2006). The names of works of art as an object of onomastics. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1997). Features of biblical phraseological units in the Russian language (in comparison with French bibleisms). Questions of linguistics, 5: 55—65. (In Russ.).
- Lossky, V. N., Uspensky, L. A. (2014). The meaning of icons. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities: Eksmo. 336 p. ISBN 978-5-699-61939-9. (In Russ.).
- Muratov, P. P. (2008). Ancient Russian painting. The history of discovery and research. St. Petersburg: Bibliopolis. 432 p. ISBN 978-5-7435-0277-6. (In Russ.).
- Ouspensky, L., Lossky, V. (2003). Le sens des icônes (traduction du russe Lydia Alexandrova Ouspensky). — Paris: Éd. du Cerf. 202 p. (In French.). ISBN 978-2204071857.
- Ouspensky, L., Lossky, V. (1982). The meaning of icons. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press. 222 p. ISBN 978-0913836774.
- Reichstein, A. D. (1979). On the interlingual comparison of phraseological units of the German and Russian. Foreign languages at school, 4: 3-8.
- Ruth, M. E. (2003). Nomination, naming and proper name. In: Onomastics and dialect vocabulary: collection of scientific works. Yekaterinburg: Ural Federal University Publishing House. 4: 120-124.
- Sarabyanov, V. D., Smirnova, E. S. (2007). The history of ancient Russian painting. Moscow: Publishing House of St. Petersburg State University. 752 p. ISBN 978-5-7429-0309-3. (In Russ.).
- Skobeleva, E. A. (2017). Features of translating texts of Orthodox subjects into English. Bulletin of the Novgorod State University, 2: 68—71. (In Russ.).

- Sternin, I. A. (1985). The lexical meaning of a word in speech. Voronezh: Voronezh Publishing House. Unita. 170 p. (In Russ.).
- Superanskaya, A. V. (1973). The general theory of proper names. Moscow: Nauka. 366 p. (In Russ.).
- Suprun, V. I. (2000). Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential. Volgograd: Peremena. 172 p. (In Russ.).
- Yazykova, I. K. (2014). The creation of an image. Theology of the icon. Moscow: BBI Publishing House. 368 p. ISBN 978-5-89647-241-4. (In Russ.).
- Yureneva, T. Yu. (2017a). Russian icon in European museum collections. Bulletin of Slavic cultures, 3: 176—189. (In Russ.).
- Yureneva, T. Yu. (2017b). Russian icon in the museums of the USA. Cultural heritage of Russia, 2: 84—91. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Антонова Н. А. Английские глаголы направленного зрения : сочетаемость с обозначениями качественного признака / Н. А. Антонова, Т. С. Игнатьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 26—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-26-42.

Antonova, N. A., Ignatyeva, T. S. (2024). English Verbs of Directional Vision: Compatibility with Designations of a Qualitative Attribute. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 26-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-26-42. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Английские глаголы направленного зрения: сочетаемость с обозначениями качественного признака

Антонова Надежда Александровна

orcid.org/0000-0002-1758-1185

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков

корреспондирующий автор

nejda@rambler.ru

Игнатьева Татьяна Станиславовна

orcid.org/0000-0003-4808-1957

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков

tatius67@yandex.ru

Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова
(Чебоксары, Россия)

English Verbs of Directional Vision: Compatibility with Designations of a Qualitative Attribute

Nadezhda A. Antonova

orcid.org/0000-0002-1758-1185

PhD of Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages

Corresponding author

nejda@rambler.ru

Tatyana S. Ignatyeva

orcid.org/0000-0003-4808-1957

PhD of Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages

tatius67@yandex.ru

I.N. Ulianov Chuvash
State University
(Cheboksary, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая статья посвящена решению проблем построения семантической модели глагола, связанной со значением ‘направленный процесс зрения и его качественный признак’, на материале английских словосочетаний. Авторы изучают структуру значения этих единиц через анализ сочетаемости лексем *look*, *watch*, *glance*, *stare*, *gaze*. Классификация может рассматриваться как шаг на пути к созданию типологической семасиологии конкретных языков. Структура сложного лексического значения ‘направленный процесс зрения и его признак’ может быть разложена на следующие компоненты: инвариант значения, то есть ядерная семема (направленный процесс зрения) и дополнительная семантическая составляющая, то есть подчиненная семема (качественный признак процесса зрения). Сплошная выборка была произведена на 8000 страницах текста из 24 произведений художественной литературы, где было описано 927 словосочетаний. В первую группу включены словосочетания, выражающие различные отрицательные эмоции, связанные с направленным процессом зрения: плохое настроение, нервозность, недоверие, недоброжелательность, страх, ненависть, презрение, жестокость и т. п. Ко второй группе авторы статьи отнесли словосочетания, выражающие внимательность, устойчивость, удивление, любопытство, изумление при характеристике направленного взгляда. Третья группа объединяет словосочетания, выражающие активность, быстроту, краткость, скрытность короткого взгляда. Доказано, что все лексемы зрения, кроме *look*, имеют сложную структуру значения.

Ключевые слова:

глагольная сочетаемость; лексема; семема; лексическое значение; семантика зрительного восприятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the challenges of constructing a semantic model of verbs related to the concept of ‘directed vision process and its qualitative attribute’ based on English collocations. The authors examine the structure of meaning of these lexical items through the analysis of the collocational patterns of *look*, *watch*, *glance*, *stare*, and *gaze*. This classification can be seen as a step towards creating a typological semasiology of specific languages. The structure of the complex lexical meaning ‘directed vision process and its attribute’ can be broken down into the following components: the invariant meaning, i.e., the core sememe (directed vision process), and an additional semantic component, i.e., the subordinate sememe (qualitative attribute of the vision process). A comprehensive sample was taken from 8000 pages of text from 24 works of fiction, describing 927 collocations. The first group includes collocations expressing various negative emotions associated with directed vision process: bad mood, nervousness, distrust, unfriendliness, fear, hatred, contempt, cruelty, etc. The second group consists of collocations expressing attentiveness, steadfastness, surprise, curiosity, wonder in characterizing directed gaze. The third group combines collocations expressing activity, speed, brevity, stealth of a brief glance. The authors came to the conclusion that all vision lexemes, except the verb ‘to look’, have a complex meaning structure.

Key words:

verb collocation; lexeme; sememe; lexical meaning; semantics of visual perception.

УДК 811.111'367.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-26-42

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Английские глаголы направленного зрения: сочетаемость с обозначениями качественного признака

© Антонова Н. А., Игнатъева Т. С., 2024

1. Введение = Introduction

Семасиология за последние годы много занимается проблемой группировки слов по общим для них значениям. В большинстве работ признано целесообразным рассматривать слово как совокупность нескольких отдельных значений (то есть лексико-семантических вариантов). Условимся, что дальше мы будем называть такое отдельно анализируемое значение лексемой, тем самым отвлекаясь от факта многозначности слов. Для нашей статьи отобраны некоторые глагольные и субстантивные лексемы, каждая из которых выражает направленный процесс зрения. Толковые словари многих языков постоянно различают следующие два процесса: 1) направлять взгляд, намереваясь увидеть кого-нибудь или что-нибудь, и 2) воспринимать зрением, обладать способностью к зрению. Нами принято допущение, что первый процесс в современном английском языке выражается лексемой *look* (глагол и существительное) в наиболее обобщенном виде.

В настоящее время утвердилась точка зрения, согласно которой значения составных компонентов взаимозависимы и значение всего словосочетания доминирует над лексическим значением составных компонентов.

Сами лексемы со значением направленного зрения считаются сложными, то есть обладающими несколькими семантическими составляющими. Мы полагаем, что структуру сложного лексического значения ‘направленный процесс зрения и его признак’ можно разложить на следующие компоненты: инвариант значения, то есть ядерная семема (‘направленный процесс зрения’), и дополнительная семантическая составляющая, то есть подчиненная семема (‘качественный признак процесса зрения’).

Если инвариант значения может быть выражен «в чистом виде» лексемой *look*, то семантические составляющие находят двойное выражение — как в составе сложных в семантическом отношении лексем (*watch, glance,*

stare, gaze), так и внешними средствами, то есть подчиненными лексемами, входящими в состав словосочетания.

Отметим некоторые свойства словосочетаний со значением признака направленного зрения. Поскольку словосочетания состоят из двух членов, связанных между собой отношениями детерминации, то мы будем различать стержневой компонент, выраженный глагольной или субстантивной «лексемой зрения» [Худяков, 2005, с. 126; Bailey, 1982, с. 290]. Зависимый же компонент всегда будет выражать какой-то признак, присущий процессу направленного зрения. Следуя за М. М. Копыленко и другими лингвистами [Колчин и др., 1998, с. 110; Зализняк, 2004, с. 35; Brutt-Griffer, 2002, с. 97], мы допускаем известное отвлечение от формальных, грамматических характеристик. Иными словами, мы объединяем как не имеющие принципиального семантического различия такие, например, словосочетания: *to look angrily, to look in anger, an angry look, a look of anger*. Нетрудно заметить, что все эти четыре словосочетания имеют тождественные лексемы (и по нашему допущению — тождественное комплексное значение словосочетания), в то время как их структура различна [Turner, 1994, с. 98; Cruse, 1990, с. 401].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В нашу задачу входило сгруппировать несколько разных лексем, каждая из которых выражает направленный процесс зрения. Всякая группировка лексем по общему денотативному компоненту связана с проблемами синонимии и лексико-семантической группы. В этой статье мы не касались этих проблем, а сосредоточились на сочетаемости лексем. Нами принято допущение, что лексем, связанные общим денотативным компонентом значения, должны как-то проявить эту общность в тексте.

Здесь необходимо сделать некоторые терминологические уточнения. Как известно, сумма всех различных позиций слова относительно других элементов называется дистрибуцией. Для изучения закономерностей сочетаемости слов необходимо выбрать лишь вполне определенные дистрибуции, чтобы ограничить материал. Нами отобраны словосочетания, выражающие не только сам процесс зрения, но и его признак, причем процесс зрения выражен в одних случаях глаголом, а в других именем существительным. Таким образом, мы анализировали сочетаемость, то есть лексическую валентность некоторых отобранных лексем, каждая из которых выражает направленный процесс зрения.

Хотя мы не ставили целью дать полный компонентный анализ отобранных для анализа словосочетаний, все же предлагаемая ниже классификация является попыткой установления отдельных семантических

составляющих, присущих целому словосочетанию. Подробное иллюстративное описание этих составляющих в рамках намечаемой семантической классификации исчерпывает поставленную нами задачу.

В исследовании использовались методы наблюдения, сопоставления, описания и обобщения, методы семного анализа словарных дефиниций, методы компонентного анализа.

В качестве фактического материала исследования послужили оригинальные художественные произведения английских авторов, таких как J. Aldridge (*The Diplomat, Red Finn*), C. Conolly (*The Rock Pool*), D. Cusack (*Heatwave in Berlin*), Ch. Dickens (*The Adventures of Oliver Twist*), J. Galsworthy (*Beyond, The Forsyte Saga, The Country House*), G. Greene (*A Burn-Out Case*), D. H. Lawrence (*Collection of Short Stories*), K. Mansfield (*A Cup of Tea*), W. S. Maugham (*Complete Short Stories, The Painted Veil, The Razor's Edge, Up at The Villa*), El. Smith (*Ballerina*), M. Twain (*The Adventures of Tom Sawyer*), O. Wilde (*The Picture of Dorian Gray, Lord Arthur Savile's Crime*), M. Wilson (*Live with Lightning*).

Сплошная выборка была произведена на 8000 страницах текста из 24 произведений художественной литературы, где было описано 927 словосочетаний, включенных в рассматриваемые в данной статье группы. Описание семантических групп дано в порядке убывающей частотности появления в текстах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Группа I (словосочетания, выражающие различные отрицательные эмоции, связанные с направленным процессом зрения)

Описание семантических групп будет дано в порядке убывающей частотности появления в текстах. Начнем с группы I, куда входят словосочетания, выражающие различные отрицательные эмоции, связанные с направленным процессом зрения: плохое настроение, нервозность, недоверие, сомнение, недоброжелательность, ненависть, страх, презрение, жестокость и т. п.

Наибольшую частотность в этой группе мы наблюдаем у словосочетаний со стержневой лексемой *look* (глагольная или субстантивная).

Приведем иллюстративные примеры:

The Dutchman *looked* at him angrily, ... (W. S. Maugham. Complete Short Stories. Vol. II). — Голландец *сердито смотрел* на него, ...

He gave me *a dark, angry look*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories. Vol. I). — Он *посмотрел* на меня — *сердито, угрюмо*.

Dr. Nelson gave her *a sour look*. (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Доктор Нельсон *кисло посмотрел* на нее.

... said Sikes, *looking grimly* at Oliver. (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — ... сказал Сайкс, *мрачно глядя* на Оливера.

He *looked dejectedly* round, and slunk away. (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Он *уныло оглянулся* и побрел прочь.

Val *looked* at him *maliciously* from under his lashes. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part II). — Вэл *злобно посмотрел* на него из-под опущенных ресниц.

She *looked* round *wildly* and said ... (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — Она *дико оглянулась* и сказала ...

The doctor *looked cunningly* at Mac Gregor. (J. Aldridge. The Diplomat). — Доктор *лукаво покосился* на Мак-Грегора.

Fox *looked* at him *with distrust*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Фокс *посмотрел* на него *с недоверием*.

Следующим стержневым компонентом словосочетаний группы I является лексема *glance* (n и v). *Glance* передает идею направленного зрения только одним из своих значений — «быстро посмотреть на что-либо; посмотреть бегло, поспешно, кратковременно...» [Oxford ..., 2006].

Данное определение значения *glance* (v) не учитывает все семантические составляющие этой лексемы. Наш материал показывает, что лексема *glance* весьма употребительна в словосочетаниях группы I.

Например:

Thomas, very red and flustered, *glanced irritably* back at them, but said nothing. (D. H. Lawrence. Collection of Short Stories, Vol. I). — Томас, очень красный и растерянный, *раздраженно оглянулся* на них, но ничего не сказал.

Elliott threw a *venomous glance* at the jovial marquess. (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Эллиот бросил на веселого маркиза *испепеляющий взгляд*.

The man stopped and threw Grey a *furious glance*. (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Мужчина остановился и бросил на Грея *яростный взгляд*.

Heinrich commanded ... *casting an anguished glance* at the stony form of Lina. (El. Smith. Ballerina). — Генрих скомандовал... бросив *мучительный взгляд* на каменную фигуру Лины.

She caught Stephen's *anxious glance* in The driving mirror. (D. Cusack. Heatwave in Berlin). — Она поймала *тревожный взгляд* Стивена в водителемском зеркале.

Интересен случай обособления наречия:

He *glanced* up again, *coldly*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Он снова *холодно взглянул* на него.

Добавим еще примеры на «обычную», то есть контактную форму словосочетания:

The Jew *glanced contemptuously* at the pale face of his associate. (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Еврей *презрительно взглянул* на бледное лицо своего соратника.

Tony *glanced restlessly* at his wristwatch. (M. Wilson. Live with Lightning). — Тони *беспокойно взглянул* на свои наручные часы.

He *glanced up reproachfully*. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part III). — Он *укоризненно взглянул*.

Essex *glanced slyly* at both of them. (J. Aldridge. The Diplomat). — Эссекс *лукаво посмотрел* на них обоих.

He *glanced wildly* around. (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Он *дико огляделся* вокруг.

Интересен случай разрыва устойчивого словосочетания с глаголом широкой семантики *to give*:

He gave the clothes they were wearing a *disparaging glance*. (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Он окинул *пренебрежительным взглядом* одежду, в которой они были одеты.

Значительно реже встречаются словосочетания типа *a glance of N*:

Two or three men threw him a *glance of hatred* and one spat on the ground. (W.S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Двое или трое мужчин бросили на него *взгляды с ненавистью*, а один плюнул на землю.

He knew better, when he caught Tony's *glance of hurt resentment* at Lilly. (M. Wilson. Live with Lightning). — Он знал лучше, когда поймал *обиженный взгляд* Тони на Лилли.

Suddenly, avoiding her *wrathful glance*, he came ... (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Внезапно, избегая ее *гневного взгляда*, он подошел ...

Приведенные примеры позволяют с уверенностью выделить в лексеме *glance* семантическую составляющую «отрицательные эмоции».

В словосочетания со значением «отрицательные эмоции зрительного процесса» входит также *stare* (v, n). Особенность лексемы *stare* охарактеризована так «пристальный и прямой взгляд, иногда с оттенком любопытства, удивления, наглости или праздности» (Вебстер). Приведем несколько примеров:

He *stared* at The telephone angrily... (M. Wilson. Live with Lightning). — Он *сердито посмотрел* на телефон ...

Paulina *stared* at him *apprehensively*. (El. Smith. Ballerina). — Полина *с опаской посмотрела* на него.

He had *stared disquietly* into the fire. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — Он *с тревогой смотрел* на огонь.

He *stared haggardly* at Winton. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — Он *измученно посмотрел* на Уинтона.

Gyp *stared aghast*. He *stared* at Evie's pages with *consternation*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. II). — Джип *ошеломленно уставилась* на него. Он *с ужасом смотрел* на страницы Иви.

All these slumbering faces would... turn their heads *to stare* at him with *hate and fear*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Все эти дремлющие лица... поворачивали головы и *смотрели* на него *с ненавистью и страхом*.

The school *stared in perplexity* at this incredible folly. (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer). — В школе *с недоумением смотрели* на эту невероятную глупость.

Then ... he *stared* at The wall with *The stony stare* of suffering (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer). — Затем он ... *уставился* на стену *каменным взглядом* страдания

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие словосочетаний с существительным *stare*, особенно в сравнении с *glance* (v) и *look* (n).

Следующим по употребительности является глагол *to watch*: 57 случаев употребления, то есть 6,9 % от всех словосочетаний. Структурное своеобразие этого глагола очевидно, он является переходным в отличие от *look* (v), *glance* (v), *stare* (v).

Кроме того, субстантивная лексема *watch* со значением зрительного процесса встречается сравнительно редко, преимущественно в устойчивых словосочетаниях, например, *to keep watch* — наблюдать, *to be on the watch* — быть наготове, поджидать [The Oxford Dictionary ..., 2001]. Толковые словари подчеркивают пристальный, наблюдательный взгляд в значении глагольной лексемы [Апресян, 2000; Колесов, 2004, с. 109]. Следует отметить, что этот глагол также образует словосочетания со значением 'отрицательные эмоции зрительного процесса'. Приведем примеры:

He *watched her angrily*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Он *сердито смотрел* на нее.

Oliver, who *watched* The old lady *anxiously* (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Оливер, *с тревогой наблюдавший* за старушкой

He remembered *with what callousness he had watched* her. (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Он вспомнил, с каким *бессердечием смотрел* на нее.

He waited for a moment, ... *watching her with a strange feeling of detachment*. (El. Smith. Ballerina). — Он подождал мгновение ... *наблюдая* за ней *со странным чувством отстраненности*.

Old Jolyon *watched* The new intimacy *with relief and disapproval* (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — Старый Джолион *наблюдал* за ее новой дружбой *с чувством облегчения и с неудовольствием*

Watched ... him gravely for a moment. (M. Wilson. Live with Lightning). — С минуту *смотрел* на него *серьезно*.

Watching her face with idle malice, he saw it change (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — *Глядя на ее лицо с праздною злобой, он увидел, как оно изменилось...*

Isabel, her hands clenched, *watched him with impatience.* (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Изабель, сжав руки, *с нетерпением смотрела* на него.

Любопытен следующий пример, где второе обстоятельство образа действия уточняет и дополняет первое *warily*:

He *watched* the detective *warily*, but with an expression ... of amiable unconcern. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. II). — Он *смотрел* на сыщика *настороженно*, но с выражением ... любезного равнодушия.

Несомненно, что семантическая составляющая «отрицательные эмоции» входит в структуру значения глагольной лексемы *watch*.

3.2. Группа II (словосочетания, выражающие внимательность, осмысленность, устойчивость, удивление, любопытство, изумление, характерные для направленного взгляда)

Следующей (II) семантической группой словосочетаний, которую удалось выделить, является группа с условным названием «Внимание». Словосочетания этого рода выражают внимательность, осмысленность, устойчивость, удивление, любопытство, изумление, характерные для направленного взгляда.

В семантическую группу «Внимание» в качестве стержневого компонента могут входить лексемы *watch, look, gaze, stare*. Наибольшую частотность в словосочетаниях проявил глагол *to watch*: 102 случая, то есть 12 % всех словосочетаний.

Приведем несколько характерных примеров:

He had been *watching* her *attentively* as she spoke. (M. Wilson. Live with Lightning). — Пока она говорила, он *внимательно наблюдал* за ней.

He was *watching* her *closely*. (D. H. Lawrence. Collection of Short Stories, Vol. I). — Он *внимательно наблюдал* за ней.

Erik *watched* him with *fascination*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Эрик *наблюдал* за ним *с восхищением*.

She was *watching* Fabermacher with that *fixed steadfast expression*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Она *смотрела* на Фабермахера с таким же *неподвижным выражением лица*.

He *watched* him *intently* after he had spoken (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Он *внимательно наблюдал* за ним после того, как он сказал.

Lord A. Savile *had been watching* Mr. Podgers *with a great deal of interest*. (O. Wilde. O. Wilde. Lord Arthur Savile's Crime). — Лорд А. Сэвил *с большим интересом наблюдал* за мистером Поджерсом.

He came down *to watch with secret pride* The building of the house. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part II). — Он спустился вниз, чтобы *с тайной гордостью наблюдать* за строительством дома.

Marjorie *watched her wide-eyed*. (D. H. Lawrence. Collection of Short Stories, Vol. I). — Марджори *смотрела* на нее *широко раскрытыми глазами*.

Следующей по частотности во II группе является лексема *look*: 50 примеров, то есть 6 % всех словосочетаний. Приведем несколько примеров:

Hugo *carefully looked down*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Хьюго *осторожно посмотрел вниз*.

She *looked carefully* at this cautious unknown man (J. Aldridge. The Diplomat). — Она *внимательно посмотрела* на этого осторожного неизвестного человека

He ... *looked intently* at his questioner. (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Он ... *приспально посмотрел* на своего собеседника.

She ... *looked at him with faintly smiling curiosity*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Она ... *посмотрела на него с легкой улыбкой любопытства*.

The butler *was looking curiously* at him. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part I). — Дворецкий *с любопытством смотрел* на него.

She ... *cast upon him a look of intelligence* (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Она ... *бросила на него умный взгляд*

She *looked at him with meaning*. (C. Conolly. The Rock Pool). — Она *посмотрела на него со смыслом*.

Oliver *looked at Sikes in mute and timid wonder*. (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — Оливер *посмотрел на Сайкса с немым и робким удивлением*.

Fabermacher *looked at him with astonishment*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Фабермахер *посмотрел на него с удивлением*.

She gave him *a long searching look*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Она *одарила его долгим испытующим взглядом*.

Lena *tasted her pears and gave the butler a look of enquiry*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Лена *попробовала груши и вопрошательно взглянула на дворецкого*.

He gave bystanders that *look of strange comprehension*. (J. Galsworthy. The Country House). — Он *одарил прохожих взглядом странного понимания*.

Во II группу словосочетаний входит в качестве стержневого компонента также *gaze* (v и n). Эта лексема характеризует направленный взгляд чертами длительности, внимательности, подчас восхищения или удивления.

Приведем типичные примеры:

... he answered, *gazing at her in amazement*. (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — ... ответил он, *с изумлением глядя* на нее.

Joy paused on The threshold, *gazing with mounting astonishment on a scene ...*. (D. Cusack. Heatwave in Berlin). — Джой остановилась на пороге, *с растущим удивлением глядя* на сцену

... Rosemary inside the shop just *gazed in her dazzled, rather exotic way*. (K. Mansfield. A Cup of Tea). — ... Розмари окидывала лавку своим *слепящим, весьма экзотическим взглядом*.

The mother perceived her son *gazing enraptured* outside the Lion Wallace booth at The pictures of this famous lion. (D. H. Lawrence. Collection of Short Stories, Vol. I). — Мать увидела, как ее сын *с восторгом смотрит* за стендом Lion Wallace на фотографии этого знаменитого льва.

She *gazed at it fascinated ...*. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part III). — Она *зачарованно смотрела* на него

While he was idly, chatting R. *gazed at Ashendon with a singular fixity*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. II). — Пока он лениво болтал, Р. *смотрел* на Эшендона *с необычной неподвижностью*.

Fox lot his intelligent *gaze* play over Erik. (M. Wilson. Live with Lightning). — Фокс окинул Эрика своим *умным взглядом*.

He found himself at first *gazing at the portrait with a feeling of almost scientific interest*. (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Сначала он обнаружил, что *смотрит* на портрет *с чувством почти научного интереса*.

They ... fell to *gazing longingly* across The wide river (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer). — Они ... стали *с тоской смотреть* на широкую реку

He listened to me... *with a meditative, unblinking gaze ...*. (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Он слушал меня ... *с задумчивым, немигающим взглядом* ...

As she *gazed at him, puzzled ...*. (El. Smith. Ballerina). — Она *озадаченно смотрела* на него

He *gazed at her reflectively ...*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Он *задумчиво посмотрел* на нее

His son and daughter *gazed at him solemnly*. (J. Galsworthy. The Forsyte Saga, Part III). — Его сын и дочь *торжественно смотрели* на него.

Словосочетания с *gaze* (п и v) занимают следующее место по частотности во II семантической группе: 39 случаев употребления, то есть 4,7 % всех словосочетаний.

Во II семантическую группу словосочетаний также входит лексема *stare* (v и n).

Приведем несколько характерных примеров на словосочетания II группы:

Fiorsen *stared fixedly* at that perfectly shaped face (J. Galsworthy. Beyond). — Фьорсен пристально смотрел на это идеальное лицо...

The headman stayed for quite a long while *staring* at him *thoughtfully*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. I). — Староста долго стоял, задумчиво глядя на него.

Inside The tent, a row of faces *stared* at her *enquiringly*. (El. Smith. Ballerina). — Внутри палатки несколько лиц *вопросительно уставились* на нее.

She looked up quickly, evidently taken aback to see a stranger and gave my companion *an enquiring stare*. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. I). — Она быстро подняла глаза, очевидно, опешив, увидев незнакомца, и *вопросительно взглянула* на моего спутника.

Edna sat in an old armchair, *staring pensively* out of wise, tired eyes. (M. Wilson. Live with Lightning). — Эдна сидела в старом кресле, *задумчиво глядя* мудрыми, усталыми глазами.

He gave me *a long, reflective stare* before he went on. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. I). — Прежде чем продолжить, он *посмотрел* на меня *долгим задумчивым взглядом*.

The people ... *stared knowingly* at the old Russian clasping his hands. (J. Aldridge. Red Finn). — Народ ... *понимающе смотрел* на старого русского, сложив руки.

They continued to *stare* at him *meaningly*, but what the meaning was he had no notion. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. II). — Они продолжали *многозначительно смотреть* на него, но что это было за значение, он понятия не имел.

He wordlessly *stared* after Fabermacher as he left. (M. Wilson. Live with Lightning). — Он *молча смотрел* вслед Фабермахеру, когда тот уходил.

He *stared* at her *in silence* (El. Smith. Ballerina). — Он *молча смотрел* на нее...

... brown people ... *stared silently* as the white men passed. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. I). — ... смуглые люди ... *молча смотрели*, как проходят белые люди.

And Paul... *stared* at his mother *solemnly patiently* (El. Smith. Ballerina). — А Поль ... *торжественно и терпеливо смотрел* на мать

Mrs. Bradley gave her a *scrutinizing stare* (W. S. Maugham. The Razor's Edge). — Миссис Брэдли *пристально посмотрела* на нее

Словосочетания II группы со стержневым словом *stare* менее частотны: 32 случая абсолютного употребления, то есть 3,9 % всех словосочетаний.

3.3. Группа III (словосочетания, выражающие активность, быстроту, краткость, скрытность короткого взгляда)

Третьей семантической группой можно считать «активность, быстроту, краткость, скрытность короткого взгляда, присущие направленному процессу зрения». Словосочетания этой группы образуются без участия лексем *stare, gaze, watch*. Наиболее частотными являются словосочетания с глаголом и существительным *glance*: 60 случаев, 7,2 % всех словосочетаний. Приведем примеры:

He *glanced quickly* at his mother. (J. Galsworthy. The Country House). — Он *быстро взглянул* на мать.

His *quick glance* at Erik made her turn. (M. Wilson. Live with Lightning). — Его *быстрый взгляд* на Эрика заставил ее обернуться.

Любопытна сочетаемость в следующем примере, где глагол *to dart* как бы включается в ту же семантическую сферу:

His *quick glance* darted here and there (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. II). — Его *быстрый взгляд* метался туда и сюда

Fox *glanced* at him *sharply*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Фокс *пристально взглянул* на него.

Mr. Joyce shot *a sharp glance* at Robert Crosbie. (W. S. Maugham. Complete Short Stories, Vol. III). — Мистер Джойс бросил *острый взгляд* на Роберта Кросби.

Словосочетание *a sharp glance* сочетается в свою очередь с глаголом тождественной семантической сферы.

Другие словосочетания:

She *glanced* ever so *furtively* at Tom. (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer). — Она *украдкой взглянула* на Тома.

Presently The boy began to steal *furtive glances* at the girl. (M. Twain. The Adventures of Tom Sawyer). — Вскоре мальчик начал *украдкой поглядывать* на девушку.

He ... *glanced hurriedly* into its polished depths. (O. Wilde. The Picture of Dorian Gray). — Он ... *торопливо заглянул* в ее полированную глубину.

For one brief moment, Oliver cast *a hurried glance* along The empty street (Ch. Dickens. The Adventures of Oliver Twist). — На одно короткое мгновение Оливер *торопливо окинул взглядом* пустую улицу

Essex knew what he was doing, and he *glanced occasionally* at Molotov. (J. Aldridge. The Diplomat). — Эссекс знал, что делает, и *время от времени поглядывал* на Молотова.

But the night clerk *glanced* at her only *casually*. (M. Wilson. Live with Lightning). — Но ночной портье *взглянул* на нее лишь *мимоходом*.

Заметим, что субстантивная лексема *glance* проявляет, как и в других семантических группах, высокую активность в сочетаемости.

Для III семантической группы весьма характерно и слово *look* (v и n) в качестве стержневого компонента словосочетания. Ограничимся лишь несколькими типичными примерами:

Erik looked up at her swiftly. (M. Wilson. *Live with Lightning*). — Эрик *быстро посмотрел* на нее.

He looked up quickly at Querry and away again. (G. Greene. *A Burn-Out Case*). — Он *быстро посмотрел* на Куэрри и снова отвел взгляд.

The countryman looked hastily round, when he reached this point. (Ch. Dickens. *The Adventures of Oliver Twist*). — Дойдя до этого места, крестьянин *поспешно огляделся*.

Очевидно, что сочетаемость *look* (v и n) несколько уже в пределах III семантической группы: 42 случая, то есть 5 % всех словосочетаний. Это, по-видимому, связано с ярко выраженной специализацией значения у *glance*, занявшего здесь доминирующее положение. Н. А. Шехтман, исследовавший сочетаемость прилагательных и наречий, объединенных значением ‘скорость’, также установил факт широкой сочетаемости *look* и *glance* со словами данной семантической группы [Шехтман, 2014, с. 79].

4. Заключение = Conclusions

Количественные итоги распределения словосочетаний видны из таблицы:

Лексема	Семантическая группа			Всего
	I	II	III	
look	220	50	42	312
glance	135	—	60	195
watch	57	102	—	159
stare	90	32	—	122
gaze	—	39	—	39

В предпринятой нами попытке дать семантическую классификацию словосочетаний мы исходили из того факта, что каждое словосочетание обладает сложной структурой значения [Будагов, 2004, с. 394; Потылицына, 2004, с. 100]. В этой структуре мы смогли заметить так называемую «ядерную семему» и «подчиненную семему» (семантическую составляющую). Под ядерной семемой мы понимаем обобщенный смысловой признак, лежащий в основе группы «лексем зрения», то есть идею направленного процесса зрения [Косицына, 2002, с. 49]. Подчиненная семема была выражена

как дополнительными (зависимыми) компонентами словосочетания, так и стержневой лексемой, если последняя имеет сложное значение. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой все «лексемы зрения», кроме *look*, то есть в нашем материале *glance, stare, gaze, watch*, имеют сложную структуру значения. Эту структуру можно разложить на ядерную и подчиненную семемы, то есть провести семантическое развертывание [Сильницкий, 1988, с. 92]. Однако эта процедура выходит за рамки настоящей статьи. Конечным итогом данной статьи можно считать предварительное выделение в словосочетаниях некоторых подчиненных семем (семантических составляющих).

На более широком материале, чем в настоящей статье, мы убедились, что этих семем фактически существует больше, чем приведено в нашем материале, хотя важнейшие нами, описаны. В перспективе мы считаем возможным также принять за элементарные подчиненные семемы и более мелкие единицы, особенно в семантической группе «Отрицательные эмоции».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of The authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Структура словарной статьи словаря / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — Москва-Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2000. — 1488 с. — ISBN 5-94457-159-4.
2. *Будагов Р. А.* Сравнительно-семиологические исследования. Романские языки / Р. А. Будагов. — Москва : Добросвет, 2004. — 416 с. — ISBN 5-94119-019-0.
3. *Зализняк А. А.* Феномен многозначности и способы его описания / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. — 2004. — № 2. — С. 20—43.
4. *Колесов И. Ю.* Зрительное восприятие : семантические предпочтения в английском и русском языках / И. Ю. Колесов // Вестник Новосибирский государственный университет. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — Т. 2. — Выпуск 1. — С. 97—102.
5. *Колчин С. А.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / С. А. Колчин, М. М. Копыленко, А. П. Бабушкин // Филологические науки. — 1998. — № 2. — С. 109—114.
6. *Косицына Е. Ф.* Семантические валентности глаголов зрения и способы их выражения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Ф. Косицына. — Москва, 2002. — 160 с.
7. *Потылицына Н. В.* Явления омонимии как одно из функциональных свойств языка (на материале современного английского языка) / Н. В. Потылицына // Семантика,

функция и грамматические категории лексических единиц : межвуз. сб. науч. тр. — Петиторск : Изд-во ПГЛУ, 2004. — С. 99—103. — ISBN 5-89966-418-5.

8. *Сильницкий Г. Г.* Семантика английского глагола в соотношении с признаками различных языковых уровней / Г. Г. Сильницкий // Смоленский государственный педагогический институт им. Карла Маркса. — Смоленск : СГПИ, 1988. — 128 с.

9. *Худяков А. А.* Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. — Москва : Академия, 2005. — 256 с. — ISBN 5769561459.

10. *Шехтман Н. А.* От повествования к гипертексту и нарративу : монография / Н. А. Шехтман. — Оренбург : ОГПУ, 2014. — 148 с. — ISBN 978-5-85859-570-0.

11. *Bailey R. W.* English as a World Language / R. W. Bailey, M. Gollach. — Ann Arbor : University of Michigan Press, 1982. — 496 p.

12. *Brutt-Griffer J.* World English. A Study of its Development / J. Brutt-Griffer. — UK : Multilingual Matters Ltd., 2002. — 215 p.

13. *Cruse D. A.* Prototype Theory and Lexical Semantics / D. A. Cruse // Meaning and Prototypes : Studies in Linguistic Categorization. — Abingdon : Routledge, 1990. — Pp. 382—402.

14. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* / A. S. Hornby ; Chief ed. Sally Wehmeier. — 7th ed. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 1780 p. — ISBN 9780194316514.

15. *The Oxford Dictionary of The English Language* — Оксфордский толковый словарь английского языка. — Москва : Астрель ; ACT, 2001. — 832 с. — ISBN 5-17-004550-6.

16. *Turner M.* Design for a theory of meaning / M. Turner // The nature and ontogenesis of meaning. — Erlbaum : Lawrence Erlbaum, 1994. — Pp. 91—107.

*Статья поступила в редакцию 08.06.2024,
одобрена после рецензирования 21.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

References

- Apresyan, Yu. D. (2000). The structure of the dictionary entry. In: *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow-Vienna: Languages of Slavic culture: The Vienna Slavistic Almanac. 1488 p. ISBN 5-94457-159-4. (In Russ.).
- Bailey, R. W., Gollach, M. (1982). *English as a World Language*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 496 p.
- Brutt-Griffer, J. (2002). *World English. A Study of its Development*. UK: Multilingual Matters Ltd. 215 p.
- Budagov, R. A. (2004). *Comparative semasiological studies. Romance languages*. Moscow: Dobrosvet. 416 p. ISBN 5-94119-019-0. (In Russ.).
- Cruse, D. A. (1990). Prototype Theory and Lexical Semantics. In: *Meaning and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization*. Abingdon: Routledge. 382—402.
- Khudyakov, A. A. (2005). *Theoretical grammar of the English language*. Moscow: Publishing Center "Academy". 256 p. ISBN 5769561459. (In Russ.).
- Kolchin, S. A., Kopylenko, M. M., Babushkin, A. P. (1998). Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language. *Philological sciences*, 2: 109—114. (In Russ.).
- Kolesov, I. Y. (2004). Visual perception: semantic preferences in English and Russian languages. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2 (1): 97—102. (In Russ.).

- Kositsyna, E. F. (2002). *Semantic valences of verbs of vision and ways of their expression*. PhD Diss. Moscow. 160 p. (In Russ.).
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 7th ed.* (2006). Oxford: Oxford University Press. 1780 p. ISBN 9780194316514.
- Potylitsyna, N. V. (2004). Phenomena of homonymy as one of the functional properties of language (based on the material of modern English). In: *Semantics, function and grammatical categories of lexical units: interuniversity collection of scientific tr.* Pyatigorsk: Publishing House of PGLU. 99—103. ISBN 5-89966-418-5. (In Russ.).
- Shekhtman, N. A. (2014). *From narration to hypertext and narrative: monograph*. Orenburg: OGPU. 148 p. ISBN 978-5-85859-570-0. (In Russ.).
- Silnitsky, G. G. (1988). Semantics of the English verb in relation to the signs of various language levels. In: *Smolensk State Pedagogical Institute named after Karl Marx*. Smolensk: SGPI. 128 p. (In Russ.).
- The Oxford Dictionary of the English Language — The Oxford Explanatory Dictionary of the English Language.* (2001). Moscow: Astrel; AST. 832 p. ISBN 5-17-004550-6. (In Russ.).
- Turner, M. (1994). Design for a theory of meaning. In: *The nature and ontogenesis of meaning*. Erlbaum: Lawrence Erlbaum. 91—107.
- Zaliznyak, A. A. (2004). The phenomenon of ambiguity and ways of its description. *Questions of linguistics, 2*: 20—43. (In Russ.).

*The article was submitted 08.06.2024;
approved after reviewing 21.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Богоявленская Ю. В. Лингвокультурный типаж «филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка / Ю. В. Богоявленская, Ли Тяньин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 43—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-43-59.

Bogoyavlenskaya, Yu. V., Li Tianying. (2024). Linguistic-Cultural Stereotype 'Philologist' in Individual Consciousness of Chinese Speakers. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 43-59. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-43-59. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвокультурный типаж «филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка

Богоявленская Юлия Валерьевна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4500-1491

доктор филологических наук, доцент,

¹кафедра лингвистики
и профессиональной коммуникации

на иностранных языках;

²кафедра немецкого и
французского языков,

**корреспондирующий автор*

jvbog@yandex.ru

Ли Тяньин¹

orcid.org/0000-0002-5854-791X

аспирант кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации

на иностранных языках

980562198@qq.com

¹Уральский федеральный университет

имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

²Петрозаводский

государственный университет

(Петрозаводск, Россия)

Linguistic-Cultural Stereotype 'Philologist' in Individual Consciousness of Chinese Speakers

Yulia V. Bogoyavlenskaya^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4500-1491

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹Department of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages;

²Department of German
and French languages,

**corresponding author*

jvbog@yandex.ru

Li Tianying¹

orcid.org/0000-0002-5854-791X

post-graduate student,

Department of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages

980562198@qq.com

¹Ural Federal University

named after the first President

of Russia B. N. Yeltsin

(Yekaterinburg, Russia)

²Petrozavodsk State University

(Petrozavodsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена моделированию лингвокультурного типажа «филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка. Процедура моделирования, принятая в исследовании, включает установление конститутивных признаков профессионального типажа, выявление его образных и ценностных признаков. В качестве материала использовались лексикографические данные, материалы, полученные в ходе социолингвистического эксперимента, фотодокументы. Анализ позволяет заключить, что носителями китайской лингвокультуры данный типаж осмысливается значительно шире, чем толкуется в словарях. Сфера деятельности китайского филолога выходит за пределы науки, уступая место преподавательской работе, а также связывается с кругом специальностей, требующих эрудиции или знания языков. Установлено, что в индивидуальном сознании китайцев филология практически полностью ассоциируется с лингвистикой. Типичный филолог — человек, получивший специальное образование и обладающий глубокими познаниями в области языков и литературы. Его отличает богатая внутренняя культура, эрудиция, ум, скромность, самодисциплина, работоспособность, открытость, духовность, стремление к познанию истины, грамотная и красивая речь, почитание традиций, здоровый образ жизни, ориентация на духовные, а не материальные ценности. Выявлено, что оценочная составляющая типажа отличается аксиологической полярностью со значительным перевесом в сторону положительных характеристик.

Ключевые слова:

лингвокультурный типаж; лингвокультура; китайский язык; индивидуальное сознание; филология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to modeling the linguistic-cultural stereotype 'philologist' in the individual consciousness of Chinese language speakers. The modeling procedure adopted in the study involves identifying the constitutive features of the professional stereotype, elucidating its figurative and valuable characteristics. Lexicographic data, materials obtained during sociolinguistic experiments, and photo documents were utilized as the primary sources. The analysis leads to the conclusion that within the Chinese linguistic-cultural context, this stereotype is interpreted much more broadly by individuals than defined in dictionaries. The sphere of activities of a Chinese philologist extends beyond the realm of science, making room for teaching activities, as well as affiliations with disciplines requiring erudition or language knowledge. It is established that in the individual consciousness of the Chinese, philology is almost entirely associated with linguistics. A typical philologist is a person who has received specialized education and possesses profound knowledge in the fields of languages and literature. They are characterized by rich inner culture, erudition, intellect, modesty, self-discipline, industriousness, openness, spirituality, pursuit of truth, articulate and elegant speech, respect for traditions, a healthy lifestyle, orientation towards spiritual rather than material values. The evaluative component of the stereotype exhibits axiological polarity with a significant bias towards positive traits.

Key words:

linguistic-cultural stereotype; linguistic culture; Chinese language; individual consciousness; philology.

УДК 811.581'23

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-43-59

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Лингвокультурный типаж «филолог» в индивидуальном сознании носителей китайского языка

© Бोगоявленская Ю. В., Ли Тяньин, 2024

1. Введение = Introduction

Одним из наиболее актуальных направлений антропологической лингвистики является теория лингвокультурного типажа (далее ЛКТ), предложенная В. И. Карасиком и развитая в трудах его учеников и последователей. При данном подходе ЛКТ рассматривается как «обобщенный тип личности, выделяемой по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического общества, проявляющий определенные речеповеденческие характеристики и узнаваемый носителями конкретной этно- или социокультуры по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2005, с. 25]. Таким образом, теория лингвокультурных типажей сосредоточена на описании и моделировании концептов типизированной личности в той или иной лингвокультуре. Теоретическая ценность изучения ЛКТ видится исследователям «в объяснении культурно-значимых смыслов, составляющих специфику национально-культурного мировидения» [Карасик, 2007, с. 89].

К настоящему времени описание получили более ста ЛКТ: «британская королева» [Мурзинова, 2009], «школьная учительница» [Попова, 2011], «человек богемы» [Дубровская, 2016], «плут» [Бушуева, 2019], «чиновник» [Анохина и др., 2020], «студент» [Жаркынбекова и др., 2021], «учитель» [Пономарева, 2023] и т. д. По нашим данным, на материале китайского языка были предприняты попытки моделирования только пяти ЛКТ, четыре из которых являются профессиональными: «китайский врачеватель» [Рощина, 2011], «блогер» [Богатых и др., 2019], «китайский купец» [Чжан Цзин, 2022], «учитель» [Ма Лия, 2024], а также ЛКТ «лаовай» [Ян Ли, 2024].

Научная новизна работы заключается в обращении к ранее не становившемуся предметом специального лингвокультурного описания типу

«филолог». Впервые устанавливаются конститутивные признаки данного профессионального типажа, исследуются его образные и ценностные признаки в индивидуальном сознании носителей китайской лингвокультуры.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: прежде всего, активным развитием теории лингвокультурных типажей, а также интересом к филологу как к представителю современного общества, в котором наука и образование представляют особую ценность. Важным и, на наш взгляд, своевременным представляется обращение к китайской лингвокультуре в связи с установлением стратегического партнерства между Россией и Китаем. Кроме того, по данным Министерства науки и высшего образования, китайские студенты, обучающиеся в России по квоте, выбирают прежде всего именно филологию [За прошедший год ..., 2022]. Выявление специфики данного профессионального типажа позволит понять некоторые значимые особенности китайского менталитета, коммуникативного поведения представителей китайского социума и, как справедливо утверждает Ма Лия, может способствовать оптимизации межкультурной коммуникации [Ма Лия, 2024, с. 54].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовательском отношении ЛКТ представляет собой абстрактное ментальное образование, разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность.

Целью статьи является моделирование профессионального лингвокультурного типажа «филолог» на базе его понятийных, образных и оценочных характеристик, актуализированных в индивидуальном сознании носителей китайского языка.

Методологической базой исследования стали работы лингвистов, направленные на изучение образов представителей культуры, поведение которых воплощает в себе ее нормы и ценности.

Систематизировав различные подходы к процедуре моделирования ЛКТ, выделим ее основные этапы:

- 1) анализ словарных дефиниций и ассоциативного расширения дефиниции «филолог» для выявления и интерпретации понятийной составляющей ЛКТ;
- 2) анализ образно-перцептивных признаков, в состав которых включаются «гендерная принадлежность», «возраст», «внешность», «сфера деятельности», «личностные качества», «особенности речи» и иные признаки;
- 3) выявление оценочных характеристик типажа.

Спецификой предлагаемого подхода является интеграция применяемых методов и приемов исследования: метода моделирования, анализа

словарных дефиниций, интерпретативного анализа, анкетирования, беседы, анализа фотодокументов, количественного подсчета.

В качестве материала использовались лексикографические данные (словари китайского языка разных типов и энциклопедии), материалы анкетирования 296 информантов и бесед, фотографии китайских филологов, обнаруженные в сети Интернет при помощи поисковой системы Google.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ понятийной составляющей ЛКТ «филолог»

В толковых словарях слово 语文学家 (*филолог*) (здесь и далее перевод наш. — Ю. Б., *Ли Тяньин*) отсутствует, его значение следует выводить, как и для других номинаций лиц по профессии, из двух компонентов: 语文学 (филология) и 家 (специалист, мастер, знаток). Последний компонент является интегральным семантическим компонентом (актуализатором), а первый — дифференцирующим компонентом семантики (модификатором), обозначающим сферу деятельности.

Иероглиф 家 (актуализатор) в словарях толкуется следующим образом: 掌握某种专门学识或从事某种专门活动的人 (человек, имеющий специализированные знания или занимающийся специализированной деятельностью) [СКСП, с. 706]; 掌握某种专业技能或知识, 并有一定知名度的人; 从事某种职业或具有某种身份的人 (человек, обладающий определенными профессиональными навыками или знаниями и имеющий определенную известность; человек, занимающийся определенной профессией или имеющий определенный авторитет) [КСС, с. 466]. Л. Лай, исследовавшая деривационную семантику наименований лиц, уточняет, что профессии, в название которых включается иероглиф 家, требуют образования и относятся к сфере интеллектуальной деятельности. Для обозначения других профессий (например, столяр, садовник, продавец), используются иные иероглифы [Лай Лулу, 2017, с. 258]. Данный компонент, таким образом, имеет следующую смысловую структуру: 1) человек; 2) имеющий специальное высшее образование; 3) работающий по специальности; 4) работающий в сфере интеллектуальной деятельности; 5) признанный специалист.

Модификатор, обозначающий профессиональную область, имеет в ССКЯ и КСС два значения: 1. 语言和文字 (язык и текст); 2. 语言和文学 (язык и литература) [ССКЯ, с. 1601; КСС, с. 1195]. СКСП дает одну, но более развернутую дефиницию: 偏重从文献和书面语的角度研究语言文字的学科。包括文字学、音韵学、训诂学、校勘学等。广义的语言学也包括语文学 (дисциплина, которая фокусируется на изучении языка и текста с точки зрения литературы и письменного языка. Включает иероглифику, фонологию, экзегезу, сопоставительные исследования и так далее. Линг-

вистика в широком смысле также включает в себя филологию) [СКСШ, с. 539]. Филология может трактоваться и с позиции принадлежности к научной парадигме: 指在19世纪的比较语言学和历史语言学范围内、通过比较不同的语言来揭示其共性的语言比较研究。在欧洲大陆、语文学指与文学作品、尤其是古希腊—罗马时代的文学作品有关的学术研究、也包括以文学文献为基础的文化研究 (В XIX веке относится к области сравнительно-исторического языкознания, которое занимается установлением степени родства между языками посредством их сравнения. В Европе филология занимается изучением литературных произведений, в основном написанных во времена Древней Греции и Рима, а также культурологическими исследованиями на основе литературных текстов) [ЭЛПЛ, с. 1665].

Поиск во фразеологических словарях единиц, объективирующих ЛКТ «филолог» в китайском языке, показал отсутствие идиом с этим компонентом. Анализ 12 словарей синонимов не дал результатов: ни в одном из них слово *филолог* не упоминается. Обращение к сервисам подбора слов (синонимайзеров) позволило выстроить ряд близких по значению лексических единиц, входящих в номинативное поле концепта: 语言学家, 文学史家, 修辞学家, 文学学者, 古典文学家, 文字学家 (лингвист, историк литературы, специалист по риторике, литературовед, специалист по классической литературе, специалист по иероглифике) [СПС1; СПС2].

Одним из ближайших синонимов слова 语文学家 (*филолог*) является 语言学家 (*лингвист*), отличающийся от него только одним иероглифом: 言 (язык, речь) вместо 文 (текст, письмо). Первая составляющая (модификатор) 语言学 имеет значение «лингвистика» и определяется в ССКЯ следующим образом: 研究语言的本质结构和发展规律的科学 (наука, изучающая строение и законы развития языка) [ССКЯ, с. 1601]. СКСШ дает более развернутое определение: 以人类语言为研究对象的科学。它的研究范围包括语言的结构、语言的运用、语言的社会功能和历史发展、以及其他与语言有关的问题 (наука, объектом исследования которой является человеческий язык. В сферу ее изучения входят строение, применение, социальная функция и историческое развитие языка, а также другие вопросы, связанные с языком) [СКСШ, с. 539]. Аналогичным образом лингвистика определяется и в ЭЛПЛ 指系统、科学地研究人类语言的一门学科。研究范围包括语言的产生、发展、结构、功能以及语言与人类社会的关 系等方面的问题 (дисциплина, систематично и научными методами изучающая язык, его происхождение, развитие, строение и применение, а также взаимодействие языка и общества) [ЭЛПЛ, с. 1708].

Уточнение соотношения сфер интересов этих двух близких научных дисциплин находим в «Китайской энциклопедии»: 语言学有广义狭义之分。狭义的语言学专指19世纪以来的语言研究和语言理论、广义的语言

学包括传统的语文学和一些交叉学科。语文学以研究古代文献和书面语为主、而现代语言学却以研究近代、现代语言和口语为、 兼顾其他方面 (Существует широкое и узкое понимание лингвистики. В узком смысле лингвистика занимается исключительно изучением языка и его теоретизацией (с XIX века). Лингвистика в широком смысле включает в себя традиционную филологию и некоторые междисциплинарные научные направления. Филология занимается изучением древних текстов и письменного языка, а современная лингвистика — изучением современных языков, языков Нового времени и разговорной речи, а также других аспектов) [КЭ].

Таким образом, филология входит в дисциплинарно-методологическую структуру лингвистики (в широком понимании) как одно из составляющих ее направлений.

На основании проанализированных дефиниций можно выделить следующие доминантные конститутивные признаки ЛКТ «филолог», актуальные для китайской лингвокультуры: 1) человек, получивший специальное филологическое образование; 2) занимающийся научной деятельностью; 3) занимающийся исследованием языка литературных произведений; 4) изучающий тексты на древнекитайском языке; 5) признанный специалист.

3.2. Образные и ценностные характеристики ЛКТ «филолог»: социолингвистический эксперимент

На следующем процедурном шаге моделирования необходимо проанализировать образно-перцептивные признаки типажа. Чтобы установить, существует ли данный ЛКТ в индивидуальном языковом сознании носителей китайского языка и каковы его наиболее частотные признаки, был проведен социолингвистический эксперимент. Это исследование было призвано проверить нашу гипотезу о том, что вне зависимости от возраста, пола, уровня образования носители китайской лингвокультуры способны описать изучаемый типаж и привести примеры реальных представителей данной профессии.

Подготовленная для эксперимента анкета включала два блока:

- 1) информация о респонденте: пол, возраст, уровень образования;
- 2) задания, направленные на выявление ассоциаций и значимых характеристик изучаемого типажа, а именно: ваша первая ассоциация со словом *филолог*; каким Вы представляете себе типичного филолога (возраст, пол, внешность, род деятельности, стиль жизни, предпочтения, интересы, место жительства и т. д.); черты и качества характера филолога; особенности речи; напишите фамилии известных филологов, которые первыми пришли в голову.

Опросник был создан на профессиональной платформе 问卷星 (Анкета Стар) [AS]. Ее заполнили 296 китайцев, из них 115 мужчин и 141 женщи-

на. Для получения более полного, объективного результата мы обратились к представителям разных возрастных групп (от 16 до 85 лет), имеющим разный уровень образования (среднее, высшее языковое и неязыковое).

Приведем наиболее частотные ответы: 语言 (язык) 31, 语言学 (лингвистика) 17, 研究语言 (исследование языка) 15, 专家 (специалист, эксперт) 14, 和语言有关的工作人员 (люди, работающие с языками) 11, 字典 (словари) 10, 翻译 (переводчик) 10, 大学教授 (профессор университета) 10, 字典的编纂者 (составители словарей) 9, 文本 (текст) 9, 研究者 (исследователь) 9, 大学老师 (преподаватели университета) 7, 方言 (диалекты) 6, 多个国家外语 (иностранные языки) 6, 外语 (иностраннный язык) 6, 我的语言学老师 (мой преподаватель по лингвистике) 6, 编写教材 (составление учебных материалов) 6, 哲学 (философия) 6, 咬文嚼字的人 («буквоеды») 6, 外语老师 (преподаватель иностранных языков) 6, 现代汉语 (современный китайский язык) 6, 批评家 (критик) 5, 文学 (литература) 5, 语言天赋 (талант к языкам) 5, 外交官 (дипломаты) 5, 教育工作者 (люди, работающие в сфере образования) 5.

Прежде всего, отметим, что те конститутивные признаки, которые были выделены при анализе лексикографических данных, в ответах информантов подтверждаются лишь отчасти.

Полученные реакции свидетельствуют о том, что изучаемый типаж осмысляется значительно шире, чем толкуется в словарях. Прежде всего, сфера деятельности филолога выходит за пределы научных изысканий, уступая место преподавательской работе, а также связывается с кругом специальностей, требующих эрудиции или знания языка (или языков), в том числе и иностранных: преподавание в высшей школе (34 реакции); наука (27 реакций); словарное дело (19 реакций); литературная деятельность, критика (19 реакций); перевод (10 реакций); философия (6 реакций), дипломатия (5 реакций), редакционная (3 реакции) и административная работа (2 реакции).

Следующий важный вывод: в индивидуальном сознании носителей китайского языка филология практически полностью ассоциируется с лингвистикой, причем, как мы выяснили, даже люди с высшим языковым образованием не усматривают различий в объекте исследования этих двух научных дисциплин.

Перейдем к анализу ассоциаций, связанных с возрастом, полом, внешностью и другими характеристиками типажа, для выявления образно-перцептивных компонентов ЛКТ «филолог», которые соотносятся и с его ценностным планом.

Возраст. При описании данного признака 56,8 % китайских респондентов не уточняют возрастные рамки профессии; 13,2 % представляют

себе взрослого человека не менее 30 лет, 22,6 % — не менее 50 лет; 7,4 % не ответили на вопрос.

Гендерная принадлежность. 59,4 % респондентов отмечают, что филологами могут быть представители как мужского, так и женского полов; 32,7 % считают эту профессию мужской; 7,7 % не ответили на вопрос.

Внешность. Характеризуя внешний облик типичного филолога, китайские респонденты чаще всего отмечают следующее: 衣着干净得体 (чисто и прилично одетый) 206, 戴眼镜 (носит очки) 178, 风格简单 (простой стиль в одежде) 145, 偏瘦 (худой) 155, 面容和蔼 (с добрым лицом) 83, 短发 (короткая стрижка) 76, 眼睛清澈明亮 (проницательный, ясный взгляд) 64, 喜欢衬衫 (любит носить рубашки) 60, 胡子 (бородка, усы) 52, 温暖 (согревающий теплом) 39, 微笑 (улыбка) 28.

Представитель данной профессии воспринимается в Китае как просто, но прилично одетый человек, следящий за своей внешностью. Очки придают ему вид высокообразованного и начитанного человека. Ясный и проницательный взгляд говорит о его уме, а худощавость — о правильном образе жизни. Китайцы считают, что его гардероб свидетельствует о том, что, как и другие ученые люди, он скромнен, так как самым ценным для него является богатство духовного мира. Он открыт людям, улыбчив, у него доброе лицо.

Вслед за Е. В. Бобыревой и О. А. Дмитриевой считаем, что для полного анализа ЛКТ возможно обращение к изображениям, доступным в сети Интернет [Бобырева и др., 2018, с. 33]. Анализ фотографий наиболее известных филологов, которые были упомянуты информантами в анкете, подтверждает приведенные выше ассоциации: это люди чаще всего пожилого возраста, с короткими волосами, в очках, с усами. У них открытые, дружелюбные лица, они часто смотрят в объектив чуть наклонив голову, что является проявлением интереса и внимания к собеседнику, с улыбкой на губах. Таким образом, некоторые выявленные выше ценностные компоненты (аккуратность, скромность, открытость, ум, духовность) получают подтверждение при анализе фотодокументов.

Местоожительство, происхождение и социальный статус оказались неотрефлексированы информантами, следовательно, их можно считать нерелевантными для китайской лингвокультуры.

Стиль жизни, предпочтения, интересы и другие характеристики. К наиболее частотным ответам относятся следующие: 读书 (читать книгу) 247, 生活平淡 (живет размеренно) 207, 喜欢安静 (любит тишину) 201, 生活规律 (жизнь по распорядку) 194, 熬夜 (поздно ложится спать) 83, 健康饮食 (здоровое питание) 75, 好奇心 (любопытность) 43, 冒险 (авантюрный дух) 22. Индивидуальные реакции: 语言学家像一个艺术家 (филолог

как художник);我认为他们喜欢音乐、因为音乐和语言有很多相似之处(Я думаю, им нравится музыка, потому что между музыкой и языком есть много общего);喜欢独处、享受一个人的世界(филологи любят быть одни и в одиночестве наслаждаться миром).

В обыденном сознании образ филолога связывается с любовью к книгам, к тишине, которая позволяет лучше сконцентрироваться на чтении и работе. По словам китайских информантов, распорядок обеспечивает необходимый уровень энергии, которая нужна филологу для исследований и для того, чтобы служить хорошим примером для студентов. Следование правилам здорового питания и размеренный образ жизни говорят о высокой самодисциплине, которая рассматривается как ценное качество личности. К тому же в Китае убеждены в том, что забота о здоровье и глубокие знания способствуют долголетию.

Следующим заданием было описание **черт и качеств характера** представителя филологической профессии. Респонденты дали следующие ассоциации: 博学 (эрудированный) 245, 严谨 (аккуратный) 195, 传统 (традиция) 190, 谦虚 (скромный) 165, 绅士 (порядочный и культурный человек) 177, 实事求是 (поиск истины на основе фактов) 143, 工作狂 (трудоголик), 132 逻辑 (логика) 122, 严肃 (серьезный) 109, 勤奋 (старательный) 109, 有原则的 (принципиальный) 106, 可靠 (заслуживающий доверия) 106, 较真 (слишком серьезный) 105, 固执 (упрямый) 101, 聪明 (умный) 96, 细心 (наблюдательный) 89, 坚持 (настойчивый) 88, 精力充沛 (энергичный) 85, 冷漠 (холодный) 83, 强势 (сильный) 79, 勇敢 (смелый) 53, 敏感的 (чуткий) 37.

Филолог в представлении носителей китайской лингвокультуры очень умен и обладает всеми теми качествами, которые необходимы преподавателю и исследователю: эрудированность, высокая работоспособность, способность к анализу, ответственность, объективность, требовательность к себе, любознательность и стремление к установлению истины. Заметим, что при этом данный типаж скромен и, как отметили более половины респондентов, чтит традиции, которые, впрочем, являются важной частью жизни любого жителя Китая. Все перечисленные качества оцениваются сугубо положительно. Единственной отрицательной характеристикой является отмеченная 28 % респондентов холодность, которая связывается со стремлением оставаться в своей работе объективным и непродвзятым.

Перейдем к анализу **характеристик речи**. Любопытно, что опрошенные дали очень подробные описания особенностей произношения, лексического и грамматического оформления речи, а также речевого поведения типичного филолога.

Фонетика: 发音清晰 (четкое произношение) 96; 发音标准 (правильное произношение) 83; 声音不大但是很有力量 (голос не громкий, но силь-

ный) 79;感情丰富 (экспрессивный) 65;语气独特而充满个性 / 每一个字、每一个音节都带着他独特的韵律和节奏 (интонация уникальна и полна индивидуальности / каждое слово и слог имеют свой неповторимый ритм и темп) 52;非常注意语音语调的细节 (большое внимание к деталям в интонации) 40.

Лексика:用词精准 (точное употребление слов) 158;表达清晰 (ясно выражается) 158;用词专业 (использование специальной лексики) 101;复杂的词 (сложные слова) 99;词汇量丰富 (богатый словарный запас) 87;不使用网络词语 (не использует интернет-сленг) 87;术语 (терминология) 67;掌握很多方言 (владеет многими диалектами) 55;说我听不懂的词语, 古汉语 (часто употребляет мне непонятные слова, древнекитайский язык) 32.

Грамматика:复杂的语法 (сложная грамматика) 117;语法正确 (правильная грамматика) 101;语法表达丰富 (грамматически богатые выражения) 87;隐喻 (метафоры) 75;表达生动形象 (выражается живо и образно) 52;修辞 (стилистика) 47.

Речевое поведение:避免含糊的表达 (избегает расплывчатых выражений) 96;语速适中或者较慢 (скорость речи умеренная или медленная) 87;语言简短有力量 (говорит кратко, но точно) 71;不遮遮掩掩, 坦率真诚 (не лукавит, говорит открыто, искренне) 59;逻辑性和哲理性 (речь логичная и философская) 52;无论说什么人都让人信服 (все сказанное убедительно) 43;选择恰当的说话方式 (выбирает способ выражения мысли в зависимости от собеседника) 41;话很多 (многословный) 33;善于辩论或是诡辩 (умеет спорить и даже иногда занимается софистикой) 31;无聊的人 (скучный в общении человек) 31;固执 / 不听别人讲话 (упрямый / не слушающий других) 30;总能通过谈话得到自己想到的答案 / 或达到自己的目的 (всегда получают ответы на свои вопросы / достигают своих целей в ходе беседы) 27.

Итак, филолог говорит внятно, четко и выразительно, так, чтобы слушатели поняли его мысли, умеет вести беседу. Его речь лексически богата и грамматически разнообразна. Грамотное оформление речи, интонационная убедительность, владение терминологией и специальной лексикой говорят о том, что он является носителем элитарной речевой культуры и обладает высоким уровнем коммуникативной компетенции. Все эти ценные качества определяют профессиональное мастерство филолога-педагога.

В китайской национальной картине мира стереотипный образ филолога имеет, как было показано выше, сугубо положительные характеристики. Однако среди ассоциаций выделяется незначительное количество тех, которые несут отрицательную оценку (10 % респондентов):善于辩论或是诡辩 (умеет спорить и даже иногда занимается софистикой);无聊的人 (скучный в общении человек);固执 / 不听别人讲话 (упрямый / не слушающий других). Такое поведение связывается китайцами с убежден-

ностью филолога в своей точке зрения, которую он может отстаивать любой ценой, порой игнорируя позицию собеседника и жертвуя логикой, и не одобряется. Заиклившись на высоких материях, он может стать скучным в общении, потерять интерес к материальному миру, окружающей его реальности и людям.

Все опрошенные смогли привести по одному-два имени выдающихся, на их взгляд, филологов. Чаще всего приводились китайские персоналии: лингвист, переводчик, поэт 王力 (Ван Ли) 107; лингвист 赵元任 (Чжао Юаньжэнь) 77; писатели 莫言 (Мо Янь) 62, 鲁迅 (Лу Сюнь) 49, 余华 (Юй Хуа) 41, 老舍 (Ляо Шэ) 23; поэт времен династии Тан (VII век) 李白 (Ли Бай) 30; лингвист, палеограф, историк, переводчик 季羨林 (Цзи Сяньлин) 13; философ 胡适 (Ху Ши) 12; писатель, переводчик, теоретик литературы, лексикограф 梁实秋 (Лян Шицю) 9; китайский философ (XII век) 仓颉 (Канцзе) 6; лингвист, культуролог 邢福义 (Синь Фуэй) 6 и др. Отметим, что респондентами были также упомянуты лингвисты, языковеды, писатели, историки, имеющие мировую известность: 乔姆斯基 (Ноам Хомский) 95; 索绪尔 (Фердинанд де Соссюр) 81; 拉波夫 (Уильям Лабов) 33; 洪堡特 (Вильгельм фон Гумбольдт) 26; 霍盖特 (Чарльз Хоккет) 23; 布龙菲尔德 (Леонард Блумфилд) 16; 海明威 (Эрнест Хемингуэй) 11; 韩礼德 (Майкл Халлидей) 9; 摩尔根 (Льюис Морган) 7; 鲍厄斯 (Франц Боас) 5; 坦尼埃尔 (Люсьен Теньер) 5 и др.

Анализ полученных данных подтверждает уже сделанный выше вывод о расширительной трактовке филологии, которая охватывает лингвистику и, как показывает список, смежные научные дисциплины и сферы культуры: философию, антропологию, историю, этнографию, перевод, литературное творчество и поэзию. Заметим, что китайские информанты не приводят фамилий российских ученых; в ходе анкетирования были установлены известные участникам эксперимента преимущественно китайские и американские выдающиеся личности.

4. Заключение = Conclusions

Результаты исследования показывают, что профессиональный лингвокультурный типаж «филолог» как особая разновидность обобщенных представлений о личности действительно существует в сознании носителей китайского языка и характеризуется определенными понятийными, образно-перцептивными и ценностными признаками.

В ходе анализа данных словарей и энциклопедий были выявлены конститутивные признаки ЛКТ «филолог», актуальные для китайской лингвокультуры: 1) человек, получивший специальное филологическое образование; 2) занимающийся научной деятельностью; 3) занимающийся

исследованием языка литературных произведений; 4) изучающий тексты на древнекитайском языке; 5) признанный специалист. Установлено, что в индивидуальном сознании сфера деятельности филолога значительно расширяется, причем наука уступает место преподавательской работе. Далее следуют словарное дело, литературное творчество, перевод и другие области, в которых востребовано знание языков и навыков, приписываемых филологу. Китайские респонденты прочно ассоциируют филологию и лингвистику, которая, по данным словарей, в широком значении включает первую в свою дисциплинарно-методологическую структуру.

По представлениям носителей китайского языка филологом может быть человек, получивший специальное филологическое образование и обладающий глубокими познаниями в области языков и литературы. Филолог обладает пытливым умом, эрудирован, является высококвалифицированным специалистом, пользующимся признанием, знает языки, что позволяет ему реализовать себя в различных профессиях. Его отличает богатая внутренняя культура, самодисциплина, любознательность, большая работоспособность, почитание традиций, ориентация на духовные, а не материальные ценности. Перечисленные качества отражаются и во внешности филолога: китайцам он видится скромно, но прилично одетым, в очках, улыбчивым и доброжелательным. Речь филолога выдает в нем человека образованного и начитанного, обладающего высоким уровнем коммуникативной компетенции.

Оценочная составляющая типажа отличается аксиологической полярностью со значительным перевесом в сторону положительных характеристик. Одобрение вызывают его профессионализм, эрудиция, открытость, духовность, стремление к познанию истины, грамотная и красивая речь и многие другие качества. Лишь отдельные черты типажа подвергаются китайцами критической оценке, но при этом интерпретируются ими же в позитивном ключе.

Дальнейшее изучение ЛКТ «филолог» на материале китайских художественных и публицистических произведений, креолизованных текстов (карикатур, интернет-мемов), анекдотов и текстов других жанров, совершенствование методик анализа профессиональных типизированных личностей намечают перспективы более глубокого исследования этого ментального образования с целью его последующего сопоставления с аналогичным типажом русской лингвокультуры.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *За прошедший* год число студентов из Китая увеличилось на 10 % // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [Электронный ресурс]. — 2022. — 26 мая. — Режим доступа : <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (дата обращения 23.05.2024).
2. КСС — 新华汉语词典. — 北京 : 商务印书, 2013年、1350页 (Китайский словарь Синьхуа. — Пекин : Коммерческая пресса, 2013. — 1350 с.). — ISBN 978-7-80103-909-5.
3. КЭ — 中国大百科全书 (Китайская энциклопедия) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://bkzx.cn/> (дата обращения 10.04.2024).
4. СКСП — 当代汉语词. — 北京 : 中华书局、2009年、1999页 (Современный китайский словарь. — Пекин : Книжный магазин «Чжунхуа», 2009. — 1999 с.). — ISBN 978-7-101-06660-9.
5. СКСП — 现代汉语大词典. — 上海 : 汉语大词典出版社、2000年、3309页 (Современный китайский словарь. — Шанхай : Издательство Hanyu Dictionary Press, 2000. — 3309 с.). — ISBN 7-5432-0387-1.
6. СПС1 — Сервис подбора слов kmcha.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://kmcha.com/> (дата обращения 17.04.2024).
7. СПС2 — Сервис подбора слов soucici.com [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.soucici.com/> (дата обращения 17.04.2024).
8. ССКЯ — 现代汉语词典. — 北京 : 商务印书馆、2017年、1799页 (Современный словарь китайского языка. — Пекин : Коммерческая пресса, 2017. — 1799 с.). — ISBN 978-7-100-12450-8.
9. ЭЛПЛ — 语言学与应用语言学百科全书. — 北京 : 北京大学出版社、2017年、5237页 (Энциклопедия лингвистики и прикладной лингвистики. — Пекин : Издательство Пекинского университета, 2017. — 5237 с.). — ISBN 978-7-301-27120-9.
10. AS — 问卷星 (Анкета Стар). Профессиональная платформа для анкетирования, экспертизы и голосования [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.wjx.cn/wjx/design/previewmobile.aspx?activity=246162597&s=1> (дата обращения 16.02.2024).

Литература

1. Анохина С. А. Черты лингвокультурного типажа «чиновник» по результатам анализа сочетаемости прилагательного чиновничий / С. А. Анохина, Н. В. Позднякова // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 9—23. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-9-23.
2. Бобырева Е. В. Лингвокультурный типаж «интеллигент» в западноевропейской и русской картинах мира / Е. В. Бобырева, О. А. Дмитриева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2018. — Т. 4. — № 1. — С. 29—42. — DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-29-42.
3. Богатых К. К. Лингвокультурный типаж «блогер» в русском и китайском языковом сознании / К. К. Богатых, Е. М. Дубровская // Наука. Технологии. Инновации. — Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2019. — С. 274—278.
4. Бушуева Л. А. Лингвокультурный типаж «плут» / Л. А. Бушуева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (135). — С. 148—151.
5. Дубровская Е. М. «Человек богемы» в восприятии современных носителей языка / Е. М. Дубровская // Идеи идеалы. — 2016. — № 1 (27). — Т. 2. — С. 39—46. — DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-39-46.

6. *Жаркынбекова Ш. К.* Лингвокультурный типаж «студент» : нарративное измерение / Ш. К. Жаркынбекова, М. В. Логинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 70. — С. 27—49. — DOI: 10.17223/19986645/70/3.

7. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. — 2007. — № 5. — С. 86—89.

8. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 25—61.

9. *Лай Лулу.* Свертка семантической информации в наименованиях лица по профессии (на примере русского и китайского языков) / Лай Лулу // Диалог языков и культур. — Минск : Белорусский государственный медицинский университет, 2018. — С. 257—259.

10. *Ма Лия.* Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «учитель» в китайском языке / Ма Лия // Вопросы современной лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 52—64. — DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64.

11. *Мурзинова И. А.* Лингвокультурный типаж «британская королева» : социокультурные характеристики / И. А. Мурзинова // Грани познания. — 2009. — № 4 (5). — С. 83—87.

12. *Пономарева Т. А.* Лингвокультурный типаж «учитель» в художественной картине мира Альберта Лиханова / Т. А. Пономарева // Педагогический дискурс : в современной научной парадигме и образовательной практике. — Москва : Языки Народов Мира, 2023. — С. 316—322.

13. *Попова С. В.* Речевые характеристики лингвокультурного типажа «школьная учительница» / С. В. Попова // Гуманитарные исследования. — 2011. — № 2 (38). — С. 84—90.

14. *Рощина А. А.* «Китайский врачеватель» как лингвокультурный типаж / А. А. Рощина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 2 (56). — С. 35—38.

15. *Чжан Цзин.* Лингвокультурный типаж «китайский купец» / Чжан Цзин // Сибирский филологический форум. — 2022. — № 4 (21). — С. 46—59. — DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-137>.

16. *Ян Ли.* Лингвокультурный типаж «лаовай» в китайском языковом сознании / Ян Ли // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 1 (104). — С. 583—586. — DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-583-586.

*Статья поступила в редакцию 27.05.2024,
одобрена после рецензирования 08.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.*

Material resources

AS — *Star Questionnaire. A professional platform for questioning, examination and voting.* Available at: <https://www.wjx.cn/wjx/design/previewmobile.aspx?activity=246162597&s=1> (accessed 16.02.2024). (In Chin.).

ELPL — *Encyclopedia of linguistics and applied linguistics.* (2017). Beijing: Peking University Press. 5237 p. ISBN 978-7-301-27120-9. (In Chin.).

KE — *The Chinese Encyclopedia.* Available at: <https://bkzx.cn/> (accessed 10.04.2024). (In Chin.).

- KSS — *Chinese Dictionary of Xinhua*. (2013). Beijing: Commercial Press. 1350 p. ISBN 978-7-80103-909-5. (In Chin.).
- Over the past year, the number of students from China has increased by 10 %. (2022). *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. May 26. Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (accessed 23.05.2024). (In Russ.).
- SKSP — *Modern Chinese Dictionary*. (2009). Beijing: Bookstore “Zhonghua”. 1999 p. ISBN 978-7-101-06660-9. (In Chin.).
- SKSSh — *Modern Chinese dictionary*. (2000). Shanghai: Hanyu Dictionary Press. 3309 p. ISBN 7-5432-0387-1. (In Chin.).
- SPS1 — *Word selection service kmcha.com*. Available at: <https://kmcha.com/> (accessed 17.04.2024). (In Russ.).
- SPS2 — *Word selection service soucici.com*. Available at: <https://www.soucici.com/> (accessed 17.04.2024). (In Russ.).
- SSKYA — *Modern Dictionary of the Chinese language*. (2017). Beijing: Commercial press. 1799 p. ISBN 978-7-100-12450-8. (In Chin.).

References

- Anokhina, S. A., Pozdnyakova, N. V. (2020). Features of Linguistic and Cultural Type “Bureaucrat”: Compatibility of Adjective ‘bureaucratic’. *Nauchnyi dialog*, 3: 9—23. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-9-23. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V., Dmitrieva, O. A. (2018). Linguistic and cultural type “intellectual” in Western European and Russian paintings of the world. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities*, 4 (1): 29—442. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-29-42. (In Russ.).
- Bogachy, K. K., Dubrovskaya, E. M. (2019). The linguistic and cultural type of “blogger” in Russian and Chinese linguistic consciousness. In: *Science. Technologies. Innovation*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. 274—278. (In Russ.).
- Bushueva, L. A. (2019). Linguistic and cultural type “the cheat”. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (135): 148—151. (In Russ.).
- Dubrovskaya, E. M. (2016). “The man of Bohemia” in the perception of modern native speakers. *Ideas ideals*, 1 (27) / 2: 39—46. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.2-39-46. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2005). Linguistic and cultural type “russian intellectual”. In: *Axiological linguistics: linguistic and cultural types*. Volgograd: Paradigm. 25—61. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2007). Linguocultural type. *Language. Text. Discourse*, 5: 86—89. (In Russ.).
- Lai Lulu. (2018). Convolution of semantic information in the names of a person by profession (on the example of Russian and Chinese languages). In: *Dialogue of languages and cultures*. Minsk: Belarusian State Medical University. 257—259. (In Russ.).
- Ma Liya (2024). The conceptual component of the linguistic and cultural type “teacher” in the Chinese language. *Questions of modern linguistics*, 1: 52—64. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-1-52-64. (In Russ.).
- Murzinova, I. A. (2009). Linguocultural type “the British Queen”: sociocultural characteristics. *Facets of cognition*, 4 (5): 83—87. (In Russ.).
- Ponomareva, T. A. (2023). The linguistic and cultural type of “teacher” in the artistic picture of the world by Albert Likhanov. In: *Pedagogical discourse: in the modern*

- scientific paradigm and educational practice*. Moscow: Languages of the Peoples of the World. 316—322. (In Russ.).
- Popova, S. V. (2011). Speech characteristics of the linguistic and cultural type “school teacher”. *Humanitarian studies*, 2 (38): 84—90. (In Russ.).
- Roshchina, A. A. (2011). “Chinese physician” as a linguistic and cultural type. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (56): 35—38. (In Russ.).
- Yang Li. (2024). Linguocultural type “laowai” in Chinese linguistic consciousness. *World of science, culture, education*, 1 (104): 583—586. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-583-586. (In Russ.).
- Zhang Jing. (2022). Linguistic and cultural type “Chinese merchant”. *Siberian Philological Forum*, 4 (21): 46—59. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-21-4-137>. (In Russ.).
- Zharkynbekova, Sh. K. (2021). Linguistic and cultural type “student”: a narrative dimension. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 70: 27—49. DOI: 10.17223/19986645/70/3. (In Russ.).

*The article was submitted 27.05.2024;
approved after reviewing 08.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бочкарев А. И. Аксиологический подход к исследованию концепта PRIDE (гордость, гордыня) в рамках комического дискурса / А. И. Бочкарев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 60—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-60-77.

Bochkarev, A. I. (2024). Concept of PRIDE in Comic Discourse: Axiological Approach. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 60-77. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-60-77. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Аксиологический подход к исследованию концепта PRIDE (гордость, гордыня) в рамках комического дискурса

Бочкарев Арсентий Игоревич

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

кандидат филологических наук,

заведующий кафедрой

иностранных языков

технических факультетов

arsentiy_87@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Concept of PRIDE in Comic Discourse: Axiological Approach

Arsentiy I. Bochkarev

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

PhD in Philology,

Head of the Department

of Foreign Languages

of Technical Faculties

arsentiy_87@mail.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Бочкарев А. И., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются особенности актуализации концепта PRIDE в комическом дискурсе с точки зрения аксиологической лингвистики. Определяется ценностный статус представленного явления на основе анализа дефиниций из словарей разных лет и соответствующей литературы. Показано изменение отношения к гордости и гордыне в англоязычной лингвокультуре. Рассматривается ее связь со смежными явлениями (arrogance, vanity, snobbery). Проводится четырехшаговый аксиологический анализ особенностей актуализации концепта PRIDE в комическом дискурсе. Материал исследования составляют более 70 выпусков стендап-комедий и 700 эпизодов ситуационных комедий. Определено, что текстовая актуализация категории гордости или гордыни обычно сопровождается зрительским или закадровым смехом. Установлено, что осмеянию подлежат высокая или неоправданная оценка собственного величия и чувство превосходства над другими людьми. При этом различаются три основных типа превосходства: интеллектуальное, физическое и социальное. Также отмечено, что гордость / гордыня оценивается негативно либо через результат, к которому она приводит, либо через демонстрацию неоправданности ее проявления. Выявлены основные языковые средства актуализации концепта PRIDE. Так, оценка собственного величия реализуется через гиперболизацию собственных возможностей, в то время как чувство превосходства над другими людьми репрезентируется с помощью различных языковых средств.

Ключевые слова:

гордость; гордыня; аксиологическая лингвистика; комический дискурс; антиценности; ценностная концептосфера комического.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the peculiarities of the actualization of the concept of PRIDE within comic discourse from the perspective of axiological linguistics. It determines the value status of the phenomenon under consideration based on an analysis of definitions from dictionaries spanning various years and relevant literature. The study demonstrates the evolution of attitudes toward pride and arrogance within English-speaking linguistic culture. It explores the concept's connections with related phenomena such as arrogance, vanity, and snobbery. A four-step axiological analysis is conducted to investigate the features of the actualization of the concept of PRIDE in comic discourse. The research material comprises over 70 stand-up comedy performances and 700 episodes of situational comedies. It is established that the textual actualization of the category of pride or arrogance is typically accompanied by audience laughter or off-screen laughter. The study reveals that ridicule is directed at an inflated or unwarranted self-assessment of greatness and a sense of superiority over others. Three primary types of superiority are distinguished: intellectual, physical, and social. Furthermore, it is noted that pride/arrogance is evaluated negatively either through the outcomes it produces or through the demonstration of its unwarranted manifestations. The main linguistic means for actualizing the concept of PRIDE are identified. Thus, self-assessment of greatness is realized through hyperbolization of one's abilities, while the sense of superiority over others is represented through various linguistic devices.

Key words:

pride; arrogance; axiological linguistics; comic discourse; anti-values; value conceptual sphere of comedy.

УДК 811.111'42:7.04+82-845::616.89-008.444.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-60-77

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Аксиологический подход к исследованию концепта PRIDE (гордость, гордыня) в рамках комического дискурса

© Бочкарев А. И., 2024

1. Введение = Introduction

Предметом аксиологической лингвистики является «изучение языкового воплощения ценностей», которые «определяют выбор и закрепление смыслов в содержании языковых единиц и коммуникативных моделей поведения» [Карасик, 2019, с. 4]. Выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей: истины, прекрасного, этики, удовольствия, практической пользы [Серебренникова, 2011, с. 29], при этом явления, которые относят к ценностям одной области, могут считаться антиценностями в другой области.

В работах, посвященных изучению комического, в фокус исследования попадает ограниченный набор ценностей и антиценностей. В основном внимание уделяется глупости [Attardo, 2001; Raskin, 1985], похоти [Lloyd, 2011; Raskin, 1985] и пьянству [Карасик, 2002; Кулинич, 1999].

В представленной работе исследуются особенности комической объективации концепта PRIDE с точки зрения аксиологической лингвистики. Актуальность проведенного исследования состоит в том, что, по нашим данным, не проводилось изучения ценностных характеристик понятия «гордость / гордыня» в рамках комического дискурса. Кроме того, автор отмечает изменения по отношению к рассматриваемому явлению, которые произошли в англоязычной лингвокультуре.

Разделение «чувства собственного достоинства» и «превосходства над другими» проводилось с древних времен. Положительный аспект осознания собственного величия (если человек этого достоин) отмечался еще Аристотелем, который обозначал данный феномен как «величавость» и относил его к добродетелям, при этом чувство неоправданного превосходства над другими он относил к порокам [Аристотель]. В свою очередь, в английском языке слово *pride* используется как в качестве наименования чувства собственного достоинства, так и для обозначения гордыни (чув-

ства превосходства) как смертного греха. Для определения ценностной природы представленного явления необходимо рассмотреть соответствующие научные работы и словарные дефиниции в основных англоязычных словарях разных лет.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной работе используется аксиологический подход к исследованию концепта PRIDE в рамках комического дискурса. Предлагаемый подход состоит из четырех основных этапов: установление реакции аудитории на реплики, в которых актуализируется концепт PRIDE; выявление высмеиваемых характеристик гордости (гордыни); анализ реплик, выражающих оценку автором текста или героями произведения проявления гордости или гордыни; анализ языковых средств актуализации концепта PRIDE.

В представленной работе были проанализированы записи и скрипты стендап-комедий и ситуационных комедий. В общей сложности было изучено более 70 выпусков стендап комедий и 700 эпизодов ситуационных комедий. Полужирным курсивом выделены фрагменты, которые сопровождалось смехом зрителей или закадровым смехом. Для статьи были отобраны те примеры, которые либо повторялись у разных авторов в различной вариации, либо вызывали интенсивный смех зрителей.

В современных словарях приведены следующие определения слова *pride*, относящиеся к чувствам человека: 1) a feeling of being pleased or satisfied that you get when you or people who are connected with you have done something well or own something that other people admire, 2) the pride of something a person or thing that makes people feel pleased or satisfied, 3) the feeling of respect that you have for yourself, 4) (disapproving) the feeling that you are better or more important than other people [OALD] // 1) чувство удовольствия или удовлетворения, которое испытывает человек, когда он или люди, связанные с ним, сделали что-то хорошо или владеют чем-то, чем восхищаются другие люди, 2) гордость за что-то, человека или предмет, который заставляет людей чувствовать себя довольными или удовлетворенными, 3) чувство уважения, которое человек испытывает к себе, 4) (неодобрительное) чувство, что вы лучше или важнее других людей (здесь и далее перевод наш. — А. Б.).

Схожие определения можно найти и в таких словарях, как Cambridge Dictionary, Collins Dictionary и Macmillan Dictionary.

Из словарных дефиниций видно, что значение 'чувство превосходства над другими людьми', которое принадлежит к одному из основных отрицательно оцениваемых феноменов в этической системе ценностей, является второстепенным. Чувство удовлетворения от положительного действия

или обладания чем-либо хорошим можно считать основным значением, которое выражает слово *pride*.

В более ранних словарях можно найти следующие определения слова *pride*, относящиеся к чувствам человека, см. [OED]: 1. A high or overweening opinion of one's own qualities, attainments, or estate, which gives rise to a feeling and attitude of superiority. 2. The exhibition of this quality in attitude, bearing, conduct, or treatment of others; arrogance; haughtiness. 3. A consciousness or feeling of what is befitting or due to oneself or one's position, which prevents a person from doing what he considers to be beneath him or unworthy of him; esp. as a good quality, legitimate, 'honest', or 'proper pride', self-respect; also as a mistaken or misapplied feeling, 'false pride'. 4. A feeling of elation, pleasure, or high satisfaction derived from some action or possession [OED, 1989, p. 463—464] // 1. Высокое или завышенное мнение о собственных качествах, достижениях или состоянии, порождающее чувство превосходства. 2. Демонстрация этого качества в осанке, отношении, поведении или обращении с другими; высокомерие; надменность. 3. Осознание или ощущение того, что подобает вам или вашему положению, что не позволяет вам делать то, что вы считаете ниже собственного достоинства или не стоящим вашего внимания; особенно хорошее, законное, «честное» качество, «чувство собственного достоинства», самоуважение; также ошибочное или неуместное чувство, «ложная гордость». 4. Чувство восторга, удовольствия или высокий уровень удовлетворения от какого-либо действия или обладания чем-либо.

См. также [ODCE]: 1 elation or satisfaction at one's achievements, qualities, possessions, etc. 2 high or overbearing opinion of one's worth or importance. 3 (in full proper pride) proper sense of what befits one's position; self-respect [ODCE, 1993, p. 708] // 1) восторг или удовлетворение от своих достижений, качеств, имущества и т. д.; 2) высокое или завышенное мнение о своей ценности или важности; 3) (при чувстве собственного достоинства) правильное понимание того, что соответствует вашему положению; самоуважение.

Первый из представленных словарей является наиболее авторитетным англоязычным словарем. Так, на составление 20-ти томов данного словаря потребовалось около 100 лет, при этом практический материал, используемый для составления статьи слова *pride*, охватывает временной период с XI по XX века.

На основании анализа словарных дефиниций можно прийти к выводу, что отношение к слову *pride* менялось с течением времени. Изначально оно воспринималось преимущественно негативно (which gives rise to a feeling and attitude of superiority) и было связано с такими антиценностями, как arrogance и haughtiness, при этом в тех случаях, когда слово *pride* воспри-

нималось положительно, оно определялось через такие прилагательные, как *honest* или *proper*. Такое явление, как *proper pride*, в свое время ассоциировалось с понятием рыцарской чести [Кудряшова, 2007, с. 12]. Кроме того, категорию гордости / гордыни нельзя соотносить с аристотелевской величавостью, так как последняя сама по себе не предполагает превосходства над другими и не может быть чрезмерной, см. [Аристотель].

В конце XX столетия слово *pride* приобретает нейтральный смысл (elation or satisfaction at one's achievements, qualities, possessions, etc.), при этом для выражения положительного состояния по-прежнему используется прилагательное *proper*.

Факт изменения восприятия рассматриваемого явления подтверждается и современными исследованиями. В более ранних работах «гордость / гордыню» относили к антиценностям, при этом она представлялась в качестве подсознательного процесса, который отражает порочность природы человека [Brower, 1963; Gorer, 1965]. В современных научных трудах зачастую анализируется ее ценностная составляющая, при этом некоторые исследователи считают ее аналогом аристотелевской величавости [Dyson, 2006, p. 15]. Выделяют следующие ценностные когнитивные признаки концепта PRIDE: чувство собственного достоинства, чувство удовлетворения от успеха [Полонская, 2011, p. 8—9]. По мнению О. Ю. Полонской, ценностный статус этого явления в определенной степени объясняется его связью «с успешностью и со стремлением субъекта соответствовать определенным социальным стандартам» [Полонская, 2011, p. 18]. Также отмечается, что положительному восприятию «гордости / гордыни» способствует протестантизм, который распространен в англоязычном мире, так как «протестантское вероучение более терпимо к пониманию гордости» [Кудряшова, 2007, p. 12], при этом антиценностная составляющая по-прежнему выделяется в качестве одной из ее основных характеристик [Кудряшова, 2007; Полонская, 2011]. На наш взгляд, изменение отношения к анализируемому феномену в англоязычной лингвокультуре прежде всего обусловлено сменой ценностных ориентиров в самом обществе. Если в христианстве, которое во многом определяло систему ценностей англоязычного общества на протяжении долгого времени, «гордость / гордыня» считается источником всех остальных грехов человека [Luman, 1989], то в современном обществе на первый план выходит утилитарная система ценностей [Марьянчик, 2013]. Это подтверждается, в частности, опросом жителей Великобритании, проведенным ВВС. Согласно полученным данным, абсолютное большинство британцев считает, что семь смертных грехов не оказывают влияния на их жизнь и подрастающее поколение следует воспитывать на более актуальных ценностях [Brown, 2005].

В тех случаях, когда «гордость / гордыня» рассматривается в качестве ценности современной англоязычной лингвокультуры, ее оппозицией предлагают считать унижение [Полонская, 2011]. В свою очередь, в традиционном восприятии ее оппозицией является смирение [Кудряшова, 2007]. Последняя оппозиция была выделена еще св. Августином [Dyson, 2006, p. 11]. Также в качестве антитезы представленного явления может выступать стыд [Малахова, 2009].

В течение долгого времени основным практическим материалом для изучения «гордости / гордыни» выступали романы Дж. Остин, в которых это понятие находится в фокусе внимания. Можно предположить, что произведения Дж. Остин в определенной степени повлияли на современное восприятие данного явления. Так, исследователи отмечают, что в романах писательницы показана необходимость наличия соответствующего чувства у женщин для отстаивания собственных прав [Lascelles, 1939; Brown, 1979]. Кроме того, «гордость / гордыня» воспринимается отрицательно прежде всего тогда, когда актуализируется «сословная гордость», в других случаях она может оцениваться положительно [Кудряшова, 2007].

В романах конца XVIII — начала XIX веков концепт PRIDE выступает в качестве определяющего концепта для актуализации персонажа «готический злодей», при этом в англоязычной поэзии романтиков он «приобретает героическое наполнение» [Кудряшова, 2007, с. 10—11]. Также отмечается, что в поэтических текстах до начала XX века «гордость / гордыня» актуализируется через метафоры с общим значением «гордость — враг» [Малахова, 2009, с. 11].

Одной из основных особенностей концепта PRIDE является то, что он зачастую неразрывно связан с социокультурными характеристиками человека. Дж. Горер пишет, что «гордость / гордыня» связана с осознанием человеком себя в качестве представителя определенного социального класса [Gorer, 1955, p. 287]. В романах Дж. Остин этот порок свойственен прежде всего аристократии [Кудряшова, 2007]. Кроме того, концепт PRIDE может также актуализироваться через осознание себя как представителя конкретной нации, этноса и расы [Dyson, 2006]. При этом важно заметить, что национальная гордость не равна патриотизму, так как в определении слова *patriotism* не присутствует сема гордости. Патриотизм определяется прежде всего через любовь к родине и готовность ее защищать: *love of your country and the desire to defend it* [OALD] // Любовь к своей стране и желание ее защищать.

Несмотря на изменение отношения в современном англоязычном обществе к «гордости / гордыне» в представленной работе будет использоваться слово *pride* для обозначения соответствующей антиценности, так

как рассматриваемый феномен первичен по отношению к таким явлениям, как тщеславие, высокомерие и т. д., что следует из их определений.

В англоязычных словарях приведены следующие определения слова *vanity*: 1) the fact of being too proud of your own appearance, abilities or achievements, 2) the fact of being unimportant, especially compared with other things that are important [OALD] // 1) факт ощущения чрезмерной гордости своей внешностью, способностями или достижениями, 2) факт ощущения неважности чего-либо, особенно по сравнению с другими важными вещами.

Также можно найти следующие определения слова *arrogance*: the behaviour of a person when they feel that they are more important than other people, so that they are rude to them or do not consider them [OALD] (Поведение человека, при котором он чувствует, что он важнее других людей, вследствие чего грубит им или не считается с их интересами).

Как видно из словарных дефиниций, тщеславие является, по сути, усилением «гордости / гордыни» (being too proud). В свою очередь, определение слова *arrogance* во многом соотносится с дефиницией слова *pride*, при этом в последней дана причина такого поведения. Более того, высокомерие в отличие от «гордости / гордыни» обязательно предполагает проявление грубости, что превращает первое в частный случай последнего. Зачастую в современных фильмах для характеристики человека, испытывающего чувство превосходства над другими людьми, используется слово *arrogance* и его производные. Также одним из видов «гордости / гордыни» является снобизм, под которым понимается «сословная гордость» [Кудряшова, 2007, с. 17].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Проведенное исследование показало, что, несмотря на изменение отношения к гордости и гордыне в англоязычной лингвокультуре, в рамках комического дискурса актуализируются преимущественно ее антиценностные характеристики. На основе анализа практического материала можно выделить следующие основные высмеиваемые характеристики: высокая или неоправданная оценка собственного величия; чувство превосходства над другими.

3.1. Высокая или неоправданная оценка собственного величия

Высокая или неоправданная оценка собственного величия в основном касается интеллектуальных способностей, физических способностей и социального статуса человека.

При высмеивании рассматриваемой антиценности можно выделить два типа проявления интеллектуальных способностей: собственные знания и собственная непогрешимость.

В случае возвеличивания собственных знаний зачастую под сомнения ставится важность подобных знаний для окружающих.

Ted: *A college bar? Man, we're probably gonna run into my students. They're gonna corner me and want a free lecture. I don't even have my slide projector.* (How I Met Your Mother. Jenkins) // Тед: *Студенческий бар? Чувак, мы можем наткнуться на моих студентов. Они обступят меня и будут требовать бесплатную лекцию. А я даже проектор не взял.*

Приведенный текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. Важность собственных знаний актуализируется через предполагаемое желание студентов получить их во время отдыха в баре (*want a free lecture*). Неоправданная оценка собственных знаний подтверждается последующим контекстом, когда один из студентов Теда, встретив его в баре, фамильярно обращается к нему (*Ted* вместо *профессор Мосби*), неправильно называет предмет, который ведет Тед (*экономика* вместо *архитектуры*), при этом он узнает его друзей (репортера новостей и чемпиона бара по скиболу). Таким образом, комический эффект основан на гиперболизации оценки собственной значимости.

Собственная непогрешимость обычно актуализируется через невозможность совершения определенного рода ошибок.

Hawking: *Your thesis that the Higgs boson is a black hole accelerating backwards through time is fascinating.* Sheldon: *Thank you. It just, it came to me one morning in the shower.* Hawking: *That's nice. Too bad it's wrong.* Sheldon: *What do you mean wrong?* Hawking: *You made an arithmetic mistake on page two. It was quite the boner.* Sheldon: *No, no, th-th-th-that can't be right. I-I don't make arithmetic mistakes.* Hawking: *Are you saying I do?* (The Big Bang Theory. The Hawking Excitation) // Хокинг: *Ваша гипотеза о том, что бозон Хиггса — это черная дыра, которая ускоряется во времени в обратном направлении, поражает.* Шелдон: *Спасибо. Подумал вдруг однажды утром в душе.* Хокинг: *Очень мило. Жаль, что она неверна.* Шелдон: *Как это неверна?* Хокинг: *Вы сделали арифметическую ошибку на странице два. Причем абсолютно глупую.* Шелдон: *Нет, нет, т-т-т-такого не может быть. Я-я не допускаю арифметических ошибок.* Хокинг: *То есть ошибся я?*

Выделенные высказывания сопровождаются закадровым смехом. Комичность ситуации основана на том, что в ней встречаются два человека, уверенных в собственной непогрешимости, которая выражается через утверждение (*I don't make arithmetic mistakes*) и вопрос (*Are you saying I do?*). Следует отметить, что на протяжении всей серии Шелдон насмехался над ошибками друзей. Соответственно, Шелдон неоправданно высоко оценивает свою непогрешимость, так как сам допускает элементарную ошибку.

В свою очередь, профессор Хокинг крайне высоко оценивает собственную непогрешимость (так как он не допускает ошибок в представленном произведении, то нет оснований говорить о неоправданности данной оценки). Более того, профессор Хокинг действительно считается выдающимся ученым.

Обычно при высмеивании возвеличивания физических способностей человека предметом комического становится физическая форма или размер определенных органов.

Lily: *Okay, let's get this over with.* Barney: *Hey, hey! I don't want you phoning this in. This painting could, someday, become a serious work of art. I mean, you have been blessed with an amazing gift.* Lily: *Thank you.* Barney: ***I meant me*** (How I Met Your Mother. Columns) // Лили: *Ладно. Давай уже покончим с этим поскорее.* Барни: *Эй-эй! Я хочу, чтобы ты подошла к этому серьезно. Эта картина, может, когда-нибудь станет произведением искусства. Ты имей в виду: у тебя ведь есть серьезный дар.* Лили: *Спасибо.* Барни: *Я имел в виду себя.*

Анализируемое высказывание (*I meant me*) сопровождается закадровым смехом. В приведенном текстовом фрагменте Барни высоко оценивает собственную физическую форму (*meant me*). Комичность ситуации основана на последовательной реализации двух значений (наличие таланта художника и наличие идеальной натуры) одного высказывания (*you have been blessed with an amazing gift*) и гиперболизации оценки красоты собственного тела. Негативная оценка проявления «гордости / гордыни» реализуется в дальнейшем контексте, когда окружающие смеются над картиной, так как художник не дорисовал гениталии Барни.

Можно выделить два основных вида социального статуса человека: приобретенный и врожденный.

В комическом дискурсе приобретенный социальный статус обычно выражается через наличие конкретных материальных благ или доступ к ним.

Well, the only parking space was right behind it, on a double yellow line. I thought, "F..ck it, if he can do it, so can I." "I am Billy Connolly, there must be an occasional benefit (B. Connolly. High Horse Tour Live) // *И встать можно было только позади него, у запрещенной полосы. Я подумал: «Черт с ним, если он встал — и я встану. Я — Билли Коннолли. Должны же быть какие-то привилегии».*

Данный текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Предметом осмеяния становится высокое мнение говорящего о своем социальном статусе (звезда стендап-комедии). Неоправданная оценка собственного социального статуса заключается в том, что статус звезды стендап-комедии не дает права нарушать закон. Кроме того, в последующем контексте

проявление «гордости / гордыни» приводит к тому, что говорящего задерживает полиция. Соответственно, комический эффект основан на гиперболизации оценки собственной значимости.

В англоязычном обществе можно выделить следующие характеристики врожденного социального статуса, которые дают преимущества перед другими людьми: раса, национальность и пол человека. В свою очередь, сословность редко становится предметом комического.

I'm a lucky guy I got a lot going for me. I'm healthy, I'm relatively young. I'm white which thank god for that sh..t. That is a huge leg up, are you kiddin' me? Oh god I love being white, I really do. Seriously if you're not white you are missing out because this sh..t is thoroughly good (Louis C. K. Chewed Up) // *Я вообще-то везучий чувак. Я здоров, относительно молод. Я белый. Хвала небесам за это. Это чертовски классное преимущество. Шутите? Обожаю быть белым. Очень. Seriously, если ты не белый, ты многое теряешь, потому что это классно.*

Приведенный текстовый фрагмент помимо смеха сопровождается аплодисментами зрителей. В данном примере реализуется «расовая гордость», то есть говорящий крайне положительно оценивает свою принадлежность к европеоидной расе (*white... thank god for that shit; love being white; this shit is thoroughly good*). В дальнейшем контексте стендап-комик обосновывает свою точку зрения, соответственно, актуализируется высокая оценка собственного величия. Комический эффект основан на нарушении табу толерантности: в современном англоязычном обществе нельзя открыто говорить о преимуществе европеоидной расы над другими.

3.2. Чувство превосходства над другими людьми

В основе чувства превосходства над другими людьми лежит наличие определенных интеллектуальных способностей, физических способностей и социального статуса.

Интеллектуальное превосходство актуализируется через демонстрацию знаний объектом осмеяния, которыми, по его мнению, не обладает собеседник; а также исправление объектом осмеяния ошибок собеседника.

Наиболее распространенным комическим сюжетом, касающимся отсутствия знаний у других, являются ситуации, в которых объект осмеяния считает, что собеседник не знает какой-либо очевидной истины.

Sheldon: *One time they tried to make Richard Feynman take a vacation, but he chose instead to expand his mind and learn something new. He went to work in his friend's biology lab. (to Howard) Richard Feynman was a famous American physicist, part of the Manhattan Project.* Howard: *Everyone in the world of science knows who Richard Feynman was.* Sheldon: *Now you do, too* (The Big Bang Theory. The Vacation Solution) // Шелдон: *Как-то раз*

попытались отправить в отпуск Ричарда Фейнмана, но он предпочел развивать свой мозг и узнавать новое. Он отправился работать в лабораторию своего друга. (Говарду) Ричард Фейнман — выдающийся американский физик, участник Манхэттенского проекта. Говард: Любой ученый знает, кто такой Ричард Фейнман. Шелдон: А теперь и ты в курсе.

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается закадровым смехом. Один из собеседников рассказывает другому очевидный факт (объясняет, кто такой Ричард Фейнман). Дальнейшее принижение собеседника осуществляется через элиминацию последнего из списка людей науки (*Everyone in the world of science knows — Now you do, too*). Таким образом, актуализируется неоправданное интеллектуальное превосходство, так как собеседник знаком с этой информацией. Комический эффект основан на значительном преуменьшении уровня знаний одного из собеседников и различной интерпретации словосочетания (*everyone in the world of science*).

В случае наличия чужих ошибок горделивый человек обычно исправляет собеседника, допустившего элементарную ошибку.

Penny: *And yes, you love correcting people and putting them down.* Sheldon: *Au contraire. When I correct people I am raising them up. You should know, I do it for you more than anyone.* Penny: *Come on, you do it to feel superior. I see that twinkle in your eye when someone says who instead of whom or thinks the moon is a planet.* Sheldon: ***Or Don Quixote is a book about a donkey named Hotay.*** Penny: *See, there it is, there's that twinkle.* Sheldon: *Well, I can't help it. That's an involuntary twinkle* (The Big Bang Theory. The Hawking Excitation) // Пенни: *И да, тебе нравится исправлять и опускать окружающих.* Шелдон: *Напротив. Когда я кого-то исправляю, то я поднимаю их из невежества. Тебе ли не знать, ведь тебя я исправляю чаще других.* Пенни: *Да ладно, ты так показываешь свое превосходство. Я вижу эту искорку в твоих глазах, когда кто-то говорит «чего» вместо «что» или называет Луну планетой.* Шелдон: *Или кто-то считает, что Дон Кихот — это сказка про ослика.* Пенни: *Ага, вот она, искорка твоя.* Шелдон: *Мне это неподвластно. Это произвольный блеск.*

Выделенные высказывания сопровождаются смехом зрителей. В приведенном фрагменте представлены ошибки, которые исправлял Шелдон (*someone says who instead of whom; the moon is a planet; Don Quixote is a book about a donkey named Hotay*). Удовольствие Шелдона от собственного интеллектуального превосходства выражается через блеск в глазах, который подметила Пенни. Также Шелдон говорит, о пользе своего поведения, так как оно помогает людям стать лучше (*raising them up*). Кроме того, Шелдон подчеркивает свое интеллектуальное превосходство над

Пенни (*I do it for you more than anyone*). Комический эффект основан на каламбуре (*Don Quixote — donkey Hotay*).

Предметом комического в рамках физического превосходства зачастую становится преимущество в размере гениталий.

Ted: *Name one way I'm better than that guy*. Robin: *You're bigger*. Ted: *Don't patronize me. If anything, he may even be a little bit taller*. Robin: *No. Ted... you're bigger*. Ted: ***I win!*** (*How I Met Your Mother. Wait for It*) // Тед: *Назови хоть что-то во мне, что лучше, чем в нем*. Робин: *Ты больше*. Тед: *Вот не надо только снисходительности. К тому же он вроде даже выше меня*. Робин: *Нет. Тед... Ты больше*. Тед: *Я победил!*

Рассматриваемое высказывание (*I win*) сопровождается как закадровым смехом, так и смехом персонажей произведения. В приведенном примере оценка гениталий главного героя одной из героинь (*you're bigger*) позволяет герою почувствовать общее превосходство над другим мужчиной. Соответственно, комический эффект основан на гиперболизации собственного величия.

Превосходство в приобретенном статусе зачастую касается доступа к определенным материальным благам, которые не могут позволить себе большинство людей.

*So I hired a helicopter to and from Dublin. It cost me £12,000, right. Just because I couldn't bear to let anyone down or take the ferry. That was... They were still running, sure. **But that would have meant mixing with the general public, and I don't...*** (R. Gervais. *Out of England 2*) // *Поэтому я нанял вертолет до Дублина и обратно. Это стоило мне 12 000 фунтов стерлингов. Просто потому, что я не мог никого подвести или сесть на паром. Это было... Конечно, они все еще ходили. Но это означало бы общение с народом, а я не...*

Анализируемый текстовый фрагмент сопровождается смехом зрителей. Социальное превосходство заключается в наличии возможности у говорящего нанять вертолет за большую сумму денег (£12,000) для перелета из Англии в Ирландию. Превосходство подчеркивается стендап-комиком при помощи отграничения себя от других людей (*general public*). Комический эффект основан на антитезе, то есть на противопоставлении объекта комического другим людям (*mixing with the general public*).

В американском комическом дискурсе национальная гордость проявляется через чувство превосходства американцев над другими национальностями, представителями которых проживают в США.

Barney: *You poor thing. **To have to grow up in Canada with America right there*** (*How I Met Your Mother. Happily Ever After*) // Барни: *Бедняжка. Тебе пришлось расти в Канаде, когда Америка совсем рядом.*

Анализируемое высказывание сопровождается закадровым смехом. Врожденное превосходство реализуется за счет выражения сочувствия жительнице Канады (*poor thing*) относительно того факта, что она там родилась. Превосходство американцев над канадцами обыгрывается на протяжении всего сериала, при этом проявление превосходства не оценивается окружающими негативно. Также следует отметить, что в одной из серий обнаруживаются канадские корни Барни. Соответственно, его превосходство необоснованно.

Превосходство англичан над своими соседями обычно основано на выявлении у них определенных отрицательных черт, таких как глупость (валлийцы), пьянство (шотландцы, ирландцы) и т. д., при этом акцент делается именно на наличии этих черт, а не на самом чувстве превосходства.

4. Заключение = Conclusions

В англоязычной лингвокультуре отношение к «гордости / гордыне» значительно изменилось с течением времени. Первоначально она воспринималась как основная антиценность культуры (источник всех смертных грехов), при этом определенные аспекты могли оцениваться положительно (рыцарская гордость). С конца XVIII до конца XX века ее ценностный статус постепенно меняется на нейтральный. На современном этапе англоязычной культуры гордость воспринимается в целом положительно, при этом некоторые аспекты воспринимаются отрицательно. Несмотря на изменение отношения в обществе к оценке ценностного статуса, слово *pride* является основным для описания соответствующей антиценности. Во-первых, данное слово все еще содержит в своем определении выражение чувства превосходства над другими людьми. Во-вторых, оно используется для обозначения смертного греха. В-третьих, гордость / гордыня становится причиной таких чувств, как тщеславие, высокомерие, снобизм и т. д. В свою очередь, в современном комическом дискурсе «гордость / гордыня» относится к предметам осмеяния и воспринимается в качестве антиценности.

Высмеивание рассматриваемого порока обычно вызывает исключительно смех зрителей или сопровождается закадровым смехом. К основным высмеиваемым характеристикам концепта PRIDE относятся высокая или неоправданная оценка собственного величия и чувство превосходства над другими. Существует три основных типа превосходства: интеллектуальное, физическое и социальное. Интеллектуальное превосходство проявляется через демонстрацию собственных знаний, собственную непогрешимость, отсутствие определенных знаний у собеседника, допущение

собеседником ошибок. Физическое превосходство основано на возвеличивании физической формы человека или размера определенных органов. Также человек может гордиться приобретенным или врожденным социальным статусом. Проявление «гордости / гордыни» обычно оценивается отрицательно через результат, к которому она приводит в дальнейшем, то есть горделивый человек получает соответствующее наказание. Также дальнейший контекст может показать неоправданность высокой оценки гордецом собственных способностей, что становится очевидным для всех коммуникантов. Высокая или неоправданная оценка собственного величия обычно актуализируется через гиперболизацию собственных возможностей. В свою очередь, чувство превосходства над другими людьми реализуется через различные языковые средства: антитезу, сравнение, преуменьшение, каламбур и т. д.

Перспективным представляется подробное исследование концепта PRIDE в диахронии для объяснения причин изменения ценностного статуса рассматриваемого явления.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Connolly B.* High Horse Tour Live [Electronic resource] / B. Connolly. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript> (accessed 10.06.2024).
2. *Gervais R.* Out of England 2 [Electronic resource] / R. Gervais. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (accessed 10.06.2024).
3. *How I Met Your Mother.* Columns [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-2/episode-13-Columns (accessed 10.06.2024).
4. *How I Met Your Mother.* Happily Ever After [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-4/episode-6-Happily_Ever_After (accessed 10.06.2024).
5. *How I Met Your Mother.* Jenkins [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-5/episode-13-Jenkins (accessed 10.06.2024).
6. *How I Met Your Mother.* Wait for It [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-3/episode-1-Wait_for_It (accessed 10.06.2024).
7. *Louis C. K.* Chewed Up [Electronic resource] / C. K. Louis. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/07/louis-c-k-chewed-2008-full-transcript/> (accessed 10.06.2024).
8. OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 10.06.2024).

9. ODCE — *The Oxford Dictionary of Current English*. 2nd edition. — Oxford : Oxford University Press, 1993. — 1074 p.

10. OED — *The Oxford English Dictionary*. 2nd edition : in 20 vol. Poise — Quelt. — Oxford : Clarendon Press, 1989. — Vol. XII. — 1016 p.

11. *The Big Bang Theory*. The Hawking Excitation [Electronic resource]. — Access mode : <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-21-the-hawking-excitation/> (accessed 10.06.2024).

12. *The Big Bang Theory*. The Vacation Solution [Electronic resource]. — Access mode : <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-16-the-vacation-solution/> (accessed 10.06.2024).

Литература

1. *Аристотель*. Никомахова этика [Электронный ресурс] / Аристотель. — Режим доступа : <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (дата обращения 10.06.2024).

2. *Карасик В. И.* Языковая спираль : ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-94244-062-6.

3. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-7333-0143-0.

4. *Кудряшова О. М.* Художественное воплощение концепта «гордость» в романах Джейн Остен : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. М. Кудряшова. — Нижний Новгород, 2007. — 20 с.

5. *Кулинич М. А.* Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) / М. А. Кулинич. — Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. — 181 с. — ISBN 5-8428-0451-4.

6. *Малахова С. А.* Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. А. Малахова. — Волгоград, 2009. — 24 с.

7. *Марьянич В. А.* Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста / В. А. Марьянич. — Москва : URSS, 2013. — 272 с. — ISBN 978-5-397-03976-5.

8. *Полонская О. Ю.* Эмоционально-этические концепты pride и humiliation в английском языковом сознании : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. Ю. Полонская. — Иркутск, 2011. — 21 с.

9. *Серебренникова Е. Ф.* Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов. — Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — С. 27—40. — ISBN 978-5-98421-117-8.

10. *Attardo S.* Humorous texts : a semantic and pragmatic analysis / S. Attardo. — New York : Mouton de Gruyter, 2001. — 238 p. — ISBN 311017068X.

11. *Brower R. A.* Light and Bright and Sparkling : Irony and Fiction in Pride and Prejudice / R. A. Brower // Jane Austen : A Collection of Critical Essays. — New Jersey : Englewood Cliffs, 1963. — Pp. 62—75.

12. *Brown C.* Out With the Old Deadly Sins, In With the New / C. Brown // Scotsman (Edinburgh), February 7, 2005.

13. *Brown J. P.* Jane Austen's novels Social change and literary / J. P. Brown. — Cambridge : Cambridge University Press, 1979. — 185 p.

14. *Dyson M. E.* Pride : The Seven Deadly Sins / M. E. Dyson. — New York : Oxford University Press, 2006. — 160 p. — ISBN 311017068X.

15. *Gorer G.* The myth of Jane Austen / G. Gorer // The World of Psychoanalyses. — New York : Art and Psychoanalysis, 1965. — Pp. 218—225.

16. Gorer G. *Exploring English Character* / G. Gorer. — New York : Criterion Books, 1955. — 483 p.
17. Lascelles M. *Jane Austen and Her Art* / M. Lascelles. — Oxford : Clarendon Press, 1939. — 225 p.
18. Lloyd M. *Miss Grimshaw and the White Elephant : Categorism in a risque humor competition* / M. Lloyd // *Humor*. — 2011. — Vol. 24 (1). — Pp. 63—86.
19. Lyman S. M. *The Seven Deadly Sins : Society and Evil* / S. M. Lyman. — New York : General Hall, 1989. — 355 p.
20. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor* / V. Raskin. — Boston : D. Reidel Publishing Company, 1985. — 284 p.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024,
одобрена после рецензирования 26.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

- Connolly, B. *High Horse Tour Live*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2020/05/27/billy-connolly-high-horse-tour-live-transcript> (accessed 10.06.2024).
- Gervais, R. *Out of England 2*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (accessed 10.06.2024).
- How I Met Your Mother. Columns*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-2/episode-13-Columns (accessed 10.06.2024).
- How I Met Your Mother. Happily Ever After*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-4/episode-6-Happily_Ever_After (accessed 10.06.2024).
- How I Met Your Mother. Jenkins*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-5/episode-13-Jenkins (accessed 10.06.2024).
- How I Met Your Mother. Wait for It*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-3/episode-1-Wait_for_It (accessed 10.06.2024).
- Louis, C. K. *Chewed Up*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/07/louis-c-k-chewed-2008-full-transcript/> (accessed 10.06.2024).
- OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com> (accessed 10.06.2024).
- ODCE — *The Oxford Dictionary of Current English. 2nd edition*. (1993). Oxford: Oxford University Press. 1074 p.
- OED — *The Oxford English Dictionary. 2nd edition: in 20 vol., XII. Poise — Quelt*. (1989). Oxford: Clarendon Press. 1016 p.
- The Big Bang Theory. The Hawking Excitation*. Available at: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-21-the-hawking-excitation/> (accessed 10.06.2024).
- The Big Bang Theory. The Vacation Solution*. Available at: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-5-episode-16-the-vacation-solution/> (accessed 10.06.2024).

References

- Aristotle. *Nicomachean ethics*. Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf> (accessed 10.06.2024). (In Russ.).
- Attardo, S. (2001). *Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis*. New York: Mouton de Gruyter. 238 p. ISBN 311017068X.

- Brower, R. A. (1963). Light and Bright and Sparkling: Irony and Fiction in *Pride and Prejudice*. In: *Jane Austen: A Collection of Critical Essays*. New Jersey: Englewood Cliffs. 62—75.
- Brown, C. (2005). *Out With the Old Deadly Sins, In With the New*. Scotsman (Edinburgh), February 7.
- Brown, J. P. (1979). *Jane Austen's novels Social change and literary*. Cambridge: Cambridge University Press. 185 p.
- Dyson, M. E. (2006). *Pride: The Seven Deadly Sins*. New York: Oxford University Press. 160 p. ISBN 311017068X.
- Gorer, G. (1955). *Exploring English Character*. New York: Criterion Books. 483 p.
- Gorer, G. (1965). The myth of Jane Austen. In: *The World of Psychoanalyses*. New York: Art and Psychoanalysis. 218—225.
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremenna. 477 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2019). *The language spiral: values, signs, motives*. Moscow: Gnosis. 424 p. ISBN 978-5-94244-062-6. (In Russ.).
- Kudryashova, O. M. (2007). *The artistic embodiment of the concept of "pride" in the novels of Jane Austen*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 20 p. (In Russ.).
- Kulinich, M. A. (1999). *Linguoculturology of humor (based on the material of the English language)*. Samara: Publishing House of SamSPU. 181 p. ISBN 5-8428-0451-4. (In Russ.).
- Lascelles, M. (1939). *Jane Austen and Her Art*. Oxford: Clarendon Press. 225 p.
- Lloyd, M. (2011). Miss Grimshaw and the White Elephant: Categorism in a risqué humor competition. *Humor*, 24 (1): 63—86.
- Lyman, S. M. (1989). *The Seven Deadly Sins: Society and Evil*. New York: General Hall. 355 p.
- Malakhova, S. A. (2009). *Personal and emotional concepts of "pride" and "shame" in Russian and English linguistic cultures*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Maryanchik, V. A. (2013). *Axiological character and evaluativeness of the media-political text*. Moscow: URSS. 272 p. ISBN 978-5-397-03976-5. (In Russ.).
- Polonskaya, O. Y. (2011). *Emotional and ethical concepts of pride and humiliation in the English language consciousness*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 21 p. (In Russ.).
- Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston: D. Reidel Publishing Company. 284 p.
- Serebrennikova, E. F. (2011). Key concepts of axiological analysis. In: *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings*. Moscow: THESAURUS. 27—40. ISBN 978-5-98421-117-8. (In Russ.).

*The article was submitted 10.06.2024;
approved after reviewing 26.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Никитина Т. Г. Конфессиональный компонент урбанонимии в лексикографической интерпретации / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 78—94. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-78-94.

Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2024). Confessional Component of Urbanonymy in Lexicographic Interpretation. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 78-94. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-78-94. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Конфессиональный компонент урбанонимии в лексикографической интерпретации

Никитина Татьяна Геннадьевна¹
orcid.org/0000-0001-9006-9738
доктор филологических наук,
профессор,
старший научный сотрудник,
***корреспондирующий автор**
cambala2007@yandex.ru

Роголёва Елена Ивановна²
orcid.org/0000-0001-9963-4203
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра образовательных технологий
k-o-t-2021@yandex.ru

¹ Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

² Псковский
государственный университет
(Псков, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете, <https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

Confessional Component of Urbanonymy in Lexicographic Interpretation

Tatyana G. Nikitina¹
orcid.org/0000-0001-9006-9738
Doctor of Philology, Professor,
Senior research scientist,
***corresponding author**
cambala2007@yandex.ru

Elena I. Rogaleva²
orcid.org/0000-0001-9963-4203
Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies
k-o-t-2021@yandex.ru

¹ Saint Petersburg
State University
(Saint Petersburg, Russia)

² Pskov State University
(Pskov, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number № 23-18-00252, implemented at Saint Petersburg State University, <https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы совершенствования лексикографической репрезентации конфессионально маркированных урбанонимов. Цель исследования — обоснование параметрических моделей словарных статей, позволяющих комплексно представить конфессиональный компонент урбанонимии в культурно-историческом и функциональном аспектах. Материал для исследования отобран в базе данных Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета, насчитывающей 3 тысячи урбанонимов, в том числе более 200 экклезионимов (официальных, обиходных, сленговых), которые составляют основу массива урбанонимов-конфессионализмов. Методом структурно-семантического и контекстуального анализа выявляется денотативная соотнесенность, лексический состав этих урбанонимов, различные типы их вариаций в современной речи. Историко-этимологический анализ помогает раскрыть мотивы номинации. Метод лингвокультурологической интерпретации применяется при разработке зоны комментариев в словарной статье. Метод лексикографического конструирования используется при разработке усовершенствованной модели статьи для словаря городской ономастики с общим алфавитным порядком расположения материала и инновационной статьи дискурсивного типа для ономастического словаря-путеводителя. Представлены образцы словарных статей с комментариями.

Ключевые слова:

городская ономастика; конфессионально маркированный урбаноним; экклезионим; лексикография; словарь урбанонимов; словарь-путеводитель; словарная статья.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issues of enhancing the lexicographic representation of confessionally marked urbanonyms. The objective of the study is to substantiate parametric models for dictionary entries that allow for a comprehensive presentation of the confessional component of urbanonymy in both cultural-historical and functional aspects. The research material is drawn from the database of the Experimental Laboratory of Educational Lexicography at Pskov State University, which contains 3,000 urbanonyms, including more than 200 ecclesionims (official, colloquial, and slang), forming the core of the urbanonym-confessionalism dataset. Through structural-semantic and contextual analysis, the study identifies the denotative correlations, lexical composition of these urbanonyms, and various types of their variations in contemporary speech. Historical-etymological analysis aids in uncovering the motivations behind nomination. The method of linguocultural interpretation is employed in developing the commentary section of the dictionary entry. Lexicographic construction techniques are utilized in creating an improved model for entries in a general alphabetical urbanonym dictionary and an innovative discourse-type entry for an urbanonym guide dictionary. Samples of dictionary entries with accompanying comments are presented.

Key words:

urban onomastics; confessionally marked urbanonym; ecclesionym; lexicography; urbanonym dictionary; guide dictionary; dictionary entry.

УДК 811.161.1'373.21+81'374(038)=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-78-94

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

Конфессиональный компонент урбанонимии в лексикографической интерпретации

© Никитина Т. Г., Роголёва Е. И., 2024

1. Введение = Introduction

Описание урбанонимов, без сомнения, является одним из популярнейших направлений современной отечественной лексикографии. Урбанонимы 53 населенных пунктов России (от Архангельска до Симферополя, от Калининграда до Челябинска), по данным Р. В. Разумова, разработаны в словарях городской ономастики [Разумов, 2023, с. 4167]. Особое внимание лексикографы уделяют годонимам как наиболее объемному и культурологически емкому пласту городской ономастики: словари представляют в историко-этимологическом аспекте наименования улиц больших и малых городов — Москвы [Рачинский, 2011], Старой Руссы [Горбаневский и др., 2004], Казани [Амиров и др., 2008] и др., целых регионов, республик — Башкортостана [Хисамитдинова и др., 2009], Псковской области [Роголёва, 2018]. Рассматриваются теоретические вопросы, связанные с созданием базы данных на годонимическом материале [Юе Цюй], с разработкой электронного словаря годонимов [Тысевич и др., 2016], обосновываются принципы содержательного наполнения статьи и приемы репрезентации исторической, лингвистической и социокультурной информации в годонимических словарях [Шмелева, 2019-б]. И если годонимическая лексикография утвердилась как самостоятельное направление теории и практики словарного дела, то создание словарей экклезионимов — наименований культовых объектов — обозначается как перспектива [Шмелева, 2019а, с. 3; Лукина, 2022, с. 114]. В настоящее время экклезионимы основательно изучены в структурно-семантическом аспекте на фоне урбанонимов других типов [Миниярова, 2023; Яник-Борецка, 2022], в том числе в народно-разговорной интерпретации [Веселова, 2021], описаны их мотивационные модели (посвящения престолов) [Вострокнутов, 2021; Заонегина, 2021; Кожевникова, 2023] и взаимодействие с другими единицами городской ономастики [Шмелева, 2019а; Шмелева, 2020; Горлова и др., 2023], затра-

гиваются проблемы перевода [Бекова, 2023]. При такой многоаспектной лингвистической разработанности экклезионимов явно недостаточной выглядит их фрагментарная репрезентация в словарях городской ономастики, в основном — как компонента топонимов, когда в этимологическом аспекте они рассматриваются в качестве мотивировочной базы наименования улицы — по расположенному на ней храму. Чтобы раскрыть конфессиональный компонент урбанонимии в полной мере, необходимо лексикографически описать экклезионимы как самостоятельные городские названия с их культурологически значимой историей, показать модели номинации культовых объектов, которые будут отсылать к наименованиям библейских событий и церковных праздников, именам канонизированных святых, которые, в свою очередь являются ономастическим компонентом не только экклезионимов, но и других составных наименований городских объектов. Таким образом, в массиве городской ономастики выделяется пласт урбанонимов-конфессионализмов — топонимов, экклезионимов, монументонимов, эргоурбанонимов со структурой «апеллятивный компонент + конфессионально маркированный ономастический компонент» (улица *Преображенская*, храм *святых Жен-Мироносиц*, памятник *Святой равноапостольной Великой княгине Ольге*, гостиница «*Ольгинская*» и т. п.). Культурно-историческая значимость таких наименований не всегда осознается горожанами, в том числе молодежью, переселенцами-инофонами. Это и определяет актуальность создания моделей лексикографической разработки конфессионального компонента урбанонимии, прежде всего, в репрезентации школьникам, студентам, иноязычным мигрантам. Наши инновационные лексикографические концепции, которые будут представлены в данной статье, позволят раскрыть лингвокультурологический потенциал урбанонимов-конфессионализмов, показать их роль в разных видах трансономической номинации, современное функционирование в традиционной форме и варьирование в разговорной речи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили городские названия Пскова (архив авторов — база данных Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ — насчитывает более 3 тысяч официальных и неофициальных городских названий). Обращение к псковскому материалу для раскрытия заявленной темы статьи не случайно. Даже при том, что в настоящее время средневековое перифрастическое обозначение Пскова как *города тысячи церквей* [НИ, 2024] утратило актуальность, более 200 наименований (официальных, обиходных, сленговых) пятидесяти действующих псковских храмов и монастырей составляют экклезиони-

мическую основу массива урбанонимов с конфессиональным культурным компонентом, куда входят также конфессионально маркированные годонимы, монументонимы, эргоурбанонимы. Их адекватную лексикографическую репрезентацию обеспечивает предварительное комплексное лингвистическое и лингвокультурологическое исследование, результаты которого будут представлены в словарной статье. Методом структурно-семантического и контекстуального анализа выявляется денотативная соотнесенность, лексический состав урбанонимов, различные типы их вариаций. Историко-этимологический анализ помогает раскрыть мотивы и механизмы номинации. Метод лингвокультурологической интерпретации применяется при разработке зоны комментариев, раскрывающих культурный фон урбанонимов-конфессионализмов в словарной статье. Метод лексикографического конструирования, используемый нами во всех словарных проектах, в данном случае применялся при разработке усовершенствованной модели статьи для словаря городской ономастики с общим алфавитным порядком расположения материала и инновационной статьи дискурсивного типа для ономастического словаря-путеводителя. В нем городские названия будут сгруппированы в зависимости от маршрута «экскурсии» по Пскову, представленной в макростатье и объединяющей наименования территориально близких объектов, расположенных на определенной улице, площади, набережной, или же экскурсии тематической, маршрут которой задают мотивы наименования городских объектов (например, имена писателей, названия профессий и т. п.). Эти лексикографические концепции и будут представлены ниже фрагментами словарных статей с комментариями.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Городские названия рассказывают ...»

Проектируемый «Лингвокультурологический словарь городской ономастики Пскова» продолжает традиции учебной репрезентации материала, заложенные словарями экспериментальной лаборатории ПсковГУ «О чем рассказывают городские названия» [Варламова и др., 2012], «Псковские городские названия» [Головина и др., 2018] с алфавитной организацией словника. Параметрическая модель статьи была усложнена при сохранении структуры заголовочной зоны и лингвокультурологического комментария. В заголовок статьи выносятся обиходное наименование городского объекта, в толковании уточняется содержание апеллятивного компонента вокабулы, приводится полное официальное наименование объекта, указывается его местонахождение, сообщаются другие энциклопедические сведения. За иллюстративными контекстами следует комплексный комментарий, каждый аспект которого вводится знаком (<): раскрывается мотив наименования и

его культурно-исторический фон, подчеркивается региональная специфика структуры и лексического состава урбанонима (например, комментируется привлекающий внимание многих исследователей пространственный компонент экклезионимов [Аринина, 2008, с. 41—42; Волкова и др., 2017, с. 88—90; Шмелева, 2020, с. 188]). В зоне вариантов (под знаком*) показаны зафиксированные в медиатексте и разговорной речи горожан примеры варьирования, затрагивающего синтаксическую структуру и / или лексический состав урбанонима, приводятся словообразовательные варианты наименований, а под знаком (**)— другие наименования объекта — образные индивидуально-авторские, сленговые. В заключительной зоне словарной статьи (знак →) отражено использование заголовочного урбанонима в качестве производящей базы для других городских названий, его словообразовательная и фразеомообразовательная активность.

Представим эту параметрическую модель словарной статьи материалом, разработанным с ориентацией на школьников средних и старших классов. Здесь экклезионим-вокабула, как и в других случаях репрезентации этого типа урбанонимов, представлен обиходной формой наименования храма, а его каноническая форма включена в толкование. Разговорные варианты наименования выделены полужирным шрифтом, как и наименования, созданные на базе экклезионима.

ХРАМ (ЦЕРКОВЬ) ВАСИЛИЯ НА ГОРКЕ. *Православный Храм святителя Василия Великого на горке, расположенный в Детском парке г. Пскова, на Васильевской горке; действующий; архитектурный памятник XV в. Храм Василия на горке ждут изменения (ПП, 13.01.2011). Волонтеры храма Василия на Горке шили маски и раздают псковичам (МК-Псков, 08.04.2020). <Храм освящен в честь Василия Великого — церковного деятеля и богослова, архиепископа Кесарии (IV в.), автора многочисленных проповедей и молитв, после смерти причисленного к лику святых. <Указание на место расположения (на горке) — типично для названий древних псковских храмов, так было проще их находить или различать (ср., например: Храм Богоявления с бродов, Храм Богоявления с Запсковья).*

* Варианты названия: **Василий на горке.** Разг. **«Василий на горке» превратится в «Василия без горки».** С каждым годом горка, на которой располагается храм Василия Великого, постепенно сближается с равниной (ПП, 13.01.2011). У Василия на горке поставили скамейки полукругом. Такой вид испортили! (АА, 2024). **Вася (Васенька) на горке.** Разг. Шутл. Гуляли у Васи на горке, потеряли твою зачетку (АА, 2023). Как красиво у Васеньки на горке! Все зелено, одуванчики! (АА, 2024)

** Другие наименования объекта: **Лебедь вольная.** *Инд-авт., стилизация: нар.-поэт. <По внешнему сходству: невысокое здание храма с сим-*

метрично расположенными широкими апсидами напоминает белого лебедя, расправляющего крылья, чтобы взлететь с вершины холма. Иду один, а надо мной, на горке — Лебедь вольная крылом взмахнет и пропоет мне песню колокольную (В. Андреев. Мой Псков).

> Производящая база для наименований других объектов: **Васька**, -и, м., чаще в конструкциях **на Ваське, на Ваську**. Мол. сленг. Территория Детского парка, прилегающая к Храму Василия на горке. Завтра в десять жду на Ваське (АА, 2022). Мы завтра на Ваську — на понях (сленг. конно-спорт. на пони) детей катать (АА, 2024). <Возможно, под влиянием сленгового *Васька* — Васильевский остров в Санкт-Петербурге. **Васюки**, -ов, мн., чаще в конструкциях **на Васюках, на Васюки**. Мол. сленг. Просторная заасфальтированная площадка в Детском парке г. Пскова, недалеко от Храма Василия на горке, которую используют для тренировок любители велофристайла. На Васюках катали (сленг. мол. катались) — руку сломал (АА, 2021). <Возможно, под влиянием сленгового *Васюки* — город Великие Луки в Псковской области.

Протекание таких трансонимических процессов номинации в словаре городской ономастики будет показано в двух направлениях. Так, в заключительной зоне статьи «Троицкий собор» данный экклезионим будет представлен как производящая база для обозначения расположенного рядом с собором Троицкого моста. В свою очередь, название моста становится эргонимом, повторяясь в наименовании расположенного рядом с мостом кафе «Троицкий мост». Вся эта цепочка в обратном направлении (эргоурбоним «Троицкий мост» < гефироним *Троицкий мост* < экклезионим *Троицкий собор*) будет показана в статье «Троицкий мост» (популярное городское кафе, расположенное на ул. Леона Поземского недалеко от Троицкого моста через реку Пскову в г. Пскове).

Предлагаемая параметрическая модель словарной статьи позволит показать и радиальные мотивационные связи урбанонимов с конфессиональным компонентом, как правило, также обусловленные территориальной близостью именуемых объектов, например, у памятника Святому Благоверному князю Александру Невскому в Пскове появляется жилой комплекс «Князь Александр Невский», мост Александра Невского, кафе «У Алекса», так же молодежь называет и территорию у памятника — любимое место встреч и прогулок. По этой же модели от экклезионима *Ольгинская часовня* образован молодежный хороним *Олюшка* — ‘территория на берегу реки Великой у Ольгинской часовни’ (чаще в конструкциях у *Олюшки, на Олюшке*), эргоурбоним *гостиница «Ольгинская»* (разг. «Ольга») — она расположена рядом с часовней, как и Ольгинский мост (гифероним также имеет разговорную форму *Ольгин мост*).

3.2. «Пройдусь по Петропавловской, сверну на Снятногорскую ...»

В конце 80-х годов прошлого века жители многих городов страны в шуточных трансформациях приближали текст известной песни Юрия Антонова к своим реалиям. Псковская версия, используемая как тематическое название данного раздела, станет заголовком одной из макростатей нового словарного проекта лексикографической лаборатории ПсковГУ. Речь идет о продолжении серии словарей, разработанных в жанре травелога. В данном случае словарь-путеводитель снова пригласит читателя-школьника прогуляться по улицам Пскова, но уже не с вымышленным персонажем — «экскурсоводом» Барсиком [Роголёва и др., 2017], а с самостоятельно разработанным экскурсионным текстом, материалы для создания которого и будут представлены в макростатьях издания с рабочим названием «Псков. Словарь начинающего экскурсовода».

В заголовочной зоне статьи задается тема экскурсии и на фрагменте карты города отмечается ее маршрут с объектами, предлагаемыми для осмотра. Так, макростатья «У слияния двух рек. Знакомьтесь: Псковский кром» в составляющих ее микростатьях представляет будущему экскурсоводу материалы к экскурсионной прогулке по крому (кремлю) и вокруг него по берегам рек Великой и Псковы (лексикографически описан экклезионим *Свято-Троицкий собор* и урбанонимы с конфессиональным компонентом: *Довмонтов город* (комплекс каменных построек XIII века — назван по имени Святого благоверного князя Довмонта Псковского), *Власьевская башня* (названа по имени христианского святого Власия Севастийского).

Статья «*Как он велик, будто другой Париж!* Стефан Баторий у стен Пскова» погружает читателя в исторические события 1581—1582 годов (осада Пскова войсками польского короля). Начинается статья и будущая экскурсия с описания памятника в честь 300-летия героической обороны города, на том самом холме, откуда, по народной легенде, Стефан Баторий и любовался Псковом, сравнивая его с Парижем. Чтобы затем попасть на улицу Воеводы Шуйского (руководившего героической обороной Пскова), нужно пройти через оставленный с тех времен пролом в крепостной стене. Локативный компонент *от пролома* комментируется в ходе комплексной лингвокультурологической репрезентации экклезионима *церковь Покрова и Рождества Пресвятой Богородицы от Пролома*. Завершение «экскурсии» — у Церкви Георгия со взвоза, стоящей на пересечении улиц Воеводы Шуйского и Георгиевской, которая получила название по данному храму, что также отражает материал словарной статьи.

Статья «Писательские улицы Пскова», предлагающая маршрут экскурсии по историческому центру города, не только раскрывает прецедентно-антропонимическую мотивировку топонимов, но и включает комментиро-

вание ойкодомонимов — наименований объектов гражданской архитектуры XVI—XVIII веков, расположенных на данных улицах, а также лингвокультурографические интерпретации экклезионимов — наименований расположенных в районе этих улиц культовых сооружений: *улица Некрасова: Анастасиевская церковь, церковь Николая Явленного; улица Гоголя: Сергиевская церковь, церковь Покрова от Торгу; улица Льва Толстого: Костел Святой Троицы, церковь Дмитрия Мироточивого.*

В макростатье, приглашающей читателя прогуляться по улицам Петропавловской и Снятногорской, конфессионально маркированный языковой материал также широко представлен. Реализуя принцип интерактивности в словаре бумажного формата, авторы-составители обращаются к читателю — будущему экскурсоводу — с вопросами, заданиями, дают советы по выстраиванию маршрута, а в микростатьях предлагают информацию для составления экскурсионного текста. Такие «включения» авторов даются под знаком (!!!). Микростатьи структурируются, как и в представленном выше словаре городской ономастики, но здесь их параметры не выделяются графическими знаками, а объединяются в единый рассказ об объекте, раскрывающий культурно-исторический фон и другие характеристики обозначающего этот объект урбанонима:

«ПРОЙДУСЬ ПО ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ, СВЕРНУ НА СНЯТНОГОРСКОЮ ...» (Маршрут на карте города).

!!! Для начала экскурсии тебе пригодится информация о районе, по которому проходят улицы Петропавловская и Снятногорская:

Овсище, -а, ср. *Район на северо-западе Пскова.* До 1976 года он считался пригородом. Впервые упоминается в летописи в 1563 году как село Овсище. О происхождении названия нетрудно догадаться: в разных регионах России овсищем издавна называли поле, засеянное овсом. Отсюда и названия поселений рядом с такими полями. Сейчас деревни Овсище можно найти на карте Тверской, Калужской, Ленинградской областей, в Беларуси. Еще одно Овсище есть и в Псковской области — деревня в Великолукском районе. В Пскове часто можно услышать: *еду в Овсы, стройка в Овсах, парень из Овсов.* Такое название городского района псковичи используют в разговорной речи. В молодежном сленге — еще более оригинальный вариант: *Оффсы.*

!!! Начиная прогулку по улице Петропавловской, сообщи экскурсантам информацию о ней — местонахождение, протяженность, социокультурно значимые объекты, которые находятся на данной улице. И главное — объясни, почему она так называется.

Улица Петропавловская. *Проходит по району Овсище, ведет от улицы Чудской мимо районного пляжа в сторону Снетогорского монастыря.*

Протяженность улицы — около километра. Здесь расположен банкетный зал «Петропавловский» (название отражает место его расположения). Улица застроена современными коттеджами (коттеджный комплекс тоже называется «Петропавловский»). Сама же улица получила название по расположенному рядом с ней на берегу реки Великой храму апостолов Петра и Павла на Брезе (*на брезе* — и означает «на берегу»). Местные жители называют улицу Петропавловкой, как и в других городах, где есть улицы с таким названием, а в Санкт-Петербурге даже крепость (Петропавловская) известна в народе как Петропавловка.

!!! О храме, давшем название улице, нужно рассказать экскурсантам подробнее. Используйте наш материал:

Церковь Петра и Павла на Брезе. *Православный Храм Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла на Брезе; архитектурный памятник XV века.* В речи горожан можно услышать и такие ее названия: *Петропавловская церковь, Голубая маковка* (по ярко-голубому цвету купола, который хорошо заметен из разных районов города с другого берега реки).

!!! Официальное название храма нужно прокомментировать. Расскажи экскурсантам о псковской традиции — указывать в наименовании место расположения церкви. Объясни, что форма *на брезе* (на берегу) — из церковнославянского языка — языка богослужений. Подбери информацию об апостолах Петре и Павле, чтобы ответить на любой вопрос экскурсантов, если им будет недостаточно краткой информации:

Слово *апостол* — древнегреческое. Оно означает посланника, проповедника. Такими посланниками были ученики Иисуса Христа, проповедовавшие его учение, — 12 апостолов, среди которых первоверховными, то есть особенно значимыми и почитаемыми церковь считает Петра и Павла. Это были разные люди — простой рыбак и знатный образованный горожанин. Разными путями они пришли к Христианству и совершили много подвигов, распространяя это учение, за что и приняли мученическую смерть, согласно библейской легенде, в один день. Их имена объединяются не только в наименованиях храмов и церковного праздника (12 июля — *День Петра и Павла*, в народной речи: *Петры-Павлы*), но и в названиях населенных пунктов: *Петропавловск* (в Пермском крае, Чувашии, Якутии, Казахстане), *Петропавловск-Камчатский* (в Камчатском крае).

!!! Улица Петропавловская приведет экскурсантов на берег реки Великой, откуда уже виден следующий объект осмотра:

Снетогорский монастырь. *Действующий женский монастырь, официальное название которого: Рождества Пресвятой Богородицы Снетогорский монастырь.* Впервые упоминается в летописи XIII века как мужской монастырь. Был razорен войсками Стефана Батория (XVI в.), сильно

пострадал в годы Северной войны (XVIII в.). В 1825 году монастырь посетил А. С. Пушкин. После Октябрьской революции, когда в стране активно проводилась антирелигиозная пропаганда, в монастыре был обустроен дом отдыха. В годы Великой Отечественной войны здесь разместились немецкие офицеры, соборы монастыря были превращены в склады, тир и гаражи. После войны началась реставрация зданий, и в 1993 г. здесь был открыт женский монастырь Псковской епархии. Свое название монастырь получил по одному из главных христианских праздников — Рождеству Пресвятой Богородицы — Девы Марии, матери Иисуса Христа. Она считается покровительницей семьи, материнства, плодородия. Праздник, который отмечается 21 сентября, раньше связывался с окончанием полевых работ, завершением сбора урожая, за который и благодарили Богородицу. Псковский монастырь, освященный в честь Богородицы, расположен на высоком обрывистом берегу реки Великой. Это место получило в народе название *Снятная (Снетная) Гора*. По месту расположения монастырь именуется *Снетогорским*. «Гора» же названа *Снятной* или *Снетной*, потому что здесь, в излучине реки, псковичи издавна в большом количестве вылавливали маленькую вкусную рыбку, которую называли *снет*, *снеток*, *сняток*. Копченый и сушеный псковский снеток и сейчас пользуется большой популярностью далеко за пределами области. А название Снятной горы отразилось и в наименовании одной из улиц, расположенных в данном районе.

Улица Снятногорская. *Проходит по району Овсице от улицы Колокольной до Псковского яхтклуба.* Огибает Снятную Гору — участок высокого обрывистого берега реки Великой, отсюда и название улицы — *Снятногорская*. Застройка улицы — одноэтажная, коттеджного типа. В разговорной речи псковичей можно услышать слово *Снятка*, так называют и улицу, и всю территорию Снятной Горы.

!!! Прогулявшись по Снятногорской улице, можно заглянуть и в монастырь, чтобы познакомиться с расположенными здесь архитектурными памятниками и их названиями.

Собор Рождества Пресвятой Богородицы. *Главный храм монастыря, действующий, посвящен тому же церковному празднику, что и монастырь в целом (см.).* Построен в 1311 году, в 1313 году расписан псковскими иконописцами. На протяжении своей 700-летней истории фрески, как и сам собор, сильно пострадали от крупных пожаров и военных действий, но все же сохранились до наших дней, хотя и утратили свои яркие краски. Художники рассказывают о многочисленных библейских событиях, используют и сюжеты апокрифов — неканонических легенд по мотивам Библии. Многие фрески посвящены Богородице (*Рождество Пресвятой Богородицы, Благовещение Пресвятой Богородицы, Успение Богоматери*)

и Иисусу Христу (*Рождество Христово, Крещение Господне, Вход Господень в Иерусалим, Распятие Христово, Воскресение Христово*). С одной из фресок, на которой изображена Богоматерь с младенцем на руках, сидящая на троне, современными псковскими иконописцами написана известная *Снеготорская икона Божией Матери*. Собор Рождества Пресвятой Богородицы (его еще называют *Рождественским собором Снеготорского монастыря*) включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО как храм псковской архитектурной школы.

Трапезная церковь Святителя Николая Чудотворца. Действующий храм Снеготорского монастыря. Архитектурный памятник XVI в. с уникальной трехъярусной *трапезной* — помещением для совместной трапезы — приема пищи. *Никольская церковь Снеготорского монастыря* (так тоже называют этот храм) посвящена *Николаю Чудотворцу* — одному из самых почитаемых и издавна любимых на Руси святых. Он известен как покровитель моряков, путешественников, детей, защитник всех страдающих и обиженных. В средневековой истории *Никольской церкви Снеготорского монастыря*, как и других его сооружений, было немало разорений, восстановлений, пожаров. В предвоенные советские годы, когда монастырь стал домом отдыха, церковь использовалась как клубное помещение, в период немецкой оккупации — как штабное убежище с подвальными помещениями, после войны была приспособлена под нужды детского санатория, а в 1992 году в составе Снеготорского монастыря передана Псковской Епархии, получила новый иконостас, выполненный в традициях псковской школы иконописи.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, представленные лексикографические концепции предполагают репрезентацию в словарях городской ономастики всех типов конфессионально маркированных урбанонимов: в первую очередь — экклезионимов и образованных на их основе наименований других типов — годонимов, хоронимов, эргоурбонимов, а также агиомонументонимов (памятников святым), которые тоже обладают мотивационным потенциалом, реализующимся в актах урбанонимической номинации.

Параметрическая модель усовершенствованной статьи традиционно-го алфавитного словаря городской ономастики предполагает включение информации о мотивационных связях и моделях образования конфессионально маркированных урбанонимов, а также примеров их функционирования, в том числе варьирования в современной речи, что обеспечит репрезентацию этого социокультурно значимого компонента городского ономастикона в его динамике. Расширенный лингвокультурологический

комментарий позволит читателю увидеть знакомые городские названия в библейском культурно-историческом контексте, в их связи с событиями русской истории и фактами русской культуры, поможет осмыслить региональные особенности номинации культовых объектов.

Эти же задачи решаются в словаре-путеводителе наряду с лингводидактической целью — научить юных читателей актуализировать в речи полученные знания о социокультурно значимых городских объектах, в том числе культовых объектах и их обозначениях — урбанонимах с конфессиональным компонентом. Цель достигается за счет оригинального построения макростатьи-экскурсии с параллельным лексикографическим текстом (микростатьи, репрезентирующие урбанонимы) и учебным метатекстом (рекомендации и задания по использованию урбанонимов в собственной экскурсионной речи). В случае с конфессионально маркированными урбанонимами метатекст поможет читателю не только трансформировать лексикографический текст в экскурсионный, но и систематизировать свои представления о конфессиональном пространстве города и конфессиональном компоненте городских названий.

Рассмотренные параметрические модели словарных статей могут быть реализованы на урбанонимическом материале других территорий с ориентацией на различные категории читателей, а словари, разработанные в соответствии с предлагаемыми концепциями, найдут применение в школьном и вузовском преподавании лингвистических и культурологических дисциплин.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. МК-Псков — *Газета* «Московский комсомолец в Пскове».
3. НИ — *Никонова И.* Город тысячи церквей [Электронный ресурс] / И. Никонова // Вестник Российской комиссии по делам ЮНЕСКО. — Режим доступа : <https://unesco.ru/news/pskov/> (дата обращения 06.06.2024).
4. ПП — *Газета* «Псковская провинция».

Литература

1. *Амиров К. Ф.* Казанских улиц имена / К. Ф. Амиров, Р. Х. Ахметзянова, Р. Г. Винаминов. — Казань : Центр инновационных технологий, 2008. — 589 с. — ISBN 978-5-93962-293-6.

2. *Аринина Е. П.* Структурные особенности русских экклезионимов / Е. П. Аринина // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 5—2 (64). — С. 37—43.

3. *Бекоева И. Д.* Способы обеспечения адекватности перевода этномаркированных экклезионимов / И. Д. Бекоева // Иностранные языки в высшей школе. — 2023. — № 3 (66). — С. 67—75. — DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.008.

4. *Варламова М. П.* О чем рассказывают географические названия / М. П. Варламова, Г. В. Галактионова, Л. С. Головина // Учебный лингвокультурологический словарь. — Псков : Логос, 2012. — 138 с. — ISBN 978-5-93066-084-8.

5. *Веселова Е. Г.* Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е. В. Честнякова и живых поунженских говоров) / Е. Г. Веселова // Неофилология. — 2021. — Т. 7. — № 27. — С. 393—401. — DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401.

6. *Волкова В. Я.* Экклезионимы объектов псковской школы архитектуры. Русско-немецкий глоссарий / В. Я. Волкова, Л. А. Лекарева, И. И. Храпченкова // Филология. — 2017. — № 2 (8). — С. 87—91.

7. *Вострокнутов А. В.* Особенности наименования храмов горнозаводских поселков Пермской губернии / А. В. Вострокнутов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — 2021. — № 19. — С. 153—166. — DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-153-166.

8. *Головина Л. С.* Псковские городские названия. Лингвокультурологический словарь / Л. С. Головина, А. А. Егорова, А. А. Кузина. — Псков : Логос, 2018. — 150 с. — ISBN 978-5-9908858-5-1.

9. *Горбаневский М. В.* Улицы Старой Руссы : история в названиях / М. В. Горбаневский, М. И. Емельянова. — Москва : Медя, 2004. — 384 с. — ISBN 5-7254-005-15.

10. *Горлова Т. В.* Историко-этимологическая интерпретация старинных топонимов города Нерехты в центральной России / Т. В. Горлова, Г. Д. Неганова // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 2. — С. 250—262. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027.

11. *Заонегина В. В.* Репрезентация христианского компонента в ономастике малого города (на примере г. Торжка) / В. В. Заонегина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2021. — № 1 (68). — С. 211—215. — DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.211.

12. *Кожевникова Ю. Н.* Посвящения престолов приходских церквей Кольского благочиния в первой половине XIX века / Ю. Н. Кожевникова // Труды Кольского научного центра РАН. Серия : Естественные и гуманитарные науки. — 2023. — Т. 2. — № 4. — С. 95—102. — DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.008.

13. *Лукина О. А.* Экклезионимика как особое направление ономастики: проблемное поле, перспективы развития / О. А. Лукина // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина. — 2022. — № 1 (59). — С. 111—116.

14. *Миниярова Д. Р.* Принципы классификации урбанонимической лексики / Д. Р. Миниярова // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 98-7. — С. 55—58. — DOI: 10.18411/trnio-06-2023-365.

15. *Разумов Р. В.* Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление : проблемы и перспективы / Р. В. Разумов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — Выпуск 12. — С. 4166—4171. — DOI: 10.30853/phil20230633.

16. *Рачинский Я. З.* Полный словарь названий московских улиц / Я. З. Рачинский. — Москва : [б. и.], 2011. — 604 с. — ISBN 978-5-85209-263-2.

17. *Роголёва Е. И.* История региона в названиях улиц. Лингвокраеведческий словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина, М. И. Муратова. — Псков : Логос, 2018. — 116 с. — ISBN 978-5-9908858-1-3.

18. *Роголёва Е. И.* Прогулки по Пскову с экскурсоводом Барсиком / Е. И. Роголёва, И. Ю. Стигина. — Псков : Логос, 2017. — 140 с. — ISBN 978-5-9908858-6-8.

19. *Тысевич О. А.* Система топонимов города Оренбурга : материалы для электронного словаря / О. А. Тысевич, М. В. Голубева, Е. Н. Бекасова // Всероссийский форум русского языка, посвященный наследию академика И. И. Срезневского. Сборник материалов. — Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2016. — С. 121—122. — ISBN 978-5-88006-975-0.

20. *Хисамитдинова Ф. Г.* Русско-башкирский словарь-справочник названий улиц городов Республики Башкортостан / Ф. Г. Хисамитдинова, З. А. Сиразитдинов, Н. Ф. Суфьянова. — Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. — 309 с. — ISBN 978-5-85051-493-8.

21. *Шмелева Т. В.* Топонимическая лексикография : административная, историческая и ономастическая информация / Т. В. Шмелева // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография : Словарь. Дискурс. Корпус. — Екатеринбург : УРФУ, 2019-б. — С. 201—209. — ISBN 978-5-6041789-9-7.

22. *Шмелева Т. В.* Имена новгородских храмов в современном ономастиконе / Т. В. Шмелева // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2019-а. — № 2 (20). — С. 30. — DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).30.

23. *Шмелева Т. В.* Названия монастырей в новгородском ономастиконе / Т. В. Шмелева // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 186—200. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.023.

24. *Юе Цюй.* Московские топонимы : способы представления лингвокультурной информации в топонимической базе данных обучающего типа / Юе Цюй // Полилингвальность и транскультурные практики. — 2021. — Т. 18. — № 3. — С. 315—323. — DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-3-315-323.

25. *Яник-Борецка К.* Места-палimpseсты Санкт-Петербурга и их названия / К. Яник-Борецка // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. — 2022. — № 1 (2). — С. 142—156. — DOI: 10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 01.08.2024.*

Material resources

AA — *Archive of authors.* (In Russ.).

МК-Псков — *Moskovsky Komsomolets in Pskov newspaper.* (In Russ.).

Nikonorova, I. The city of a thousand churches. *Bulletin of the Russian Commission for UNESCO.* Available at: <https://unesco.ru/news/pskov/> (accessed 06.06.2024). (In Russ.).

PP — *Newspaper Pskov Province.* (In Russ.).

References

Amirov, K. F., Akhmetzyanova, R. H., Veniaminov, R. G. (2008). *Kazan streets names.* Kazan: Center for Innovative Technologies. 589 p. ISBN 978-5-93962-293-6. (In Russ.).

- Arinina, E. P. (2008). Structural features of Russian ecclesionyms. *Bulletin of Samara State University*, 5—2 (64): 37—43. (In Russ.).
- Bekoeva, I. D. (2023). Ways to ensure the adequacy of the translation of ethnomarked ecclesionyms. *Foreign languages in higher education*, 3 (66): 67—75. DOI: 10.37724/RSU.2023.66.3.008. (In Russ.).
- Golovina, L. S., Egorova, A. A., Kuzina, A. A. (2018). *Pskov city names. Linguistic and cultural dictionary*. Pskov: Logos. 150 p. ISBN 978-5-9908858-5-1. (In Russ.).
- Gorbanevsky, M. V. (2004). *Streets of Staraya Russa: history in names*. Moscow: Medea. 384 p. ISBN 5-7254-005-15. (In Russ.).
- Gorlova, T. V., Neganova, G. D. (2022). Historical and etymological interpretation of ancient godonyms of the city of Nerekhta in central Russia. *Questions of onomastics*, 19 (2): 250—262. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027. (In Russ.).
- Khisamitdinova, F. G., Sirazitdinov, Z. A., Sufyanova, N. F. (2009). *Russian-Bashkir dictionary-directory of street names of cities of the Republic of Bashkortostan*. Ufa: IIAL UNC RAS. 309 p. ISBN 978-5-85051-493-8. (In Russ.).
- Kozhevnikova, Yu. N. (2023). Dedications of thrones of parish churches of the Kola deanery in the first half of the XIX century. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2 (4): 95—102. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.008. (In Russ.).
- Lukina, O. A. (2022). Ecclesionymy as a special area of onomastics: problem field, prospects for development. *Bulletin of the I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University*, 1 (59): 111—116. (In Russ.).
- Miniyarova, D. R. (2023). Principles of classification of urbanonymic vocabulary. *Trends in the development of science and education*, 98—7: 55—58. DOI: 10.18411/trnio-06-2023-365. (In Russ.).
- Rachinsky, Ya. Z. (2011). *Complete dictionary of names of Moscow streets*. Moscow: [b. i.]. 604 p. ISBN 978-5-85209-263-2. (In Russ.).
- Razumov, R. V. (2023). Russian urbanonymy and its lexicographic representation: problems and prospects. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 16 (12): 4166—4471. DOI: 10.30853/phil20230633. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I. (2018). *The history of the region in street names. Linguistic dictionary*. Pskov: Logos. 116 p. ISBN 978-5-9908858-1-3. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I. (2017). *Walking in Pskov with a guide Barsik*. Pskov: Logos. 140 p. ISBN 978-5-9908858-6-8. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2019-B). Godonymic lexicography: administrative, historical and onomastic information. In: *Theoretical semantics and ideographic lexicography: A dictionary. The discourse. Building*. Yekaterinburg: URFU. 201—209. ISBN 978-5-6041789-9-7. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2020). Names of monasteries in the Novgorod onomasticon. *Questions of onomastics*, 17 (2): 186—200. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.023. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2019). The names of Novgorod temples in the modern onomasticon. *Scientific notes of the Novgorod State University*, 2 (20): P. 30. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.2(20).30. (In Russ.).
- Tysevich, O. A. (2016). The system of godonyms of the city of Orenburg: materials for an electronic dictionary. In: *All-Russian Forum of the Russian language dedicated to the legacy of Academician I. I. Sreznevsky. Collection of materials*. Ryazan: S. A. Yesenin Russian State University. 121—122. ISBN 978-5-88006-975-0. (In Russ.).

- Varlamova, M. P. (2012). What geographical names tell us. In: *Educational linguistic and cultural dictionary*. Pskov: Logos. 138 p. ISBN 978-5-93066-084-8. (In Russ.).
- Veselova, E. G. (2021). Christian religious buildings and their folk-colloquial nominations (based on the texts of E. V. Chestnyakov and the living Pougian dialects). *Neophilology*, 7 (27): 393—401. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401. (In Russ.).
- Volkova, V. Ya. (2017). Ecclesionyms of objects of the Pskov school of architecture. Russian-German glossary. *Philology*, 2 (8): 87—91. (In Russ.).
- Vostroknutov, A. V. (2021). Peculiarities of naming temples of mining settlements of the Perm province. *Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition*, 19: 153—166. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-153-166. (In Russ.).
- Yanik-Boretska, K. (2022). Places-palimpsests of St. Petersburg and their names. *Urbis et Orbis. Microhistory and semiotics of the city*, 1 (2): 142—156. DOI: 10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156. (In Russ.).
- Yue Qu. (2021). Moscow godonyms: ways of presenting linguistic and cultural information in a toponymic database of a learning type. *Polylingualism and transcultural practices*, 18 (3): 315—323. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-3-315-323. (In Russ.).
- Zaonegina, V. V. (2021). Representation of the Christian component in the onomasticon of a small town (on the example of Torzhok). *Bulletin of Tver State University. The series "Philology"*, 1 (68): 211—215. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.211. (In Russ.).

*The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 01.08.2024.*

Информация для цитирования:

Хилханова Э. В. Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков : российский и мировой контекст / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 95—113. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113.

Khilkhanova, E. V., Khilkhanov, D. L. (2024). Role of Tourism in Preservation and Support of Minority Languages: Russian and Global Context. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 95-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков: российский и мировой контекст

Хилханова Эржен Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-9369-343X

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям
erzhen133@mail.ru

Хилханов Доржи Львович²

orcid.org/0000-0002-9382-7757

доктор социологических наук,

доцент, профессор,

корреспондирующий автор

khilkhanovdl@mgpu.ru

¹ Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

² Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-00590,
<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

Role of Tourism in Preservation and Support of Minority Languages: Russian and Global Context

Erzhen V. Khilkhanova¹

orcid.org/0000-0001-9369-343X

Doctor of Philology, Associate professor,
Leading research scientist,

Research Center
for National-Linguistic Relations
erzhen133@mail.ru

Dorzh L. Khilkhanov²

orcid.org/0000-0002-9382-7757

Doctor of Sociology,
Associate Professor, Professor,
Corresponding Author
khilkhanovdl@mgpu.ru

¹ Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

² Moscow City University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 24-28-00590,
<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков России на примере карельского, татарского и бурятского языков. Данная проблематика вписана в методологические рамки исследований коммодификации языков, языкового ландшафта, экономики языка. Материалом исследования послужили данные полевых исследований в Татарстане, Карелии и Бурятии 2021, 2022, 2024 годов, а также результаты исследований других ученых. В статье отмечается неравномерный объем использования миноритарных языков как средства этнографического брендинга от региона к региону. Авторы делают вывод о том, что миноритарные языки присутствуют в языковом ландшафте в виде названий различных реалий, от топонимических до гастрономических, выполняя этномаркирующую и символическую функции и «поставляя» отдельные слова и морфемы для этнографического брендинга. Вопреки желаниям, туризм не способствует увеличению числа носителей миноритарных языков и их использованию на уровне дискурса как в России, так и в других странах мира. Однако увеличение частоты присутствия данных языков в публичном пространстве, в том числе в маркетинговых целях, косвенно повышает их престиж и способствует их нормализации.

Ключевые слова:

коммодификация языков; туризм; миноритарные языки; этнографический брендинг; Россия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the role of tourism in the preservation and support of minority languages in Russia, focusing on the Karelian, Tatar, and Buryat languages. The study is framed within the methodological scope of language commodification research, language landscape, and language economy. Fieldwork data from Tatarstan, Karelia, and Buryatia in 2021, 2022, and 2024, as well as findings from other researchers, form the basis of this investigation. The article highlights the uneven use of minority languages as a tool for ethnographic branding from region to region. The authors conclude that minority languages exist in the language landscape through the naming of various realities, from toponyms to gastronomic terms, serving ethnographic branding and symbolic functions by providing specific words and morphemes. Contrary to expectations, tourism does not contribute to an increase in the number of speakers of minority languages or their use in discourse, both in Russia and globally. However, the increased presence of these languages in public spaces, including for marketing purposes, indirectly enhances their prestige and aids in their normalization.

Key words:

language commodification; tourism; minority languages; ethnographic branding; Russia.

УДК 81'272+81'26::338.48

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков: российский и мировой контекст

© Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л., 2024

1. Введение = Introduction

Коммодификации (commodification) языка — процесс обретения языком денежной стоимости и превращения его в своеобразный товар — представляет собой новое направление (западной) социолингвистики. Оно строится на той же теоретической платформе, что и экономика языка, в частности на положении о том, что языки — это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль), а языковое пространство — рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами [Павленко, 2016, с. 24].

Одна из наиболее очевидных областей, где процессы коммодификации языков проявляются ярче всего, — это сфера туризма. В научной литературе хорошо изученной является коммодификация крупных языков в туристическом контексте, в том числе и русского языка. Вопрос о том, имеют ли коммодификационную, экономическую ценность миноритарные языки¹, изучен крайне слабо, в том числе и на российском материале. Существуют немногочисленные работы о том, как миноритарные языки (далее — МЯ) России выступают в качестве средства «этнографического брендинга» и элемента языкового ландшафта, призванного создать ощущение аутентичности как для носителей МЯ, так и для не-носителей, см.,

1 В данной статье термин миноритарные языки используется по отношению к языкам, подпадающим под два критерия: меньшее число носителей в определенном геополитическом контексте (в нашем случае — в Российской Федерации) и более низкий официальный статус по сравнению с государственным языком страны. Этот термин удобен тем, что он компактен и в одном слове отражает положение всех языков Российской Федерации, за исключением русского. Это положение четко прослеживается в социолингвистической классификации Института языкознания РАН, где всем языкам России присвоен статус от 1А (исчезнувший язык — последние активные носители умерли в XX веке) до 4Б (благополучный язык). Только русский язык имеет статус 4Б, остальные находятся на разных стадиях языкового сдвига [Харитонов и др.].

например: [Manchurina et al., 2022; Дьяконова и др., 2018; Елагина и др., 2022; Ferguson et al., 2018]. В целом анализ языкового ландшафта является одним из наиболее распространенных методов изучения коммодификации языка, в контексте индустрии туризма в первую очередь.

В данной работе нас интересует, однако, не столько сам процесс коммодификации языка, сколько связанный с ним вопрос о том, может ли туризм внести вклад в сохранение МЯ. Эта мысль — что туризм может способствовать сохранению МЯ — высказывалась участниками полевого исследования в рамках научного проекта «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)» в 2021 и 2022 годах. Скажем, в Республике Карелия при ответе на вопрос «Какие экономические факторы способствуют / препятствуют сохранению карельского языка в регионе?» было небольшое количество ответов с рекомендациями / пожеланиями по улучшению ситуации с карельским языком. В их числе есть такие ответы: «Развитие этнотуризма, на мой взгляд, должно способствовать сохранению и усилению интереса к карельскому языку и традиционной культуре карелов», «Экономическое развитие территорий традиционного проживания карелов» [АА].

В поисках ответа на вопрос о роли туризма в сохранении и поддержке МЯ мы обратимся к трем российским регионам, представляющим собой популярные туристические дестинации, — Татарстану, Карелии и Бурятии. В фокусе внимания три титульных языка данных республик — татарский, карельский и бурятский.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В нашей работе делается попытка подойти к изучению данного вопроса, используя триангуляционный подход и смешанную методологию. Ее основными компонентами являются (1) методика исследования языковых ландшафтов; (2) данные интервью, опроса и этнографического наблюдения, собранные во время полевого исследования в трех российских регионах — Татарстане (2021 год), Карелии (2022 год) и Бурятии (2024 год); (3) опубликованные результаты исследований других ученых не только в области (социо)лингвистики, но и менеджмента туризма. Ввиду ограниченного объема статьи, новизны и обширности темы эмпирический материал будет представлен в кратком виде; более подробное изложение вопроса коммодификации МЯ и роли туризма в сохранении МЯ — задача дальнейших исследований.

Исследования языковых ландшафтов, вошедшие в научный репертуар российских социолингвистов уже после 2000-х годов [Федорова, 2014; Баранова и др., 2020; Анос-и-Фонт, 2015], на сегодняшний день являются уже до-

вольно популярным направлением социолингвистических и междисциплинарных изысканий. Под *языковым ландшафтом* (далее — ЯЛ) в его классическом определении подразумевается «язык публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений» [Landry et al., 1997, с. 25]. Все вышеперечисленное можно назвать *единицами ЯЛ*. ЯЛ особенно интересен как объект научного исследования в многоязычных городах, поскольку он может многое сказать не только о языковой политике государства (отраженной в первую очередь в законодательном регулировании публичного городского пространства), деятельности и агентивности «низовых» акторов — «обычных» жителей, но и о том, может ли туризм внести вклад в поддержку МЯ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В последнее время, во многом из-за западных санкций, а также недавней эпидемии коронавируса, в России усиленно развивается внутренний туризм, хотя вопросы брендинга территорий, развития разных видов туризма поднимаются уже давно и отражены в научной литературе, см., например: [Трофимов, 2013]. С точки зрения статистики во всех трех республиках происходит как рост количественных показателей, так и увеличение вклада туристической отрасли в экономику республик. Совокупный валовый доход от всех видов въездного туризма в Республику Карелия составляет около 4,5 % валового регионального продукта (ВРП) Республики Карелия [Республика Карелия. Туризм в цифрах]. Республика Татарстан является одним из лидеров среди регионов Российской Федерации в сфере туризма, ежегодный темп прироста туристского потока в республику в среднем составляет 11,7 %, темп прироста объема реализации услуг в сфере туризма — 11,8 % [Республика Татарстан. Туризм в цифрах]. В Республике Бурятия, по данным Росстата, в 2023 году валовая добавленная стоимость туризма составила 16,3 млрд рублей, а объем платных услуг в туристической отрасли Бурятии увеличился на 17 % [Бурятия в цифрах. 2024]. Вклад туризма в экономику Бурятии составляет 3,7 %, что, по словам министра туризма Бурятии, ставит республику в топ-20 туристических регионов [Мигоцкая, 2024].

Во всех трех республиках (как и во многих других регионах РФ) имеются ресурсы для развития самых разных видов туризма: событийного, сельского, этнографического, культурно-познавательного и т. д., см. об этом, например: [Баталова, 2019; Дьяконова и др., 2018]. При этом объем использования МЯ как средства этнографического брендинга по России весьма неравномерен от региона к региону. На это влияет целый ряд факторов, включая количество носителей языка, наличие официального статуса, экономическое состояние региона. В экономически более развитых

регионах, в частности в Татарстане, продвижение и монетизация национальной (этнической) культуры, включая и язык, особенно заметно.

3.1. Присутствие единиц титульного языка в языковом ландшафте Татарстана

В Татарстане татарский язык присутствует в самых разнообразных наименованиях — от брендов модной одежды и аксессуаров (Алга, Tatarcha casual, MIRA RAHMAT, Аваз, Милли изю, Matur, Bizek, Ekiyat) до открыток и постеров, которые описывают сюжеты, раскрывающие характерные для татар особенности поведения и ментальности (напр., открытка «*Чәйгә чакыру*» — ‘приглашение на чай’, по замыслу автора подчеркивающая традицию чаепития у татар) [Мухаметзянова, 2016]. Национальная специфика региона видна в разных элементах языкового ландшафта: от названий улиц до заведений татарской национальной кухни (рис. 1, 2).

Рис. 1. Пример названия улицы на русском и татарском языках

Рис. 2. Пример названия заведения общественного питания на татарском языке

Один из информантов говорил об этом во время интервью: «В Татарстане как раз-таки показывают, что вот оно — многообразие, вот она — красота. Вы сами и по архитектуре, наверное, заметили. [Вы] не первый же день в Казани, наверное, вот эту изюминку почувствовали — и национальная кухня, и так далее» [AA].

Визуальное присутствие татарского языка в публичных пространствах является, безусловно, одним из маркеров этнической идентичности. В языковом ландшафте столицы Татарстана ученые выделяют четыре группы татарских эргонимов¹: 1) эргонимы, отражающие национальную культуру, являющиеся культурными кодами, символами (*кафе «Сөембикә», «Кыстыбый», гостиница и ресторан «Болгар»* и др.); 2) эргонимы, отражающие религиозное мировоззрение мусульман (названия продуктовых магазинов *«Хәләл ит», «Хәләл ризык», «Хәләл азык-төлек», кафе «Әл-кәүсәр»* и др.); 3) эргонимы, связанные с Востоком и отражающие культурные контакты с восточными странами (торговый комплекс *«Нагмир»,* агентство недвижимости *«Әль-Сәид»* и др.). В последние годы особо популярными стали образы тюрко-татарской мифологии: *Ак буре* (татар. ‘Белый волк’), сказочный крылатый змей *Зилант*, леший *Шурале* и др. [Solnyshkina et al., 2015].

МЯ имеют, пожалуй, наибольшие шансы для сохранения в сфере гастрономии, так как названия блюд национальной кухни относятся к категории безэквивалентной лексики (например, *казылык, тутурма, губадия, зур бэллиш, талкыш-калеве, кош-теле, азу, токмач* и т. д.). В этой области Татарстан имеет «раскрученную» товарную марку *«Бахетле»*, набирает обороты марка *«Тубэтэй»*, а названия татарских национальных блюд — *чакчак, очпочмак* и др. — известны далеко за пределами Татарстана. Именно в гастрономической сфере ярче всего видна тенденция использовать МЯ при номинации заведений: см., например, *ресторанный комплекс «Туган Авылым», рестораны «Ямь-Яиел», «Чирэм», «Тимерхан», ресторан-кафе «Алан Аш», заведения татарского фастфуда «Тубэтэй», «Кыстыбый», халыль-чайхана «Мархаба», столовая «Ашказан», кафе «Чай йорты»* и т. д.

Татарский язык используется и в рекламе, что не так часто можно встретить в других регионах России. Так, кафе «Кыстыбый» вместе с известным брендом Coca-Cola разработали рекламный щит, вывеску: *Coca-Cola + Кыстыбый. Бергә тәмлерәк!* (тат. ‘Вместе вкуснее’). В качестве

1 Эргонимы — собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научных, учебных, производственных учреждений), коммерческих предприятий (агентств, банков, магазинов, фирм), объектов культуры (кинотеатров, клубов, развлекательных учреждений, театров, парков), спортивных заведений (комплексов, стадионов), представляющие собой единицы лингвистического пространства города [Цит. по: Solnyshkina et al., 2015, с. 38].

татарских вкраплений используются высокочастотные лексемы, известные всем живущим в Татарстане, или лексемы, значение которых легко понимается по контексту. Например, торговая сеть Media Markt активно использовала татарские вкрапления в своих рекламных акциях: *Прогресс в каждый йорт* (тат. ‘дом’) [Solnyshkina et al., 2015, с. 48—49].

Тем не менее языком-доминантой при наименовании государственных и коммерческих объектов г. Казани является русский язык [Исмагилова, 2018]. В Казани только 10—15 % заведений общепита содержат намек на татарскую кухню. Из 2 000 кафе, ресторанов, баров и столовых около 300 так или иначе включают в свое меню нотки национальных блюд [Городнова, 2022].

3.2. Присутствие единиц титульного языка в языковом ландшафте Карелии

В Карелии, несмотря на призывы сделать карельский язык «визитной карточкой» Республики Карелия, что дало бы импульс развитию сельских территорий, в том числе развитию туризма [Дьяконова и др., 2018], национальные (этнические) языки региона, карельский и вепский, как правило, выполняют в публичных пространствах символическую функцию, подчёркивая национальный характер той или иной территории. Попытки создания полноценной языковой среды с помощью увеличения представленности карельского в визуальном окружении достаточно редки, а вариативность, связанная с диалектными различиями, отсутствием устойчивых орфографических стандартов, не позволяет говорить о карельском языковом ландшафте как о едином текстовом пространстве [Елагина и др., 2022].

Действительно, единицы карельского и вепского языков редко встречаются в номинациях сувенирной продукции (рис. 3), названиях кафе и ресторанов, гостиниц и других объектов, так или иначе связанных с туризмом, почти не встречаются в меню ресторанов.

Карельский язык присутствует на некоторых объектах культуры: домах культуры, этнокультурных центрах и т. п. (рис. 4); с 2020 года в Петрозаводске можно увидеть указатели с названиями отдельных улиц на двух языках: русском и карельском.

Несмотря на развитость туризма, как ЯЛ Карелии, так и «этнически-маркированные» продукты в основном русскоязычны, иногда англоязычны. Возможно, наиболее ярким примером является указатель санатория «Марциальные воды», являющегося первым российским курортом, основанным в 1719 году императором Петром I (рис. 5). Создатели этого указателя явно не сочли необходимым маркировать «карельскость» данного исторического места добавлением карельского языка к русскому и английскому.

Рис. 3. Пример наименований сувениров на карельском языке

Рис. 4. Этнокультурный центр Пряжинского национального муниципального района

Рис. 5. Указатель санатория «Марциальные воды».

Другой пример: в языковом ландшафте поселка Калевала — «старинной карельской деревни», «рунопевческой деревни» — развешаны баннеры с отрывками одноимённого эпоса и иллюстрациями к нему. Такое использование текста в пространстве не связано напрямую с поддержкой самого карельского языка (как, например, дублирование на собственно карельском на табличках в местном супермаркете), однако, несомненно, конструирует «карельскость» территории [Елагина и др., 2022].

3.3. Присутствие единиц титульного языка в языковом ландшафте Бурятии

Характеристики ЯЛ Улан-Удэ, столицы Республики Бурятия, свидетельствуют о слабом присутствии бурятского языка в ЯЛ, о декларативном исполнении законов о языках, пассивности «низовых» акторов. Заявленное в законе «О языках Республики Бурятия» двуязычие языкового ландшафта наблюдается в Улан-Удэ преимущественно в центре города, в Советском районе. Там наибольшая концентрация бурятоязычных вывесок государственных учреждений, частных заведений, указателей достопримечательностей и объектов культуры на двух языках. Это свидетельствует о формальном соблюдении требований закона властями РБ, поскольку в центральных районах это более заметно, чем на периферии. Также это имеет под собой и коммерческую, коммодификационную подоплеку: частные владельцы бизнеса стремятся извлечь выгоду из национальных брендов республики, национальной кухни, ориентируясь в том числе и на туристов, которые в большинстве своем бывают в центре города. В других

районах города бурятский язык можно увидеть на официальных знаках ЯЛ, поскольку это требование закона, и спорадически — на неофициальных вывесках коммерческих заведений. При этом так же, как и в Карелии и других республиках, в публичном пространстве чаще можно увидеть английский язык, чем бурятский (рис. 6, 7).

Рис. 6. Пример использования бурятского языка на официальной вывеске

Рис. 7. Пример использования бурятского языка на неофициальных коммерческих знаках

Двуязычные таблички с названиями улиц, вывески и другие знаки ЯЛ Улан-Удэ вносят вклад в создание национального колорита и маркируют «бурятскость» региона, подробнее см. об этом: [Языковые ландшафты ..., 2024]. При этом сами жители республики отмечают, что значимость присутствия бурятского языка в ЯЛ для его «возрождения» сомнительна: *«Вообще конечно важно, а для кого, сказать не могу точно. Как способ возрождения языка, конечно, это не очень, но как вспомогательная мера пойдет»* (бур., жен., 53 года) [Хилханова и др., 2024].

3.4. Опыт использования миноритарных языков в туристическом контексте

Таким образом, краткий анализ наиболее заметных тенденций в конструировании языковых ландшафтов и коммодификации языков в Татарстане, Карелии и Бурятии позволяет сделать вывод о том, что МЯ присутствуют в ЯЛ в виде названий различных реалий — от топонимических до гастрономических. Они выполняют в туристическом контексте скорее этномаркирующую и символическую функции, «поставляя» отдельные слова и морфемы для этнографического брендинга. Закономерности присутствия МЯ в ЯЛ схожи не только во всех трех регионах, но зафиксированы и в столицах других национальных регионов России, см., например, [Габдрахманова и др., 2015; Ferguson et al., 2018].

Полезно посмотреть на опыт других стран, имеющих более продолжительный опыт использования МЯ в туристическом контексте, например опыт использования инари-саамского языка на традиционной оленеводческой ферме в Финляндии, превратившейся в туристическую достопримечательность. Фермой управляет саамская семья, которая использует не только традиционные методы ведения оленеводческого хозяйства и традиционную одежду, но и инари-саамский язык. Ферма в Инари пытается донести саамскую культуру и язык до туристов, однако экскурсии по ферме проводятся на английском, финском и немецком языках, а не на инари-саамском. Но при этом во время экскурсий с туристами обсуждается важность инари-саамского языка. Благодаря этому повышается осведомленность и ценность языка в глазах туристов и саамского населения. Однако это не оказывает прямого влияния на количество говорящих [Kelly-Holmes et al., 2014]. Поскольку туристы не из этого региона и не понимают МЯ, сотрудникам туристической индустрии необязательно свободно владеть языком, достаточно использовать пару слов [Pietikäinen, 2015].

В обобщенном виде можно сказать, что мировой опыт использования МЯ в туристической индустрии в контексте их поддержки и ревитализации свидетельствует о существовании как возможностей, так и проблем

в этой области. В о з м о ж н о с т и , которые может предоставить индустрия туризма для поддержки МЯ, заключаются в следующем.

1. У миноритарных сообществ возрождается чувство гордости и идентичности, вследствие чего представления о том, что МЯ ассоциируются с отсталостью и бедностью, изменяются на более позитивные представления об их ценности. Следствием этого является повышение мотивации членов сообщества изучать свои традиционные языки, совершенствовать или проявлять их знание, а также предпринимать реальные усилия по сохранению этих языков и передаче их будущим поколениям.

2. Включение миноритарных языков в публичные пространства и туристический опыт повышает их статус и престиж, как это имело место в некоторых туристических дестинациях (например, Уэльс, Ирландия, саамский регион Финляндии). В более маленьких сообществах, однако, туризм служит не столько инструментом сохранения языка, сколько средством продвижения самобытной идентичности. Пример г. Чипило¹ в Мексике показывает, что туризм — это «дополнительный инструмент для продвижения самобытности Чипило через язык и другие нематериальные культурные элементы (например, гастрономию)» [Castillo-Villar et al., 2021, p. 11].

3. Возникновение глобализированной экономики привело в некоторых случаях к упадку традиционных видов экономической деятельности (например, оленеводства у саамов). Индустрия туризма частично способствует сохранению этих видов деятельности и самой отдельной (этно)культурной группы, поскольку придает новую (экономическую) ценность историческим традициям и практикам, включая языки. Спрос на этнокультурную аутентичность экономически поддерживает многие миноритарные сообщества, как, например, в случае с индейцами чероки: «Туризм — это то, что позволяло чероки оставаться чероки. Потому что [туристы] были готовы платить и искать “подлинные индейские вещи”. Народ чероки воспользовался (экономической) возможностью сохранить и возродить многое из своего традиционного наследия: искусства, ремесла, бытовые традиции и представления, а также языки» [Lonardi, 2022, p. 349—350].

Основная же проблема заключается в том, что туристический спрос побуждает миноритарные сообщества «упаковывать» и упрощать свое культурное наследие, чтобы оно стало более привлекательным и интересным для туристов; происходит коммодификация культуры. Когда язык становится объектом для туристического потребления, он становит-

1 Чипило — город в Мексике, основанный в 1882 году беженцами из Италии, региона Венето. Жители города сохраняют свои традиции и идентичность, включая язык: большинство жителей Чипило говорят на чипиленьо, разновидности венецианского языка.

сы стандартизированным, чрезмерно упрощенным, «сувениризованным». Особенно легко процессу объективации МЯ может подвергнуться в музеях.

И, наконец, исследователи отмечают, что не все туристические контексты годятся для того, чтобы ставить вопрос сохранения и поддержки МЯ. Если целью является пляжный туризм (как, например, на Майорке), туристов не интересуют впечатления, связанные с культурным наследием региона [Lonardi, 2022].

4. Заключение = Conclusions

В заключение следует сказать о том, что и в Татарстане, и в Карелии, и в Бурятии визуальное присутствие титульных языков в публичных пространствах является, безусловно, одним из маркеров этнической идентичности, создания национального колорита, презентации уникальности и культурного своеобразия территории. «Этнографический брендинг» призван создать ощущение аутентичности как для туристов, так и для местных жителей, о чем говорилось выше. Однако туризм не увеличивает число носителей МЯ и, если и способствует их сохранению, то скорее в качестве лингвистического объекта, а не живого средства коммуникации. Увеличения использования МЯ России на уровне дискурса не происходит по тем же причинам, почему это не происходит и в других регионах мира: для туристической индустрии достаточно крупных мировых языков, и функциональная нагрузка МЯ сводится к символической, этнографической функции, о чем говорилось выше. В целом можно сказать, что если этнические культуры довольно успешно используются в целях брендинга, то с языками это сделать сложнее.

Использование МЯ в туризме сопряжено как с создаваемыми этой сферой возможностями, так и с проблемами и рисками. С одной стороны, увеличение частоты присутствия миноритарных языков в публичном пространстве, в том числе в маркетинговых целях, безусловно, косвенно повышает их престиж и способствует их нормализации¹. Выход МЯ за пределы семейно-бытовой сферы способствует нарушению стереотипа, ассоциирующего их с отсталостью и бедностью, повышает мотивацию членов миноритарных сообществ к изучению и использованию данных языков как части групповой идентичности. Безусловно, туризм больше способствует сохранению невербальной части культуры, а также традиционных видов хозяйствования, что косвенно связано с языками, но не является их основным назначением. К проблемам и рискам относится

1 Термин *нормализация* пришел из каталонской социолингвистики и обозначает процесс восстановления функций языка в конкретном обществе [Нарумов, 2008, с. 46].

превращение языков в туристический продукт, упрощенный и приспособленный для поверхностного потребления. Превращение языка в «сувениризованный» объект для туристического потребления никак не способствует его сохранению и поддержке. И, наконец, следует отметить, что с языками и культурами связаны определенные виды туризма, такие как культурно-познавательный, религиозный или паломнический, образовательный. Такие же виды, как, например, рекреационный, лечебно-оздоровительный, спортивный и экстремальный, не предполагают знакомства с местными культурами и языками. В целом в деле сохранения и поддержки МЯ в туристической отрасли многое зависит от позиции и агентивности как государственных органов, так и самого местного населения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Баталова С. Р.* «Алга к истокам»: о Стратегии развития татарского мира, этнобрендах и культурном коде [Электронный ресурс] / С. Р. Баталова // Всемирный конгресс татар. — Режим доступа : <https://tatar-congress.org/ru/blog/alga-k-istokam-o-strategii-razvitiya-tatarskogo-mira-etnobrendah-i-kulturnom-kode/?ysclid=lf51wf11ey62993360> (дата обращения 12.03.2023).
3. *Бурятия в цифрах.* 2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : 03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bur2024_9-tur.pdf (дата обращения 12.03.2024).
4. *Городнова А.* Как «пересобрать» tatar food: способны ли татары создать мощный гастрономический бренд? / А. Городнова // *Buziness-gazeta.ru* [Электронный ресурс]. — 01.05.2022. — Режим доступа : <https://www.business-gazeta.ru/article/548723?ysclid=ly0d2sw8c5780212477> (дата обращения 10.02.2023).
5. *Мугоцкая Т.* Бурятия вошла в топ-20 туристических регионов России [Электронный ресурс]. — 05.07.2024. Режим доступа : <https://bgtrk.ru/news/society/251126/> (дата обращения 05.07.2024).
6. *Республика Карелия.* Туризм в цифрах [Электронный ресурс] // СОТИ — Система обмена туристской информацией. — Режим доступа : <https://www.nbcrs.org/regions/respublika-kareliya/statistics/?ysclid=lf8aots5ro443108264> (дата обращения 14.03.2023).
7. *Республика Татарстан.* Туризм в цифрах [Электронный ресурс] // СОТИ — Система обмена туристской информацией. — Режим доступа : <https://www.nbcrs.org/regions/respublika-tatarstan/statistics/?ysclid=lf8az8u9u3721979270> (дата обращения 14.03.2023).
8. *Харитонов В. С.* Статусы языковой витальности [Электронный ресурс] / В. С. Харитонов, В. В. Иванов, М. А. Каде. — Режим доступа : <http://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (дата обращения 20.01.2023).

Литература

1. *Алос-и-Фонт Э.* Лингвистический ландшафт г. Чебоксары и замечания по выполнению Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» / Э. Алос-и-Фонт // Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике / ред.: И. И. Бойко, А. В. Кузнецов. — Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015. — С. 259—280.
2. *Баранова В.* Регулирование языкового ландшафта в российских городах : многоязычие и неравенство / В. Баранова, К. Федорова // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — № 18 (4). — С. 625—640. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640.
3. *Габдрахманова Г. Ф.* Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона / Г. Ф. Габдрахманова, З. А. Махмутов, Э. А. Сагдиева. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Артифакт, 2015. — 56 с.
4. *Дьяконова М. В.* Язык и культура карел как бренд развития малых территорий (на примере этнолокальной группы карел-людигов) / М. Ф. Дьяконова, А. П. Родионова // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2018. — Т. 12. — № 4. — С. 119—133. — DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10411.
5. *Елагина А. А.* Карельский язык в языковом ландшафте Карелии и конструирование локальных пространств / А. А. Елагина, А. М. Рыжков // Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. — 2022. — Выпуск 7. — С. 241—248.
6. *Исмагилова А. Р.* Асимметрия эргономиконов г. Казани и г. Белфаста : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. Р. Исмагилова. — Казань, 2018. — 149 с.
7. *Мухаметзянова А. Р.* Этнокультурные проекты современной татарской молодежи в контексте этнической идентичности / А. Р. Мухаметзянова // Историческая этнология. — 2016. — Т. 1. — № 2. — С. 293—312.
8. *Нарумов Б. П.* Формирование романских литературных языков : современный галисийский язык. 2-е изд., доп. / Б. П. Нарумов. — Москва : ЛКИ, 2008. — 166 с.
9. *Павленко А.* Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания / А. Павленко // Мир русского слова. — 2016. — № 1. — С. 23—32.
10. *Трофимов Е. Н.* Развитие этнографического туризма в России / Е. Н. Трофимов // Вестник РМАТ. — 2013. — № 4. — С. 3—12.
11. *Федорова Л. Л.* Языковой ландшафт : город и толпа / Л. Л. Федорова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2014 — Т. 13. — Выпуск 6. — С. 70—80.
12. *Хилханова Э. В.* Городское многоязычие в национальных регионах России : языковые ландшафты и отношение к языкам (на примере Кызыла и Улан-Удэ) / Э. В. Хилханова, Ч. С. Цыбенова, В. В. Иванов // Новые исследования Тувы. — 2024. — № 4. — (В печати).
13. *Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики* / Э. В. Хилханова, Ч. Г. Ондар, В. В. Иванов, К. С. Акопян // Новые исследования Тувы. — 2024. — № 1. — С. 18—38. — DOI: 10.25178/nit.2024.1.2
14. *Castillo-Villar F. R.* Locals' perspectives on the role of tourism in the preservation of a diaspora language : The case of Veneto in Mexico / F. R. Castillo-Villar, G. Merlo-Simoni // Journal of Tourism and Cultural Change. — 2021. — № 20 (4). — Pp. 516—529. — DOI: <https://doi.org/10.1080/14766825.2021.1937192>.

15. *Ferguson J.* What language advertises : ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk / J. Ferguson, L. Sidorova // *Language Policy*. — 2018. — Т. 17. — № 1. — Pp. 23—54.
16. *Kelly-Holmes H.* Commodifying Sámi culture in an indigenous tourism site / H. Kelly-Holmes, S. Pietikäinen // *Journal of Sociolinguistics*. — 2014. — № 18 (4). — Pp. 518—538. — DOI: <https://doi.org/10.1111/josl.12092>.
17. *Landry R.* Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality : an empirical study / R. Landry, R. Bourhis // *Journal of Language and Social Psychology*. — 1997. — Volume 16. — Pp. 23—49. — DOI: [10.1177/0261927X970161002](https://doi.org/10.1177/0261927X970161002).
18. *Lonardi S.* Minority languages and tourism : a literature review / S. Lonardi // *Journal of Heritage Tourism*. — 2022. — № 17 (3). — Pp. 342—356. — DOI: [10.1080/1743873X.2021.2012183](https://doi.org/10.1080/1743873X.2021.2012183).
19. *Manchurina L.* Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha / L. Manchurina, M. Samsonova // *Sibirica*. — 2022. — № 3. — Vol. 21. — Pp. 128—158. — DOI: [10.3167/sib.2022.210307](https://doi.org/10.3167/sib.2022.210307).
20. *Pietikäinen S.* Multilingual dynamics in Sámi land : Rhizomatic discourses on changing language / S. Pietikäinen // *International Journal of Bilingualism*. — 2015. — № 19 (2). — Pp. 206—225. — DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006913489199>.
21. *Solnyshkina M. I.* Linguistic Landscape Westernization and Glocalization : the case of Kazan, Republic of Tatarstan / M. I. Solnyshkina, A. R. Ismagilova // *XLinguae Journal*. — April 2015. — Volume 8. — Issue 2. — Pp. 36-53. DOI: [10.18355/XL.2015.08.02.36-53](https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.02.36-53).

*Статья поступила в редакцию 02.07.2024,
одобрена после рецензирования 23.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

AA — *Archive of authors*. (In Russ.)

Batalova, S. R. “Alga to the origins”: on the development strategy of the Tatar world, ethno-brands and cultural code. In: *World Tatar Congress*. Available at: <https://tatar-congress.org/ru/blog/alga-k-istokam-o-strategii-razvitiya-tatarskogo-mira-etnobrendah-ikulturnom-kode/?ysclid=lf51wfl1ey62993360> (accessed 12.03.2023). (In Russ.)

Buryatia in numbers. 2024. Available at: [03.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bur2024_9-tur.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bur2024_9-tur.pdf) (accessed 12.03.2024). (In Russ.)

Gorodnova, A. (2022). How to “rebuild” tatar food: are Tatars able to create a powerful gastronomic brand? *Buziness-gazeta.ru*. 01 May. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/548723?ysclid=ly0d2sw8c5780212477> (accessed 10.02.2023). (In Russ.)

Kharitonov, V. S., Ivanov, V. V., Kade, M. A. *Statuses of linguistic vitality*. Access mode: <http://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (accessed 20.01.2023). (In Russ.)

Migotskaya, T. (2024). *Buryatia entered the top 20 tourist regions of Russia*. Available at: <https://bptrk.ru/news/society/251126/> (accessed 05.07.2024). (In Russ.)

The Republic of Karelia. Tourism in numbers. In: *Tourist Information Exchange System*. Available at: <https://www.nbcrs.org/regions/respublika-kareliya/statistics/?ysclid=lf8aots5ro443108264> (accessed 14.03.2023). (In Russ.)

The Republic of Tatarstan. Tourism in numbers. In: *Tourist Information Exchange System*. Available at: <https://www.nbcrs.org/regions/respublika-tatarstan/statistics/?ysclid=lf8az8u9u3721979270> (accessed 14.03.2023). (In Russ.)

References

- Alòs i Font, H. (2015). Linguistic landscape of Cheboksary and remarks on the implementation of the Law of the Chuvash Republic “On languages in the Chuvash Republic”. In: Boyko, I. I., Kuznetsov, A. V. (eds.). *Research of the linguistic situation in the Chuvash Republic*. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. 259—280. (In Russ.).
- Baranova, V., Fedorova, K. (2020). Regulation of the linguistic landscape in Russian cities: multilingualism and inequality. *Journal of Social Policy Research*, 18 (4): 625—640. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640. (In Russ.).
- Castillo-Villar, F. R., Merlo-Simoni, G. (2021). Locals’ perspectives on the role of tourism in the preservation of a diaspora language: The case of Veneto in Mexico. *Journal of Tourism and Cultural Change*, 20 (4): 516—529. DOI: <https://doi.org/10.1080/14766825.2021.1937192>.
- Dyakonova, M. V., Rodionova, A. P. (2018). Karelian language and culture as a brand for the development of small territories (on the example of the ethnolocal Karelian-Ludikov group). *Modern problems of service and tourism*, 12 (4): 119—133. DOI: 10.24411/1995 0411 2018 10411. (In Russ.).
- Elagina, A. A., Ryzhkov, A. M. (2022). Karelian language in the linguistic landscape of Karelia and the construction of local spaces. *Almanac of Northern European and Baltic studies / Nordic and Baltic Studies Review*, 7: 241—248. (In Russ.).
- Fedorova, L. L. (2014). Linguistic landscape: the city and the crowd. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 13 (6): 70—80. (In Russ.).
- Ferguson, J., Sidorova, L. (2018). What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk. *Language Policy*, 17 (1): 23—54.
- Gabdrakhmanova, G. F., Makhmutov, Z. A. (2015). *State languages of the Republic of Tatarstan in the linguistic landscape of the region*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifact. 56 p. (In Russ.).
- Khilkhanova, E. V., Ondar, Ch. G., Ivanov, V. V., Hakobyan, K. S. (2024). The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy. *New Research of Tuva*, 4: 18—38. DOI: 10.25178/nit.2024.1.2. (In Russ.).
- Khilkhanova, E. V., Tsybenova, Ch. S., Ivanov, V. V. (2024). Urban multilingualism in the national regions of Russia: linguistic landscapes and attitudes to languages (on the example of Kyzyl and Ulan-Ude). *New studies of Tuva*, 4 (In Press.). (In Russ.).
- Ismagilova, A. R. (2018). *Asymmetry of ergonomics in Kazan and Belfast*. PhD Diss. Kazan. 149 p. (In Russ.).
- Kelly-Holmes, H., Pietikäinen, S. (2014). Commodifying Sámi culture in an indigenous tourism site. *Journal of Sociolinguistics*, 18 (4): 518—538. DOI: <https://doi.org/10.1111/josl.12092>.
- Landry, R., Bourhis, R. (1997). Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, 16: 23—49. DOI: 10.1177/0261927X970161002.
- Lonardi, S. (2022). Minority languages and tourism: a literature review. *Journal of Heritage Tourism*, 17 (3): 342—356. DOI: 10.1080/1743873X.2021.2012183.
- Manchurina, L. (2022). Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha. *Sibirica*, 3 (21): 128—158. DOI: 10.3167/sib.2022.210307.

- Mukhametzyanova, A. R. (2016). Ethnocultural projects of modern Tatar youth in the context of ethnic identity. *Historical ethnology, 1 (2)*: 293—312. (In Russ.).
- Narumov, B. P. (2008). *Formation of Romance literary languages: modern Galician language. 2nd ed., supplement*. Moscow: LKI. 166 p. (In Russ.).
- Pavlenko, A. (2016). Russian as a lingua franca in the foreign service sector. *The world of the Russian word, 1*: 23—32. (In Russ.).
- Pietikäinen, S. (2015). Multilingual dynamics in Sámiland: Rhizomatic discourses on changing language. *International Journal of Bilingualism, 19 (2)*: 206—225. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367006913489199>.
- Solnyshkina, M. I. (2015). Linguistic Landscape Westernization and Glocalization: the case of Kazan, Republic of Tatarstan. *XLinguae Journal, 8 (2): April*. 36—53. DOI: 10.18355/XL.2015.08.02.36-53.
- Trofimov, E. N. (2013). The development of ethnographic tourism in Russia. *Bulletin of the RMAI, 4*: 3—12. (In Russ.).

*The article was submitted 02.07.2024;
approved after reviewing 23.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Чжан Яньцю. Культурно-национальные особенности русских и китайских пословиц с компонентом «мышь» / Чжан Яньцю // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 114—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-114-126.

Zhang Yanqiu. (2024). Cultural and National Peculiarities of Russian and Chinese Proverbs with Component ‘Mouse’. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 114-126. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-114-126. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Культурно-национальные особенности русских и китайских пословиц с компонентом «мышь»

Чжан Яньцю

orcid.org/0000-0002-1674-7868
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра русского языка
yanqiu.zhang@mail.ru

Пекинский
педагогический университет
(Пекин, Китай)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных
исследований для центральных
университетов

Cultural and National Peculiarities of Russian and Chinese Proverbs with Component ‘Mouse’

Zhang Yanqiu

orcid.org/0000-0002-1674-7868
PhD in Philology, senior lecturer,
Department of Russian
yanqiu.zhang@mail.ru

Beijing Normal University
(Beijing, China)

Acknowledgments:

This research was conducted
with financial support
from the Fund for Fundamental
Research for Central Universities

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются установки русской и китайской культур, репрезентированные в пословицах с ключевым компонентом «мышь». Проанализировано 33 русских и 9 китайских паремий, извлеченных из словарей. Автор описывает русские и китайские культурные стереотипные установки в отношении человека, особенности жизни которого, социальная роль, жизненный опыт воплощаются в пословицах с компонентом «мышь». Отмечается, что только два социокультурных представления обоих народов в изученных выражениях имеют пересечения: 5 русских и 1 китайская пословицы иносказательно говорят о трусости человека, который сталкивается с сильным противником (обычно в образе кота), и невозможности противостоять ему. Указывается, что русские пословицы имеют констатирующий характер, обращаясь к жизненному опыту социально незначительного человека, которому трудно противостоять сильному. В свою очередь китайские пословицы представляют собой размышления о жизненных трудностях, где также встречается оппозиция «сильный — слабый». Для сопоставления культурных установок в русских и китайских паремиях с современными стереотипными представлениями носителей языка проведен ассоциативный эксперимент. Автор приходит к выводу, что ассоциативный ряд современных носителей языка более прагматичен, нежели культурные установки, отраженные в паремиях.

Ключевые слова:

лингвокультурология; пословичные биномы; мышь; культурные установки; китайский язык; русский язык; преподавание русского языка как иностранного.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the cultural norms of Russian and Chinese cultures as represented in proverbs with the key component “mouse”. Thirty-three Russian and nine Chinese proverbs extracted from dictionaries are analyzed. The author describes the cultural stereotypes of Russians and Chinese regarding individuals, aspects of their lives, social roles, and life experiences embodied in proverbs featuring the component “mouse”. It is noted that only two socio-cultural representations of both nations in the studied expressions intersect: five Russian and one Chinese proverb metaphorically speak of a person’s cowardice when facing a strong opponent (usually symbolized by a cat) and the impossibility of resisting them. Russian proverbs are characterized as declarative, drawing on the life experience of socially insignificant individuals who find it difficult to resist the powerful. In contrast, Chinese proverbs reflect on life’s difficulties, also featuring an opposition between the “strong” and the “weak”. To compare cultural norms in Russian and Chinese proverbs with modern stereotypical beliefs of language speakers, an associative experiment was conducted. The author concludes that the associative series of modern language speakers is more pragmatic than the cultural norms reflected in proverbs.

Key words:

linguistic and cultural studies; proverbial binomials; mouse; cultural norms; Chinese; Russian; teaching Russian as a foreign language.

УДК 811.581'37+811.161.1'37+82-84

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-114-126

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Культурно-национальные особенности русских и китайских пословиц с компонентом «МЫШЬ»

© Чжан Яньцю, 2024

1. Введение = Introduction

Знания и опыт, приобретенные людьми на протяжении многих веков, закрепляются в языке посредством выражений, имеющих устойчивый характер: фразеологических оборотов, пословиц, поговорок. Их изучение дает богатый материал для понимания мировоззрения, традиций, культурных установок того или иного народа, поскольку, по точному замечанию С. Г. Тер-Минасовой, «важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в формировании личности, национального характера, народа, нации» [Тер-Минасова, 2000, с. 79—80]. В свою очередь сопоставительный анализ позволяет выявить сходства и различия в жизни людей, принадлежащих разным национальным культурам. Лингвокультурологическое исследование русских паремий на фоне китайского языка привлекает внимание многих китайских ученых [Нань Яньхуа, 2022; Хо Сяоцзюн, 2022; Цзюй Чуаньтин, 2017; Юань Лиин, 2016; и др.]. В данной области особенное внимание китайских и российских лингвистов уделяется исследованию пословиц с зоонимическим компонентом [Зиновьева и др., 2020; Цао Цзяци, 2018; Цзюй Чуаньтин, 2017; Сини Лю, 2018; Чжан Чжицян, 2011]. Пословицы с компонентом-зоонимом изучаются в русле антропоцентрической парадигмы исследований, поскольку такие паремии отражают факты, связанные непосредственно с жизнедеятельностью человека. В любой лингвокультуре существует традиция, помимо имени, давать человеку какое-либо прозвище, актуализирующее свойственные ему физиологические, психологические или социальные особенности. Люди с древних времен приписывали человеку качества животных, которыми они наделялись в представлении людей. Компоненты-названия животных переходили в разряд слов-символов, на основе которых появились пословицы, отражающие сложившиеся у людей на протяжении истории представления о разных растениях и животных [Дзейтова, 2018, с. 120].

В русском и китайском языках культурные коннотации, репрезентируемые значениями пословиц с компонентом-зоонимом, неизбежно различаются. Их анализ способствует обогащению знаний китайских и русских студентов об отраженных в языках культурных традициях обеих стран. Н. Бонвиллейн отмечает, что «культурный компонент значения отсылает к системе ценностей исследуемой культуры через культурные пресуппозиции — модели представлений культуры в том виде, в котором они выражаются и передаются через язык» [Bonvillain, 1997, p. 63]. В связи с различием в культурных установках «модели представлений» у народов могут значительно расходиться, что, на наш взгляд, и происходит в случаях использования паремий с компонентом «мышь», при этом интерпретация их значений русскими и китайскими носителями языка может быть ошибочной. Поскольку в сопоставительном аспекте китайские и русские паремии со словом рус. *мышь* / китайск. 鼠 не изучались, в этом будет заключаться новизна исследования и практическая значимость его результатов для преподавания русского языка как иностранного и для учебной лексикографии.

Цель нашего исследования состоит в выявлении национально-культурных особенностей русских пословиц с компонентом *мышь* на фоне паремий с данным зоонимом в китайском языке.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящем исследовании с позиций лингвокультурологического подхода посредством использования методов сопоставительного и интерпретационного анализа выявляются культурные смыслы, соотносительные с образом мыши в русской и китайской лингвокультурах, и ассоциативный потенциал этого образа в интерпретации поведения и характеристик человека, что находит выражение в паремиологических единицах.

Материал для лингвокультурологического анализа русских пословиц с компонентом *мышь* на фоне их китайских аналогов отбирался из «Большого словаря русских пословиц» [Мокиенко и др., 2010], «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» [Зимин, 2011], а также из китайских лексикографических источников: «Большой словарь китайских пословиц» [Большой словарь ..., 2011] и «Словарь пословиц Синьхуа» [Словарь ..., 2005].

Методика исследования включала в себя следующие этапы. Сначала посредством поискового запроса в словарях были выявлены паремии с компонентом *мышь*: 33 русских и 9 китайских выражений. Далее мы проанализировали значения и примеры употребления данных единиц с целью выявления общих и различных культурных установок. Здесь автор опирался на алгоритм анализа паремий Е. И. Зиновьевой и А. Е. Маточкиной: они

классифицировали пословицы на основании установок культуры; анализировали толкование пословиц и этимологические комментарии к ним; выявляли паремийные биномы [Зиновьева и др., 2017]. Соответственно, результатом нашего исследования на этом этапе стали пословичные биномы в русских и китайских выражениях с компонентом рус. *мышь* / китайск. 鼠.

Для верификации стереотипного представления о мышши в изучаемых лингвокультурах по данным анализа паремий на третьем этапе исследования был проведен свободный цепочечный ассоциативный эксперимент, выявляющий реакции на слово-стимул рус. *мышь* / китайск. 鼠 в русском и китайском языках. От 30 русских и 30 китайских респондентов требовалось написать ассоциации на заданный стимул. Количество реакций не ограничивалось, на выполнение задания отводилось 5 минут. Затем мы проанализировали выявленные ассоциативно-вербальные поля в русском языке на фоне китайских данных. Полученные на слово *мышь* ассоциации были нами распределены по тематическим группам, чтобы эксплицировать культурно-национальные особенности русских пословиц с компонентом *мышь* на фоне китайского языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ мышши в русских и китайских паремиях

На основе анализа материала можно утверждать, что часть русских и китайских пословиц с компонентом *мышь* связаны с двумя общими социокультурными установками:

Трусливые люди могут быть храбрыми только тогда, когда им ничего не угрожает (ее вербализуют 5 русских пословиц и 1 китайская): *И мышшь грозит кошке, да издалека* (рус.), *И мышшь кошке грозит, да из подполья* (рус.), *И мышшь кошку пугает, а сама из норы не вылезает* (рус.), *Утопили мышши кота в помойной яме, да неживого* (рус.), *Утопили мышши кота в яме, да мёртвого* (рус.); 阴沟里的老鼠 — 明的不敢来暗地里来 / *Мышь в закрытой канаве может заниматься чем-нибудь только тайно* (кит.).

Между противниками не может быть истинных чувств: Мыши кота погрёбают — недруга своего провожают (рус.); 猫哭耗子 — *Кот оплакивает мышшь* (кит.).

И в русских, и в китайских пословицах репрезентируются отношения людей в конфликтной ситуации, где есть установка на «своего» и «чужого»: кот для мышшей — «чужой», кого надо бояться и кто не может вызывать сочувствия, добрых чувств, то есть реализуется природный сюжет, спроецированный на человеческую коммуникацию. Для русской и китайской культур данный тип отношений универсален.

Существуют также установки культуры, вербализованные только в русских или только в китайских пословицах. В русских пословицах с компонентом *мышь* выражены следующие лакунарные относительно китайского языка установки культуры (всего 26 русских пословиц). Они касаются советов, основанных на жизненном опыте, например:

Нужно знать как можно больше способов для решения проблемы: *Бездельная та мышь, которая токмо одну дыру знает; Беззаботна та мышь, которая только одну лазейку знает; Худа та мышь, которая одну [только] лазею(лазейку) знает; Худа та мышь, что один только лаз знает; Мышь не в одну нору ходит.*

Надо заранее запастись и беречь нужное: *И мышь в свою норку тащит (себе) корку; И мышь в свою норку тащит хлеба корку.*

Знакомых вещей или обстоятельств не стоит бояться: *Мышь копной не задавить (не задавишь); Мышь копны не боится.*

Чтобы добиться успеха, нужно действовать быстро и решительно: *Поймалася (поймаласе) мышь — враз и бей, станешь изгиляться — мышей разведёшь.*

Нельзя недооценивать противника: *Невелика мышка, да зуб остёр.*

Пословицы характеризуют установки в отношении социальных ролей, статусов и под., например:

Каждый на своей собственной территории является боссом: *Мышь в коробе как воевода в городе; Мышь в коробе как (что) князь в городе.*

Незначительный человек не заслуживает беспокойства: *Мышь гору не источит; Мышь из реки больше не выпьет, чем в брюхо влезет.*

Нужно знать свое место в присутствии сильного: *Кошка на пороге, а мышка в уголок.*

Робость мыши дает говорящим повод для **шутливо-иронического преувеличения ее значимости** в русской иронической пословиц: *Видя мышь, кошка забыла и ложку.*

Одна из паремий репрезентирует особенности поведения представителей определенных социальных групп, например:

Плохие привычки трудно изменить: *Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет.*

Пословицы могут отражать отношения власти и человека, например:

Без надзора сверху — хорошо, свободно: *Где нет кошки, там мыши режутся; Кошки грызутся — мышам приволье (раздолье); Кошки нет дома — мышам воля; Кошки со двора, а мыши по столам; Без кота мышам масленица.*

Кроме того, народные выражения выражают определенную жизненную философию, например:

В жизни всё относительно и многое субъективно, что одному хорошо, другому плохо: Кошке — игрушки, мышке — слёзки; На мышку и кошка зверь; Мышь сыта, [и] мука горька.

В китайском языке нами обнаружены 7 установок культуры, отраженных в китайских пословицах с компонентом 鼠 «мышь» и не имеющих эквивалентов в русском языке. Отметим, что они обладают преимущественно стилистикой размышления, а не констатации, которая более свойственна русским пословицам.

Из плохого не получается хорошее: 鼠口不出象牙 / Изо рта мыши не достать зубы слона.

Перед смертью любой человек любыми способами пытается спасти свою жизнь: 鼠雀贪生, 人岂不惜命 / Мыши и птицы жадны до жизни, разве люди не дорожат своей жизнью.

Все общепринятое не надо подвергать сомнению: 鼠无大小皆称老, 龟有雌雄总姓乌 / Независимо от размера всех мышей зовут «лао», независимо от пола, всех черепах зовут «у».

У каждого есть свой выход из трудной ситуации, у всех свои способы решения проблем: 蛇有蛇路, 鼠有鼠路 / У змей есть свой путь, у мышей есть своя дорога.

Паника слабого перед лицом сильного сделает сильного более высокомерным: 鼠张猫势 / Видя кошку, мышшь умирает от страха, что придает кошке внушительный вид.

Противоборствующие стороны не могут жить в мире: 猫鼠不可以同穴 / Кошки и мыши не могут находиться в одной норе.

На силу всегда найдется большая сила: 鹰叼蛇, 蛇吞鼠 / Орел ловит змею, а змея проглатывает мышшь.

Таким образом, анализ пословиц показывает, что репрезентация образа мыши в русских и китайских паремиях имеет больше различий, чем сходств.

Рассмотрение пословичных биномов в русских и китайских выражениях с компонентом *мышшь* / 鼠 показало, что в русских паремиях выделяются следующие атрибутивные комплексы: ‘грызун — помещение’: мышшь — копна, ‘грызун — пища’: мышшь — корка / хлеб, ‘грызун — убежище’: мышшь — нора / лазейка / дыра. В китайских пословицах мы выделили видовые подобию: мышшь — воробей, мышшь — змея. Кроме того, обнаружен как в русских, так и в китайских пословицах один и тот же паремийный бином — видовое противопоставление: мышшь — кот. При этом пословичный образ мыши обладает презрительной или снисходительной по отношению к слабому коннотацией: это трусливое, незначительное, зависимое от сильного существо.

3.2. Образ мыши в представлениях современных носителей языка

Для выявления современного стереотипного представления об интесующем нас грызуне в русском языковом сознании на фоне китайских представлений о нем был проведен ассоциативный эксперимент. Полученные на слово *мышь* ассоциации распределены нами по тематическим группам. Стереотипное представление о выраженном этим словом понятии в русском языковом сознании выглядит следующим образом: мышь, во-первых, характеризуется носителями языка как животное (реакции: *кот, зверь, грызун, полевка, летучая мышь*). Первая ассоциация вскрывает типичную оппозицию *кот — мышь*, поскольку в природе эти животные, обитая в общей экосистеме, связаны друг с другом как хищник и жертва. Следующие три реакции можно описать по принципу общее (*зверь*) и частное (*грызун, полевка*). Можем предположить, что ассоциация с летучей мышью, с одной стороны, обусловлена устойчивой терминологической сочетаемостью (*летучая мышь*), с другой — актуальна в связи с пандемией, в период которой это животное часто упоминалось в СМИ. Характерные черты внешнего облика мыши респонденты определили так: *серый, уши, хвостик, усы*. Этот грызун издает характерные звуки — *писк, шорох*. Типичные места обитания — это *дом, поле, подвал, ангар и дырка*, то есть норка, где есть достаточно пищи или куда удобно спрятаться. Любимая пища — *сыр и зерно*. Типичные средства для их уничтожения — *мышеловка и мышьяк*. Мышь вызывает отрицательные эмоции и оценки (*испуг, вредитель*). Выявлены ассоциации со словом *крыса*, которая представляется страшной злой мышью с длинным противным хвостом. Можно назвать *крысой* человека, который украл что-то либо имеет намерение украсть, обманул, обманывает или хочет обмануть с целью получения материальной выгоды. Во-вторых, мышь ассоциируется с распространенным компьютерным аксессуаром — *компьютерной мышью*, упоминание о которой встречается часто в реакциях русских респондентов.

Стереотипное представление о *мышь* в китайском языковом сознании выглядит следующим образом: во-первых, китайские респонденты тоже закономерно относят мышь к животным (*кот, змея, таракан, животное*), поскольку *кот* — естественный враг мыши; а *змея*, согласно известному в китайском языке фразеологизму 蛇鼠一窩 / *змея и мышь в одном гнезде* со значением ‘о нескольких людях, объединившихся с плохими целями’, ассоциируется с негативными коннотациями в паре с мышью; *таракан*, как и *змея*, также негативно связан с мышью общностью среды обитания, бытовыми условиями: в китайском сознании — где есть мыши, там есть и тараканы, потому что обоим существам нравится грязь. Характерными чертами внешнего облика грызуна являются такие: *серый, длинный хвост*,

разбойничий взор. Типичной особенностью поведения называется способность *грызть ножки стола*. Обычные места обитания — *дырки, канализация*, куда грызуны прячутся, и *мусорная свалка* — место, где достаточно пищи для мышей. Пища мышей — *кукуруза, кунжутное масло и рис*. Отсюда и возникает ассоциация с названием популярной в Китае песни «*Мышь любит рис*», в частности, со строчками «*Я люблю тебя, люблю тебя, как мышь любит рис*». Во-вторых, мышь ассоциируется у китайцев с китайским *гороскопом*, который очень важен с точки зрения соблюдения традиций. В-третьих, респонденты также ассоциируют *мышь* с названием ресторана в городе Тайюане «*Мышиная нора*», известного начиная с 30-х годов прошлого века прекрасным приготовлением юаньсяо — вареных колобков из клейкой рисовой муки с начинкой, которые готовятся на праздник фонарей и до сих пор пользуются доброй славой во всем Китае. В-четвертых, у респондентов возникает ассоциация с *гуандунцами*, что можно объяснить пищевыми привычками последних: в провинции Гуандун традиционно готовят блюдо «*Бамбуковая мышь в соевом соусе*». Но «*бамбуковые мыши*» отличаются от обычных мышей тем, что они культивированы специально для приготовления их в пищу, хотя для жителей других провинций данная привычка является странной, поэтому они говорят о ней с иронией.

В китайском языковом сознании мышь вызывает более широкие ассоциации, нежели в сознании носителей русского языка, при этом они преимущественно отрицательные. Помимо указанных выше, отметим еще несколько реакций китайских респондентов. Так, ассоциированное с мышью выражение *четыре вредителя* связано с изданием Центральным комитетом Коммунистической партии Китая и Государственным советом в 1958 году «*Инструкции по гигиене четырёх вредителей для дел здравоохранения*» по борьбе с мышами, клопами, мухами и комарами. Наверное, именно по этой причине мышь ассоциируется с такими традиционными инструментами дератизации, как *мышинный яд* и *доска для клеения мышей*, которые и в настоящее время широко используются в деревнях. От китайских респондентов получена также реакция *вор*, что, вероятно, связано с популярным детским фольклором: *Маленькая мышка, поднялась на масляную лампу. Украла масло, чтобы поест, не смогла спуститься с лампы и скатилась вниз*. История песенки обращает нас к быту Древнего Китая: большинство семей простых людей в древности использовали для освещения масляные лампы, в которые обычно заливали масло, сваренное из животного жира, поэтому мыши подходили к светильнику, чтобы украсть масло и съесть его. Кроме того, мышь ассоциируется и с устойчивым выражением «*Когда мышь перебегает дорогу, все кричат “бей”!*», которое обозначает отно-

шение к объекту всеобщей ненависти. Последняя выявленная нами реакция *старуха мышь*, которая происходит из мультфильма «Большая рыба и яблоня китайская». В этом фильме *старуха мышь* была послана на землю за нарушение правил небес. Она отвечала за мышей, превращенных злыми духами человечества, жила у подземного отстойника и сидела в темноте весь день, не имея возможности соприкоснуться с солнцем. Таким образом, можно констатировать, что большая часть ассоциаций на слово-стимул *мышь* у китайских респондентов связана с ее негативным восприятием сквозь призму оценки бытовых условий, в которых живет этот грызун.

4. Заключение = Conclusions

Стереотипные представления о мыши, репрезентированные в русских и китайских пословицах, имеют некоторые общие черты. Например, в образе мыши представляется трусливый человек, ее антагонистом является кот — «чужой», которого следует бояться, — так в паремиях реализуется модель конфликтной ситуации.

В то же время в пословицах обнаружено больше различий, составляющих национальное своеобразие представлений о мыши. В русской лингвокультуре образ мыши ассоциируется с человеком, имеющим ролевую специфику в паре, выбирающим манеру поведения, свойственную представителям определенных социальных групп, с приобретением жизненного опыта, при этом отношение к мыши характеризуется преимущественно слабо выраженной негативностью или нейтральностью оценок. В китайских пословицах образ мыши представлен в стиле философских размышлений и так же, как и в русских паремиях, имеет в основном нейтральную коннотацию. Между тем в ассоциативном поле реакции на слово-стимул *мышь* у русских респондентов характеризуются меньшей эмоциональностью, чем в китайской аудитории. Китайские респонденты показывают больше негативных ассоциаций, например, *разбойничий взор*, *грызть ножки стола*, *мусорная свалка*, *крыса*, *грязная* и др., которые отсылают к неблагоустроенности быта, грязи, то есть к тем условиям, в которых обитают грызуны. Это, с нашей точки зрения, обусловлено тем, что в китайском языке понятия «мышь» и «крыса» выражаются одним и тем же словом 老鼠, при этом крыса наделяется исключительно негативными коннотациями.

Культурно-языковые особенности пословиц с компонентом *мышь* в русской языковой картине мира на фоне китайской заключаются в следующем:

— паремии в сравниваемых лингвокультурах имеют преимущественно разные, нежели сходные культурные установки: только две из общего количества совпадают;

— русским паремиям свойственен характер констатации, а китайским размышления;

— паремийный образ мыши обладает коннотацией зависимости слабого, трусливого от более сильного;

— в состав русских пословиц включаются обозначения национальных реалий: *воевода, князь, масленица*.

Итак, паремийный образ мыши в глазах китайца, изучающего русский язык, репрезентирует представления народа о человеке, который находится все время в состоянии конфликта с миром: защищается / спасается от более сильных людей, ищет убежище, разные способы выйти из трудного положения, испытывает страдания. В то же время ассоциативные ряды, которые составлены на основе соответствующего эксперимента, демонстрируют более прагматичный подход к восприятию образа мыши.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники

1. *Большой словарь китайских пословиц* / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. — Шанхай : Издательство Шанхай Цышу, 2011. — 1398 с. (温端政 中国谚语大辞典. 上海 : 上海辞书出版社, 2011年). (на кит. яз.).

2. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. — Москва : Олма Медиа Групп, 2010. — 1023 с. — ISBN 978-5-373-03250-6.

3. *Словарь пословиц Синьхуа* / под ред. Вэнь Дуаньчжэн. — Пекин : Коммерческое издательство, 2005. — 570 с. (温端政 新华谚语词典. 北京 : 商务印书馆, 2005年). (на кит. яз.).

Литература

1. *Дзейтова Х. Б.* Оценочная функция фитонимов и зоонимов во французских поговорках и пословицах / Х. Б. Дзейтова // Известия Чеченского государственного университета. — 2018. — № 2 (10). — С. 119—122.

2. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. — Москва : АСТ-Пресс, 2021. — 736 с. — ISBN 978-5-9909262-8-8.

3. *Зиновьева Е. И.* Лингвокультурологический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) / Е. И. Зиновьева, А. Е. Маточкина // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. — 2017. — № 28. — С. 29—34.

4. *Зиновьева Е. И.* Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) / Е. И. Зиновьева, Цао Цзяци // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2020. — № 2 (27). — С. 1—5. — DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).14).

5. *Нань Яньхуа.* Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Нань Яньхуа. — Санкт-Петербург, 2022. — 238 с.

6. Сини Лю. Орнитологический код русской и китайской лингвокультуры на примере слова «курица» / Сини Лю // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2018. — № 4. — С. 108—116. — DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-108-116.

7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2000. — С. 79—80. — ISBN 5-85050-240-8.

8. Хо Сяоцзюн. Орнитологический код культуры в русской паремиологической картине мира : лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Хо Сяоцзюн. — Санкт-Петербург, 2022. — 208 с.

9. Цао Цзяци. Русские пословицы с компонентом «комар» на фоне китайского языка / Цао Цзяци // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича. — 2018. — № 10. — С. 273—279.

10. Цзюй Чуаньтин. Ментальная характеристика паремий с зоонимом в русском и китайском языках / Цзюй Чуаньтин // Метеор Сити. — 2017. — № 2 (8). — С. 63—68.

11. Цзюй Чуаньтин. Эмоционально-оценочная характеристика паремий с компонентом «животное» в китайском и русском языках / Цзюй Чуаньтин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2017. — № 4. — С. 177—180.

12. Чжан Чжицян. Межязыковые фразеологические эквиваленты с компонентами — наименованиями животных (на материале русского и китайского языков) / Чжан Чжицян // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2011. — № 3. — С. 83—87.

13. Юань Линн. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка : лингвокультурологический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Юань Линн. — Санкт-Петербург, 2016. — 26 с.

14. Bonvillain N. Language, culture and communication. The meaning of messages / N. Bonvillain. — Upper Saddle River, New Jersey : Prentice Hall, 1997. — 374 p.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 01.08.2024.*

Material resources

A large dictionary of Chinese proverbs. (2011). Shanghai: Publishing House of Shanghai City. 1398 S. (In Chin.).

Dictionary of Xinhua Proverbs. (2005). Beijing: Commercial Publishing House. 570 p. (In Chin.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva, E. K. (2010). *The Great Dictionary of Russian proverbs.* Moscow: Olma Media Group. 1023 p. ISBN 978-5-373-03250-6. (In Russ.).

References

Bonvillain, N. (1997). *Language, culture and communication. The meaning of messages.* Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall. 374 p.

- Cao Jiaqi. (2018). Russian proverbs with the component “mosquito” against the background of the Chinese language. *Bulletin of the Faculty of Humanities of the St. Petersburg State University of Telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruевич, 10*: 273—279. (In Russ.).
- Chuantin, C. (2017). Mental characteristics of the paremia with a zoonym in Russian and Chinese. *Meteor City, 2 (8)*: 63—68. (In Russ.).
- Dzeitova, H. B. (2018). The evaluative function of phytonyms and zoonyms in French sayings and proverbs. *Proceedings of the Chechen State University, 2 (10)*: 119—122. (In Russ.).
- Ho Xiaojun. (2022). *Ornithological code of culture in the Russian paremiological picture of the world: linguistic and cultural aspect (against the background of the Chinese language)*. PhD Diss. St. Petersburg. 208 p. (In Russ.).
- Ju Ch. (2017). Emotional and evaluative characteristics of the paroemias with the component “animal” in Chinese and Russian. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 4*: 177—180. (In Russ.).
- Nan Yanhua. (2022). *Linguocultural description of the paroemias of the Russian language with a phytonym component against the background of Chinese and Korean languages*. PhD Diss. St. Petersburg. 238 p. (In Russ.).
- Sini, L. (2018). Ornithological code of Russian and Chinese linguoculture on the example of the word “chicken”. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 4*: 108—116. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-108-116. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. (2000). *Language and intercultural communication*. Moscow: Slovo. 79—80. ISBN 5-85050-240-8. (In Russ.).
- Yuan Liying. (2016). *Russian proverbs about good breeding / bad manners against the background of similar parodies of the Chinese language: linguistic and cultural aspect*. Author’s abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Zhiqiang Ch. (2011). Interlanguage phraseological equivalents with components — animal names (based on the material of the Russian and Chinese languages). *Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. The methodology, 3*: 83—87. (In Russ.).
- Zimin, V. I. (2021). *Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions*. Moscow: AST-Press. 736 p. ISBN 978-5-9909262-8-8. (In Russ.).
- Zinovieva, E. I. (2020). Linguoculturographic description of Russian proverbs with a component the name of an insect (against the background of the Chinese language). *Scientific notes of the Novgorod State University, 2 (27)*: 1—5. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2 \(27\).14](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2 (27).14). (In Russ.).
- Zinovieva, E. I., Matochkina, A. E. (2017). Linguoculturographic aspect of the study of Russian paroemias (based on the material of proverbs with a component of water). *Russian as a foreign language and methods of its teaching, 28*: 29—34. (In Russ.).

*The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 01.08.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ширшикова А. А. Английские предлоги, выражающие предельный срок совершения действия : особенности семантики и функционирования / А. А. Ширшикова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 127—144. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-127-144.

Shirshikova, A. A. (2024). English Prepositions Expressing Temporal Limits: Semantic Features and Functioning. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 127-144. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-127-144. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Английские предлоги,
выражающие предельный
срок совершения действия:
особенности семантики
и функционирования**

Ширшикова Анна Александровна
orcid.org/0000-0002-1185-6395
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
symphonie333@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

**English Prepositions
Expressing Temporal Limits:
Semantic Features
and Functioning**

Anna A. Shirshikova
orcid.org/0000-0002-1185-6395
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
symphonie333@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Ширшикова А. А., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям семантики и употребления предлогов английского языка, обозначающих временной предел совершения действия. Выполнен обзор ряда лексикографических источников, справочной литературы и грамматик. Показано, что не все источники дают исчерпывающие сведения о значениях и функционировании предлогов, нередко ограничиваясь информацией общего характера. Практический материал для исследования извлечен из Британского национального корпуса. Выборка насчитывает порядка двух тысяч контекстов. Установлено, что не всегда возможно сделать однозначный вывод о включении предельного срока в диапазон, отведенный для осуществления действия. Такая смысловая неоднозначность отмечена примерно в 20 % от общего числа проанализированных контекстов. Демонстрируется, что для снятия неоднозначности и обеспечения успешности коммуникации адресанты нередко вынуждены прибегать к использованию тех или иных уточняющих элементов, а также полному либо частичному перефразированию текста сообщения. Выявлено, что уточнения наиболее типичны для текстов научно-исследовательской направленности, графиков и расписаний, юридических и экономических документов. Делается вывод о необходимости дальнейших исследований, связанных с семантикой и употреблением предлогов.

Ключевые слова:

строчные слова; предлоги; семантика предлогов; временной предел; смысловая неоднозначность; корпус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the semantics and usage of prepositions in the English that denote temporal limits of actions. A review of various lexicographical sources, reference literature, and grammars is conducted, highlighting that not all sources provide comprehensive information on the meanings and functioning of prepositions, often offering only general information. Practical material for the study is extracted from the British National Corpus, comprising approximately two thousand contexts. It is established that making a definitive conclusion about including a temporal limit within the timeframe allocated for an action is not always possible. This semantic ambiguity is noted in around 20% of the total number of analyzed contexts. The study demonstrates that to resolve ambiguity and ensure successful communication, addressees often resort to using clarifying elements or complete / partial paraphrasing of the message text. Clarifications are found to be most typical in texts of a scientific research nature, schedules, legal and economic documents. The article concludes on the necessity of further research related to the semantics and usage of prepositions.

Key words:

collocations; prepositions; preposition semantics; temporal limit; semantic ambiguity; corpus.

УДК 811.111'367.633

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-127-144

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Английские предлоги, выражающие предельный срок совершения действия: особенности семантики и функционирования

© Ширшикова А. А., 2024

1. Введение = Introduction

Будучи строевыми единицами языка, используемыми для реализации синтаксической связи между словами знаменательными, предлоги в языках индоевропейской семьи отличаются большим разнообразием и стабильно высокой частотностью, относясь к числу наиболее употребительных слов [Бейкер, 2008, с. 36; Leech et al., 2014, р. 120—125; Lindstromberg, 2010, р. 2 и др.]. Так, говоря о частотности предлогов, исследователи отмечают, что «тот или иной предлог используется в речи значительно чаще, чем любое знаменательное слово — существительное, прилагательное или глагол» [Предлоги: Справочник ..., 2004, с. 7].

Однако предлоги являются не просто высокочастотными элементами языка, выражающими синтаксическое отношение подчинения. Значимость предлогов связана с тем фактом, что они способны передавать различные семантико-синтаксические отношения: пространства и времени, причины и следствия, цели, количества, условия, уступки, соответствия и др. Иначе говоря, любое употребление предлогов характеризуется «семантической нагруженностью» [Филипенко, 2000, с. 43].

В число самых распространенных видов отношений, выражаемых предлогами, входят временные (темпоральные) отношения. Как хорошо известно, время — это самая что ни на есть базовая, неотъемлемая часть бытия, поскольку человечество (равно как и все то, что его окружает) существует в «пространственно-временном континууме» [Кубрякова, 2004, с. 262]. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что категории пространства и времени максимально широко представлены и в языке, а языковые средства, связанные с их репрезентацией, очень многочисленны и крайне неоднородны по составу.

Предлоги передают разные виды временных отношений, указывая на конкретный момент либо период совершения действия, одновременность

или последовательность, предшествующие либо предстоящие события, истечение срока действия, начальную или конечную границу временного диапазона и др.

Настоящее исследование посвящено предложениям английского языка, выражающим предельный (крайний) срок осуществления действия. Такой выбор имеет под собой несколько оснований.

Во-первых, несмотря на поистине вездесущий и всеобъемлющий характер категории времени, предлоги, используемые для обозначения предельного срока, по-прежнему демонстрируют относительно невысокую степень изученности.

Во-вторых, выражение временного предела отличается некоторой дискуссионностью и не исключает ситуаций, сопряженных со смысловой неоднозначностью и потенциально двусмысленным толкованием, что уже было выявлено и описано нами ранее на примере предлогов русского языка [Ширишкова, 2023]. Так, было установлено, что не всегда возможно с уверенностью сказать, входит ли сам крайний срок в общий диапазон совершения действия. Подобная двусмысленность может иметь серьезные последствия, включая юридические коллизии, финансовые потери и т. п. [Там же, с. 52—53].

Полученный результат побудил нас задаться вопросом о том, как складывается ситуация в английском языке как языке аналитического строя с максимально редуцированной падежной системой, где предлоги являются основным средством выражения отношений между словами в составе словосочетания.

Следует пояснить, что под *смысловой (языковой) неоднозначностью* нами понимается «способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, то есть это свойство языковых единиц, проявляющееся в некотором речевом высказывании» [Власова, 2014, с. 129]. Такое явление сопряжено с диффузностью (или, иными словами, «недоопределенностью содержания»), своего рода «размытостью») как динамическим процессом и универсальным, естественным свойством семантики единиц языка / речи. Неоднозначность может использоваться адресантом целенаправленно (как стилистический прием) или же непреднамеренно. Во многих случаях (хотя и не во всех) непреднамеренная смысловая неоднозначность снимается контекстом [Власова, 2014, с. 129; Гречухина, 2021; Стоянович, 2004, с. 59 и др.].

Наше исследование направлено на выявление и анализ ситуаций, в которых смысловая неоднозначность возникает непреднамеренно и не всегда полностью устраняется при помощи контекста, вследствие чего образуется препятствие для успешной коммуникации. Иначе говоря, не создает-

ся условий, необходимо достаточных для «достижения с помощью речи результата, соответствующего целевой установке (интенции) говорящего или пишущего» [Жеребило, 2010, с. 426].

Таким образом, актуальность исследования напрямую связана с необходимостью обеспечения успешности коммуникации, выявления и устранения потенциальной двусмысленности при передаче информации о временном пределе, до которого действительно то или иное положение дел или должно осуществиться какое-либо действие.

Результаты исследования могут быть использованы в разных сферах деятельности: в преподавании английского языка, на занятиях по теории и практике перевода, в переводческой деятельности, при дальнейшем совершенствовании систем автоматизированного и машинного перевода, в лексикографической практике, в практике составления юридических договоров, а также во всех тех ситуациях, где особенно важна точность передаваемой информации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источником эмпирического материала для исследования послужил Британский национальный корпус (The British National Corpus, далее — BNC), откуда была сделана выборка, включающая около двух тысяч контекстов с предложениями, выражающими временной предел. Контексты были подвергнуты анализу с позиции того, понятно ли в них изложена информация о крайнем сроке, нет ли явных препятствий для успешной коммуникации, а если препятствия имеются, при помощи каких языковых средств они могут быть устранены.

Отметим также, что по причине ограниченного объема статьи мы приводим лишь некоторые контексты, выступающие в качестве примеров, однако в извлеченном из корпуса материале подобные контексты носят достаточно типичный характер.

Важной частью исследования явилось обращение к грамматикам и словарям, различным справочным материалам (как русскоязычным, так и англоязычным). Нам было необходимо выяснить, как лексикографические источники и грамматики описывают значение тех или иных временных предлогов, фиксируют ли нюансы значений и трудности, связанные с выражением временного предела, и затем сопоставить эти результаты с данными, полученными в ходе анализа корпусного материала. В статье кратко приведены основные результаты анализа словарно-справочных источников и сделанные на их основе наблюдения.

Объект настоящего исследования — временные (темпоральные) предлоги современного английского языка.

Предметом исследования являются особенности семантики и функционирования предлогов, выражающих предельный срок совершения действия.

Цель работы состоит в выявлении и анализе ситуаций, в которых толкование обозначаемого предлогами временного предела может носить неоднозначный характер, а также в описании способов устранения такой неоднозначности.

Методологическую базу исследования составляют работы, в которых описываются особенности семантики предлогов (а также строевых слов в целом), затрагиваются проблемы словарного представления предложных единиц, изучается их функционирование и влияние, оказываемое на общий смысл словосочетания и высказывания [Бейкер, 2008; Гречухина, 2021; Предлоги: Справочник ..., 2004; Рейман, 1982; Салеева, 2021; Солодилова и др., 2019; Филипенко, 2000; A Comprehensive Grammar ..., 1985; Dixon, 2021; Lindstromberg, 2010 и др.].

В исследовании были использованы следующие основные методы: дефиниционный анализ, метод выборки эмпирического материала из электронного корпуса текстов, контекстуальный и компонентный анализ, сопоставительный метод, некоторые элементы лингвостатистического анализа (для определения частотных закономерностей рассматриваемых явлений), обобщение и систематизация полученных сведений. Также широко применялся описательный метод для репрезентации результатов исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обозначение крайнего срока совершения действия: BEFORE и BY

Для выражения конечной границы, временного предела совершения действия используются предлоги BEFORE и BY:

1) *Please register **before 7.30 p.m.**, or you won't be eligible for the tournament* [BNC] (*Пожалуйста, зарегистрируйтесь **до 19:30**, иначе вы не сможете принять участие в турнире*) (здесь и далее перевод наш. — А. Ш).

2) *The integration will be finished **by 31st March*** [BNC] (*Интеграция завершится к **31 марта***).

В словарно-справочной литературе отмечается, что предлог BEFORE во временном значении «указывает на предшествование» [НБАРС, т. 1, с. 212; Петроченков, 2004, с. 56 и др.]; «употребляется перед словами, обозначающими какой-либо момент во времени или событие, когда необходимо указать, что что-либо происходит до этого момента или события» [Предлоги: Справочник ..., 2004, с. 44].

Предлог BY указывает на «приближение к какому-либо сроку или ограничение каким-либо сроком» [НБАРС, т. 1, с. 299]; имеет значение «к,

до, не позже чем (указывает на предельный срок)» [Петроченков, 2004, с. 66]; «если что-либо произошло или произойдет к (by) определенному времени, то это означает, что это случилось или случится в какое-то время до указанного момента» [Предлоги: Справочник ..., 2004, с. 57].

Не во всех дефинициях четко прослеживается разница в семантике и употреблении BEFORE и BY. Так, некоторые источники фактически не разграничивают эти предлоги, говоря лишь о времени, до которого должно осуществиться действие. Различие в более явном виде зафиксировано в [НБАРС, т. 1] и [Петроченков, 2004].

Англоязычные словари и грамматики определяют значение BEFORE, акцентируя предшествование: ‘earlier than’ [Cambridge Dictionary; Collins Dictionary; Dixon, 2021, p. 384; Hornby, 2004, p. 98 и др.] («раньше чем»).

Особый интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляет то, как английские источники трактуют временное значение предлога BY. Рассмотрим некоторые определения:

— ‘BY refers to an action which will happen at some point before a certain time, though we do not know exactly when’ [Vince, 2008, p. 142] («BY относится к действию, которое произойдет в какой-то момент до наступления определенного времени, хотя мы и не знаем, когда именно»). Из дефиниции неясно, включен ли временной предел в период совершения действия;

— ‘not later than the time mentioned; before’ [Hornby, 2004, p. 163] («не позднее указанного времени; до»). Крайний срок включен во временной диапазон («не позднее»), однако в качестве синонима приведен предлог BEFORE, из-за чего создается некоторая двусмысленность;

— ‘not later than’ [Cambridge Dictionary; Merriam-Webster Dictionary и др.] («не позднее»). Дано вполне конкретное указание на то, что действие может совершиться непосредственно в сам крайний срок.

Таким образом, анализ литературы показал, что не все источники (как русскоязычные, так и англоязычные) фиксируют разницу в семантике рассматриваемых предлогов. Однако в большинстве источников различие обозначено: BEFORE указывает на действие, которое должно совершиться ранее какого-то срока; BY выражает действие, которое необходимо осуществиться не позднее срока, то есть временной предел включен в период, отведенный для выполнения действия.

В теории различие в семантике предлогов BEFORE и BY ясно, однако нам также требовалось понять, могут ли эти предлоги вызвать у носителей языка трудности, связанные с толкованием предельного срока.

Обращение к корпусному материалу позволило установить, что чаще всего носители ощущают разницу достаточно отчетливо, не испытывая проблем с разграничением предлогов. Так, анализ контекстов не выявил

каких-либо уточняющих элементов в сочетании с BEFORE — его значение вполне естественно воспринимается как указание на момент, к которому действие должно быть совершено.

BY обычно также не требует пояснений. Стоит, однако, отметить, что выборка содержит отдельные контексты, где BY сопровождается фразой ‘at the latest’ («не позднее»), дополнительно подчеркивающей, что именно этот срок является предельным:

3) *The question will be examined on the basis of a report which the Commission is to submit to the Council by 1996 at the latest* [BNC] (*Вопрос будет изучен на основе доклада, который Комиссия должна представить Совету не позднее 1996 года*).

4) *A referendum would be held, by May 1992 at the latest, on the constitutional amendments necessary to allow the convening of a constituent assembly...* [BNC] (*Не позднее мая 1992 года будет проведен референдум по поправкам к конституции, необходимым для созыва учредительного собрания...*).

Итак, в данной части исследования мы пришли к выводу о том, что употребление предлогов BEFORE и BY в целом не вызывает проблем у носителей языка, однако в случаях, когда требуется обеспечить особую точность передаваемой информации, в сочетании с предлогом BY может использоваться уточнение ‘at the latest’.

3.2. Обозначение временного диапазона совершения действия: FROM... TO, DURING, WITHIN, BETWEEN... AND

Для выражения начальной и конечной границы диапазона, в течение которого совершается действие или сохраняется определенное положение дел, используется конструкция FROM... TO:

1) *The festival, which runs from July 24 to August 11, has a record number of 67 events in 46 venues* [BNC] (*Фестиваль, который продлится с 24 июля по 11 августа, включает в себя рекордное число мероприятий — 67 на 46 площадках*).

Отметим также, что для указания на конечную границу временного диапазона предлог TO может использоваться и вне конструкции с FROM:

2) *The project started in December 1991 and will run to January 1993* [BNC] (*Проект стартовал в декабре 1991 года и продлится до января 1993 года*).

Если начальная точка диапазона (FROM) не вызывает сомнений и потенциально двояких интерпретаций, ситуация с выражением конечного срока (TO) оказывается более сложной. Обратимся к словарно-справочной литературе.

Русскоязычные словари и грамматики говорят о том, что предлог TO в анализируемом значении употребляется для указания на предел времени [Мюллер, 1999, с. 759; НБАРС, т. 3, с. 519; Петроченков, 2004, с. 127 и др.].

Английские источники так описывают употребление *TO*: ‘We can use *to* with the meaning of *until* when we are talking about time’ [Cambridge Dictionary] («мы можем использовать *to* в значении *until* (*до*), когда говорим о времени»); ‘used to show the end or limit of a range or period of time’ [Hornby, 2004, p. 1365] («используется, чтобы показать конец или предел диапазона либо периода времени»); ‘you use *to* to indicate that something happens until the time or amount mentioned is reached’ [Collins Dictionary] («вы используете *to*, для того чтобы показать, что что-то происходит до тех пор, пока не будет достигнуто указанное время либо количество»).

Приведенные дефиниции не дают однозначного ответа на вопрос, всегда ли конечный срок включен в заявленный промежуток. Более того, ряд источников прямо указывают на дискуссионный характер семантики предлога *TO* и конструкции *FROM... TO* [A Comprehensive Grammar ..., 1985, p. 690; Merriam-Webster Dictionary и др.]. Очевидно, не исключены ситуации, когда у адресата могут возникнуть вопросы либо сомнения относительно крайнего срока.

Некоторая неопределенность семантики временного предлога *TO* и конструкции *FROM... TO* приводит к тому, что отправители сообщения, стремясь обеспечить успешность коммуникации и устранить возможные двойственные толкования, решают прибегнуть к уточнениям.

Так, анализ выборки выявил многочисленные случаи употребления слова ‘inclusive’, которое соответствует русскоязычному «включительно», располагается в высказывании справа от обозначенного временного предела и может дополнительно заключаться в скобки, хотя в большинстве изученных контекстов употребляется без скобок.

Значение конструкции *FROM... TO INCLUSIVE* словари определяют следующим образом: ‘including all the days, months, numbers, etc. mentioned’ [Hornby, 2004, p. 656] («включая все упомянутые дни, месяцы, числа и т. д.»); ‘including the first and last date or number stated’ [Cambridge Dictionary и др.] («включая первую и последнюю указанную дату либо число»).

Как видим, употребление ‘inclusive’ позволяет устранить сомнения касательно крайнего срока.

Анализ контекстов показал, что использование уточнения наиболее характерно для экономических или юридических документов, текстов договоров, расписаний мероприятий, графиков работы учреждений, а также текстов научной направленности, то есть ситуаций, когда необходимо обеспечить особую точность и недвусмысленность сообщения. Приведем примеры из выборки.

— **Информация юридического либо экономического характера:**

3) *The policy does not cover claims arising whilst the vessel remains afloat unmanned in the UK from 1st October to the 31st March inclusive* [BNC] (Действие полиса не распространяется на претензии, возникающие в то время, когда судно находится на воде без экипажа на территории Великобритании в период с 1 октября по 31 марта включительно).

— **Графики работы, расписания:**

4) *Days working on the production will be Monday 5th June to Friday 9th June inclusive...* [BNC] (Дни работы над постановкой: с понедельника, 5 июня, по пятницу, 9 июня, включительно...).

— **Научно-исследовательские данные:**

5) *A sample of 3437 accident cases was considered involving drivers aged 17–25 and covering years from 1994 to 1996 inclusive* [BNC] (Была изучена выборка, состоящая из 3437 случаев ДТП с участием водителей в возрасте от 17 до 25 лет и охватывающая период с 1994 по 1996 год включительно).

Отметим, что в процессе работы над корпусным материалом также зафиксированы случаи употребления ‘inclusive’ с предложениями DURING («в продолжение, в течение; во время» [НБАРС, т. 1, с. 633]) и WITHIN («в течение; не позднее (чем); за» [НБАРС, т. 3, с. 732]). Данный факт говорит о том, что семантика этих предложных единиц также носит несколько неопределенный характер, вследствие чего не всегда возможно сделать однозначный вывод о временных границах. Например:

6) *During 1988–92 inclusive 30 deaths in patients aged under 65 were attributed to asthma* [BNC] (В период с 1988 по 1992 год включительно 30 смертей среди пациентов моложе 65 лет были связаны с астмой).

7) *The answer shall be filed within 14 days inclusive of the day of service, unless another period is prescribed...* [BNC] (Ответ должен быть представлен в течение 14 дней, включая день обслуживания, если не предусмотрен иной срок...).

Наконец, установлено также, что уточнение ‘inclusive’ может быть использовано с временной конструкцией BETWEEN... AND, выражающей «промежуток времени между какими-либо двумя моментами» [НБАРС, т. 1, с. 225]:

8) *The buttress is usually climbable between April and October inclusive* [BNC] (На выступ обычно можно взобраться с апреля по октябрь включительно).

Таким образом, как можно видеть из анализа корпусного материала, ‘inclusive’ широко используется в целом ряде ситуаций, когда необходимо конкретизировать конечную границу временного промежутка.

3.3. Обозначение временного предела, до которого действительна ситуация: TILL и UNTIL

Для указания срока, до которого является действительной ситуация, сохраняется положение дел, используются предлоги TILL и UNTIL.

Эти предлоги выражают «момент, вплоть до которого совершается действие: *до*» [НБАРС, т. 3, с. 508 и др.]; употребляются в тех случаях, когда «период или момент времени, обозначенный обстоятельством, мыслится как граница, предел, до которого существует, совершается то, о чем говорится в предложении» [Рейман, 1982, с. 158].

В английских источниках находим: ‘UNTIL / TILL refers to a point of time at the end of a period of time’ [Vince, 2008, p. 142] («UNTIL / TILL относится к моменту времени в конце периода времени»); ‘if something happens until a particular time, it happens during the period before that time and stops at that time’ [Collins Dictionary] («если что-то происходит до (until) определенного времени, оно происходит в период до этого времени и прекращается в это время»); ‘UNTIL / TILL describes the finishing point of a time span’ [Dixon, 2021, p. 394] («UNTIL / TILL описывает конечную точку промежутка времени»).

Приведенные формулировки в целом довольно абстрактны и не дают полноценного представления о семантике рассматриваемых предлогов и особенностях их функционирования, хотя многие источники прямо или косвенно говорят о том, что семантика TILL / UNTIL содержит указание на включение конечного предела во временной диапазон.

Анализ выборки показал, что употребление TILL / UNTIL обычно не вызывает затруднений: адресат способен с достаточной определенностью интерпретировать заключенные в сообщении сведения (например, когда в качестве предела выступает указание на конкретное время или событие, а также в случаях, когда большая степень определенности и не требуется):

1) *Apart from an interval for lunch, the meeting continued **until 3.30 p.m.** and then adjourned **until 7.00 p.m.*** [BNC] (*За исключением перерыва на обед, заседание продолжалось **до 15:30**, а затем было отложено **до 19:00***).

Дано конкретное время, до которого продолжалось заседание (‘until 3.30 p.m.’) («до 15:30»), и конкретное время, до которого заседание было отложено (‘until 7.00 p.m.’) («до 19:00»), что не влечет двусмысленности.

2) *The Aegean Sea is a Greek restaurant which stays open **till three a.m.*** [BNC] («*Эгейское море*» — это греческий ресторан, который открыт **до трех часов ночи**).

Из высказывания ясно, что в три часа ночи ресторан закрывается.

3) *Discussion was deferred **until the October meeting*** [BNC] (*Обсуждение было отложено **до октябрьского собрания***).

Высказывание не содержит двусмысленности: в нем говорится, что обсуждение состоится на каком-то определенном собрании в октябре (об определенности свидетельствует употребление артикля *the*).

Однако в иных ситуациях толкование крайнего срока, выраженного при помощи TILL / UNTIL, может быть затруднено. Например, когда речь идет о дате, месяце, годе, до которых действительно положение дел, у адресата может возникнуть вопрос о том, включен ли крайний срок в заявленный временной промежуток. На потенциальную двусмысленность указывают источники [Mills, 2010; Conog и др.]. Обратимся к корпусному материалу:

4) *The draft was submitted for public discussion until March 1* [BNC] (*Проект был вынесен на общественное обсуждение до 1 марта*).

В примере не уточняется, входит ли первое марта в отведенный для обсуждения период.

5) *Mr. Moore was said to be away on business until the end of next week* [BNC] (*Сообщили, что г-н Мур уехал по делам до конца следующей недели*).

Не совсем ясен период отсутствия человека: включен ли в него сам конец недели?

6) *Industries in Europe, however, will receive state aid until the year 2005* [BNC] (*Промышленные предприятия в Европе, тем не менее, будут получать государственную помощь до 2005 года*).

Входит ли в период получения помощи сам 2005 год? Если входит, то рассчитана ли помощь до самого конца года или только до некоторой его части?

Для устранения неопределенности возможно полное либо частичное перефразирование текста сообщения.

Так, вместо 'I will be away until April 26' («Я буду в отъезде до 26 апреля») может использоваться формулировка 'I will be away up until and including April 26' («Я буду в отъезде по 26 апреля включительно»). Более полное перефразирование может включать в себя такие варианты, как 'I will return to the office on April 26' («Я вернусь в офис 26 апреля») либо 'I will return to the office no later than April 26' («Я вернусь в офис не позднее 26 апреля») [Mills, 2010].

Предлог TILL / UNTIL возможно также заменить предлогом THROUGH, указывающим на включенность временного предела (отметим при этом, что предлог THROUGH более характерен для американского варианта английского языка) [Mills, 2010; A Comprehensive Grammar ..., 1985, p. 690; Conog и др.].

Рассмотрим вышесказанное на примере ряда контекстов:

7) *Our voucher is valid until November 8, the day the season ends* [BNC] (*Наш ваучер действителен до 8 ноября, дня окончания сезона*).

Дано уточнение ‘the day the season ends’ («день окончания сезона»), что позволяет конкретизировать срок действия документа.

8) *Article 10 requires the member states to adopt the laws, regulations and administrative provisions necessary to comply with this Directive **no later than 31 December 1994*** [BNC] (*Статья 10 предписывает, чтобы страны-участники приняли законы, постановления и административные положения, необходимые для соблюдения данной директивы, не позднее 31 декабря 1994 года*).

Использована конструкция ‘no later than’ («не позднее»), указывающая на включение конечной даты во временной период.

9) *NetWorld is in town **October 13 through October 15...*** [BNC] (*[Выставка] NetWorld будет проходить в городе с 13 по 15 октября включительно...*).

Использован предлог THROUGH, прямо указывающий на включение конечной даты во временной период.

3.4. Обозначение временного предела, до которого действительна ситуация: UP TO

Крайний срок, до которого сохраняется какое-либо положение дел, может быть обозначен при помощи составного предлога UP TO (выборка также содержит контексты с UP TILL, UP UNTIL). Например:

1) *These options are exercisable in the period **up to July 2002...*** [BNC] (*Эти опции доступны в период до июля 2002 года...*).

2) *The reactor will continue to generate electricity **up until March 1994*** [BNC] (*Реактор продолжит вырабатывать электроэнергию до марта 1994 года*).

В литературе находим, что UP TO, как и TILL / UNTIL, отвечает за временной предел: *до, вплоть до* [НБАРС, т. 3, с. 643 и др.]; употребляется «для того, чтобы указать, что что-либо происходит до определенной даты или события, чтобы подчеркнуть, что это происходит как раз до этой даты или события» [Предлоги: Справочник ..., 2004, с. 130].

Английские источники определяют предлог UP TO так: ‘not further or later than sth; until’ [Hornby, 2004, p. 1428] («не далее или не позднее чего-то; до»); ‘until’ [Cambridge Dictionary; Collins Dictionary и др.] («до»).

Как видим, некоторые словари дают непосредственное указание на включение крайнего срока («вплоть до», «не позднее»).

Анализ материала показал, что употребление UP TO (UP TILL, UP UNTIL), тем не менее, не исключает случаев, когда у адресата могут возникнуть вопросы относительно временного предела. Как и в ситуациях, рассмотренных в предыдущих разделах, это является особенно актуальным в отношении графиков работы и расписаний, договоров, сроков действия

официальных документов, где время должно фиксироваться максимально недвусмысленно.

Например, для устранения потенциальной неоднозначности к UP TO может добавляться уточнение ‘and including’ («включительно»):

3) *The offer is available, while stocks last, **up to and including Saturday, September 26*** [BNC] (*Предложение действительно, пока товар имеется в наличии, **до субботы, 26 сентября, включительно***).

4) *Over a 24-year period, **up to and including 1991**, a total of 307 people died in farm and forestry accidents in Northern Ireland* [BNC] (*За 24-летний период, **до 1991 года включительно**, в результате несчастных случаев на фермах и в лесничествах Северной Ирландии погибло в общей сложности 307 человек*).

Итак, можно сказать, что составной предлог UP TO имеет примерно ту же специфику, что и предлоги TILL и UNTIL: не препятствуя успешной коммуникации в целом, он, тем не менее, способен затруднить восприятие информации в тех или иных случаях.

4. Заключение = Conclusions

1. Несмотря на тот факт, что предлоги являются строевыми словами и используются для выражения отношений подчинения между словами знаменательными, они несут достаточно серьезную смысловую нагрузку, оказывая непосредственное влияние на общий смысл высказывания. От выбора предлога в некоторых ситуациях может зависеть успех процесса коммуникации, при этом употребление предложных единиц сопряжено с рядом трудностей.

2. Анализ словарно-справочной литературы показал, что источники не всегда дают полноценное представление об особенностях семантики и функционирования предлогов, нередко ограничиваясь общей информацией и не акцентируя важные (а порой — ключевые) нюансы. Следует также отметить, что сведения о предлогах, приведенные в лексикографических источниках и грамматиках, носят разрозненный характер и требуют более детального осмысления, дополнения и систематизации.

3. Анализ контекстов, извлеченных из Британского национального корпуса, свидетельствует о том, что использование временных предлогов английского языка, обозначающих предельный срок совершения действия, может повлечь за собой смысловую неоднозначность: не во всех случаях возможно сделать определенный вывод о включении временного предела в заявленный в высказывании временной диапазон. Так, порядка 20—25 % материала в выборке связано с потенциально двусмысленным толкованием времени, отведенного для осуществления действия. Полученный результат

сопоставим с результатами исследования, которое было проведено ранее на материале русского языка.

4. Для устранения смысловой неоднозначности, возникающей при указании крайнего срока, используются различные уточняющие элементы, такие как ‘inclusive’ либо ‘and including’ (оба уточнения переводятся как «включительно»), ‘at the latest’ («не позднее») и др. Кроме того, возможно перефразирование текста сообщения (полное или частичное), при котором предлог, дающий возможность потенциально двусмысленного толкования временного предела, заменяется вариантом, не допускающим какой-либо двойственности. Наиболее часто к уточнениям либо перефразированию прибегают при передаче информации, связанной с научными данными, графиками и расписаниями, режимом работы учреждений, юридической и экономической тематикой.

5. В целом же представляется, что семантика и функционирование предлогов, указывающих на предельный срок осуществления действия, заслуживают дальнейшего тщательного исследования и описания.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
--	---

Источники и принятые сокращения

1. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с. — ISBN 978-5-98993-133-0.

2. *Мюллер В. К.* Новый англо-русский словарь : 160 000 слов и словосочетаний / В. К. Мюллер. — Москва : Русский язык, 1999. — 880 с. — ISBN 5-200-02717-9.

3. НБАРС — *Новый* большой англо-русский словарь : в 3 томах / под общ. рук-вом Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. — Москва : Русский язык, 1993. — 832 с. — ISBN 5-200-02328-9.

4. *Петроченков А. В.* 200 предлогов английского языка : Англо-русский учебный словарь / А. В. Петроченков. — Москва : Издательство НИЦ ЭНАС, 2004. — 160 с. — ISBN 5-93196-506-8.

5. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 23.03.2024).

6. *Cambridge Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 20.02.2024).

7. *Collins Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 20.02.2024).

8. *Conor. Is ‘Until’ Inclusive or Exclusive?* / Conor // *One Minute English : English Vocabulary and Grammar* [Electronic resource]. — Access mode : <https://oneminuteenglish.org/until-inclusive-or-exclusive/> (accessed 18.04.2024).

9. *Hornby A. S.* *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English* / A. S. Hornby ; edited by S. Wehmeier. — 6th ed. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — 1541 p. — ISBN 0-19-431-510-X.

10. *Merriam-Webster Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 22.02.2024).

11. *Mills B.* Does ‘Until’ include the date? [Electronic resource] / B. Mills. — August 6, 2010. — Access mode : <https://www.quickanddirtytips.com/articles/does-until-include-the-date/> (accessed 23.03.2024).

Литература

1. *Бейкер М. К.* Атомы языка : Грамматика в темном поле сознания / М. К. Бейкер ; под ред. О. В. Митрениной, О. А. Митрофановой. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 272 с. — ISBN 978-5-382-00430-3.

2. *Власова Л. В.* Семантическая диффузия, семантическая неопределенность : определение понятий / Л. В. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 1. — № 2. — С. 128—132.

3. *Гречухина З. Р.* Взаимодействие значения предлога и контекста / З. Р. Гречухина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2021. — № 1. — С. 106—116. — DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-106-116.

4. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.

5. *Предлоги* : Справочник по английскому языку / перевод с англ. И. С. Ивянской. — Москва : АСТ, 2004. — 382 с. — ISBN 5-17-022691-8.

6. *Рейман Е. А.* Английские предлоги. Значения и функции / Е. А. Рейман. — Ленинград : Наука, 1982. — 241 с.

7. *Салеева Е. М.* Морфологическая, синтаксическая и дискурсивная вариативность предлогов / Е. М. Салеева // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2021. — № 9 (455). — Выпуск 126. — С. 149—157. — DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10921.

8. *Солодилова И. А.* Категория предлога в когнитивном аспекте изучения / И. А. Солодилова, И. В. Гуляева // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 1. — С. 115—123.

9. *Стоянович А. К.* Общим закономерностям диффузии стилей / А. Стоянович // Стереотипность и творчество в тексте. — 2004. — Выпуск 7. — С. 58—95.

10. *Филипенко М. В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) / М. В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов / отв. ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. — Москва : Русские словари, 2000. — С. 12—54. — ISBN 5-93259-001-7.

11. *Ширишкова А. А.* Употребление предложно-падежных конструкций с предлогами ДО и ПО для обозначения временного либо количественного предела : анализ ситуаций, допускающих неоднозначное толкование / А. А. Ширишкова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. — 2023. — № 5 (475). — Выпуск 132. — С. 47—56. — DOI: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-47-56.

12. *A Comprehensive Grammar of the English Language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. — New York : Longman Group Limited, 1985. — 1779 p. — ISBN 0-582-51734-6.

13. *Dixon R. M.* English Prepositions : Their Meanings and Uses / R. M. Dixon. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 460 p. — ISBN 978-0-19-886868-2.

14. *Leech G. Word Frequencies in Written and Spoken English : Based on the British National Corpus / G. Leech, P. Rayson, A. Wilson. — London, New York : Routledge, 2014. — 320 p. — ISBN 978-0-582-32007-9.*
15. *Lindstromberg S. English Prepositions Explained / S. Lindstromberg. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. — 289 p. — ISBN 978-90-272-1174-3.*
16. *Vince M. Macmillan English Grammar in Context Advanced / M. Vince. — Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2008. — 240 p. — ISBN 978-1-4050-7052-2.*

*Статья поступила в редакцию 24.06.2024,
одобрена после рецензирования 20.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

- BNC — *British National Corpus*. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 23.03.2024).
- Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 20.02.2024).
- Collins Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 20.02.2024).
- Conor. Is 'Until' Inclusive or Exclusive? In: *One Minute English: English Vocabulary and Grammar*. Available at: <https://oneminuteenglish.org/until-inclusive-or-exclusive/> (accessed 18.04.2024).
- Hornby, A. S. (2004). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press. 1541 p. ISBN 0-19-431-510-X.
- Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 22.02.2024).
- Mills, B. (2010). *Does 'Until' include the date? August 6*. Available at: <https://www.quickanddirtytips.com/articles/does-until-include-the-date/> (accessed 23.03.2024).
- Muller, V. K. (1999). *New English-Russian dictionary: 160,000 words and phrases*. Moscow: Russian Language. 880 p. ISBN 5-200-02717-9. (In Russ.).
- NBARS — *A new large English-Russian dictionary: in 3 volumes*. (1993). Moscow: Russian language. 832 p. ISBN 5-200-02328-9. (In Russ.).
- Petrochenkov, A. V. (2004). *200 prepositions of the English language: An English-Russian educational dictionary*. Moscow: Publishing House NC ENAS. 160 p. ISBN 5-93196-506-8. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Dictionary of linguistic terms*. Nazran: Pilgrim LLC. 486 p. ISBN 978-5-98993-133-0. (In Russ.).

References

- Baker, M. K. (2008). *Atoms of language: Grammar in the dark field of consciousness*. Moscow: LKI Publishing House. 272 p. ISBN 978-5-382-00430-3. (In Russ.).
- Dixon, R. M. (2021). *English Prepositions: Their Meanings and Uses*. Oxford: Oxford University Press. 460 p. ISBN 978-0-19-886868-2.
- Filipenko, M. V. (2000). Problems of preposition description in modern linguistic theories (review). In: *Studies on the semantics of prepositions*. Moscow: Russian Dictionaries. 12—54. ISBN 5-93259-001-7. (In Russ.).
- Grechukhina, Z. R. (2021). Interaction of the meaning of preposition and context. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 1*: 106—116. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-106-116. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Leech, G., Rayson, P., Wilson, A. (2014). *Word Frequencies in Written and Spoken English: Based on the British National Corpus*. London, New York: Routledge. 320 p. ISBN 978-0-582-32007-9.
- Lindstromberg, S. (2010). *English Prepositions Explained*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 289 p. ISBN 978-90-272-1174-3.
- Prepositions: A handbook of the English language*. (2004). Moscow: AST. 382 p. ISBN 5-17-022691-8. (In Russ.).
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. (1985). *A Comprehensive Grammar of the English Language*. New York: Longman Group Limited. 1779 p. ISBN 0-582-51734-6.
- Reiman, E. A. (1982). *English prepositions. Values and functions*. Leningrad: Nauka. 241 p. (In Russ.).
- Saleeva, E. M. (2021). Morphological, syntactic and discursive variability of prepositions. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences*, 9 (455) / 126: 149—157. — DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10921. (In Russ.).
- Shirshikova, A. A. (2023). The use of prepositional case constructions with prepositions BEFORE and AFTER to indicate a temporary or quantitative limit: an analysis of situations that admit ambiguous interpretation. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences*, 5 (475) / 132: 47—56. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-475-5-47-56. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2019). The category of preposition in the cognitive aspect of study. *Bulletin of Bashkir University*, 24 (1): 115—123. (In Russ.).
- Stoyanovich, A. (2004). To the general patterns of diffusion of styles. *Stereotyping and creativity in the text*, 7: 58—95. (In Russ.).
- Vince, M. (2008). *Macmillan English Grammar in Context Advanced*. Oxford: Macmillan Publishers Limited. 240 p. ISBN 978-1-4050-7052-2.
- Vlasova, L. V. (2014). Semantic diffusion, semantic uncertainty: definition of concepts. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1 (2): 128—132. (In Russ.).

*The article was submitted 24.06.2024;
approved after reviewing 20.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Валерий Дзантимирович Таказов, д-р филол. наук (Москва)
Вера Петровна Киржаева, д-р пед. наук (Саранск)
Екатерина Андреевна Коломиец, канд. филол. наук (Москва)
Инна Владимировна Кононова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Лариса Анатольевна Кочетова, д-р филол. наук (Волгоград)
Олег Олегович Осовский, канд. филол. наук (Саранск)
Хань Цзясин, канд. филол. наук (Урумчи, Китай)
Чэнь Исинь, аспирант (Москва)

Информация для цитирования:

Киржаева В. П. Журнал «Русская школа» в истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920—1930-х годов / В. П. Киржаева, О. О. Осовский // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 146—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-146-168.

Kirzhaeva, V. P., Osovsky, O. O. (2024). Russian School Journal in History of Educational Journalism of Russian Diaspora in 1920s and 1930s. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 146-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-146-168. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Журнал «Русская школа»
в истории педагогической
журналистики российского
зарубежья 1920—1930-х
годов**

Киржаева Вера Петровна
orcid.org/0000-0003-3337-7579
доктор педагогических наук, доцент,
кафедра русского языка,
корреспондирующий автор
kirzhaeva_vera@mail.ru

Осовский Олег Олегович
orcid.org/0009-0001-3303-3963
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
кафедра русского языка
ofs.oos@gmail.com

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
в Мордовском государственном
университете, проект № 24-28-00134

**Russian School Journal
in History of Educational
Journalism
of Russian Diaspora
in 1920s and 1930s**

Vera P. Kirzhaeva
orcid.org/0000-0003-3337-7579
Doctor of Pedagogy,
Associate Professor,
Department of Russian,
corresponding author
kirzhaeva_vera@mail.ru

Oleg O. Osovsky
orcid.org/0009-0001-3303-3963
PhD of Philology, Researcher,
Department of Russian
ofs.oos@gmail.com

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
at Mordovian State University,
project number 24-28-00134

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу журнала «Русская школа» в контексте развития эмигрантской периодики 1920—1930-х годов. Представлены его история и место в системе педагогических изданий российского зарубежья. Предметно исследуется роль Андрея Павлова в создании журнала и обеспечении его издания, в частности финансирования со стороны различных организаций Подкарпатской Руси. На материале архивных источников восстанавливаются малоизвестные факты его биографии. Рассмотрены миссия журнала, его структура и проблематика. Подчеркивается, что основные задачи журнала редактор видел в противостоянии европейскому духовному кризису, в обсуждении наиболее актуальных вопросов образования и воспитания, методической поддержке учительства и русской школы в целом, в объективном освещении состояния советской школы. Особое внимание уделено авторскому составу журнала, в котором публиковались ведущие представители психолого-педагогической науки эмиграции С. И. Гессен, В. В. Зеньковский, Г. Я. Трошин, теоретики и практики чешской школы, философы Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, Ф. Пеликан. Сделан вывод о том, что журнал «Русская школа» продолжил традиции российских педагогических журналов конца XIX — начала XX веков и выступил центром координации педагогического дела эмиграции второй половины 1930-х годов.

Ключевые слова:

история журналистики российского зарубежья; педагогическая периодика; Андрей Павлов; Сергей Гессен; журнал «Русская школа».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the analysis of the *Russian School* journal within the context of the development of émigré periodicals during the 1920s and 1930s. It presents the history and significance of the journal within the system of educational publications of the Russian diaspora. The study specifically investigates the role of Andrei Pavlov in the establishment and publication of the journal, particularly focusing on the financial support from various organizations in Subcarpathian Rus'. Utilizing archival sources, previously lesser-known facts from his biography are reconstructed. The mission of the journal, its structure, and thematic concerns are examined. It is emphasized that the editor perceived the primary objectives of the journal as combating the European spiritual crisis, discussing pressing issues in education and upbringing, providing methodological support for teachers and Russian schools in general, and objectively reporting on the state of Soviet education. Special attention is given to the authorship of the journal, which featured prominent representatives of émigré psychological and pedagogical science such as S. I. Hessen, V. V. Zenkovsky, G. Ya. Troshin, theorists and practitioners from the Czech school, as well as philosophers N. O. Lossky, I. I. Lapshin, and F. Pelikan. The conclusion drawn is that the *Russian School* journal continued the traditions of Russian pedagogical journals from the late 19th to early 20th centuries and served as a center for coordinating educational efforts among émigrés in the late 1930s.

Key words:

history of journalism in the Russian diaspora; educational periodicals; Andrei Pavlov; Sergei Hessen; *Russian School* journal.

УДК 070.4“1920/1930”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-146-168

Научная специальность ВАК

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Журнал «Русская школа» в истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920—1930-х годов

© Киржаева В. П., Осовский О. О., 2024

1. Введение = Introduction

Культурное и литературное наследие российского зарубежья богато и многоаспектно. Среди достижений эмиграции первой волны периодические издания, в том числе парижский журнал «Современные записки», берлинская газета «Руль», пражские журналы «Воля России» и «Версты», нью-йоркский «Новый журнал».

Хотя большую часть газетно-журнального поля занимали издания общественно-политические и литературные, заметную роль играли издания специальные, выражавшие позицию различных профессиональных сообществ и групп. Поскольку одним из острейших вопросов для эмиграции стало сохранение национальной идентичности подрастающего поколения, обеспечение достойных условий его воспитания и образования, особое значение приобретали издания педагогические. Можно констатировать, что сегодня общая картина становления и развития эмигрантской периодики 1920—1930 годов представлена достаточно полно, но изучение отдельных изданий, их истории, тематики и проблематики, авторского состава по-прежнему далеко от завершения. При этом исследование основных периодических изданий XIX—XX веков стало одним из трендов современной науки, о чем свидетельствует успешно реализуемый проект РНФ «Русская литература и журналистика предреволюционной эпохи» [Русская литература..., 2021].

Детализированное описание конкретного журнала или газеты не только расширяет общие представления о периодике эпохи, но и дополняет картину ее интеллектуальной жизни. Анализ еще не введенных в научный оборот изданий, в нашем случае журнала «Русская школа», уточняет представления о педагогической журналистике, научно-педагогической жизни эмиграции первой волны, характер деятельности ведущих педагогов эмиграции, основные векторы развития школьной теории и практики, насущные задачи воспитания и образования в 1930-е годы. Именно это определяет актуальность предлагаемой статьи.

Проблема, на решение которой направлена статья, заключается в необходимости введения в историю педагогической журналистики зарубежья

журнала «Русская школа», издававшегося в Праге в 1934—1940 годах. Авторам статьи не раз приходилось обращаться к материалам эмигрантской периодики в ходе изучения наследия выдающихся педагогов С. И. Гессена, Н. А. Ганца и В. В. Зеньковского, вопросов школы, образования и культуры российского зарубежья. В частности, нами проанализировано их сотрудничество с журналами «Русская школа за рубежом» и «Современные записки» [Киржаева и др., 2018; Киржаева, 2021; Сергей Иосифович..., 2022], однако педагогическая периодика второй половины 1930-х, включая журнал «Русская школа», практически не исследована, что обуславливает научную новизну статьи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ориентируясь на междисциплинарный подход в изучении педагогической периодики, авторы опираются на широкий набор инструментов, характерных для современных исследований по истории журналистики, начиная с традиционных сравнительно-исторического и типологического до приемов сплошной выборки, контент- и дискурс-анализа. В основном материалом статьи послужили выпуски журнала «Русская школа» за весь период его издания, однако необходимость полномасштабной реконструкции педагогического, историко-культурного и политического контекстов обусловила обращение к более широкому кругу источников (от «Русской школы за рубежом» до «Современных записок» и «Нового Града»), воспоминаний и эпистолярия современников, документов российских архивов (РГАЛИ, Архив РАН).

Несмотря на широкий круг педагогических изданий (см., например: [Педагогическая библиография..., 1999]), только журналы «Русская школа за рубежом» (1923—1931) и «Русская школа» (1934—1940) по праву можно назвать центрами координации педагогической и научно-педагогической работы в эмиграции. Если к «Русской школе за рубежом» исследователи обращались, а указатель его содержания [«Русская школа за рубежом»..., 2009] является важным источником по истории эмигрантской педагогической журналистики, то журнал «Русская школа» практически не исследован, хотя в нем публиковались ведущие ученые-педагоги и практики. Объяснение тому, вероятно, в его малодоступности: даже в ведущих российских библиотеках имеются только отдельные номера журнала. Представление «Русской школы» как значительного явления эмиграции 1930-х годов — основная цель предлагаемой статьи, которая определяет следующие задачи: выявление роли в журнале и педагогической журналистике в целом редактора А. Т. Павлова, описание миссии, структуры, тематики и проблематики журнала, характеристика авторского состава, выявление специфики тематических номеров.

Отечественная эмигрантика (О. А. Коростелев) как отрасль междисциплинарного знания, целенаправленно занимающаяся изучением российского зарубежья, интенсивно развивается, и периодика и редакционно-издательская жизнь эмиграции все более привлекают исследовательское внимание. Прежде всего отметим корпус библиографических указателей, расширяющийся от 12-страничной росписи В. А. Розенберга «Русская зарубежная периодическая печать» (София, 1924) до указателей философских публикаций в эмигрантских журналах [Ермичев, 2012], рижской газеты «Сегодня» [Газета..., 2001] и сайта «Эмигрантика. Периодика русского зарубежья» [Эмигрантика]. Особо отметим четырехтомник материалов архива редакции «Современных записок» [«Современные записки»..., 2011—2014] и «Литературную энциклопедию русского зарубежья», три выпуска которой посвящены периодике 1918—1940 годов [Литературная энциклопедия..., 1996—1998].

Несмотря на отражающийся с конца 1990-х годов в диссертациях, монографиях, вузовских учебниках, хрестоматиях исследовательский интерес к проблемам формирования и развития эмигрантской журналистики, ее комплексного описания пока нет. При всей значимости периодики как источника изучения педагогической мысли зарубежья исследована она весьма ограниченно. Среди немногих можно назвать масштабные публикации Е. Г. Осовского [Педагогика..., 1996; Педагогическая публицистика..., 2006], работы Ю. Ю. Терени, исследующей педагогические журналы эмиграции [Терени, 2013; Терени, 2019], а также статьи отечественных и зарубежных авторов, посвященные «Русской школе за рубежом» [Гладышева, 2022; Осовский и др., 2017; «Русская школа...», 2009, с. 7—30; Osinovskaia, 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Журнал «Русская школа» и его создатель

Если «Русская школа за рубежом», при лидирующей роли ее фактического редактора С. И. Гессена, управлялась все же коллегиально, то журнал «Русская школа» оставался индивидуальным проектом А. Т. Павлова. Об исключительной роли Павлова в его создании можно судить по письму С. И. Гессена В. В. Рудневу от 10 июня 1934 года: «Неожиданным образом Павлов обнаруживает большую энергию. Я обещал ему не только сотрудничество, но и поддержку — советами редакционного характера и пропагандой журнала в Польше. Так что и Вас прошу отнестись к делу со вниманием, которого оно заслуживает» [«Современные записки» ..., т. 3, с. 166].

Сведения об Андрее Тихоновиче Павлове (1891 — после 1945) крайне скудны. Представитель старинного казачьего рода, выпускник Новочеркасской войсковой гимназии, он поступает на юридический факультет Московского университета (1910—1911), затем переходит на философское

отделение историко-филологического (1911—1916), а в начале 1916 года поступает на ускоренные курсы Новочеркасского казачьего училища. После участия в первой мировой и гражданской войнах в эмиграции в Югославии, где преподает в Донском Мариинском женском институте [Некрополь...]. В 1923 году становится студентом Русского педагогического института им. Я. А. Коменского в Праге. Напомним, что институт финансировался правительством Чехословакии и был призван готовить учителей для беженской школы и обеспечивать преподавательскими кадрами школьную систему новой России после падения большевиков. В соответствии с правилами институт преимущественно принимал лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, так что одновременно с обучением А. Т. Павлов работает в нем ассистентом на кафедре прикладной психологии. Об авторитете Павлова-педагога свидетельствует его рецензия на фундаментальный труд С. И. Гессена «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» в «Воле России». Высоко оценивая книгу и подчеркивая ее новаторский характер, он делает вывод, «что ее необходимо рекомендовать каждому русскому интеллигентному читателю» [Павлов, 1923, с. 96].

В становлении Павлова как педагогического журналиста сыграло роль сотрудничество с «Русской школой за рубежом», где он опубликовал около 30 материалов различных жанров — от проблемных статей до обзоров, рецензий и заметок, в том числе под псевдонимом *А. П.* Заметен Павлов и в общественно-педагогическом движении. Так, он выступает на 2-м съезде деятелей средней и низшей школы за границей (1925) с докладом «Очерки политики начального образования в Советской России», на Съезде по внешкольному образованию (1928) — с докладом «Юношеское движение, его формы и виды». Не оставляет он и занятий философией, активно участвуя в заседаниях Русского философского общества в Праге с докладами и выступлениями в прениях (см.: [Гессен, 1928, с. 271—275]). Эта сторона его научной деятельности находит выражение в работах, посвященных духовной связи первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика с русской философией и культурой, см.: [Nykl, 2020]. Среди наиболее близких ему философов-эмигрантов — Б. В. Яковенко, яркий участник философской жизни предреволюционной России и соредатор международного философского журнала «Логос». Вместе они подготавливают несколько библиографических указателей чешской философской литературы [Борис Валентинович ..., 2012, с. 66, 507].

Следует учитывать, что вся научная, журналистская и общественно-педагогическая активность Павлова проходит в крайне тяжелых жизненных условиях. Недаром, объясняя Б. В. Яковенко причины своего решения не возвращаться из Австрии в Прагу после Второй мировой войны, он откровенно писал: «В Праге я был отказан на постоянные подачки, займы и

часто в общем избытии плодов земных я мог купить для супа только кости вместо мяса. Возвращаться к такой жизни, перебиваться случайными заработками, частными уроками и т. п. нет никакого смысла» [Там же, с. 510].

Обнаруженные нами архивные документы дают представление о том, как выстраивались отношения между чехословацкими властями и нуждающимися в поддержке литераторами-эмигрантами. Это заявления Павлова в Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов и письмо С. И. Гессена председателю правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии В. Ф. Булгакову. В них содержатся и свидетельства той напряженной работы, которую вел Павлов как журналист и педагог во второй половине 1920-х.

В заявлении от 12 июля 1927 года он писал: «Ввиду того, что по ликвидации Русского педагогического института Я. А. Коменского в Праге, в котором я занимал должность ассистента по кафедре прикладной психологии, мною продолжается моя научная и литературная деятельность, и принимая во внимание, что в связи с сокращением числа русских учреждений в Чехословакии на имеется возможности получить настоящую должность, вполне обеспечивающую существование и возможность заниматься научно-литературной деятельностью, имею честь просить Министерство иностранных дел ЧСР о назначении мне ежемесячной стипендии. При этом заявлении прилагаю краткие сведения о моей литературной деятельности» [РГАЛИ, ф. 1568, оп. 1, д. 138, л. 1].

С. И. Гессен обратился к В. Ф. Булгакову днем ранее и как коллега Павлова по институту, и как заместитель председателя Союза писателей и журналистов. Актуальность второго обстоятельства вызвана просьбой поддержать Павлова соответствующим ходатайством, что, как становится ясно из письма, было для МИД ЧСР условием выдачи пособия: «М[инистерств]во в лице Завазала вполне готово дать ему небольшое пособие, но сам Завазал сказал ему, что единственный путь для него самого дать ему стипендию — это путь через Комитет и ходатайство о том Правления Союза писателей» [РГАЛИ, ф. 2226, оп. 1, д. 594, л. 4]. Более того, С. И. Гессен рекомендовал принять Павлова в члены Союза и напоминать о возможности выделения писательской стипендии с учетом активной литературно-журнальной деятельности без формального членства: «А. Т. Павлов, хорошо известный мне как ассистент Педаг[огического] Института и сотрудник “Русской Школы за Руб[ежом]”, — постоянный сотрудник также и общей прессы, напр[имер] “Казачьего Пути” и “Воли России”, — [в] т. ч. имеет полное право числиться и писателем. <...> к сожалению, Павлов пока не член Союза. Но, кажется, у нас были прецеденты ходатайства Правления и за писателей, до этого не состоявших членами Союза. Разумеется, я поддерживаю ходатайство Пав-

лова о включении его в Союз» [Там же]. В результате предпринятых усилий Павлов получил стипендию и стал членом Союза, что подтверждают содержание обращения в МИД ЧСР 2 ноября 1928 года и подпись под ним «Член Союза русских писателей в ЧСР Андрей Павлов». В нем проситель прямо говорит об отсутствии иных средств к существованию, кроме стипендии: «Имею честь просить Министерство иностранных дел ЧСР не лишать меня стипендии, получаемой из средств Министерства, так как, занимаясь литературным трудом, я не имею иных средств к существованию. Лишение меня стипендии к наступающим праздникам Рождества Христова и Нового года ставит меня в очень тяжелое положение» [РГАЛИ, ф. 1568, оп. 1, д. 138, л. 2].

В приложении к заявлению Павлов приводит отчет о проделанной за 1928 год работе. Это, во-первых, публикации по философии, педагогике и психологии: брошюра «Т. Г. Масарик как философ демократизма», два обзора чешской педагогической литературы по теории образования и чешских педагогических журналов за десять лет в журнале «Русская школа за рубежом», статьи «Утопизм бессемейного воспитания» в сборнике Религиозно-педагогического кабинета, «Народное образование в Северо-Кавказском крае» и «Очерк политики народного образования в Чехословацкой республике» в журнале «Путь казачества»; обзор журнала «Логос» и русских педагогических журналов, подготовленный и сданный в редакцию философского журнала «Der russische Gedanke» (не указан в публикациях Павлова в этом журнале [Ермичев, 2012, с. 114]); во-вторых, доклад на Съезде по внешкольному образованию (Прага, июнь 1928) и его публикации в «Вестнике Педагогического бюро» и журнале «Путь» [Там же, л. 2 об.].

В 1928—1929 учебном году Павлов преподает в Русской гимназии в Праге и продолжает журналистскую работу.

Таким образом, к началу 1930-х он — один из наиболее заметных представителей научного, педагогического и журналистского сообщества эмиграции, и создание им журнала «Русская школа» становится закономерным результатом его предшествующей деятельности.

3.2. Миссия, задачи и структура журнала

Мы уже указывали на то, что Павлов обладал не только журналистским, но и некоторым издательским опытом, в частности, при публикации своей брошюры «Масарик как философ демократизма» [Павлов, 1928]. Его решение выпускать научно-педагогический журнал основывалось как на понимании необходимости такого издания для эмиграции, так и на финансовых расчетах, о чем С. И. Гессен писал В. В. Рудневу: «Относительно журнала “Русск[ая] школа”, возобновляемого Павловым, думаю, что дело и не безнадежно и серьезно. Павлов правильно ставит его на этот раз на начала самокупаемости. Подкарп[атская] Русь обеспечивает ему необходимую основу.

При расширении этой основы все дело сможет понемногу и органически укрепиться и вырасти» [«Современные записки»..., т. 3, с. 166].

Упоминание Подкарпатской Руси как финансового источника заслуживает комментария. В этом населенном русинами регионе Чехословакии существовала своя русская школа и были популярны идеи общеславянского единства. Так, активный деятель русского общественно-педагогического движения, секретарь Русского научного института в Праге, последний директор Пражской русской гимназии, организатор издательского товарищества «Единство» И. О. Панас еще 22 июня 1929 года в письме известному историку А. В. Флоровскому делился идеями о создании в Ужгороде Русского народного университета, «который со временем мог бы превратиться в действительный университет с двумя факультетами: (ист<орико>филол<огическим> и юридич<еским>» [Архив РАН, ф. 1609, д. 355, л. 7 об.], и об организации Научного Карпаторусского общества в Мукаче-ве, которое «бы издавало свои записки» [Там же, л. 7]. Последнее, по его замыслу, вполне осуществимо «при помощи Комиссии для Подкарпатской Руси при Слав<янском> Инст<итуте> [Там же, л. 8]. Он дает и характеристику источника финансирования «Единства»: «Дела Общества развиваются вполне удовлетворительно. В настоящее время насчитывается более 80 настоящих членов, уплативших членские взносы. Предложения поступают, и со стороны многих Обществ вызывает сочувствие» [Там же, л. 7].

Осознавая все риски проекта, Павлов в редакторском вступлении в первом номере журнала признавался: «Мы начинаем издание нашего педагогического журнала на русском языке в тот неблагоприятный момент, когда во всех почти странах, вследствие тяжелого экономического кризиса, прекращаются многие старые журналы, выходившее в течение нескольких десятилетий. И невольно возникает вопрос, действительно ли так необходимо издавать наш журнал? На этот вопрос мы ответим: мы считаем издание нашего журнала особенно необходимым и неотложным, именно, в настоящей момент» [От редакции ..., 1934, с. 1]. И то, что «Русская школа» просуществовала до 1940 года, позволяет назвать ее одним из наиболее удачных проектов педагогической журналистики 1930-х годов. Не случайно ее появление было отмечено эмигрантскими и чехословацкими газетами и журналами, перечень которых приведен в редакционном объявлении о подписке на 1936 год: «Отзывы о журнале “Русская школа” были напечатаны в газетах: “České slovo”, “Lidové noviny”, “Národní osvobození”, “Prager Presse”, “Slovenský denník”, “Venkov”, “Последние новости”, “Возрождение”, “Сегодня”, “Дневник”, “Русский народный голос”, “Украинское слово”; в журн<алах>: “Ruch filosofický”, “Pedagogický slovník”, “Učitel (сербск.)» [Реклама ..., 1935, с. 57.].

Редактор четко формулирует основную задачу журнала — сохранение лучших традиций отечественной педагогики, образовательных и воспитательных практик, обновление методов преподавания в соответствии с открытиями передовой педагогической мысли Европы и Америки, методическая помощь учителю, критическое осмысление опыта новой советской школы. Миссия журнала состояла в противостоянии духовному кризису современного общества: «Экономический и политический кризис нашего времени является лишь внешним выражением духовного кризиса, который мы переживаем. Мы живем не только в атмосфере острой политической, социальной и национальной борьбы, но и борьбы различных, претендующих на гегемонию, мировоззрений. Та страстность, с которой ведется эта борьба, свидетельствует о неугасимом стремлении к утерянной целостности мировоззрения. Мы считаем, что мировоззрение, а не опытные науки, является действительной основой педагогики. Однако наш журнал не ставит своей задачей быть выразителем какого-нибудь определенного мировоззрения, он стремится выдвинуть проблему взаимоотношения и связи педагогического творчества с мировоззрением и подвергнуть ее всестороннему освещению» [От редакции ..., 1934, с. 1—2]. Подобная установка, предполагающая важность выработки мировоззрения в условиях реализации образовательных и воспитательных практик, заметно отличала позицию нового журнала от «нейтрализма», декларируемого предшествующими изданиями, в том числе «Русской школой за рубежом». В этом вопросе Павлов подчеркнуто солидаризируется с позицией С. И. Гессена, в первой половине 1930-х активно разрабатывавшего проблемы мировоззрения и его места в общем философском осмыслении вопросов идеологии, образования и воспитания.

Наряду с проблемами методологического характера журнал считал необходимым ставить и решать конкретные вопросы обучения и воспитания, способствовать развитию профессиональных компетенций учителя: «Целью нашего журнала является помогать духовному росту учителя и тем самым содействовать его педагогическому творчеству. Но что такое духовный рост учителя? Это есть, во-первых, понимание его назначения в жизни. Как человека и учителя, его внутреннее, духовное отношение к вопросам настоящей жизни. Ибо только тогда, когда мирозерцание учителя будет соиздаваться на личном искании и творчестве, — только тогда можно говорить о духовном росте учителя и его школы. И вот для того, чтобы поддержать это искание и эту потребность творчества, чтобы создать возможность общей работы и взаимной духовной помощи и быть, наконец, средоточием напряженной педагогической работы, мы приступаем теперь к изданию нашего журнала и надеемся, что последний найдет живой отклик среди русского учительства» [От редакции ..., 1934, с. 2].

Не менее важным редактор считал и диалог журнала с читателями, и, предворя публикуемую в первом номере статью В. Бездек «Относительно общих вопросов современной конкретной педагогической жизни», он обращается к учительскому сообществу: «Редакция просит своих читателей подвергнуть обсуждению затронутые в этой статье вопросы» и «будет благодарна своим читателям за все сделанные указания и за все вопросы и проблемы, поставленные ими, на которые редакция готова ответить на страницах нашего журнала» [Там же].

Осмысливая итоги первого года издания, Павлов констатировал правильность намеченной программы и ее соответствие потребностям современного учительства: «“Русская школа” вступает во второй год своего существования, и редакция считает необходимым по этому поводу отметить, что начатое ею, при столь тяжелых условиях, культурное дело вызвало живой интерес и нашло сочувственный отклик в славянских педагогических кругах и славянской прессе. Это показывает, что поставленная редакцией задача углубленного философского освещения педагогических проблем действительно отвечает запросам настоящего времени» [От редакции ..., 1936, с. 1]. Редактор с благодарностью назвал те правительственные и общественные организации, которые оказали журналу поддержку: «Редакция считает своим долгом выразить благодарность всем учреждениям, педагогическим организациям и отдельным лицам, которые содействовали успеху журнала и его распространению, в особенности Министерству народного просвещения Чехословацкой республики (Ministerstvu školství a národní osvěty ČSR), Министерству народного просвещения Болгарии, Земскому представительству Подкарпатской Руси, Учительскому товариществу Подкарпатской Руси, Союзу чехословацких профессоров (Spolek československých profesorů) и Союзу русских педагогов в ЧСР» [Там же]. При этом редактор заявляет и новые направления работы, диктуемые потребностями школы: «Стремясь прийти на помощь школам, учащимся и учителям, ощущающим недостаток в книгах и пособиях по гуманитарным наукам, редакция решила помещать в виде приложения к журналу наиболее выдающиеся памятники русской литературы и культурной истории», а также анонсировал публикацию «Слова о полку Игореве» и избранной пушкинианы [Там же].

Соответственно была организована и структура журнала. В редакционную коллегию вошли ведущие представители педагогической мысли эмиграции, отвечавшие за соответствующие тематические разделы издания: Н. А. Ганц — организация и политика образования, С. И. Гессен — теория образования, В. В. Зеньковский — детская и педагогическая психология, С. И. Карцевский — русский язык, Д. М. Сокольников — физико-математические науки, Г. Я. Трошин — психопатология детства [От редакции ...,

1934, с. 1]. Примечательно присутствие в редколлегии чешского педагога и переводчицы В. Бездек, обеспечивавшей освещение «вопросов организации новых школ» и связь с чешской аудиторией. Последнему должны были способствовать и наличие оглавления журнала не только на русском, но и на чешском языке, и привлечение чешских авторов.

Материалы распределялись по двум основным разделам: в первый входили статьи и заметки, во второй — библиография и хроника. В этом отношении показательны первые номера журнала, где фактически чередуются статьи методологического характера, отражавшие «коренные проблемы современной педагогики» (В. В. Зеньковский), и выступления по конкретным вопросам школьной жизни. Так, вслед за статьей С. И. Гессена «Мировоззрение и образование» помещена статья А. А. Одарченко «Нужды и возможности школьной гигиены на Верховине» [Одарченко, 1935]. Примечательна попытка создания специальной рубрики «Из педагогической жизни», где опубликована статья В. Бездек «Жизнь в настоящем» [Бездек, 1935], однако данная рубрика не сохранится в следующих номерах. Заметно стремление к тематической рубрикации раздела «Библиография»: в большинстве номеров он имел специальную рубрику, посвященную советской школе; особо выделялись рецензии на эмигрантскую и советскую учебную литературу.

Структура журнала, однако, не была жесткой. Так, в номерах за 1935 год появляется новая рубрика «Комениана» с обзорами новейших исследований жизни и деятельности выдающегося чешского педагога Я. А. Коменского. Вне раздела «Библиография» печатался масштабный обзор новейших работ по психологии детства В. В. Зеньковского [Зеньковский, 1934] и развернутый отклик С. И. Гессена на новый советский учебник педагогики [Гессен, 1935б]. Редакция не вводила, в отличие от «Русской школы за рубежом», разделов «Юбилеи» и «In Memoriam», размещая вместе со статьями очерки деятельности, например, к семидесятилетию литературоведа и этнографа Е. А. Ляцкого, и статьи памяти Г. Я. Трошина и преподавателя русского языка Ужгородской гимназии о. Евмения Сабова [Андреев, 1938; Одарченко, 1938; Геровский, 1935].

Значительный интерес должен был вызвать раздел «Хроника», где наряду с обзорами международных конгрессов и конференций по педагогике и философии освещались события в советском образовании, в частности, введение новых учебных планов, усиливающаяся роль комсомола в жизни школы, материально-правовое положение учителя и др.

Стремление редакции наладить обратную связь с читателями проявлялось в публикации замечаний и предложений и ответов на них. Так, отзываясь о статье А. А. Одарченко о гигиене в подкарпатскорусских школах, читатель писал, что реальная картина во многих школах, удаленных от

железной дороги, более плачевна, чем представлено в журнале. Осознавая важность проблемы, редакция планировала опубликовать ряд статей о гигиене в школах региона [От редакции ..., 1935]. На возникший в связи со статьями В. Бездек вопрос читателя из Мукачева «Что значит воспитывать для настоящего, если в настоящей жизни нас окружает такая масса и при том противоположных течений, взглядов и направлений?» ответила сама автор: «Духовная зрелость человека зависит от его переживаний. Действительные переживания возможны только в настоящем. Ими обогащается духовный опыт человека, благодаря им он учится различать существенное от несущественного, преходящее от вечного, а это возможно осуществлять человеку только в состоянии бодрствования или духовного бдения. Переживание настоящего не является целью воспитания, а средством, благодаря которому человек, опираясь на переживаемое, может следовать в глубине своего духа по пути к “вечной жизни”, к чему должно стремиться всякое подлинное воспитание» [Там же, с. 96].

Третья и четвертая страницы обложки журнала регулярно отводились рекламе, которая сообщала и о появлении новых книг по педагогике и психологии, и о деятельности пражских банков, страховых, кредитных обществ, и даже о продаже «русских сигарет».

Планы выпуска четырех номеров в год с самого начала столкнулись с финансовыми трудностями, и редакция была вынуждена публиковать вдвоенные выпуски. В результате за 1934—1935 годы издания вышли три номера, один из них вдвоенный, а также указатель к журналу; за 1936—1937 — три номера, из них два тематических; за 1938—1940 — три номера (по номеру в год). В 1936—1937 годах Павлов предпринял попытку издания приложения «Философско-педагогическая библиотека “Русской школы”», опубликовав двумя выпусками по-чешски свою работу «Т. Г. Масарик и русская философия». Еще одним интересным замыслом было издание приложений учебной литературы для русских школ, ограничившееся, однако, лишь публикацией внутри номера комментированного текста «Слова о полку Игореве» как пособия для учителя [«Слово...», 1936].

3.3. Авторы и тематика журнала

Большая часть авторов журнала достаточно хорошо известна. Это выдающиеся педагоги С. И. Гессен и В. В. Зеньковский, философы И. И. Лапшин и Н. О. Лосский, врач-психиатр и психопатолог Г. Я. Трошин, один из создателей педагогической компаративистики Н. А. Ганц, литературовед и историк философии Д. И. Чижевский, филолог А. Л. Бем, Е. А. Ляцкий, И. О. Панас, С. В. Завадский и др. А. Т. Павлову удалось привлечь и новых русских авторов: ученика С. И. Гессена В. П. Шапиловского, последнего секретаря Русского научного института в Праге Н. Е. Андреева, одного из

руководителей Союза инженеров и техников в Праге Н. П. Пашковского, доктора Русско-сербской женской гимназии в Белграде Б. Н. Штумпфа и др.

Заметно участие в журнале представителей Подкарпатской Руси, не только ученика Г. Я. Трошина А. А. Одарченко, но и лингвиста, этнографа и педагога Г. Ю. Геровского, сотрудника чехословацкого Красного Креста К. Н. Шимановского и др. На страницах «Русской школы» активно публиковались чехословацкие авторы: ответственный редактор ряда выпусков журнала В. Бездек, педагоги Л. Кратохвил и В. Пржигода, комениолог Й. Хендрих, философ Ф. Пеликан, директор Пражской опытной гимназии Я. Комарек. Отметим и участие хорватского философа и педагога П. Вука-Павловича.

Редакция журнала подчеркивала в объявлении о подписке на 1936 год заметное расширение тематики и, соответственно, аудитории журнала: «Каждый учитель, врач, культурный деятель должен подписаться на журнал “Русская школа” — единственный русский орган свободной педагогической и философско-культурной мысли» [Реклама ..., 1935, с. 57].

Центральная роль в «Русской школе» отводилась С. И. Гессену, который опубликовал наиболее важные методологические статьи, призванные осуществить новый поворот в философии, теории и практике образования. Прежде всего это статья «Мировоззрение и образование» [Гессен, 1934], где автор, отвечая на угрозу тоталитарной перестройки школы в фашистской Италии и нацистской Германии, заявлял о пагубности деклараций о нейтральности школы. Антитоталитаристский пафос С. И. Гессена, звучавший в его публикациях в «Новом Граде» и «Современных записках», приобретал здесь особую остроту. Не менее закономерно и появление статей по ключевым проблемам школьного образования. Определяя единую школу как наиболее соответствующую демократическому государству, ученый выявляет ее исторические корни, анализирует сегодняшнее состояние и возможные пути развития, сложную систему взаимоотношений школы и развитой экономики [Гессен, 1936а; Гессен, 1936б; Гессен, 1938]. Результатом пристального внимания к чехословацкой школе стала статья «Глобальная “метода” или глобальное обучение грамоте?», в которой он выразил серьезные сомнения в эффективности предлагавшихся практик обучения [Гессен, 1935а]. Примечательно, что редакция смогла выстроить диалог С. И. Гессена и его чехословацких коллег, опубликовав статью В. Пржигоды «Глобальная метода в Чехословакии» [Пржигода, 1935].

Значительный интерес представлял цикл статей Г. Я. Трошина об особенностях детской речи и специфике обучения чтению [Трошин, 1935; Трошин, 1936а; Трошин, 1936б], которые подводили итог многолетней работы ученого в области детской психологии, предлагая одновременно новые подходы к пониманию процесса восприятия знака [Трошин, 1938].

Через два года после его смерти в последнем номере «Русской школы» Павлов опубликовал его незаконченную статью, посвященную конкретным приемам обучения чтению [Трошин, 1940].

Заслуживают упоминания публикации Н. А. Ганца, активного автора «Русской школы за рубежом». К середине 1930-х он играет все более заметную роль в англоязычном образовательном пространстве, становясь одним из ведущих педагогов-компаративистов и фактическим посредником между эмигрантским и английским педагогическими сообществами: он представляет английскому читателю состояние школы России и российского зарубежья, а русской аудитории — образование англоязычного мира. Этой теме посвящена его статья «Влияние экономического кризиса на образование в англо-саксонских странах» [Ганц, 1935а]. Активное сотрудничество ученого с английским «Педагогическим ежегодником» привело к появлению в «Русской школе» его обзора за 1935 год [Ганц, 1935в], а участие в Международной конференции по народному образованию в Оксфорде — отчета о ней [Ганц, 1935б].

Тематическим разнообразием отличались публикации самого Павлова: это статьи о философско-педагогических взглядах Т. Г. Масарика [Павлов, 1935; Павлов, 1937], о значении идей Л. Н. Толстого для современной педагогики [Павлов, 1936а], о вкладе в психолого-педагогическую науку философа, педагога и психолога Г. И. Челпанова [Павлов, 1936б]. Все они объединены стремлением актуализировать интеллектуальное наследие прошлого и поставить его на службу современности. Выступает Павлов и как рецензент новейшей педагогической литературы [Павлов, 1934; А. П., 1935]. Судя по всему, им были написаны и анонимные заметки о международных конгрессах и конференциях, и редакционный некролог Г. Я. Трошина.

О живой реакции редакции на важнейшие события в жизни эмиграции свидетельствует выпуск тематических номеров. Так, первый номер за 1937 год был посвящен «памяти президента-освободителя Т. Г. Масарика» и открывался статьями А. Т. Павлова «Масарик — учитель» и Н. О. Лосского «Т. Г. Масарик — философ и мудрец» [Лосский, 1937]. Впрочем, назвать номер тематическим можно с определенной долей условности, поскольку его основное содержание связано с традиционной для журнала тематикой.

Уже в этом номере начиналась «Пушкиниана» журнала — с публикации анонимной статьи «Пушкин и школа», острокритически оценивающей изучение творчества Пушкина в советской и эмигрантской школе. Однако автор высказывает надежду, что «русский учитель не ограничится только формальной стороной, не замкнется в “футляре” программности, а будет стремиться к тому, чтобы Пушкин был действительно “живым”, а не мертвым балластом исторического знания, — а заключительные слова по-

зволяют с уверенностью определить авторство Павлова: — Обсуждение методических вопросов о преподавании русской литературы и языка может проходить на страницах нашего журнала» [Пушкин ..., 1937, с. 28]. Далее следовал раздел «Библиография», куда вошли рецензии Л. А. Бема на вышедшую в Берлине книгу Вл. Ходасевича «О Пушкине» и Н. Е. Андреева — на изданную в Ужгороде книгу статей А. Л. Бема [Библиография ..., 1937].

Полностью в русле «пушкинского года» составлены два выпуска (№ 3 и № 4) с посвящением «памяти А. С. Пушкина» на обложках. Фактически это две части с единой пагинацией. В первую вошли литературоведческие статьи: «А. С. Пушкин» Е. А. Ляцкого, «Пушкин-драматург» А. Л. Бема, «Пушкин и Боратынский» Л. Александровой, «Эпитеты в сказках и песнях Пушкина» М. А. Ряснянской; во вторую — выдержанные в широком философском и историко-культурном контексте статьи Г. Я. Трошина «Пушкин и философия» и «Пушкин и его попытки эмигрировать»; посвященная истории переводов и публикаций Пушкина в Подкарпатской Руси статья И. О. Панаса «К истории ознакомления Зарубежной Руси с А. С. Пушкиным»; размышления философа И. И. Лапшина «Новый труд по психологии творчества Пушкина» по поводу новой книги Г. Я. Трошина.

Роковые события последующих лет, вторжение нацистской Германии и оккупация Чехословакии, начавшаяся Вторая мировая война не могли не отразиться на судьбе журнала. Его бедственное положение и невероятные усилия редактора спасти издание иллюстрирует последний номер, вышедший в 1940 году. На 20 страницах опубликованы воспоминания известного педагога и организатора женского образования в России М. М. Стоюниной; уже упоминавшиеся методические рекомендации Г. Я. Трошина; отзыв Н. О. Лосского «О детском мышлении» на вышедшую еще в 1934 году книгу Л. С. Выготского «Мышление и речь»; юбилейная статья Я. Комарека о вкладе в чешскую педагогику В. Пржигоды. Завершает номер библиографический раздел с обзором нескольких статей из журнала «Советская педагогика» за 1938 год и ряда советских документов по вопросам образования.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что журнал «Русская школа» занимает особое место в истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920—1930-х годов. Как и журнал «Русская школа за рубежом» (1923—1931), он выступил координационным центром научно-педагогической, образовательной и воспитательной деятельности эмиграции. Усилиями его редактора А. Т. Павлова и ведущих авторов были в значительной степени определены проблематика и основные направления педагогической журналистики эмиграции второй половины 1930-х го-

дов. Заявляя своей целью противостояние духовному кризису, охватившему эмигрантское сообщество на рубеже 1920—1930-х, журнал предпринял попытку сформулировать программу духовного обновления подрастающего поколения перед лицом идеологических, политических, социальных и экономических вызовов современной Европы. Не случайно важную задачу журнал видел в определении контуров того мировоззрения учителя, которое позволило бы ему противостоять диктату тоталитаризма и отстаивать демократические ценности. Позиционируя журнал как научно-педагогический, его редактор считал необходимым активное сотрудничество с ведущими педагогами эмиграции и славянских стран, прежде всего Чехословакии. В числе авторов, определявших его научное лицо, были С. И. Гессен, В. В. Зеньковский, Г. Я. Трошин, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, Н. А. Ганц, статьи которых обеспечивали соответствие научно-педагогического уровня журнала уровню европейской педагогики.

Одновременно журнал был призван оказывать посильную помощь в конкретной работе учителя, что обеспечивалось публикацией материалов методического характера, обзоров и рецензий новинок педагогической, психологической и учебно-методической литературы. «Русская школа» уделяла внимание и проблемам советской школы, регулярно публикуя статьи и обзоры на эту тему.

Принципиальным для издания было сотрудничество с чешскими педагогами и учеными. В этом контексте закономерным было обращение к наследию Я. А. Коменского, публикация статей, посвященных личности Т. Г. Масарика, актуальным проблемам чехословацкой школы.

Для журнала было важно освещение школьного дела в Подкарпатской Руси. На его страницах рассматривались вопросы преподавания русского языка и словесности, школьной гигиены, организации детского отдыха.

Примечательно стремление журнала к расширению тематики, что выразилось в выпуске «пушкинских» номеров, статьи которых освещали различные аспекты изучения пушкинского наследия — от историко-литературного, философского и психологического до краеведческого. Еще одной попыткой расширения аудитории становится издание приложения с публикацией брошюр на чешском языке; был также замысел публикации учебно-методической литературы для учителей русских школ, не реализованный в связи с отсутствием финансовых средств.

Сам факт того, что журнал просуществовал с 1934 по 1940 год в крайне неблагоприятных экономических условиях и прекратил свою деятельность только с ужесточением нацистской оккупации, говорит о большом потенциале, которым обладал проект А. Т. Павлова. Не случайно опубликованные на его страницах статьи С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, Г. Я. Трошина

и других стали классикой отечественной психолого-педагогической мысли, а высказывавшиеся в них идеи и сегодня не утратили своей актуальности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Андреев Н. Е. А. Ляцкий (к его семидесятилетию) / Н. Андреев // Русская школа. — 1938. — № 2. — С. 15—18.
2. А. П. [Рец.] Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью. Изд. Рел.-пед. каб. при Пр. Бог. И-те в Пар., 1934, № 1, 2, 3—4 / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1935. — № 2—3. — С. 91.
3. Архив РАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 1609 (Личный архив А. В. Флоровского). Оп. 2. Д. 355. Л. 7—8.
4. *Бездек В.* Жизнь в настоящем / В. Бездек // Русская школа. — 1935. — № 1. — С. 55—56.
5. *Библиография.* Из пушкинской юбилейной литературы // Русская школа. — 1937. — № 1. — С. 28—30.
6. *Ганц Н. А.* Влияние экономического кризиса на образование в англо-саксонских странах / Н. А. Ганц // Русская школа. — 1935а. — № 2—3. — С. 42—48.
7. *Ганц Н. А.* Международной конференции по народному образованию в Оксфорде 10—17 августа / Н. А. Ганц // Русская школа. — 1935б. — № 4. — С. 53—54.
7. *Ганц Н. А.* The Year Book of Education. 1935 / Н. А. Ганц // Русская школа. — 1935в. — № 2—3. — С. 90.
9. *Геровский Г. О.* Евмений Сабов и его деятельность в области преподавания русского языка на Карпатской Руси / Г. Геровский // Русская школа. — 1935. — № 2—3. — С. 83—85.
10. *Гессен С. И.* Глобальная «метода» или глобальное обучение грамоте? / С. И. Гессен // Русская школа. — 1935а. — № 2—3. — С. 19—41.
11. *Гессен С. И.* Мироззрение и образование / С. И. Гессен // Русская школа. — 1934. — № 1. — С. 3—23.
12. *Гессен С. И.* Науки философские и общественные / С. И. Гессен // Русские в Праге (1918—1928). — Прага : Воля России, 1928. — С. 271—275.
13. *Гессен С. И.* Последняя фаза советской педагогики / С. И. Гессен // Русская школа. — 1935б. — № 4. — С. 27—32.
14. *Гессен С. И.* Принцип дифференциации в системе единой школы / С. И. Гессен // Русская школа. — 1936а. — № 2. — С. 1—7.
15. *Гессен С. И.* Проблемы единой школы / С. И. Гессен // Русская школа. — 1936б. — № 1. — С. 5—12.
16. *Гессен С. И.* Школа и хозяйство / С. И. Гессен // Русская школа. — 1938. — № 2 (10). — С. 8—14.
17. *Зеньковский В. В.* Обзор новейших работ по психологии детства (1923—1933) / В. В. Зеньковский // Русская школа. — 1934. — № 1. — С. 47—55.

18. Лосский Н. О. Т. Г. Масарик — философ и мудрец / Н. О. Лосский // Русская школа. — 1937. — № 1. — С. 5—13.
19. Некрополь российского зарубежья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=2216> (дата обращения 19.05.2024).
20. Одарченко А. Нужды и возможности школьной гигиены на Верховине (Подкарпатская Русь ЧСР) / А. Одарченко // Русская школа. — 1935. — № 1. — С. 24—38.
21. Одарченко А. Трошин-учитель / А. Одарченко // Русская школа. — 1938. — № 2. — С. 1—5.
22. От редакции // Русская школа. — 1934. — № 1. — С. 1—2.
23. От редакции // Русская школа. — 1935. — № 2—3. — С. 96.
24. От редакции // Русская школа. — 1936. — № 1. — С. 1.
25. Павлов А. Т. Лев Толстой и современная педагогика / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1936а. — № 1. — С. 2—4.
26. Павлов А. Т. Масарик, как философ демократизма / А. Т. Павлов. — Прага : [б. и.], 1928. — 16 с.
27. Павлов А. Т. Масарик — учитель / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1937. — № 1. — С. 1—4.
28. Павлов А. Т. Психология и педагогика. Научно-педагогическая деятельность Г. И. Челпанова / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1936б. — № 2. — С. 19—24.
29. Павлов А. Т. [Рец.] С. И. Гессен. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. 1923 г. Книгоиздательство «Слово», Берлин / А. Т. Павлов // Воля России. — 1923. — Сентябрь 15. — С. 94—96.
30. Павлов А. Т. Философско-педагогические взгляды Т. Г. Масарика / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1935. — № 2—3. — С. 1—10.
31. Павлов А. Т. [Рец.] Pedagogický sborník 1934, č. 1, 2, red. Juraj Čečetka a Ján Martak. Vydává Matica Slovenská / А. Т. Павлов // Русская школа. — 1934. — № 1. — С. 62—63.
32. Пржигода В. Глобальная метода в Чехословакии / В. Пржигода // Русская школа. — 1935. — № 2—3. — С. 48—61.
33. Пушкин и школа // Русская школа. — 1937. — № 1. — С. 23—28.
34. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1568 (Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии). Оп. 1. Д. 138. Л. 1—2 об. ; Ф. 2226 (Булгаков Валентин Федорович). Оп. 1. Д. 594. Л. 4.
35. Реклама и объявления // Русская школа. — 1935. — № 4. — С. 57.
36. «Слово о полку Игореве» : повесть о князьях Игоре, Святославе и судьбах Русской земли. Текст для школьного изучения / под ред. Е. А. Ляцкого // Русская школа. — 1936. — № 2. — С. 1—24.
37. Трошин Г. Я. Методические указания об обучении чтению / Г. Я. Трошин // Русская школа. — 1940. — № 3. — С. 10—16.
38. Трошин Г. Я. Ошибки детского чтения / Г. Я. Трошин // Русская школа. — 1936а. — № 2. — С. 8—13.
39. Трошин Г. Я. Процесс чтения у взрослых и детей / Г. Я. Трошин // Русская школа. — 1936б. — № 1. — С. 13—22.
40. Трошин Г. Я. Развитие детской речи / Г. Я. Трошин // Русская школа. — 1935. — № 4. — С. 9—26.
41. Трошин Г. Я. Развитие знака у детей / Г. Я. Трошин // Русская школа. — 1938. — № 2. — С. 23—27.

Литература

1. Борис Валентинович Яковенко / под ред. А. А. Ермичева. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 551 с. — ISBN 978-5-8243-1731-2.
2. Газета «Сегодня», 1919—1940 : Роспись / сост. Ю. Абызов. — Рига : Латвийская Национальная Библиотека, 2001. — 774 с. — ISBN 9984607364.
3. Гладышева С. Н. Проблемы образования и воспитания эмигрантских детей в журнале «Русская школа за рубежом» / С. Н. Гладышева // Журнал филологических исследований. — 2022. — Т. 7. — № 2. — С. 70—75.
4. Ермичев А. А. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918—1939 гг.) / А. А. Ермичев. — Санкт-Петербург : РХГА ; Вестник, 2012. — 352 с. — ISBN 978-5-4232-0003-9.
5. Киржаева В. П. На повороте : Н. А. Ганц в русско-английском педагогическом пространстве 1920—1930-х годов / В. П. Киржаева, О. Е. Осовский. — Пенза : Наука и просвещение, 2018. — 236 с. — ISBN 978-5-6042209-0-0.
6. Киржаева В. П. С. И. Гессен в воспоминаниях и оценках В. В. Зеньковского : страница из интеллектуальной истории российской эмиграции / В. П. Киржаева // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 395—417. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-395-417.
7. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940) : в 4 т. / Гл. ред. А. Н. Николокин. — Москва : ИНИОН, 1996—1998. — Т. 2. Ч. I—III. — 299 + 320 + 272 с.
8. Осовский О. Е. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом» : из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920х — начала 1930х гг. / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 48. — С. 202—228. — DOI: 10.17223/19986645/48/15.
9. Педагогика российского зарубежья : Хрестоматия / сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. — Москва : Институт практической психологии, 1996. — 528 с. — ISBN 5-89112-010-0.
10. Педагогическая библиография Российского Зарубежья (20—50-е годы XX века) / под ред. Е. Г. Осовского. — Саранск : Мордовский ГПИ, 1999. — 54 с.
11. Педагогическая публицистика Российского зарубежья / сост. Е. Г. Осовский и др. — Саранск : Мордов. гос. пед. ин-т, 2006. — 560 с. — ISBN 5-900279-28-6.
12. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху : формы взаимодействия и методология анализа : коллективная монография / отв. ред. и сост. А. А. Холиков. — Москва : ИМЛИ РАН, 2021. — 768 с. — ISBN 978-5-9208-0661-1.
13. «Русская школа за рубежом» (Прага. 1923—1931. — № 1—34) : указатель содержания / сост. Е. В. Короткова ; вступ. ст. Е. Е. Седовой. — Санкт-Петербург : Сударыня, 2009. — 130 с. — ISBN 978-5-88718-052-8.
14. Сергей Иосифович Гессен : биография в контексте педагогической жизни эмиграции / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. Г. Вишленкова, А. И. Мариниченко, С. А. Дубровская, О. О. Осовский, А. А. Пискунова. — Пенза : Наука и просвещение, 2022. — 246 с. — ISBN 978-5-00173-153-5.
15. «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции : в 4 томах / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — Т. 3. — 1016 с. — ISBN 978-5-4448-0041-6.
16. Тереня Ю. Ю. Педагогическая журналистика Русского Зарубежья 1920—1940 гг. как фактор национального самосохранения детей и юношества в эмиграции : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Ю. Ю. Тереня. — Москва, 2013. — 235 с.

17. Тереня Ю. Ю. Религиозно-педагогические журналы русского зарубежья 1920—1940 гг. / Ю. Ю. Тереня // Современное художественное образование : теория и практика : Материалы II Международной научно-практической конференции. Воронеж, 29—30 ноября 2019 года. — Воронеж : Воронежский гос. пед. университет, 2019. — С. 185—189.

18. Эмигрантика [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.emigrantica.ru/> (дата обращения 19.05.2024).

19. Nykl H. Russian émigré philosopher Andrei Pavlov and his concept of T. G. Masaryk. Slovanský přehled / H. Nykl // Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe. — 2020. — Vol. 106. — № 3. — Pp. 587—608.

20. Osinovskaia A. Образовательное пространство русского зарубежья : на материалах журнала «Русская школа за рубежом» [Vzdělávací prostor ruského exilu: na základě časopisu Russkaja škola za rubežom] / A. Osinovskaia : Diplomová práce. — Praha : Univerzita Karlova, 2022. — 66 p.

Статья поступила в редакцию 25.05.2024,
одобрена после рецензирования 27.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

A. P. [Rec.] Bulletin of religious and pedagogical work with Orthodox youth. Ed. Rel.-pedagogical office. at the Pr. God. And-those in Steam., 1934, № 1, 2, 3—4. (1935). *Russian school*, 2—3: P. 91. (In Russ.).

Advertising and announcements. (1935). *Russian school*, 4: S. 57. (In Russ.).

Andreev, N. (1938). E. A. Lyatsky (to his seventieth birthday). *Russian school*, 2: 15—18. (In Russ.).

Archive of the Russian Academy of Sciences — *Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1609 (Personal archive of A. V. Florovsky). Op. 2. D. 355. L. 7—8.* (In Russ.).

Bezdek, V. (1935). Life in the present. *Russian school*, 1: 55—56. (In Russ.).

Bibliography. (1937). From Pushkin's jubilee literature. *Russian School*, 1: 28—30. (In Russ.).

From the editorial board. (1934). *Russian school*, 1: 1—2. (In Russ.).

From the editorial board. (1935). *Russian school*, 2—3: S. 96. (In Russ.).

From the editorial board. (1936). *Russian school*, 1: P. 1. (In Russ.).

Ganz, N. A. (1935a). Impact of the economic crisis on education in the Anglo-Saxon countries. *Russian School*, 2—3: 42—48. (In Russ.).

Ganz, N. A. (1935b). International Conference on Public education in Oxford on August 10—17. *Russian school*, 4: 53—54. (In Russ.).

Ganz, N. A. (1935c). The Year Book of Education. *Russian school*, 2—3: P. 90. (In Russ.).

Gerovsky, G. O. (1935). Evmeniy Sabov and his activities in the field of teaching the Russian language in Carpathian Russia. *Russian school*, 2—3: 83—85. (In Russ.).

Gessen, S. I. (1928). Sciences philosophical and social. In: *Russians in Prague (1918—1928)*. Prague: The Will of Russia. 271—275. (In Russ.).

Gessen, S. I. (1934). Worldview and education. *Russian school*, 1: 3—23. (In Russ.).

Gessen, S. I. (1935a). Global “method” or global literacy training? *Russian school*, 2—3: 19—41. (In Russ.).

Gessen, S. I. (1935b). The last phase of Soviet pedagogy. *Russian school*, 4: 27—32. (In Russ.).

Gessen, S. I. (1936a). Principle of differentiation in the unified school system. *Russian school*, 2: 1—7. (In Russ.).

- Gessen, S. I. (1936b). Problems of a unified school. *Russian school*, 1: 5—12. (In Russ.).
- Gessen, S. I. (1938). School and economy. *Russian school*, 2 (10): 8—14. (In Russ.).
- Lossky, N. O. (1937). T. G. Masaryk — philosopher and sage. *Russian school*, 1: 5—13. (In Russ.).
- Necropolis of the Russian abroad*. Available at: <http://rusgrave.tmweb.ru/card.php?id=2216> (accessed 19.05.2024). (In Russ.).
- Odarchenko, A. (1935). Needs and opportunities of school hygiene in Verkhovyna (Subcarpathian Rus of the Czech Republic). *Russian school*, 1: 24—38. (In Russ.).
- Odarchenko, A. (1938). Troshin-teacher. *Russian school*, 2: 1—5. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1923). [Rec.] S. I. Gessen. Fundamentals of pedagogy. An introduction to applied philosophy. 1923. Publishing house “Slovo”, Berlin. *Volya Rossiya*. September 15. 94—96. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1928). *Masaryk, as a philosopher of democracy*. Prague: [b. i.]. 16 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1934). [Rec.] Pedagogický sborník 1934, č. 1, 2, red. Juraj Čečetka a Ján Martak. Vydává Matica slovenská. *Russian School*, 1: 62—63. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1935). Philosophical and pedagogical views of T. G. Masaryk. *Russian school*, 2—3: 1—10. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1936a). Lev Tolstoy and modern pedagogy. *Russian school*, 1: 2—4. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1936b). Psychology and pedagogy. Scientific and pedagogical activity of G. I. Chelpanov. *Russian school*, 2: 19—24. (In Russ.).
- Pavlov, A. T. (1937). Masaryk — teacher. *Russian school*, 1: 1—4. (In Russ.).
- Przhigoda, V. (1935). Global method in Czechoslovakia. *Russian school*, 2—3: 48—61. (In Russ.).
- Pushkin and the school. (1937). *Russian school*, 1: 23—28. (In Russ.).
- RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art*. (In Russ.).
- “The Word about Igor’s regiment”: a story about Princes Igor, Svyatoslav and the fate of the Russian land. Text for school study. (1936). *Russian School*, 2: 1—24. (In Russ.).
- Zenkovsky, V. V. (1934). Review of the latest works on the psychology of childhood (1923—1933). *Russian school*, 1: 47—55. (In Russ.).
- Troshin, G. Ya. (1935). Development of children’s speech. *Russian school*, 4: 9—26. (In Russ.).
- Troshin, G. Ya. (1936a). Mistakes of children’s reading. *Russian school*, 2: 8—13. (In Russ.).
- Troshin, G. Ya. (1936b). The process of reading in adults and children. *Russian school*, 1: 13—22. (In Russ.).
- Troshin, G. Ya. (1938). Development of the sign in children. *Russian school*, 2: 23—27. (In Russ.).
- Troshin, G. Ya. (1940). Methodical instructions on teaching reading. *Russian school*, 3: 10—16. (In Russ.).

References

- Boris Valentinovich Yakovenko. (2012). Moscow: ROSSPEN. 551 p. ISBN 978-5-8243-1731-2. (In Russ.).
- Emigrantika*. Available at: <http://www.emigrantica.ru/> (accessed 19.05.2024). (In Russ.).
- Ermichev, A. A. (2012). *Philosophical content of journals of the Russian abroad (1918—1939)*. St. Petersburg: RHSA; Bulletin. 352 p. ISBN 978-5-4232-0003-9. (In Russ.).
- Gladysheva, S. N. (2022). Problems of education and upbringing of emigrant children in the journal “Russian school abroad”. *Journal of Philological Research*, 7 (2): 70—75. (In Russ.).

- Kirzhaeva, V. P. (2018). *At the turn: N. A. Ganz in the Russian-English pedagogical space of the 1920s—1930s*. Penza: Science and Education. 236 p. ISBN 978-5-6042209-0-0. (In Russ.).
- Kirzhaeva, V. P. (2021). S. I. Gessen in Memoirs and Assessments of V. V. Zenkovsky: Page from Intellectual History of Russian Emigration. *Nauchnyi dialog*, 11: 395—417. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-395-417. (In Russ.).
- Literary Encyclopedia of the Russian Abroad (1918—1940): in 4 vols., 2 (I—III)*. (1996—1998). Moscow: INION. 299 + 320 + 272 S. (In Russ.).
- “Modern notes” (Paris, 1920—1940). *From the archive of the editorial office: in 4 volumes, 3*. (2013). Moscow: New Literary Review. 1016 p. ISBN 978-5-4448-0041-6. (In Russ.).
- Newspaper Segodnya, 1919—1940: Painting*. (2001). Riga: Latvian National Library. 774 p. ISBN 9984607364. (In Russ.).
- Nykl, H. (2020). Russian émigré philosopher Andrei Pavlov and his concept of T. G. Masaryk. *Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe*, 106 (3): 587—608.
- Osinovskaia, A. (2022). *Vzdělávací prostor ruského exilu: na základě časopisu Russkaja škola za rubežom*. Praha: Univerzita Karlova. 66 p. (In Czech.).
- Osovsky, O. E., Kirzhaeva, V. P. (2017). S. I. Gessen and the “Russian school abroad”: from the history of pedagogical journalism of the Russian abroad in the 1920s — early 1930s. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 48: 202—228. DOI: 10.17223/19986645/48/15. (In Russ.).
- Pedagogical bibliography of the Russian Abroad (20—50-ies of the twentieth century)*. (1999). Saransk: Mordovian GPI. 54 p. (In Russ.).
- Pedagogical journalism of the Russian abroad*. (2006). Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute. 560 p. ISBN 5-900279-28-6. (In Russ.).
- Pedagogy of the Russian abroad: A textbook*. (1996). Moscow: Institute of Practical Psychology. 528 p. ISBN 5-89112-010-0. (In Russ.).
- “Russian school abroad” (Prague. 1923—1931, 1—34): *index of contents*. (2009). St. Petersburg: Madam. 130 p. ISBN 978-5-88718-052-8. (In Russ.).
- Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: forms of interaction and methodology of analysis: a collective monograph*. (2021). Moscow: IMLI RAS. 768 p. ISBN 978-5-9208-0661-1. (In Russ.).
- Sergey Iosifovich Gessen: biography in the context of the pedagogical life of emigration*. (2022). Penza: Science and Education. 246 p. ISBN 978-5-00173-153-5. (In Russ.).
- Terenya, Yu. Yu. (2013). *Pedagogical journalism of the Russian Abroad 1920—1940 as a factor of national self-preservation of children and youth in emigration*. PhD Diss. Moscow. 235 p. (In Russ.).
- Terenya, Yu. Yu. (2019). Religious and pedagogical journals of the Russian diaspora 1920—1940. In: *Modern art education: theory and practice: Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Voronezh, November 29—30, 2019*. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University. University. 185—189. (In Russ.).

The article was submitted 25.05.2024;
approved after reviewing 27.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Коломиец Е. А. Создание образа эксперта в жанре «редакторская статья»: дискурсивные практики / Е. А. Коломиец // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 169—185. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-169-185.

Kolomiets, E. A. (2024). Construction of Expert Image in Genre of Editorial: Discursive Practices. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 169-185. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-169-185. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Создание образа эксперта в жанре «редакторская статья»: дискурсивные практики

Коломиец Екатерина Андреевна
orcid.org/0000-0001-9260-4554
Scopus Author ID: 57841488500
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
английского языка № 3
ekatnikon2014@yandex.ru

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Construction of Expert Image in Genre of Editorial: Discursive Practices

Ekaterina A. Kolomiets
orcid.org/0000-0001-9260-4554
Scopus Author ID: 57841488500
PhD in Philology,
Associate Professor,
Department of English № 3
ekatnikon2014@yandex.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В фокусе внимания исследования находятся дискурсивные практики, используемые для создания образа эксперта в жанре «редакторская статья». Образ эксперта отвечает целям данного текстотипа. Первоначально редакторская статья выступала в качестве инструмента выражения голоса издания и обеспечивала статус независимого социального института. Сегодня данная функция стала менее ярко выраженной, и всё же редакторская статья сохраняет за собой значимую роль в формировании взглядов и ценностей общества, особенно в период важных политических событий. В этой связи для авторов редакторской статьи важно поддерживать авторитет и статус эксперта. Результаты исследования продемонстрировали, что для формирования образа эксперта в редакторской статье задействованы такие дискурсивные практики, как использование ссылок на работы, представляющие собой авторитетный источник, упоминание достижений автора в исследовании обсуждаемого вопроса, приведение количественных данных, формулирование прогнозов и рекомендации. Было установлено, что все они направлены на формирование образа эксперта и могут восприниматься читателем как элемент экспертного знания, однако в действительности они относятся к различным практикам: экспертизе и контр-экспертизе. Автор статьи опирается на разграничение экспертизы, антиэкспертизы и контр-экспертизы.

Ключевые слова:

редакторская статья; editorial; жанр; СМИ; экспертиза; журналистика мнения; антиэкспертиза; контр-экспертиза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This research focuses on discursive practices employed to construct the expert image within the genre of editorial articles. The expert image aligns with the goals of this textual form. Initially, editorials served as a tool for expressing the publication's voice and ensuring the status of an independent social institution. While this function has somewhat diminished today, editorials still play a significant role in shaping societal views and values, especially during pivotal political events. Therefore, it is crucial for authors of editorial articles to maintain authority and expert status. Research findings demonstrate that discursive practices such as referencing authoritative sources, highlighting the author's achievements in discussing the issue at hand, presenting quantitative data, formulating predictions, and recommendations are utilized to shape the expert image in editorial articles. These practices are perceived by readers as elements of expert knowledge, yet they actually belong to distinct realms: expertise and counter-expertise. The author of the article differentiates between expertise, anti-expertise, and counter-expertise.

Key words:

editorial article; genre; media; expertise; opinion journalism; anti-expertise; counter-expertise.

УДК 81'42:070+81'38

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-169-185

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Создание образа эксперта в жанре «редакторская статья»: дискурсивные практики

© Коломиец Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

Исследователи отмечают большой воздействующий потенциал редакторской статьи (редакторская статья в системе англоязычных журналистских жанров соответствует жанру «editorial») в формировании политических взглядов и ценностей (см. K. F. Kahn [Kahn, 2002], J. Firmstone [Firmstone, 2008]). Способность жанра влиять на представления общества и политические решения связана прежде всего с исторически сложившимся особым положением редакторской статьи в системе журналистских жанров: жанр выступает как голос издания, и мнение, высказываемое в текстах редакторской статьи, воспринимается читателями как авторитетное *per se*. Тем не менее, безусловно, современные авторы, пишущие в данном жанре, задействуют весь арсенал инструментов воздействия, доступный журналисту сегодня. Одним из таких инструментов является формирование образа эксперта, что позволяет укрепить доверие читателя к предоставляемой информации и транслируемому мнению. В связи с этим актуален анализ дискурсивных практик, направленных на создание образа эксперта в жанре «редакторская статья». Новизна исследования определяется тем, что в работе приводится описание закономерностей функционирования образа эксперта в жанре «редакторская статья», что способствует созданию целостной картины жанра, который на данный момент не получил достаточного исследовательского внимания [Dijk, 1995]. Цель работы — исследование ключевых дискурсивных практик, направленных на создание образа эксперта в жанре «редакторская статья».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическая база исследования была получена путем сплошной выборки и составила 50 англоязычных статей, относящихся к жанру «редакторская статья» (editorial) и публикуемых в разделах «Editorial», «Leader», «From editor», «Editorial view» и т. д. в изданиях «The Guardian»,

« The Economist», « The New York Times» and «The Washington Post» за 2020—2023 годы. Выбор англоязычных редакторских статей в качестве материала исследования обусловлен тем, что данный жанр зародился в США и впоследствии получил распространение в других странах. Соответственно, та модель жанра, которая формируется на страницах СМИ США и Великобритании, находит отражение в журналистских традициях других стран или даже задает эти традиции. Не отрицая национальную специфику редакторской статьи в каждой отдельной стране, мы исходим из того, что результаты, полученные на англоязычном материале, могут быть экстраполированы на функционирование жанра в других странах.

В современной лингвистике существует ряд определений *дискурсивных практик*. Так, дискурсивная практика приравнивается к практике социальной (см., Г. Гарфинкель [Гарфинкель, 2007], С. Кэмпбелл [Campbell, 2007], и др.), определяется как способ коммуникации в конкретной социальной сфере (см. О. С. Иссерс [Иссерс, 2012]), понимается как составная часть практики социальной (см. N. Fairclough [Fairclough, 2003]) или как аналог практики социальной (см. К. М. Шилихина [Шилихина, 2011, с. 178]). Таким образом, на сегодняшний день отсутствует единое определение явления, а также универсальная классификация дискурсивных практик. В рамках данного исследования при описании дискурсивных практик мы опирались на понимание явления как элемента практики социальной (см. М. В. Йоргенс [Йоргенсен, 2004, с. 121], N. Fairclough [Fairclough, 1998, с. 145]; О. С. Иссерс [Иссерс, 2011]), то есть определяли его как набор устойчивых и повторяющихся паттернов, конструирующих дискурс СМИ. Считаем, что дискурсивные практики, будучи формой сохранения коммуникативного опыта, представляют собой лишь часть многообразных социальных практик [Дискурсивные практики СМИ ..., 2009, с. 4]. Таким образом, анализ дискурсивных практик СМИ позволяет зафиксировать не только «правила создания завершенного, отдельного текста, но и вообще способы передачи смыслов, актуальных для журналистики» [Там же, с. 5], конкретизировать характеристики и выделить маркеры более общих закономерностей [Никонова, 2022].

Понятие «экспертиза» междисциплинарно, что осложняет процесс осмысления понятия, выработки определения и характеристик. В самом общем виде экспертиза представляет собой «способ анализа причинно-следственных связей» [Леонтьев, 2008, с. 7] того, что произошло, и того, что ожидается. Несмотря на многомерность определения, можно выделить повторяющиеся из дефиниции в дефиницию черты. Так, экспертиза предполагает наличие специальных знаний [БРЭС] и их направленность не на поиск новых компетенций, а на применение имеющихся для решения опре-

деленного вопроса [Юдин, 2006]. Кроме того, в ряде определений указывается на важность независимости специалиста, проводящего экспертизу (то есть эксперта), его действий в интересах истины [Леонтьев, 2008; Горина, 2012], а не заказчика. Таким образом, полноценная экспертиза предполагает беспристрастность, полноту анализа, логическую убедительность рассуждений, определённую ответов на вопрос [Леонтьев, 2008, с. 49—52], что не должно нарушаться не только на понятийном уровне, но и на уровнях более низкого порядка (например, автор должен придерживаться эмоционально нейтральной лексики для сохранения беспристрастности).

Что касается эксперта, то предполагается, что, обладая совокупностью специальных знаний, он в состоянии эффективно применять их в различных ситуациях. Отметим, что мнение эксперта — «это всегда больше, чем просто мнение» [Горина, 2012, с. 36], поскольку его авторитет в определенной области позволяет воспринимать его суждения как истинные.

На сегодняшний день можно выделить две противоположные тенденции, оказывающие влияние на понимание социальной роли экспертизы: с одной стороны, наблюдаются выход экспертного знания за пределы научного сообщества и рост значения экспертов и экспертного знания в социокультурных процессах. Учитывая большое количество воспринимаемой нами сегодня информации, мы нуждаемся в экспертах, для того чтобы облегчить процесс принятия решений. При этом роль эксперта как «высококомпетентного специалиста, обладающего специальными знаниями в той или иной сфере, привлекаемого для вынесения экспертного заключения», упрощается: сегодня все чаще под *экспертом* понимается тот, к кому обращаются за советом для выработки ответственного решения. В связи с этим принято говорить о другой тенденции — *смерть экспертизы* [Николс, 2019], для которой характерны отказ от традиционной системы знаний, науки, беспристрастности, лежащих в основе экспертного знания, и, как следствие, возникновение такого явления, как *антиэкспертиза*. Кроме того, в последнее время все чаще исследователи обращают внимание на такой феномен, как *контр-экспертиза* (см. публикации С. Ю. Шевченко [Шевченко, 2020]; Е. В. Брызгалиной, В. Н. Киселева [Брызгалина и др., 2020]). Противопоставление экспертизы и контр-экспертизы проходит по линии стремления к объективности (соблюдения внешних нормативов объективности) и открытого провозглашения субъективности [Брызгалина и др., 2020, с. 34]. Контр-экспертиза направлена не на прояснение фактов, а на «фиксацию способов задания и измерения предметов науки» [Шевченко, 2020], она оспаривает монополию на решение, кто является экспертом, а кто нет, размывает существующие границы экспертного и профанного знания. В свою очередь контр-эксперты — это люди, чей статус легитимирован «снизу», то есть

«контр-экспертом может стать любой человек вне зависимости наличия у него институционального статуса — диплома, академической или административной должности» [Шевченко, 2020, с. 22]. Таким образом, сегодня остро встает вопрос об уточнении статуса экспертного знания, сущности экспертной деятельности и ее субъектов. Данные вопросы не входят в перечень задач нашего исследования, однако при анализе полученного материала продемонстрируем, как дискурсивные практики создания образа эксперта реализуют контр-экспертизу (и используются журналистом для вуалирования собственного мнения под экспертное в целях оказания влияния на адресата) и действительно экспертное знание в его традиционном понимании.

Отметим, что массмедиа представляют собой достаточно крупного и влиятельного субъекта контр-экспертизы. С одной стороны, СМИ являются важным социальным институтом, обеспечивающим доступ граждан к информации, реализующим контроль за органами власти и осуществляющим мониторинг состояния экономики, экологии и других сфер общественной жизни. Идеи, высказываемые СМИ, хотя и не являются экспертным знанием, но воспринимаются обществом как надежная и достоверная информация. С другой стороны, поскольку СМИ «участвуют в аккумулировании и выражении общественного мнения» [Третьякова, 2011, с. 190], то они выступают в качестве универсального проводника «гражданской науки». В результате СМИ являются авторитетным актором общественного диалога, чье мнение воспринимается в обществе как весомое, при этом не приравнивается к экспертному, а сохраняет статус повседневного знания, то есть включает мнения, взгляды, точки зрения, суждения, теории, мировоззрения и позиции, для которых «не характерны квалификационные признаки научного знания, а именно: истинность, обоснованность, рациональность и т. д.» [Черных, 2010, с. 99—100]. О позиционировании СМИ как контр-эксперта свидетельствует использование в массмедиа-текстах отсылок к другим журналистам в качестве аргументации. Например:

Once again, disaster has yielded glimmers of hope, or at least evidence of common sense. A recent Times article by Christopher Flavelle, a Washington-based climate reporter, notes that Americans by substantial margins support much stronger building codes and even outright bans on new construction in flood- and fire-prone zones [After fire ..., 2020] // Повторимся, климатические катастрофы дают надежду или как минимум демонстрируют наличие здравого смысла. В недавней статье Кристофера Флавелла, репортера «The Washington Post» по вопросам климата, говорится о том, что американцы в большинстве поддерживают более строгие строительные нормы и даже запреты на новые строительства в зонах, подверженных наводнениям и пожарам.

В данном примере автор утверждает, что в Америке появилась тенденция отказываться от строительства домов в зонах, подверженным природным катастрофам, либо изменять нормы строительства. При этом автор не ссылается на официальную статистику или слова представителя администрации, но приводит в качестве весомого аргумента слова коллеги-журналиста, чей опыт и знания не являются экспертными.

Также частотны случаи, когда журналисты «вписывают» себя в пространство гражданской эпистемологии, вводя маркеры знания (*знать, осознавать*):

We understand the problem: almost two-thirds of people worldwide believe the climate crisis is an emergency. We know what needs to be done, and should be confident that we will be able to achieve it, thanks to the rapid advance of renewable technologies. Collectively, we can also muster the money to do it [The Guardian view..., 2024] / *Мы осознаем проблему: почти две трети людей по всему миру считают, что климатический кризис нуждается в незамедлительных мерах. Мы знаем, что нужно делать и должны быть уверены, что сможем сделать все необходимое благодаря быстро развивающимся возобновляемым технологиям. Все вместе мы сможем также аккумулировать необходимые средства.*

В данном примере видим, что журналист прибегает к инклюзивному авторскому «мы», объединяющему автора с читателями. Выражение идеи коллективности также поддерживается за счет наречия *collectively*. Автор и читатель выступают единым фронтом в решении экологического кризиса, не нуждаются в экспертном мнении, поскольку имеют достаточно локальных знаний. Таким образом, видим, что СМИ позиционируют себя важным носителем контр-экспертного знания и, как следствие, участвуют в процессе расшатывания жестких иерархий и системной несправедливости в принятии решений по вопросам качества жизни и благополучия людей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате проведенного исследования были выделены следующие дискурсивные практики, за счет которых строится образ эксперта в жанре «редакторская статья»: использование ссылок на работы, представляющие собой авторитетный источник, упоминание достижений автора в исследовании обсуждаемого вопроса, приведение количественных данных, формулирование прогнозов и рекомендации. При этом, хотя все они направлены на формирование образа эксперта и могут восприниматься читателем как элемент экспертного знания, в действительности они относятся к различным практикам: экспертизе и контр-экспертизе (табл.).

Таблица

Представленность дискурсивных практик создания образа эксперта
в экспертизе и контр-экспертизе
= Discourse practices used to create experts' image realized
in expertise and contra-expertise

	Использование ссылок на работы, представляющие собой авторитетный источник	Упоминание достижений автора в исследовании обсуждаемого вопроса	Приведение количественных данных	Формулирование прогнозов и рекомендации
Экспертиза	+		+	+
Контр-экспертиза		+	+	+

3.1. Использование ссылок на работы, представляющие собой авторитетный источник, позволяет создать объективный тон повествования и повысить степень доверия читателей к приводимой автором информации. Кроме того, наличие ссылок на авторитетные источники подчеркивает высокую степень осведомленности автора в обсуждаемом вопросе, а также его компетентность, что способствует созданию образа автора-эксперта. Так, например, в статье «Long covid might presage a wave of disability claims», опубликованной в «The Washington Post», автор утверждает, что постковидный синдром (лонг-ковид) может представлять опасность для большого количества индивидов и общества в целом, и для подтверждения своей позиции ссылается на исследования Национальной академии наук, инженерии и медицины:

*<...> evidence suggests that long covid could burden millions of people.
<...>*

This is the implication of two just-published studies from the National Academies of Sciences, Engineering and Medicine. The first study, published on June 5, examined the potential impairment and disability caused by long covid. The second study, published on June 11, provided a much-needed consensus definition — there have been numerous different ones previously — to help patients, doctors, researchers and policymakers work from the same page [Long covid ..., 2024] // <...> данные подтверждают, что постковидный синдром может усложнить жизнь миллионам людей <...> Это выводы, которые были опубликованы в недавно вышедших исследованиях Национальной академии наук, инженерии и медицины. Первое исследование, увидевшее свет 5 июля, освещает потенциальные нарушения и недееспособность, которые могут быть вызваны постковидным синдромом. Второе

исследование от 11 июля предоставило столь необходимое универсальное определение постковидного синдрома — ранее существовало несколько разрозненных определений — чтобы помочь пациентам, врачам, исследователям и законодателям (здесь и далее перевод наш. — Е. К.).

Национальная академия наук инженерии и медицины представляет собой действительно надежный источник. При этом для повышения его авторитетности автор дает детальную информацию об исследованиях, о которых идет речь, а также предоставляет гиперссылку на первоисточник. Таким образом, опасения, высказываемые автором в отношении постковидного синдрома, обретают под собой научную базу, представляющую собой экспертное знание.

3.2. Упоминание достижений автора в исследовании обсуждаемого вопроса используется для реализации контр-экспертизы. Для поддержания своего авторитета и статуса «эксперта» автор дает отсылки к другим статьям номера, где журнал тоже разместил подробную информацию, связанную с описываемым явлением:

Yet as we explain this week (see Briefing), an increasingly vocal band of dissenters thinks that the world could emerge from the pandemic into an era of higher inflation [Will inflation ..., 2023]. // Однако, как мы объясняем на этой неделе (см. раздел “Briefing”), все увеличивающаяся группа несогласных считает, что мир после пандемии может столкнуться с растущей инфляцией.

В данной статье автор обосновывает, почему эксперты, предсказывающие инфляцию, ошибаются. В качестве одного из аргументов автор ссылается на самого себя (редакцию газеты), делая попытку выдать себя за эксперта. Однако тот факт, что автор уже писал об этом раньше, не делает его таковым. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, когда автор, не обладая специальными знаниями и компетенциями, постулирует себя в качестве специалиста в узкой области. При этом нельзя отрицать того, что у автора (в том числе как журналиста, специализирующегося на экономической тематике) может быть достаточно социального и практического опыта, позволяющего ему интерпретировать различные экономические показатели. В связи с этим авторские высказывания можно рассматривать как пример контр-экспертизы.

3.3. Приведение количественных данных. Использование статистических данных является мощным инструментом воздействия на сознание и позволяет целенаправленно решать политические задачи [Пашинцев, 2010; Давлетшина, 2022]. И хотя сегодня политики и СМИ нередко прибегают к цифровому популизму, приведение числовых данных продолжает вызывать доверие и оказывать сильное влияние на адресата, то есть отсылка к статистическим данным ассоциируется в сознании читателей с высо-

кой компетентностью и экспертностью. Ниже рассмотрим примеры того, как количественные данные могут выступать в качестве иллюстрации к экспертизе, контр-экспертизе, а также антиэкспертизе.

Much of the rich world has struggled with rising rates of self-reported mental-health problems, particularly since the covid-19 pandemic. But the numbers in Britain are startling. Around 4.5m Britons were in contact with mental-health services in 2021—22, a rise of almost 1m in five years. In the past decade no other European country has seen a greater increase in the use of antidepressants. A National Health Service (NHS) survey in 2023 found that one in five 8-to 16-year-olds in England had a probable mental disorder, up from one in eight in 2017. In 17- to 19-year-olds the figure had increased from one in ten to one in four. The number of people who are out of work with mental health conditions has risen by a third between 2019 and 2023 [Britain’s mental-health mess..., 2023] // Большая часть богатого мира страдает от растущих самодиагностируемых случаев психических заболеваний, особенно после пандемии covid-19. Но данные Великобритании пугающие. Около 4,5 млн британцев обращались в медицинские учреждения с жалобами на психические расстройства в 2021—22 годах, что означает рост на 1 млн за пять лет. В последнее десятилетие ни одна другая европейская страна не столкнулась с подобным ростом спроса на антидепрессанты, как Британия. Исследование национальной службы здравоохранения Великобритании за 2023 год выявило, что один из пяти британцев в возрасте 8—16 лет имеет вероятное психическое отклонение, в то время как в 2017 году этот показатель составлял один из восьми. Что касается возрастной группы 17—19 лет, то наблюдается рост с одного из десяти до одного из четырех. Количество людей, которые не работают из-за психических заболеваний, увеличилось на треть с 2019 по 2023 годы.

В данном примере автор обосновывает заявление о том, что пандемия covid-19 способствовала росту психических заболеваний. В качестве доказательства приводится статистика. Для того чтобы не быть голословным, автор дает ссылку на источник статистики (Национальную службу здравоохранения Великобритании), который представляет собой официальный и в данном случае политически неангажированный источник. При этом автор не просто приводит данные, но делает определенные расчеты, сравнения, то есть дает анализ статистики, проводит своего рода исследование, что усиливает его образ эксперта. В то же время попытки автора верифицировать приводимые данные дают основания для их рассмотрения в качестве экспертного знания.

В качестве примера использования количественных данных как элемента контр-экспертизы рассмотрим абзац из статьи «Homeschooling is surging» в «The Washington Post»:

*Home schooling was once a niche practice, attractive mostly to religious households dissatisfied with the secular public school system. Now, it has increased by **what The Post believes** might be as much as 51 percent over the past six academic years — across geography and demography alike [Home schooling ..., 2024] // Раньше домашнее обучение было редким явлением, как правило, распространенным среди религиозных групп, не согласных со светской системой школьного образования. Сегодня количество обучающихся на дому, по мнению «The Post», может быть на 51 % выше, чем в предыдущие шесть академических лет без привязки к региону или возрастной группе.*

В данном примере автор приводит статистические данные, в качестве источника которых указывает само издание «The Washington Post», то есть автор (для жанра «редакторская статья» в качестве автора выступает сама газета) позиционирует газету как надежный и достоверный источник информации. Учитывая тот факт, что «The Washington Post» обладает своим аналитическим центром, проводит регулярные опросы общественного мнения, то она может позиционировать себя как носителя локальных знаний и претендовать на разрыв монополии ученых на обладание объективной истины, выступая в качестве контр-эксперта.

3.4. Формулирование прогнозов и рекомендации. Одной из ключевых целей экспертизы является прогнозирование, в этой связи неслучайно присутствие прогнозов и рекомендаций как одной из обязательных частей редакторской статьи. При этом прогнозы и рекомендации могут представлять собой как экспертное знание, так и контр-экспертизу.

*This reality **should inform** American policy. <...> **America should continue** to focus on de-escalation. That means continuing to show strength. It **should maintain** military pressure on Iran and its proxies, and stand up an international coalition to deter Yemen's Houthis from further attacks on commercial ships in the Red Sea (talks about one are said to be under way). <...> **Mr. Biden should avoid** returning to his predecessor's failed policy of "maximum pressure" and leave open the door to a deal that limits both Iran's nuclear programme and its regional meddling [Nervous ..., 2023] // Реальность должна быть учтена при выработке американской политики. <...> США должны продолжать фокусироваться на деэскалации. Это означает продолжать действовать с позиции силы. США должны оказывать военное давление на Иран и его союзников, создать международную коалицию для противодействия хуситам в Йемене, атакующим коммерческие корабли в Красном море (есть основания полагать, что разговоры о создании коалиции уже ведутся). <...> Байдену не следует возвращаться к неудавшейся политике «максимального давления» его предшественника и оставлять воз-*

возможность для заключения сделки, ограничивающей ядерную программу Ирана и его попытки вмешиваться в дела региона.

В приведенном примере в фокусе внимания отношения США и Ирана. Достаточно большой объем текста (2 из 8 абзацев) посвящены прогнозу и рекомендациям США в отношении Ирана. Отметим, что рекомендации обращены не только к собирательному образу США, но и к президенту страны Дж. Байдену, что свидетельствует о том, что автор статьи позиционирует себя как высококлассного эксперта, чьи статьи могут оказаться на столе у президента. При этом все прогнозы и рекомендации вытекают из личного опыта и умозаключений автора, не подтверждаются научной базой, то есть мы имеем дело с контр-экспертизой. Напротив, в статье «With coronavirus, “Health care for some” is a recipe for disaster», опубликованной в «The New York Times», автор критикует проект Д. Трампа, направленный на ограничение выдачи вида на жительство США (Public Charge rule), приводя рекомендации относительно данного законопроекта, высказанные специалистами:

*Doctors and immigration advocates have long worried that the public charge rule would present a grave public health danger. The rule could deter millions of noncitizens — even those who were not technically subject to its provisions — from using programs like Medicaid, WIC and SNAP or from seeking medical care of any kind, lest they imperil their immigration status. <...> The doctors and scholars advised officials not to cut existing safety net programs to pay for the work of battling the current outbreaks [With coronavirus ..., 2020] // **Врачи и иммиграционные адвокаты уже давно обеспокоены тем, что закон, направленный на ограничение выдачи вида на жительство, может представлять собой угрозу для общественного здравоохранения. Он может лишить миллионы мигрантов — включая тех, кто технически не подпадает под их действие, — доступа к таким программам, как Медикайд, WIC и SNAP, а также любой медицинской помощи, иначе будет нарушен их миграционный статус <...> Врачи и ученые посоветовали чиновникам не урезать существующую программу социальной защиты, предусматривающую выплаты за участие в борьбе со вспышками болезни.***

В данном примере автор ссылается на опасения и рекомендации, которые высказывают эксперты — врачи, ученые и иммиграционные адвокаты — в отношении последствий принятия закона об ограничении выдачи вида на жительство США. Анализ всей статьи показывает, что автор старается не делать самостоятельных прогнозов и рекомендаций относительно данного вопроса; любые приводимые им высказывания подтверждаются мнением экспертного сообщества на данный счет. В связи с этим можно сделать вывод о том, что данный текст выстроен на основе экспертного знания.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ показал, что в редакторской статье автор делает попытку создать образ эксперта, что, на наш взгляд, связано с социально-политической ролью жанра. Так, первоначально редакторская статья выступала в качестве инструмента выражения голоса издания как независимого социального института. С течением времени данная роль стала менее ярко выраженной, однако и сегодня редакторская статья сохраняет за собой значимую роль в формировании взглядов и ценностей общества, особенно в период важных политических событий. Учитывая высокий социальный статус жанра, для автора важно сохранить авторитет и доверие читателей, в связи с чем автор стремится создать образ эксперта. Исследование показало, что образ эксперта создается за счет таких дискурсивных практик, как использование ссылок на работы, представляющие собой авторитетный источник, упоминание достижений автора в исследовании обсуждаемого вопроса, приведение количественных данных, формулирование прогнозов и рекомендации. При этом, хотя все они направлены на формирование образа эксперта и могут восприниматься читателем как элемент экспертного знания, в действительности они относятся к различным практикам: экспертизе и контр-экспертизе.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. БРЭС — *Большой российский энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://old.bigenc.ru/vocabulary> (дата обращения 19.06.2024).
2. *After fire and floods, glimmers of hope* / The New York Times. — 19th September 2020. — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2020/09/19/opinion/sunday/fires-hurricanes-climate-change-homes.html> (accessed 19.06.2024).
3. *Britain's mental-health mess* / The Economist. — 9th December 2023. — [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2023/12/07/how-to-stop-over-medicalising-mental-health> (accessed 19.06.2024).
4. *Campbell S.* Migration, ethnicity and competing discourses in the job interview : synthesizing the institutional and personal / S. Campbell, C. Roberts // *Discourse and Society*. — 2007. — Vol. 18. — Pp. 243—270.
5. *Home schooling is surging* // The Washington Post [Electronic resource]. — 2024. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/06/homeschool-tests-abuse-laws/> (accessed 20.06.2024).
6. *How the battle for democracy will be fought.* // The Washington Post [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/12/21/autocracy-democracy-internet-circumvention/> (accessed 20.06.2024).
7. *Long covid might presage a wave of disability claims* // The Washington Post. — 17th June 2024 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/06/17/long-covid-research-disability/> (accessed 20.06.2024).

8. *Nervous in Tehran* // The Economist. — 16th December 2023 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.economist.com/leaders/2023/12/14/irans-regime-is-weaker-than-it-looks-and-therefore-more-pliable> (accessed 20.06.2024).

9. *Nixon R. US Groups helped nurture Arab uprising* / R. Nixon // The New York Times [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2011/04/15/world/15aid.html> (accessed 21.06.2024).

10. *The Guardian view on the climate emergency* // The Guardian [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/may/08/the-guardian-view-on-the-climate-emergency-we-cannot-afford-to-despair> (accessed 21.06.2024).

11. *Why do we build houses in the same way that we did 125 years ago?* // The New York Times [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2023/12/18/opinion/editorials/housing-costs-modular-homes.html> (accessed 21.06.2024).

12. *Will inflation return?* // The Economist. — 24th June 2023 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.economist.com/briefing/2023/06/21/inflation-is-as-corrosive-to-investing-as-it-is-to-the-real-economy> (accessed 21.06.2024).

13. *With coronavirus, “Health care for some” is a recipe for disaster* // The New York Times. — 6th March 2020 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2020/03/06/opinion/coronavirus-immigrants-health.html> (accessed 21.06.2024).

Литература

1. *Брызгалова Е. В.* Эксперт и профан : коммуникативные парадоксы экспертизы и контр-экспертизы / Е. В. Брызгалова, В. Н. Киселев // Эпистемология и философия науки. — 2020. — Т. 57. — № 2. — С. 33—41.

2. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. — Санкт-Петербург : Питер, 2007. — 335 с. — ISBN 5-469-00033-8.

3. *Горина А. В.* Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / А. В. Горина. — Омск, 2012. — 137 с.

4. *Давлетшина Л. А.* Статистика как инструмент политической деятельности / Л. А. Давлетшина, М. В. Карманов // Вестник НГУЭУ. — 2022. — № 4. — С. 165—173. — DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-4-165-173>.

5. *Дискурсивные практики СМИ : проблемы информационной безопасности* : монография / под ред. Э. В. Чепкиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — 308 с.

6. *Ивин А. А.* Теория и практика аргументации : учебник для бакалавров / А. А. Ивин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 300 с.

7. *Иссерс О. С.* Дискурсивная практика : к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация : новые дискурсивные практики : монография. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. — С. 37—61. — ISBN 978-5-7779-1271-8.

8. *Иссерс О. С.* Люди говорят : дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. — 275 с. — ISBN 978-5-7779-1520-7.

9. *Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филипс. — 2-е изд., испр. — Харьков : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. — 352 с. — ISBN 0-7619-7112-2.

10. *Леонтьев Д. А.* Комплексная гуманитарная экспертиза / Д. А. Леонтьев, Г. В. Иванченко. — Москва : Смысл, 2008. — 20 с.

11. *Николс Т.* Смерть экспертизы : как интернет убивает научные знания / Т. Николс. — Москва : Эксмо, 2019. — 368 с.

12. Никонова Е. А. Дискурсивные практики конструирования достоверности повествования в аналитической статье (на примере англоязычного масс-медиа дискурса) / Е. А. Никонова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 69—74. — DOI: 10.30853/phil20220013.

13. Пашинцева Н. И. Официальная статистика — необходимое звено информационной системы демократического общества / Н. И. Пашинцева // *Вопросы статистики*. — 2010. — № 10. — С. 8—10.

14. Третьякова О. В. средства массовой информации как элемент структуры гражданского общества / О. В. Третьякова // *Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2011. — № 5 (11). — С. 189—194.

15. Черных А. И. Журналистика и публичная экспертиза / А. И. Черных // *Социологический журнал*. — 2010. — № 4. — С. 92—111.

16. Шевченко С. Ю. Презирать и подсказывать : эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза / С. Ю. Шевченко // *Эпистемология и философия науки*. — 2020. — Т. 57. — № 2. — С. 20—32.

17. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 399 с.

18. Юдин Б. Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы / Б. Г. Юдин // *Знание. Понимание. Умение*. — 2006. — № 4. — С. 187—194.

19. Dijk T. A. van. Opinions and ideologies in editorials / T. A. van Dijk // *Paper for the 4th International Symposium of Critical Discourse Analysis, Language, Social Life and Critical Thought, Athens, 14—16 December, 1995* [Electronic resource]. — Access mode : <https://studfile.net/preview/4538454/> (accessed 22.06.2024).

20. Fairclough N. *Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. — London : Routledge, 2003. — 270 p. — ISBN 0415258928.

21. Fairclough N. *Political Discourse in the Media : An analytical Framework* / N. Fairclough. — Oxford : Blackwell, 1998. — Pp. 142—162.

22. Firmstone J. The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe / J. Firmstone // *Journalism Practice*. — 2008. — № 2. — Pp. 212—229.

23. Kahn K. F. The slant of the news : How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates / K. F. Kahn, P. J. Kenney // *American Political Science Review*. — 2002. — № 96 (2). — Pp. 381—394.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2024,
одобрена после рецензирования 15.07.2024,
подготовлена к публикации 28.07.2024.*

Material resources

After fire and floods, glimmers of hope. (2020). *The New York Times*. 19th September. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/09/19/opinion/sunday/fires-hurricanes-climate-change-homes.html> (accessed 19.06.2024).

BRES — *Is a large Russian encyclopedic dictionary*. Available at: <https://old.bigenc.ru/vocabulary> (accessed 19.06.2024). (In Russ.).

- Britain's mental-health mess. (2023). *The Economist*. 9th December. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2023/12/07/how-to-stop-over-medicalising-mental-health> (accessed 19.06.2024).
- Campbell, S., Roberts, C. (2007). Migration, ethnicity and competing discourses in the job interview: synthesizing the institutional and personal. *Discourse and Society*, 18: 243—270.
- Home schooling is surging. (2024). *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/06/homeschool-tests-abuse-laws/> (accessed 20.06.2024).
- How the battle for democracy will be fought. *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/12/21/autocracy-democracy-internet-circumvention/> (accessed 20.06.2024).
- Long covid might presage a wave of disability claims. (2024). *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/06/17/long-covid-research-disability/> (accessed 20.06.2024).
- Nervous in Tehran. (2023). *The Economist*. 16th December. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2023/12/14/irans-regime-is-weaker-than-it-looks-and-therefore-more-pliable> (accessed 20.06.2024).
- Nixon, R. US Groups helped nurture Arab uprising. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/04/15/world/15aid.html> (accessed 21.06.2024).
- The Guardian view on the climate emergency. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/may/08/the-guardian-view-on-the-climate-emergency-we-cannot-afford-to-despair> (accessed 21.06.2024).
- Why do we build houses in the same way that we did 125 years ago? *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/12/18/opinion/editorials/housing-costs-modular-homes.html> (accessed 21.06.2024).
- Will inflation return? (2023). *The Economist*. 24th June. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2023/06/21/inflation-is-as-corrosive-to-investing-as-it-is-to-the-real-economy> (accessed 21.06.2024).
- With coronavirus, “Health care for some” is a recipe for disaster. (2020). *The New York Times*. 6th March. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/03/06/opinion/coronavirus-immigrants-health.html> (accessed 21.06.2024).

References

- Bryzgalina, E. V., Kiselyov, V. N. (2020). Expert and profane: communicative paradoxes of expertise and counter-expertise. *Epistemology and philosophy of science*, 57 (2): 33—41. (In Russ.).
- Chernykh, A. I. (2010). Journalism and public expertise. *Sociological Journal*, 4: 92—111. (In Russ.).
- Davletshina, L. A., Karmanov, M. V. (2022). Statistics as a tool of political activity. *Vestnik NGUEU*, 4: 165—173. DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-4-165-173>. (In Russ.).
- Dijk, T. A. van. (1995). *Opinions and ideologies in editorials. Paper for the 4th International Symposium of Critical Discourse Analysis, Language, Social Life and Critical Thought, Athens, 14—16 December*. Available at: <https://studfile.net/preview/4538454/> (accessed 22.06.2024).
- Discursive media practices: problems of information security: monograph*. (2009). Yekaterinburg: Ural Publishing House. Unita. 308 p. (In Russ.).

- Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge. 270 p. ISBN 0415258928.
- Fairclough, N. (1998). *Political Discourse in the Media: An analytical Framework*. Oxford: Blackwell. 142—162.
- Firmstone, J. (2008). The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe. *Journalism Practice*, 2: 212—229.
- Garfinkel, G. (2007). *Research on ethnomethodology*. St. Petersburg: Peter. 335 p. ISBN 5-469-00033-8. (In Russ.).
- Gorina, A. V. (2012). *Philosophical and anthropological expertise as a socio-cultural technology*. PhD Diss. Omsk. 137 p. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2011). Discursive practice: towards the definition of a concept. In: *Modern speech communication: new discursive practices: monograph*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University. 37—61. ISBN 978-5-7779-1271-8. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2012). *People say: discursive practices of our time*. Omsk: Publishing House of the Omsk State University. 275 p. ISBN 978-5-7779-1520-7. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (2022). *Theory and practice of argumentation: textbook for bachelors. 2nd ed., reprint. and add.* Moscow: Yurait Publishing House. 300 p. (In Russ.).
- Jorgensen, M. V., Philips, L. J. (2008). *Discourse analysis. Theory and method*. Kharkiv: Publishing House “Humanitarian Center”. 352 p. ISBN 0-7619-7112-2. (In Russ.).
- Kahn, K. F. (2002). The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens’ views of candidates. *American Political Science Review*, 96 (2): 381—394.
- Leontiev, D. A. (2008). *Complex humanitarian expertise*. Moscow: Smysl. 20 p. (In Russ.).
- Nichols, T. (2019). *Death of expertise: how the Internet kills scientific knowledge*. Moscow: Eksmo. 368 p. (In Russ.).
- Nikonova, E. A. (2022). Discursive practices of constructing narrative authenticity in an analytical article (on the example of English-language mass media discourse). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 15 (1): 69—74. DOI: 10.30853/phil20220013. (In Russ.).
- Pashintseva, N. I. (2010). Official statistics — a necessary link in the information system of a democratic society. *Statistical issues*, 10: 8—10. (In Russ.).
- Shevchenko, S. Y. (2020). To despise and prompt: epistemic injustice and counter-examination. *Epistemology and philosophy of science*, 57 (2): 20—32. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. PhD Diss. 399 p. (In Russ.).
- Tretyakova, O. V. (2011). Mass media as an element of the structure of civil society. Historical, philosophical, political, legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 5 (11): 189—194. (In Russ.).
- Yudin, B. G. (2006). Necessity and possibilities of humanitarian expertise. *Knowledge. Understanding. Ability*, 4: 187—194. (In Russ.).

*The article was submitted 12.01.2024;
approved after reviewing 15.07.2024;
accepted for publication 28.07.2024.*

Информация для цитирования:

Кочетова Л. А. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ : корпусный подход / Л. А. Кочетова, И. В. Кононова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 186—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208.

Kochetova, L. A., Kononova, I. V. (2024). Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 186-208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход

Кочетова Лариса Анатольевна¹
orcid.org/0000-0002-5278-7373
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории и практики
перевода и лингвистики,
корреспондирующий автор
kochetova@volsu.ru

Кононова Инна Владимировна²
orcid.org/0000-0003-4903-5856
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английской
филологии и перевода
ivkononova-unecon@yandex.ru

¹ Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

² Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach

Larisa A. Kochetova¹
orcid.org/0000-0002-5278-7373
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Theory and
Practice of Translation and Linguistics,
Corresponding Author
kochetova@volsu.ru

Inna V. Kononova²
orcid.org/0000-0003-4903-5856
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of English
Philology and Translation
ivkononova-unecon@yandex.ru

¹ Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

² Saint Petersburg State
Economic University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00509,
<https://rscf.ru/project/23-28-00509/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты корпусного анализа медиатизации идеи здорового образа жизни (ЗОЖ) как важнейшей регулятивной ценности современного социума. Эмпирической базой исследования послужил британский сегмент корпуса News on Web (NOW) Семантическая категоризация и квантификация коллокаций показала, что в медийных нарративах британских СМИ ценность ЗОЖ смещается в психологическое и психическое измерения, отражая изменившиеся представления социума о ее содержании. Интерпретативный анализ контекстов, фиксирующих типы поведения, показал, что неодобрение получает неумеренность практик здорового образа жизни. Озабоченность и тревога связываются со сферами ментального здоровья и психологически здоровыми отношениями. Критичное отношение наблюдается к наиболее подверженной манипуляциям сфере здорового питания. Установлено, что медийный нарратив политизирует практики здорового образа жизни, увязывая трудности их осуществления с экономическими проблемами, а также с феноменом психологической усталости. Тематическое моделирование дискурсивной практики показало доминирование в качественной прессе темы ментального здоровья и рациональных дискурсивных стратегий, опирающихся на данные научных исследований. В популярной прессе акцентируется тема внешнего вида как результата здорового образа жизни, широко используются стратегии эмоционального воздействия, апеллирующие к известным личностям как образцам для подражания.

Ключевые слова:

дискурсивно-корпусная методология; коллокация; тематическое моделирование; медиатизация; английский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study presents the findings of a corpus analysis regarding the media studies of the concept of a healthy lifestyle as a paramount regulatory value in contemporary society. The empirical foundation of the research is based on the British segment of the News on Web (NOW) corpus. Semantic categorization and quantification of collocations reveal that in the media narratives of British outlets, the value of a healthy lifestyle is increasingly framed within psychological and mental dimensions, reflecting shifting societal perceptions of its content. An interpretative analysis of contexts capturing behavioral types indicates that excesses in healthy lifestyle practices are met with disapproval. Concerns and anxieties are linked to mental health domains and psychologically healthy relationships. A critical stance is observed towards the most manipulable area of healthy eating. It has been established that media narratives politicize healthy lifestyle practices, associating the challenges of their implementation with economic issues as well as the phenomenon of psychological fatigue. Thematic modeling of discursive practices demonstrates the predominance of mental health topics in quality press, alongside rational discursive strategies grounded in scientific research findings. In popular media, emphasis is placed on appearance as a result of a healthy lifestyle, with extensive use of emotional appeal strategies referencing well-known personalities as role models.

Key words:

discursive-corpus methodology; collocation; thematic modeling; media studies; English.

УДК 811.111'42::613.6.01

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход

© Кочетова Л. А., Кононова И. В., 2024

1. Введение = Introduction

Исследование медиатизации, понимаемой как специфическая форма конструирования социальных представлений о мире посредством медиатехнологий, транслирующих образцы культуры, ценностные смыслы, коды и символы [Thompson, 2018], формирующей и трансформирующей массовое сознание, относится к числу важнейших задач отдельной исследовательской области гуманитарного знания, именуемой в отечественной научной традиции «медиалингвистика» [Добросклонская, 2008; Клушина, 2018], а в зарубежном — «media studies» [Bednarek et al., 2017]. Медиатизации, то есть созданию особых зон пересечения медиа с социальными феноменами [Клушина и др., 2019], подвергаются практически все сферы общественной жизни [Ионова и др., 2022], включающие социальные институты [Губанова, 2021], профессиональные дискурсивные практики, транслирующие специальные знания [Кондратьева и др., 2021]. Результаты медиатизации проявляются 1) в формировании субдискурсов, возникающих в зоне пересечения медийного дискурса и социально значимых феноменов: медиаполитического, медийного юридического [Чеметева, 2022], медийного медицинского [Кожарнович, 2021] и др., оказывающих влияние на представления, ценностные установки и поведение членов дискурсивного сообщества; 2) в трансформации терминов в медиаконцепты, приобретающих новые концептуальные признаки, значения и оценочные смыслы [Калугина, 2024]; 3) в популяризации, заключающейся в распространении достоверной профессиональной информации, что, с одной стороны, повышает качество информационного пространства, но в то же время увеличивает риски возникновения деструктивных социальных практик [Кожарнович, 2021]; 4) в дискурсивном конструировании новых концептуальных образований в системе индивидуальных и коллективных ценностей социума, определяющих типы поведения и стимулирующих их

общественное обсуждение. К числу таких феноменов принадлежит тесно связанная с понятием «здоровье», входящим в число базовых витальных универсальных ценностей, регулятивная ценность *здорового образа жизни*, сформировавшаяся в медиадискурсе развитых стран в конце XX века. Представляя собой модель социально одобряемого поведения, нацеленного на сохранение и поддержание здоровья, этот социальный феномен приобрел особую значимость в современном обществе, значительно расширив свой содержательный минимум, обогатившись новыми концептуальными признаками, отражающими специфику его ценностной концептуализации в медийных нарративах, направленных на формирование здоровьесберегающих типов поведения.

Медийные дискурсивные практики здорового образа жизни уже становились объектом лингвистического изучения: проводился сопоставительный анализ репрезентации здорового образа жизни в текстах англоязычных и русскоязычных интернет-сайтов фитнес-центров [Машлыкина и др., 2019], рассматривались языковые и культурные особенности пропаганды здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ с фокусом на уровне сложности чтения текстов, определяющем их прагматический потенциал [Стеблецова и др., 2023]; изучались языковые средства репрезентации концепта *Wellness* в медиадискурсе [Сидорова, 2023]; исследовались особенности объективации ценностей здорового образа жизни в русскоязычной коммерческой рекламе [Брушкова и др., 2018]. Вместе с тем динамика его содержательных признаков, освещение различных типов оценочного позиционирования [Карасик, 2019], выражающих его одобрительное или неодобрительное общественное восприятие, его тематическое моделирование в медийных нарративах британской качественной и популярной прессы не получили системного описания.

В настоящее время изучение языка медийной коммуникации обогащается методами корпусной лингвистики, а постоянно пополняемые корпуса текстов дают возможность получить количественно подтвержденные выводы о содержательной составляющей дискурсивной практики [Baker, 2006; Teubert et al., 2007; Чернявская, 2017], в том числе в динамике ее коммуникативно-дискурсивного существования [Орлова, 2010], тематическом моделировании и прагматическом потенциале.

Цель данной статьи — методами корпусной лингвистики установить особенности медиатизации регулятивного ценностного феномена «здоровый образ жизни» в медийных нарративах Великобритании, выявить его оценочную интерпретацию и провести тематическое моделирование нарративов качественной и популярной прессы с целью установления их прагматической и социокультурной специфики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводилось на материале британского сегмента постоянно обновляемого корпуса англоязычных медиатекстов *News on the Web* общим объемом более 18,6 млрд слов. Были отобраны тексты качественных СМИ (*The Guardian, The Independent, The Daily Telegraph, The Observer*; а также наиболее известных таблоидов *The Sun, The Daily Mail, The Daily Mirror, The Daily Express* и др.), образующие два подкорпуса объемом 18,7 млн слов.

Основным методом изучения медийных нарративов здорового образа жизни избран метод коллокаций. Коллокация определяется как совместное появление двух или более лексических единиц в максимальном интервале единиц слева и справа от анализируемого слова [Sinclair, 1991]; сила ассоциативной связи между словами может быть измерена [Stubbs, 1995]. Автоматически выделенные из текстов коллокации ранжируются по степени устойчивости ассоциативной связи в соответствии со значениями выбираемых статистических мер.

В работе верификации подлежали следующие гипотезы: 1) метод коллокаций позволяет выделить семантические группы коллокаций, репрезентирующие содержательное наполнение анализируемого феномена; 2) сравнение частоты употребления коллокаций из выявленных семантических групп в разные периоды дает возможность установить динамику содержания ценности в медийных нарративах британских СМИ; 3) тематическое моделирование медийных нарративов качественной и популярной прессы и установление их социокультурной специфики может быть проведено с использованием метода ключевых слов.

Отбор коллокаций, определяющих содержание дискурсивной практики, проводился в несколько этапов. На первом этапе с помощью программного обеспечения *LancsBoxX* (версия 4.0.0.) мы извлекали коллокации для существительного *lifestyle* в соответствии с мерой *Log Dice*, которая является предпочтительной по сравнению с мерой *MI*, завышающей значимость редких сочетаний. Мера *Log Dice* позволяет идентифицировать уникальные в контекстном окружении ядерного слова коллокаты, которые одновременно часто встречаются в дискурсе [Brezina, 2018, p. 274]. «Окно наблюдения» равнялось 5, то есть в потенциальные коллокаты существительного попадали все лексемы, расположенные на расстоянии пяти слов от ядерного слова. Меры коллокаций, а также их визуализация определялись с использованием программы обработки корпуса *LancsboxX* (версия 4.0.0.) [Brezina et al., 2024]. Полученные результаты представлены далее (рис. 1).

Моделирование содержания дискурсивной практики предполагает выявление коллокаций второго порядка, образующих семантические связи

щью коэффициента логарифмического правдоподобия (LL) или бинарного логарифма (Log Ratio) [Hardie, 2014], обозначает степень вероятности того, что данная величина является случайной. Пороговой величиной статистической значимости для ключевых слов принято считать $p \leq 0.01$, $LL \geq 6.63$, которая позволяет отсекаать лексемы, частотность которых в сравниваемых корпусах носит случайный характер, свидетельствуя о проявлении языковой вариативности [Scott, 1997]. При работе с аннотированными корпусами единицами анализа, для которых устанавливается коэффициент значимости (K), помимо отдельных слов могут выступать n-граммы [Andersen, 2016], многословные лексемы [Gerbig, 2010], части речи [Culpeper, 2009], семантические категории [Rayson, 2008]. В нашем исследовании за единицу анализа берется лексема, а построенный список ключевых слов подвергался семантической категоризации с целью выделения доминирующих тем в каждом из исследуемых подкорпусов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Динамика осмысления понятия здорового образа жизни в британских СМИ

Моделирование коллокаций в медийных нарративах здорового образа жизни показало, что они образуют семантические группы, относящиеся к темам физической активности, здорового питания, здоровых привычек, поддержания ментального / психического здоровья, поддержания здоровых отношений, благоприятной окружающей среды. Одной из гипотез данного исследования является положение о динамических процессах в содержании социально-значимых феноменов, изменениях значимости того или иного содержательного признака в структуре медиаконцепта, возникновении в нарративе новых оценочных смыслов.

Корпусный анализ семантических групп коллокаций в медийных нарративах, охватывающий период с 2010 по 2022 годы, позволил установить изменения значимости той или иной группы и выявить основные тенденции в содержательной составляющей дискурсивной практики.

Как показывает рис. 2, кривые частоты употребления коллокаций тематических групп здоровой физической активности и ее отсутствия / недостаточности, здоровых отношений, здоровых привычек, благоприятной окружающей среды, располагающиеся в нижней части графика, демонстрируют устойчивость, практически не изменяясь на протяжении всего рассматриваемого периода. Важное место в британском медийном дискурсе занимает тема здорового питания: коллокации данной семантической группы варьируются в диапазоне нормализованной частоты от 4,16 до 5,15. В то же время кривая частоты коллокаций, связанных

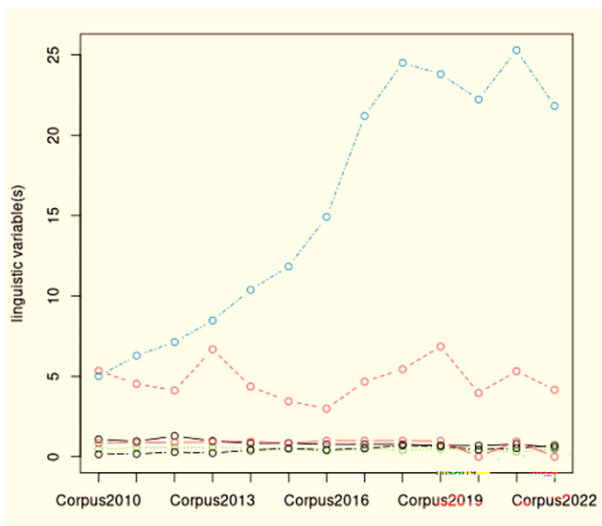

Рис. 2. Динамика употребления семантических групп коллокаций дискурсивной практики здоровый образ жизни в сегменте британских СМИ в составе корпуса NOW

с темой ментального здоровья, демонстрирует тенденцию к интенсивному росту: нормализованная частота увеличивается с 5,01 в 2010 году до 21,82 в 2022 году. Очевидно, что данная динамика связана с растущей озабоченностью общества вопросами сохранения ментального здоровья и профилактики развития когнитивных расстройств.

Дискурсивная концептуализация темы здорового питания (*healthy eating*) в британских СМИ включает следующие векторы: а) осмысление здорового питания как необходимого условия ментального здоровья; б) формирование пенияфобии (страха бедности), вызванное ухудшением материального положения населения вследствие экономических и геополитических факторов; в) критику манипуляций в сфере продвижения здорового питания; г) фиксацию усталости от пропагандируемых практик здорового питания и нежелание им следовать.

Медийные нарративы соотносят неспособность человека придерживаться здорового пищевого поведения с эмоциональной неуравновешенностью и склонностью к депрессивным состояниям: наиболее частотными коллокациями с ядерным словом *eating* являются *eating disorder / disorders* (3,66), *binge eating* (0,20), *comfort eating* (0,19) и *emotional eating* (0,08), концептуализирующие отклонения от нормы, вызванные стрессом, чувством неудовлетворенности, эмоциональными переживаниями и т. д.

В контексте пандемии и экономического кризиса последних лет, вызванного в том числе выходом страны из ЕС, медиа увязывают практики здорового питания с финансовой несостоятельностью и низкими доходами, инфляцией как следствием экономического и геополитического кризисов, низкой продуктовой обеспеченностью, формируя нарратив пеняфобии (боязни нищеты), являющейся одним из базовых страхов человека. Коллокация *healthy eating* сближается в смысловом отношении со словами *inflation, food insecurity, risk, affordable, afford, poverty, low-income, pricier, expensive*: (1) **Inflation is pushing healthy eating out of reach for millions of people, a trend that public health experts worry could increase their risk for diet-related diseases in the long run** (The Guardian, 30.09.2022) [English-Corpora.org]; (2) **But when you find you have limited funds — or none at all — you have a choice between expensive healthy eating or cheap junk food. Unsurprisingly, people choose what they can afford. Not what they prefer** (The Daily Mirror, 23.05.2022) [English-Corpora.org].

Критическое осмысление концепций здорового питания заключается в акцентировании идеи возможного обмана, введения потребителей в заблуждение относительно действительной пользы тех или иных продуктов питания: (3) **Healthy eating is a big business nowadays, the problem is that a great many products that pass themselves off as healthy — from protein bars to some milk substitutes — are really nothing of the sort** (The Guardian, 16.10.2022) [English-Corpora.org].

В медийных нарративах фиксируется критичное отношение к жестким, бескомпромиссным требованиям к здоровому питанию, которые квалифицируются как «слишком сложные», «утомительные», «навязчивые»: (4) **And although Nadia jokes that his endless talk of healthy eating grew tiresome, she now credits him for helping protect her from the disease** (The Daily Mirror, 28.09.2022) [English-Corpora.org], что отражает изменившиеся в современном обществе представления об усталости, которая из физической превращается в психологическую, обусловленную тревожностью, стрессом, борьбой с самим собой и т. д. [Вигарелло, 2024]. С другой стороны, в окружении коллокации *healthy eating* используются языковые средства, позиционирующие практики здорового питания как либеральные, демократичные и необременительные, не вызывающие чувство фрустрации и дискомфорта и не требующие самоограничений (*encouraging, satisfying, simple, liberating, easy, fun, easier, deprivation, frustrating* и пр.): (5) **We want to show that healthy eating isn't about deprivation but satisfying meals that make you feel your best, she told us** (The Daily Mail, 12.12.2015) [English-Corpora.org].

Интенсивное развитие сетевого дискурса и блогосферы способствует появлению новых концептуальных образований, одним из которых являет-

ся *healthy eating guru(s)*. В семантике лексемы *guru*, означающей *a personal religious teacher and spiritual guide in Hinduism* [MWOD], содержится семантический признак, указывающий на связь с духовными практиками Тибета и религиозной восточной философией. В случае синтагматического сближения с номинациями «недуховных», далеких от религии и философии понятий лексема *guru* приобретает ироничную коннотацию. Коллокация *healthy eating guru*, впервые зафиксированная в британском сегменте корпуса NOW в 2014 году, встречается преимущественно в негативно-оценочных контекстах, критически осмысливающих: 1. Практики здорового питания, агрессивно навязываемые их сторонниками и являющиеся формой насилия: (6) *The healthy eating gurus in our midst always hiss that 'you are what you eat'* (The Herald, 25.10.2022) [English-Corpora.org]. Отрицательно-оценочная коннотация наводится глаголом *hiss* — *to utter or whisper angrily or threateningly and with a hiss* [MWOD]. 2. Неумеренность в практиках здорового питания, имеющую характер аддикции: (7) *A carnivore, a vegetarian and a flexitarian put Joe Wicks's veggie recipes to the test fitness freak healthy eating guru Joe Wicks has ditched meat for his latest cookbook Veggie Lean* (The Irish News, 25.01.2019) [English-Corpora.org]. 3. Продвижение методик здорового питания как способа заработать деньги: (8) *After all, they've witnessed some of their peers ascend to 'celebrity', thanks to Instagram and Twitter — witness the success of beauty blogger 'Zoella', aka Zoe Sugg, 26, and healthy eating guru Ella Mills, 25. If they've managed to win wealth, fame and fortune without having to set foot in an office...* (The Daily Mail, 16.02.2017) [English-Corpora.org]. В медийных нарративах не одобряется деятельность блогеров в социальных сетях, которые зарабатывают большие деньги на продвижении диет и методик питания, безопасность которых ничем не подтверждается. Подчеркивается, что их основной мотивацией является коммерческий интерес, а не укрепление здоровья их подписчиков.

Таким образом, осуждаются как обусловленные коммерческими целями манипуляции в сфере продвижения здорового питания, так и приверженность неумеренным практикам «здорового образа жизни» — жёстким диетам, которые могут приводить к неблагоприятным для здоровья последствиям; концепция здорового питания концептуализируется как навязываемый обществом тип поведения, вызывающий психологическую усталость и отторжение, угрозой здоровому питанию становится бедность, обусловленная воздействием экономических и геополитических факторов, вскрывается социальное неравенство, ограничивающее доступ к здоровому питанию различных социальных групп, оправдывается нежелание следовать практикам здорового питания, т. к. они несут не всегда обоснованные ограничения.

Тема ментального здоровья осмысливается в терминах трудностей, кризиса, проблем и вызовов. В число наиболее частотных коллокатов сложносоставной лексемы *mental health* входят существительные негативной оценочной семантики *problems, crisis, awareness, difficulties: mental health problems (4,99), mental health issues (4,76), mental health charity (1,05), mental health crisis (0,62), mental health problem (0,62), mental health awareness (0,49), mental health difficulties (0,35)* и др., свидетельствующие о том, что в британском медиадискурсе социальный феномен «ментальное здоровье граждан» конструируется как проблема, вызывающая озабоченность общества (*mental health awareness*), требующая решения (*mental health issues, mental health problems*), демонстрирующая готовность общества к добровольному пожертвованию средств на преодоление кризиса в данной области (*mental health charity*).

Особый интерес в контекстном окружении лексемы *mental health* представляют слова, номинирующие предубеждения в отношении психически нездоровых или психологически неблагополучных людей: *stigma, taboo, cynicism* и пр. Медийный нарратив акцентирует неодобрение стигматизации когнитивных расстройств и отклонений: в окружении словосочетания *stigma surrounding mental health* встречаются такие единицы, как *devastating, ridiculous, suicide, huge, negative, negatively, damaging, damage, concerns, awareness, unfortunately*, что создает нарратив озабоченности и серьезной обеспокоенности отношением общества к людям, страдающим проблемами психического и психологического здоровья: *potential devastating implications of the stigma surrounding mental health, ridiculous stigma surrounding mental health, stigma and discrimination surrounding mental health* и др.

В основе стратегии, направленной на преодоление предубеждений в отношении ментального здоровья, лежат метафорические модели, имплицитно одобряющие неодобрение его стигматизации и имплицитно одобряющие борьбу с ней. Стигма метафорически осмысливается как **враг**, которого необходимо победить (*fought to eliminate the stigma surrounding mental health; knock down some stigmas surrounding mental health; battle the stigma surrounding mental health; combating the stigma surrounding mental health; stand up against stigma surrounding mental health problems*); как **препятствие / стена**, которое (-ую) нужно **разрушить / снести** (*breaking down the stigma surrounding mental health, to break down the taboo surrounding mental health; removing the stigma surrounding mental health; to dismantale the stigma surrounding mental health; tearing down the stigma surrounding mental health*); как **сорняк**, который нужно **вырвать с корнем** (*dedicated to eradicating the stigma surrounding mental health*).

В медийных нарративах наблюдается контекстуальная связь репрезентаций ментального здоровья и коллокаций, характеризующих «здоровые межличностные отношения», подразумевающих комфортное партнерство, позволяющее человеку развиваться как личности, поддерживающих эмоциональное и психическое здоровье человека, а также здоровый образ жизни в целом: (9) *We're prioritizing **mental health**, interpersonal **relationships**, community building and the preservation of our ecosystem* (The Guardian, 31.01.2023) [English-Corpora.org]; (10) *Hunter Johnson, founder of The Man Cave which aims to teach young men about **positive relationships** and their own **mental health**, said: "It's an investment in our future, and that's very special"* (The Telegraph, 24.06.2018) [English-Corpora.org].

Коллокации, объективирующие психологически неблагоприятные отношения в семье или паре (*abusive relationship, toxic relationship*), контекстуально сближаются с номинациями вредных привычек и аддикций, таких как алкогольная и наркотическая зависимости: *developed issues with alcohol following an abusive relationship; using cocaine during an abusive relationship; being coerced into abusive relationships and readily accepted alcohol offered to them; led her into abusive relationships, mental health difficulties and problems with drugs; who is addicted to drugs and enmeshed in a toxic relationship; addicted to drugs whilst in an abusive relationship* и пр.

В британских медийных текстах последних лет создается нарратив с прагматикой глубокой обеспокоенности влиянием нездоровых личных и семейных отношений людей на их ментальное и физическое здоровье. Настроения и ценностные установки общества прослеживаются в процессах словотворчества, связанных с созданием лексических инноваций, номинирующих аспекты тех или иных социально значимых ситуаций и явлений. Частота зафиксированного в британском сегменте корпуса в 2010 году метафорического сочетания *toxic relationship*, означающего тип отношений, которые отравляют жизнь, выросла до 51 вхождения в 2018 году, а в 2022 она составила 166 употреблений. В 2018 году Оксфордский словарь выбрал прилагательное *toxic* в его переносном значении в качестве слова года, лучше всего передающего настроения в современном обществе [Качулина, 2023]. Лексема *gaslighting*, означающая форму психологического насилия, манипуляции, имеющие целью заставить жертву сомневаться в адекватности оценки ею окружающей действительности, впервые употребляется в корпусе в 2013 году, к 2022 году количество ее употреблений достигает 596 случаев: (11) *Taylor points out that while extreme and **unhealthy behaviour like gaslighting** is never acceptable and should not be misconstrued as a hallmark of depression, **mental health** can obviously affect relationships* (The Standard, 10.10. 2022) [English-Corpora.org].

Наблюдается регулярное контекстуальное сближение коллокаций *abusive relationship(s)* и *toxic relationship(s)* с отрицательно оценочной лексикой: **a gaslighting toxic relationship, brutal and abusive relationship; the pain of being in a toxic relationship; grotesquely toxic relationship; violent or abusive relationship; but their toxic relationship unleashed hell, awful abusive relationships** и др., в том числе со словами с семантикой страха: **bullying, sexual harassment, and abusive relationships; “terrorized” his partner in a three-year abusive relationship; horrific abusive relationship; frighteningly locked into this toxic relationship** и пр.; с глаголами с семантикой страдания (*suffer from, endure* и пр.).

В дискурсивной концептуализации неблагоприятных, эмоционально нездоровых отношений используются метафорические модели, среди которых наиболее заметными являются представления о них как о **ловушке**, из которой невозможно выбраться (*the victim being “trapped in a toxic relationship”; fallen into an abusive relationship; a toxic relationship you’re stuck in*); как об **удавке, петле** на шее (*a strained and toxic relationship; strangled in an abusive relationship, grip of a violently abusive relationship*) или **тюрьме** (*locked into this toxic relationship; jailed over abusive relationship*). Ценностные импликации предполагают тщательный подход к выбору партнера или друзей, осторожность и предусмотрительность.

В число наиболее частотных коллокаций с ядерным словом *healthy* входят *healthy habit(s)* (0,17), *healthy behavior(s)* (0,09), таким образом, поддержание здоровья тесно ассоциируется с идеей рутинизации, регулярным воспроизведением здоровых поведенческих паттернов. При этом здоровые привычки концептуализируются в дискурсе в первую очередь как отказ от нездоровых моделей поведения и пагубных зависимостей, которые представлены коллокациями со значительно более высокой частотностью (второй по частотности коллокацией с ядерным словом *unhealthy* является *unhealthy obsession(s)* (0,32)). В число наиболее частотных коллокаций с ядерными словами *habit(s)*, *obsession(s)* и *addiction(s)* вошли: *drug addiction(s)* (2,00), *alcohol addiction(s)* (0,61), *drug habit(s)* (0,44), *heroin addiction(s)* (0,40), *unhealthy obsession(s)* (0,32), *smoking habit(s)* (0,25), *cocaine addiction(s)* (0,21), *gaming obsession(s)* (0,18), *cocaine habit(s)* (0,14), *internet addiction(s)* (0,12) и др. Очевидно, что дискурсивные практики концептуализируют аддикции как способные нанести вред физическому и психическому здоровью человека, будучи при этом серьезным препятствием для поддержания здоровых социальных отношений.

Отметим изменение оценочного вектора в осмыслении физической активности как неотъемлемой части здорового образа жизни. В медийных нарративах отрицательную оценочную интерпретацию получает из-

быточная физическая активность, такой тип поведения осуждается. Так, словосочетание *fitness freak(s)*, которое впервые встречается в корпусе в 2011 году, в настоящее время является третьей по частотности коллокацией с ядерным словом *fitness*. Таким образом, в дискурсе конструируется представление о том, что соблюдение ЗОЖ требует умеренности, избыточная приверженность практикам здорового поведения рассматривается как тип аддикции и вызывает социальное неодобрение.

Ориентация общества на экологическую безопасность естественным образом проявляется в концептуализации ценности как неразрывно связанной с сохранением окружающей среды, что предполагает выбор продуктов питания, не оказывающих на нее вредного влияния, и отражается в коллокациях *environmental health* (1,72) и *healthy environment* (0,19), *healthy planet* (0,15): (12) *Healthy diet means a healthy planet, study shows* (The Guardian, 28.10.2019) [English-Corpora.org].

Важно отметить регулярное сближение основного репрезентанта ценности *healthy lifestyle* и лексем с семантикой выбора: *choices, changes, options, decisions, initiatives, choose, make choices* и др., образующих следующие десять наиболее частотных коллокаций: *make / advocate / adopt / motivate / promote / develop healthy lifestyle choices, make healthy lifetime changes, choose healthy lifestyle options, promote healthy lifestyle initiatives* и пр.: (13) *CBT also helps people feel more in control of their condition, so they are more likely to ask for help early and to make **healthy lifestyle choices** in terms of diet and exercise* (The Telegraph, 18.08.2013) [English-Corpora.org]. Таким образом, в медийных нарративах ценность здорового образа жизни ассоциируется с идеей осознанного деятельного выбора, что подчеркивает активную роль субъекта и возлагает на него ответственность за их осуществление. Очевидно, что возможность *выбирать стиль жизни* является одним из цивилизационных достижений развитых обществ, когда голод, эпидемии инфекционных болезней и отсутствие чистой питьевой воды больше не являются ежедневными угрозами и проблема физического выживания более не актуальна.

3.2. Тематическое моделирование дискурсивных практик здорового образа жизни в качественных и популярных СМИ

Тематика текстов, образующих дискурсивную практику продвижения здорового образа жизни в качественных и популярных СМИ, характеризуется социокультурной спецификой, отражающей ценностные предпочтения целевой аудитории медийного издания. Тематическое моделирование нарративов здорового образа жизни проводилось с использованием метода ключевых слов, позволяющего выявить уникальные лексемы для каждого из рассматриваемых подкорпусов и на их основе определить доминирую-

щие темы качественных и популярных британских СМИ. Список ключевых слов, полученный для каждого типа прессы, подвергся категоризации, и были выделены семантические группы, характерные для каждого типа исследуемых СМИ, представленные далее (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые слова корпусов текстов качественной и популярной прессы с указанием мер LL и Log Ratio

Качественная пресса			Популярная пресса		
слова	LL	Log Ratio	слова	LL	Log Ratio
cognitive	34,97	4,44	her	349,14	2,61
decline	34,94	3,09	revealed	93,56	3,84
dementia	118,66	2,16	star	41,19	3,08
programmes	25,47	3,11	share	35,32	2,61
families	25,47	3,11	married	22,95	44,67
funded	26,84	44,44	pair	18,99	44,39
government	24,03	2,63	shape	17,98	3,17
studies	35,04	1,89	husband	17,98	3,17
official	7,38	2,46	shares	17,41	44,27
memory	20,41	2,31	relationship	15,26	3,00
preventing	17,89	3,27	size	16,85	2,45
country	20,31	2,23	posted	15,32	2,62
market	17,16	2,95	transformation	15,04	44,06
China	19,27	3,63	she	162,08	1,53
Switzerland	16,94	3,63	myself	13,25	2,86
smoking	42,94	1,67	bone	12,83	3,54
brain	15,26	1,75	doctor	17,29	2,01
tobacco	18,82	2,17	trainer	14,24	43,98
schools	16,37	2,65	migraines	13,45	4,39
risks	17,35	2,11	reveals	12,17	2,42
price	15,03	3,50	calories	12,01	1,99
economy	17,90	43,50	admitted	10,00	2,60
pupils	12,43	2,92	image	14,40	1,64
Russia	15,66	43,46	workouts	11,08	43,62
minister	8,78	2,36	slim	9,33	3,21
obesity	16,27	1,19	boyfriend	11,87	43,72
marketing	8,39	1,61	wife	10,32	2,28

Категоризация лексем и их сравнительный анализ показывают, что список ключевых слов текстов качественной прессы включает единицы, относя-

щиеся к семантическим полям «вредные привычки и зависимости» (*addictions, smoking, tobacco, smokers, nicotine*) и «когнитивные расстройства» (*dementia, cognitive, memory, brain*), что говорит о стремлении привлечь к проблеме внимание широкой общественности, вызвать ее обеспокоенность и побудить к действию; семантическое поле «государственное управление» (*government, official, programmes*); наименования отдельных стран (*China, Russia, Switzerland*) и социальных групп (*families, schools, pupils*) передают глобальный характер проблемы поддержания здоровья, включенность в ее решение разных стран, необходимость государственной поддержки.

Далее проводился анализ заголовков медийных текстов, которые передают основное содержание сообщения, выполняют функцию привлечения внимания, часто носят провокационный или развлекательный характер и могут апеллировать к негативным или положительным эмоциям читательской аудитории [Effective Headlines ..., 2017].

К доминирующим темам качественной прессы относятся: 1. Тема профилактики деменции и других заболеваний: (14) *Healthy lifestyle may cut risk of dementia regardless of genes* (The Guardian, 02.08.2019) [English-Corpora.org]; 2. Тема борьбы с никотиновой зависимостью: (15) *Free nicotine patches on the NHS in New Year health drive* (The Telegraph, 25.12.2010) [English-Corpora.org]; 3. Тема ожирения детей и взрослых: (16) *Obesity has become 'the new smoking' and will fuel weight-related cancers* (The Telegraph, 31.05.2019) [English-Corpora.org]; 4. Тема государственной поддержки практик здорового образа жизни: (17) *One million obese children should have personally tailored get-fit programmes says health watchdog; NHS turning to weight-loss surgery to tackle obesity* (The Telegraph, 01.04.2013) [English-Corpora.org]; 5. Тема опыта других стран в пропаганде здорового образа жизни: (18) *The controversial anti-smoking legislation is part of President Vladimir Putin's plan to force Russians to make a healthy lifestyle change* (The Independent, 02.06.2013) [English-Corpora.org].

Дискурсивные стратегии конструирования нарративов здорового образа жизни в текстах качественных СМИ в большей степени ориентированы на использование рациональной аргументации, основанной на научных доказательствах, в поддержку необходимости осуществления практик здорового образа жизни, передающих прагматику предупреждения, что подтверждается ключевыми словами *study, risks, preventing*: (19) *The potentially enormous impact of sleep deprivation and disruption on population health, reinforced by the **present study**, is ample justification for such trials, which are needed to place sleep with confidence alongside diet and exercise as a key pillar of a healthy lifestyle, they wrote* (The Daily Mail, 14.01.2019) [English-Corpora.org]; (20) *Whether specific nutrients and compounds are di-*

rectly beneficial to the brain is the focus of intensive research, but healthy diets are encouraged regardless, because they reduce **risks** caused by other disorders, such as high blood pressure, poor vascular health, obesity and diabetes (The Guardian, 11.03.2023) [English-Corpora.org]; (21) *A healthy lifestyle Dr Laura Phillips of Alzheimer's Research UK says a healthy lifestyle is best for preventing dementia: "Eating a balanced, healthy diet, exercising regularly, not smoking, and keeping blood pressure and weight in check"* (The Independent, 25.04.2018) [English-Corpora.org].

В качественной прессе уникальной является тема контроля и регулирования маркетинговых стратегий в сфере детского питания: (22) ... *centre of the debate over childhood obesity and its causes, however. The company is being sued in California over its marketing practices, including the use of the clown character and the placing of toys in Happy Meals tied to children's movies* (The Independent, 18.05.2011) [English-Corpora.org].

В популярной прессе в списке ключевых слов преобладает лексика семантических полей «Знаменитости» (*star, actress, model*), глаголы *reveal — make (something hidden or secret) publicly or generally known* [MWOD]; *share — post something on a social media platform, tell (thoughts, feelings, experiences, etc.) to other (MNDOS)*; *admit — to make acknowledgments* [MWOD]; существительные *shape, size, image*, включающие семантический признак «внешность»; лексические единицы, означающие социальные связи, такие как *married, husband, wife, boyfriend, pair*; номинации профессий: *doctor, trainer*. В список ключевых слов корпуса популярной прессы входят местоимения *her, she*, что свидетельствует об ориентации изданий на женскую аудиторию.

Установлено, что к основным темам популярной прессы в британском сегменте корпуса NOW относятся: 1. Тема снижения веса и поддержания формы или «восстановления формы»: (23) *Get a new body with our tips for exercise without the gym cost this summer* (The Sun, 22.07.2018) [English-Corpora.org]; 2. Тема бодипозитива: (24) *You don't have to be skin and bones* (The Daily Mail, 12.01.2017) [English-Corpora.org] и пр. 3. Тема эмоционального благополучия: (25) *Six ways to make you happier...* (The Daily Mail, 20.13.2017) [English-Corpora.org]; 4. Тема боди-имиджа в целом: (26) *Gran, 90, who looks like she is 20 years younger says exercise routine is key* (The Daily Mirror, 12.01.2023) [English-Corpora.org]; 5. Тема опасности неумеренности в практиках здорового образа жизни: (27) *Nikki Grahame's mum calls for ban on dangerous diet apps after daughter's tragic death* (The Daily Mirror, 04.03.2023) [English-Corpora.org].

В популярной прессе в нарративах здорового образа жизни реализуются эмоционально-оценочные стратегии, пропагандирующие индивидуаль-

ные практики поддержания хорошей формы посредством репрезентации своих переживаний; эмоции «становятся своего рода товаром, который востребован в обществе потребления и производится по его законам» [Иссерс, 2020, с. 224]: (28) *Mother-of-six, 27, shares her astonishing body transformation ...* (The Daily Mail, 22.07.2018) [English-Corpora.org].

Таким образом, нарративы здорового образа жизни в качественной и популярной прессе характеризуются социокультурной спецификой, выражающей ценностные предпочтения целевой аудитории изданий.

4. Заключение = Conclusions

Регулятивная ценность «здоровый образ жизни» осмысливается в британском медийном дискурсе как тип поведения, направленный на сохранение и поддержание здоровья. Медийные нарративы формируют векторы осмысления социально-значимого феномена, определяют типы оценочного позиционирования, отражающего амбивалентную природу ценности, обусловленную расхождением ориентиров поведения в личностном и коллективном сознании.

Корпусным методом коллокаций было установлено, что в британских медийных нарративах здоровый образ жизни осмысливается как социальное явление, охватывающее различные стороны жизни человека. В современном обществе понятие ЗОЖ смещается в психологическую и психическую сферы и тесно связано с усталостью, воспринимаемой в современном обществе как норма. Показано, что основные содержательные признаки ценности, такие как «здоровое питание» и «здоровая физическая активность», характеризуются оценочной амбивалентностью, обусловленной многомерностью мира и многовариантностью выбора в различных ситуациях.

Сфера здорового питания как наиболее подверженная коммерциализации сопряжена с манипуляциями, отмечается слабая доступность здорового питания для широкого круга людей вследствие экономического и геополитического кризисов. Показано, что повышенное внимание общества к проблеме ментального здоровья проявляется в метафорических нарративах, осуждающих его стигматизацию, детабузируются эмоционально неблагоприятные отношения между людьми.

Тематическое моделирование медийных нарративов показало, что популярная пресса акцентирует преимущества здорового образа жизни, используя стратегии эмоционального воздействия на целевую аудиторию, включающие перволичностные нарративы, передающие личный опыт практик здорового образа жизни, которые связываются с первой очередь привлекательным внешним видом. Качественная пресса фокусируется на социально значимой проблематике, связанной с профилактикой мен-

тальных расстройств, борьбой с лишним весом в различных возрастных группах, законодательным регулированием маркетинговых стратегий. Ведущими прагматическими интенциями являются предупреждение и предостережение, опирающиеся на данные исследований, выступающих рациональными аргументами в пользу практик здорового образа жизни.

Разработанная методика анализа медиатизации ценности корпусными методами коллокаций и тематического моделирования на основе метода ключевых слов представляется перспективной для изучения медийных дискурсивных практик, формирующих ценностное восприятие феноменов социальной реальности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Качулина А. Оксфордский словарь выбрал слово года. Это прилагательное toxic [Электронный ресурс] / А. Качулина // Школа английского языка Skyeng. — 2023. — 20 июня. — Режим доступа : <https://skyeng.ru/magazine/oxsfordskij-slovar-vybral-slovo-goda-eto-prilagatelnoe-toxic/> (дата обращения 02.04.2024).
2. English-Corpora.org — *News on the Web (NOW)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.english-corpora.org/> (accessed 26.03.2024).
3. LSTO — *Lancaster Stat Tools Online* [Electronic resource]. — Access mode: <http://corpora.lancs.ac.uk/stats/toolbox.php> (accessed 28.03.2024).
4. MWOD — *Merriam-Webster Online Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 02.04.2024).

Литература

1. Брушкова Л. А. Репрезентации ценностей здорового образа жизни в коммерческой рекламе в России / Л. А. Брушкова, Д. А. Косова // *Народонаселение*. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 110—122. — DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-09.
2. Вигарелло Ж. История усталости от Средневековья до наших дней / Ж. Вигарелло. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — 552 с. — ISBN 978-5-4448-2145-9.
3. Губанова М. И. Медиатизация реальности : теоретический аспект / М. И. Губанова // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. — 2021. — № 2. — Т. 2. — С. 84—91. — DOI: 10.51965/2076-7919-2021-2-2-84.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. — [Б. м.] : [б. и.], 2020. — 180 с. — ISBN 978-5-4498-5057-7.
5. Ионова С. В. Медиатизация социально-медицинской сферы как фактор формирования образа пожилого человека / С. В. Ионова, Юйсинь Ма // *Лингвистика и образование*. — 2022. — Т. 2. — № 4 (8). — С. 42—53. — DOI: 10.48612/astgm/2022-2-4-42-53.

6. *Иссерс О. С.* Грани “новой искренности” в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227.

7. *Калугина О. А.* Структура медиаконцепта DIGITAL ECONOMY в дискурсе англоязычных СМИ / О. А. Калугина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 2. — С. 551—556. — DOI: 10.30853/phil20240079.

8. *Карасик В. И.* Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. — Москва : Дискурс, 2019. — 524 с. — ISBN 978-5-98424-239-4.

9. *Клушина Н. И.* Медиастилистика / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта, 2018. — 184 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.

10. *Клушина Н. И.* Медиатизация: стилистический вектор / Н. И. Клушина, Д. О. Байгожина, С. Ш. Тахан // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 2 (17). — С. 57—62. — DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10386.

11. *Кондратьева О. Н.* Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 69—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.

12. *Кожарнович М. П.* Медиатизация медицинского дискурса : способы, атрибуты и риски / М. П. Кожарнович // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 421—437. — DOI: 10.21638/spbu22.2021.408.

13. *Машлыкина Н. Д.* Лингвопрагматические средства репрезентации ЗОЖ в англоязычных и русскоязычных гипертекстах (на материале текстов интернет-сайтов фитнес-центров) / Н. Д. Машлыкина, И. Г. Сидорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 11. — С. 358—363. — DOI: 10.30853/philnauki.2019.11.75.

14. *Орлова О. В.* Жизненный цикл и микромоделирующий потенциал медиаконцепта / О. В. Орлова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Выпуск 6 (96). — С. 78—83.

15. *Сидорова И. Г.* Бренд Wellness: языковая репрезентация в медиадискурсе / И. Г. Сидорова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2023. — № 2. — С. 177—189. — DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-177-189.

16. *Стеблецова А. О.* Язык здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ : сопоставительное исследование / А. О. Стеблецова, И. И. Турубарова, Т. Линакер // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 5. — С. 72—88. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.5.

17. *Чеметева Ю. В.* Юридический медиадискурс как гибридный феномен / Ю. В. Чеметева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 110—118. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.9>.

18. *Чернявская В. Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 50. — С. 135—147. — DOI: 10.17223/19986645/50/9.

19. *Andersen G.* Using the corpus-driven method to chart discourse-pragmatic change / G. Andersen // Discourse-Pragmatic Variation and Change in English : New Methods and Insights / ed. H. Pilcher. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — Pp. 21—40.

20. *Baker P.* Using Corpora in Discourse Analysis / P. Baker. — London : Continuum, 2006. — 208 p. — DOI: 10.1007/9781139764377.013.
21. *Bednarek M.* The discourse of news values : How news organizations create newsworthiness / M. Bednarek, H. Caple. — New York : Oxford University Press, 2017. — 302 p. — ISBN 9780190653941.
22. *Brezina V.* Statistical choices / V. Brezina. — Oxford : Routledge, 2018. — Pp. 259—280. — ISBN 9781315179346.
23. *Brezina V.* #LancsBox X [software] / V. Brezina, W. Platt. — Lancaster University, 2024. Access mode : <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (accessed 23.04.2024).
24. *Culpeper J.* Keyness : Words, parts-of-speech and semantic categories in the character-talk of Shakespeare's Romeo and Juliet / J. Culpeper // International Journal of Corpus linguistics. — 2009. — № 14 (1). — Pp. 29—59. — DOI: 10.1075/ijcl.14.1.03cul.
25. *Effective* Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment / J. Kuiken, A. Schuth, M. Spitters, M. Marx // Digital Journalism. — 2017. — № 5 (10). — Pp. 1300—1314. — DOI: 10.1080/21670811.2017.1279978.
26. *Gerbig A.* Key words and key phrases in a corpus of travel writing / A. Gerbig // Keyness in Texts. — Amsterdam : John Benjamins, 2010. — Pp. 147—168. — DOI: 10.1075/scl.41.11ger.
27. *Hardie A.* Log ratio — An informal introduction. Post on the website of the ESRC Centre for Corpus Approaches to Social Sciences CASS [Electronic resource] / A. Hardie. — Access mode : <http://cass.lancs.ac.uk/?p=1133> 2014 (accessed 20.02.2024).
28. *Rayson P.* From key words to key semantic domains / P. Rayson // International Journal of Corpus Linguistics. — 2008. — № 13 (4). — Pp. 519-549. — DOI: 10.1075/ijcl.13.4.06ray.
29. *Scott M.* PC analysis of key words — and key words / M. Scott // System. — 1997. — Vol. 25. — Iss. 2. — Pp. 233—245. — DOI: 10.1016/S0346-251X(97)00011-0.
30. *Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation / J. Sinclair. — Oxford : Oxford University Press, 1991. — 200 p. — ISBN 9780194371445.
31. *Sinclair J.* English Collocation Studies : The OSTI report / J. Sinclair, S. Jones, R. Daley; ed. R. Krishnamurthy. — London : Continuum, 2004. — 208 p. — ISBN 0-8264-7788-8.
32. *Stubbs M.* Collocations and semantic profiles. On the cause of the trouble with quantitative studies / M. Stubbs // Functions of Language. — 1995. — № 2/1. — Pp. 23—55.
33. *Teubert W.* Corpus Linguistics. A short introduction / W. Teubert, A. Cermakova. — London et al : Continuum, 2007. — 176 p. — ISBN 9780826494801.
34. *Thompson J. B.* Mediated Interaction in the Digital Age / J. B. Thompson // Theory, Culture & Society. — 2018. — № 37 (1). — Pp. 3—28. — DOI: 10.1177/0263276418808592.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2024,
одобрена после рецензирования 26.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

- English-Corpora.org — *News on the Web (NOW)*. Available at: <https://www.english-corpora.org/> (accessed 26.03.2024).
- Kachulina A. (2023). The Oxford Dictionary chose the word of the year. This adjective is toxic. In: *Skyeng English Language School*, June 20. Available at: <https://skyeng.ru/magazine/oksfordskij-slovar-vybral-slovo-goda-eto-prilagatelnoe-toxic/> (accessed 02.04.2024). (In Russ.).

LSTO — *Lancaster Stat Tools Online*. Available at: <http://corpora.lancs.ac.uk/stats/toolbox.php> (accessed 28.03.2024).

MWOD — *Merriam-Webster Online Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 02.04.2024).

References

- Andersen, G. (2016). Using the corpus-driven method to chart discourse-pragmatic change. In: Pilcher, H. (ed.) *Discourse-Pragmatic Variation and Change in English: New Methods and Insights*. Cambridge: Cambridge University Press. 21—40.
- Baker, P. (2006). *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum. 208 p. DOI: 10.1007/9781139764377.013.
- Bednarek, M. (2017). *The discourse of news values: How news organizations create newsworthiness*. New York: Oxford University Press. 302 p. ISBN 9780190653941.
- Brezina, V. (2018). *Statistical choices*. Oxford: Routledge. 259—280. ISBN 9781315179346.
- Brezina, V., Platt, W. #*LancsBox X* [software]. Lancaster University, 2024. Available at: <http://lancsbox.lancs.ac.uk> (accessed 23.04.2024).
- Brushkova, L. A., Kosova, D. A. (2018). Representations of healthy lifestyle values in commercial advertising in Russia. *Population*, 21 (2): 110—122. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-09. (In Russ.).
- Chemeteva, Yu. V. (2022). Legal media discourse as a hybrid phenomenon. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 21 (1): 110—118. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.9>. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 50: 135—147. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russ.).
- Culpeper, J. (2009). Keyness: Words, parts-of speech and semantic categories in the character-talk of Shakespeare's Romeo and Juliet. *International Journal of Corpus Linguistics*, 14 (1): 29—59. DOI: 10.1075/ijcl.14.1.03cul.
- Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Media linguistics: theory, methods, directions*. 180 p. ISBN 978-5-4498-5057-7. (In Russ.).
- Gerbig, A. (2010). Key words and key phrases in a corpus of travel writing. In: *Keyness in Texts*. Amsterdam: John Benjamins. 147—168. DOI: 10.1075/scl.41.11ger.
- Gubanova, M. I. (2021). Mediatization of reality: a theoretical aspect. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 (2): 84—91. DOI: 10.51965/2076-7919-2021-2-2-84. (In Russ.).
- Hardie, A. *Log ratio — An informal introduction*. Post on the website of the ESRC Centre for Corpus Approaches to Social Sciences CASS. Available at: <http://cass.lancs.ac.uk/?p=1133> 2014 (accessed 20.02.2024).
- Ionova, S. V. (2022). Mediatization of the socio-medical sphere as a factor in the formation of the image of an elderly person. *Linguistics and education*, 2 / 4 (8): 42—53. DOI: 10.48612/astgmu/2022-2-4-42-53. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2020). The facets of “new sincerity” in modern political communication. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 19 (6): 216—227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. (In Russ.).
- Kalugina, O. A. (2024). The structure of the DIGITAL ECONOMY media concept in the discourse of English-language media. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 17 (2): 551—556. DOI: 10.30853/phil20240079. (In Russ.).

- Karasik, V. I. (2019). *Linguistic bridges of understanding*. Moscow: Discourse. 524 p. ISBN 978-5-98424-239-4. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2018). *Mediastilistics*. Moscow: Flint. 184 p. ISBN 978-5-9765-3899-3. (In Russ.).
- Klushina, N. I. (2019). Mediatization: stylistic vector. *The Upper Volga Philological Bulletin*, 2 (17): 57—62. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10386. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. (2021). Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY). *Nauchnyi dialog*, 3: 69—85. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-69-85> (In Russ.).
- Kozharnovich, M. P. (2021). Mediatization of medical discourse: methods, attributes and risks. *Media Linguistics*, 8 (4): 421—437. DOI: 10.21638/spbu22.2021.408. (In Russ.).
- Kuiken, J. (2017). Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment. *Digital Journalism*, 5 (10): 1300—1314. DOI: 10.1080/21670811.2017.1279978.
- Mashlykina, N. D., Sidorova, I. G. (2019). Linguopragmatic means of representing healthy lifestyle in English-speaking and Russian-speaking hypertexts (based on the texts of Internet sites of fitness centers). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 11: 358—363. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.75. (In Russ.).
- Orlova, O. V. (2010). The life cycle and the micromodeling potential of a media concept. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 6 (96): 78—83. (In Russ.).
- Rayson, P. (2008). From key words to key semantic domains. *International Journal of Corpus Linguistics*, 13 (4): 519—549. DOI: 10.1075/ijcl.13.4.06ray.
- Scott, M. (1997). PC analysis of key words — and key words. *System*, 25 (2): 233—245. DOI: 10.1016/S0346-251X(97)00011-0.
- Sidorova, I. G. (2023). Wellness Brand: linguistic representation in media discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2: 177—189. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-177-189. (In Russ.).
- Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press. 200 p. ISBN 9780194371445.
- Sinclair, J., Jones, S., Daley, R. (2004). *English Collocation Studies: The OSTI report*. London: Continuum. 208 p. ISBN 0-8264-7788-8.
- Stebletsova, A. O., Torubarova, I. I., Linaker, T. (2023). The language of a healthy lifestyle in British and Russian digital media: a comparative study. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 22 (5): 72—88. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.5.5. (In Russ.).
- Stubbs, M. (1995). Collocations and semantic profiles. On the cause of the trouble with quantitative studies. *Functions of Language*, 2/1: 23—55.
- Teubert, W. (2007). *Corpus Linguistics. A short introduction*. London et al: Continuum. 176 p. — ISBN 9780826494801.
- Thompson, J. B. (2018). Mediated Interaction in the Digital Age. *Theory, Culture & Society*, 37 (1): 3—28. DOI: 10.1177/0263276418808592.
- Vigarello, J. (2024). *The history of fatigue from the Middle Ages to the present day*. Moscow: New Literary Review. 552 p. ISBN 978-5-4448-2145-9. (In Russ.).

*The article was submitted 10.06.2024;
approved after reviewing 26.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Хань Цзясин. Выражение и эволюция общественного мнения в социальной сети Вконтакте в период пандемии COVID-19 / Хань Цзясин, Чэнь Исинь, В. Д. Таказов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 209—228. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-209-228.

Han Jiaying, Chen Yixin, Takazov, V. D. (2024). Expression and Evolution of Public Opinion in Social Network VKontakte During COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 209-228. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-209-228. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Выражение и эволюция общественного мнения в социальной сети Вконтакте в период пандемии COVID-19

Хань Цзясин¹

orcid.org/0000-0003-0421-0147
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра массовых коммуникаций,
корреспондирующий автор
Jiaying_han@mail.ru

Чэнь Исинь²

orcid.org/0009-0009-8876-3101
аспирант, кафедра массовых коммуникаций
83831184@qq.com

Таказов Валерий Дзантемирович²

доктор филологических наук, профессор,
кафедра массовых коммуникаций,
forum59@mail.ru

¹Синьцзянский университет
(Урумчи, Китай)

²Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование поддерживается проектом для молодых докторов наук «Тяньчэн таланты» Автономного района Синьцзян Уйгурский (5105240150f); Позитивные результаты программы университетского внутреннего культивирования в области философии и социальных наук за 2024 год (24BPY005)

Expression and Evolution of Public Opinion in Social Network VKontakte During COVID-19 Pandemic

Han Jiaying¹

orcid.org/0000-0003-0421-0147
PhD of Philology, Senior Lecturer,
Department of Mass Communications,
Corresponding author
Jiaying_han@mail.ru

Chen Yixin²

orcid.org/0009-0009-8876-3101
Post-graduate student,
Department of Mass Communications,
83831184@qq.com

Valery D. Takazov²

Doctor of Philology, Professor,
Department of Mass Communications
forum59@mail.ru

¹Xinjiang University
(Urumqi, China)

²Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The research is supported by the Xinjiang Uygur Autonomous Region's "Tianchi Talent" Young Doctoral Project (5105240150f); Progressive results of the university internal cultivation programme in philosophy and social sciences 2024 (24BPY005)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье проанализированы комментарии в социальной сети «ВКонтакте» в период пандемии COVID-19 с целью выявления общественного мнения и настроений людей. Построена дискурсивная модель комментариев к официальным материалам о пандемии с помощью программного инструмента качественного анализа данных Nvivo12. Был использован инструментарий естественного языка (Natural Language Toolkit). В результате комплексного анализа процесса эволюции «горячих точек» обсуждения обнаружено, что во время пандемии комментарии в социальной сети «ВКонтакте» в группе «СтопКоронавирус.рф» касались следующих тематических направлений: «политические меры профилактики пандемии», «защита гражданского населения от пандемии», «медицинская профилактика распространения вируса», «пандемия и средства к существованию людей», «достоверность эпидемиологических данных», «тенденции пандемии», «духовная поддержка и воодушевление». Среди них наибольшую озабоченность у пользователей вызвали подтемы о поведении людей в деле предотвращения распространения вируса, правдивости обнародованных правительством данных, о масштабах тестирования, а также о надежности вакцины, онлайн-обучении и стрессе, вызванном пандемией. По мере прогрессирования пандемии частота обсуждения той или иной темы менялась. Негативные настроения в обществе имели тенденцию к росту, затем к снижению и последующему росту, что в целом повторяло тенденции увеличения и спада заболеваемости на территории России.

Ключевые слова:

комментарии в социальных сетях; ВКонтакте; общественное мнение; COVID-19; анализ настроений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes comments on the social network VKontakte during the COVID-19 pandemic with the aim of uncovering public opinion and sentiments. A discursive model of comments on official materials related to the pandemic was constructed using the qualitative data analysis software tool Nvivo12. The Natural Language Toolkit (NLTK) was employed for this purpose. As a result of a comprehensive analysis of the evolution of "hot spots" of discussion, it was found that during the pandemic, comments in the VKontakte group "StopCoronavirus.rf" addressed several thematic directions: "political measures for pandemic prevention," "protection of the civilian population from the pandemic," "medical prevention of virus spread," "the pandemic and people's livelihoods," "credibility of epidemiological data," "pandemic trends," and "spiritual support and encouragement." Among these, users expressed the greatest concern regarding subtopics related to people's behavior in preventing the virus's spread, the veracity of government-released data, the scale of testing, as well as the reliability of vaccines, online education, and stress caused by the pandemic. As the pandemic progressed, the frequency of discussions on specific topics fluctuated. Negative sentiments within society exhibited a tendency to rise, then decrease, and subsequently rise again, mirroring the overall trends of increasing and decreasing morbidity rates across Russia.

Key words:

social media comments; VKontakte; public opinion; COVID-19; sentiment analysis.

УДК 81'42:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-209-228

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Выражение и эволюция общественного мнения в социальной сети ВКонтакте в период пандемии COVID-19

© Хань Цзясин, Чэнь Исинь, Таказов В. Д., 2024

1. Введение = Introduction

В связи с охватом цифровыми технологиями всех сфер общественной жизни социальные сети оказались основной коммуникативной площадкой для широких групп населения. В них люди могут выразить свою точку зрения в любое время и в любом месте, принять участие в дискуссиях на интересующую тему, ведь, помимо размещения авторского контента, пользователи имеют возможность (если это предусмотрено настройками приватности той или иной страницы или группы) комментировать сообщения официальных, частных лиц и СМИ. Пользователи Интернета многочисленны и часто принадлежат к разным социальным группам и классам. Их объединяет интерес к теме публикации, возможность высказывать свое мнение и участвовать в дискуссиях в разделе «комментарии» [Фэн Сюдун и др., 2018, с. 23—33], которые также могут способствовать поиску консенсуса пользователями Интернета относительно мнений и эмоций по разным общественно значимым поводам [Гао Ичан и др., 2022, с. 58—66].

С большой долей вероятности комментарии отражают реальное общественное мнение или же могут влиять на вектор общественного мнения других пользователей в Интернете [Чэнь Чжицзюнь и др., 2020, с. 173—177]. В сочетании с медленной и слабой реакцией российского общества на пандемию коронавируса на ранних ее стадиях и с тем, как недоверчиво российская общественность в ряде случаев относится к официальной информации, можно заключить, что комментирование в социальных сетях не только отражает общественное мнение, но и, вероятно, будет продолжать влиять на отношение населения к власти и ее инициативам.

«ВКонтакте» — одна из крупнейших и наиболее популярных социальных платформ в России. По данным исследования Brand Analytics, она остается лидером в России по количеству авторов и качеству контента по состоянию на 2023 год [ВКонтакте... 2023]. Во «ВКонтакте» также присутствуют официальные страницы федеральных, региональных и муници-

пальных СМИ — это онлайн-аккаунты информационных агентств, телеканалов, газет, журналов и т. д. Эти страницы ведутся регулярно, там размещаются ключевые материалы издания. Государственные структуры также успешно осваивают социальные сети, в том числе «ВКонтакте», и имеют в них свои аккаунты-представительства.

Проект «СтопКоронавирус.рф» был создан при участии Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (РФ) и Международное информационное агентство (МИА) «Россия сегодня». На этом ресурсе в период 2020—2023 годов ежедневно публиковались данные о новой коронавирусной инфекции, предоставленные Правительством РФ, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Министерством здравоохранения РФ. Аккаунты «СтопКоронавирус.рф» были созданы во всех крупнейших социальных сетях, популярных на территории России, в том числе «ВКонтакте». Сообщения в паблике (на публичной странице) обновлялись в режиме реального времени, включали в себя оперативные данные о новых случаях заражения, излечившихся, умерших от коронавируса за сутки, научные мнения и рекомендации экспертов.

Первая вспышка коронавируса произошла в Китае в январе-феврале 2020 года, в начале марта 2020 года ухудшилась эпидемиологическая ситуация в Италии. В тот период появились зараженные в России, но население России скептически относилось к опасности нового вируса. Под ежедневными отчетами об эпидемиологической ситуации в паблике «СтопКоронавирус.рф» появлялись комментарии, содержащие скепсис, недоверие, недовольство вводимыми мерами защиты населения. В свете такого восприятия российское правительство некоторое время проявляло осторожность в принятии жестких мер.

Пандемия оказала значительное влияние на информированность, знание и понимание медицинской информации, а также на типы реакции населения России на действия государственных органов. В этом процессе публикация данных в режиме реального времени имеет решающее значение для восприятия степени риска и мер, принимаемых в ответ на эпидемию.

Общее количество комментариев в паблике «СтопКоронавирус.рф» «ВКонтакте» велико, они содержат множество не относящихся к теме высказываний, поэтому ключевым вопросом при подготовке данной статьи стал вопрос о том, как сформировать рамки исследования. Отметим, что имеющиеся научные публикации посвящены преимущественно анализу комментариев в социальных сетях в различных прикладных контекстах (например, в аспекте распространения слухов в болгарских соцсетях [Петкова, 2024] и мн. др.). Однако в большинстве исследований по данной теме комментарии

рассматриваются как аналитическое целое, ученые не фокусируются на эмоциях пользователей при ответе на исходный пост или на комментариях других пользователей, что снижает эффективность анализа данных.

В данной работе представлен анализ комментариев в социальных сетях, сконцентрированный на содержании публикуемых комментариев, с применением нескольких методов обработки естественного языка. Это необходимо как для выявления ассортимента обсуждаемых тем, так и для изучения эмоциональной составляющей общественного мнения.

Комментарии в социальных сетях выбраны в качестве объекта исследования, потому что они репрезентируют отношение пользователей к общественно значимым актуальным темам. Анализ комментариев в соцсетях позволяет понять запросы и тенденции эмоционального восприятия событий участниками интернет-коммуникации, что может помочь соответствующим ведомствам регулировать и направлять в нужное русло общественное мнение, принимать правильные политические решения. Анализ комментариев в социальных сетях позволяет выявить отношение населения к мерам государственного реагирования на пандемию коронавируса, результаты исследования комментариев позволяют решать проблемы, актуализированные комментаторами, и, как следствие, противостоять негативным установкам граждан [COVID-19 pandemic ..., 2022].

Например, анализ комментариев в Интернете, посвященных вопросам применения ядерной энергии, показывает, что люди обеспокоены проблемами безопасности, утилизации ядерных отходов и стоимости ядерной энергии, а также выражают мнение о необходимости целенаправленного научного образования и пропаганды в этой сфере [Automatic sentiment ..., 2022].

Изучение комментариев в социальных сетях об инцидентах, связанных с утечкой конфиденциальной информации, позволяет выявить отношение пользователей сети к различным типам инцидентов, связанных с утечкой данных, что может служить ориентиром для правительства при совершенствовании законов и нормативных актов в области их защиты.

Анализируя комментарии в социальных медиа, можно определить отношение общественности к качеству ведения там публичных аккаунтов правительственными органами [Ли Яньлин и др., 2021], а также уровень доверия населения публикуемому контенту [Ань Лу и др., 2022].

Что касается сбора отзывов о коммерческих продуктах или брендах, то анализ тем и настроений в комментариях в социальных сетях может помочь понять потребности и отношение людей к продуктам или брендам, а также предоставить важную информацию для стратегической корректировки коммерческих продуктов или даже национальных отраслей.

Например, Шу Тао на основе комментариев в социальных сетях была проведена реконструкция восприятия покупателями рисков, связанных с электромобилями; было установлено, что негативные настроения покупателей в отношении временного риска являются наиболее сильными, а позитивные настроения в отношении социального спроса превышают их негативные настроения. Эта информация может помочь правительству и предприятиям своевременно корректировать стратегии для ускорения устойчивого развития потребительского рынка электромобилей в Китае [Customer Perceived Risk ..., 2022, p. 1637]. На основе комментариев, оставляемых пользователями видеохостингов, можно изучить вовлеченность пользователей [Ni Wenjing et al., 2023], в соответствии с которой видеосайты могут улучшить стратегию работы.

Значение комментариев в социальных сетях нашло свое отражение и в исследованиях таких сфер, как туризм [Zhu Hongzhi et al., 2022] и культура [Чжан Кунь и др., 2021]. В области маркетинга ученые обратили внимание на проблему информационной перегрузки в отзывах о товарах и предложили метод эффективного определения ключевого содержания отзывов [Gu Ин и др., 2022]. Ключ к формированию общественного мнения и принятия управленческих решений лежит в учете эмоций и мнений интернет-пользователей. В последние годы ученые стали обращать внимание на взаимосвязи между комментариями в социальных сетях и искать новые подходы к их анализу [A novel method ..., 2023].

Большинство исследований, посвященных фреймингу СМИ в кризисных ситуациях, основывается на публикуемом контенте, а не на комментариях общественности в Интернете. Выделяют два уровня фрейминга в контексте общеполитических и экономических кризисов. Один из них — эпизодический (индивидуальный) фрейминг, в его рамках уделяется внимание следующим объектам: человеку; единичному событию; частной сфере; тому, как поступать с человеком, испытывающим проблему, о которой идет речь; поиску решений проблемы путем улучшения информации; ответственности человека за проблему. В противоположность эпизодическому уровню фрейминга существует макротематический фрейминг, в его формате выделяется место действия и окружающая среда, фокус сосредоточен на проблеме; на тенденциях; общественной среде и институтах; на том, как справиться с условиями, которые привели к возникновению проблемы; на поиске решений с помощью более эффективной политики; на принятии на себя социальной и институциональной ответственности [Yuengar, 1991].

Исследователь политической коммуникации Р. Энтман определил, что в ситуациях политических скандалов в США фрейминг американских новостных сообщений состоит из четырех основных элементов, а именно:

определение проблемы, моральное осуждение, анализ причинно-следственных связей и одобрение средств защиты [Entman, 2012]. М. Клементе и К. Габбионета выделяют семь основных категорий, которые в совокупности образуют четыре направления освещения проблемы: юридическое, ситуационное, репутационное и поиск виновного [Clemente et al., 2017, p. 287].

Исследователь Э. Пьери проанализировала освещение британскими СМИ вспышки лихорадки Эбола в 2014 году. Согласно проведенному анализу, фреймы освещения вспышки в британских газетах менялись с течением времени, демонстрируя следующую тенденцию в эмоциональном отношении: «локальная вспышка — глобальная вспышка — крупная вспышка — провоцирование ажиотажа и паники». Это означает, что отношение британских газет постепенно менялось от безразличия на начальном этапе, когда журналисты считали, что лихорадка Эбола — это локальная африканская проблема, до «ажитожа и паники» на более позднем этапе. Это вызвало в будущем серьезную критику британской прессы [Pieri, 2019].

Анализируя освещение эпидемии гриппа А(H1N1) 2009 года в сингапурских СМИ, исследователи Сео Тинг Ли и И. Баснят обнаружили, что доминирующим фреймом, использовавшимся сингапурскими СМИ, было «обновление информации и профилактика», причем более половины материалов представляли основную информацию об эпидемии, ее социальных, экономических и политических последствиях. Публикации содержали информацию о количестве зараженных, симптоматике, но не о лечении и медицинских исследованиях этого заболевания. Было выявлено, что 83,5 % материалов были сосредоточены на успокоении общественности; что касается тональности сообщений, то 66,5 % материалов были нейтральными, а 33,5 % — оптимистичными [Lee et al., 2013, p. 119].

Справедливо отметить отечественные исследования, посвященные особенностям распространения информации на примере социальной сети ВКонтакте, фейковизации и т. д. [Губанов и др., 2021; Ефанов, 2023; Кумылганова и др., 2022; Пакшина и др., 2021; Яшина, 2020 и др.]. Однако анализ научных публикаций по теме фреймирования показал, что до сих пор не было проведено ни одного комплексного исследования, посвященного онлайн-комментариям в российских социальных сетях в контексте эпидемий, пандемий и событий в области здравоохранения, произошедших в стране в последние годы, не было представлено фундаментальных исследований на тему того, как онлайн-комментарии в социальных сетях конструируют текстовые фреймы эпидемий.

В данной работе мы построим дискурсивную модель комментариев пользователей в социальной сети «ВКонтакте», с использованием NLTK (Natural Language Toolkit) проанализируем аффективные тенденции, опре-

делим, какие тематические и эмоциональные послылы несут комментарии российских пользователей о пандемии COVID-19, размещенные на специализированном официальном канале «СтопКоронавирус.рф» в сети «ВКонтакте».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проводилось на базе комментариев к сообщениям публичной страницы «СтопКоронавирус.рф» в российской социальной сети «ВКонтакте». После удаления ошибок, дубликатов и не имеющих очевидной связи с темой поста комментариев общая выборка исследования составила 1116 комментариев, опубликованных пользователями в период с марта 2020 по март 2023 года включительно. Было отобрано 948 комментариев (таких, которые набрали не менее 100 пользовательских отметок «Мне нравится»).

Было выявлено четыре ключевые фазы общественного интереса в соответствии с пиками прироста или спада комментирования: период быстрого роста (март 2020 — апрель 2020), период быстрого спада (май 2020 — июль 2020), период спада и колебаний (август 2020 — декабрь 2020) и период стабильного спада (январь 2021 — март 2023). Следует отметить, что количество комментариев и просмотров постов не совсем точно соответствовало количеству суточных данных по заболеваемости коронавирусом в России. В частности, с января по февраль 2022 года, несмотря на то что количество заболевших резко возросло, информация об этом не привлекла значительного внимания общественности. Количество комментариев и просмотров на каждом этапе представлено далее (рис. 1).

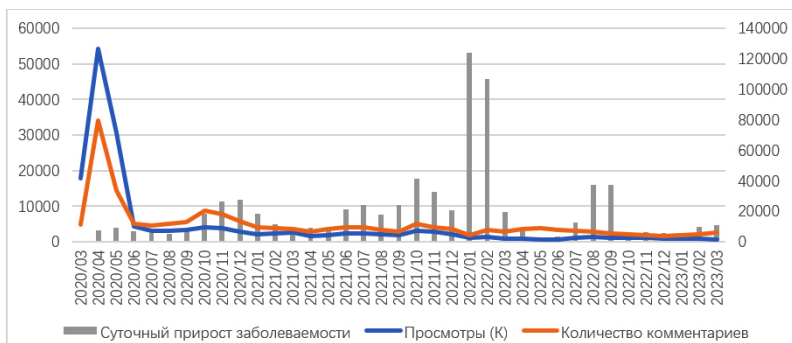

Рис. 1. График комментариев и просмотров сообщений в паблике «СтопКоронавирус.рф» в сравнении с ежедневным приростом заболевших коронавирусом

После отбора комментарии были сначала закодированы в иерархическом сравнительном порядке с помощью программы для качественных исследований NVivo12. В ходе открытого кодирования, или «начального кодирования», на основе 948 комментариев было сгенерировано 23 тематических концепта в соответствии с «построчным кодированием» по методике [Charmaz, 2006]. Среди ведущих концептов — «поставки средств индивидуальной защиты», «разработка вакцины» и т. д. После дополнительного анализа 23 выявленных ключевых направлений путем сравнения и категоризации были сформированы следующие ключевые тематические группы: «политика профилактики эпидемий», «защита гражданского населения от пандемии», «медицинская профилактика распространения вируса», «пандемия и средства к существованию людей», «достоверность эпидемиологических данных», «тенденции пандемии» и «духовная поддержка и воодушевление».

На основе анализа 948 комментариев пользователей были определены общие направления обсуждений и в их рамках обозначены ключевые концепты. Было выявлено, что, помимо обсуждения прироста или снижения заболеваемости, комментарии касались суждений людей о возникновении пандемии, а также вопросов политики профилактики роста заболеваемости.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ фреймов комментариев в условиях ежедневных данных о пандемии новой коронавирусной инфекции. Обзор тематической ориентации комментариев пользователей

Выявлено, что в комментариях к публикациям аккаунта «СтопКоронавирус.рф» чаще всего люди высказывают свои суждения о причинах, ходе и последствиях пандемии (336 реперных точек). Комментарии о мерах правительства в выборке, охваченной исследованием, в основном делились на суждения о суточном приросте или спаде заболеваемости (192 реперных точки) и о тенденциях пандемии (144 реперные точки). Обсуждение этих вопросов в приведенных онлайн-комментариях в основном сводилось к тому, соответствуют ли данные действительности или нет и продолжается ли прирост заболевших. Что касается суждений об эпидемических данных, то комментарии из выборки, попавшей в область исследования, были направлены на разъяснение данных и основ статистики другим пользователям (68 реперных точек), с другой стороны, были сосредоточены на сомнениях в достоверности данных (124 реперные точки).

Вектор обсуждений тенденций пандемии был сосредоточен на сравнении новых данных с приростом в прошлые периоды (49 реперных точек), будущих прогнозах (95 реперных точек).

3.2. Комментарии, обсуждающие государственные меры борьбы с пандемией

Дискуссия вокруг государственных мер борьбы с пандемией сосредоточена на следующих направлениях. Во-первых, это недовольство людей политикой самоизоляции (по их мнению, карантин должен быть обязательным, потому что не все люди соблюдают меры добровольно) — 84 реперных точки. Другая часть комментариев посвящена уровню штрафов за отсутствие масок (42 реперных точки). Мнения пользователей по этому вопросу разделились: часть комментаторов считала, что сумма штрафов завышена или это в принципе лишняя мера контроля; другие выступали за увеличение размера штрафов для тех, кто самовольно не носит маски. На поздних этапах наблюдался высокий интерес к политике в области дистанционного образования: высказывалось мнение, что дистанционное образование оказывает негативное влияние на его качество (83 реперных точки).

В контексте вопроса о мерах правительства по борьбе с пандемией основное внимание в дискуссиях уделялось нехватке материальных и медицинских ресурсов для профилактики пандемии, обсуждались нехватка лекарств и трудности доступа к медицинской помощи (25 реперных точек); с другой стороны, появление российских вакцин и их качество (44 реперные точки), природа вируса, пути его передачи, выживаемость вирусных частиц. Часть комментариев была посвящена дискуссиям о том, будет ли вирус долго сосуществовать с человеком, эффективны ли маски для предотвращения передачи вируса (24 реперных точки).

3.3. Комментарии о влиянии пандемии на повседневную жизнь людей

Вектор обсуждений из 118 комментариев был сосредоточен на влиянии пандемии на повседневную жизнь людей. Значительное внимание привлекли такие темы, как несоблюдение гигиенических мер в общественных местах, отказ людей от ношения масок и перчаток, сборы на природе для приготовления шашлыков (42 реперных точки). Широко обсуждался тот факт, что некоторые люди во время пандемии выезжали за границу и привезли вирус на родину. Также много споров вызвал вопрос о выезде москвичей за пределы города и региона: некоторые считали, что вирус в регионы завезли жители Москвы (76 реперных точек).

На долю комментариев, посвященных вопросам жизнеобеспечения в условиях пандемии, пришлось 85 сообщений. Дискуссии велись вокруг доходов населения, личных планов и разрыва между богатыми и бедными: с одной стороны, люди должны работать, чтобы свести концы с концами, но с другой — они должны учитывать опасность вируса для здоровья.

3.4. Комментарии пользователей на различных этапах пандемии

Как уже отмечалось ранее, в данном исследовании комментарии пользователей разделены на четыре периода. Далее представлены результаты кросс-табуляционного анализа комментариев на различные темы в четырех временных отрезках (табл. 1).

Из таблицы видно, что на первом этапе (март 2020 — апрель 2020) онлайн-комментирование было сосредоточено на обсуждении темы предотвращения распространения вируса, наименее сосредоточено на обсуждении вопросов жизнеобеспечения людей в условиях пандемии. На втором этапе, в период спада заболеваемости (май 2020 — июль 2020), комментарии были сосредоточены на обсуждении данных о её спаде, в этот период наблюдалась наименьшая склонность к обсуждению других тем, не связанных с коронавирусом. В период третьего этапа — это период спада и колебаний заболеваемости (август 2020 — декабрь 2020 года) комментаторы более всего концентрировались на обсуждении вопросов жизнеобеспечения людей в эпидемической ситуации и наименее акцентировались на обсуждении вопросов профилактики распространения вируса. На четвертой стадии — это период устойчивого спада (январь 2021 — март 2023 года) — подписчики публичной страницы «СтопКоронавирус.рф» «ВКонтакте» обсуждали поставку медицинских препаратов, масок, строительство и открытие госпиталей, в этот же период практически не обсуждались меры профилактики: ношение масок, самоизоляция, социальная дистанция и т. д.

С помощью контент-анализа, на основе кодирования и изучения статистики, были исследованы комментарии под ежедневными постами публичной страницы «СтопКоронавирус.рф» в период с марта 2020 по март 2023 года. Было выявлено, что во время пандемии в комментариях в основном обсуждались вопросы противоэпидемической политики, достоверности эпидемиологической статистики, защиты гражданского населения от воздействия вируса, в том числе вопросы о мерах социальной защиты, тенденциях распространения заболевания, наличии необходимой медицинской инфраструктуры, причинах пандемии и другие вопросы, напрямую не связанные с новой коронавирусной инфекцией, но центральное место в обсуждениях занимали вопросы о принятых правительством мерах профилактики распространения вируса, достоверности публично размещаемых официальных данных о количестве заболевших.

Условно можно сгруппировать обсуждаемые вопросы следующим образом.

Политические меры профилактики заболеваемости (212 точек отсчета), медицинская профилактика распространения вируса (93 точки отсче-

Таблица 1

Взаимозависимость тематики и количества комментариев в аккаунте «СтопКоронавирус.рф» в соцсети «ВКонтакте» согласно выделенным периодам (перекрестная таблица геста хи-квадрат) *

Период	Кол-во	Тематическое древо									
		Политические меры профилактики пандемии	Достоверность эпидемиологических данных	Защита гражданского населения от пандемии	Тенденции пандемии	Медицинская профилактика распространения вируса	Пандемия и средства к существованию людей	Духовная поддержка и воодушевление			
03/2020–04/2020	Количество комментариев	67	33	69	36	7	5	15	–2,526	–4,178	–4,113
	Скорректированный остаток	2,741	–2,629	9,182	0,16	–4,002	–4,178	–2,526			
05/2020–07/2020	Количество комментариев	36	78	11	44	12	4	5	–1,264	–1,811	–4,113
	Скорректированный остаток	–1,264	7,978	–3,109	3,422	–1,811	–3,702	–4,113			
08/2020–12/2020	Количество комментариев	85	75	37	58	56	74	82	–3,03	2,225	6,396
	Скорректированный остаток	–3,03	–3,165	–4,158	–2,342	2,225	7,305	6,396			
01/2021–03/2023	Количество комментариев	24	6	1	6	18	2	2	3,487	5,519	–1,924
	Скорректированный остаток	3,487	–1,99	–2,584	–1,109	5,519	–1,548	–1,924			
Итого	Количество комментариев	212	192	118	144	93	85	104	22,36%	9,81%	10,97%
	Процентное соотношение временных интервалов	22,36%	20,25 %	12,45 %	15,19 %	9,81%	8,97%	10,97%			

* Примечание: $\chi^2=284.484$, $p=0.00$.

та), достоверность эпидемиологических данных (192 точки отсчета), тенденции пандемии (144 точки отсчета) образуют тематическое поле «Отчетность» (641 точка отсчета). В рамках этой тематики государство выступало ответственной стороной за принятые политические и медицинские меры профилактики заболеваемости, подсчет зараженных и за общие тенденции распространения новой коронавирусной инфекции.

Другое обширное тематическое направление изученных комментариев — фрейм «Реакция общества». Анализируя референции, зафиксированные в этой группе, можно отметить, что дискуссии велись вокруг мер профилактики (118 референций), повседневной жизни людей во время пандемии (85 референций) и вокруг других вопросов, напрямую не связанных с пандемией (104 референции). В комментариях этого раздела, как правило, подчеркивалась социальная ответственность населения в профилактике пандемии, отмечалось, что люди должны отвечать за свое здоровье и здоровье окружающих, выражалось недовольство вызванными пандемией изменениями в привычном образе жизни.

3.5. Влияние ежедневных отчетов о пандемии коронавируса на эмоциональное состояние пользователей сети

Распределение настроений в комментариях выражено с помощью графика распределения настроений пользователей, подготовленного посредством NLTK (Natural Language Toolkit), данные представлены на рисунках 2—5. На графиках тенденции настроений представлены через числовые узловые значения. Видно, что на всех этапах присутствуют положительные, нейтральные и отрицательные эмоции.

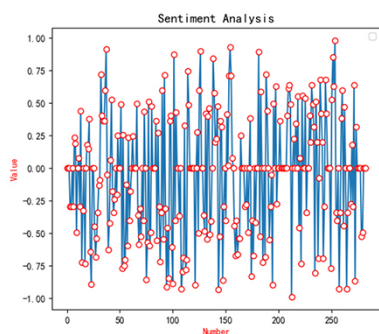

Рис. 2. Период быстрого подъема заболеваемости (март 2020 — апрель 2020)

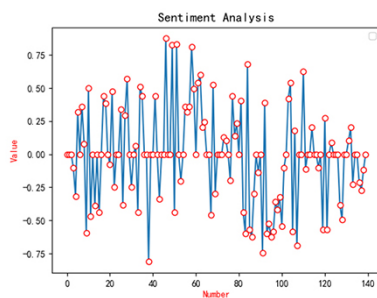

Рис. 3. Период быстрого спада заболеваемости (май 2020 — июль 2020)

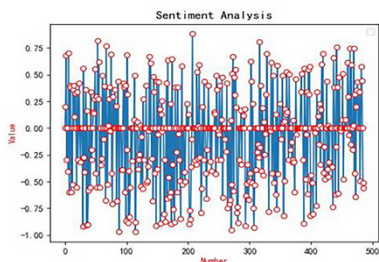

Рис. 4. Период быстрого спада и волатильности (август 2020 — декабрь 2020)

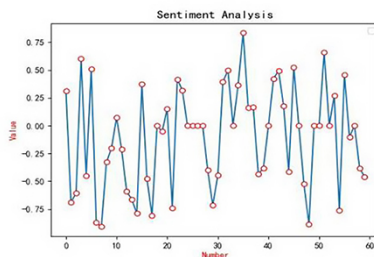

Рис. 5. Период устойчивого спада (январь 2021 — март 2023)

Комплексно анализируя данные (рис. 2 — рис. 5), отметим, что в распределении эмоций наблюдаются стадийные изменения. Их стадийность выражается в том, что на каждом этапе положительная аффективная тенденция меньше отрицательной. Доля отрицательных аффективных тенденций колеблется и составляет 39 %, 33 %, 39 %, 45 % и наиболее высока на четвертой стадии устойчивого спада. Это свидетельствует об общей тенденции роста, затем спада и вновь роста негативных аффектов среди населения, что повторяет этапы развития самой пандемии в России.

В период быстрого нарастания первой волны пандемии в центре общественного обсуждения находились, с одной стороны, вопросы защиты населения от пандемии, а с другой — противоэпидемическая политика, проводимая правительством. Распространение негативных настроений относительно велико, главным образом потому, что люди не уверены в том, что прирост и спад заболеваемости можно эффективно отслеживать.

После того как пандемия вошла в период быстрого спада и были введены меры по профилактике и контролю заболеваемости, тема причин пандемии стала самой обсуждаемой в комментариях. В это время доля негативных эмоций снижается до 33 %. К периоду спада и колебаний относится политика профилактики и борьбы с пандемией, связанная с неудобствами в жизни людей, такими как нехватка защитных средств, социальная изоляция и др., в это время негативные настроения вновь возвращаются к исходной точке в 39 %. Следует отметить, что на данном этапе появляется большее количество сообщений, содержащих воодушевляющий и ободряющий посылы.

Таким образом, несмотря на то, что статистика ежедневного прироста заболевших вступила в период устойчивого снижения, воздействие политики профилактики и борьбы с пандемией не прекратилось и негативные настроения населения не ослабли. В частности, велись дискуссии о каче-

стве жизни в условиях ограничений, уровне онлайн-образования, в этой связи доля негативных настроений вновь возросла до 45 %.

Анализируя тематическую динамику и динамику изменения настроений пользователей, можно сделать вывод, что эволюция общественного мнения в данной выборке соответствует волнам пандемии и адекватности мер реагирования государства на уровень заболеваемости.

4. Заключение = Conclusions

В данной работе были изучены интернет-комментарии пользователей социальной сети «ВКонтакте» к постам аккаунта «Стопкоронавирус.рф» в 2020—2023 годы. На основе контент-анализа интернет-комментариев было выявлено 27 элементов (свободных узлов), из которых было выделено 8 тем. Так был сформирован фрейм сетевых комментариев. На уровне фреймов рамки интернет-комментариев в данных о ежедневном приросте заболевших в большей степени соответствуют «тематическим рамкам» Айенгара, то есть фокусируются на анализе проблемы, временных тенденциях, общественной среде и институтах, а также общественной и институциональной ответственности, нежели «эпизодическим рамкам», которые фокусируются на частностях (отдельных людях, частных вопросах и т. д.). С точки зрения тенденций фреймирования комментарии с самого начала носят устойчиво критический характер. На первом этапе комментарии более критичны к поведению других граждан, например, наблюдается критика несоблюдения карантина населением; на втором этапе комментирующие начинают критично относиться к достоверности официальных данных; на третьем этапе — концентрируются на стрессах жизни, вызванных пандемией, и критике населения, не соблюдающей меры профилактики. На четвертом — склонны к критике вакцин и онлайн-образования.

С точки зрения глубинного содержания комментарии в большей степени сосредоточены на моральных оценках и причинно-следственном анализе и в меньшей — на том, как исправить ситуацию или на конкретных рекомендациях. Что касается тематики сообщений, комментарии в основном сосредоточены на обсуждении медицинских, социальных и экономических последствий пандемии. Распределение эмоциональных установок позволяет выявить основные эмоциональные послылы пользователей относительно как самой пандемийной ситуации, так и мер, принимаемых государством для защиты населения в кризисных условиях. Отслеживание эмоций также позволяет выявить этапы наибольшего эмоционального накала, установить характер связи эмоциональных реакций пользователей с ключевыми темами, определить, каким образом люди реагируют различные правительственные меры.

Предложенный в данной работе метод изучения общественного мнения на основе больших данных позволяет точно представить очаги дискуссий, распределение эмоций и настроений, а также определить закономерности их возникновения, результаты имеют большое значение для управления общественным мнением в чрезвычайных ситуациях.

Вместе с тем изучение поставленных вопросов может быть дополнено и расширено в дальнейшем. Проблемной областью данного исследования является то, что данные получены только с платформы «ВКонтакте», анализируются комментарии, представленные в текстовом формате, но для более широкой проверки предложенной в данной работе методологической схемы необходимо дополнительно исследовать комментарии других платформ социальных сетей и иные формы представления обратной связи (графические, аудио- и видеответы, смайлы, «лайки» и т. д.).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. «ВКонтакте» сохранила лидерство среди соцсетей в России [Электронный ресурс] // РИА новости. 2023. — Режим доступа : <https://ria.ru/20230614/vkontakte-1877949245.html> (дата обращения 18.05.2023).

Литература

1. *Ань Лу.* Измерение доверия нетизенов к политическим микроблогам в контексте чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения / Ань Лу, Сюй Маньтин // Анализ данных и открытие знаний. — 2022. — № 6 (1). — С. 55—68. (安璐, 徐曼婷. 突发公共卫生事件情境下网民对政务微博信任度的测度/安璐, 徐曼婷//现代图书情报技术. — 2022. — № 6 (1). — 55—68页.)

2. *Гао Ичан.* Исследование эффекта эхо-камеры при общении с общественным мнением в социальных сетях / Гао Ичан, Сунь Инпин, Лю Фэнмин // Теория и практика разведки. — 2022. — № 45 (4). — С. 58—66. (高艺畅, 孙英苹, 刘凤鸣, 社交网络舆情传播的回音室效应研究/高艺畅, 孙英苹, 刘凤鸣//情报理论与实践. — 2022. — № 45 (4). — 58—66页.)

3. *Гу Ин.* Исследование метода автоматического обобщения отзывов о товарах, объединяющего кластеризацию тем и модель семантического графа / Гу Ин, Ли Хэ, Чжу Линьлинь // Библиотечное дело и интеллект. — 2022. — № 66 (13). — С. 118—126. (谷莹, 李贺, 祝琳琳. 融合主题聚类 and 语义图模型的产品评论自动摘要方法研究/谷莹, 李贺, 祝琳琳//图书情报工作. — 2022. — № 66 (13). — 118—126页.)

4. *Губанов Д. А.* Особенности потребления и распространения информации на тему COVID-19 на примере социальной сети ВКонтакте / Д. А. Губанов, И. В. Козицин, А. Г. Чхартишвили // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2021) : Труды Четыр-

надцатой международной конференции, Москва, 27—29 сентября 2021 года / Под общей редакцией С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. — Москва : Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2021. — С. 1952—1959. — ISBN 978-5-91450-256-7.

5. *Ефанов А. А.* Фейковизация и постправдизация информационной повестки дня в контексте первой «волны» пандемии коронавируса (COVID-19) / А. А. Ефанов // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия : История, филология. — 2023. — Т. 22. — № 6. — С. 161—170. — DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-6-161-170>.

6. *Кумылганова И. А.* Особенности формирования повестки дня в социальных сетях России и Китая в период пандемии COVID-19 / И. А. Кумылганова, Ма Кэ // *Меди@льманах*. — 2022. — № 2 (109). — С. 50—60.

7. *Ли Яньлин.* Участие общественности в коммуникации крупных внезапных событий в области общественного здравоохранения в социальных сетях / Ли Яньлин, Тань Тин, Сунь Лун // *Вестник Сянтганского университета*. — 2021. — № 45 (1). — С. 22—30. (李燕凌, 谭婷, 孙龙. 社交媒体中公众参与重大突发性公共卫生事件的沟通/李燕凌, 谭婷, 孙龙//湘潭大学学报(哲学社会科学版). — 2021. — № 45 (1). — С. 22—30页.)

8. *Пакишина И. А.* Коммуникативные практики освещения пандемии коронавируса в традиционных и новых СМИ региона / И. А. Пакишина, Е. Н. Маскаева // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Общественные науки. — 2021. — № 3 (844). — С. 214—229.

9. *Петкова Д.* Слухи и теории заговора в болгарских социальных медиа в период пандемии COVID-19 / Д. Петкова // *Научный диалог*. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 177—203. — DOI: [10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203).

10. *Фэн Сяодун.* Модель влияния на основе интересов и эмпирическое исследование поведения публичных комментариев в правительственных микроблогах / Фэн Сяодун, Чжан Хуэйпин // *Электронное правительство*. — 2018. — № 11. — С. 23—33. (冯小东, 张会平. 兴趣驱动的政务微博公众评论行为影响模型及实证研究/冯小东, 张会平//电子政务. — 2018. — № 11. — 23-33页.)

11. *Чжан Кунь.* Исследование коммуникации национального бренда в оригинальном контенте зарубежных пользователей социальных сетей — в качестве примера возьмем комментарии Ли Цзыци в Twitter и YouTube / Чжан Кунь, Чжан Цзинцзин // *Журналистика и писательство*. — 2021. — № 2. — С. 67—76. (张昆, 张晶晶. 海外社交媒体用户原创内容中的国家品牌传播研究——以Twitter和YouTube上对李子柒的评论为例/张昆, 张晶晶//新闻与写作. — 2021. — № 2. — 67—76页.)

12. *Чэнь Чжицюнь.* Исследование анализа склонности к комментариям в микроблогах на основе BERT и двунаправленной LSTM / Чэнь Чжицюнь, Цзюй Тин // *Теория и практика разведки*. — 2020. — № 43 (8). — С. 173—177. (谌志群, 鞠婷. 基于BERT和双向LSTM的微博评论倾向性分析研究/谌志群,鞠婷//情报理论与实践. — 2020. — № 43(8). — 173-177页.)

13. *Яшина А. Р.* Социальная сеть «ВКонтакте» как информационный канал в период пандемии коронавирусной инфекции / А. Р. Яшина // *Медиаисследования*. — 2020. — № 7. — С. 518—523.

14. *A novel method detecting controversial interaction in the multiplex social comment network / Li Zihan, Zhang Jian, Xuan Qi, Qiu Xiang, Min Yong // Frontiers in Physics*. — 2023. — № 10. — Pp. 1107338. — DOI: [10.3389/fphy.2022.1107338](https://doi.org/10.3389/fphy.2022.1107338).

15. *Automatic sentiment analysis of public opinion on nuclear energy / Xu Hong, Tang Tao, Zhang Baorui, Liu Yuechan // Kerntechnik*. — 2022. — Vol. 87. — № 2. — Pp. 167—175. — DOI: [10.1515/kern-2021-0034](https://doi.org/10.1515/kern-2021-0034).

16. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory : A Practical Guide through Qualitative Analysis / K. Charmaz. — London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications, 2006. — 50 p.
17. *Clemente M.* How Does the Media Frame Corporate Scandals? The Case of German Newspapers and the Volkswagen Diesel Scandal / M. Clemente, C. Gabbioneta // *Journal of Management Inquiry.* — 2017. — Vol 26. — № 3. — Pp. 287—302. — DOI: 10.1177/1056492616689304.
18. *COVID-19 pandemic : Identifying key issues using social media and natural language processing / O. Oyeboode, C. Ndulue, D. Mulchandani, B. Suruliraj, A. Adib, F. A. Orji, E. Milios, S. Matwin, R. Orji* // *Journal of Healthcare Informatics Research.* — 2022. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 174—207.
19. *Customer Perceived Risk Measurement with NLP Method in Electric Vehicles Consumption Market : Empirical Study from China / Shu Tao, Wang Zhiyi, Lin Ling, Jia Huadong, Zhou Jixian* // *Energies.* — 2022. — Vol. 15. — № 5. — P. 1637. — DOI: 10.3390/en15051637.
20. *Entman R. M.* Scandal and Silence : Media Responses to Presidential Misconduct / R. M. Entman. — Cambridge : Polity Press, 2012. — 269 p.
21. *Iyengar S.* Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues / S. Iyengar. — Chicago : University of Chicago Press, 1991. — 11 p.
22. *Lee, S. T.* From Press Release to News : Mapping the Framing of the 2009 H1N1 A Influenza Pandemic / S. T. Lee, I. Basnyat // *Health Communication.* — 2013. — № 28(2). — Pp. 119—132.
23. *Ni Wenjing.* Time-synchronic comments on video streaming website reveal core structures of audience engagement in movie viewing / Ni Wenjing, Ch. Coupé // *Frontiers in Psychology.* — 2023. — № 13. — 1040755. — DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1040755.
24. *Pieri E.* Media Framing and the Threat of Global Pandemics : The Ebola Crisis in UK Media and Policy Response / E. Pieri // *Sociological Research Online.* — 2019. — Vol. 24. — № 1. — Pp. 73—92. — DOI: 10.1177/1360780418811966.
25. *Zhu Hongzhi.* How does government microblog affect tourism market value? The perspective of signaling theory / Zhu Hongzhi, Wang Fang // *Information Processing & Management.* — 2022. — Vol. 59. — № 4. — Pp. 102991. — DOI: 10.1016/j.ipm.2022.102991.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024,
одобрена после рецензирования 28.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

“VKontakte” has retained its leadership among social networks in Russia. (2023). *RIA Novosti.* Available at: <https://ria.ru/20230614/vkontakte-1877949245.html> (accessed 18.05.2023). (In Russ.).

References

- An Lu, Xu Manting. (2022). Measuring the trust of netizens in political microblogs in the context of public health emergencies. *Data analysis and knowledge Discovery*, 6 (1): 55—68. (In Chin).
- Charmaz, K. (2006). *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis.* London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. 50 p.

- Chen Zhijun, Ju Ting. (2020). A study of the analysis of the propensity to comment on microblogs based on BERT and bidirectional LSTM. *Theory and practice of intelligence*, 43 (8): 173—177. (In Chin).
- Clemente, M., Gabbioneta, C. (2017). How Does the Media Frame Corporate Scandals? The Case of German Newspapers and the Volkswagen Diesel Scandal. *Journal of Management Inquiry*, 26 (3): 287—302. DOI: 10.1177/1056492616689304.
- Efanov, A. A. (2023). Fakovization and post-pravdization of the information agenda in the context of the first “wave” of the coronavirus pandemic (COVID-19). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 22 (6): 161—170. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-6-161-170>. (In Russ.).
- Entman, R. M. (2012). *Scandal and Silence: Media Responses to Presidential Misconduct*. Cambridge: Polity Press. 269 p.
- Feng Xiaodong, Zhang Huiping. (2018). An interest-based influence model and an empirical study of the behavior of public comments in government microblogs. *Electronic Government*, 11: 23—33. (In Chin.).
- Gao Yichang, Sun Yingping, Liu Fengming. (2022). Investigation of the echo chamber effect when communicating with public opinion on social networks. *Theory and practice of intelligence*, 45 (4): 58—66. (In Chin.).
- Gu Ying, Li He, Zhu Linlin. (2022). Research on Automatic Summarization Method of Product Reviews Based on Topic Clustering and Semantic Graph Model. *Library science and intelligence*, 66 (13): 118—126. (In Chin).
- Gubanov, D. A. (2021). Features of consumption and dissemination of information on COVID-19 on the example of the Vkontakte social network. In: *Management of large-scale systems development (MLSD'2021): Proceedings of the Fourteenth International Conference, Moscow, September 27—29, 2021*. Moscow: V. A. Trapeznikov Institute of Management Problems of the Russian Academy of Sciences. 1952—1959. ISBN 978-5-91450-256-7. (In Russ.).
- Iyengar, S. (1991). *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago: University of Chicago Press. 11 p.
- Kumylganova, I. A., Ma Kai. (2022). Features of the formation of the agenda in social networks of Russia and China during the COVID-19 pandemic. *Medi@lmanakh*, 2 (109): 50—60. (In Russ.).
- Lee, S. T., Basnyat, I. (2013). From press release to news: mapping the framing of the 2009 H1N1 A influenza pandemic. *Health Communication*, 28(2): 119—132.
- Li Yanling, Tan Ting, Sun Long. (2021). Public participation in the communication of major sudden events in the field of public health in social networks. *Bulletin of Xiangtan University*, 45 (1): 22—30. (In Chin).
- Li Zihan, Zhang Jian, Xuan Qi, Qiu Xiang, Min Yong. (2023). A novel method detecting controversial interaction in the multiplex social comment network. *Frontiers in Physics*, 10: 1107338. DOI:10.3389/fphy.2022.1107338.
- Ni Wenjing, Coupé, Ch. (2023). Time-synchronic comments on video streaming website reveal core structures of audience engagement in movie viewing. *Frontiers in Psychology*, 13: 1040755. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1040755.
- Oyebode, O., Ndulue, C., Mulchandani, D., Suruliraj, B., Adib, A., Orji, F. A., Milios, E., Matwin, S., Orji, R. (2022). COVID-19 pandemic: Identifying key issues using social media and natural language processing. *Journal of Healthcare Informatics Research*, 6 (2): 174—207.

- Pakhshina, I. A., Maskayeva, E. N. (2021). Communicative practices of coverage of the coronavirus pandemic in traditional and new media of the region. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 3 (844): 214—229. (In Russ.).
- Petkova, D. (2024). Rumors and Conspiracy Theories in Bulgarian Social Media During COVID-19 Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 13 (1): 177-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-177-203. (In Russ.).
- Pieri, E. (2019). Media Framing and the Threat of Global Pandemics: The Ebola Crisis in UK Media and Policy Response. *Sociological Research Online*, 24 (1): 73—92. DOI: 10.1177/1360780418811966.
- Shu Tao, Wang Zhiyi, Lin Ling, Jia Huading, Zhou Jixian. (2022). Customer Perceived Risk Measurement with NLP Method in Electric Vehicles Consumption Market: Empirical Study from China. *Energies*, 15 (5): 1637. DOI: 10.3390/en15051637.
- Xu Hong, Tang Tao, Zhang Baorui, Liu Yuechan. (2022). Automatic sentiment analysis of public opinion on nuclear energy. *Kerntechnik*, 87 (2): 167—175. DOI: 10.1515/kern-2021-0034.
- Yashina, A. R. (2020). ‘VKontakte’ social network as an information channel during the pandemic of coronavirus infection. *Media research*, 7: 518—523. (In Russ.).
- Zhang Kun, Zhang Jingjing. (2021). A study of the communication of a national brand in the original content of foreign users of social networks — as an example, take the comments of Li Ziqi on Twitter and YouTube. *Journalism and Writing*, 2: 67—76. (In Chin.).
- Zhu Hongzhi, Wang Fang. (2022). How does government microblog affect tourism market value? The perspective of signaling theory. *Information Processing & Management*, 59 (4): P. 102991. DOI: 10.1016/j.ipm.2022.102991.

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 28.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Алена Геннадьевна Барова, канд. филол. наук (Казань)
Анна Васильевна Фролова, канд. филол. наук (Воронеж, Санкт-Петербург)
Ирина Геннадьевна Прудюс, канд. филол. наук (Красноярск)
Людмила Владимировна Трофимова, канд. филол. наук (Казань)
Майя Геннадиевна Меркулова, д-р филол. наук (Москва)
Ольга Юрьевна Осьмухина, д-р филол. наук (Саранск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Барова А. Г. Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут) / А. Г. Барова, Л. В. Трофимова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 230—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249.

Barova, A. G., Trofimova, L. V (2024). Representation of Concept MYTH in Austrian Literature (Works of Elias Canetti and Barbara Frischmuth). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 230-249. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут)

Барова Алена Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1390-719X
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
немецкой филологии
agbarova81@mail.ru

Трофимова Людмила Владимировна
orcid.org/0000-0002-4442-3422
WoS Researcher ID O-3130-2016
кандидат филологических наук, доцент
кафедры немецкой филологии,
корреспондирующий автор
tlv1981@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Казань, Россия)

Representation of Concept MYTH in Austrian Literature (Works of Elias Canetti and Barbara Frischmuth)

Alena G. Barova
orcid.org/0000-0003-1390-719X
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of German Philology
agbarova81@mail.ru

Lyudmila V. Trofimova
orcid.org/0000-0002-4442-3422
WoS Researcher ID O-3130-2016
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of German Philology,
Corresponding Author
tlv1981@mail.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

© Барова А. Г., Трофимова Л. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются произведения австрийских писателей Элиаса Канетти (1905—1994) роман «Ослепление» (“Die Blendung”, 1935), автобиографическая книга «Спасенный язык. История одного детства» (“Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend”, 1977) и Барбары Фришмут (Barbara Frishmuth, род. 1941) «Госпожа зверей» (“Herrin der Tiere”, 1986), «Не по средствам» (“Über die Verhältnisse”, 1987), «Друг другу дети» (“Einander Kind”, 1990) в контексте австрийской литературы прошлого столетия. Выявлены и проанализированы мифологические образы, которые обнаруживаются в указанных произведениях. Уделено внимание понятию «личный миф» (в трактовке Элиаса Канетти — *Privatmythos*). На основе разных по жанру произведений выполнен анализ особенностей художественной реализации авторского мифа, мотивов мифотворчества у названных писателей. Установлено, что авторский миф включает в себя такие аспекты, как «мифическое» и «мифологическое». Авторы статьи предполагают провести различие между этими понятиями, которые имеют неоднозначные трактовки. Утверждается, что Канетти трактовал «личный миф» как наличие у человека особой мечты, иде-фикс, то есть того, к чему он стремится. В автобиографии Канетти допускается даже профилируется синтез фактов существующих и конструируемых. Барбара Фришмут в «трилогии Деметры» создает цельную модель мира, где архаичная мифология взаимодействует с современностью, что позволяет осмыслить реалии современной культуры.

Ключевые слова:

миф; мифотворчество; Элиас Канетти; авторский миф; автобиография; вымысел; личный миф; Барбара Фришмут.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the works of Austrian writers Elias Canetti (1905—1994) including the novel “Auto-da-Fé” (“Die Blendung”, 1935) and the autobiographical book “The Tongue Set Free: Remembrance of a European Childhood” (“Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend”, 1977), as well as Barbara Frischmuth (born 1941) with works such as “Queen of the Animals” (“Herrin der Tiere”, 1986), “Beyond Measure” (“Über die Verhältnisse”, 1987), and “Children to Each Other” (“Einander Kind”, 1990) within the context of 20th-century Austrian literature. The article identifies and analyzes mythological images present in these works, focusing on the concept of ‘personal myth’ (interpreted by Elias Canetti as ‘Privatmythos’). Through a genre-based analysis, the article delves into the artistic realization of the authors’ personal myths and the motives behind myth-making. It is established that the personal myth encompasses aspects of both the “mythical” and the “mythological”. The authors suggest a distinction between these terms, which have ambiguous interpretations. It is argued that Canetti viewed the ‘personal myth’ as an individual’s unique dream or fixation, representing their aspirations. Canetti’s autobiography allows for a synthesis of existing and constructed facts. In her “Demeter Trilogy”, Barbara Frischmuth constructs a comprehensive worldview where archaic mythology interacts with modernity, offering insights into contemporary cultural realities.

Key words:

myth; myth-making; Elias Canetti; personal myth; autobiography; fiction; personal mythology; Barbara Frischmuth.

УДК 821.112.2Frischmuth.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут)

© Барова А. Г., Трофимова Л. В., 2024

1. Введение = Introduction

Целью данной статьи является привлечение внимания к творчеству австрийских писателей Элиаса Канетти и Барбары Фришмут, что предполагает решение следующих задач: рассмотреть интерпретации понятий «миф», «мифическое»; проанализировать особенности мифопоэтического подтекста в произведениях исследуемых авторов; сделать сопоставительный анализ творчества Э. Канетти и Б. Фришмут.

Новизна работы обоснована тем, что авторская мифология Канетти и мифопоэтика Фришмут не только составляют важнейшую часть их литературного наследия, но и являются недостаточно изученной стороной творчества писателей. Представляется продуктивным раскрытие механизмов формирования авторской мифологии Канетти и мифотворчества Фришмут, что позволит сделать выводы относительно процесса мифологизации авторского творчества значительной части современных европейских писателей, прежде всего немецкоязычных.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия австрийской литературы, а также репрезентации концепта «миф» на материале романов Элиаса Канетти и Барбары Фришмут.

Авторы статьи раскрывают понятия «мифическое» и «мифологическое» в произведениях австрийских авторов. Устанавливается, что Канетти создает свою авторскую мифологию, которая включает мифологический и мифический компоненты. В отличие от Канетти Фришмут не относится к «мифологизирующим авторам». Однако писателей объединяет игра в «превращения». Вслед за Канетти Фришмут создает свой мифопоэтический контекст, сочетая реальное и сказочное, мифологическое и современное.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основной чертой творчества лауреата Нобелевской премии 1981 года Элиаса Канетти является разножанровость: роман «Ослепление», эссе, авто-

биографические произведения, философское исследование «Масса и власть» и др. В разное время произведения Канетти изучались с точки зрения биографического, литературоведческого, культурологического подходов, в последнее время внимание привлекает мифопоэтический аспект творчества писателя [Zepp, 1990; Angelova, 2005; Hornik, 2006; Барова, 2020 и др.].

Современная австрийская писательница Барбара Фришмут заявила о себе в конце XX века. Своеобразие поэтики Фришмут позволяет выстроить целостное представление об особенностях австрийской литературы конца XX — начала XXI веков. Творчество Фришмут характеризуется интеграцией мифопоэтических, фантастических, мультикультурных и гендерных компонентов в художественное пространство романов. Романное творчество Фришмут подробно изучено в зарубежном литературоведении [Tabaalite, 2011; Polat-Menke, 2013; Riegler, 2010; Giebel, 2002; Gürtler, 1985; Horvarth, 2007 и др.), в России возрос интерес к произведениям писательницы, о чем свидетельствуют несколько диссертаций [Воротникова, 2008; Кравчук, 1998 и др.], опубликованные статьи, рецензии.

Объектом исследования послужили произведения Канетти и Фришмут, на примере которых выполняется анализ таких понятий, как «мифологическое» и «мифическое», а также раскрывается своеобразие термина *авторский миф*. Несмотря на то, что в зарубежном литературоведении, как и в отечественном, существует ряд работ [Мелетинский, 2006; Плахина, 2002; Шарыпина, 2020; Шастина и др., 2023; Шастина и др., 2024; Frise, 1992, с. 142—143; Lützel, 1992, с. 73—97; Zepp, 1990], связанных с анализом отдельных мифологических образов в творчестве австрийских писателей, они не раскрывают в должной мере своеобразие их авторской мифологии и мифотворчества.

В процессе работы были использованы такие методы исследования, как метод сопоставительного анализа произведений и творчества двух авторов; метод интерпретации; мифопоэтический подход (при выявлении структурных и содержательных элементов мифа, которые являются определяющими для понимания анализируемых произведений).

Культурно-исторический метод позволил исследовать творчество Э. Канетти и Б. Фришмут в рамках контекста культуры и исторических событий.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Мифологизм Канетти воплощает его размышления о философских понятиях жизни и смерти и о путях решения социально значимых проблем через параллели с традиционными мифами и создание авторских мифологем. На основе мифологических источников различных народов и

культур, посредством проведения аналогий между прошлым и настоящим, через создание ряда авторских символов и мифологем Канетти выводит собственное понимание мифа (авторского мифа), что находит отражение в автобиографии, художественных произведениях автора. При определении авторского (индивидуального, личного) мифа (*Privatmythos* — термин введен Э. Канетти) Канетти исходил из наличия у человека определенной идеи, мечты, являющейся движущей силой его поступков и стремлений.

Мифопоэтика Фришмут представляет собой определенную авторскую стратегию, направленную на создание мифоцентрических произведений. В своем мифотворчестве Фришмут ориентируется в первую очередь на греческую и кельтскую мифологии, формирует систему образов, мифопоэтического хронотопа и мифологем. Характерным является использование Фришмут мифологических моделей, элементов мира сновидений, а также размытие границ между реальностью и фантастикой, что приводит к особой характеристике мифомышления автора как своеобразного исследовательского метода. Произведения Фришмут можно интерпретировать как мифологические тексты, так как им присущи мифологические черты. Таким образом, Фришмут удается расширить границы повествования, углубляясь при этом в проблемы и вопросы современного мира. С помощью мифологических текстов Фришмут находит ответы на волнующие вопросы современности. Отсылка к мифологическим образам и мотивам помогает ей понять и проанализировать сущность этих проблем, а также дать им новую интерпретацию.

3.1. Мифотворчество как тенденция в литературе XX века

В современной литературоведческой науке имеются понятия, однозначная интерпретация которых несколько затруднена и требует разграничения и их детального рассмотрения. Так, термины *миф*, *мифическое* и *мифологическое* иногда используются как синонимичные.

Традиционно *миф* трактуется как ‘повествование о сверхъестественных существах, героях, богах’. Другое, нетерминологическое, толкование слова *миф* — ‘вымысел, фантазия’.

По мнению К. Цайрингера, одной из ведущих причин обращения писателей к мифу в прошлом столетии оказалось общее снижение интереса аудитории к литературным произведениям [Цит по: Плахина, 2002, с. 207]. Переосмысливая классические мифологические сюжеты и образы, писатели раскрывают современные темы и конфликты действительности. А. В. Плахина считает, что богатый сюжетный материал античных мифов способствовал увеличению интереса к ним [Плахина, 2002, с. 208].

Греческая мифология широко используется в литературе и искусстве как источник вдохновения и символического значения. Авторы различных

эпох интерпретируют мифы, трансформируя их сюжеты и персонажей с учетом современного контекста. Известный философ Фридрих Ницше рассматривал мифологию как вечный символический образ и верил в идею вечного возвращения мифа [Цит. по: Мелетинский, 2001, с. 13].

В XX столетии миф принимает новый облик, появляются новые теории его интерпретации. А. Ф. Лосев определил миф применительно к XX веку не как фикцию, а как самую настоящую реальность [Лосев, 2008, с. 15], которая может охватывать различные области: науку, религию, искусство [Там же, с. 143]. М. Элиаде в работе «Аспекты мифа» высказывает мысль, что «мифологическое мышление не может окончательно исчезнуть», оно адаптируется к новым «культурным модам», оставляя позади свои прежние формы [Элиаде, 1996, с. 147]. В XX веке происходит не только возрождение интереса к мифу, он начинает приобретать новые функции. Мифу начинает приписываться особая роль в развитии человеческого мышления. Имея тесную связь с историческим контекстом, с современным общественным умонастроением, мифотворчество XX века перерабатывает архетипические сюжеты и древние образы на новый манер, сочетаясь с психологизмом и «потоком сознания». Мифологизм становится типичной чертой литературы и как «художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение» [Мелетинский, 2006, с. 295]. Миф начинает широко входить в различные сферы культуры: политику, социологию, средства массовой информации. С расцветом модернизма в литературе практически каждый художественный текст строится на мифе, на привлечении мифологических сюжетов, архетипов, символов. Согласно Е. М. Мелетинскому, появляются попытки сознательного, неформального, нетрадиционного использования мифа, что приобретает характер авторского поэтического мифотворчества [Там же, с. 280]. Так называемый *художественный мифологизм* предполагает акт мифотворчества, создание авторского мифа.

Авторское мифологизирование становится одним из ведущих направлений литературного процесса XX века. Обращение деятелей искусства и культуры к мотивам и сюжетам античной мифологии было определено особенностью мифомышления и мифологического образа, всегда обращенного к внутренней сущности человека, а также поисками новых возможностей изображения человека и мира [Шарыпина, 2020, с. 23]. Характерной чертой мифологизма в романе XX века Е. Мелетинский называет синтез различных мифологических традиций, дублирование героев в пространстве и во времени (герои вечно живут, умирают и воскресают, воплощаются в новых существах), создание новых образов, строящихся с оглядкой на некоторые архетипы [Мелетинский, 2006, с. 290]. Одновременно появляются и другие интерпретации понятия о мифе, среди которых

можно назвать концепцию «мифа как фикции». Далее он будет рассмотрен на примере автобиографических текстов Э. Канетти.

В середине XX века в литературоведение вошел термин *авторское мифотворчество*, под которым понималось воплощаемое в тексте конструирование автором собственной биографии, «мифологизация собственного образа» [Козлов, 1981, с. 11], особенно характерная для литературы модернизма и наиболее часто выраженная в биографических текстах [Эмир-Велиева, 2015, с. 45]. Впоследствии значение данного термина несколько расширилось, и он начал использоваться применительно к текстам жанра фэнтези. Сегодня под *авторским мифотворчеством* подразумевается создание автором собственных мифоподобных образов и символов [ФЭС, 1989, с. 369].

Понятие «авторский миф» и соответствующий термин появились в литературоведении в середине XX века, хотя зарождение их можно связать с появлением термина *неомифологизм* в начале XX столетия. Тенденция к его закреплению развилась вследствие того, что мифологизирование в литературном процессе этого периода становится средством, при помощи которого можно «акцентировать определенные ситуации и коллизии современности параллелями из мифологии» [Литература и мифы ..., 1982, с. 61].

Роберт Ранке-Грейвс считает, что установившийся в обществе патриархат положил конец периоду подлинного мифа. Историческую легенду он рассматривает как продолжение мифа [Ranke-Graves, 1984, S. 6]. Кроме того, он считает, что доисторическая Европа не знала человеческих богов, а древнегреческая мифология в основном была связана с отношениями между королевой и ее фаворитами.

Многие австрийские писатели использовали мифологические сюжеты и образы в своих произведениях, трансформируя их при этом в соответствии с авторским замыслом; ср.: П. Розай «15 000 душ» («15 000 Seelen», 1985), П. Хандке «Медленное возвращение домой» («Langsame Heimkehr», 1979), «Повторение» («Wiederholung», 1986), «История карандаша» («Die Geschichte des Bleistifts», 1982), П. Хениш «Пророк Пепи Прохаски» («Pepi Prohaska Prophet», 1986), Б. Фришмут «Госпожа зверей» («Herrin der Tiere», 1986), «He по средствам» («Über die Verhältnisse», 1987) и др. Таким образом, мифологизация — это вечный процесс, который невозможно приостановить или завершить [Шарыпина, 1995, с. 23].

3.2. Мифологическая составляющая в творчестве Э. Канетти

Основное толкование понятия «мифологический» — ‘связанный с мифологией, имеющий отношение к мифологии’ (*мифологический сюжет, мифологический герой, мифологическое существо*). Мифопоэтический пласт произведения, как правило, бывает представлен мифологическими сюжетами, образами, мифологемами, мифемами и т. д.

В творчестве Э. Канетти античная мифология занимает особое место. Два произведения греческой мифологии Канетти признавал образцовыми и заслуживающими особого внимания: «Метаморфозы» Овидия и «Одиссея» Гомера. Интерес Канетти к данным произведениям был связан в первую очередь с такой их составляющей, как «превращение». В творчестве Канетти «превращение» становится структурным и смысловым компонентом, интерес к которому у писателя сформировался под влиянием образа Одиссея. Этот персонаж раскрывается во всех видах превращений, каждое из которых имеет свой смысл и форму [Canetti, 1977, S. 113]. Отсылка к этому античному герою неоднократно встречается в произведениях писателя (автобиографическая трилогия, роман «Ослепление»). Ярким примером образа Одиссея в художественном творчестве писателя становится герой романа «Ослепление» Петер Кин, который, подобно герою древнегреческого эпоса, не по своей воле покидает дом и отправляется в странствие по «большому миру», где ему приходится столкнуться с различными трудностями и испытаниями. Глава «Хитроумный Одиссей» в метафорической форме репрезентирует качество главного героя — изворотливость ума, проявляющуюся в его отношениях с Терезой (домработницей, а потом женой). О том, что Тереза не оставляла мужа в покое ни днем, ни во время работы, сообщается через обращение к сюжету «Одиссей в плену у Калипсо». Выражая своё отношение к Пенелопе, чья хозяйственность была ему ненавистна, Петер дает понять, что Тереза сначала была его экономкой. Ненависть Петера Кина к Терезе и его попытки противостоять ей манифестированы различными видами превращений — в камень, в слепого. Спасаясь от нападок Терезы, Кин «превращает» себя в восседающую на стуле каменную статую египетского жреца [Канетти, 2022, с. 190]. «...Эта твердость камня разбивала в прах её планы...» [Там же, с. 190], «...Древний Египет стал для него убежищем...» [Там же, с. 190], «...монументальную фигуру из Древнего Египта она обходила стороной, держась от неё подальше...» [Там же, с. 191]. Данное превращение становится спасением от реально существующей угрозы. В главе «Ослепительная мебель» Кин, чувствующий отвращение к обстановке, развивает в себе чувство слепоты. Превращение в слепого для него — возможность не замечать вещи, которые не представляют собой что-либо важное, а лишь отвлекают от дел и нарушают ход мысли.

Роман «Ослепление» — произведение, охватывающее традиции многих культур. Его основу составляют не только образы античной мифологии, но и выдержки из библейских текстов, отсылки к восточным традициям и культурам, в частности к китайской философии (образ Конфуция, цитаты Лао-Цзы, Мэн-Цзы). Их использование является не только средством изо-

бражения действительности, но и особым способом самовыражения поэта, раскрытия его мифологического мироощущения [Барова, 2020, с. 159].

3.3. Содержание понятия «мифическое» в творчестве Э. Канетти

Понятие «мифическое» (*мифический* ‘относящийся к мифу; овеянный легендами, сказками; выдуманный, вымышленный’) можно рассмотреть у Канетти с нескольких сторон. Первый аспект можно проследить на примере автобиографической трилогии. Относительно статуса автобиографических текстов Э. Канетти сегодня ведется очень много споров. С Ханушек в книге «Elias Canetti. Biographie» раскрывает такие моменты из жизни писателя, которые по многим причинам были завуалированы или опущены самим Канетти при написании автобиографической трилогии. Биограф, соглашаясь с таким авторским мнением, пишет: «Мы понимаем, когда мы говорим правду, а когда что-то приходится додумывать, но иногда границы между фикцией и аутентичной картиной воспоминаний становится невозможно определить. То, что нам рисует наша память, мы считаем подлинным, мы верим нашим воспоминаниям и, таким образом, создаём свой собственный миф» [Hanuschek, 2005, S. 100] (здесь и далее перевод иноязычных цитат наш. — А. Б., Л. Т.). Автобиографические моменты выполняют функцию мотива, благодаря которым создается индивидуальный миф. Здесь можно говорить об автобиографии как мифе, для нее характерно преимущественное внимание к внутреннему миру личности. Внешние события, жизненные обстоятельства не исключаются из повествования, но подчиняются главным структурным мотивам внутри текста — фантазиям и мифам.

Относительно часто автобиограф прибегает к вымыслу, изображая свою жизнь подчиненной какой-либо логике и цели. У Канетти прослеживается синтез вымысла и реальных событий. Как автор, он оставляет за собой право скрыть от читателя какие-то моменты своей жизни, вокруг некоторых ситуаций и объектов он создаёт некое подобие мифа. Второй том трилогии «Факел в ухе», посвященный жене Э. Канетти Венециане Таубнер, включает лишь скудные упоминания о ней. Канетти сравнивает её с богиней, она великолепна во всём, прекрасна, начитанна, образованна, с богатым внутренним миром. Он старательно оберегает её от всего, что могло бы ранить её, причинить страдания. Но этот миф полностью развивается при детальном изучении его биографии. В трилогии он не упоминает о том, что его жена была писательницей. На протяжении всей жизни Канетти скрывал, что у Вецы отсутствовала левая рука. В автобиографическом произведении нет даже намёка на этот факт, лишь один случай, кажущийся странным и полным таинственности: она охотно посещала лекции Карла Крауса и всегда садилась в первом ряду, постоянный слушатель, и в момент, когда зал рукоплескал, она просто стояла, никогда не

аплодировала. При прочтении этого момента возникает множество вопросов, предположений, но нет ответов, и истинная причина так и останется нераскрытой. Вся их совместная жизнь в автобиографической трилогии — это только хорошо созданный миф, реальная же жизнь семьи Канетти была другой, не столь идеальной.

Границы между фикцией и действительностью не всегда отчётливы в описании жизненных реалий, поскольку в данной разновидности жанра автобиографии допускается и даже профилируется синтез фактов существующих и конструируемых. Причём, несмотря на то, что Канетти принято считать классическим автобиографом, его тексты этого жанра не являются жизнеописанием в привычном смысле. Канетти воссоздаёт в автобиографии модифицированную модель своей жизни, автор производит отбор материала, комбинирует и моделирует его, перерабатывает его в манере, присущей лишь ему.

Второй особенностью мифического аспекта у Канетти является присутствие в его произведениях так называемого «личного мифа» (в авторской трактовке самого Канетти «Privathmythos»), который писатель раскрывал как наличие у человека особой мечты, иде-фикс, того, к чему он стремится. Воплощение этого «личного мифа» у персонажа произведения порой может доходить до стадии безумия героя и иметь для него необратимые последствия: «В “Ослеплении” я стремился создать те фигуры, которые совершенно ясно представляли бы этот индивидуальный миф, для меня было важным показать, как личный миф одного человека сталкивается с мифом другого» [Цит. по: Zerr, 1990, S. 33].

Такой «личный миф» представлен писателем в романе «Ослепление», в котором каждый герой (согласно Канетти, каждая «фигура») не только одержим определенной мечтой и фанатично идет к своей цели, но и ослеплен ей настолько, что исключается возможность дальнейшей самореализации и становится невозможным выстраивание нормальных отношений с окружающими.

Любая идея фикс предполагает наличие плюсов и минусов — «темную» и «светлую» стороны (К.-П. Цепп) [Zerr, 1990, S. 42—43]. Цветовая метафорика в данном случае помогает раскрыть суть анализируемого явления. «Темная сторона» так называемого «личного мифа» представляет собой стадию безумия, способную проявляться в желании неограниченной власти и в склонности к насилию и нести с собой угрозу для окружающих. «Светлая сторона» личного мифа есть мечта и утопия. Она состоит из благих стремлений, желаний и надежд индивида, которые присутствуют также и в коллективном мифе. С этой позиции «личный миф» можно трактовать как личное жизненное пространство человека, как его «изолирован-

ную религию». «Личный миф» персонажей (*Privatmythos*) как идея фикс в произведениях Канетти становится частью его авторской мифологии.

Элиас Канетти — писатель с провидческим взглядом, сумевший метко и точно дать характеристику современной ему эпохи, точно предугадывая все коллизии грядущего, что достигается путем использования в текстах мифологических элементов, аллюзий и реминисценций. Авторская мифология Элиаса Канетти, подобно архаическому мифу, нацелена на конструирование определенной картины мира, но в отличие от архаического мифа создание авторского мифа имеет преднамеренный характер и является порождением авторского мифотворчества. Интерпретация мифа Э. Канетти — это одна из сложных задач в исследовании мифопоэтики в творчестве писателя. Понять дефиницию мифа, так как понимал его сам Канетти, можно только при детальном изучении биографии, творчества и истоков мифологического мышления писателя.

3.4. Мифотворчество Барбары Фришмут

Австрийская писательница Барбара Фришмут (род. 1941) создает в своих произведениях мифопоэтический контекст, объединяя при этом мифологическое прошлое с современностью, трактуя привычный миф по-новому. Отголоски греческой мифологии можно проследить в «трилогии Деметры» Б. Фришмут («Госпожа зверей», «Не по средствам», «Друг другу дети»), названной в честь древнегреческой богини плодородия, покровительницы земледелия. Три романа объединяет в трилогию лишь название, делая при этом их взаимосвязь формальной. Первый роман трилогии посвящен одной героине, архаической Деметре. Второй повествует об отношениях матери и дочери, как и в классическом мифе о Деметре-Коре и Персефоне. В третьей части Фришмут указывает на тайны Элевсиса и размышляет, через различные запутанные повествовательные нити, о нацистском прошлом, а также о семейных отношениях.

Основной особенностью мифотворчества является отсутствие канонизированного оригинала текста. Творцы мифов не ограничены определёнными рамками, каждый из них рассказывает историю по-своему, связывает ее с иными традициями, переосмысливает в другом направлении, вводит новые имена.

Например, особой популярностью пользуется миф о Деметре. Так, гимн Деметре есть среди написанных Гомером гимнов богам. Для истории Деметры и Коры Ранке-Грейвса характерно большое количество примечаний и пометок. Свообразием обладает и история, рассказанная исследователем мифов Карлом Керени.

В древнем мифе о Деметре Фришмут, несомненно, видит определенное значение, именно поэтому она переписывает историю Деметры и Коры

для себя. Вариантов интерпретации много, но Фришмут взяла за основу самый популярный, в котором нашли отражение три аспекта: архаический, классический и мистический.

У Деметры и Зевса была дочь по имени Кора. Аид полюбил Кору и попросил у Зевса руки его дочери. Зевс, предвидя ответ Деметры, засомневался в своем решении. Аид похищает Кору с поляны нарциссов. Геката, единственная из всех, поддерживает Деметру, и они переезжают к Гелиосу, который вынужден признать, что видел, как Кора была похищена в подземный мир.

В первой части трилогии «Госпожа зверей», название которой носит отголоски архаичности, тех времен, когда боги-животные несли определенную ответственность, Персефона изображена вынужденной заботиться о том, чтобы стада восстанавливались в течение определенного периода времени в подземном мире, а затем возвращались обратно. У Фришмут изначально было две идеи: молодая женщина, которая жертвует карьерой, чтобы заняться лошадьми, или Деметра с головой лошади. Довольно скоро эти два понятия слились воедино, и писательница поняла, что не может остановиться на одном из вариантов. Миф о Деметре и сам образ богини имели для нее значение как средства манифестации связи между героями [Frischmuth, 1991, S. 69].

Героиня романа, молодая женщина, имя которой не называется, вопреки желанию своей матери бросает работу в офисе, чтобы осуществить свою мечту: работать с лошадьми в сельской местности. В произведении объединяются два женских образа: с одной стороны, образ женщины, которая недовольна своей офисной работой и пытается установить контакт с природой, с другой — мифическая фигура, Деметра в ее античном облике хозяйки животных с лошадиной головой, которую любил Посейдон. В данном контексте Фришмут трансформирует классический образ кентавра, заменяя его кентавром-женщиной. М. Фризе считает, что полукони Фришмут словно бедные глупцы, которые ищут свое счастье [Frise, 1992, S. 142]. В основе различных форм антропоматии и зооморфоматии лежит авторская парадигма изначального «равенства» человека и животного [Trofimova et al., 2019].

Об антропологической составляющей взаимоотношений человека и животного размышлял в своей книге «О животных» Канетти. Именно в данном произведении, по мнению Е. Шастиной, отражено глубокое понимание природы и взаимосвязи человека и животного мира на уровне значений и символов [Шастина, 2014].

В первой части трилогии Деметра представлена как античная богиня, которой поклонялись по всему Средиземноморью, а не только в Греции. Деметра, которую называли другим именем, была богиней-матерью, связанной с Землей, и нередко отождествлялась с еще более древними божествами, такими как Гайя или Рея [Saporiti, 2013, S. 293].

Что касается названия романа, то выражение «Госпожа зверей» характерно также и для произведения Кереньи, который повествует об отношениях богини с лошадьми, о браке с Посейдоном, о ее превосходстве над растениями и животными [Kerenyi, 2010, S. 147]. Схожие мысли характерны и для героини романа Фришмут «Wenn ich mir den Kerl vorstelle, der deiner Herr werden soll... Ein Gott in Pferdegestalt» («Если я себе представляю парня, который должен стать твоим господином... Бог в образе жеребца») [Frischmuth, 1986, S. 103]. Два уровня повествования: реальность — сельская жизнь, и миф, связанный с мечтами главной героини, — не противопоставляются друг другу и в конце повествования сливаются воедино.

В основе второго романа трилогии «Не по средствам» — классический миф о Деметре. Фришмут не планировала переписывать миф. Она скорее хотела бы использовать эту версию в качестве основы для интерпретации определенных частных, исторических и политических ситуаций. Это история матери и дочери в мире, ориентированном на патристику, с ее особыми формами насилия и жестокого обращения.

Начало романа характеризуется прозрачностью повествования: «DEMETER — Figur und Person in einem. Wenn ich Demeter sage, muß ich auch Kore, Baubo, Zeus sagen» [Frischmuth, 1987, S. 7] («ДЕМЕТРА — фигура и личность в одном лице. Если я упоминаю Деметру, я должна вспомнить Кору, Баобо, Зевса» (перевод наш. — Л. Т.).

Выбор места действия Баллахауплац в контексте его сопоставления с великим Олимпом, мифологическим локусом, придает повествованию дополнительный смысл и позволяет читателю обнаружить новые аспекты сопоставления древности и современности. Деметра (Мелани) — хозяйка гостиницы, дорожающая крепкими семейными отношениями, которая в борьбе за свою дочь (Фро) не хочет спрашивать себя, права ли она. Но дочь отказывается от симбиоза, предложенного матерью, и настаивает на своем решении, что расширяет сюжет классической версии мифа.

Фришмут считает, что писать по мотивам мифа или мифической истории — значит в конечном итоге изобретать ее заново [Frischmuth, 1991, S. 70]. Роман Фришмут «Не по средствам» можно рассматривать как образец мифопоэтического искусства, в котором обнаруживается тесная взаимосвязь между античной мифологией и современностью. Фришмут удалось создать произведение, которое представляет собой гармоничное единство современных образов с классическими мифологическими мотивами и образами. Такой подход позволяет создать цельную модель мира, где архаичная мифология взаимодействует с современностью, способствуя осмыслению сложных явлений культуры и общественной жизни.

Фришмут интересуют не столько точное описание мифологических событий, сколько их объясняющий потенциал. Таким образом, писательница получает вдохновение для создания новых историй [Frischmuth, 1991, S. 69]. В трилогии Фришмут не просто пересказывает миф или перерабатывает его, но и анализирует с психологической точки зрения. Это можно определить как «психологизацию мифа», так как устанавливается связь с идеями Юнга и теорией психоанализа [Saporiti, 2013, S. 295].

В третьей части трилогии, в романе «Друг другу дети» Фришмут углубляется в тайны мифа, в его культы и обряды, рассуждает об Элевсисе, что перетекает в анализ взаимоотношений между людьми, делая содержание романа при этом немного утопичным. Это связано с тем, что Фришмут все больше уходит от интерпретации мифического повествования и преследует в тексте цель осмысления морально-этических ценностей. Фришмут рассматривает тайны и мистику Элевсиса как ритуалы очищения и возрождения. Ключевые понятия для данного произведения — управление прошлым и работа со скорбью. Тайны Элевсиса и история Деметры являются своего рода мистико-мифологическим фоном текста. В героях данного романа, как во всей трилогии, можно распознать черты Деметры или Персефоны.

Роман состоит из трех глав и эпилога. В каждой главе есть ключевой персонаж со своей жизненной историей и драмой. Различные нити повествования не просто сосуществуют как параллельные истории, они связаны друг с другом через перекрестные ссылки, которые читатель должен уловить [Saporiti, 2013, S. 307]. В этом романе Фришмут миф выполняет утопическую функцию, что подтверждают высказывания писательницы о моральных ценностях «Ich halte diese Hochzeiten, Taufen und Begräbnisse nicht mehr aus, dieses ewige Liebe — Leben — Tod...» [Frischmuth, 1990, S. 206] (Я больше не выношу свадеб, крестин, похорон, эту вечную связь «любовь — жизнь — смерть...») (перевод наш. — Л. Т.).

В повествовании неоднократно упоминается царство теней, связанное с тайнами Элевсиса. Жизненный цикл находит отражение в истории Персефоны, которая каждый год возрождается и возвращается к своей матери в качестве дочери, только чтобы снова исчезнуть в царстве теней подземного мира. Все героини данной части обладают характеристиками греческих богинь. Но стоит отметить, что глава, в которой рассказывается о Сигун и Веви, в меньшей степени связана с мифами или мифологическими фигурами, чем часть, посвященная Труде Шварц.

Итак, «трилогия Деметры» Фришмут отображает в австрийской литературе XX века различные аспекты истории, современности и мифа. Но использование мифа в данном контексте расценивается как попытка представить маленькую историю, жизнь главных героев как что-то масштабное.

Австрийские писатели, среди которых Э. Канетти, Б. Фришмут, К. Рансмайр, М. Кельмайер, И. Меркель, особую роль в своем творчестве уделяют традициям, так как литература не может существовать только сама по себе и не иметь связи со временем и обществом. Таким образом, она нуждается в продуктивном, особом отношении к литературному преданию.

4. Заключение = Conclusions

В работе было рассмотрено понятие «миф» / «авторский миф» и его реализация на примере творчества двух немецкоязычных авторов, принадлежащих к разным временным периодам. В результате работы были сделаны выводы:

— авторский миф является одной из особенностей творчества как Э. Канетти, так и Б. Фришмут, поскольку создание мифоцентрических произведений носит преднамеренный характер, миф является для авторов материалом, позволяющим выразить свою позицию и выстроить художественный мир произведения;

— для обоих писателей свойственно объединение мифологического прошлого и современности, через миф авторы делают попытки объяснить проблемы настоящего и грядущего;

— обращение к мифологическим моделям свидетельствует о своеобразии мифомышления писателей;

— творчество австрийских авторов Э. Канетти и Б. Фришмут характеризуется самобытностью, которая находит выражение в особой интерпретации действительности, пронизанной мифологическими образами и символикой. В их произведениях прослеживается стремление к глубинному анализу и осмыслению жизни через призму мифопоэтического восприятия;

— особенности реализации мифа в творчестве писателя можно изучать не только на примере художественных произведений, но и в произведениях автобиографического жанра, в которых миф может выступать как фикция и являться индивидуальной задумкой автора, что дает повод говорить об автобиографических произведениях как о художественном творчестве автора и соответственно, рассматривать их с позиции выявления авторского мифа писателя.

Данная работа позволяет выявить своеобразие поэтики писателей, относящихся к разным литературным эпохам, и вписать обоих авторов в мировой литературный процесс XX века. Исследование творчества Канетти и Фришмут в сопоставительном аспекте позволяет сделать выводы, выходящие за рамки изучения творчества отдельного автора, и представляется актуальным для выявления общих закономерностей развития европейской литературы и культуры XX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Канетти Э.* Слепленние / Э. Канетти; пер. с нем. С. Апта. — Москва : АСТ, 2022. — 576 с. — ISBN 978-5-17-146907-8.
2. ФЭС — *Философский* энциклопедический словарь / редкол. : С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. — 2-е изд. — Москва : Сов. энциклопедия, 1989. — 814 с.
3. *Canetti E.* Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend / E. Canetti. — München : Carl Hanser Verlag, 1977. — 319 S. — ISBN-3-596-22083-1.
4. *Frischmuth B.* Einander Kind / B. Frischmuth. — Salzburg ; Wien : Residenz, 1990. — 122 S. — ISBN 3-423-11781-8.
5. *Frischmuth B.* Herrin der Tiere / B. Frischmuth. — Salzburg ; Wien : Residenz Verlag, 1986. — 140 S. — ISBN 978-3701704590.
6. *Frischmuth B.* Traum der Literatur — Literatur des Traums / B. Frischmuth. — Salzburg ; Wien : Residenz, 1991. — 124 S. — ISBN 3-7017-0696.
7. *Frischmuth B.* Über die Verhältnisse / B. Frischmuth. — Salzburg ; Wien : Residenz, 1987. — 233 S. — ISBN 3-7017-0506-2.†

Литература

1. *Барова А. Г.* Функционирование интертекста в романе Э. Канетти «Слепленние» / А. Г. Барова // Известия Южного федерального университета. — 2020. — Т. 24. — № 2. — С. 156—160. — DOI: 10.18522/1995-0640-2020-2-156-160.
2. *Воротникова А. Э.* Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970—1980-х гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.03 / А. Э. Воротникова. — Воронеж, 2008. — 38 с.
3. *Козлов А. С.* В поисках американского мифа : мифологическое литературоведение США / А. С. Козлов // Филологические науки. — 1981. — № 3. — С. 26—33.
4. *Кравчук О. С.* Романы Барбары Фришмут 1970-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / О. С. Кравчук. — Санкт-Петербург, 1998. — 18 с.
5. *Литература и мифы* // Мифы народов мира : в 2 томах : энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1980—1982. — Т. 2. — С. 61.
6. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Академический проект, 2008. — 303 с. — ISBN 978-5-8291-0970-7.
7. *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика» / Е. М. Мелетинский. — Москва : РГГУ, 2001. — 168 с. — ISBN 5-7281-0095-3.
8. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский ; Ин-т мировой литературы РАН. — 4-е изд., репр. — Москва : Восточная литература, 2006. — 407 с. — ISBN 5-02-018537-X.
9. *Плахина А. В.* Клаус Цайрингер об австрийской литературе и культуре (Сводный реферат) / А. В. Плахина // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные нау-

ки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. — 2002. — №3. — С. 204—214.

10. Шарыпина Т. А. Миф и игра в европейском общественном сознании XX — начала XXI вв. / Т. А. Шарыпина. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. — 188 с. — ISBN 978-5-91326-5.

11. Шарыпина Т. А. Проблемы мифологизации в зарубежной литературе XIX — XX вв. : материалы спецкурса / Т. А. Шарыпина. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. — 112 с. — ISBN 5-85746-166-9.

12. Шастина Е. М. «Антропологическая анималистика» Элиаса Канетти / Е. М. Шастина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 3 (33). — Ч. 2. — С. 200—203.

13. Шастина Е. М. Литературная кинематографичность как нарративная стратегия в художественном тексте (на материале заметок Э. Канетти «Голоса Марракеша») / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 305—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-305-322.

14. Шастина Е. М. Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 267—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287.

15. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде ; пер. с фр. В. Большакова. — Москва : Инвест-ППИ, 1995. — 240 с. — ISBN 5-87538-006-3.

16. Эмир-Велиева Я. С. Авторское мифотворчество в автобиографической и художественной прозе (на материале историко-литературного мифа о Н. И. Надеждине и Е. В. Сухово-Кобылиной) : статья 1 / Я. С. Эмир-Велиева // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. — 2015. — № 3 (11). — С. 44—51.

17. Angelova P. Elias Canetti Spuren zum mythischen Denken / P. Angelova. — Wien : Paul Zsolnay Verlag, 2005. — 318 S. — ISBN 3-555-05327-1.

18. Frise M. Zu Die Herrin der Tiere (1986) / M. Frise // Dossier 4: Barbara Frischmuth / Herausgeber: Kurt Bartsch. — Graz ; Wien : Literaturverlag Droschl, 1992. — S. 142—143. — ISBN 9783854203018.

19. Giebel M. Fiktive Frauenfiguren in einer Auswahl von Barbara Frischmuths Werken betrachtet aus einer psychoanalytischen und feministischen Perspektive [Electronic resource] : Graduate Student Theses, Dissertations, & Professional Papers : Master of Arts / M. Giebel ; University of Montana. — 2002. — Access mode : https://scholarworks.umt.edu/etd/2345/?utm_source=scholarworks.umt.edu%2Fetd%2F2345&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (accessed 23.03.2024).

20. Gürtler Ch. Schreiben die Frauen anders? Untersuchungen zu Ingeborg Bachmann und Barbara Frischmuth / Ch. Gürtler. — Stuttgart : Hans-Dieter Akademischer Verlag, 1985. — 417 S. — ISBN 978-3880991385.

21. Hanuschek S. Elias Canetti. Biographie / S. Hanuschek. — München : Carl Hanser Verlag, 2005. — 799 S. — ISBN 3-446-20584-5.

22. Hornik K. Mythoman und Menschenfresser. Zum Mythos in Elias Canettis Dichterbild / K. Hornik. — Bielefeld : Aisthesis Verlag, 2006. — 128 S. — ISBN 3-89528-573-0.

23. Horvarth A. Wir sind anders. Gender und Ethnizität in Barbara Frischmuths Romane / A. Horvarth. — Würzburg : Königshausen u. Neumann, 2007. — 172 S. — ISBN 978-3826036323.

24. Kerenyi K. Die Mythologie der Griechen : Die Götter- und Menschheitsgeschichten / K. Kerenyi. — München : Rhein-Verlag, 2000. — Bd. 1. — 256 S. — ISBN 9783423300308.

25. Lützel P. M. Barbara Frischmuths Demeter-Trilogie mythologische Finde-Spiele in der postmodernen Literatur / P. M. Lützel // Dossier 4: Barbara Frischmuth / Herausgeber: Kurt Bartsch. — Graz ; Wien : Literaturverlag Droschl, 1992. — S. 73—97. — ISBN 9783854203018.

26. Polat-Menke S. Islam und Mystik bei Barbara Frischmuth. Werkanalyse und interreligiöses Lernen / S. Polat-Menke. — Ostfildern : Matthias Grünewald Verlag, 2013. — 585 S. — ISBN 978-3786729747.

27. Ranke-Graves R. Griechische Mythologie : Quellen und Deutung. — Hamburg : Rowohlt, 1984. — 681 S. — ISBN 978-3499554049.

28. Riegler R. Das Verborgene sichtbar machen: Ethnische Minderheiten in der österreichischen Literatur der neunziger Jahre / R. Riegler. — New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien : Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2010. — 167 S. — ISBN 978-1433108310. — DOI: 10.3726/978-1-4539-0482-4.

29. Saporiti S. Mythos und Mythosverarbeitung in Barbara Frischmuths Demeter-Trilogie [Electronic resource] / S. Saporiti // Studi Germanici. — 2013. — № 3/4. — S. 277—315.

30. Tabaalite D. Islamische Mystik bei Barbara Frischmuth. Untersuchungen zum Konzept einer „geistigen Archäologie des Gemeinsamen“ / D. Tabaalite. — Graz: Univ., 2011. — 362 S. — ISBN 978-3830063537.

31. Trofimova L. V. The Animalistic Genre in the Works of Barbara Frischmuth / L. V. Trofimova, A. G. Barova // Space and Culture, India — 2019. — Vol. 7. — Is.3. — Pp. 61—67. — DOI: 10.20896/saci.v7i3.448_

32. Zepp K.-P. Privatmythos und Wahn. Das mythopoetische Konzept im Werk Elias Canetti / K.-P. Zepp. — Frankfurt a. Main : Lang, 1990. — 265 S. — ISBN 3-631-42337-3.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024,
одобрена после рецензирования 16.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

Canetti, E. (1977). *Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend*. München: Carl Hanser Verlag. 319 S. ISBN-3-596-22083-1. (In Germ.).

Canetti, E. (2022). *Dazzle*. Moscow: AST. 576 p. ISBN 978-5-17-146907-8. (In Russ.).

FES — *Philosophical Encyclopedic Dictionary*. (1989). Moscow: Soviet Encyclopedia. 814 p. (In Russ.).

Frischmuth, B. (1986). *Herrin der Tiere*. Salzburg; Wien: Residenz Verlag. 140 S. ISBN 978-3701704590. (In Germ.).

Frischmuth, B. (1987). *Über die Verhältnisse*. Salzburg; Wien: Residenz. 233 S. ISBN 3-7017-0506-2. (In Germ.).

Frischmuth, B. (1990). *Einander Kind*. Salzburg; Wien: Residenz. 122 S. ISBN 3-423-11781-8. (In Germ.).

Frischmuth, B. (1991). *Traum der Literatur — Literatur des Traums*. Salzburg; Wien: Residenz. 124 S. ISBN 3-7017-0696. (In Germ.).

References

Angelova, P. (2005). *Elias Canetti Spuren zum mythischen Denken*. Wien: Paul Zsolnay Verlag. 318 S. ISBN 3-555-05327-1. (In Germ.).

- Barova, A. G. (2024). The functioning of the intertext in E. Canetti's novel "Dazzle". *Proceedings of the Southern Federal University*, 24 (2): 156—160. DOI: 10.18522/1995-0640-2020-2-156-160. (In Russ.).
- Eliade, M. (1995). *Aspects of myth*. Moscow: Invest-PPP. 240 p. ISBN 5-87538-006-3. (In Russ.).
- Emir-Veliyeva, Ya. S. (2015). Author's myth-making in autobiographical and fiction prose (based on the historical and literary myth of N. I. Nadezhdin and E. V. Sukhovo-Kobylyna): Article 1. *World literature at the crossroads of cultures and civilizations*, 3 (11): 44-51. (In Russ.).
- Frise, M. (1992). Zu Die Herrin der Tiere (1986). In: *Dossier 4: Barbara Frischmuth* / Herausgeber: Kurt Bartsch. — Graz ; Wien : Literaturverlag Droschl, 1992. 142—143. ISBN 9783854203018. (In Germ.).
- Giebel, M. *Fiktive Frauenfiguren in einer Auswahl von Barbara Frischmuths Werken betrachtet aus einer psychoanalytischen und feministischen Perspektive* (2002). Graduate Student Theses: Master of Arts; University of Montana. Available at: https://scholarworks.umt.edu/etd/2345/?utm_source=scholarworks.umt.edu%2Fetd%2F2345&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (accessed 23.03.2024). (In Germ.).
- Gürtler, Ch. (1985). *Schreiben die Frauen anders? Untersuchungen zu Ingeborg Bachmann und Barbara Frischmuth*. Stuttgart: Hans-Dieter Akademischer Verlag. 417 S. ISBN 978-3880991385. (In Germ.).
- Hanuschek, S. (2005). *Elias Canetti. Biographie*. München: Carl Hanser Verlag. 799 S. ISBN 3-446-20584-5. (In Germ.).
- Hornik, K. (2006). *Mythoman und Menschenfresser. Zum Mythos in Elias Canettis Dichterbild*. Bielefeld: Aisthesis Verlag. 128 S. ISBN 3-89528-573-0. (In Germ.).
- Horvarth, A. (2007). *Wir sind anders. Gender und Ethnizität in Barbara Frischmuths Romane*. Würzburg : Königshausen u. Neumann. 172 S. ISBN 978-3826036323. (In Germ.).
- Kerenyi, K. (2000). *Die Mythologie der Griechen: Die Götter- und Menschheitsgeschichten, I*. München: Rhein-Verlag. 256 S. ISBN 9783423300308. (In Germ.).
- Kozlov, A. S. (1981). In search of an American myth: mythological literary studies of the USA. *Philological Sciences*, 3: 26—33. (In Russ.).
- Kravchuk, O. S. (1998). *Barbara Frishmuth novels of the 1970s: author's abstract of PhD Diss.* Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Literature and myths. (1980—1982). In: *Myths of the parodies of the world: in 2 vols: encyclopedia, 2*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 61. (In Russ.).
- Losev, A. F. (2008). *Dialectics of myth*. Moscow: Academic Project. 303 p. ISBN 978-5-8291-0970-7. (In Russ.).
- Lützel, P. M. (1992). Barbara Frischmuths Demeter-Trilogie mythologische Finde-Spiele in der postmodernen Literatur. In: *Dossier 4: Barbara Frischmuth* / Herausgeber: Kurt Bartsch. — Graz ; Wien : Literaturverlag Droschl. 73—97. ISBN 9783854203018. (In Germ.).
- Meletinsky, E. M. (2001). *From myth to literature. Lecture course "Theory of myth and historical poetics"*. Moscow: RGGU. 168 p. ISBN 5-7281-0095-3. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (2006). *Poetics of Myth*. Moscow: Vostochnaya Literatura. 407 p. ISBN 5-02-018537-X. (In Russ.).
- Plakhina, A. V. (2002). Klaus Zeiringer on Austrian literature and culture (Summary abstract). *Abstract journal. Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary Studies*, 3: 204—214. (In Russ.).

- Polat-Menke, S. (2013). *Islam und Mystik bei Barbara Frischmuth. Werkanalyse und interreligiöses Lernen*. Ostfildern: Matthias Grünewald Verlag. 585 S. ISBN 978-3786729747. (In Germ.).
- Ranke-Graves, R. (1984). *Griechische Mythologie : Quellen und Deutung*. Hamburg: Rowohlt. 681 S. ISBN 978-3499554049.
- Riegler, R. (2010). *Das Verborgene sichtbar machen: Ethnische Minderheiten in der österreichischen Literatur der neunziger Jahre*. New York, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, Oxford, Wien : Peter Lang Inc., International Academic Publishers. 167 S. ISBN 978-1433108310. DOI: 10.3726/978-1-4539-0482-4. (In Germ.).
- Saporiti, S. (2013). Mythos und Mythosverarbeitung in Barbara Frischmuths Demeter-Trilogie. *Studi Germanici*, 3/4: 277—315. (In Germ.).
- Sharypina, T. A. (1995). *Problems of mythologization in foreign literature of the XIX—XX centuries: Materials of a special course*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Publishing House. 112 p. ISBN 5-85746-166-9. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2020). *Myth and the game in the European public consciousness of the XX—early XXI centuries*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National State University. 188 p. ISBN 978-5-91326-5. (In Russ.).
- Shastina, E. M. (2014). “Anthropological animalism” by Elias Canetti. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3 (33) / 2: 200—203. (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2023). Literary Cinematography as a Narrative Strategy in a Fiction Text (E. Canetti “Voices of Marrakech”). *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 305—322. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-305-322> (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2024). Works of R. Edelbauer in Context of Contemporary Austrian Literature of Early 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 267—287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287. (In Russ.).
- Tabaalite, D. (2011). *Islamische Mystik bei Barbara Frischmuth. Untersuchungen zum Konzept einer „geistigen Archäologie des Gemeinsamen“*. Graz: Univ. 362 S. ISBN 978-3830063537. (In Germ.).
- Trofimova, L. V., Barova, A. G. (2019). The Animalistic Genre in the Works of Barbara Frischmuth. *Space and Culture, India*, 7 (3): 61—67. DOI: 10.20896/saci.v7i3.448.
- Vorotnikova, A. E. (2008). *Gynocentric Novels in Germany and Austria in the 1970s and 1980s: author’s abstract of Doct Diss. Voronezh*. (In Russ.).
- Zepp, K.-P. (1990). *Privatmythos und Wahn. Das mythopoetische Konzept im Werk Elias Canettis*. Frankfurt a. Main: Lang. 265 S. ISBN 3-631-42337-3. (In Germ.).

*The article was submitted 13.05.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Меркулова М. Г. Графический роман — адаптация : к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) / М. Г. Меркулова, И. Г. Прудиус // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 250—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-250-265.

Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2024). Graphic Novel Adaptation as a Subgenre (Franco- and Anglophone Texts). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 250-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-250-265. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Графический роман —
адаптация: к определению
субжанра (на материале
франко- и англоязычных
текстов)**

Меркулова Майя Геннадиевна¹

orcid.org/0000-0002-0054-5647
доктор филологических наук, доцент,
кафедра английской филологии
merculovamaya@mail.ru

Прудиус Ирина Геннадьевна²

orcid.org/0000-0001-8071-9696
кандидат филологических наук, кафедра
мировой литературы и методики
ее преподавания,
корреспондирующий автор
m-i-g@yandex.ru

¹ Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

² Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

**Graphic Novel Adaptation
as a Subgenre (Franco-
and Anglophone Texts)**

Mayya G. Merkulova¹

orcid.org/0000-0002-0054-5647
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
merculovamaya@mail.ru

Irina G. Prudius²

orcid.org/0000-0001-8071-9696
PhD of Philology, Department
of World Literature and
Teaching Methodology,
corresponding author
m-i-g@yandex.ru

¹ Moscow City University
(Moscow, Russia)

² Krasnoyarsk State
Pedagogical University named after
V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью работы является определение графического романа — адаптации как специфического субжанра графического романа и выработка единой методологии его исследования. В качестве материала исследования были выбраны франко- и англоязычные графические романы — адаптации, опубликованные с начала 2000-х годов. Отмечается, что данный субжанр становится в настоящее время одним из самых популярных в массовой литературе, что характерно для XXI столетия как века визуальной культуры. На базе обзора теоретических исследований формулируются основные характеристики графического романа — адаптации. На основе анализа произведений последних десяти лет доказывается эволюция анализируемого субжанра. В частности, отмечаются (1) модификация оригинальной сюжетной линии посредством добавления актуальных для человека XXI века тематики и проблематики; (2) усложнение образов, структуры и хронотопа; (3) выдвигание на первый план философской составляющей. Показано, что графические романы — адаптации представляется возможным разделить на два вида по критерию целевой аудитории: массовый («low brow») и интеллектуальный («high brow»). Вид «low brow» призван скорее популяризировать чтение классических текстов, а вид «high brow» представляет собой авторскую интерпретацию известного литературного произведения. Интеллектуальный вид («high brow») становится наиболее распространенным начиная с 2010-х годов.

Ключевые слова:

визуальная адаптация; графический роман; массовый вид графического романа; интеллектуальный вид графического романа; роман-адаптация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The objective of this study is to define the graphic novel adaptation as a distinct subgenre of the graphic novel and to develop a cohesive methodology for its examination. The research material comprises Franco- and Anglophone graphic novel adaptations published since the early 2000s. It is noted that this subgenre has become one of the most popular forms of mass literature, characteristic of the twenty-first century as an era of visual culture. Based on a review of theoretical studies, the fundamental characteristics of graphic novel adaptations are articulated. An analysis of works from the past decade demonstrates the evolution of the subgenre under consideration. Specifically, it is observed that (1) the original narrative line is modified through the incorporation of themes and issues relevant to twenty-first-century individuals; (2) there is an increased complexity in character development, structure, and chronotope; (3) a philosophical dimension is foregrounded. It is shown that graphic novel adaptations can be categorized into two types based on target audience: mass (“low brow”) and intellectual (“high brow”). The “low brow” type primarily aims to popularize the reading of classic texts, while the “high brow” type represents an authorial interpretation of a well-known literary work. The intellectual form (“high brow”) has become increasingly prevalent since the 2010s.

Key words:

visual adaptation; graphic novel; mass type of graphic novel; intellectual type of graphic novel; novel adaptation.

УДК 82-31:004.738.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-250-265

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Графический роман — адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов)

© Меркулова М. Г., Прудюс И. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к гибриднему жанру графического романа, который становится одним из феноменов современного литературного процесса.

Графический роман является в наши дни одним из самых популярных литературных жанров, несмотря на то, что определение его как самостоятельного жанра все еще является дискуссионным моментом как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. При этом все больше исследователей выделяют графический роман как самостоятельный жанр [Groensteen, 2005; Chute, 2008; Vaetens, 2012; Алимуратов и др., 2020; Айснер, 2022; Дубовицкая, 2022; Меркулова и др., 2023] и занимаются изучением его субжанров [Меркулова и др., 2023; Васильева, 2024; Прудюс и др., 2024], к одним из которых авторы данной статьи относят и графический роман — адаптацию.

Распадаясь на конкретные субжанры (графический роман — биография, графический роман — автофикшн, графический роман — детектив, графический роман young-adult и др.), графический роман имеет тенденцию к жанровому скрещиванию внутри произведения. В этом аспекте обозначенный субжанр, графический роман — адаптация, выделяется среди остальных, поскольку его основой становится конкретное произведение определенного автора, поэтому неоднозначно отнесение его к одному из выделенных субжанров. При этом графический роман — адаптация так же, как и остальные субжанры, может сочетать в себе несколько жанровых разновидностей.

Научная новизна исследования заключается в развернутом теоретическом исследовании литературоведческих работ отечественных и зарубежных ученых по теории визуальной и, в частности, графической адаптации с целью определить общие черты графического романа — адаптации и единую методологию его исследования.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материал исследования — франко- и англоязычные графические романы — адаптации, опубликованные в течение последних десяти лет.

Целью исследования является определение основных характеристик графического романа — адаптации. Сравнительно-исторический метод исследования позволил синтезировать существующие критические работы и выделить основные черты графического романа — адаптации, с помощью сравнительно-сопоставительного метода были проанализированы графические романы последних десятилетий с целью выявления их характерных особенностей.

Теоретической базой исследования послужили работы ученых, занимающихся исследованием современного литературного процесса и, в частности, теории адаптации [Lefevre, 1992; McFarlane, 1996; Bolter et al., 2000; Welsh, 2007; Cartmell, 2012; Hutcheon, 2013; Slethaug, 2014; Хаминова и др., 2014; Grossman, 2015; Lumière, 2015; Джумайло, 2018]. Филологи связывают высокий интерес писателей, художников, режиссеров и др. к адаптации, поскольку восприятие реальности у современного человека связано с визуальной составляющей, что коррелируется с теорией интермедиальности. Кроме того, теоретической основой являются и труды зарубежных [Айснер, 2022; Nerlich, 1990; Groensteen, 2005; Tremblay-Gaudette, 2008; Chute, 2008; Baetens, 2012; Mansanti, 2013; Rippl et al., 2013] и отечественных [Осьмухина и др., 2018; Новикова, 2019; Алимуратов и др., 2020; Дубовицкая, 2022; Васильева, 2024] филологов, изучающих графические нарративы, и в частности графический роман, определение которого в качестве самостоятельного жанра все еще остается спорным.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Визуальная адаптация как культурный феномен XXI века

В прошлом столетии и в XXI веке визуальное восприятие действительности значительно превосходит вербальное. Мы наблюдаем общий культурный сдвиг в восприятии: от слуха к зрению, поэтому появление в XX веке большого количества визуальных адаптаций художественных текстов становится закономерной. Отношение к данному явлению с самого начала было двойственным, «переделки» известных произведений воспринимались как литература второго сорта, направленная на «непрофессиональных» читателей, что отмечал еще в начале 1990-х годов А. Лефевр, разделяя «высокую литературу», направленную на филологов, и тексты «рерайты», интересные массовому читателю [Lefevre, 1992]. Мы попытаемся охарактеризовать данное явление и рассмотреть более подробно графическую адаптацию.

Адаптация как художественный феномен характеризуется передачей различных смыслов в соответствии с видением художника, что Андре Эльбо называет «транзакцией» («la transaction»). Так, адаптации, по мнению Эльбо, «бросают вызов однозначному пониманию текста, <...> они отделяют реальность [оригинала] от его дискурса <...> эти множественные подходы [к толкованию] открывают измерение, общее для медиа и театра, измерение, которое превосходит даже существующую множественность направлений: это и есть транзакция» [Helbo, 1975, p. 128]¹. То есть визуальная адаптация художественного текста по своей сути не может быть однозначной и предельно точно воспроизводить оригинал, также она не связана с конкретным периодом, в котором был создан оригинальный текст, и может отражать тенденции своего времени. Р. Барт в эссе «Критика и истина» отмечал, что после 1960-х годов «меняется само определение произведения: оно больше не является историческим фактом, а становится фактом антропологическим, поскольку никакая история не может его исчерпать» [Barthes, 1966, p. 6]. Исследователь иронично заметил, переформулировав известную идиому: «Произведение предлагает, а человек распоряжается» [Ibid.]. К примеру, до 1970—80-х годов критики часто упрекали создателей визуальных адаптаций в том, что они не были «верны» оригинальному тексту и тем самым разочаровывали зрителей [Welsh, 2007; Hutcheon, 2013]. Тенденция к сравнению оригинала и его визуальной переработки остается и в наши дни, однако сегодня все чаще адаптация считается творческим актом ее автора, у которого может быть своя версия и свое видение классического произведения: художник, создающий адаптацию и опирающийся на свой опыт, решает, какой смысл она будет нести: «Адаптации подталкивают нас переориентироваться на нашу базу знаний и отношения с предыдущими текстами, нашими “личными текстами”, и представить, что “дом” (т. е. адаптация — произведение, с которым мы взаимодействуем в данный момент. — М. М., И. П.) — это конструкция, за которой может скрываться большая серия более ранних работ, основанных на наборе идей и текстов» [Grossman, 2015, p. 21]. Таким образом, автор создает адаптации, в том числе провокационные, не только для того, чтобы шокировать читателей или зрителей, но и для того, чтобы раскрыть собственную точку зрения на современную действительность и, обратившись к классическому произведению, вызвать у реципиента критический взгляд на происходящие сегодня события.

Мы считаем, что при анализе адаптации правильнее отталкиваться от видения художника, ее создающего, поскольку он всегда, намеренно или

1 Все переводы текстов с французского и английского языков на русский принадлежат авторам статьи.

нет, демонстрирует веяния своего времени. По этой причине визуальная адаптация — это скорее новая трактовка современным художником известного произведения, а также «слияние двух видов искусства» [McFarlane, 1996], двух медиа — текста и визуальной составляющей. В XX веке такое сочетание стало распространенным явлением, поскольку литература объединяется с другими видами искусства, что по итогу дает новый медиапродукт (карикатура, кино, комиксы, графические романы и т. д.) [Cartmell, 2012] и порождает «культурную коммуникацию» [Lumière, 2015], так как в наше время одна область искусства не может быть изолирована от другой. Так, новые медиа выступают в качестве «рефлективных устройств» [Bolter et al., 2000, p. 65], с помощью которых перерабатывается форма и содержание предшествующих медиа и создается «принципиально новое сообщение» [Джумайло, 2018, с. 61], «при котором языки искусств вступают в тексте интерпретатора в сложные системы соотношений, перевода и диалога» [Хаминова и др., 2014, с. 42]. В результате в адаптации даже возможное прямое цитирование первоисточника усложняется: каждая цитата из оригинального текста может нести в себе несколько смыслов, в том числе и противоречивых, отличных от того, что она означала в первоисточнике [Slethaug, 2014]. Кроме того, новый смысл классического текста может появляться и за счет главной характеристики визуальной адаптации — взаимодействия вербальных и визуальных элементов. Так, М. Нерлих замечает, что разнородные элементы двух систем — визуальной и нарративной — в адаптации воспринимаются читателем как принадлежащие к одной парадигме, то есть, выражая одну и ту же мысль, текст и изображение существуют в диалектическом единстве [Nerlich, 1990]. Таким образом, «адаптация становится неконтролируемой» [Hutcheon, 2013, p. 13], что парадоксальным образом является ее сильной стороной и делает ее уникальным и самостоятельным произведением, а не просто «рерайтом» исходного классического текста.

3.2. Графический роман — адаптация как субжанр графического романа

Вопрос о выделении субжанра графического романа — адаптации встает довольно остро в настоящий момент, поскольку с каждым годом графических адаптаций классических текстов художественной литературы становится все больше и спрос у читательской публики на них только растет, что обусловлено не только усталостью от лонгридов и клиповым мышлением [Цветкова и др., 2020], но и общей тенденцией к визуализации в обществе. Изначально графические адаптации были направлены на школьную аудиторию, чтобы таким образом популяризировать чтение художественной литературы, но со временем они стали популярны и среди взрослой аудито-

рии, что соотносится с понятием «высокого коэффициента литературности» [Baetens, 2012, p. 205] графических романов XXI века. Кроме того, авторы современных произведений часто находят художников, вместе с которыми они превращают свой текст в графическую адаптацию (к примеру, «La guerre de Catherine» (2017) Ю. Бийе и К. Фовель по одноименному роману Бийе [Billet et al., 2017] или же «Speak» (2018) Л. Х. Андерсон и Э. Кэрролл по одноименному произведению Андерсон [Anderson et al., 2018]).

По мнению исследовательницы Е. Г. Новиковой, при переводе текста классического произведения в графическую адаптацию «более уместно использование термина “графический роман”» [Новикова, 2019, с. 76]. В свою очередь О. И. Максименко замечает, что графический роман как «неоднозначный поликодовый объект» обладает «возможностью открывать имплицитные смыслы» [Максименко, 2016, с. 112]. Однако на сегодняшний момент нет четко сформулированных поэтологических характеристик субжанра графического романа — адаптации [Васильева, 2024, с. 71], данную лакуну мы попытаемся заполнить.

Хотелось бы отдельно обратиться к статье М. В. Цветковой и Е. В. Кризской, где на примере графической адаптации романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» британской писательницы Нэнси Батлер авторы исследования выявляют основные черты «комикс-адаптации»: «уменьшение объема, снижение информативности, “домысливание”» [Цветкова и др., 2020, с. 217], а также выделение, как правило, одной основной линии в сюжете и доминирующей черты в характере персонажа, в том числе с помощью графических элементов (гротескное изображение эмоций, карикатурность и пр.). Все обозначенные характеристики подходят и выделяемому нами субжанру — графическому роману — адаптации, к которому возможно отнести и указанную адаптацию классического романа Остин. Но не всегда выделяемые характеристики являются постоянными. Так, действительно, в начале 2000-х годов нередко графические адаптации привлекали внимание читательской аудитории эпатажной историей или графикой. В качестве примера можно рассмотреть графический роман Д. З. Майровитца и А. Коркоса «“Преступление и наказание” Федора Достоевского» (*Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment*, 2008) [Korkos et al., 2008], где действие романа классика XIX века переносится в 1990-е годы в России, персонажи перевоплощаются в представителей маргинального класса того времени, акцент делается на убийстве Алены Ивановны, которое прорисовано на нескольких страницах. В отличие от этой книги в графическом романе французского писателя и художника Б. Лукья «Преступление и наказание» (*Crime et Châtiment*, 2019) [Loukia, 2019], написанном 11 лет спустя, заметна трансформация исследуемого субжанра:

действительность XIX столетия и несколько сюжетных линий сохраняются, характеры и графические образы главных героев усложняются, сцена убийства не становится центральной, а философская составляющая выходит на первый план.

3.3. Массовый («low brow») и интеллектуальный («high brow») виды графического романа — адаптации

Таким образом, нам представляется возможным, согласившись с характеристиками, уже выделенными филологами, разделить графический роман — адаптацию, все же разграничивая его с комиксом, на два вида: массовый («low brow») и интеллектуальный («high brow»). Однако существует мнение, что такое разделение в современном литературном процессе довольно спорно [Сибрук, 2020], но графические романы — адаптации, появившиеся в последние десять лет, все же заметно (содержательно и тематически) отличаются от ранних графических адаптаций, о чем мы писали выше.

К массовому виду следует отнести графические романы, больше направленные на ознакомление с текстом оригинального классического произведения и способствующие популяризации чтения в визуальный XXI век. К интеллектуальному виду мы полагаем обоснованным отнести графические романы — адаптации, представляющие собой авторскую трактовку классического текста и соотносимые, к примеру, с режиссерской версией классического произведения в кино или театре, где все же определяющим становится взгляд перерабатывающего оригинальный текст художника согласно своему видению, актуальному для его времени. Например, в своей недавней статье Э. В. Васильева анализирует графическую адаптацию готической новеллы Дж. Ш. Ле Фаню «Кармила» в интерпретации американских авторов азиатского происхождения Эми Чу и Су Ли (*Carmilla. The First Vampire*, 2023) [Chu, 2023] с точки зрения трактовки центрального женского образа как сильной фигуры (в отличие от викторианской традиции) в соединении с осмыслением «проблемы антиазиатских настроений в американском обществе» [Васильева, 2024, с. 73], что, безусловно, отступает от прецедентного текста XIX века. К интеллектуальному виду мы относим и переработанные авторами современные романы (совместно с художниками), где они не упрощают заложенный в оригинальный текст смысл, а, напротив, усложняют его добавлением визуального ряда, например, указанные выше графические романы Ю. Бийе, Клер Фовель, Л. Х. Андерсон, Э. Кэрролл.

Так, выделяя в качестве доминирующего после 2010 года интеллектуального вида графического романа — адаптации, к выделенным характеристикам следует добавить модификацию оригинальной сюжетной линии

посредством добавления актуальных для человека XXI века тематики и проблематики, авторскую трактовку центральных образов, которая нередко расходится с видением создателя оригинала, переработку структуры и хронотопа прецедентного текста. Кроме того, визуальная составляющая таких произведений часто представлена не в гротескной манере, а, напротив, в довольно сложном графическом стиле, например, это могут быть акварельные эскизы, отсылка к изобразительной манере реалистов, импрессионистов, авангардистов и т. д. В случае, когда автор текстовой части графического романа является и автором исходного текста, тогда его работа с художником еще больше усложняется, поскольку создаваемый ими художественный мир должен соответствовать их общему видению.

4. Заключение = Conclusions

Итак, определив основные черты графического романа — адаптации, можно сделать следующие выводы. Данный субжанр становится в настоящее время одним из самых популярных в массовой литературе, что характерно для XXI столетия как века визуальной культуры. Однако многие графические романы — адаптации, созданные в последнее десятилетие, представляют собой далеко не литературный субпродукт, ориентированный только на массового читателя, скорее даже наоборот — эти произведения усложняются как на содержательном, так и на структурном уровнях. Поэтому представляется закономерным выделение двух видов графических романов — адаптаций: массовый («low brow») и интеллектуальный («high brow»), каждый из которых направлен на определенную аудиторию. В приведенной ниже таблице представлены несколько примеров различных графических романов — адаптаций с их разделением, на наш взгляд, на массовый и интеллектуальный виды (табл.).

Вид «low brow» призван скорее популяризировать чтение классических текстов, а вид «high brow» представляет собой авторскую интерпретацию известного литературного произведения, направленную в первую очередь на современного читателя и поднимающую актуальные для 2010—2020-х годов проблемы. Отдельно выделим графические романы — адаптации, созданные авторами исходных текстов при совместной работе с художниками, где само «упрощение» оригинального текста не представляется уместным определением, поскольку это сложное взаимодействие сценариста (автора оригинального произведения) и иллюстратора, при котором часто рождается совершенно новое произведение, с собственной проблематикой, отличающейся от прецедентного текста.

Таким образом, следует говорить о развитии субжанра графического романа — адаптации в настоящий момент, о его постоянной модифика-

Таблица

Примеры графических романов — адаптаций с их разделением
на массовый и интеллектуальный виды

Массовый («low brow») вид графического романа — адаптации	Интеллектуальный вид («high brow») графического романа — адаптации		
	Работа автора исходного текста и художника	Работа сценариста и художника	Адаптация сценариста и художника в одном лице
Давид Зейн Майровиц и Алан Коркос «Преступление и наказание Федора Достоевского» (<i>Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment</i> , 2008) [Korkos et al., 2008]	Юлия Бийе и Клер Фовель «Война Катрин» (<i>La guerre de Catherine</i> , 2017) [Billet et al., 2017]	Фанни Бритт, Изабель Арсено «Джейн, Лиса и я» (<i>Jane, the Fox and Me</i> , 2013) [Britt et al., 2013]	Жоан Сфар «Маленький принц» (<i>Le Petit Prince</i> , 2010) [Sfar, 2010]
Рой Томас, Себастьян Фьюмара «Портрет Дориана Грея» (<i>Marvel Illustrated: Picture of Dorian Gray</i> , 2007) [Thomas et al., 2009]	Лори Холс Андерсон и Эмили Кэрролл «Говори» (<i>Speak: The Graphic Novel</i> , 2018) [Anderson et al., 2018]	Мелисса Джейн Осборн, Вероника Фиш «Венди» (<i>The Wendy Project</i> , 2018) [Fish et al., 2017]	Катрин Мёрисс «Делакура» (<i>Delacroix</i> , 2019) [Meurisse, 2019]
Майкл Форд, Пенко Гелев, Сотир Гелев «Горбун из Нотр-Дама» (<i>Graphic Classics: the Hunchback of Notre Dame</i> , 2007) [Ford et al., 2007]		Ари Фольман, Дэвид Полонски «Дневник Анны Франк» (<i>Anne Frank's Diary</i> , 2018) [Folman et al., 2018]	Виржил Дюрёй «В лесах Сибири» (<i>Dans les forêts de Sibérie</i> , 2019) [Dureuil, 2019]
Люк Ферри, Клотильда Брюно, Симон Шампеловье, Джузеппе Бгера «Мудрость мифов: Прометей и ящик Пандоры» (<i>La Sagesse des Mythes. Promethee et la Boite de Pandore</i> , 2016, вариант образовательного графического романа для ознакомления в школе с мифами древней Греции) [La Sagesse ..., 2016]		Эми Чу «Кармила. Первый вампир» (<i>Carmilla. The First Vampire</i> , 2023); Ли Су выступает иллюстратором [Chu, 2023]	Бастьен Лукья, «Преступление и наказание» (<i>Crime et Châtiment</i> , 2019) [Loukia, 2019]

ции и скрещивании с другими субжанрами, например, с биографическим графическим романом, где часто биография автора переплетена с его знаменитыми текстами (к примеру, в книгах Б. Эггер «Москва, одержимая дьяволом» (2013) или П. Кристена и С. Вердые «Оруэл» (2021)). Следовательно, с помощью предложенной методологии возможно дальнейшее углубление анализа графического романа — адаптации с точки зрения выделения в нем разножанровых фрагментов и определения их специфических характеристик.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Anderson L. H. Speak : The Graphic Novel / L. H. Anderson, E. M. Carroll.* — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2018. — 384 p. — ISBN 0374300283.
2. *Billet J. Guerre de Catherine / J. Billet, C. Fauvel.* — Paris : Rue de Sevres, 2017. — 168 p. — ISBN 2369813628.
3. *Britt F. Jane, the Fox and Me / F. Britt, I. Arsenault.* — Toronto : Groundwood Books, 2013. — 104 p. — ISBN 1554983606.
4. *Chu A. Carmilla : The First Vampire / A. Chu.* — Milwaukie, OR : Dark Horse Books, 2023. — 112 p. — ISBN 1506734642.
5. *Dureuil V. Dans les forêts de Sibérie / V. Dureuil.* — Bruxelles : Casterman, 2019. — 112 p. — ISBN 2203198826.
6. *Fish V. The Wendy Project / V. Fish, M. J. Osborn.* — New York : Papercutz, 2017. — 96 p. — ISBN 16299176999.
7. *Folman A. Anne Frank's Diary / A. Folman, D. Polonsky.* — New York : Pantheon Books, 2018. — 160 p. — ISBN 9781101871799.
8. *Ford M. Graphic Classics the Hunchback of Notre Dame Paperback / M. Ford, P. Gelev, S. Gelev.* — New York : B.E.S. Publishing, 2007. — 48 p. — ISBN 0764134930.
9. *Korkos A. Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment / A. Korkos, D. Z. Mairowitz.* — London : Metro Media Limited, 2008. — 128 p. — ISBN 0955816947.
10. *La Sagesse des mythes : Prométhée et la boîte de Pandore / C. Bruneau, G. Baiguera, D. Poli, S. Champelovier, L. Ferry.* — Meylan : Glénat Presse S. A., 2016. — 56 p. — ISBN 2344001646.
11. *Loukia B. Crime et châtiment / B. Loukia.* — Paris : Philippe Rey, 2019. — 159 p. — ISBN 2848767375.
12. *Meurisse C. Delacroix / C. Meurisse.* — Paris : Dargaud, 2019. — 140 p. — ISBN 2205082876.
13. *Sfar J. Le Petit Prince / J. Sfar.* — New York : Clarion Books, 2010. — 112 p. — ISBN 0547443307.
14. *Thomas R. The Picture of Dorian Gray (Marvel Illustrated) / R. Thomas, S. Fiumara.* — New York : Marvel Enterprises, 2009. — 152 p. — ISBN 0785126562.

Литература

1. *Айснер У.* Комикс и последовательное искусство / У. Айснер ; пер. с англ. М. Заславского. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 192 с. — ISBN 978-5-00-117675-6.
2. *Алимурадов О. А.* Графический роман : веки эволюции жанра в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Черты креолизации в текстовом пространстве графического романа как переводческая значимая особенность / О. А. Алимурадов, В. З. Шубитидзе // Филологический аспект. — 2020. — № 09 (65). — С. 54—74.
3. *Васильева Э. В.* Трансформация готической поэтики в графическом романе-адаптации (на материале графического романа Эми Чу и Су Ли «Кармила. первый вампир») / Э. В. Васильева // Сибирский филологический форум. — 2024. — № 1 (26). — С. 69—79.
4. *Джумайло О. А.* Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании / О. А. Джумайло // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 4 (15). — С. 58—62. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10197.
5. *Дубовицкая М. А.* Американский графический роман : мультимодальность и идентичность / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 228—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246.
6. *Максименко О. И.* Адаптация художественного произведения : от романа к комиксу / О. И. Максименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2016. — № 2. — С. 111—116. — DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-111-116.
7. *Меркулова М. Г.* Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) / М. Г. Меркулова, И. Г. Прудис // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — Выпуск 10. — С. 3379—3385. — DOI: 10.30853/phil20230522.
8. *Новикова Е. Г.* Ф. М. Достоевский в японских комиксах / Е. Г. Новикова // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2019. — № 19. — С. 75—94. — DOI: 10.17223/23062061/19/6.
9. *Осьмухина О. Ю.* Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера «Sin city» («город грехов») : к проблеме реинтерпретации / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев. Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (81). — С. 49—52. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-1.11.
10. *Прудис И. Г.* Черты романа инициации в биографическом графическом романе Пьера Кристиана и Себастьяна Вердые «Оруэлл» / И. Г. Прудис, Н. С. Шалимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — № 3. — С. 762—767. — DOI: 10.30853/phil20240108.
11. *Сибрук Д.* Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / Д. Сибрук. — Москва : Ад Маргинем, 2020. — 240 с. — ISBN 978-5-91103-121-3.
12. *Хаминова А. А.* Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А. А. Хаминова, Н. Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38—45. — DOI: 10.17223/15617793/389/5.
13. *Цветкова М. В.* Комикс Н. Батлер «Гордость и предубеждение» как вариант прочтения одноименного романа Дж. Остин / М. В. Цветкова, Е. В. Кризская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — № 17 (2). — С. 217—231. — DOI: 10.21638/spbu09.2020.204.
14. *Baetens J.* Le roman graphique / J. Baetens // La bande dessinée : une médiaculture. — Paris : Armand Colin, coll. “Médiacultures”, 2012. — Pp. 200—216.

15. *Barthes R.* Critique et vérité / R. Barthes. — Paris : Éditions du Seuil, 1966. — 79 p. — ISBN 10: 2020019310.
16. *Bolter J. D.* Remediation. Understanding New Media / J. D. Bolter, R. Grusin. — Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 2000. — 295 p. — ISBN 0-262-02452-7.
17. *Cartmell D.* A Companion to Literature, Film, and Adaptation / D. A. Cartmell. — New Jersey : Wiley-Blackwell, 2012. — 448 p. — ISBN 978-1-4443-3497-5.
18. *Chute H.* Comics as literature? Reading graphic narrative / H. Chute // Publications of the Modern Language Association of America. — 2008. — № 123 (2). — Pp. 452—465. — DOI: <https://doi.org/10.1632/pmla.2008.123.2.452>.
19. *Groensteen T.* La bande dessinée : une littérature graphique / T. Groensteen. — Toulouse — Milan : Les Essentiels Milan, 2005. — 63 p. — ISBN-10: 2745910396.
20. *Grossman J.* Literature, Film, and Their Hideous Progeny / J. Grossman. — London : Macmillan, 2015. — 238 p. — ISBN-10.1349565237.
21. *Helbo A.* Sémiologie de la représentation : Théâtre, télévision, bande dessinée (Creusets) / A. Helbo. — Bruxelles : Éditions Complexe, 1975. — 195 p.
22. *Hutcheon L.* A Theory of Adaptation / L. Hutcheon. — London : Routledge, 2013. — 304 p. — ISBN 9780415539388.
23. *Lefevere A.* Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame / A. Lefevere. — London ; New York : Routledge, 1992. — 150 p. — ISBN 9781138208742.
24. *Lumière E.* Müller Jürgen E. et le concept d'intermédialité [Electronic resource] / E. Lumière. — 2015. — Access mode : <https://cinemadoc.hypotheses.org/3457> (accessed 11.04.2024).
25. *Mansanti C.* Le roman graphique [Electronic resource] / C. Mansanti. — 2013. — Access mode : https://www.fabula.org/actualites/journee-d-etudes-sur-le-roman-graphique-amiens-le-5-juin-2014-departement-d-anglais-de-l_58818.php (accessed 23.04.2024).
26. *McFarlane B.* Novel to Film. An Introduction to the Theory of Adaptation / B. McFarlane. — Oxford : Clarendon Press; New York : Oxford University Press, 1996. — 279 p. — ISBN-10: 0198711506.
27. *Nerlich M.* Qu'est-ce qu'un iconotexte ? Réflexions sur le rapport texte-image photographique / M. Nerlich // Iconotextes : actes du colloque international tenu à l'Université Blaise Pascal, Clermont-Ferrand, 17—19 mars 1988. — Paris : Ophrys, 1990. — Pp. 255—302.
28. *Rippl G.* Intermediality, transmediality and graphic narrative / G. Rippl, L. Etter // From comic strips to graphic novels : contributions to the theory and history of graphic narrative : collection of articles. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2013. — Pp. 157—179.
29. *Slethaug G. E.* La théorie de l'adaptation et critique. Littérature et cinéma post-modernes aux États-Unis / G. E. Slethaug. — London : Bloomsbury Academic, 2014. — 288 p. — ISBN 1623562015.
30. *Tremblay-Gaudette G.* Tensions, prétentions et galvaudage ; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord [Electronic resource] / G. Tremblay-Gaudette. — 2008. — Access mode : <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques> (accessed 26.04.2024).
31. *Welsh J.* The Literature/Film Reader. Issues of Adaptation / J. Welsh. — London : The Scarecrow Press, Inc, 2007. — 361 p. — ISBN 0810859491.

Статья поступила в редакцию 31.05.2024,
одобрена после рецензирования 29.07.2024,
подготовлена к публикации 31.07.2024.

Material resources

- Anderson, L. H., Carroll, E. M. (2018). *Speak: The Graphic Novel*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 384 p. ISBN 0374300283.
- Billet, J., Fauvel, C. (2017). *Guerre de Catherine*. Paris: Rue de Sevres. 168 p. ISBN 2369813628.
- Britt, F., Arsenault, I. (2013). *Jane, the Fox and Me*. Toronto: Groundwood Books. 104 p. ISBN 1554983606.
- Bruneau, C., Baiguera, G., Poli D., Champelovier, S., Ferry, L. (2016). *La Sagesse des mythes: Prométhée et la boîte de Pandore*. Meylan: Glénat Presse S. A. 56 p. ISBN 2344001646. (In French).
- Chu, A. (2023). *Carmilla: The First Vampire*. Milwaukie, OR: Dark Horse Books. 112 p. ISBN 1506734642.
- Dureuil, V. (2019). *Dans les forêts de Sibérie*. Bruxelles: Casterman. 112 p. ISBN 2203198826.
- Fish, V., Osborn, M. J. (2017). *The Wendy Project*. New York: Papercutz. 96 p. ISBN 16299176999.
- Folman, A., Polonsky, D. (2018). *Anne Frank's Diary*. New York: Pantheon Books. 160 p. ISBN 9781101871799.
- Ford, M., Gelev, P., Gelev, S. (2007). *Graphic Classics the Hunchback of Notre Dame Paperback*. New York: B.E.S. Publishing. 48 p. ISBN 0764134930.
- Korkos, A., Mairowitz, D. Z. (2008). *Fyodor Dostoevsky's Crime&Punishment*. London: Metro Media Limited. 128 p. ISBN 0955816947.
- Loukia, B. (2019). *Crime et châtiment*. Paris: Philippe Rey. 159 p. ISBN 2848767375.
- Meurisse, C. (2019). *Delacroix*. Paris: Dargaud. 140 p. ISBN 2205082876.
- Sfar, J. (2010). *Le Petit Prince*. New York: Clarion Books. 112 p. ISBN 0547443307.
- Thomas, R., Fiumara, S. (2009). *The Picture of Dorian Gray (Marvel Illustrated)*. New York: Marvel Enterprises. 152 p. ISBN 0785126562.

References

- Alimuradov, O. A., Shubitidze, V. Z. (2020). Graphic novel: milestones in the evolution of the genre in English-speaking and Russian-speaking linguistic cultures. Features of creolization in the text space of a graphic novel as a translationally significant feature. *Philological aspect, 09 (65): 54—74*. (In Russ.).
- Baetens, J. (2012). Le roman graphique. In: *La bande dessinée: une médiaculture*. Paris: Armand Colin, coll. "Médiacultures". 200—216. (In Frenc.).
- Barthes, R. (1966). *Critique et vérité*. Paris: Éditions du Seuil. 79 p. ISBN 10: 2020019310.
- Bolter, J. D. (2000). *Remediation. Understanding New Media*. Cambridge, Madssachusetts: The MIT Press. 295 p. ISBN 0-262-02452-7.
- Cartmell, D. A. (2012). *Companion to Literature, Film, and Adaptation*. New Jersey: Wiley-Blackwell. 448 p. ISBN 978-1-4443-3497-5.
- Chute, H. (2008). Comics as literature? Reading graphic narrative. *Publications of the Modern Language Association of America, 123 (2): 452—465*. DOI: 10.1632/pmla.2008.123.2.452.
- Dubovitskaya, M. A. (2022). American graphic Novel: Multimodality and Identity. *Nauchnyi dialog, 11 (3): 228—246*. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246 (In Russ.).
- Eisner, W. (2022). *Comics and sequential art*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. 192 p. ISBN 978-5-00-117675-6. (In Russ.).

- Groensteen, T. (2005). *La bande dessinée: une littérature graphique*. Toulouse — Milan: Les Essentiels Milan. 63 p. ISBN-10: 2745910396. (In Ital.).
- Grossman, J. (2015). *Literature, Film, and Their Hideous Progeny*. London: Macmillan. 238 p. ISBN-10.1349565237.
- Helbo, A. (1975). *Sémiologie de la représentation: Théâtre, télévision, bande dessinée (Cruets)*. Bruxelles: Éditions Complexe. 195 p. (In Franc.).
- Hutcheon, L. (2013). *A Theory of Adaptation*. London: Routledge. 304 p. ISBN 9780415539388.
- Jumailo, O. A. (2018). The concept of intermediality and its evolution in modern scientific knowledge. *The Upper Volga Philological Bulletin*, 4 (15): 58—62. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10197. (In Russ.).
- Khaminova, A. A., Zilberman, N. N. (2014). Theory of intermediality in the context of modern humanities. *Bulletin of Tomsk State University*, 389: 38—45. DOI: 10.17223/15617793/389/5. (In Russ.).
- Lefevre, A. (1992). *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London; New York: Routledge. 150 p. ISBN 9781138208742.
- Lumière, E. (2015). *Müller Jürgen E. et le concept d'intermédialité*. Available at: <https://cinemadoc.hypotheses.org/3457> (accessed 11.04.2024).
- Maksimenko, O. I. (2016). Adaptation of a work of fiction: from a novel to a comic. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 2: 111—116. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-111-116. (In Russ.).
- Mansanti, C. (2013). *Le roman graphique*. Available at: https://www.fabula.org/actualites/journee-d-etudes-sur-le-roman-graphique-amiens-le-5-juin-2014-departement-d-anglais-de-1_58818.php (accessed 23.04.2024).
- McFarlane, B. (1996). *Novel to Film. An Introduction to the Theory of Adaptation*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press. 279 p. ISBN-10: 0198711506.
- Merkulova, M. G., Prudius, I. G. (2023). The genre of the graphic novel: towards the formulation of the problem (based on the material of modern French- and English-language texts). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 16 (10): 3379—3385. DOI: 10.30853/phil20230522. (In Russ.).
- Nerlich, M. (1990). Qu'est-ce qu'un iconotexte ? Réflexions sur le rapport texte-image photographique. In: *Iconotextes: actes du colloque international tenu à l'Université Blaise Pascal, Clermont-Ferrand, 17—19 mars 1988*. Paris: Ophrys. 255—302. (In Franc.).
- Novikova, E. G. (2019). F. M. Dostoevsky in Japanese comics. *Text. Book. Book publishing*, 19: 75—94. DOI: 10.17223/23062061/19/6. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Kuryaev, I. R. (2018). Synthesis of comics and noir stylistics in the series of “graphic novels” by F. Miller “Sin city” (“sin city”): on the problem of reinterpretation. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 3 (81): 49—52. DOI: 10.30853/filnauki.2018-3-1.11. (In Russ.).
- Prudius, I. G., Merkulova, M. G. (2024). Features of the novel of initiation in the biographical graphic novel by Pierre Kristen and Sebastian Verdier “Orwell”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 3: 762—767. DOI: 10.30853/phil20240108. (In Russ.).
- Rippl, G. (2013). Intermediality, transmediality and graphic narrative. In: *From comic strips to graphic novels: contributions to the theory and history of graphic narrative: collection of articles*. Berlin: De Gruyter Mouton. 157—179.
- Seabrook, D. (2020). *Nobrow. Marketing culture. Marketing of culture*. Moscow: Ad Marginem. 240 p. ISBN 978-5-91103-121-3. (In Russ.).

- Slethaug, G. E. (2014). *La théorie de l'adaptation et critique. Littérature et cinéma postmodernes aux États-Unis*. London: Bloomsbury Academic. 288 p. ISBN 1623562015.
- Tremblay-Gaudette, G. (2008). *Tensions, prétentions et galvaudage; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord*. Available at: <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques> (accessed 26.04.2024).
- Tsvetkova, M. V., Krizskaya, E. V. (2020). N. Butler's comic strip "Pride and Prejudice" as a variant of reading the novel of the same name by J. Austin. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 17 (2): 217—231. DOI: 10.21638/spbu09.2020.204. (In Russ.).
- Vasilyeva, E. V. (2024). Transformation of Gothic poetics in a graphic novel adaptation (based on the graphic novel by Amy Chu and Su Lee "Carmilla. The first vampire"). *Siberian Philological Forum*, 1 (26): 69—79. (In Russ.).
- Welsh, J. (2007). *The Literature/Film Reader. Issues of Adaptation*. London: The Scarecrow Press, Inc. 361 p. ISBN 0810859491.

*The article was submitted 31.05.2024;
approved after reviewing 29.07.2024;
accepted for publication 31.07.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор» / О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 266—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286.

Osmukhina, O. Yu. (2024). Artistic Peculiarities of Mikhail Volkov’s Collection “Tales of Antrop from Fox Hills”. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 266-286. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Художественное
своеобразие сборника
Михаила Волкова
«Байки Антропа
из Лисьих Гор»**

Осьмухина Ольга Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Scopus Author ID: 57197735209
WoS ResearcherID: P-3379-2017
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
osmukhina@inbox.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

**Artistic Peculiarities
of Mikhail Volkov’s
Collection “Tales
of Antrop from Fox Hills”**

Olga Yu. Osmukhina
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Scopus Author ID: 57197735209
WoS ResearcherID: P-3379-2017
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется неоднократно переизданный в конце 1920-х годов сборник М. И. Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор». Отмечается характерная для первого послеоктябрьского десятилетия тенденция к циклизации — объединению новелл в книги и сборники. Материалом для исследования послужили издания 1926 года и переиздания 1927 года, отражающие изменение авторского замысла: смысловую и тематическую переакцентуацию. Цель исследования — выявление художественной специфики книги М. Волкова. Задачи: осмысление функциональной роли заглавия и предисловия сборника как частей заголовочно-финального комплекса; характеристика образа фиктивного автора-нарратора; исследование жанровых особенностей книги. Установлено, во-первых, что если в первом издании значимой была фигура нарратора, его повествовательная манера, способ рассказывания историй, то в переизданиях более важен повествуемый мир. Во-вторых, фиктивный автор-нарратор Дед Антроп посредством сказовой манеры в серии «баек» описывает смешной мир деревни, медленно меняющийся и перестраивающийся в первое постреволюционное десятилетие. В-третьих, в жанровом отношении новеллы сборника тяготеют к анекдоту. Показано, что в центре парадоксально развивающегося, комического сюжета оказывается сам рассказчик, преподносящий все истории как жизненный «факт», изложенный в игровой форме.

Ключевые слова:

русская проза; творчество Михаила Волкова; новеллистика; байка; анекдот; комический сюжет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the Mikhail Volkov's collection "Tales of Antrop from Fox Hills", which was repeatedly republished in the late 1920s. It notes the characteristic trend of cyclicity in the first decade after the October Revolution: uniting novellas into books and collections. The study is based on the 1926 editions and the reprints of 1927, reflecting a change in the author's concept: a semantic and thematic reorientation. The research aims to identify the artistic specificity of M. Volkov's book, with tasks including understanding the functional role of the title and preface of the collection as parts of the header-final complex, characterizing the image of the fictional author-narrator, and exploring the genre features of the book. It is established, firstly, that while in the first edition, the narrator's figure, his narrative style, and storytelling method were significant, in reprints, the narrated world becomes more important. Secondly, the fictional author-narrator, Grandpa Antrop, describes the humorous world of the village slowly changing and restructuring in the first post-revolutionary decade through a storytelling manner in a series of "tales." Thirdly, in terms of genre, the novellas in the collection tend towards anecdote. It is shown that at the core of the paradoxically developing, comedic plot is the storyteller himself, presenting all stories as a life "fact" presented in a playful form.

Key words:

Russian prose; Mikhail Volkov's works; novella; tale; anecdote; comedic plot.

УДК 821.161.1Волков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор»

© Осьмухина О. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что 1920-е годы в отечественной словесности характеризуются активизацией писательского интереса к малым жанровым формам [Агеева, 2014; Ершов, 1977; Звягина, 2002; Кудрина, 2003; Лейдерман и др., 1991; Пономарёва, 2006]. По справедливому мнению Н. Л. Лейдермана, «рассказ набирает силу в ситуации духовного кризиса, на разломах эпох. В такую пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы, мифологемы, табу и клише, рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только “прорезавшихся”, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности. И не просто заявить, а “оконтурить”, сделать наглядно-зримой и тем самым подвергнуть её проверке «целым миром», воплощённым в нём эстетическим законом жизни» [Лейдерман, 2005, с. 192—193]. Соответственно, *актуальность* настоящего исследования объясняется необходимостью пристального изучения русского рассказа 1920-х годов на материале конкретных писательских практик, что позволит в итоге составить полную и безоценочную картину отечественной малой прозы этого периода.

Подчеркнем, что при всей изученности и разработанности советского периода истории отечественной литературы XX столетия, многие ее аспекты, творчество отдельных «персонажей» этого обильного на значительные фигуры и заметные творческие достижения периода остаются если не “за кадром”, то явно на периферии исследовательского интереса. Особенно это касается писателей, условно говоря, не первого плана, к каковым со всей очевидностью можно отнести и М. И. Волкова (сразу оговоримся, что подобная «типология» ни в коей мере не умаляет ни его литературных достоинств, ни места в истории ранней советской словесности). Автор весьма популярных «Задиристых рассказов» (1925), «Баек Антропа из Лисьих гор» (1926, 1927), в отличие от других творцов малой прозы

1920-х годов (к примеру, М. М. Зошенко, М. А. Булгакова или В. Я. Шишкова), М. И. Волков, входивший в пореволюционную пору в «Кузницу», относящуюся к литературному мейнстриму [Владимирский, 1966; Полякова, 1973; Долженко, 1984], теперь мыслится писателем «второго ряда», и в настоящее время творчество его фактически забыто. *Научная новизна* настоящей статьи состоит в том, что, во-первых, целостный анализ переизданного дважды сборника рассказов М. И. Волкова не предпринимался. Во-вторых, научная новизна определяется самим материалом: переиздания книги М. Волкова, за исключением упоминаний в ряду других новеллистических сборников 1920-х годов и отдельных замечаний об авторской маске, специфике фигуры рассказчика и его сказовой манеры в «Байках...» 1926 года [Ершов, 1977; Осьмухина, 2009, 2013, 2015], фактически вводят-ся в научный оборот.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отметим, что уже прижизненная репутация М. Волкова-новеллиста была достаточно высока, о чем свидетельствуют вышедшее уже в 1928 году его двухтомное собрание сочинений [Волков, 1928], включение сведений о нём в прижизненные справочные и энциклопедические издания [Волков Михаил Иванович ..., 1930; Писатели современной эпохи ..., 1928], положительные отзывы о его творчестве коллег по литературному цеху, к примеру, М. Горького или А. Неверова [Осьмухина, 2013] и литературных критиков, прочивших долголетие его произведениям [Клейнборт, 1924; Владиславлев, 1928; Пакентрейгер, 1930; Полонский, 1988; Пчелинцев, 1924]. Так, еще 14 февраля 1922 года М. Волков получает письмо от А. С. Неверова, в котором, помимо замечаний и пожеланий начинающему автору, А. Неверов в завершение подчеркивает: «<...> я вас считаю за писателя в лучшем смысле. В вас есть душевная боль, которую вы прячете и которая выражается у вас не гоголевской горечью сквозь смех, а преувеличенной сгущенной шуткой с благоприятным исходом» [Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову].

Литературный критик и редактор журнала «Темы жизни» Л. М. Клейнборт, характеризуя деятельность поколения писателей, пришедших в литературу после Октября, полагает, что из «неотличимых» друг от друга пролеткультовцев М. Волков явно выделяется оригинальностью «в области образного письма»: «Его краски пестры, очертания четок; язык сжат, но остер <...> И все это живет, движется» [Клейнборт, 1924, с. 227]. Работая над «Очерками народной литературы (1880—1923 годы)», Л. М. Клейнборт дважды обращался с настоятельной просьбой именно к М. И. Волкову прислать «подробную записку о себе и своей жизни», литературных «контак-

тах», «бытовой обстановке», а также фотографию, поскольку «все видные балетристы прислали мне целые записки о себе. Прошу и Вас не замедлить (подчеркнуто автором цитаты. — *О. О.*) с присылкой материала. Это необходимо в кратчайший срок» [Письма Клейнборта Л. М. Волкову М. И.]

Вяч. Полонский — один из самых авторитетных критиков первого советского десятилетия, руководитель Литиздата, редактор «Нового мира» и «Красной нивы» — отмечал, говоря о литературных движениях XX века: «И если “Кузница” останется в литературе, то лишь благодаря тому обстоятельству, что в ее среде оказались писатели, сумевшие преодолеть схематическое теоретизирование и давшие ряд настоящих литературных произведений. Декларация “Кузницы” забудется. С именами же Ф. Гладкова, М. Волкова, В. Бахметьева, Н. Ляшко, М. Герасимова <...> должен будет посчитаться историк литературы» [Полонский, 1988, с. 409].

Начиная с публикации в 1919 году рассказа «Сказ о мужике Акиме» в журнале «Гудки» М. И. Волков относился к писателям социально ангажированным: будучи выходцем из крестьян, в 1920—1922 годах он заведовал литературным отделом Московского Пролеткульта и не только разделял новую постреволюционную государственную идеологию, но и писал рассказы на темы ранней советской литературы (строительство «нового мира», сатирическое изображение «Руси уходящей», воспитание нового советского человека и др.), на что указывал и авторитетный советский историк литературы П. С. Коган, отмечая, что Волков «умно издевается над суевериями и невежеством», изображает старую Россию, «обреченную, доживающую свои дни» [Коган, 1927, с. 70—71]. Спад интереса к творчеству М. Волкова, произведения которого так или иначе пропагандируют идеологию нарождающегося советского строя, на наш взгляд, обусловлен сменой идеологической и эстетической парадигмы.

Материал исследования составил выходявший в двух книгах и неоднократно переиздававшийся сборник М. Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор», отдельные рассказы которого печатались и в составе других сборников прозаика [Волков, 1926, 1927а, 1927б, 1928], а также словарные и энциклопедические статьи о писателе [Волков Михаил Иванович, 1930; Писатели современной эпохи, 1928], архивные материалы Российского государственного архива литературы и искусства [Письма Клейнборта Л. М. Волкову М. И.] и Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) [Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову].

В статье был использован **комплексный подход**, объединяющий принципы **социокультурного, сравнительно-исторического методов**. Значимым в нашем инструментарии был **метод целостного анализа** литера-

турного произведения, давший возможность осмыслить проблемно-тематические особенности новеллистики М. Волкова в неразрывной связи и единстве с её жанровым уровнем.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения отечественной малой прозы 1920-х годов в целом [Агеева, 2014; Звягина, 2002; Кудрина, 2003; Лейдерман, 2005; Лейдерман, Липовецкий, 1991; Пономарёва, 2006] и творчества М. Волкова в частности [Клейнборт, 1924; Владиславлев, 1928; Якубовский, 1929; Пакентрейгер, 1930; Полонский, 1988; Пчелинцев, 1924; Владимирский, 1966; Полякова, 1973; Долженко, 1984; Ершов, 1977; Осьмухина, 2009, 2013, 2015].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жанровой специфике малой прозы, непосредственно творчеству отечественных прозаиков 1920-х годов, а также при составлении антологий советского рассказа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заглавие и предисловие «Баяк...» как часть заголовочно-финального комплекса

Неоднократно переиздававшийся в конце 1920-х годов сборник М. Волкова, в котором прозаик явно выходит за обозначенную в заглавии жанровую номинацию, явился средством соединения новеллистической мобильности, повествовательной выразительности и эпической масштабности: глазами и сказовым словом героя-нарратора изображаются эпически масштабные постреволюционные преобразования, «ломка» старого мира, но события эти сконцентрированы на пространстве локальном. Примечательно, что «Байки Антропа из Лисьих гор» во втором издании имеют другое название — «Лисьи горы. Байки», в котором со всей очевидностью смещается смысловой акцент. Если в первом издании в заголовке акцентировалось внимание на авторе-рассказчике и соответственно горизонт читательских ожиданий предполагал процесс рассказывания автогероем, то в переиздании происходит переакцентуация, смещение фокуса внимания с процесса наррации, фигуры повествователя («*Байки Антропа...*») на жанр, маркируемый хронотопом, на сам повествуемый мир («*Лисьи горы. Байки*»). Жанровая номинация «*байка*», сохраняющаяся при переиздании, отнюдь не случайна и подчеркивает непосредственную связь книги с фольклором. Как справедливо указывал Л. Ф. Ершов, в творчестве М. Волкова обнаруживается явная опора на фольклорно-сказовую традицию, «идущую от расшника, анекдота, народной легенды, сатирической сказки» [Ершов, 1977, с. 164].

Первое издание «баек» открывается «Оговоркой», эквивалентной традиционному предисловию, где рассказчик замечает: «Уж вы, граждане, братцы-товарищи, извините старика: — может, и не по годам пустяшным делом занялся. Года на шестой десяток перевалили, а я над байками корпею <...> Стал Антроп селькором.. Прописана на бумажке обязанность селькорская: писать, что в Лисьих Горах делается — и пишу. Писать да писать, и накопилась баек у меня порядочная тетрадка: миру сходки на две для закурки хватило бы» [Волков, 1926, с. 3—4]. Примечательно, что в «Оговорке» Антроп упоминает о Михайле Волкове, якобы земляке, взявшемся опубликовать эти байки: «...приехал на побывку земляк Михайла Волков <...>. Показал ему байки. Почитал Михайла и говорит: давай, дядя Антроп, напечатаю. Я — отнекиваться. Нет! — пристал, как банный лист... давай, да давай» [Волков, 1926, с. 4]. Очевидно, что перед читателями выстраивается образ фиктивного нарратора, деда Антропа, который берёт на себя авторство произведений, публикуемых Михайлой Волковым как автором «реальным».

Кстати, вторая книга баек также снабжена предисловием, имеющим заголовки «Сам про себя», причем в этом «вступлении» о публикаторе, Михайле Волкове, Антроп не упоминает ни слова. Между тем большое внимание уделено истории о том, как сам фиктивный автор решился напечатать свои «байки» в газете «Беднота» и стал знаменитым: «В газетку, что под руку подвернулась, заглянул. Про жизнь крестьянскую написано <...> Вот до чего дошло, уже не господа о крестьянах пишут, а крестьяне о себе. Что бы как... Да где уж мне?.. А чуть глаза прикрою, так и мерещится... <...> Думать да думать и надумал: дай попытаю. Попытка — не пытка» [Волков, 1927б, с. 6]. В этом же предисловии описывается и процесс создания антроповских «баек», но со слов жены сочинителя: «Усядется за стол, оставит буркалы в бумагу, да всё про себя бормочет, бормочет... Потом схватит перо, по бумаге заскрипит <...> А как глянешь на него, инда жуть берёт: глазица на выкате, и за бороду дёрнет, и по лысине хлопнет, и зубами заскрежечет» [Волков, 1927б, с. 8]. Подобный прием использован для усиления эффекта достоверности: сторонний наблюдатель подтверждает подлинность авторства именно деда Антропа. Более того, сам фиктивный автор подчеркивает, что все рассказываемые им истории представляют собой факт из жизни, ибо все «байки» основаны на реальных событиях из жизни Лисьих Гор.

Второе издание «Баек...» в отличие от первого содержит пространный рассказ о происхождении названия топонима *Лисьи Горы* — места, где развиваются описываемые события. Антроп повествует о делах давно минувших дней, когда в этих окрестностях властвовал барин, который захотел поохотиться на лис, создав всех господ с близлежащих мест. Причём

охоту барин хотел организовать именно на горе. Крестьяне столкнулись сразу с двумя проблемами: во-первых, гору нельзя было найти, поскольку местность была болотистая; во-вторых, лисы тоже не водились, а каждый дом должен был предоставить по одной лисе. Но находчивые крестьяне, воспользовавшись невежеством барина, не имевшего понятия о том, как выглядят лисы, решили вместо них использовать кошек. Но неожиданно обман раскрылся: «Господа прискакали, друг с дружкой переговариваются да пересмеиваются. Барин с коня долой, добычу глянуть: — “Удачно, — говорит, — полевали, столько лис затравили”. Господа как загрохочут, загрохочут, словно телегой на рысях прогребели.

— Стоило кошек собаками травить.

— Каких кошек?

— А это что!» [Волков, 1927б, с. 22].

Причина обращения Антропа к старинному народному преданию раскрывается самим фиктивным автором: «Рассказал я про старинку, — расскажу-ка я и про новинку. Теперь в дно век умещается; пройдёт день — и старина» [Волков, 1927б, с. 24]. Тем самым он подчёркивает, что будет повествовать о событиях, участником или свидетелем которых он является, и это уже не выдуманные истории, но произошедшие в реальности.

Очевидно, что название и предисловие как важнейшие части заголовно-финального комплекса играют в конструировании всего сборника как единого целого значимую функциональную роль. Так, в первом издании они акцентируют саму фигуру нарратора, выдающего себя за автора «реального», принципиально значимыми оказываются повествовательная манера, способ рассказывания историй балагуром Антропом, схожим с балаганными дедами-завывалами, смешавшими собой, своим обликом, или же со скоморохами, роль которого, балагурия, примеряет Даниил Заточник в известном древнерусском тексте (параллель, проведенная нами, кстати, отнюдь не случайна: один из ранних рассказов М. Волкова «Жена» открывается эпиграфом именно из «Слова Даниила Заточника» [Волков, 1928, с. 161]). В переизданиях же более важен повествуемый мир — забавный и смешной мир деревни, медленно меняющийся и перестраивающийся в первое постреволюционное десятилетие.

3.2. Специфика образа фиктивного автора в «Байках...»

Как мы уже отметили, фиктивным автором-нарратором и первой книги «Баек...», и её последующих переизданий является Дед Антроп. Несмотря на то, что он знает сельскую жизнь изнутри, имеет представление о мировоззрении деревенского жителя, его суевериях, Антроп не противится тому укладу, который настанет после революции, напротив — он, игнорируя все сложные социальные конфликты, сопровождающие ломку старого мира, принимает

все изменения и не устаёт юмористически описывать отношение односельчан ко всем общественным трансформациям. Причём трансформациям не только внешним, касающимся образа жизни, но и внутренним, затрагивающим господствовавшее веками мировоззрение (религия, суеверия и т. д.).

На протяжении всего повествования очевидна важная особенность: нарратор, перебивая собственный монолог обращениями к читателям (слушателям), нередко говорит о себе в третьем лице. См.: «Антропу не впервые мирскую потугу нести приговор написать — пиши, Антроп, ходок куда — иди, Антроп» [Волков, 1926, с. 3]; «Антроп в обращении себя в грязь не уронит» [Волков, 1926, с. 44]; «У Антропа, брат, душа прямая — косины не выносит» [Волков, 1926, с. 51]; «У Антропа, брат, совесть никогда из колеи не выскакивала» [Волков, 1927б, с. 52]; «А, скажу тебе, Антроп и перед десятком кулаков не робел... Да ведь кулаки у людей, а у оборотня что? Копыта до когти» [Волков, 1927б, с. 63]; «Да ведь Антроп если за что возьмётся, так возьмётся» [Волков, 1927б, с. 50]. Так М. Волков акцентирует внимание читателей на неординарной личности рассказчика, особенностях его характера и манере рассказывания.

Антроп — не обычный рассказчик, функция которого состоит лишь в пересказе событий. Как мы уже отмечали, «для Волкова значимым был сам фиктивный автор-нарратор как образ подчеркнуто колоритный, не просто передающий в специфической речевой манере свои „байки“, но охватывающий собственным кругозором все истории, включенные в сборник» [Осьмухина, 2015, с. 244]. На близость образа Антропа к фольклорной традиции указывают постоянно присутствующие в его речи пословицы, поговорки. Использование паремий в речи свидетельствует об остроте ума рассказчика, его национальном самосознании: «Антроп, брат, вола за хвост вертеть не станет» [Волков, 1926, с. 4]; «Как говорится: двум смертям не бывать» [Волков, 1926, с. 11]; « — Ты что, Антроп, на месте топчешься? — А у меня язык лыком привязан, и на „здорово“ не развяжу» [Волков, 1927б, с. 10]; «Известно, у мужика голова — у баб слёзы» [Волков, 1927б, с. 61]; « — Глянь-ка, бабонки, Антроп-то еле-еле на ногах держится. — Скажешь ещё... Язык-то без костей, что хошь сболтнёт...» [Волков, 1927б, с. 78]. Причём именно поговорками Антроп часто заканчивает свои «сказы», тем самым подытоживая их и резюмируя ключевую идею: «Вот так Антроп вприсак попал» («Микроба») [Волков, 1927б, с. 128]; «Вот уж истинно пословица говорит: чорт где не может, там бабу пошлёт» («Моё») [Волков, 1927б, с. 162]. Речь Антропа насыщена экспрессией, грубоватым юмором; сам нарратор, рассказывая себе или о том или ином случае, раскрывает абсурдность мировоззрения уходящей эпохи, особенности характера других героев, ведет сюжет, фиксируя комические случаи, структурно близкие анекдоту.

3.3. Художественное своеобразие «Бакс...»

Говоря о жанровой специфике книги новелл, в первую очередь необходимо отметить, что «Байки Антропа...» — это циклически структурированное произведение. Части цикла, «байки», равно как и в «Весёлых рассказах М. М. Зощенко, объединены фигурой одного рассказчика. Кроме того, все истории, рассказанные Дедом Антропом, относятся к одному жанру. Но в отличие от «Шутейных рассказов» Вяч. Шишкова и «Весёлых рассказов» М. Зощенко из историй Антропа, хоть и представляющих собой самостоятельные рассказы, складывается единый сюжет — противостояние старого крестьянского мира, основанного на прочных патриархальных традициях и устоях, медленно принимающего революционные перемены, миру «новому». Рассказчик последовательно знакомит читателей с персонажами, многие из которых сквозные для большинства «бакс», например: Нефёд Иванович, бабушка Хавронья, Силантьевна, сват Лука, отец Асаф и др. Действие развивается в пределах локального топоса — Лисьих Гор. Исходя из этого, цикл правомерно отнести к структурированному типу [Пономарева, 2006], в котором автор по своему усмотрению расставляет части и последовательно вводит героев. При такой группировке новелл сохраняется художественная целостность всей книги.

Истории, рассказываемые Антропом, по номинации самого фиктивного автора-нарратора, являются «байками». В действительности «байки» Антропа в жанровом отношении есть не что иное, как анекдот [Курганов, 1997], и Дед Антроп — типично карнавальная фигура, функционирующая в анекдоте, им же самим рассказываемом. Все антроповские «байки» отличаются следующими особенностями: они имеют яркую комическую направленность; сюжетные повороты неожиданны и невероятны; все истории отличаются простой композицией, линейной структурой и представляют собой небольшой по объёму комический эпизод.

Помимо прочего, всем «байкам» присуща карнавальная стихия. Антроп своими поступками нарушает законы логики, внимание обращено на нарратора, который совершает абсурдные действия (или рассказывает о них) под влиянием обстоятельства, по недоразумению. Герой втянут в выстроенные им же самим комические обстоятельства. Также отметим, что все истории преподносятся нарратором как объективный «факт» из жизни обитателей Лисьих Гор, изложенный в игровой форме. «Смеховая», анекдотическая ситуация, воссоздаваемая Антропом в сказе, «демонстрирует не только абсурдность действий персонажей, но и “смеховой” характер самой реальности, абсурдность мировоззрения уходящей эпохи» [Осьмухина, 2015, с. 245].

Идейная специфика «Бакс Антропа...» заключается в том, что каждая новелла рисует картину «противоборства» сторонника новой, большевист-

ской России (Антроп как раз и является таким сознательным гражданином, идущим в ногу со временем) и её противников — обывателей Лисьих Гор. Причём, равно как и во многих новеллах, к примеру, Вяч. Шишкова, крестьяне — тёмная, непросвещённая масса, которая в силу своей необразованности, пристрастия к суевериям, отсталости взглядов не желает принимать новый жизненный уклад.

Наиболее показательно это противостояние представлено в рассказах «Садик», «Революция Васильевна». В «Садике» Антропа уполномочили открыть детский сад, но против такого решения выступает консервативная верующая бабка Соломонида, оплот старой России: «И не давайте, и не давайте, бабоньки, ребят... Антроп не иначе, как бурмицкому королю ребят продал... Всех пожрёт бурмицкий король... Помяните моё слово...

— Не отдадим!

На бабушку зыкнул:

— Ты контру разводь!

Да бабушку было и за ворот; бабушка клюку на оборону» [Волков, 1926, с. 47].

В рассказе «Революция Васильевна» основное действие сосредоточено вокруг крещения недавно родившейся дочки Васятки, который стал приверженцем большевиков, поэтому и имя дал дочери знаковое — Революция. Но новые порядки никак не принимает Матрёна — мать Васятки: «— Кабы знала да ведала, — выкинула бы Васятку недоноском» [Волков, 1927б, с. 59].

Особенно не укладывается в голове у верующей Матрёны тот факт, что Революцию до сих пор в церковь не носили, и она сама решает окрестить внучку: «Хоть и некрещёная душа, — коли ревёт, всё же дитё жалость берёт <...> Ну, просто сердце кровью обливается гляючи. Кума к батюшке...» [Волков, 1927б, с. 62]. Причём Антроп был выбран Матрёной соучастником в этом тайном деле, к которому рассказчик отнёсся с присущим ему легкомыслием и народной простотой: «Подумал я: крестить ладно и не крестить нужды нет, да кто её знает, может, лучше окрестить, — кашу маслом не испортишь» [Волков, 1927б, с. 62].

Далее в новелле ярко проявляется свойственный анекдоту эффект пуанты (неожиданной развязки действия): в церкви вместо Революции в одеяльце оказывается чёрный кот, а сама Революция в этот момент находится у бабушки Соломонида, куда её отнёс Васятка. Этому долго не верит Матрёна, считая Революцию «бесовским отродьем» и «оборотнем»: «Кума к Соломониде — соседке. Васятка мне, как дело обородовал, рассказал. Вернулась кума, — мы за животики держимся, смехом надорвались <...> — Больше я перед богом за вас не ответчица!» [Волков, 1927б, с. 64].

Тема религии является одной из наиболее частотных в новеллах «Бак...», что отнюдь не случайно: вера в Бога была неотъемлемой составляющей мировоззрения и мировосприятия русского человека, жившего до революции, и с приходом новой власти первое, что поддавалось развенчанию, — религиозные предрассудки. «Ломка» традиционных ценностных устоев, разумеется, сложнее всего проходила в деревне, более консервативно, нежели город, встречающей постреволюционные перемены.

Сатирическому изображению в «Байках...» подвергаются не только непросвещенные деревенские жители, но и служители церкви. В комических ситуациях, описываемых Антропом, показывается и осмеивается настоящая сущность попов. Наиболее показателен в этом отношении поп Асаф («Нечисть»): «Ветха церковь, зато нов дом отца Асафа. Раскинулся он по улице двумя десятиаршинными прирубам, из зелени палисадника, как гриб-мухомор, крышей алеет» [Волков, 19276, с. 50]. Но случается и «ненастье» в доме Асафа: «что ни день то овца падает». В «вывороченном тулупе» поп начинает изображать дворового, пугая скотину соседей, верящих в различные суеверия. Первой «жертвой» «дворового» становится хозяйство Митревны: «Слушает Митревна — на дворе только грохот идёт: дворовой скотину по двору гоняет <...> как повернётся к ней, такой шерстистый мохнатый, до как кулаком погрозит, а кулак с лошадиную голову <...>. Положила Митревна на ночь каравай на плетюху, а на хлеб горкой соль» [Волков, 19276, с. 51]. Нападению дворового подвергался каждый двор, пока Комитетчики не поймали его: «Ногу дворового — из капкана. Вывороченный тулуп долой. Все так и ахнули:

— Вот так дворовой!

— Пощадите, православные... Голод довлёл...» [Волков, 19276, с. 54].

Очевидно, что в новелле осмеивается не только народ, верящий в различные суеверия и нечистую силу, но и служители культа, которые могут пойти на всё ради собственной выгоды. При этом в «Байках...» образы, несущие отрицательную коннотацию, шаблонны, сродни агитационному плакату: они внутренне статичны и становятся иллюстрацией пороков своего сословия.

Среди новелл, входящих во все переиздания «Бак...», встречаются и такие, в которых поднимается проблема собственности. Поскольку с приходом большевиков и последующей коллективизацией наступила эпоха «народного достояния», то Антроп не может не показать отношение жителей Лисьих Гор к подобным переменам («Моё», «Народное достояние», «Контрибуция», «Пронин лужок»). В рассказе «Моё» Антроп аллегорически изображает ситуацию, тонко и ненавязчиво намекая читателям на ненужность собственности, озвучивая одну из важнейших пролетарских

идей: «Гляжу, гляжу я на людей и думаю: как бы все были счастливы, если бы не знали слово: моё. Великое зло от этого слова» [Волков, 19276, с. 159]. Далее Антроп приводит в пример Лукашу, никогда не знавшего слово *моё*, оставшегося в конечном счёте ни с чем и ушедшего на житьё в лес. Но однажды в лес сходил солдатка Фёкла, «хватя Лукаша в деревню нагрязнул. Ещё от околицы орёт: — Где моя Фёкла? <...> Как узнал Лукаша слово: моё, келейку забросил» [Волков, 19276, с. 162]. Оканчивается новелла уже упомянутой поговоркой: «...чорт где не может, там бабу пошлёт» [Волков, 19276, с. 162].

В байке «Контрибуция» действие сосредоточено вокруг выбора состава Комитета Бедноты, в который постановили избрать Нефёда Ивановича, Петра Савельева, Кузьму Матвеева. Антроп иронично описывает заботу Комитета о бедных: Комитет незамедлительно постановил «взыскать с каждого домохозяина по 47 р. 50 к. <...> Члены Комитета и кандидаты от взноса освобождаются» [Волков, 19276, с. 32]. Приехавший из города Митрофан, истинный сторонник большевиков, собственноручно расправляется с кулачным составом Комитета: «Как пошёл Митрофан действовать: от кулаков — куда пух, куда — перья. У Нефёда Ивановича — две лошади, у Фёдора ни одной — лошадь Фёдору» [Волков, 19276, с. 33]. Так в «Байках...» тематизируется актуальная для пролетарской словесности тема равенства между людьми, защита бедных.

Преобладающее количество «баск» Антропа, как мы уже отметили, тяготеют в жанровом отношении к анекдоту: в основе сюжетной коллизии лежит неожиданное происшествие, как правило, комическое, но при этом сюжет прост и лаконичен, развивается линейно. Так, в новелле «Блажь» Антроп описывает невиданный в Лисьих Горах случай: старики откуда-то прослышали, что при новой власти жён можно менять столько раз, сколько хочешь: «истрепались — бросил». Как замечает Антроп, «хорошее не скоро перенимается, плохое и перенимать не надо — само лезет» [Волков, 19276, с. 44]. Место жён заняли молоденькие девушки, а обиженные старухи обратились в Комитет Бедноты, вынесший неожиданное для обезумевших стариков постановление, — либо сбрить бороды, либо заплатить 300 рублей. Такое решение ввело дедов в ступор: «Без бороды старик — не старик, — пугало огородное. Весь почёт в бороде <...> Так старухи опять и заняли своё место на печи» [Волков, 19276, с. 45]. Сюжетная ситуация абсурдна в самой своей основе, далека от реальной жизни, поэтому читателями с самого начала воспринимается как анекдотическая, а необычная концовка произведения ещё больше усиливает юмористическую составляющую.

Необразованность крестьян комично изображена в байке «Микроба». Уже из названия очевидно, что лисьегорцы, включая нарратора Антропа,

не имеют представления о том, что такое микроб, употребляя существительное в женском роде, коверкая незнакомое «иностранное» слово. Дед Антроп не является исключением. Поранив руку на косьбе, Антроп перепробовал много народных средств и после этого решился ехать к врачу. Сидя в очереди, чего он только не наслушался, но больше всего его удивил рассказ о микробах, которые могут жить в каждом человеке: «Вот она серость-то наша русская!.. Везде нечистый виноват.. До микробы, брат, нечистому далеко... Микроба штука умственная... <...> Забилась в Панфила какая-то микроба, захворал Панфил. <...> Брюхо на две половины разворотил и давай микробу разыскивать <...> в руке опять было доктор прижал её, запищала, запищала, а сама верть, — и уже в голове разгуливает» [Волков, 19276, с. 125]. С точки зрения человека непросвещённого, «темного», «микроба» имеет необъятные размеры и представляет собой страшное зрелище. Исходя из этого, в кабинете у врача Антроп делает умозаключение: «Пастуху можно и с чужой головой пасти, Антропу да без Антроповой головы никак нельзя» [Волков, 19276, с. 126].

Доктор, выслушав рассказ Антропа, наглядно показывает ему, как выглядят разные микробы: «Я стою перед доктором, чай, алее зари, краску видеть не вижу, только чувствую, как лицо жжёт. На глупость свою досадную <...> Вот так Антроп впросак попал» [Волков, 19276, с. 126]. Таким образом, простой человек, малограмотный и необразованный, ничего не смыслящий в науке, привыкший в силу своего воображения представлять всё в утрированном, устрашающем виде, во многих ситуациях выглядит смешно и глупо. Причём ему самому от этого становится крайне неловко, как в случае с Антропом.

Постреволюционная жизнь крестьян характеризуется появлением различных указов и постановлений, необходимых к исполнению. В рассказе «Матерное слово» такое постановление не обошло стороной тех, кто любит употреблять в своей речи нецензурную лексику: «Всякая деревня чем-нибудь да славится. Жохово — самогонкой, Пеньки — драками, а наши Лисьи Горы — матерным словом» [Волков, 1926, с. 38]. Предшествовал постановлению небольшой казус, случившийся с Нефёдом Ивановичем: «Нефёд Иванович — праведной жизни старик, а когда подносил хлеб-соль архиерею и нужно было приветливое слово сказать... И сказать-то всего три слова: — Владыка святой... <...> Так на тебе — брякнул четвёртое. Четвёртое — матерное» [Волков, 1926, с. 38]. После введения в силу постановления о запрете употребления «матерных слов» долго мучились старики, отдавая за каждое словцо по горстке ржи, пока не наступил престольный праздник: «Праздник без ругани, драки никогда не справляется. На то и престольный» [Волков, 1926, с. 39].

По нашему мнению, «образ Антропа тяготеет к традиции балаганных дедов» [Осьмухина, 2013, с. 245], поэтому он всегда имеет запас шуток, анекдотов, стремится веселить всех пришедших на праздник своим внешним видом и поведением. Отсюда вытекает не только частое использование бранных слов, но и употребление алкоголя («Пролом», «В пасхальную ночь», «Панихида»). Так, в «байке» «В пасхальную ночь» действие происходит во время Великого православного праздника, а народ такие праздники всегда отмечает широко, и лисьегорцы отнюдь не исключение: «И какой грех с нашим народом вышел. Диви бы один, другой кто согрешил — ещё туда-сюда, а то на — все <...> Удар за ударом, — капля за каплей. Ефим стаканчик протягивает.

— Христос воскресе!

— Воистину, воскресе!» [Волков, 19276, с. 73—74].

Женщины, прибежавшие пристыдить стариков, вскоре попросили помощи у отца Асафа. Концовка байки нарушает все законы логики: к старикам присоединились отмечать праздник не только женщины, но и поп Асаф с дьяконом. Дед Антроп ушёл от греха подальше: «Я — к деревне, деревня — от меня, сарай вокруг меня хороводом закружились. — Наваждение!» [Волков, 19276, с. 83].

Рассказ «Панихида», как никакой другой, ярко высвечивает скоморошью, балаганную натуру деда Антропа. Сват Лука, умирая, просит Антропа похоронить его весело, с музыкой и без лишних причитаний и слёз, но «сватья слушать не дослушала — скорее за соседями. Пришли Пахом с Поликарпом. Да меня и за ворот — да и за дверь» [Волков, 19276, с. 101]. Антроп, тоже поддающийся иногда суевериям, решает выполнить наказ покойника, и вместе с гармонистом Терёшкой и балалаечником Андрейкой они устраивают веселье на кладбище: «Терёшка по ладам, Андрейка по струнам, я — голосом — “вечную память” грянули <...> Опрокинет стаканчик, корочку понюхает, за ним Андрейка тянется... А мне без помину свата Луку оставить — и подавно грешно <...> Веселее да веселее и до “Камаринского” добрались. А на паперти батюшка руками пред народом размахивал, на нас перстом тыкал» [Волков, 19276, с. 102—104]. Разумеется, своим поведением Антроп шокирует публику, вызывая у неё удивление, граничащее с возмущением и негодованием, но его это не останавливает, и он продолжает исполнять «наказ» покойного, превращая похороны в фарс.

Кроме якобы реально произошедших историй, в арсенале Антропа присутствуют «байки», в которых чётко прослеживается мотив сна. Сюжеты таких баек характеризуются неожиданными перипетиями, наличием фантастических элементов. Так, рассказ «Саван» поначалу ничем не отличается от остальных: описывается обычная ситуация подготовки ба-

бушки к своим похоронам — хранение савана. Но внезапно пришедшие красногвардейцы забирают его у старушки с целью сделать равными всех лисьегорцев: «— Тебе, старуха, не сейчас помирать... Когда помирать будешь, по карточке получишь» [Волков, 19276, с. 67]. Обратилась бабушка в Волисполком, который выдал бабушке старый кумачовый флаг с какой-то надписью. Далее сюжет резко принимает мистическую направленность: бабушка встаёт из гроба, поднимается по высокой горе с другими людьми, вокруг появляются то ангелы, то черти. Причём и те, и другие ведут себя одинаково — все со страхом бросаются в сторону от старушки: «...мимо чертёнок юркнул. Так себе, щупленький чертёнок: рога да хвост. Бабушка хватить его за хвост. Чертёнок было её копытцом, да глянул на саван и затрясся, даже побелел, а был чернее чугуна. — Не-ет, не уйдёшь... Скажи, чево все от меня удирают? <...> Чертёнок по савану коготком водит и по складам: — “Про-ле-та-ри-и всех стран, со-е-дя-ня-й-те-сь”...» [Волков, 19276, с. 70]. Финал всей этой занимательной истории остается «за кадром», поскольку место фантастики снова занимает реальность: «И враз все двери нараспашку: хочешь в рай, хочешь в ад. Бабушка пошла ни в ад, ни в рай, а... проснулась...» [Волков, 19276, с. 70].

Если в «Саване» действие разворачивается якобы до и после смерти, причём «после смерти» бабушка не успела попасть ни в рай, ни в ад, то в новелле «По-человечьи» повествование начинается с того, как Вавила оказывается в раю. Уже в начале повествования развитие событий приобретает анекдотическую окраску: «В раю такой порядок: в тебя — сколько влезет, а чтобы из тебя — ни-ни» [Волков, 19276, с. 107].

Комизм сюжета усиливается за счёт использования контраста — Вавила выделяется на фоне других людей своей неумержимостью в поглощении пищи: «Дорвался Вавила — давай за обе щёки укладывать. Ангелы и рады, так и потчуют: то справа подкладывают, то слева подливают» [Волков, 19276, с. 108]. Исполнить законы рая оказывается Вавиле не под силу, его разоблачают. Концовка новеллы такая же, как и в «Саване», но сон снится уже самому деду Антропу: «Тьфу ты!... Чево-чево только натоцка не приснится» [Волков, 19276, с. 108]. В заключении прослеживается связь между состоянием Антропа и содержанием приснившейся истории, что усиливает юмористическую составляющую данной новеллы.

Справедливости ради заметим, что среди новелл М. Волкова выделяется «Котёнок». Ее содержание ничуть не юмористично, но при этом именно в ней утверждается ценностный смысл человеческой жизни. Главная героиня новеллы — Анка — уходит от отца и мачехи, устраивается работать батрачкой и на пути своём встречает Серёжку, который вскоре бросает её: «Оглянешься, — уши заткни: насмешек, пересмешек — не обернёшься»

[Волков, 19276, с. 142]. Когда Анка решает погубить себя, то видит котёнка и кошку: «У кошки глаза материнской радостью горят» [Волков, 19276, с. 143]. Истинная причина печали Анки становится очевидной. Следует отметить, что эта новелла опубликована в двух изданиях баек, но если в первом издании она заканчивается фразой: «Что ей суды-пересуды людские?» [Волков, 1926, с. 57], то во втором издании добавлено ещё одно предложение: «Анка узнала радость материнскую» [Волков, 19276, с. 143]. Таким образом, новелла завершается не намёком, который способны понять лишь самые внимательные читатели, но вполне однозначно: Антроп, воодушевленный «новой» жизнью, во всем усматривает положительные перемены, он открыт миру и демонстрирует, что на смену горести и печали всегда приходят радость и счастье и никогда не нужно обращать внимание на людские толки и пересуды. В отличие от других новелл, фигура Антропа здесь незаметна. Автор «реальный» делает акцент не на личности нарратора, но на тематической составляющей. Правда, изредка речевая манера Антропа угадывается в тексте: присутствуют поговорки («след простыл»), диалектизмы («загряяли», «солошилась»), используются уменьшительно-ласкательные суффиксы («малюсенький котенчишка»), искажаются некоторые слова («итти»).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, становится очевидно, что М. И. Волков посредством сказовой повествовательной формы изображает в «Байках Антропа...» с помощью фиктивного автора-нарратора деда Антропа постреволюционные реалии, делая акцент на идеологической составляющей. В сборнике М. И. Волкова, неоднократно переиздававшемся, иллюстрирующем характерную тенденцию к циклизации первого послеоктябрьского десятилетия (объединение новелл в книги и сборники), отражено изменение авторского замысла: смысловая и тематическая переакцентуация. Если в первом издании значимой была фигура нарратора, его повествовательная манера, способ рассказывания историй, то в переизданиях более важен сам повествуемый мир. Во-вторых, фиктивный автор-нарратор Дед Антроп посредством сказовой манеры в серии «баек» описывает смешной мир деревни, медленно меняющийся и через сопротивление принимающий новую идеологию и ценностную систему в первое постреволюционное десятилетие. В жанровом отношении большинство новелл сборника («Моё», «Народное достояние», «Контрибуция», «Пронин лужок», «Матерное слов», «Панихида», «Садик», «Революция Васильевна», «Микроба») тяготеют к анекдоту; в центре парадоксально развивающегося, комического сюжета оказывается сам рассказчик, преподносящий все истории как жизненный «факт», изложенный в игровой форме.

Перспективой исследования может стать системный анализ всего творчества М. Волкова, который, напомним, не только отдал дань жанру рассказа, но и явился автором публиковавшейся в 1928 году в «Новом мире» и вполне вписывающейся в новеллистику о «квартирном вопросе» М. Зощенко повести «Жилтоварищество № 1331: Разные случаи и заметки, относящиеся к домоуправлению, записанные техническим секретарем одного Андреем Ивановичем Колосковым». Это позволит проецировать выявленные особенности его малой прозы на отдельные стороны творчества других отечественных писателей этого периода, соотнести их с особенностями литературной практики середины и второй половины XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Волков М. И. Байки Антропа из Лисьих Гор / М. И. Волков. — Ленинград : Прибой, 1926. — 61 с.
2. Волков М. И. Байки Антропа. Первая книжка. Издание второе / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1927а. — 135 с.
3. Волков М. И. Байки Антропа. Вторая книжка / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1927б. — 126 с.
4. Волков М. И. Собрание сочинений : в 2 тт. / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1928. — Т. 1. — 1918—1922. — 278 с.
5. Волков М. И. Литературная энциклопедия / М. И. Волков ; отв. ред. В. М. Фриче. В 11 тт. — Москва : Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т. 2. — Ст. 281—282.
6. Писатели современной эпохи : Био-библиографический словарь русских писателей XX века / Ред. Б. П. Козьмина. — Москва : Изд-во ГАХН, 1928. — Т. 1. — 288 с.
7. Письма Клейнборга Л. М. Волкову М. И. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2225. Оп. 1. Ед. хр. 131.
8. Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову М. И. // Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) СССР. Ф. 38. Оп. 1. № 32.

Литература

1. Агеева Ю. П. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. П. Агеева. — Екатеринбург, 2014. — 21 с.
2. Владимирский В. Минувшие годы. [Из воспоминаний о писателях, входивших в лит. объединение «Кузница»] / В. Владимирский // Наш современник. — 1966. — № 4. — С. 85—89.
3. Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия / И. В. Владиславлев. — Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1928. — Т. 1. — 300 с.
4. Долженко Л. В. Литературно-эстетические принципы и творческая практика «Кузницы» (на материале художественной прозы) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Л. В. Долженко. — Москва, 1984. — 186 с.

5. *Ершов Л. Ф.* Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа) / Л. Ф. Ершов. — Ленинград : Наука, 1977. — 282 с.

6. *Звягина М. Ю.* Трансформация жанров в русской прозе конца XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. Ю. Звягина. — Москва, 2002. — 42 с.

7. *Клейнборт Л. М.* М. Волков / Л. М. Клейнборт // Очерки народной литературы (1880—1923 гг.). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики. — Ленинград : Сельтель, 1924. — С. 195—202.

8. *Коган П. С.* Литература великого десятилетия / П. С. Коган. — Москва, Ленинград : Московский рабочий, 1927. — 160 с.

9. *Кудрина М. В.* Жанровая структура рассказа : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Кудрина. — Москва, 2003. — 291 с.

10. *Курганов Е.* Анекдот как жанр / Е. Курганов. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 122 с. — ISBN 5-7331-0084-2.

11. *Лейдерман Н. Л.* «Простой советский человек» в зеркале рассказа («Монументальный рассказ» М. Шолохова и «малый эпос» А. Солженицына) / Н. Л. Лейдерман // С веком наравне. Русская литературная классика в советскую эпоху : Монографические очерки. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2005. — С. 192—215. — ISBN 5-86547-379-4.

12. *Лейдерман Н. Л.* Между Хаосом и Космосом (рассказ в контексте времени) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Новый мир. — 1991. — № 7. — С. 240—257.

13. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска деда Антропа в новеллистике М. Волкова / О. Ю. Осьмухина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 4. — С. 243—247.

14. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска в пролетарском контексте («Байки Антропа из Лисьих Гор» М. Волкова) / О. Ю. Осьмухина // Вестник Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2013. — № 2. — С. 75—79.

15. *Осьмухина О. Ю.* Традиции авторской маски в русской сатирической прозе 1920-х гг. (на материале М. Зощенко и М. Волкова) / О. Ю. Осьмухина // Вестник Томского университета. — 2009. — № 323. — С. 41—49.

16. *Пакентрейгер С.* Заказ на вдохновенье. Статьи о литературе / С. Пакентрейгер. — Москва : Федерация, 1930. — 226 с.

17. *Полонский В. П.* О литературе / В. П. Полонский. — Москва : Советский писатель, 1988. — 496 с.

18. *Полякова Л. В.* «Кузница» в литературном движении 1920—1932 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Л. В. Полякова. — Москва, 1973. — 200 с.

19. *Пономарёва Е. В.* Русская новеллистика 1920-х годов : диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Пономарёва. — Екатеринбург, 2006. — 639 с.

20. *Пчелинцев И.* Михаил Волков. Литературный портрет / И. Пчелинцев // Рабочий журнал. — 1924. — Книга 3—4. — С. 211—213.

21. *Якубовский Г. В.* Писатели «Кузницы» : статьи / Г. В. Якубовский. — Москва : Федерация, 1929. — 226 с.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2024,
одобрена после рецензирования 13.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

- Letters of Kleinbort L. M. to Volkov M. I. In: *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 2225. Op. 1. Ed. ch. 131. (In Russ.).
- Letters of Neverov (Skobelev) A. S. to Volkov M. I. In: *Archive of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (USSR)*. F. 38. Op. 1. № 32. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1927a). *The tales of Antrop. The first book. Second edition*. Moscow: Moscow Association of Writers. 135 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1927b). *Tales of Antrop. The second book*. Moscow: Moscow Association of Writers. 126 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1928). *Collected works: in 2 volumes, 1*. Moscow: Moscow Association of Writers. 278 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1930). *Literary Encyclopedia*. Moscow: Publishing House of Com. Akad. Articles 281—282. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1926). *Tales of Antrop from the Fox Mountains*. Leningrad: Priboy. 61 p. (In Russ.).
- Writers of the modern era: A Bio-bibliographic dictionary of Russian writers of the twentieth century, 1*. (1928). Moscow: GAKhN Publishing House. 288 p. (In Russ.).

References

- Ageeva, Yu. P. (2014). *Poetics of prosaic microcycles in Russian minor prose of the 20s of the XX century*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 21 p. (In Russ.).
- Dolzhenko, L. V. (1984). *Literary and aesthetic principles and creative practice of the "Forge" (based on the material of fiction)*. PhD Diss. Moscow. 186 p. (In Russ.).
- Ershov, L. F. (1977). *Satirical genres of Russian Soviet literature (from epigrams to novels)*. Leningrad: Nauka. 282 p. (In Russ.).
- Kleinbort, L. M. (1924). M. Volkov. In: *Essays of folk literature (1880—1923). Belletrists. Facts, observations, characteristics*. Leningrad: Sower. 195—202. (In Russ.).
- Kogan, P. S. (1927). *Literature of the great decade*. Moscow, Leningrad: Moskovsky Rabochy. 160 p. (In Russ.).
- Kudrina, M. V. (2003). *Genre structure of the story*. PhD Diss. Moscow. 291 p. (In Russ.).
- Kurganov, E. (1997). *Anecdote as a genre*. St. Petersburg: Academic Project. 122 p. ISBN 5-7331-0084-2. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2005). "A simple Soviet man" in the mirror of the story ("The Monumental story" by M. Sholokhov and "The Small Epic" by A. Solzhenitsyn). In: *On a par with the century. Russian literary Classics in the Soviet Era: Monographic essays*. St. Petersburg: Zlatoust. 192—215. ISBN 5-86547-379-4. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (1991). Between Chaos and Space (a story in the context of time). *Novy Mir*, 7: 240—257. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2013). The author's mask in the proletarian context ("Tales of Antrop from the Fox Mountains" by M. Volkov). *Bulletin of the St. Petersburg University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological sciences*, 2: 75—79. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2015). The author's mask of the grandfather of Antrop in the novelistics of M. Volkov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 4: 243—247. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2009). Traditions of the author's mask in Russian satirical prose of the 1920s (based on the material of M. Zoshchenko and M. Volkov). *Bulletin of Tomsk University*, 323: 41—49. (In Russ.).

- Pakentrager, S. (1930). *An order for inspiration. Articles about literature*. Moscow: Federation. 226 p. (In Russ.).
- Pchelintsev, I. (1924). Mikhail Volkov. Literary portrait. *Rabochy zhurnal*, 3—4: 211—213. (In Russ.).
- Polonsky, V. P. (1988). *About literature*. Moscow: Soviet writer. 496 p. (In Russ.).
- Polyakova, L. V. (1973). *“The Forge” in the literary movement of 1920—1932*. PhD Diss. Moscow. 200 p. (In Russ.).
- Ponomareva, E. V. (2006). *Russian novelistics of the 1920s*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 639 p. (In Russ.).
- Vladimirsky, V. (1966). The past years. [From the memoirs of the writers who were part of the lit. the Forge Association]. *Our contemporary*, 4: 85—89. (In Russ.).
- Vladislavlev, I. V. (1928). *Literature of the great decade, I*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 300 p. (In Russ.).
- Yakubovsky, G. V. (1929). *The writers of the “Forge”: articles*. Moscow: Federation. 226 p. (In Russ.).
- Zvyagina, M. Y. (2002). *Transformation of genres in Russian prose of the late twentieth century*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 42 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 13.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Фролова А. В. Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова / А. В. Фролова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 287—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-287-303.

Frolova, A. V. (2024). Domestic and Existential in Stories of Vasily Shukshin and Boris Yekimov. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 287-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-287-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Бытовое и бытийное
в рассказах
Василия Шукшина
и Бориса Екимова**

Фролова Анна Васильевна^{1,2}

orcid.org/0009-0007-2263-7853

кандидат филологических наук, доцент,

¹ доцент кафедры русской литературы

XX и XXI веков,

теории литературы и гуманитарных
наук;

² исполнитель проектов отдела
сопровождения научных проектов
frolova-anna2008@yandex.ru

¹ Воронежский
государственный университет
(Воронеж, Россия);

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>

**Domestic and Existential
in Stories of Vasily Shukshin
and Boris Yekimov**

Anna V. Frolova^{1,2}

orcid.org/0009-0007-2263-7853

PhD in Philology, Associate Professor,

¹ Department of Russian Literature

20th and 21st centuries,

Literary Theory and Humanities;

² project executor,
scientific projects support department
frolova-anna2008@yandex.ru

¹ Voronezh State University
(Voronezh, Russia);

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried
out with the support of a grant
from the Russian Science Foundation
№ 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Общность мировоззренческих установок писателей-«деревенщиков» обычно оставляет в тени вопросы об их различиях в оценках социальной реальности, в трактовках исторических изменений, в понимании места человека в мире. В этой связи актуальной и новой кажется задача сравнительно-сопоставительного анализа близких художественных решений. В статье рассматривается случай разного масштабирования внешне сходной фабульной ситуации. Материалом для анализа стали рассказы Василия Шукшина «Сапожки» и Бориса Екимова «Пара осенней обуви». Показано, что герои В. Шукшина и Б. Екимова реализуют себя в сюжетах разной бытийной напряженности, решают разные задачи. Несмотря на похожесть фабул рассказов, их сюжетное различие очевидно. Герои Шукшина знают, как должно быть, но зачастую отходят от жизненных идеалов, боятся быть добрыми, потому в мире писателя бытийное часто оказывается девальвированным. Василий Шукшин, фиксирующий разрушение бытийного во внутреннем мире героя, в рассказе «Сапожки» показывает, что преодоление житейского, повседневного есть поступок героя, его личная победа. Борис Екимов расставляет принципиально иные акценты: во внешне сходной ситуации решает внеличностную задачу. Смысл сюжета, реализованного в рассказе «Пара осенней обуви», — напомнить читателю о духовных, общих ценностях, которые могут быть утрачены в повседневных заботах.

Ключевые слова:

Василий Шукшин; Борис Екимов; деревенская проза; сюжет; образ героя; характер; чудик; мотив испытания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The shared worldview of the so-called “village” writers often obscures the questions regarding their differing evaluations of social reality, interpretations of historical changes, and understandings of humanity’s place in the world. In this context, the task of comparative analysis of their similar artistic solutions appears both relevant and novel. This article examines the case of different scales of a seemingly analogous plot situation. The stories analyzed are Vasily Shukshin’s “The Boots” and Boris Yekimov’s “A Pair of Autumn Shoes”. It is demonstrated that the protagonists of Shukshin and Yekimov manifest themselves within narratives of varying existential intensity, addressing distinct challenges. Despite the apparent similarity in plots, their narrative differences are evident. Shukshin’s characters understand how life should be, yet often deviate from their ideals, fearing kindness; thus, in the writer’s world, the existential is frequently devalued. Vasily Shukshin, who captures the disintegration of the existential within the hero’s inner world, illustrates in “The Boots” that overcoming the mundane is an act of heroism and a personal triumph. Conversely, Boris Yekimov places fundamentally different emphases: within a superficially similar situation, he addresses a transpersonal challenge. The essence of the plot realized in “A Pair of Autumn Shoes” serves to remind readers of spiritual and communal values that may be lost amid everyday concerns.

Key words:

Vasily Shukshin; Boris Yekimov; village prose; plot; image of the hero; character; fool; motif of trial.

Бытовое и бытийное в рассказах Василия Шукшина и Бориса Екимова

© Фролова А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Творчество В. Шукшина, наряду с произведениями В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, рассматривается в контексте литературы 1960—70-х годов, ставших временем возникновения и становления «деревенской» прозы как «прозы национального самосознания, как достойной наследницы русской классики» [Ковтун, 2017, с. 12]. Никем не заказанная, она, по выражению Валентина Распутина, не могла «не появиться и не сказать свое скорбное слово», «литература, как процесс живой и чуткий, волей своей создала писателей для этой прозы», «способной точно находить нервные окончания на том огромном теле, который мы называем “народ”» [Распутин, 1987, с. 164]. Исследователями отмечены такие черты прозы «деревенщиков», как стремление описать «судьбы русской деревни, людей нелегкого крестьянского труда, осмысление их нравственного потенциала в качестве эстетического идеала, образа, стремление понять сложность происходящих жизненных процессов через судьбу крестьянина» [Бодрова, 2011, с. 233], интерес к патриархальному миру и осознание его обреченности, обращение к ценностям прошлого, рождение памяти о нем, особый пророческий пафос, дидактичность, желание сохранить нравственные ценности [Ковтун, 2017; Иванова, 2013; Цветова, 2008].

Творчество Василия Шукшина — особая страница «деревенской» прозы. Сложность и многовекторность его художественных поисков заставляет усомниться в правомерности ограничения его поэтики исключительно реалистической парадигмой [Parthe, 2004, с. 123]. Исследователи видят в прозе писателя и черты модернизма [Сигов, 1999, с. 87], и игровые стратегии постмодернизма [Ковтун, 2017, с. 377]. И. И. Плеханова отмечает провокативность эстетики В. Шукшина «для поэтики реализма 60—70-х и лирико-дидактической “деревенской прозы”», обусловленную «анали-

тической резкостью художественной позиции» и «преданностью суровой правде» [Плеханова, 2020, с. 26]. Писателем «“переходного” мироощущования, раньше других осознавшим глубинные противоречия внутри патриархального мира», называет В. Шукшина Н. В. Ковтун [Ковтун, 2017, с. 377]. Л. Т. Бодрова определяет его как «создателя народных экзистенций», обратившегося «к жизни обыкновенного “человека в человеческом измерении”», созидавшего «драму, трагедию утраты бытийных ценностей» и эстетизировавшего «пафос обретения человеком ценностей личных, экзистенциальных» [Бодрова, 2011, с. 190]. По мнению исследователя, наследуя Чехову, Шукшин «бесстрашно передоверил обыкновенному человеку право и обязанность жить в литературе самому, без авторских подпорок», «перенес акцент на ответственность самого человека — и за его унижение, и за его ничтожество. За место в жизни, за роль в политике и в истории» [Бодрова, 2011, с. 118]. Очевидно, что на этом пути писатель обнаружил в человеке столько «непривычного, нестереотипного, загадочного», «что все это потрясало канон реализма, сложившееся во времени представление о простом человеке, о народном типе, о человеке вообще» [Воробьева, 2015, с. 93]. Высказанные исследователями замечания побуждают обозначить принципиальный для шукшинского творчества антропоцентрический акцент, смену художественной оптики с изображения мира на познание человека.

Войдя в литературу еще при жизни В. Шукшина, Б. Екимов к концу 1970-х годов стал рассматриваться критикой как писатель «деревенской» темы. Был выделен и его сокровенный герой — «великий труженик», «хозяин», «живущий собственным трудом» [Васильев, 1988, с. 151]. Своего положительного героя писатель определяет так: «Речь зашла о положительном герое, о героической личности. <...> Для меня таким героем является простой крестьянин, который принял на свои плечи непомерный груз истории, все тяготы каждодневного изнурительного труда, часто без выходных, без какого бы ни было вознаграждения» [Екимов, 1986, с. 6]. В прозе Б. Екимова отражено состояние российской действительности 1990—2000-х годов, когда произошла стремительная трансформация духовных и социальных приоритетов, «разрушилась органическая целостность личности, необходимая для её дальнейшего успешного развития» [Крылова, 2022].

Ряд исследователей не сомневаются в генетической связи творчества писателя с «деревенской» прозой и — шире — традиционализмом [Плеханова, 2012, с. 64; Бараков, 2015], соединяют прозу Б. Екимова с последними произведениями В. Распутина, В. Астафьева, отмечая присущие ей сдержанность, лирические интонации, отсутствие идеализации деревни

[Тагильцев, 2022]. С. В. Кожевникова встраивает рассказы писателя 1980-х годов в «абрамовскую» линию в «деревенской» литературе [Кожевникова, 2002]. Примечательно, что сам писатель в беседах и интервью неоднократно называл имя В. Шукшина в числе своих учителей. М. Мокрова в диссертации исследует принципы творческого диалога двух художников: «Многое в манере рассказчиков В. Шукшина и Б. Екимова сходно: и «неутоленное любопытство к жизни», и верность писателей раз избранной теме, своим героям-землякам, которые на страницах рассказов предстают не как литературные персонажи, а как живые, реальные люди, а также то, что оба писателя ищут не сюжет как таковой, а ситуацию, в которой выявляет себя характер» [Мокрова, 2003, с. 11]. Отмечает она и интерес современного писателя к «коренному типуажу шукшинской прозы» — «чудику», что подтверждает значимость сделанных Шукшиным художественных открытий в характерологии.

Общность мировоззренческих установок писателей-«деревенщиков» обычно оставляет в тени вопросы об их различиях в оценках социальной реальности, в трактовках исторических изменений, в понимании места человека в мире. В этой связи актуальной и новой кажется задача сравнительно-сопоставительного анализа близких художественных решений. Особенно репрезентативным видится случай разной трактовки одной и той же фабульной ситуации с несхожими вариантами сюжетного развития.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для анализа стали рассказы Василия Шукшина «Сапожки» и Бориса Екимова «Пара осенней обуви». Объект исследования — особенности сюжетики в указанных произведениях, предмет — изображение внутреннего мира героев, осмысление мотивов их поступков во внешне сходной ситуации.

Ведущими в исследовании стали сравнительно-исторический метод и метод целостного анализа, применение которых дало возможность провести сопоставление рассказов В. Шукшина и Б. Екимова и выявить особенности миростроительных интенций писателей, разницу в отношении к человеку.

Теоретической основой статьи стали ключевые литературоведческие работы, посвященные исследованию «деревенской» прозы и традиционализма как актуального вектора литературного процесса второй половины XX века [Ковтун, 2017; Плеханова, 2012; Крылова, 2022; Цветова, 2008; Иванова, 2013], а также творчества отдельных его представителей: В. М. Шукшина [Сигов, 1999; Бодрова, 2011; Куляпин,

2015; Плеханова, 2020; Воробьева, 2015] и Б. П. Екимова [Мокрова, 2003; Кожевникова, 2002; Васильев, 1988; Бараков, 2015; Роднянская, 1996].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы второй половины XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории фабулы и сюжета, жанровой специфике рассказа, «деревенской» прозе, а также непосредственно творчеству Василия Шукшина и Бориса Екимова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Событие добра в рассказе В. Шукшина «Сапожки»

Рассказ «Сапожки» был написан В. Шукшиным в 1970 году и включен в сборник «Характеры» (1973), «экзистенциальная напряженность» [Ковтун, 2017, с. 378] которого обусловлена тем, что герои размышляют над вечными вопросами, не решив которые жить невозможно. Герои писателя, несмотря на невысокий социальный статус, простую профессию и небольшой достаток, оказываются людьми, способными на неординарный, парадоксальный по житейским меркам поступок. Шукшин декларирует свой интерес к сложному человеческому материалу: «Когда герой не выдуман, он не может быть только безнравственным или только нравственным» [Шукшин, 1992, т. 5, с. 403].

Фабула рассказа незатейлива, что характерно для малой прозы писателя. Приехавший в город за запчастями шофер Сергей Духанин увидел в магазине женские сапожки, «и потерял покой: захотелось купить такие жене» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 415], и купил. По приезде домой обнаружилось, что Клавдии они малы.

Суть рассказа — в разном понимании главного события, в выявлении неординарных оценок поступка главного героя. С прагматической точки зрения, ситуация нелепа: Духанин покупает без примерки дорогие сапожки, непригодные для повседневной носки в деревне. В эту логику укладывается реакция продавщицы, не желающей даже показывать ему сапожки, и мужиков-шоферов, оценивающих поступок Сергея как «глупость». Все попытки героя объяснить покупку безуспешны.

Шукшин строит сюжет героя как неподвластный его осмыслению внезапный слом привычной логики существования. Сергей Духанин оказывается в одном ряду с «упорным» Моней Квасовым, вдруг решившим сконструировать вечный двигатель, Андреем Ериным, утаившим от

семьи деньги на покупку микроскопа. Внешне поступок героя не мотивирован. Он совершает дорогую покупку не для того, чтобы заслужить расположение жены, или в качестве извинения. Мотивировка поступка раскрывается во внутреннем монологе Духанина: «И так и подойдешь к этой самой ямке, в которую надо ложиться, — а всю жизнь чего-то ждал. Спрашивается, чего надо было ждать, а не делать такие радости, какие можно делать?» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 416]. Этот аргумент — «сделать радость» — становится для героя решающим. Верность этого сердечного порыва подтверждается тем обстоятельством, что вопреки здравому смыслу Клавдия не ругает мужа: «<...> смотрела на сапожок, машинально поглаживала ладонью гладкое голенище. В глазах ее, на ресницах блестели слезы...» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 421]. Завершает рассказ несобственно-прямая речь, проясняющая авторскую оценку героя: «Улыбнулся сам себе, качнул головой... Но не подумал так: «Купил сапожки, она ласковая сделалась». Нет, не в сапожках дело, конечно, дело в том, что... Ничего. Хорошо» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 422]. Сюжетное действие, начинаясь со слов «потерял покой» и заканчиваясь словами «на душе было хорошо», замыкается на герое, своим поступком отстаивающем право на утверждение в мире добра.

Композиционно рассказ делится на две части, отличающиеся составом героев. В первой Сергей показан в своих социальных связях, во второй — в кругу семьи. Состояние Духанина неодинаковое. Драматическое напряжение в первой части достигается неоднократным проигрыванием ситуации. Герою предстоит выдержать несколько раундов борьбы. Первый — с самим собой, потом — в магазине с продавщицей, потом — в общежитии с мужиками. Бытовая ситуация становится поступком, призванным манифестировать потребность человека в чистой радости.

«Чудик» Василий Князев анекдотично-наивен, житейски бестолков, что проявляется в том, что он прочитывает ситуацию односторонне, со своей точки зрения, о чувствах других не задумывается. Он изначально убежден, что радость переживания происходящего будет общей. Сергей Духанин внешне сложнее устроен, показывает разные реакции на оппонентов: изначально настроенный на принятие со стороны окружающих и осознавший невозможность этого, герой готов говорить с противниками на понятном им языке агрессии (жестко отвечает продавщице, резко и грубо прерывает диалог с мужиками). Необходимость защищаться показывает большую, чем у Князева, зависимость Сергея от мнения окружающих. С «чудиком» его роднит нежелание быть таким, как все, потребность не копировать «добро», а творить его и дарить.

А. И. Куляпин оценивает локус магазина в мире В. Шукшина как «часть пространства насилия и власти» [Куляпин 2015, с. 65]. Очевидно, что Сергей и не мог найти общего языка с «сухопарой продавщицей», заряженной на конфликт. Но ситуация с мужиками-шоферами, по мысли Духанина, должна была развиваться иначе. Он надеялся на понимание, ему «охота было показать сапожки» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 418]. Для мужиков же поведение Сергея за гранью понимания, их способом утверждения собственной правоты становится неприкрытая агрессия, в подтексте которой — неудовлетворенность собственным существованием, зависть к другим, более, с их точки зрения, успешным, причем незаслуженно. Тема их разговоров — деньги, сапожки в их системе ценностей — обувь «на городскую ножку», в которой в деревне и ходить-то некуда. Возникает ситуация-перевертыш: мужики говорят с Сергеем его собственными словами, совершают с сапожком те же манипуляции, что и он. В глазах шоферов *поступок* Духанина становится *проступком*, достойным порицания, своеобразным вызовом мужскому миру, поскольку отсылает к тем проявлениям женско-мужских отношений, о которых не принято говорить и с которыми не пристало считаться.

Наивность героя очевидна: с одной стороны, она проявляется в поступке-порыве, с другой — в том, что он рассчитывает на понимание мужиков. Это свидетельство того, что душа Сергея обособлена, он живет на виду у всех понятную жизнь, и в то же время он подобен любому шукшинскому герою, в душе которого есть «неоскорбляемая часть», невидная другим и, более того, не явленная самому герою. Говорящая фамилия героя «Сапожек» неслучайна.

В мире Шукшина желание сделать добро только внутреннее, оно не может прийти извне, к тому, кто не чувствует его ценности. Поэтому самая важная борьба — это борьба с собой, ее результат определяет дальнейшее развитие ситуации: кто бы герою ни противостоял, он не изменит решения, будет защищать его, даже если внутри «вздрагивает». И все же настоящий адресат поступка Сергея не мужики, а Клавдия и сам он. Герой стремится к празднику души, но понимает: чтобы сделать его себе, нужно сделать его другому человеку. Сапожки для Духанина — не утилитарный предмет, а источник красоты, символ семейного счастья, лада жизни, гармонии взаимоотношений. Их внешний вид поднимает над житейской приземленностью, деревенской грязью, они примета иной, не деревенской или городской — просто другой жизни. Очевидно, что в них нельзя ходить по деревенской грязи, как бесспорно и то, что не для этого они и покупаются. Важна не вещь сама по себе, а те отношения, к которым она отсылает.

Писатель не дает портрет Клавдии, хотя можно без труда домыслить образ деревенской женщины. Автору важнее то, какой видит ее Сергей, а он концентрируется не на внешности жены, а думает о ней как о любимой женщине. Именно поэтому вспоминает, что она «иногда, как маленькая, до слез радуется» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 415]. У Духаниных «слегка забытая» любовь, непрошедшая, она по-прежнему определяет поступки героев. Одна «дорогая минута» радости, о которой думает Сергей, оказывается залогом целой счастливой жизни, противопоставлена повседневному, полному забот существованию: «ребятишки», «хозяйство», «проклятые выпивки» мужа. Во внутреннем монологе герой, размышляя о нужности сапожек жене, переходит от «она» к «они» и обратно, включая, таким образом, фигуру супруги в более широкий контекст непростой женской судьбы и не отделяя ее от мужской.

Сергею «повезло» больше многих шукшинских «чудиков», которые часто остаются непонятыми даже в собственной семье. Пример тому — Алеша Бесконвойный, чья жена не приняла субботнего увлечения мужа, а «отступилась», или Василий Князев, которому жена «разъясняет» его «ничтожество», или Андрей Ерин, супруга которого «побежала за сковородником» «душу отвести». В рассказе «Сапожки» лад семейной жизни Духаниных подчеркивается их одинаковыми реакциями: Клавдия «тряхнула головой», Сергей «тоже тряхнул головой». Дома ситуация разворачивается именно так, как ее хотел видеть Сергей: на ресницах жены «блестят слезы». Герои эмоционально тождественно переживают покупку и понимают ее смысл одинаково. Белый «мирок» внутри сапожек, который Духанин защищает от «грязных лап» других, становится обозначением семейной гармонии. Сергей внезапно обнаружил главное в своей жизни: он не ошибся в выборе жены, выбрал ту, что чувствует то же, что и он. Как справедливо отмечает В. Сигов, данный рассказ Шукшина приоткрывает для читателей «чистый родник народной жизни», героев, сумевших в мирской суете сохранить свои «светлые души» [Сигов, 1999, с. 27].

Событие добра в рассказе состоялось. Неспособность героя сформулировать конечную мысль объясняется невозможностью словесно оформить чувство, заполнившее его душу, описать событие прозрения, которое было бы невозможно без волевого усилия Сергея. Он защитил душу, умножил радость, супружескую любовь, подал пример дочкам. Драматичность В. Шукшина заключается в понимании, что то, что должно быть императивом повседневного существования, в его художественном мире явлено как исключение, как «редкая гостья-минута», потому она и переживается героями так остро.

3.2. «Мысль семейная» в рассказе Б. Екимова «Пара осенней обуви»

Рассказ «Пара осенней обуви» был написан в 2015 году и включен Борисом Екимовым в сборник «Возвращение» (2016). Отсылка к шукшинским «Сапожкам» очевидна: ключевая деталь вынесена в заглавие. Есть и рифмующиеся эпизоды. Один из них — эпизод в магазине. В «Сапожках» продавщица «молча, зло смотрела», «в глазах ее <...> стояла белая ненависть», «была и ненависть, и какое-то еще странное удовольствие», «швырнула ему один сапожок» [Шукшин, 1992, т. 4, с. 416—417]. Такое же удовольствие, связанное с возможностью унижить человека, испытывает и продавщица в рассказе Екимова: «усмехнулась», «в глазах вспыхнул злой огонек», «процедила <...> с такой откровенной ухмылкой» [Екимов, 2016, с. 279—280]. Похоже и поведение в магазине героев. Сергей «струсил», Алексей «обычно <...> продавщиц побаивался», оба неприятно поражены ценой сапожек / ботишков, оба вызывающе ведут себя: Духанин грубит продавщице, герой Екимова на словесный отпор не решается, однако покупка им обуви матери — во многом реакция на появившееся в магазине чувство собственной униженности, неслучайно он, привыкший слушаться жену, не возвращает покупку.

Сопоставляя рассказы на уровне традиционно сильных позиций текста — названий, отметим его подчеркнуто прозаический характер у Екимова. У Шукшина в первом же абзаце возникает мотив ожидания праздника, чуда преображения души; у Екимова сапожки нужны не для восполнения дефицита радости, а чтобы удовлетворить житейскую потребность: «На ноги бы чего... Вот ныне, к осени» [Екимов, 2016, с. 277]. Если в «Сапожках» внимание автора сосредоточено на образе главного героя, который сразу воспринимает приобретение сапожек как жест неординарный, переживает «нечаянный, большой <...> смысл» покупки, то в рассказе «Пара осенней обуви» покупка встраивается в сюжет туристической поездки героев и становится событием только по их возвращении. Неслучайно в произведении много бытовых подробностей, связанных с перемещениями героев из города в город, экскурсиями, покупками для родных и соседей, в череде этих дел приобретение Алексеем ботишков выделяется только неоправданной, с точки зрения героев, расточительностью.

Если Шукшину интересен герой, проявление его характера в неожиданном поступке, то внимание Б. Екимова сосредоточено на «мысли семейной», повседневном течении жизни, вскрывающей подлинную натуру персонажей. В его рассказе воссоздан отточившийся за годы совместной жизни уклад, когда у каждого члена семьи свой круг обязанностей:

Мартиновна «с утра и до ночи, в меру сил, копошилась по хозяйству» [Екимов, 2016, с. 276], у Алексея и Ольги, помимо работы в колхозе, большое домашнее хозяйство, требующее ежедневных усилий: «Картошка не копана, соломы не привезли. О дровах не думаешь. <...> Скотину на кого кинуть? Скоро зернецо будут давать» [Екимов, 2016, с. 275], старшая дочь, «считай, невеста» [Екимов, 2016, с. 275], есть младшие дети. Сложилась и иерархия отношений: Мартиновна уступила роль хозяйки, верховодит в семье Ольга, Алексей «обычно жену слушал». Разный ритм жизни героев подчеркнут антитезой суматохи, которую вызывает поездка у Алексея с Ольгой, их детей и соседок, и неизменно спокойного существования Мартиновны, которая «жила, как обычно» [Екимов, 2016, с. 276].

Отношения между Ольгой и Мартиновной укладываются в привычную бытовую парадигму «невестка — свекровь» и отражают сложившийся уклад деревенской жизни, когда мать доживала с одним из сыновей, как правило, младшим. Невестка, войдя в семью, вынуждена была искать свое место в ней, выстраивать отношения с матерью мужа, входить в хозяйственные дела, постепенно с течением времени становясь хозяйкой в доме. Вместе с тем ситуация с подарком указывает на то, что невестка со свекровью считается мало. Собираясь в поездку и принимая заказы от соседок, Ольга про свекровь вспоминает «в последний вечер», никаких вариантов, кроме платка, не предлагает, не слышит, что матери он не нужен, не идет выбирать ей обувь (Алексей тоже вспоминает, что ничего не купил матери, накануне отъезда), устраивает скандал, узнав о цене ботинок, полна решимости продать их соседям и в итоге привозит платок. Он соотносится Мартиновной с концом жизни: «У меня этих платков... <...> с каждых похорон. До смерти» [Екимов, 2016, с. 276]. Купленный Ольгой платок «черный с розами», главное его достоинство — «недорогой <...>, а приглядный» [Екимов, 2016, с. 282]. О непростом совместном проживании героев свидетельствует и «нехорошая» реплика невестки — ее ответ дочери о назначении привезенных ботинок: «Это сынок маме купил» [Екимов, 2016, с. 282]. Неприкрытая издевка заставляет предположить, что спокойный, незлобивый Алексей, не привыкший настаивать на собственной правоте и смирившийся со вторым местом в семейной иерархии, не относится к числу умеющих жить и не пользуется у жены уважением, что переносится и на его мать.

О положении матери в доме свидетельствует такая пространственная деталь: она живет в «боковухе», что символично: вроде в семье, но не в центре, Мартиновна старается жить так, чтобы не мешать, занимать меньше места. Просьба об «осенней обуви» высказывается «тихо», ге-

роиня «боится просить» не потому, что робеет перед невесткой, а потому, что знает, как тяжело достаются деньги и по привычке экономит на себе.

С образом Мартиновны связаны элементы ретроспекции, причем они более значительны, чем в рассказе «Сапожки». Они открывают историю матери, которая прожила ту жизнь, которую могла в свою эпоху. Биография героини сведена к нескольким фразам, характеризующим ее жизнь как трудовую и бедную: «Пятерых детей подняла», «Всю жизнь в колхозной работе» [Екимов, 2016, с. 276]. Очевидно, что Мартиновна не привыкла думать о себе, не имела возможности удовлетворять свои потребности. Режим выживания нашел выражение в характерных портретных деталях: «вдовий плат на голове, суровые морщины, померкший свет в глазах» [Екимов, 2016, с. 276].

Героиня Екимова часто несет груз прошлого, мучительно переживая некоторые события собственной жизни. Он настаивает именно старого человека, будто давая возможность переосмыслить жизнь, отгоревать, примириться, простить себя. То, что Мартиновна помнит трофейные ботинки, свидетельствует о том, что ее детство и юность были тяжелыми: это довоенное, военное и послевоенное время. Ботинки должны были стать точкой отсчета счастья, неслучайно их появление у Мартиновны соотносится со свадьбой — символическим началом новой жизни. Становится понятно, что ничего дороже и красивее у героини не было. Жизнь ее прошла быстро, в «ежедневной суете и мельтешении» (В. Распутин). Героиня ни на что не жалуется: «Но Мартиновна плакала, и в слезах ее кто виноват был... Длинная нескладная жизнь?» [Екимов, 2016, с. 283].

Тихий, незаметный материнский подвиг самопожертвования, отречение от себя как от женщины воспринимаются всеми, да и самой героиней буднично и естественно. Екимов воспроизводит эгоистичную, но привычную логику жизни, которая состоит в отношении детей к матери как к человеку без потребностей, доживающему. С точки зрения Ольги, платок — предел потребностей свекрови, продавщица, узнав, что Алексей ищет обувь матери, отправляет его в соседний отдел, где продаются калоши, да и сам герой убежден, что ботинки для матери «дороговаты».

Невольно возникает параллель между Мартиновной и Ольгой с точки зрения их реализации в материнстве. Невестка переживает, на кого оставить детей, помнит, что «дочь невеста» и ее нужно приодеть. Мартиновна заботится и о взрослых детях. Но ситуации похожи только внешне. Если мать прожила, довольствуясь малым, то невестка в поездке о себе не забывает («себе так набрала» [Екимов, 2016, с. 278]). Мартиновна действительно отдает последнее и делает это, чтобы спасти детей от голода, а не

чтобы порадовать обновкой. Ольга «с ходу причитает», что муж потратил «последнюю денежку» на мать: «Дочь невеста... Хотела ей...» [Екимов, 2016, с. 281]. Понятно, что деньги легко героям не достаются, но все же они не в тех суровых обстоятельствах, которые вынудили Мартиновну обменять ботики на еду.

Для каждого героя рассказа Екимова ботики значат свое. Для Ольги — это странный поступок мужа, неразумная трата. Для Алексея — жест сына, не жалеющего для матери денег. Он думает о покупке обуви как о поводе для нее погордиться сыном, проявлении его любви и внимания («Сын привез», — скажет мать» [Екимов, 2016, с. 279]). Дорогая покупка для него — знак другим, демонстрирующий порядок в семье, взаимное уважение, правильное отношение детей к матери. Для Мартиновны ботики — овеществленная мечта и память о молодой себе, ушедших родителей, тяжелой трудовой жизни, которая прошла, будто и не была. Ее жизнь отмеряна от трофейных ботиков до привезенных сыном.

Екимов расширяет семейный, родовой сюжет. За Мартиновной «встают» подарившие ботики родители. Купив матери «пару осеней обуви», Алексей, сам того не понимая, продолжает линию добра, любви, заботы о родных. Ботики отсылают к семейной истории, о которой Алексей не знает. Он поступил так, как когда-то его дед, — не пожалел денег, чтобы порадовать близкого человека. Покупка становится нарушением естественно-трагического порядка жизни, когда думают прежде всего о детях, оставляя старикам довольствоваться малым.

Финал рассказа Екимова отмечен нетипичной реакцией героев: Мартиновна «голову уронила и заплакала», Алексей «не выдержал, вышел на крыльцо, закурил», сказал, «проглотив ком в горле», Ольга «прошептала», «в глазах у нее стояли слезы» [Екимов, 2016, с. 282—283]. Ботики, которые должны были стать яблоком раздора, неожиданно для героев объединили их, подарили счастье переживания нечаянной радости. В их душах есть резерв понимания, жива доброта, заслоненная повседневной жизнью, ее незаметной для глаза естественно-драматической логикой.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на похожесть фабул рассказов, их сюжетное различие очевидно. Герои Шукшина знают, как должно быть, но зачастую отходят от жизненных идеалов, боятся быть добрыми, потому в мире писателя бытийное часто оказывается девальвированным. Его утверждение в рассказе «Сапожки» становится следствием волевого решения героя, его настойчивости и веры. У Шукшина речь идет о самоидентификации человека, о том,

как надо ему вырваться из среды, из «повседневности», из отождествления добра и «барахла» для того, чтобы увидеть себя настоящего, ни на кого не похожего. У Екимова движение сюжета противоположное: в житейски-однозначной ситуации он стремится увидеть не только глубину традиции, но вечную, совсем не деревенскую сложность. Он напоминает своим героям о бытийных основах жизни, с которыми каждому следует соотносить собственное существование.

Исследование имеет перспективу, поскольку сопоставительный анализ произведений В. Шукшина и Б. Екимова позволяет очертить нарративные тактики писателей и обозначить этапы развития «деревенской» прозы второй половины XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Екимов Б. П.* Возвращение : Рассказы о живой жизни / Б. П. Екимов. — Москва : Никая, 2016. — 352 с. — ISBN 978-5-91761-476-2.
2. *Екимов Б. П.* Что же такое героизм? / Б. П. Екимов // Литературное обозрение. — 1986. — № 2. — С. 6—7.
3. *Распутин В. Г.* Что в слове, что за словом : Очерки, интервью, рецензии / В. Г. Распутин. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1987. — 336 с.
4. *Шукшин В. М.* Собрание сочинений в 5 томах / В. М. Шукшин. — Бишкек : Книголюб — Венд, 1992. — Т. 4. — 478 с. — Т. 5. — 510 с.

Литература

1. *Бараков В. Н.* От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) / В. Н. Бараков // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории : Мат. II Междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар : Новация, 2015. — С. 51—53. — ISBN 978-5-905557-65-1.
2. *Бодрова Л. Т.* Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности / Л. Т. Бодрова. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2011. — 372 с. — ISBN 978-5-85716-844-8.
3. *Васильев В.* Высота Бориса Екимова / В. Васильев // Достоинство слова : Литературно-критические статьи и заметки о современной поэзии и прозе. — Москва : Современник, 1988. — С. 150—154.
4. *Великанова И. В.* Автор и герой в прозе Б. Екимова / И. В. Великанова // Вестник ВолГУ. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. — 2011. — № 10. — С. 46—54.
5. *Воробьева А. Н.* Мир Шукшина : рождение героя / А. Н. Воробьева // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2015. — № 10 (19). — С. 92—94.
6. *Иванова И. Н.* Деревенская проза в современной отечественной литературе : конец мифа или перезагрузка? / И. Н. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6—1 (24). — С. 88—94.

7. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 600 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.

8. Кожевникова С. В. Творчество Б. Екимова : динамика «деревенской» прозы последней трети XX века : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / С. В. Кожевникова. — Магнитогорск, 2002. — 209 с.

9. Крылова М. Н. Современная художественная литература о деревне : географический аспект [Электронный ресурс] / М. Н. Крылова // *Studia Humanitatis*. — 2022. — № 1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt> (дата обращения 14.06.2024).

10. Куляпин А. И. Продавцы против покупателей : хронотоп магазина в художественном мире В. Шукшина / А. И. Куляпин // *Филология и человек*. — 2015. — № 2. — С. 63—70.

11. Мокрова М. В. Жанр рассказа в творчестве Б. П. Екимова : традиции и новаторство : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Мокрова. — Волгоград, 2003. — 18 с.

12. Плеханова И. И. Провокация в художественном сознании В. Шукшина : мотивы и пределы испытания смыслов / И. И. Плеханова // *Филологический класс*. — 2020. — Т. 25. — № 1. — С. 18—29. — DOI: 10.26170/FK20-01-02.

13. Плеханова И. И. Творчество Валентина Распутина и философия традиционализма / И. И. Плеханова // *Время и творчество Валентина Распутина*. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — С. 60—90. — ISBN 978-5-9624-0598-8.

14. Роднянская И. Род людской : [О кн. Б. Екимова «Высшая мера»] / И. Роднянская // *Новый мир*. — 1996. — № 11. — С. 237—241.

15. Сигов В. Русская идея В. М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе / В. Сигов. — Москва : Интеллект-центр, 1999. — 302 с. — ISBN 5-89790-021-3.

16. Тагильцев А. В. Борис Екимов : новации и традиции в «деревенской» прозе / А. В. Тагильцев, А. М. Вагапова // *Молодой ученый*. — 2022. — № 22 (417). — С. 594—597.

17. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века / Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. — 220 с. — ISBN 943-5-5684-5531-7.

18. Parthe K. *Russia's Dangerous Texts : Politics Between the Lines* / K. Parthe. — New Haven : Yale University Press, 2004. — 304 p. — ISBN 9780300098518.

*Статья поступила в редакцию 30.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.*

Material resources

Ekimov, B. P. (2016). *The return: Stories about living life*. Moscow: Nikea. 352 p. ISBN 978-5-91761-476-2. (In Russ.).

Ekimov, B. P. (1986). What is heroism? *Literary Review*, 2: 6—7. (In Russ.).

Rasputin, V. G. (1987). *What's in the word, what's behind the word: Essays, interviews, reviews*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Shukshin, V. M. (1992). *Collected works in 5 volumes*. Bishkek: Knigolyub — Venda. T. 4—5. (In Russ.).

References

- Barakov, V. N. (2015). From “village prose” to prose about the village (Boris Ekimov, Stanislav Mishnev, Alexander Kirov). In: *Yu. I. Seleznev's legacy and actual problems of journalism, criticism, literary criticism, history: Mat. II International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Novation. 51—53. ISBN 978-5-905557-65-1. (In Russ.).
- Bodrova, L. T. (2011). *Small prose by V. M. Shukshin in the context of modernity*. Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 372 p. ISBN 978-5-85716-844-8. (In Russ.).
- Ivanova, I. N. (2013). Village prose in modern Russian literature: the end of a myth or a reboot? *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6—1 (24): 88—94. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts*. Moscow: Flint: Nauka. 600 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).
- Kozhevnikova, S. V. (2002). *B. Ekimov's creativity: dynamics of “rustic” prose of the last third of the twentieth century*. PhD Diss. Magnitogorsk. 209 p. (In Russ.).
- Krylova, M. N. (2022). Modern fiction about the village: geographical aspect. *Studia Humanitatis*, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt> (accessed 14.06.2024). (In Russ.).
- Kulyapin, A. I. (2015). Sellers against buyers: the chronotope of the store in the art world of V. Shukshin. *Philology and man*, 2: 63—70. (In Russ.).
- Mokrova, M. V. (2003). *The genre of the story in the work of B. P. Ekimov: traditions and innovation*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 18 p. (In Russ.).
- Parthe, K. (2004). *Russia's Dangerous Texts: Politics Between the Lines*. New Haven: Yale University Press. 304 p. ISBN 9780300098518.
- Plekhanova, I. I. (2020). Provocation in the artistic consciousness of V. Shukshin: motives and limits of the test of meanings. *Philological class*, 25 (1): 18—29. DOI: 10.26170/FK20 01 02. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2012). The work of Valentin Rasputin and the philosophy of traditionalism. In: *The time and creativity of Valentin Rasputin*. Irkutsk: Publishing House of the ISU. 60—90. ISBN 978-5-9624-0598-8. (In Russ.).
- Rodnyanskaya, I. (1996). The human race: [About the book by B. Ekimov “The Highest measure”]. *Novy Mir*, 11: 237—241. (In Russ.).
- Sigov, V. (1999). *Russian idea V. M. Shukshin. The concept of national character and national destiny in prose*. Moscow: Intellect Center. 302 p. ISBN 5-89790-021-3. (In Russ.).
- Tagiltsev, A. V., Vagapova, A. M. (2022). Boris Ekimov: innovations and traditions in “rustic” prose. *Young Scientist*, 22 (417): 594—597. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2008). *Eschatological topic of Russian traditional prose of the second half of the twentieth century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 220 p. ISBN 943-5-5684-5531-7. (In Russ.).

- Vasiliev, V. (1988). The height of Boris Ekimov. In: *The dignity of the word: Literary and critical articles and notes on modern poetry and prose*. Moscow: Sovremennik. 150—154. (In Russ.).
- Velikanova, I. V. (2011). The author and hero in the prose of B. Ekimov. *Bulletin of the Volga. Series 8. Literary studies. Journalism, 10*: 46—54. (In Russ.).
- Vorobyova, A. N. (2015). The world of Shukshin: the birth of a hero. *Eurasian Union of Scientists (EUU), 10 (19)*: 92—94. (In Russ.).

*The article was submitted 30.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Игоревич Егоров, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Анатолий Васильевич Смолин, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Андрей Валерьевич Сушков, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Владимирович Зимаков, канд. экон. наук (Москва)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Виктор Николаевич Чепик, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Николаевич Барышников, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владимир Петрович Трут, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Дмитрий Анатольевич Сафонов, д-р истор. наук (Тамбов)
Евгений Андреевич Колосков, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Викторовна Костецкая, канд. филол. наук (Тюмень)
Кристина Евгеньевна Зольникова, исследователь (Тюмень)
Людмила Николаевна Сулова, канд. истор. наук (Тюмень)
Маргарита Игоревна Тулузакова, канд. истор. наук (Самара)
Николай Анатольевич Власов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Павел Владимирович Ильин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Сергей Олегович Буранок д-р истор. наук (Самара)
Степан Александрович Пьянков, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Информация для цитирования:

Барышников В. Н. План Рапацкого : к вопросу о политике малых стран Центральной и Восточной Европы во второй половине 1950-х годов / В. Н. Барышников, А. В. Смолин, В. Н. Чепик // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 305—321. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-305-321.

Baryshnikov, V. N., Smolin, A. V., Chepik, V. N. (2024). Rapacki Plan: Policy of Small States in Central and Eastern Europe in Second Half of 1950s. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 305-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-305-321. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

План Рапацкого: к вопросу о политике малых стран Центральной и Восточной Европы во второй половине 1950-х годов

Барышников Владимир Николаевич
orcid.org/0000-0002-7594-5063
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
нового и новейшего времени
vbaryshnikov@mail.ru

Смолин Анатолий Васильевич
orcid.org/0000-0001-9504-7933
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории
нового и новейшего времени
smolin1947@yandex.ru

Чепик Виктор Николаевич
orcid.org/0000-0002-4944-7167
кандидат исторических наук, старший
преподаватель кафедры истории
нового и новейшего времени,
корреспондирующий автор
victor_chepik@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Rapacki Plan: Policy of Small States in Central and Eastern Europe in Second Half of 1950s

Vladimir N. Baryshnikov
orcid.org/0000-0002-7594-5063
Doctor of History, Professor,
Department of History
of Modern and Contemporary Times
vbaryshnikov@mail.ru

Anatoly V. Smolin
orcid.org/0000-0001-9504-7933
Doctor of History, Professor,
Department of History
of Modern and Contemporary Times
smolin1947@yandex.ru

Victor N. Chepik
orcid.org/0000-0002-4944-7167
PhD of History, Senior Lecturer,
Department of History
of Modern and Contemporary Times,
corresponding author
victor_chepik@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о роли малых стран в решении вопросов безопасности в Центральной Европе. На примере разработки плана Рапацкого авторы прослеживают особенности национальных интересов малых стран как Западной, так и Восточной Европы. Эти интересы были направлены на развитие европейской интеграции, решение германского вопроса и ослабление политической и экономической зависимости от СССР. Особое внимание уделяется членству ФРГ в НАТО и роли Соединённых Штатов, Великобритании и других членов альянса при попытке решения вопросов европейской безопасности на уровне малых стран.

Несмотря на то, что план Рапацкого так и не был реализован, его цели были частично достигнуты. Во-первых, предотвращено вооружение ФРГ американским ядерным оружием и размещение на её территории американских ракет средней дальности; во-вторых, произошло расширение экономического сотрудничества, положившее начало эрозии «железного занавеса»; в-третьих, возникла «универсальная идея безъядерных зон»; в-четвёртых, предприняты реальные шаги по предотвращению ядерной войны.

Ключевые слова:

безъядерная зона; германский вопрос; европейская безопасность; европейская интеграция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the role of small states in addressing security issues in Central Europe. Through an examination of the development of the Rapacki Plan, the authors trace the distinctive features of the national interests of small states in both Western and Eastern Europe. These interests were oriented towards the advancement of European integration, the resolution of the German question, and the mitigation of political and economic dependence on the USSR. Special attention is given to the Federal Republic of Germany's (FRG) membership in NATO and the roles played by the United States, the United Kingdom, and other alliance members in attempts to address European security issues at the level of small states. Although the Rapacki Plan was never fully realized, its objectives were partially achieved. First, the arming of the FRG with American nuclear weapons and the deployment of American intermediate-range missiles on its territory were prevented; second, economic cooperation expanded, initiating the erosion of the "Iron Curtain"; third, a "universal idea of nuclear-free zones" emerged; and fourth, concrete steps were taken to prevent nuclear war.

Key words:

nuclear-free zone; German question; European security; European integration.

План Рапацкого: к вопросу о политике малых стран Центральной и Восточной Европы во второй половине 1950-х годов

© Барышников В. Н., Смолин А. В., Чепик В. Н., 2024

1. Введение = Introduction

В 1950-е годы на фоне интеграционных процессов как в Западной, так и в Восточной Европе активизировалась роль малых европейских стран в политических процессах. Их активность обуславливалась и неспособностью «великих держав» разрешить возникшие в ходе холодной войны противоречия. Одним из них являлся германский вопрос. Его обострение во второй половине 1950-х годов было связано с перспективой вооружения Западной Германии ядерным оружием. В этой связи предложение польского министра иностранных дел Адама Рапацкого о создании безъядерной зоны с участием двух немецких государств могло бы снизить возникшую напряжённость и приблизить страны к решению проблемы объединения.

Роль малых стран Запада при обсуждении вопросов европейской безопасности в контексте плана Рапацкого ещё не являлась объектом исследования в историографии. Несмотря на изученность содержания польских предложений, в историографии по-прежнему нет однозначных ответов относительно причин выдвижения плана именно малой страной социалистического блока, а также принадлежности самой идеи плана (была ли это польская идея или «завуалированные» советские предложения). В зарубежной историографии до сих пор муссируется мысль о плане как о советском проекте, в котором Польше (ПНР) отводилась роль посредника [Staar, 1958; Deutsch, 1966; Albrecht et al., 1983]. Утверждается, что советский блок выдвигал предложения по денуклеаризации отдельных районов Европы с целью использовать безъядерные зоны в качестве средства политической войны [Kourkouvelas, 2012].

Общими негативными тенденциями, присущими как российской, так и зарубежной историографии холодной войны, можно считать восприятие политики малых стран в контексте противостояния между сверхдержавами и игнорирование возможности существования собственных национальных

интересов, отличных от блоковых интересов «сверхдержав». Признаем, что реализация этих интересов была в большинстве случаев невозможна в контексте холодной войны, но сам факт попытки их объективации и продвижения нельзя недооценивать при общем анализе перспектив налаживания сотрудничества между малыми странами или на низком уровне межблочной политики. Оценить влияние такой политики на решения, принимаемые на уровне великих держав, в частности западного блока, является целью данного исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Содержание и оценки самого плана Рапацкого даны в ряде работ западных исследователей. Так, бельгийский публицист Э. Дзелепи оценил план Рапацкого как угрозу Западу, который в случае реализации мог привести к его расколу и выводу американских войск [Дзелепи, 1959, с. 126]. Другой исследователь А. Д. Карин выдвигает достаточно дискуссионную точку зрения об отсутствии единства среди руководства двух социалистических государств ПНР и ГДР, что помешало формированию единого подхода к проблеме атомного разоружения [Карин, 2022, с. 28]. Новую дискуссию относительно роли малых стран в годы холодной войны (но не в контексте предложений Рапацкого) начинают Л. Крамп и С. Эрландсон. В монографии под их редакцией высказывается интересное предложение — называть малые европейские страны периода холодной войны «малыми державами» и относить к ним все европейские государства, кроме Советского Союза [Crump et al, 2020, p. 4]. В связи с этим значительно возрастает роль всех «малых» европейских стран, к которым, следуя данной логике, нужно относить и Великобританию, и Францию. В этой связи возникает новый вопрос: насколько обоснованно применение термина *державы* к малым европейским странам в контексте обсуждения плана Рапацкого?

Источниковой базой исследования послужили дипломатические документы польского происхождения, переведенные на английский язык и хранящиеся в архиве Вудро Вильсона в США; материалы Европейского архива. Введение в научный оборот новых документов позволяет не только проследить усилия польской дипломатии, но и выявить связь вопросов безопасности с германским вопросом и тенденцией к формированию нового центра силы в рамках малой Европы, выступавшей на стороне Запада.

Кроме того, в историографии выделяется ряд работ, выполненных на основе архивных документов других стран, которые помогут дополнить и раскрыть в более широком контексте реакцию малых стран на план Рапацкого. К таким исследованиям относится работа венгерской исследовательницы М. Зольган, которая анализирует доклады дипломатического корпу-

са Австрии и Венгрии, дополняя дипломатическую атмосферу, связанную с обсуждением плана Рапацкого [Zoltán, 2008]. На шведских, западно- и восточногерманских архивных материалах основана статья А. Мущик. Автор подтверждает идею о том, что Швеция не была по-настоящему нейтральной страной, и анализирует причины решения Швеции встать на сторону Запада по «германскому вопросу» [Muschik, 2006].

Таким образом, доступные источники и литература позволяют в контексте плана Рапацкого провести всесторонний анализ результатов политики «малой» страны социалистического блока, а также оценить позиции «малых» стран Запада в ходе многочисленных обсуждений польского плана.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предыстория и предпосылки

Непосредственной причиной для выдвигания плана по созданию безъядерной зоны в Центральной Европе стало стремление ФРГ получить доступ к ядерному оружию. Вступив в НАТО в 1955 году, ФРГ старалась не отставать от других европейских членов альянса, ставших на путь перевооружения с американской помощью. В марте 1957 года совет НАТО принял решение обеспечить всех членов НАТО, включая ФРГ, оружием двойного назначения (то есть ракетами, способными нести как обычный, так и ядерный заряд). Принимая такое решение, по признанию немецкого исследователя Густава Шмидта, союзники, главным образом США, пошли на риск, «чтобы удержать Германию в западном лагере в качестве равноправного партнера» [Schmidt, 1994, p. 169].

Отметим, что в 1950-е годы и на Востоке, и на Западе пытались решить германский вопрос, предлагая разные способы объединения Германии. Всем известна «нота Сталина» 1952 года, в которой предлагалось объединить Германию на условиях её нейтралитета. С советской точки зрения нейтральная и слабая в военном отношении Германия теоретически могла бы стать буферным государством между вооруженными силами двух сверхдержав. Однако на Западе опасались, что нейтральная Германия окажется под сильным влиянием социалистических идей с Востока и не сможет принять дальнейшего участия в интеграционных проектах [Krige, 2016, p. 38].

Именно с целью привлечь объединенную Германию к интеграционным процессам Запада в 1953 году министр иностранных дел Бельгии Пол ван Зеланд предложил объединение Германии с условием передислокации американских и английских войск с оккупированных германских территорий во Францию и на территорию стран Бенилюкса, а советских войск — за Вислу. Вопросами обороны занималась бы европейская армия, созданная в результате реализации масштабного интеграционного проек-

та, направленного на формирование Европейского политического союза. Согласно плану, многонациональные группы европейской армии должны были расположиться на территории объединенной Германии от Одера до западных границ с Францией и Бельгией, а территорию между Одером и Вислой занимали бы исключительно польские войска [Schmidt, 1994, p. 165]. Очевидно, что это предложение являлось более предпочтительным для Бонна, но неприемлемым для Советского Союза.

Временная разрядка закончилась, когда стало очевидно, что ничто не может остановить перевооружение ФРГ. Перспектива наличия у ФРГ ядерного арсенала превратилась в реальную угрозу для стран социалистического блока ввиду опасения роста реваншистских настроений. Советские дипломаты на заседании Политической консультативной комиссии Варшавского договора 28 января 1956 года подняли вопрос о создании особого сектора (или буферной зоны) между Западом и Востоком с ограничением вооруженных сил двух германских государств и их союзников и заморозкой всего ядерного оружия, имевшегося на то время на территории Восточной и Западной Германии. По сути, это было первое конкретное предложение о создании безъядерной зоны в Европе. Однако вооружённое подавление венгерского восстания в октябре 1956 года подорвало авторитет СССР на Западе, и после этого инициатива по заморозке ядерных вооружений и созданию безъядерных зон в Европе переходит к малым странам. Инициатором в этом процессе выступила не Варшава, а Бухарест. Летом 1957 года Румыния представила предложения по денуклеаризации Балкан, а в сентябре направила официальное обращение к Албании, Болгарии, Югославии, Греции и Турции с предложением обсудить создание «зоны мира», свободной от ядерного оружия. Однако на Западе расценили это как попытку СССР ослабить позиции НАТО в регионе, поскольку в предполагаемую зону должны были войти два члена НАТО — Греция и Турция [Kourkouvelas, 2012, p. 199]. В результате первому плану так и не удалось предотвратить размещение в марте 1959 года американских ракет среднего радиуса действия «Юпитер» в Турции, в зону поражения которых входила Москва. С этой точки зрения интересны результаты второго плана по созданию безъядерной зоны в Центральной Европе, поскольку в эту зону планировалось включить ФРГ, и, как следствие, весь комплекс связанных с ней противоречий, которые не удавалось разрешить на уровне великих держав.

Выдвижению инициативы со стороны «малой страны» способствовала и общая атмосфера внутри социалистического лагеря. Осенью 1956 года завершился кризис в советско-польских отношениях, вскрывший «принципиальную несовместимость между социальными и нравственными устремлениями весьма значительной части польского общества», с одной

стороны, и упорно навязываемой Москвой «моделью социализма» и закреплением советского господства в Восточной Европе, — с другой [Нежинский, 1995, с. 237]. В принятой 30 октября «Декларации правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами» отмечалось, что отношения между странами «великого содружества социалистических наций» будут выстраиваться на «принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга» [Там же, с. 236]. Во многом эта Декларация и завершившиеся в середине ноября 1956 года советско-польские переговоры, на которых были урегулированы весьма болезненные для польского общественного мнения проблемы «неравноправности экономических отношений», способствовали росту кредита доверия правительству страны, ставшей на путь освобождения от «пут сталинизма» [Там же].

3.2. Содержание и скрытые цели плана

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, министр иностранных дел Польши Адам Рапацкий выступая на Генеральной Ассамблее ООН 2 октября 1957 года, предложил создание безъядерной зоны в Центральной Европе. Он заявил, что инициатива правительства Польской Народной Республики была предварительно согласована с другими членами Варшавского договора, и подчеркнул, что «если оба германских государства согласятся на введение запрета на производство и хранение ядерного оружия на своей территории, то Польская Народная Республика готова ввести такой же запрет на своей территории» [Zoltán, 2008, p. 261]. В декабре 1957 года правительство Польской Народной Республики повторило это предложение по дипломатическим каналам. Его главной целью являлось «снижение напряженности в отношениях между странами, которые имеют различные политические системы» [Wilsoncenter. Reactions to Minister Rapacki's UN Proposal, 1958].

Содержание и детали плана хорошо известны историкам [CVCE. The Rapacki Plan, 1958]. Территориально он охватывал четыре страны: Польшу, Чехословакию, ГДР и ФРГ. К его реализации планировалось привлечь четыре державы, чьи войска находились на территории предполагаемой зоны и которые либо уже обладали ядерным оружием, как США, СССР и Великобритания, либо находились на завершающем этапе его создания, как Франция [Wilsoncenter. Note of Foreign Minister A. Rapacki, 1958].

Учитывая предшествующий негативный опыт, разработчики плана старались избежать тех аспектов, которые уже упоминались в ранее предлагавшихся проектах и стали предлогом для их отклонения. В частности,

он не касался вывода иностранных войск с территории стран, входящих в предполагаемую зону; не затрагивал непосредственно германского вопроса и статуса Западного Берлина. Вместе с тем это вовсе не означало, что его целью не являлось мирное решение германского вопроса. А. Рапакский призывал не доверять убеждениям Запада о том, что «факт членства ФРГ в НАТО, в “Общем рынке” и во всех формах так называемого Западного союза является лучшей гарантией миролюбивой политики этого государства» [Rapacki, 1963, p. 3]. По его словам, Польша выдвинула свое предложение «именно в тот момент, когда назрела необходимость пересмотра политики Запада по германскому вопросу» [Ibid., p. 6]. Фундаментальной основой для реализации польского плана должна была стать идея «баланса безопасности», призванная заменить концепцию «баланса сил», во имя которой велось так много войн [Ibid., p. 7]. Реализация плана не нарушала бы и устоявшийся баланс сил, что особенно беспокоило Запад. Какова же была реакция Запада на очередной шаг к разрядке, но уже со стороны малой страны социалистического блока?

3.3. Реакция «малых» стран Запада на польский план

Заручившись поддержкой социалистических стран, предполагаемых членов безъядерной зоны, и СССР, польская дипломатия направила свои усилия на получение согласия ФРГ. В ожидании ответа от Бонна, в Варшаве сосредоточились на поиске посредников, которые могли бы повлиять на ситуацию и ускорить положительное решение ФРГ. Облегчало задачу и то, что идея ядерного разоружения к тому времени уже приобрела достаточную популярность, особенно в среде западной социал-демократии. Именно на эту политическую силу сделали ставку в Польше. Перед министерством иностранных дел ставилась задача «охватить как можно больше социал-демократических кругов Запада с целью укрепления контактов и развития сотрудничества с ними» [Wilsoncenter Record of the Conference of Chiefs of Diplomatic Missions, 1958]. И эта тактика сработала. Среди сторонников плана оказались все социалистические партии. Их представители высказались за необходимость продолжения переговоров с Востоком и рассматривали зону, свободную от атомного оружия, в центре Европы как «серьезный шаг на пути к разрядке» [Wilsoncenter Regarding the attitude of the Socialist International to the Rapacki Plan, 1958]. Самая сильная поддержка польского плана исходила от социал-демократов Западной Германии. Лидер СДПГ Э. Олленхауэр заявил, что польский план являлся на то время «единственным возможным способом сближения и, в конечном счете, объединения, посредством участия обеих Германий в ядерном разоружении» [Ibid.].

Среди стран, которые поддержали идею безъядерной зоны и настаивали на тщательном обсуждении плана Рапакского, оказались Швеция, Нор-

вегия и Дания. Так, по признанию секретаря Коммунистической партии Дании И. Нюрлунда, «скандинавские народы в своём большинстве всегда будут поддерживать такую инициативу, поскольку пацифизм глубоко укоренился в этих обществах» [Wilsoncenter. Wasiluk, 1958].

Более того, с целью подтолкнуть великие державы к решению вопроса о запрете распространения ядерного оружия такая нейтральная страна, как Швеция, прибегла даже к политическому шантажу. Министр обороны Швеции С. Андерссон намеренно раскрыл государственную тайну о том, что сама Швеция ещё не приняла решение о собственном ядерном оружии и ждала развития дальнейших событий. По словам С. Андерссона, в Швеции продолжались исследования в ядерной сфере, «так что с момента принятия решения (это могло произойти в течение года или двух), через 6—8 лет Швеция могла бы иметь свои собственные атомные бомбы» [Wilsoncenter, № 7163, 1958]. Более того, у Швеции нашлось и своё дополнение к польскому плану. Как считали в правительстве, польский план, хотя и охватывал значительную часть Европы, но не включал такую важную её часть, как Венгрия.

Среди сторонников диалога с Польшей по плану Рапацкого оказалась Франция. Однако первоначально в правительстве скептически относились к «денуклеаризация четырех государств в самом сердце Европы» с учетом развития ракетных арсеналов. Для министра иностранных дел Франции К. Пино план являлся «понятным и даже интересным», но только в контексте «признания границ по линии Одер-Нейсе и решения германского вопроса» [Wilsoncenter, № 502, 1958].

Большинство депутатов Европейской Ассамблеи в Страсбурге в январе 1958 года настаивали на «изучении польского предложения» [Дзелепи, 1959, с. 46]. Через месяц бельгийское правительство высказалось о плане Рапацкого как «ценном вкладе в прекращение гонки вооружений и переход к всеобщему разоружению» [Там же, с. 48].

Растущий интерес к плану Рапацкого в Европе отмечала и западная пресса. Причём прессу беспокоило не содержание плана, а тот факт, что Европа сама занималась вопросом безопасности, не обращая внимания на интересы США. «Теперь лейбористской партии будет достаточно победить в Англии, и окажется, что Соединенные Штаты находятся вне Европы», — заявлял редактор американского журнала «Репортер» М. Асколи [Wilsoncenter. Report of the permanent representative at the UN in New York on reactions to the Rapacki Plan, 1958]. И только правительство Западной Германии не только не поддерживало, но и даже боялось перспективы ухода США из Европы. Более того, в Бонне планировали использовать поддержку Соединенных Штатов при обсуждении проекта безъядерной зоны.

Для ФРГ по-прежнему оставался актуальным вопрос объединения Германии, и любые соглашения с Востоком были обусловлены перспективой его решения. Так случилось и с планом Рапацкого. В Западной Германии сделали ставку на обеспечение поддержки собственной позиции со стороны как США, так и Великобритании. Во время визита К. Аденауэра в Лондон в апреле 1958 года стороны скоординировали совместные действия и заявили о своём намерении продолжать международную дискуссии и «представить Польше вопросы и требования о разъяснении тех аспектов плана, которые считаются неясными или вызывают некоторые сомнения» [Wilsoncenter, № 802, 1958]. В результате британское правительство подтвердило своё намерение влиять на членов НАТО, особенно на США, с тем чтобы обсуждать план Рапацкого, но на основе конкретных западных контрпредложений.

В основе таких контрпредложений лежало стремление дополнить безъядерный статус сокращением обычных вооруженных сил на территории зоны, а также постепенным выводом оккупационных войск. Во избежание «особого статуса» ФРГ безъядерная зона не должна была ограничиваться государственными границами, а проходить «вдоль пояса, очерченного в милях и пролегающего независимо от государственных границ». Создание зоны, свободной от ядерного оружия, способствовало бы разработке пилотной схемы международной системы контроля, а такой опыт мог помочь решить проблему международного контроля с учетом более далекого соглашения в области разоружения [Wilsoncenter. Note regarding the British Position regarding the Rapacki Plan, 1958].

На основе анализа содержания британских контрпредложений можно утверждать, что во время визита в Лондон канцлер ФРГ обсуждал опубликованный в феврале 1958 года «план Штрауса». Министр обороны ФРГ Ф. Штраус заимствовал из польского плана идеи о свободной от вооружений зоне, об организации контроля и о принятии обязательств великими державами, обладающими атомным оружием. Причём Ф. Штраус хотел включить в предполагаемую зону все страны Центральной и Восточной Европы, входящие в советский блок. Главным условием его плана являлось то, что любое соглашение о создании безъядерной зоны должно было включать план объединения Германии без уточнения её будущих отношений с НАТО [Дзелепи, 1959, с. 54].

Позиция самой ФРГ в отношении плана Рапацкого была передана польскому правительству в феврале 1958 года через шведское королевское министерство иностранных дел. Из официального сообщения следовало, что план Рапацкого являлся лишь одним из многих предложений по выстраиванию будущей системы европейской безопасности, которая не могла пройти согласование без привязки к вопросу объединения Герма-

нии. Более того, такие переговоры, как считали в ФРГ, являлись в первую очередь ответственностью четырех держав. Вместе с тем заявлялось, что федеральное правительство готово внимательно изучить польский меморандум в свете вышеуказанного аргумента [Wilsoncenter, № 2392, 1958].

В связи с началом обсуждений по плану Рапацкого активизировалось и немецкое лобби в США, продвигая в повестку дня германский вопрос. Особую активность проявлял немецкий посол в Вашингтоне Вильгельм Греве, который преподавал международное право в Берлине ещё при нацистах и сыграл важную роль в разработке доктрины Хальштейна в середине 1950-х годов. По стечению обстоятельств как раз в то время в США «путешествовал» глава общегерманского блока в баварском ландтаге Вальтер Бехер, издатель «Sudeten-Bulletin» в Мюнхене. Группа американских конгрессменов пригласила его в Вашингтон. В своих многочисленных беседах В. Бехер убеждал американских политиков, что самая большая опасность плана Рапацкого заключалась в сохранении статус-кво. Поэтому с целью оторвать восточноевропейские страны от СССР В. Бехер продвигал идею проведения «свободных выборов» не только в Германии, но и в Польше и Чехословакии [Wilsoncenter. Note from Department III Director Jeleń, 1958]. Такая, несомненно, крайняя позиция оказывала влияние на американское общественное мнение.

Детальный анализ различных аспектов «плана Рапацкого» начался на Парижской ассамблее Совета НАТО, когда американцы были удивлены популярностью этой инициативы в Западной Европе, главным образом в Скандинавских странах [Wilsoncenter, № 549, 1958]. Однако в возможном начале переговоров в госдепартаменте США усматривали опасность сближения между ФРГ и ГДР. Оно могло подтолкнуть Бонн к выводу, что воссоединение Германии возможно в иной форме, чем обещали США. Более того, особый статус для Западной Германии положил бы начало охлаждению отношений Германии к организации «объединенной Европы» и, следовательно, к «общему рынку» [Wilsoncenter. Report of the permanent representative at the UN in New York on reactions to the Rapacki Plan, 1958].

В основе негативной позиции блока НАТО по плану Рапацкого легли следующие аргументы, которые заключались в заявлениях, что этот план:

- 1) ослабляет идею «малой Европы», фактически выводя ФРГ из общества шести европейских государств;
- 2) предострашает ремилитаризацию ФРГ, лишая её доступа к современной военной технике;
- 3) обуславливает необходимость вывода американских войск из ФРГ, поскольку они не могли поддерживать свою эффективность без атомного оружия;

4) закрепляет советское военное превосходство в Европе, поскольку после запрещения ядерного оружия обычные силы стран Варшавского договора в этой части Европы будут превосходить по численности силы НАТО в три раза [Wilsoncenter. Record on the Results of MOFA Collegium, 1958].

После отклонения польского плана А. Рапацкий последовал совету де Голля и продолжил свои усилия. 4 ноября 1958 года на пресс-конференции он представил переработанный вариант с учётом пожеланий Запада. На первом этапе предлагалось провести только замораживание ядерного оружия на достигнутом уровне. Реализации второго этапа должны были предшествовать переговоры по вопросу о сокращении войск и обычных вооружений в зоне, а затем уже полная дenuклеаризация зоны наряду с сокращением войск и обычных вооружений [Wilsoncenter, № 11027, 1958].

Однако в Бонне нашли новые недостатки. Главный из них заключался в отсутствии продвижения в вопросе объединения Германии. Партийная пресса ФРГ также находила недостатки, хотя и поддерживала продолжение дискуссий. Для ХДС, например, новая редакция не гарантировала сокращение военного перевеса Востока над Западом. В СДПГ приветствовали сам факт того, что после анализа самого плана могла возникнуть дискуссия о воссоединении Германии. СвДП также положительно оценила факт изменения плана и выступила против его отклонения без обсуждения, подчеркивая важность частичных и региональных соглашений в области разоружения. Против отказа от обсуждения выступила независимая газета «Die Welt», заявив, что «любой противник морально обязан выдвигать конкретные контрпредложения» [Wilsoncenter, № 11789, 1958].

Во Франции же критически отнеслись к новому плану, определив, что новая редакция способствовала поставкам тактического ядерного вооружения в ФРГ; косвенно продвигала усилия по признанию ГДР Западом и закрепляла статус-кво в Европе. В отличие от Парижа в Лондоне выразили благодарность за то, что новая версия учла британские возражения. А британская пресса («Daily Herald» и «Tribune») призвала принять план в качестве основы для переговоров. С восторгом встретили новую версию в Швеции [Ibid.].

Тем не менее официального согласия от ФРГ на переговоры не поступало ввиду неопределённостей с подходами к решению германского вопроса. К тому же Великобритания и США к концу 1950-х годов всё больше стали склоняться к необходимости признания восточных границ и отказу от доктрины Хальштейна, что не устраивало канцлера ФРГ К. Аденауэра.

В целом позиция малых европейских стран Запада способствовала тому, чтобы А. Рапацкий продолжал свои дипломатические усилия и в 1960-е годы. Временное затишье наступило в период второго берлин-

ского кризиса. Но после возведения Берлинской стены диалог вновь возобновился. В своём выступлении на Генеральной ассамблее ООН осенью 1961 года А. Рапацкий заявил, что Польша вновь возьмёт на себя инициативу по созданию безъядерной зоны [Zoltán, 2008, p. 239]. В марте 1962 года польские делегаты на конференции по разоружению в Женеве наметили третий вариант плана Рапацкого. Однако разразившийся вскоре Карибский кризис снял этот вопрос с повестки дня.

Несмотря на кризисы в годы холодной войны, идея безъядерной зоны не исчезла полностью. Министр иностранных дел Польши в ходе своих международных переговоров регулярно возвращался к своему плану, подстраивая его к сложившимся условиям. По свидетельству М. Зольтейн, в течение 1964 и 1965 годов он вел переговоры на тему безъядерной зоны в Мексике, Нью-Йорке, Риме, Стокгольме, Тегеране и Брюсселе. В ноябре 1965 года на польско-югославских переговорах И. Тито выразил свою поддержку четвертому варианту, известному как план Гомулки. Во время визитов в Стокгольм, Копенгаген и Брюссель в 1966 году А. Рапацкий получал заверения о поддержке идеи безъядерной зоны [Ibid, p. 244].

В конце 1968 года в результате кадровых перестановок А. Рапацкий потерял свой пост в ЦК Польской объединенной рабочей партии, а вместе с ним и пост министра иностранных дел. На этом завершились усилия по продвижению плана. К сожалению, А. Рапацкий не дожил до тех дней, когда в ноябре 1970 года между ФРГ и Польшей был подписан Варшавский договор о признании границы, существовавшей по Одере — Нейсе (нем. Oder-Neiße-Grenze). Нормализация отношений и подписание серии так называемых «восточных договоров» снизили напряженность в годы холодной войны и явились предпосылками для проведения конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписания Заключительного акта в Хельсинки в 1975 году.

4. Заключение = Conclusions

В ходе исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Несмотря на то, что план Рапацкого так и не был реализован, но цели, которые он ставил перед собой, были частично достигнуты. Прежде всего это относится к предотвращению вооружения ФРГ американским ядерным оружием и размещению на её территории американских ракет с ядерными боеголовками. Например, румынскому «плану Стойки» по организации безъядерной зоны на Балканах, выдвинутому примерно в это же время, не удалось предотвратить размещение американских ракет средней дальности в Турции.

2. Инициатива Польши способствовала налаживанию прямых контактов малой страны социалистического лагеря с западными странами, разру-

шая «железный занавес». Политические контакты приносили экономические дивиденды для самой Польши и создавали иллюзию в ФРГ и других странах Запада (главным образом в США) о возможности оторвать Польшу от социалистического блока или полностью его разрушить, вернув советские войска в границы СССР. Примером экономических дивидендов, полученных Польшей, могут служить контакты польской дипломатии с Великобританией в период обсуждения плана Рапацкого, поспособствовавшие развитию польско-британской торговли. В январе 1958 года секретарь по иностранным делам Великобритании Ормсби-Гор по собственной инициативе пообещал поддержать польскую заявку на присоединение к Генеральному соглашению по торговле и тарифам (ГАТТ), вступление в Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд. (Отметим, что Польша уже была членом МБРР и МВФ до 1950 года). В результате Польша получила статус наблюдателя в ГАТТ в октябре 1957 года. В 1959 году в ходе 15-й сессии ГАТТ, проходившей в Токио, была принята декларация об ассоциированном членстве Польши в ГАТТ (она вступала в силу 16 ноября 1960 года) [Wilsoncenter. Record of Conversation with the Ambassador of Great Britain, 1958]. Финансовую помощь в виде кредитов на сумму 3 млрд долл. Польша получила от Соединённых Штатов.

3. Благодаря дипломатическим усилиям А. Рапацкого идея безъядерной зоны в части Европы получила своё дальнейшее распространение и развитие. Так, появились идеи безъядерных зон в разных частях мира, а по инициативе Э. Ундена — «универсальная идея безъядерных зон». Произошло продвижение идеи безъядерной зоны в северном направлении. Она стала развиваться после того, как Норвегия и Дания в конце 1950-х годов заявили, что ядерное оружие не будет размещено в их странах. Затем её поддержал СССР в 1961 году, когда министр иностранных дел Швеции Э. Унден представил на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН предложение по запрету ядерного оружия, и только после этого в мае 1963 года президент Финляндии (находившейся в особых отношениях с СССР) У. Кекконен сделал первое официальное предложение о безъядерном статусе Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии [Grims-son. 1985, p. 23].

Активное обсуждение вопросов запрещения ядерного оружия на уровне малых стран Европы не только вовлекло великие державы в дискуссии, но и стало одним из важных факторов, побудивших их в 1963 году подписать договор о запрещении ядерных испытаний в трёх сферах (к нему в настоящее время уже присоединилось 131 государство), а в 1968 году — договор о нераспространении ядерного оружия.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. CVCE — *Виртуальный* центр знаний о Европе. Digitalarchive. The Rapacki Plan, 14 February 1958 / The proposed European security conference 1954—1971.
2. Wilsoncenter¹ — *Международный* научный центр имени Вудро Вильсона. Digitalarchive. № 7163. Message from Ambassador Szymanowski in Stockholm to Birecki. June 05, 1958 ; № 502. Message from Ambassador Gajewski in Paris to Rapacki. January 13, 1958 ; № 4802. Message from Deputy Minister Winiewicz to Michałowski (New York) and Milnikiel (London), May 07, 1958 ; 2392. Message from Ambassador Szymanowski in Stockholm to Ogrodziński. February 24, 1958 ; 11027. Message from Foreign Minister Rapacki to Milnikiel (London), October 20, 1958 ; 11789. Message from Foreign Minister Rapacki to Naszkowski (Moscow), November 08, 1958 ; № 549. Correspondence from Washington to Comrade Rapacki. January 15, 1958; Report of the permanent representative at the UN in New York on reactions to the Rapacki Plan. January 25, 1958 ; Wasiluk P. Record of Conversation Conducted on January 15, 1958.

Литература

1. *Дзелени Э.* Безатомная Европа. Правда о плане Рапацкого / Э. Дзелени. — Москва : Иностранная литература, 1959. — 126 с.
2. *Карин А. Д.* Позиция ГДР по плану Рапацкого / А. Д. Карин // Вопросы истории и археологии. — 2022. — № 2. — С. 26—28.
3. *Нежинский Л. Н.* Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение / Л. Н. Нежинский. — Москва : Международные отношения, 1995. — 237 с.
4. *Albrecht U.* The Political Background of the Rapacki Plan of 1957 and Its Current Significance / U. Albrecht, M. Vale // International Journal of Politics, — 1983. — Vol. 13. — № 1/2. — Pp. 117—133.
5. *Deutsch K. W.* Integration and Arms Control in the European Political Environment : A Summary Report / K. W. Deutsch // The American Political Science Review. — 1966. — Vol. 60. — № 2. — Pp. 354—365.
6. *Grimsson O. R.* Nuclear Allergy. Nordic nuclear-free options / O. R. Grimsson // Bulletin of the Atomic Scientists. — 1985. — June/July. — Pp. 23—28.
7. *Kourkouvelas L.* Denuclearization on NATO's Southern Front. Allied Reactions to Soviet Proposals, 1957—1963 / L. Kourkouvelas // Journal of Cold War Studies. — 2012. — Vol. 4. — № 4. — Pp. 197—215.
8. *Krige J.* Sharing Knowledge, Shaping Europe : US Technological Collaboration and Nonproliferation / J. Krige. — Cambridge : The MIT Press, 2016. — 227 p. — ISBN 9780262336406.

1 12 ноября 2022 г. в Российской Федерации Wilsoncenter был признан нежелательной организацией.

9. *Margins for Manoeuvre in Cold War Europe. The Influence of Smaller Powers* / L. Crump, S. Erlandsson (eds.). — New York : Routledge, 2020. — 623 p. — ISBN 9780429425592.

10. *Muschik A. Headed Towards the West : Swedish Neutrality and the German Question, 1949—1972* / A. Muschik // *Contemporary European History*. — 2006. — Vol. 15. — № 4. — Pp. 519—538.

11. *Rapacki A. The Polish Plan for a Nuclear-Free Zone Today* / A. Rapacki // *International Affairs*. — 1963. — Vol. 39. — № 1. — Pp. 1—12.

12. *Schmidt G. Divided Europe-Divided Germany (1950—63)* / G. Schmidt // *Contemporary European History*. — 1994. — Vol. 3. — № 2. — Pp. 155—192.

13. *Staar R. F. New Course in Communist Poland* / R. F. Staar // *The Journal of Politics*. — 1958. — Vol. 20. — № 1. — Pp. 64—88.

14. *Zoltán M. Denuclearization in Central Europe? The Rapacki Plan during the Cold War* / M. Zoltán. — Budapest : Öt kontinens. Eötvös Loránd Tudományegyetem, 2008. — Pp. 225—264.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

CVCE — *Is a virtual knowledge center about Europe. Digitalarchive. The Rapacki Plan, 14 February 1958. The proposed European security conference 1954—1971.* (In Russ.).

Wilsoncenter — Woodrow Wilson International Science Center. (1958). *Digitalarchive. Report of the permanent representative at the UN in New York on reactions to the Rapacki Plan. January 25; Wasiluk P. Record of Conversation Conducted on January 15.* (In Russ.).

References

Albrecht, U., Vale, M. The Political Background of the Rapacki Plan of 1957 and Its Current Significance. (1983). *International Journal of Politics*, 13 (1/2): 117—133.

Deutsch, K. W. (1966). Integration and Arms Control in the European Political Environment: A Summary Report. *The American Political Science Review*, 60 (2): 354—365.

Dzelepi, E. (1959). *Atomless Europe. The truth about Rapatsky's plan.* Moscow: Foreign literature. 126 p. (In Russ.).

Grimsson, O. R. (1985). Nuclear Allergy. Nordic nuclear-free options. *Bulletin of the Atomic Scientists*. June/July. 23—28.

Karin, A. D. (2022). The position of the GDR according to the Rapatsky plan. *Questions of history and archeology*, 2: 26—28. (In Russ.).

Kourkouvelas, L. (2012). Denuclearization on NATO's Southern Front. Allied Reactions to Soviet Proposals, 1957—1963. *Journal of Cold War Studies*, 4 (4): 197—215.

Krige, J. (2016). *Sharing Knowledge, Shaping Europe: US Technological Collaboration and Nonproliferation.* Cambridge: The MIT Press. 227 p. ISBN 9780262336406.

Margins for Manoeuvre in Cold War Europe. The Influence of Smaller Powers. (2020). New York: Routledge. 623 p. ISBN 9780429425592.

Muschik, A. (2006). Headed Towards the West: Swedish Neutrality and the German Question, 1949—1972. *Contemporary European History*, 15 (4): 519—538.

- Nezhinsky, L. N. (1995). *Soviet foreign policy during the Cold War (1945—1985). A new reading*. Moscow: International Relations. 237 p. (In Russ.).
- Rapacki, A. (1963). The Polish Plan for a Nuclear-Free Zone Today. *International Affairs*, 39 (1): 1—12.
- Schmidt, G. (1994). Divided Europe-Divided Germany (1950—63). *Contemporary European History*, 3 (2): 155—192.
- Staar, R. F. (1958). New Course in Communist Poland. *The Journal of Politics*, 20 (1): 64—88.
- Zoltán, M. (2008). *Denuclearization in Central Europe? The Rapacki Plan during the Cold War*. Budapest: Öt kontinens. Eötvös Loránd Tudományegyetem. 225—264.

*The article was submitted 23.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

Информация для цитирования:

Власов Н. А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов / Н. А. Власов, Е. А. Колосков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 322—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343.

Vlasov, N. A., Koloskov, E. A. (2024). Images of Russian Pan-Slavists in German Empire of 1880s. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 322-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов

Власов Николай Анатольевич

orcid.org/0000-0001-7476-268X

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории
международных отношений,
корреспондирующий автор
n.vlasov@spbu.ru

Колосков Евгений Андреевич

orcid.org/0000-0002-8123-2924

кандидат исторических наук,
кафедра теории и истории
международных отношений
e.koloskov@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 23-28-00090 «Образ
русского панславизма в Западной
Европе в последней трети XIX века»

Images of Russian Pan-Slavists in German Empire of 1880s

Nikolay A. Vlasov

orcid.org/0000-0001-7476-268X

PhD in History, Associate Professor
Department of Theory and History
of International Relations,
Corresponding author
n.vlasov@spbu.ru

Evgeny A. Koloskov

orcid.org/0000-0002-8123-2924

PhD in History,
Department of Theory and History
of International Relations
e.koloskov@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00090
“The image of Russian pan-slavism
in Western Europe in the last third
of the 19th century”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализ образа России в Германии конца XIX века исключительно важен для понимания динамики развития отношений двух стран. Целью статьи является реконструкция образа российского панславизма в Германии 1880-х годов на примере четырех ключевых фигур (И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатъева и М. Д. Скобелева) и его сравнение с реальной действительностью. Исследование опирается на широкий круг немецких и российских источников. Ключевым методом является качественный контент-анализ. Сделан вывод о том, что немецкие наблюдатели — государственные деятели, партийные политики, публицисты — в целом верно оценивали характер взглядов тех российских акторов, которых относили к «вожакам панславизма». В то же время они значительно преувеличивали антигерманскую направленность этих взглядов и влияние «панславистов» на российскую внутреннюю и — главным образом — внешнюю политику. «Вожакам панславизма» приписывалось гораздо большее влияние на российскую политику и общество, чем то, которым они обладали в реальности. Кроме того, на первый план выдвигалась антинемецкая направленность их мыслей и деятельности. Причинами подобного положения дел следует признать недостаток информации о принятии политических решений в России, а также априорное восприятие панславизма в первую очередь как угрозы для Германии. Это восприятие способствовало ухудшению российско-германских отношений в рассматриваемый период.

Ключевые слова:

российский панславизм; образ страны; российско-германские отношения; Иван Аксаков; Михаил Катков; Николай Игнатъев; Михаил Скобелев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of Russia's image in Germany at the end of the 19th century is crucial for understanding the dynamics of the relationship between the two countries. This article aims to reconstruct the image of Russian Pan-Slavism in Germany in the 1880s through the examination of four key figures (I. S. Aksakov, M. N. Katkov, N. P. Ignatyev, and M. D. Skobelev) and compare it with reality. The study draws upon a wide range of German and Russian sources, employing qualitative content analysis as the primary method. The findings indicate that German observers — state officials, party politicians, and publicists — generally accurately assessed the views of those Russian actors labeled as “leaders of Pan-Slavism.” However, they significantly exaggerated the anti-German orientation of these views and the influence of the “Pan-Slavists” on Russian internal and, primarily, external policy. The “leaders of Pan-Slavism” were attributed much greater influence on Russian politics and society than they actually possessed. Additionally, their thoughts and activities were portrayed as predominantly anti-German. This situation can be attributed to a lack of information about political decision-making in Russia and a preconceived perception of Pan-Slavism primarily as a threat to Germany. Such perceptions contributed to the deterioration of Russian-German relations during the period under consideration.

Key words:

Russian Pan-Slavism; country image; Russian-German relations; Ivan Aksakov; Mikhail Katkov; Nikolay Ignatyev; Mikhail Skobelev.

УДК 94(430).082

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-322-343

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов

© Власов Н. А., Колосков Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

Период между Восточным кризисом 1875—1878 годов и заключением российско-французского союза 1891—1892 годов являлся одним из ключевых в истории российско-германских отношений. Именно в этот период политическим руководством обеих стран были приняты решения, приведшие в конечном счете к участию обеих империй в двух противостоявших друг другу военно-политических блоках.

Важным фактором при принятии данных решений являлись, разумеется, представления о соседней стране, существовавшие у политических элит и общества двух держав. Естественно, что эти представления не были свободны от серьезных искажений, вызванных различными причинами: влиянием устоявшихся национальных стереотипов, соображениями идеологического характера, ограниченным доступом к информации о происходящем в высших эшелонах власти и т. д. Изучение характера этих искажений путем сравнения образа с реальностью представляется важной исследовательской задачей.

Образ России в Германской империи рассматриваемого периода изучен на сегодняшний день достаточно поверхностно и фрагментарно. Наиболее значимая обзорная работа по данной теме принадлежит Л. Копелеву [Korelew, 2000]; немецкая исследовательница М. Ламмих изучала образ России в немецких семейных и интеллектуальных журналах 1860—1870-х годов [Lammich, 1978]; реконструкцией образа России в системе представлений Отто фон Бисмарка занимались Н. А. Власов [Власов, 2021], У. Лисковски [Liszkowski, 2000] и А. С. Медяков [Медяков, 2015].

Тем не менее, на основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что одной из ключевых составляющих представлений о России в Германской империи 1880-х годов был образ российского панславизма как могущественной и опасной силы, игравшей доминирующую

роль в политической и общественной жизни Российской империи. Именно поэтому данный образ был выбран в качестве объекта нашего анализа. Отметим, что в отечественной, равно как и в зарубежной историографии нет сложившегося определения панславизма. В рамках данного исследования мы будем использовать этот термин в качестве «зонтичного понятия», включающего в себя любые внешнеполитические концепции славянско-православной солидарности при участии России.

Представления о российском панславизме у различных деятелей германской военно-политической элиты и в отдельных категориях источников уже становились предметом самостоятельных исследований, например: [Власов, 2023] и др. Однако детальное сравнение этих представлений с реальным положением дел еще не проводилось. В качестве объектов для указанного сравнения были выбраны четыре фигуры, чаще всего упоминаемые в германских источниках в качестве лидеров российского панславизма: речь идет об И. С. Аксакове, М. Н. Каткове, Н. П. Игнатъеве и М. Д. Скобелеве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью представленного исследования является сравнение образа российского панславизма в Германской империи 1880-х годов с реальностью на примере четырех исторических фигур — И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатъева и М. Д. Скобелева. Выбор этих деятелей обусловлен тем, что они наиболее часто упоминались в германских источниках различных типов (личные документы государственных деятелей, пресса, публицистика, парламентские речи) в качестве лидеров российского панславизма.

В соответствии с целью работы источниковая база исследования делится на две части. Для реконструкции образа «лидеров российского панславизма» в Германской империи используется широкий круг источников, включающий в себя сочинения (письма, речи и т. д.) представителей военно-политической элиты (в том числе О. фон Бисмарка, А. фон Вальдерзее, Г. Л. фон Швейница), материалы парламентских дискуссий, популярную литературу и наиболее влиятельные ежедневные газеты («Националь-цайтунг», «Кёльнише цайтунг» и «Фосшише цайтунг»). Данная источниковая база позволяет реконструировать образ рассматриваемых деятелей как у представителей политической элиты Германской империи, непосредственно участвовавших в принятии ключевых решений, так и у образованных слоев населения, интересовавшихся международной политикой и способных опосредованно влиять на внешнеполитический курс страны.

Вторая часть источниковой базы, необходимая для анализа реального положения дел, содержит, во-первых, периодические издания, выходяв-

шие в указанный период и относящиеся к наиболее влиятельным в консервативной и околоправительственной среде (журналы «Гражданин», «Русская старина», газеты «Русь», Московские ведомости», «Правительственный вестник» и др.); во-вторых, документы, в той или иной степени отражающие деятельность ключевых фигур исследования (корреспонденция Победоносцева, Аксакова, дипломатическая переписка по выступлению Скобелева в Париже), в-третьих, мемуары политических и общественных деятелей, таких как Д. А. Милютин, Е. М. Феоктистов, В. И. Немирович-Данченко, А. Ф. Кони, Н. П. Кропоткин и др. Данная источниковая база позволяет реконструировать не только реальное положение дел, но и образ рассматриваемых исторических деятелей в современной им России.

Ключевыми методами исследования являлись качественный контент-анализ и сравнительный анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Иван Сергеевич Аксаков

В первую очередь необходимо отметить, что в германских источниках лишь эпизодически упоминаются идеологи российского панславизма, не участвовавшие напрямую в политической деятельности. К примеру, в текстах О. фон Бисмарка, нередко говорившего и писавшего о панславизме, такие упоминания отсутствуют вовсе.

Единственным заметным исключением является в данном случае фигура И. С. Аксакова (1823—1886). Германский посол в России Г. Л. фон Швейниц неоднократно упоминал его в своих дневниках и донесениях в Берлин. В 1881 году Швейниц включал Аксакова (наряду с М. Н. Катковым и К. П. Победоносцевым) в «триумвират московских политиков», советам которых Александр III следует во внутренней политике и, возможно, будет следовать в международных делах [Швейниц, 2024, с. 19]. Позднее он говорил о «фанатичных статьях Аксакова» [Там же, с. 46] и обвинял мыслителя в активном стремлении испортить российско-германские отношения [Там же, с. 103].

Широко известный немецкий публицист Ю. фон Эккардт, много писавший о российском панславизме и выделявший в нем различные направления, писал об И. С. Аксакове как о лидере «крестьянско-демократического» течения: он ненавидит европейские конституционные идеи, но считает всех русских природными демократами и выступает за необходимость ограничить власть бюрократии при помощи органов самоуправления. С другими течениями его объединяет лишь общая неприязнь к Западу [Eckardt, 1882, S. 329].

В германской качественной прессе 1880-х годов имя Аксакова встречается регулярно. Иногда он выступал на страницах газет в роли главы

«славянской партии» в российском обществе [Rußland und Polen..., 1881]. Часто подчеркивалась его враждебность европейской культуре, реакционность идей и стремление вернуть русский народ в состояние «московитского варварства» [Der russische Ministerwechsel..., 1881]. Аксаков изображался как пламенный ненавистник немцев и всего немецкого [Die Kaiserbegegnung..., 1881].

Смерть Аксакова в начале 1886 года также была отмечена германской прессой. В статье «Националь-цайтунг» от 10 февраля Аксаков характеризовался как человек весьма интеллигентный и приятный в личном общении, однако пропагандировавший разрушительные идеи. Он был назван главным виновником антинемецких настроений в России, автором «неясных и мистически-запутанных мыслей» [Der Moskauer Schriftsteller..., 1886].

В России с самого начала И. С. Аксаков воспринимается двояко. С одной стороны, он предстает хранителем идейных традиций своей семьи, в «роде своем последним» славянофилом [Победоносцев, 1886, с. 1.], со смертью которого «сходит со сцены глава целого направления» [Маркевич, 1886, с. 3]. С другой, признается, что человеком он считался «опасным», о нем говорили «как о социалисте» [Маркевич, 1886, с. 3]. Эта двойственность сохранилась и в рамках дореволюционной, советской и современной российской историографии — по сути, менялись лишь акценты. Последнего из (либеральных) славянофилов они называют представителем пореформенного, реакционного или консервативного панславизма [Дмитриев, 1941, с. 89; Цимбаев, 1978; Дудзинская, 1994.]. Это, безусловно, связано как с упомянутой выше проблемой определения понятий «славянофильство» и «панславизм», так и с трансформацией данной идеологии в эпоху Великих реформ и после нее.

Исследователями отмечено изменение целей «Руси» Аксакова в 1883 году от надежды «действовать благотворно на власть имеющих» к влиянию «не столько на правительство, сколько на общественное сознание» [Бадалян, 2010, с. 16]. Однако не существует единого мнения историков по вопросу отношения Аксакова к идее единства славян, к Западу вообще и к Германии в частности. Связано это в первую очередь с неоднозначной трактовкой Аксаковым задачи России: «явить новый культурный исторический тип, примирив в себе Восток и Запад на основе православно-славянской» [Аксаков, 1886, с. 677]. Спорной является и формулировка философом целей панславизма: Россия, согласно Аксакову, не посягает ни на земли, ни на внутреннюю свободу единоверных славян, желая лишь «уважения к её советам и руководству» [Аксаков, 1886, с. 681]. В период Болгарского кризиса Аксаков избрал в качестве оппонента в споре о внешней политике официальный орган МИД России «Journal de St.-

Petersbourg», а также «Санкт-Петербургские ведомости» и «Новое время» [Бадалян, 2010, с. 16].

С другой стороны, очевидно стремление Аксакова к значительным реформам внутривластного устройства страны — вопрос, который издатель «Руси» поднял уже в первом номере, обсуждая парламентское правление. Дальнейшее развитие дискуссии о Земском соборе и «попытка его созыва Игнатиевым» привела к резкой реакции властей (едва не выраженной в форме предостережения) и представителей консервативной прессы, в том числе и «Московских ведомостей» [Бадалян, 2010, с. 19].

Таким образом, хотя немецкие наблюдатели относительно корректно оценивали общую идейную направленность И. С. Аксакова, они были склонны преувеличивать как его негативное отношение к Германии и всему немецкому, так и его реальное политическое влияние.

3.2. Михаил Никифорович Катков

Среди предполагаемых лидеров российского панславизма наибольшего числа упоминаний в 1880-е годы удостоивался Михаил Никифорович Катков (1817—1887), редактор весьма влиятельной консервативной газеты «Московские ведомости». В германских источниках его часто называли рупором и вожаком российского панславизма, единственным человеком, способным по степени своего влияния встать в один ряд с императором.

Именно такой образ М. Н. Каткова существовал у германской военно-политической элиты. В частности, в начале 1887 года канцлер О. фон Бисмарк называл Каткова и его окружение «чем-то вроде параллельного правительства» [Bismarck, 2018, S. 371]. «Настроения влиятельного московского общества во главе с газетой Каткова сами по себе сильно влияют на решения императора», — полагал канцлер [Bismarck, 2018, S. 350]. «Кто обладает императорским влиянием — Александр III или Катков? — такой вопрос приходится ставить», — писал Бисмарк в это же время прусскому военному министру П. Бронзарту фон Шеллендорф [Bismarck, 2001, S. 427].

Именно от Каткова, считал Бисмарк, во многом зависит развитие российско-германских отношений. При этом германский канцлер обвинял российского публициста в том, что тот сознательно толкает императора и страну к войне с Германией, и подозревал, что Катков подкуплен французами [Bismarck, 2018, S. 430]. Влияние Каткова Бисмарк объяснял наличием у него могущественных покровителей в высших эшелонах власти, разделявших панславистские идеи [Bismarck, 2001, S. 472].

Аналогичных взглядов придерживались и другие представители германской военно-политической элиты. Старший сын канцлера — Г. фон Бисмарк — в период своей дипломатической службы в Петербурге в 1884 году докладывал: влияние Каткова так велико, что даже его еди-

номышленники-панслависты испытывают по этому поводу тревогу [Die Große Politik..., 1922, S. 324]. О «параллельном правительстве Каткова» писал в своем дневнике и генерал-квартирмейстер прусского генерального штаба А. фон Вальдерзее [Waldersee, 1922, S. 321]. Швейниц полагал, что Катков не только является лидером московских панславистов, но и оказывает непосредственное влияние на министров, а также проводит собственную «внешнюю политику» в отношениях с Францией [Швейниц, 2024, с. 218]. Германский посол возлагал на редактора «Московских ведомостей» основную ответственность за то, что либеральные и демократические взгляды значительной части российского общества сменились реакционными и националистическими [Швейниц, 2024, с. 335].

М. Н. Катков являлся также единственным лидером российского панславизма, имя которого неоднократно звучало в ходе германских парламентских дебатов. При этом образ российского публициста вне зависимости от партийной принадлежности ораторов демонстрировал все те же, уже описанные выше черты. К примеру, депутат Немецкой свободомыслящей партии Ю. Мёллер охарактеризовал Каткова как «возможно, самого влиятельного человека во всей России», чья газета «уже много лет самыми резкими словами обрушивается на немцев» [Stenografische Berichte..., 1886, S. 545].

Еще большее внимание деятельности М. Н. Каткова уделялось в германской публицистике и прессе 1880-х годов. Влиятельный публицист Ю. фон Экардт характеризовал его как крупную самостоятельную фигуру, властителя дум российского общества, который искренне разделяет панславистские идеи и готов оказывать поддержку самодержавию лишь при условии, что его программа будет реализована [Eckardt, 1882, S. 329]. В газетах Катков нередко выступал в роли не просто лидера, а олицетворения могущественного российского панславизма. Ему приписывалось большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику, способность не просто оказывать поддержку, а буквально руководить действиями министров [Ignatiew's Ausichten, 1881]. Каткова называли самым могущественным частным лицом в России, человеком, уступающим по своему влиянию только лично императору [Katkow und die russische Regierung..., 1887]. Когда в 1887 году «Московские ведомости» выступили с открытой критикой внешнеполитического курса, проводимого министром иностранных дел Н. К. Гирсом, немецкая пресса встревожилась: не будет ли это означать резкий перелом в политике Петербурга? Смерть знаменитого публициста вызвала в германской прессе, в том числе официозной, плохо скрываемую радость: ее называли большой потерей для панславистов, поскольку именно личное влияние Каткова являлось главным козырем этой группировки [Rundschau..., 1887].

Пытаясь разгадать тайну огромного влияния Каткова на российскую политику, германская пресса указывала на различные факторы: связи в высоких кругах, личное расположение Александра III, популярность выпускаемой им газеты. «Националь-цайтунг» даже намекала на то, что у московского публициста могли иметься некие компрометирующие императора документы [Giers und Katkow..., 1887].

При этом степень влияния Каткова на умы образованного российского общества оценивалась по-разному. Наряду с уже приводившимся выше образом «властителя дум» существовала и противоположная точка зрения: Катков является лидером маленькой, но шумной группировки, в целом же он стал самым непопулярным и даже ненавистным человеком в России [Der Panslawismus..., 1887].

В современной отечественной историографии в М. Н. Каткове также нередко видят в первую очередь «политическую фигуру», резко активизировавшуюся после смерти Александра II и восшествия на престол Александра III [Лукоянов, 2018, с. 232]. Тем не менее апогеем его «власти» стала возможность излагать свои взгляды и оценки в личных письмах императору, о чем было хорошо известно современникам. Некоторые из последних восторженно отзывались о его вкладе в формирование российской внешней политики в 1880-е годы: «Он выступил в такой роли, которая приобрела ему громадную популярность в русском обществе, сделала имя его ненавистным в Германии и Австрии, заставила Францию не скупиться на выражение ему своих симпатий и возбуждала неизмеримое против него озлобление нашей дипломатии» [Феоктистов, 1991, с. 243]. Сам Катков «скромно» писал царю в 1884 году, что в его «Московских ведомостях» «не просто отражались дела, в ней многие дела делались» [Вождь реакции..., 1917, с. 21]. Таким образом, о большом политическом влиянии Каткова говорили не только в Германии, но и в России.

Влияние, роялизм и панславизм у Каткова остаются предметом дискуссий современных исследователей [Лукоянов, 2018, с. 232; Котов, 2024, с. 34]. В советской историографии традиционно клеймили консерватизм вождя панславизма [Ленин, 1968, с. 43—44; Кирпотин, 1927, с. 152], в постсоветской — превозносили его, особенно после празднований в 2018 году 200-летия его рождения [Маслин, 2018]. По мнению М. Т. Флоринского, «широкого подхода панславянской политической программы время от времени поддерживались российские ультраконсерваторы, например, влиятельный реакционер публицист М. Н. Катков, который не очень заботился об идеологических и исторических атрибутах панславизма» [Флоринский, 2013, с. 282]. Сам же Катков в статье «Интрига своих и чужих врагов против русского чувства» давал следующее определение: «Панславизм в Рос-

сии не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа» [Катков, 1877].

Так или иначе, «пик действий “в унисон” царя и журналиста» [Лукоянов, 2018, с. 232] — 1887 год — совпадает с крахом попыток влияния Каткова на внешнюю политику путем всеподданейших записок и громких антиавстрийских и антинемецких статей. Ярче всего это охарактеризовал сам Александр III, заявивший, согласно воспоминаниям Феоктистова: «Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня и что я отвечаю за последствия, а не г-н Катков; приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие и что всему есть мера» [Феоктистов, 1991, с. 244—245].

Как можно видеть, немецкие оценки могущества М. Н. Каткова и его влияния на российскую политику были преувеличенными. Являясь яркой публичной фигурой, московский публицист, тем не менее, отнюдь не был главой «параллельного правительства», а его воздействие на внешнюю политику являлось в действительности весьма ограниченным. Что же касается взглядов Каткова, то, как показано выше, немецкие трактовки находятся в рамках того диапазона оценок, которые даются современными исследователями.

3.3. Николай Павлович Игнатьев

Среди российских государственных деятелей, считавшихся в Германии главными представителями панславизма, особое место занимает граф Н. П. Игнатьев (1832—1908). Активность этого высокопоставленного дипломата в ходе Восточного кризиса 1875—1878 годов, его деятельность на посту министра внутренних дел и возможное назначение на пост министра иностранных дел в начале 1880-х годов вызывали живой интерес в Берлине. При этом образ Игнатьева был однозначно негативным — и как человека, и как политического деятеля. Игнатьев изображался хитрым и лживым интриганом, готовым поставить собственную страну в опасное положение ради достижения личных целей.

Бисмарк, упоминая об Игнатьеве, подчеркивал в первую очередь анти-немецкий характер его деятельности [Bismarck, 2008, S. 404]. Гораздо более подробную характеристику дипломату давал Швейниц. «Министром внутренних дел назначен известнейший лжец», — прокомментировал посол новость о назначении Игнатьева в своем дневнике [Швейниц, 2024, с. 19]. При поддержке «московской партии» новый министр открыто нападает на официальный внешнеполитический курс и требует более агрессивных действий на международной арене [Там же, с. 36]. По мнению Швейница, однако, Игнатьев являлся не убежденным панславистом-«фанатиком» вроде Победоносцева, а лишь ловким оппортунистом [Там же, с. 39].

В таком же ключе в конце 1881 года Швейниц писал о «славофилах Каткове, Аксакове и подчинившемся им Игнатьеве», явно подразумевая, что идеологи играют главенствующую роль [Schweinitz, 1928, S. 182]. Однако эта точка зрения оставалась скорее исключением; чаще Игнатьев рассматривался как самостоятельная фигура, использующая панславистов в собственных интересах. Именно так описывал его деятельность, в частности, Ю. фон Эккардт, называвший Игнатьева «крестным отцом московского славофильства» [Eckardt, 1881, S. 407].

Немецкая пресса начала 1880-х годов уделяла деятельности Игнатьева большое внимание. Его описывали как беспринципного, скрытного, лживого, но при этом смелого, предприимчивого и гибкого [Graf Ignatiew..., 1881]; называли самым ловким интриганом в окружении Александра III, тесно связанным с «московской партией» [Ignatiew's Aussichten..., 1881]. Возможное назначение Игнатьева на пост министра иностранных дел рассматривалось как окончательная победа панславистской политики [Finanzreform und Panslavismus..., 1881]. Это, с точки зрения немецкой прессы, неизбежно должно было привести к резкому обострению российско-германских отношений. «Фосская газета» даже заявила, что назначение Игнатьева руководителем внешнеполитического ведомства было бы равнозначно объявлению войны [Gortschakow's Rücktritt..., 1882].

Высказывались разные точки зрения по поводу того, насколько искренне сам Игнатьев разделял панславистские идеи; по одной из версий, он лишь использовал их в качестве инструмента одурачивания русского народа [Die diplomatische Quarantäne..., 1882]. Как бы то ни было, его отставка в 1882 году была воспринята с большим облегчением.

В историографии достаточно подробно изучена деятельность Н. П. Игнатьева как на дипломатическом поприще, так и в качестве одного из акторов внутривосточного кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов [Зайончковский, 1964]. Значительно меньшее внимание уделяется его последующей деятельности [Горинов, 2007]. Наибольшую известность и такие прозвища, как «Вице-султан», «Мефистофель Востока», «Ментир[лжец]-паша», Игнатьев получил в бытность свою послом в Константинополе, в том числе по итогам заключения Сан-Стефанского мира с Турцией, вызвавшего известные международные последствия и приведшие его к скорой отставке с дипломатической службы. Большинство современных исследователей убеждено в наличии сложных отношений между Горчаковым и Игнатьевым в ходе Восточного кризиса и последующих событий; отмечаются опасения Горчакова, что Игнатьев мог стать его преемником [Вах и др., 2020, с. 11]. Некоторые исследователи склонны видеть в этом существование двух «школ» отечественной дипломатии: прозападной, на-

правленной на участие в «европейском концерте» (Горчаков), и «национальной», понимающей «русские национальные интересы и русские религиозные национальные интересы, религиозно-имперские интересы и на Востоке, и в политике в целом» (Игнатъев) [Хевролина, 2006, с. 117].

Достаточно противоречивы оценки Игнатъева как сторонника идей панславизма: ряд исследователей не сомневаются в этой особенности политических взглядов графа [Хевролина, 2006; Канина, 2006], другие, наоборот, более осторожны и пишут скорее об использовании данных идей в качестве инструмента достижения иных целей [Блуднова, 2006, с. 96—97] или применяют эпитет «околославянофильский консерватизм» [Полунов, 2015, с. 31—34]. Из числа современников к «людям, зараженным “славянофильской теорией”, то есть дорожащим выше всего достоинством и честью России, ее призванием на Востоке, ее назначением как Славянской, восточнохристианской державы», Игнатъева относил, в частности, И. С. Аксаков [Аксаков, 1887, с. 668].

Достаточно серьезно разнятся оценки политического положения Игнатъева при Александре III в контексте особенностей его карьеры при предыдущем императоре. Крестный отец графа — Александр II — отправил его в 1879 году в Нижний Новгород, откуда Игнатъев вернулся только при поддержке Лорис-Меликова 25 марта 1881 года. Его дальнейшее продвижение по карьерной лестнице — 4 мая он стал министром внутренних дел — связано с совершенно иной политической силой, К. П. Победоносцевым, который разглядел в графе «здоровые инстинкты и русскую душу» [Письма Победоносцева..., 1926, с. 316—317.]. Но уже год спустя влиятельный обер-прокурор Синода пришел в ужас от вполне славянофильской идеи своего ставленника — созыва Земского собора. В историографии также нет общего мнения по поводу происхождения этого проекта: ряд исследователей приписывает Игнатъеву роль «рупора аксаковско-голохвастовских идей» [Зайончковский, 1964, с. 452.], некоторые, наоборот, видят в этом взгляды самого Игнатъева [Горин, 2007, с. 23]. Современники выдвигали разные версии целей проекта министра внутренних дел. «Цель Игнатъева — премьерство», — утверждал П. Д. Голохвастов, один из соавторов проекта [Зайончковский, 1960, с. 132—133.]. На последнем этапе борьба за созыв Земского собора стала предметом дискуссии на страницах прессы: Катков высказался против этого проекта, Суворин и Аксаков, напротив, одобрили его [Бадалян, 2013, с. 32—33]. Однако сам факт обсуждения и позиция Победоносцева сделали отставку Игнатъева неизбежной.

Помимо проекта созыва Земского собора, в период своего пребывания на министерском посту Игнатъев прославился национальной политикой на окраинах империи. В частности, им в начале 1882 года была организована

сенаторская ревизия Н. А. Манасеина остзейских губерний, результатом которой стало наступление на немецкие привилегии [Горинов, 2007, с. 20].

После отставки Игнатьева с поста министра внутренних дел можно отметить его критическое выступление против заключения российско-германского договора о торговле и мореплавании, а также его активное участие в продвижении благотворительской и издательской деятельности Славянского [Петербургского] благотворительного общества на Балканах [Горинов, 2007, с. 24] и церковных мероприятиях Победоносцева [Полунов, 2015, с. 34].

Сложно сказать, насколько оправданными оказались бы мрачные прогнозы немецких наблюдателей, если бы Игнатьеву была суждена более долгая и успешная политическая карьера. Его жажда власти, склонность к интригам, а также стремление опереться на панславистские круги являются вполне реальными. Что же касается истинных взглядов Игнатьева, то, как уже отмечалось выше, вопрос об искренности панславистских убеждений графа остается открытым по сегодняшний день.

3.4. Михаил Дмитриевич Скобелев

Если Н. П. Игнатьев в начале 1880-х годов воспринимался как лидер панславистов в государственном аппарате, то М. Д. Скобелев (1843—1882) — как «военный апостол панславизма» [Rundschau im Auslande..., 1882]. Большое внимание к фигуре «белого генерала» оказалось приковано после его публичных выступлений в Петербурге и Париже в начале 1882 года, в которых он выступил с поддержкой идей панславизма, за более активную наступательную внешнюю политику. В Германии эти выступления были восприняты как непосредственная угроза.

О. фон Бисмарк в докладе германскому императору в феврале 1882 года писал о том, что Скобелев представляет собой новое для российской армии явление — генерала с политическими амбициями, апеллирующего к широкой публике [Bismarck, 2010, S. 51]. Вальдерзее отметил в своем дневнике, что сам факт публичных выступлений генерала означает «опасную для нас слабость царя», явно не санкционировавшего эти речи [Waldersee, 1922, S. 218]. Швейниц писал, что выходки Скобелева опасны в первую очередь для внутренней ситуации в России; большинство разумных людей это понимали, и поэтому генерала критиковали даже панслависты [Швейниц, 2024, с. 50].

Германская пресса высказывала аналогичные соображения и, более того, пыталась объяснить причины действий генерала. Все издания сходились в том, что петербургское и парижское выступления сделали Скобелева «знаменосцем панславизма», ключевой фигурой этого движения [Frankreich..., 1882]. Генерал в одночасье стал народным трибуном, его популярность значительно усилилась. Бросив вызов российскому правительству, он поставил императора перед выбором: пойти панславистским курсом

или вступить в конфликт с популярным лидером. Задача Скоболева, писала «Фоссише цайтунг», заключается в том, чтобы развязать общеевропейскую войну, направив туда мощную разрушительную энергию, скопившуюся внутри страны [General Skobelev..., 1882]. «Кельнише цайтунг» обвиняла генерала в стремлении на волне панславистского подъема сместить императора и стать народным диктатором [Skobelew..., 1882]. В других публикациях подчеркивалось, что Скобелев является по сути продолжателем традиций князя А. М. Горчакова и действует в полном согласии с Н. П. Игнатьевым; таким образом, действия генерала становились не выходкой честолюбивого одиночки, а частью большого течения в российских правящих кругах [Die diplomatische Quarantäne..., 1882]. Неизменно говорилось и о ненависти Скобелева к Германии и немцам [Skobelew..., 1882].

Неудивительно, что скорострительная смерть генерала летом 1882 года была воспринята немецкой прессой как серьезное поражение российского панславизма, потерявшего в его лице энергичного и популярного лидера, и весьма позитивное событие для мира и стабильности в Европе [Die Woche..., 1882]. При этом имя Скобелева еще многие годы не исчезало со страниц немецких газет, оставаясь синонимом радикального, воинственного панславизма [Chauvinismus und Panslawismus..., 1886], что, возможно, связано с всплеском публикаций на смерть «белого генерала», массово появляющихся в русской печати как в самой России [Чехов, 1882; Немирович-Данченко, 1882], так и за границей [Несколько слов..., 1887].

Яркая военная карьера Скобелева, его возможные политические амбиции, грозные выступления в Петербурге и Париже и ранняя загадочная смерть — все это не могло не вызвать у современников живого интереса к данной фигуре, стимулировавшего рождение полноценной легенды о «белом генерале». В современной России тайне последних лет его жизни посвящен целый ряд работ [Шолохов, 1992; Базанов, 2012, с. 77—78; Глушков, 2023], впрочем, не предлагающих альтернативных подходов к оценке этой, бесспорно, неординарной личности.

Еще современники спорили о планах Скобелева по возвращении его из Ахал-текинской экспедиции 1880—1881 годов в контексте возможной дальнейшей карьеры при новом императоре. Его имя вскоре стали связывать с перспективами изменения внутривосточного курса империи, превращая популярного военачальника то в Наполеона, вернувшегося из Египта [Несколько слов..., 1887, с. 6.], то в испанского генерала, замышляющего мятеж с участием Лориса-Меликова [Кропоткин, 1988, с. 420; Кони, 1922, с. 21—22].

Отсутствие прямых доказательств существования заговора сторонники данной концепции пытались компенсировать известным письмом Победоносцева Александру III, в котором обер-прокурор Синода указывает,

что «белый генерал» «стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние; то есть, люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь» [Победоносцев..., 1923, с. 233—234]. С учетом того, что автор письма предвидит «скорбную возможность такого состояния, в котором одни будут за Вас, другие против Вас», налицо стремление усилить позиции нового императора в условиях реальной угрозы со стороны лиц, «нерасположенных к Вашему величеству и считающих себя обиженными» [Победоносцев..., 1923, с. 233—234].

Таким образом, угрозу императору со стороны Скобелева видели не только германские, но и российские его современники. Сегодняшние исследования в основном не подтверждают реальности подобной угрозы. Что же касается знаменитых антинемецких речей генерала в Петербурге и Париже, то они вызвали достаточно резкое недовольство лично царя, его окружения и непонимание современников, симпатизирующих Скобелеву. «Правительственный вестник» подчеркивал, что «подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей внешней политики, ни изменять наших добрых отношений с соседними державами» [Милютин, 1950, с. 168].

Скоропостижная смерть Скобелева оставила неразрешенным ряд вопросов, связанных с его убеждениями и политическими намерениями. Однако несомненным представляется тот факт, что немецкие наблюдатели значительно преувеличивали возможности Скобелева, представляя его в облике поистине демонической фигуры, и приписывали намерения, которые невозможно охарактеризовать иначе, как только плоды весьма богатого воображения.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что немецкие наблюдатели — государственные деятели, партийные политики, публицисты — в целом верно оценивали характер взглядов тех российских акторов, которых относили к «вожакам панславизма». В то же время они значительно преувеличивали как антигерманскую направленность этих взглядов, так и влияние «панславистов» на российскую внутреннюю и — главным образом — внешнюю политику. «Вожаки панславизма» сплошь и рядом представляли фигурами более могущественными и опасными для Германии, чем они являлись на самом деле.

Причин этого искажения может быть много, однако главными, на наш взгляд, являлись две. С одной стороны, процессы принятия политических решений в самодержавной России были не слишком прозрачными, и, как было показано выше, даже российские современники были вынуждены

строить догадки и серьезно расходились в оценках происходящего. Ожидать от иностранцев более точных и взвешенных оценок было бы в этой ситуации некорректно. С другой стороны, следует помнить о том, что панславизм воспринимался немецкими наблюдателями в первую очередь как актуальная и непосредственная угроза для Германии (многие идеологи панславизма действительно воспринимали немцев как противников). Это приводило к тому, что внимание наблюдателей сосредотачивалось на данной угрозе, и подобная фокусировка практически неизбежно влекла за собой преувеличение как масштаба явления, так и его опасности. К этому добавлялся еще ряд факторов, включая сложившиеся национальные стереотипы и целенаправленную деятельность ряда влиятельных публицистов остзейского происхождения (таких как упомянутый выше Ю. фон Эккардт) по формированию негативного образа России в немецком обществе. В общем и целом это приводило к восприятию Российской империи на всех уровнях как опасного соседа и ненадежного партнера, что не могло не сказаться на развитии российско-германских отношений конца XIX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Аксаков И. С.* Сочинения : в 7 томах / И. С. Аксаков. — Москва : Типография М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886. — Т. 1. — 791 с.
2. *Аксаков И. С.* Сочинения : в 7 т. / И. С. Аксаков. — Москва : Типография М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1887. — Т. 5. — 675 с.
3. *Вождь* реакции 60-80-х годов. Письма Каткова Александру III // *Былое*. — 1917. — Книга 4. — С. 3—32.
4. *К. П. Победоносцев* и его корреспонденты ; письма и записки. — Москва-Петроград : Государственное издательство, 1923. — 439 с.
5. *Катков М. Н.* Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства [Электронный ресурс] / М. Н. Катков // *Московские ведомости* — 1877. — 20 октября. — № 260. — Режим доступа : http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1877_intriga.shtml (дата обращения 13.05.2024).
6. *Кони А. Ф.* На жизненном пути / А. Ф. Кони. — Ревель — Берлин : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1922. — Т. 3. — Ч. I. — 628 с.
7. *Кропоткин П. А.* Записки революционера / П. А. Кропоткин. — Москва : Московский рабочий, 1988. — 544 с.
8. *Маркевич А. И.* И. С. Аксаков и его значение : (Речь, чит. В заседании Слав. благотвор. о-ва) / А. И. Маркевич. — Одесса : Тип. «Одес. вестн.», 1886. — 18 с.
9. *Милютин Д. А.* Дневник Д. А. Милютина. 1881—1882 / Д. А. Милютин. — Москва : Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. — Т. 4. — 204 с.

10. *Немирович-Данченко В. И.* Скобелев : личные воспоминания и впечатления В. И. Немировича-Данченко / В. И. Немирович-Данченко, А.Ф. Девриен — Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук, 1882. — 358 с.
12. *Несколько слов о генерале Скобелеве* : (По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев») / Русского офицера [псевд.]. — Женева : тип. «Общего дела», 1887. — 42 с.
13. *Победоносцев К. П.* Аксаковы [Некролог Ивана Сергеевича Аксакова] / К. П. Победоносцев. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1886. — 8 с.
14. *Письма Победоносцева к Александру III.* Центрархив 1865—1882 гг. / с предисл. М. Н. Покровского. — Москва : Новая Москва, 1926. — 448 с.
15. *Феокистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848—1896) / Е. М. Феокистов. — Москва : Новости, 1991. — 460 с.
16. *Чехов Н. П.* Михаил Дмитриевич Скобелев, его жизнь и служба родине / Н. П. Чехов. — Москва : Издание Н. К. Коди и И. С. Матросова, 1882. — 81 с.
17. *Швейниц Л.* При дворе Александра III. Дневник германского посла / Л. Швейниц. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 352 с. — ISBN 978-5-8071-0613-1.
18. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2008. — Bd. 3. — 659 S.
19. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2010. — Bd. 5. — 678 S.
20. *Bismarck O.* Gesammelte Werke. Abteilung III : 1871—1898. Schriften / O. Bismarck. — Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2018. — Bd. 7. — 681 S.
21. *Bismarck O.* Werke in Auswahl / O. Bismarck. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. — Bd. 7. — 807 S.
22. *Chauvinismus und Panславismus* // National-Zeitung. — 1886. — № 685. — S. 1.
23. *Der Moskauer Schriftsteller...* // National-Zeitung. — 1886. — № 92. — S. 2.
24. *Der Panславismus und Herr Katkow* // National-Zeitung. — 1887. — № 91. — S. 1.
25. *Der russische Ministerwechsel* // National-Zeitung. — 1881. — № 227. — S. 1.
26. *Die diplomatische Quarantäne gegen Rußland* // National-Zeitung. — 1882. — № 108. — S. 1.
27. *Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914.* — Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. — Bd. 3. — 454 S.
28. *Die Kaiserbegegnung in Danzig* // Kölnische Zeitung. — 1881. — № 251. — S. 1.
29. *Die Woche* // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 194. — S. 1.
30. *Eckardt J.* Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III / J. Eckardt. — Leipzig : Verlag von Duncker&Humblot, 1882. — 412 S.
31. *Eckardt J.* Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte / J. Eckardt. — Leipzig : Verlag von Duncker&Humblot, 1881. — 426 S.
32. *Finanzreform und Panславismus in Rußland* // National-Zeitung. — 1881. — № 386. — S. 1.
33. *Frankreich* // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 49. — S. 1.
34. *General Skobeleff* // Vossische Zeitung. — 1882. — № 85. — S. 1.
35. *Giers und Katkow* // National-Zeitung. — 1887. — № 194. — S. 2.
36. *Gortschakow's Rücktritt* // Vossische Zeitung. — 1882. — № 168. — S. 1.
37. *Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede* // Kölnische Zeitung. — 1881. — № 38. — S. 1.
38. *Ignatiew's Aussichten* // Vossische Zeitung. — 1881. — № 233. — S. 1.
39. *Katkov und die russische Regierung* // National-Zeitung. — 1887. — № 184. — S. 1.

40. *Rundschau* // Teltower Kreisblatt. — 1887. — № 89. — С. 1.
41. *Rundschau im Auslande* // Norddeutsche Allgemeine Zeitung. — 1882. — № 84. — С. 1.
42. *Rußland und Polen* // National-Zeitung. — 1881. — № 175. — С. 3.
43. *Schweinitz H. L. v. Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz / H. L. v. Schweinitz*. — Berlin : Verlag von Reimar Hobbing, 1928. — 398 S.
44. *Skobelev* // Kölnische Zeitung. — 1882. — № 54. — С. 1.
45. *Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags*. — Berlin : Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung, 1886. — Bd. 1. — 677 S.
46. *Waldersee A. Denkwürdigkeiten / A. Waldersee*. — Stuttgart, Berlin : Deutsche Verlags-Anstalt, 1922. — Bd. 1. — 423 S.

Литература

1. *Бадалян Д. А.* Полемика о Земском собрании в русской прессе начала 1880-х годов / Д. А. Бадалян // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. В книгах). — 2013. — Т. 201. — С. 27—36.
2. *Бадалян Д. А. И. С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. А. Бадалян*. — Санкт-Петербург, 2010. — 26 с.
3. *Базанов С. Н.* «Суворову равный» / С. Н. Базанов // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 4. — С. 77—78.
4. *Блуднова Е. Ю.* Н. П. Игнатьев о восточном (балканском) вопросе / Е. Ю. Блуднова // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». — 2006. — № 1 (6). — С. 95—99.
5. *Вах К. А.* К истории деятельности Н. П. Игнатьева на посту министра внутренних дел (1881—1882) : по материалам дневника митрополита Исидора (Никольского) / К. А. Вах, А. Ю. Полунов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 83. — С. 5—21. — DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10106.
6. *Власов Н. А.* Образ российского панславизма в германской официальной прессе конца XIX века / Н. А. Власов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 326—343. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343>.
7. *Власов Н. А.* Россия глазами Бисмарка / Н. А. Власов. — Санкт-Петербург : Евразия, 2021. — 286 с. — ISBN 978-5-8071-0548-6.
8. *Глушков В. В.* Генералы М. Д. Скобелев и А. Н. Куропаткин : свет и тень Русской армии! [Электронный ресурс] / В. В. Глушков // Военно-исторический журнал 10.10.2023. — Режим доступа : <http://history.milportal.ru/general-y-m-d-skobelev-i-a-n-kuropatkin-svet-i-ten-russkoj-armii/> (дата обращения 13.05.2024).
9. *Горинов М. М.* Государственная и общественная деятельность графа Н. П. Игнатьева : 1879—1908 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / М. М. Горинов. — Москва, 2007. — 26 с.
10. *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство / С. С. Дмитриев // Историк-марксист. — 1941. — № 1. — С. 85—96.
11. *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России / Е. А. Дудзинская. — Москва : Российская академия наук, Ин-т российской истории, 1994. — 276 с.
12. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 гг. / П. А. Зайончковский. — Москва : Издательство МГУ, 1964. — 514 с.
13. *Зайончковский П. А.* Попытка созыва земского собора и падение министерства Н. П. Игнатьева / П. А. Зайончковский // История СССР. — 1960. — № 5. — С. 132—133.

14. *Канина К.* Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатьев / К. Канева. — Москва : ЗАО Центрполиграф, 2006. — 523 с. — ISBN 5-9524-2470-8.

15. *Кирпотин В. Я.* Катков накануне польского восстания / В. Я. Кирпотин // Звезда. — 1927. — № 7. — С. 141—152.

16. *Котов А. Э.* «Эгоизм есть добродетель народов»: Русские консерваторы и славянский вопрос на рубеже 1880-х — 1890-х гг. / А. Э. Котов // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2024. — № 02. — С. 34—39. — DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.17.

17. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. Июль 1912 — февраль 1913 / В. И. Ленин. — Москва : Издательство политической литературы, 1968. — Т. 22. — 599 с.

18. *Лукоянов И. В.* М. Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) / И. В. Лукоянов // Тетради по консерватизму. Альманах. — 2018. — № 3. — С. 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244.

19. *Маслин М. А.* К вопросу об «охранительном национализме» М. Н. Каткова / М. А. Маслин // Тетради по консерватизму. Альманах. — 2018. — № 3. — С. 13—24.

20. *Медяков А. С.* «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии / А. С. Медяков // Российская история. — 2015. — № 6. — С. 63—84.

21. *Полунов А.* Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатьев в начале 1880-х годов / А. Полунов // Родина. — 2015. — № 2. — С. 31—34.

22. *Флоринский М. Т.* Россия : История и интерпретация. В 2 т. / М. Т. Флоринский. — Санкт-Петербург : Наука, 2013. — Т. 2. — 670 с. — ISBN 978-5-02-037120-0.

23. *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Н. П. Игнатьев : личность, программа, тактика / В. М. Хевролина // Труды Института российской истории. — 2006. — Выпуск 6. — С. 99—119.

24. *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. — Москва : Изд-во МГУ, 1978. — 264 с.

25. *Шолохов А. Б.* Загадка смерти генерала Скобелева / А. Б. Шолохов // Знание. Под знаком Марса. — 1992. — № 3. — С. 62—64.

26. *Kopelew L.* Am Vorabend des großen Krieges / L. Kopelew. // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 11—109.

27. *Lammich M.* Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung / M. Lammich. — Boppard am Rhein : Harald Boldt, 1978. — 298 S.

28. *Liszkowski U.* Von dynastischen Brücken zu Schutzzeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild / U. Liszkowski // Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert : Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. — München : Wilhelm Fink Verlag, 2000. — S. 111—145.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2024,
одобрена после рецензирования 05.07.2024,
подготовлена к публикации 11.07.2024.*

Material resources

A few words about General Skobelev: (About the pamphlet by Mrs. Adam “General Skobelev”) / Russian officer [pseudonym]. (1887). Geneva: type. “Common cause”. 42 p. (In Russ.).
Aksakov, I. S. (1886). Essays: in 7 volumes, 1. Moscow: Printing House of M. G. Volchaninov (formerly M. N. Lavrov and Co.). 791 p. (In Russ.).

- Aksakov, I. S. (1887). *Essays: in 7 volumes*, 5. Moscow: Printing house of M. G. Volchaninov (formerly M. N. Lavrov and Co.). 675 p. (In Russ.).
- Bismarck, O. (2008). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 3. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 659 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2010). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 5. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 678 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2018). *Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871—1898. Schriften*, 7. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 681 S. (In Germ.).
- Bismarck, O. (2001). *Werke in Auswahl*, 7. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 807 S. (In Germ.).
- Chauvinismus und Panslawismus. (1886). *National-Zeitung*, 685: S. 1. (In Germ.).
- Chekhov, N. P. (1882). *Mikhail Dmitrievich Skobelev, his life and service to the motherland*. Moscow: Edition by N. K. Kodi and I. S. Matrosov. 81 p. (In Russ.).
- Der Moskauer Schriftsteller... (1886). *National-Zeitung*, 92: S. 2. (In Germ.).
- Der Panslawismus und Herr Katkow. (1887). *National-Zeitung*, 91: S. 1. (In Germ.).
- Der russische Ministerwechsel. (1881). *National-Zeitung*, 227: S. 1. (In Germ.).
- Die diplomatische Quarantäne gegen Rußland. (1882). *National-Zeitung*, 108: S. 1. (In Germ.).
- Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914*, 3. (1922). Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 454 S. (In Germ.).
- Die Kaiserbegegnung in Danzig. (1881). *Kölnische Zeitung*, 251: S. 1. (In Germ.).
- Die Woche. (1882). *Kölnische Zeitung*, 194: S. 1. (In Germ.).
- Eckardt, J. (1882). *Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III.* Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot. 412 S. (In Germ.).
- Eckardt, J. (1881). *Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte*. Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot. 426 S. (In Germ.).
- Feoktistov, E. M. (1991). *Behind the scenes of politics and literature (1848—1896)*. Moscow: Novosti. 460 p. (In Russ.).
- Finanzreform und Panslavismus in Rußland. (1881). *National-Zeitung*, 386: S. 1. (In Germ.).
- Frankreich. (1882). *Kölnische Zeitung*, 49: S. 1. (In Germ.).
- General Skobeleff. (1882). *Vossische Zeitung*, 85: S. 1. (In Germ.).
- Giers und Katkow. (1887). *National-Zeitung*, 194: S. 2. (In Germ.).
- Gortschakow's Rücktritt. (1882). *Vossische Zeitung*, 168: S. 1. (In Germ.).
- Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede. (1881). *Kölnische Zeitung*, 38: S. 1. (In Germ.).
- Ignatiew's Aussichten. (1881). *Vossische Zeitung*, 233: S. 1. (In Germ.).
- K. P. Pobedonostsev and his correspondents; letters and notes. (1923). Moscow-Petrograd: State Publishing House. 439 p. (In Russ.).
- Katkov, M. N. (1877). The intrigue of strangers and their enemies against the Russian national feeling. *Moskovskie vedomosti*, 260. October 20. Available at: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1877_intriga.shtml (accessed 13.05.2024). (In Russ.).
- Katkov und die russische Regierung. (1887). *National-Zeitung*, 184: S. 1. (In Germ.).
- Koni, A. F. (1922). *On the path of life*, 3 (1). (1922). Revel — Berlin: Type. t-va pech. i izd. dela Trud. 628 p. (In Russ.).
- Kropotkin, P. A. (1988). *Notes of a revolutionary*. Moscow: Moskovsky Rabochy. 544 p. (In Russ.).
- Letters of Pobedonostsev to Alexander III. The Central Archive of 1865—1882*. (1926). Moscow: New Moscow. 448 p. (In Russ.).

- Markevich, A. I. (1886). *I. S. Aksakov and his meaning: (Speech, chit. In the meeting of the Slav. A blessing. o-va)*. Odessa: Type. "Odessa. vestn.". 18 p. (In Russ.).
- Milyutin, D. A. (1950). *Diary of D. A. Milyutin. 1881—1882, 4*. Moscow: V. I. Lenin Type Library. 204 p. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1882). *Skobelev: personal memories and impressions of V. I. Nemirovich-Danchenko*. St. Petersburg: Type. Imp. Acad. Sciences. 358 p. (In Russ.).
- Pobedonostsev, K. P. (1886). *Aksakov [Obituary of Ivan Sergeevich Aksakov]*. St. Petersburg: Type. t-va "Societies. Benefit". 8 p. (In Russ.).
- Rundschau. (1887). *Teltower Kreisblatt, 89*: S. 1. (In Germ.).
- Rundschau im Auslande. (1882). *Norddeutsche Allgemeine Zeitung, 84*: S. 1. (In Germ.).
- Rußland und Polen. (1881). *National-Zeitung, 175*: S. 3. (In Germ.).
- Schweinitz, H. L. v. (1928). *Briefwechsel des Botschafters General v. Schweinitz*. Berlin: Verlag von Reimar Hobbing. 398 S. (In Germ.).
- Schweinitz, L. (2024). *At the court of Alexander III. Diary of the German Ambassador*. St. Petersburg: Eurasia. 352 p. ISBN 978-5-8071-0613-1. (In Russ.).
- Skobelev. (1882). *Kölnische Zeitung, 54*: S. 1. (In Germ.).
- Stenografische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags, 1*. (1886). Berlin: Verlag der Buchdruckerei der Norddeutschen Allgemeinen Zeitung. 677 S. (In Germ.).
- The leader of the reaction of the 60—80's. Katkov's letters to Alexander III. (1917). *Former, 4*: 3—32. (In Russ.).
- Waldersee, A. (1922). *Denkwürdigkeiten, 1*. Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt. 423 S. (In Germ.).

References

- Badalyan, D. A. (2010). *I. S. Aksakov and the newspaper "Rus" in the public life of Russia*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 26 p. (In Russ.).
- Badalyan, D. A. (2013). Polemics about the Zemsky Sobor in the Russian press of the early 1880s. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts (see in books), 201*: 27—36. (In Russ.).
- Bazanov, S. N. (2012). "Equal to Suvorov". *Military Historical journal, 4*: 77—78. (In Russ.).
- Bludnova, E. Y. (2006). N. P. Ignatiev on the Eastern (Balkan) question. *Bulletin of the RUDN. The series "International Relations", 1 (6)*: 95—99. (In Russ.).
- Dmitriev, S. S. (1941). Slavophiles and Slavophilism. *Historian-Marxist, 1*: 85—96. (In Russ.).
- Dudzinskaya, E. A. (1994). *Slavophiles in post-reform Russia*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. 276 p. (In Russ.).
- Florinsky, M. T. (2013). *Russia: History and interpretation. In 2 volumes, 2*. St. Petersburg: Nauka. 670 p. ISBN 978-5-02-037120-0. (In Russ.).
- Glushkov, V. V. (2023). Generals M. D. Skobelev and A. N. Kuropatkin: the light and shadow of the Russian army! *Military Historical Journal, 10.10*. Available at: <http://history.milportal.ru/generaly-m-d-skobelev-i-a-n-kuropatkin-svet-i-ten-russkoj-armii/> (accessed 13.05.2024). (In Russ.).
- Gorinov, M. M. (2007). *State and public activities of Count N. P. Ignatiev: 1879—1908*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Kanina, K. (2006). *Knight of the Balkans. Count N. P. Ignatiev*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 523 p. ISBN 5-9524-2470-8. (In Russ.).
- Khevroлина, V. M. (2006). Russian diplomat Count N. P. Ignatiev: personality, program, tactics. *Proceedings of the Institute of Russian History, 6*: 99—119. (In Russ.).

- Kirpotin, V. Ya. (1927). Katkov on the eve of the Polish uprising. *Zvezda*, 7: 141—152. (In Russ.).
- Kopelew, L. (2000). Am Vorabend des großen Krieges. In: *Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19/20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 11—109. (In Germ.).
- Kotov, A. E. (2024). “Egoism is the virtue of peoples”: Russian conservatives and the Slavic question at the turn of the 1880s — 1890s. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 02: 34—39. DOI: 10.37882/2223-2982.2024.02.17. (In Russ.).
- Lammich, M. (1978). *Das deutsche Osteuropa-Bild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein: Harald Boldt. 298 S. (In Germ.).
- Lenin, V. I. (1968). *Complete works: in 55 vols., 22. July 1912 — February 1913*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 599 p. (In Russ.).
- Liszkowski, U. (2000). Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr — Bismarcks Rußlandbild. In: *Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Wilhelm Fink Verlag. 111—145. (In Germ.).
- Lukoyanov, I. V. (2018). M. N. Katkov and the foreign policy of the Russian Empire in the reign of Alexander III (1880s). *Notebooks on conservatism. The Almanac*, 3: 232—244. — DOI: 10.24030/24092517-2018-0-3-232-244. (In Russ.).
- Maslin, M. A. (2018). On the issue of “protective nationalism” by M. N. Katkov. *Notebooks on conservatism. The Almanac*, 3: 13—24. (In Russ.).
- Medyakov, A. S. (2015). “Our Bismarck”? Russia in the politics and views of the “Iron Chancellor” of Germany. *Russian History*, 6: 63—84. (In Russ.).
- Polunov, A. (2015). Slavophil Ministry. Pobedonostsev and Count Ignatiev in the early 1880s. *Rodina*, 2: 31—34. (In Russ.).
- Sholokhov, A. B. (1922). The riddle of the death of General Skobelev. *Knowledge. Under the sign of Mars*, 3: 62—64. (In Russ.).
- Tsimbaev, N. I. (1978). *I. S. Aksakov in the public life of post-reform Russia*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 264 p. (In Russ.).
- Vakh, K. A. (2020). On the history of N. P. Ignatiev’s activity as Minister of Internal Affairs (1881—1882): based on the materials of the diary of Metropolitan Isidore (Nikolsky). *State Administration. Electronic bulletin*, 83: 5—21. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10106. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (2021). *Russia through the eyes of Bismarck*. St. Petersburg: Eurasia. 286 p. ISBN 978-5-8071-0548-6. (In Russ.).
- Vlasov, N. A. (2023). Image of Russian Pan-Slavism in German Official Press at End of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 326—343. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-326-343> (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1960). The attempt to convene the Zemsky sobor and the fall of the Ministry of N. P. Ignatiev. *History of the USSR*, 5: 132—133. (In Russ.).
- Zaionchkovsky, P. A. (1964). *The crisis of autocracy at the turn of 1870—1880*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 514 p. (In Russ.).

The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 05.07.2024;
accepted for publication 11.07.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Егоров А. И. Обеспечение военно-политической безопасности в диалоге СССР и ФРГ (1987—1989 годы) / А. И. Егоров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 344—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-344-364.

Egorov, A. I. (2024). Ensuring Military-Political Security in USSR and FRG Dialogue (1987–1989). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 344-364. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-344-364. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Обеспечение
военно-политической
безопасности в диалоге
СССР и ФРГ
(1987—1989 годы)**

Егоров Александр Игоревич
orcid.org/0000-0001-5967-7858
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Экономика
и гуманитарные дисциплины»
dr.egoroff-al2017@mail.ru

Нижегородский государственный
технический университет
им. Р. Е. Алексеева
(Нижний Новгород, Россия)

**Ensuring Military-Political
Security in USSR and FRG
Dialogue (1987–1989)**

Alexander I. Egorov
orcid.org/0000-0001-5967-7858
Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department
of Economics and Humanities
dr.egoroff-al2017@mail.ru

Nizhny Novgorod State
Technical University
named after R. E. Alekseev
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Егоров А. И., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию дипломатических усилий, предпринятых СССР и ФРГ с целью обеспечения военно-политической безопасности в период 1987—1989 годов. Изучаются факторы, способствующие изменениям в сфере политики безопасности. Анализируются такие до сих пор недостаточно изученные аспекты, как усиление позиций конструктивных сил в федеральном правительстве в 1987 году; сближение позиций СССР и ФРГ по вопросам разоружений и контроля над вооружениями; процесс закрепления позитивного тренда в советско-западногерманском политическом диалоге. Уделяется внимание роли Свободной демократической партии Германии (СвДП) в переориентации правительственной коалиции ФРГ с политики конфронтации к поиску компромиссов с СССР в области безопасности. Рассматривается эволюция позиции официального Бонна по вопросу ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Доказано, что в 1988—1989 годах курс федерального правительства стал менее зависимым от линии ключевого союзника в лице США, что позволило учесть национальные интересы ФРГ в решении вопроса «ядерного довооружения». Актуальность исследования обусловлена поиском механизмов, с помощью которых может быть приостановлена деградация диалога РФ со странами коллективного Запада в сфере безопасности на современном этапе.

Ключевые слова:

СССР; ФРГ; безопасность; баланс интересов; диалог; ХДС; ХСС; СвДП.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the examination of the diplomatic efforts undertaken by the USSR and the Federal Republic of Germany (FRG) to ensure military-political security during the period from 1987 to 1989. It explores the factors that contributed to changes in security policy. The analysis focuses on several under-researched aspects, including the strengthening of constructive forces within the federal government in 1987; the convergence of positions between the USSR and the FRG regarding disarmament and arms control; and the process of solidifying a positive trend in Soviet-West German political dialogue. Special attention is given to the role of the Free Democratic Party of Germany (FDP) in reorienting the governing coalition of the FRG from a policy of confrontation towards seeking compromises with the USSR in the realm of security. The evolution of Bonn's official stance on the elimination of intermediate- and shorter-range missiles is also examined. It is demonstrated that, during 1988–1989, the course of the federal government became less dependent on the line of its key ally, the United States, thereby allowing for a consideration of the national interests of the FRG in addressing the issue of “nuclear rearmament”. The relevance of this study lies in its exploration of mechanisms through which the degradation of dialogue between the Russian Federation and Western collective countries in the sphere of security may be halted in contemporary times.

Key words:

USSR; FRG; security; balance of interests; dialogue; CDU; CSU; FDP.

УДК 94:327.37(47+430)“1987/1989”+94(47).084.9+94(430).087

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-344-364

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Обеспечение военно-политической безопасности в диалоге СССР и ФРГ (1987—1989 годы)

© Егоров А. И., 2024

1. Введение = Introduction

На современном этапе одним из ключевых вызовов, с которым столкнулась Российская Федерация на международной арене, является деградация ее диалога со странами коллективного Запада в сфере безопасности. Такая ситуация обусловлена стратегическим отказом многих акторов от идеи создания консенсусной модели международных отношений, основанной на балансе интересов, что сопровождается кризисом многосторонних механизмов поддержания военно-политической стабильности. Происходит наращивание тяжелого груза противостояния, усугубляемого преобладанием силового подхода и нарастанием цивилизационного конфликта, создающими угрозу перехода противоборствующих сторон к фазе «горячей войны», то есть открытого вооруженного столкновения.

В связи с этим полезным становится переосмысление опыта периода 1987—1989 годов в отношении между ведущими европейскими державами в лице СССР и ФРГ. Международную обстановку на этом этапе в целом определяли такие неблагоприятные аспекты, как сохраняющееся материальное и идеологическое противостояние геополитических Востока и Запада, ставка стран-членов НАТО на укрепление своих позиций в военной области, а также приобретение надежных средств защиты от возможного ядерного удара. Ведущее место в числе международных вопросов заняла проблема сокращения ядерных вооружений, от решения которой во многом зависело сохранение стабильности как на европейском континенте, так и в глобальном масштабе.

Несмотря на преобладание негативного международного фона, СССР и ФРГ удалось найти компромиссные решения по ряду ключевых вопросов безопасности, а также завязать продуктивный политический диалог, детерминированный как актуальными континентальными, так и глобальными проблемами. Задумываясь о важнейших причинах позитивных перемен, следует выделить прежде всего изменение в глазах западных немцев

облика Советского Союза, произошедшее в основном благодаря личности, а также внутри- и внешнеполитической деятельности М. С. Горбачева. Обаяние и инициативы тогдашнего советского руководителя в значительной степени сняли чувство страха и отчуждения, характерное для западногерманского населения перед СССР. Нелишне напомнить, что в 1988 году М. С. Горбачев был назван в ФРГ «человеком года» [Gorbatschow..., 1988].

Также одобрение в ФРГ получили решение о выводе ограниченного контингента советских войск из Афганистана и сокращение военных расходов СССР. Реагируя на эти перемены, западногерманские политические деятели сместили акценты от линии конфронтации к более конструктивной позиции, видя, что новый курс советского руководства создает предпосылки для достижения коренных интересов ФРГ в сфере безопасности, а также открывает путь к решению германского вопроса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для полноценного освещения исследуемой темы автором был привлечен широкий круг источников, изданных на русском и немецком языках. Среди них наиболее информативными стали документы органов государственной власти СССР и ФРГ, прежде всего министерств иностранных дел двух стран, а также ведомства печати и информации федерального канцлера. Были использованы документы советско-западногерманских межгосударственных консультаций на высшем уровне и материалы, почерпнутые из СМИ. В статье найдена отраженная информация, содержащаяся в заявлениях советских и западногерманских политиков, а также в мемуарах партийных лидеров ФРГ.

В процессе подготовки настоящей работы автор обратился к трудам отечественных и зарубежных ученых. Данные исследования представляют собой диссертации, монографии и научные статьи, посвященные различным аспектам диалога СССР и ФРГ в сфере безопасности. Их изучением плодотворно занимались отечественные исследователи [Божик, 2022; Ватлин, 2002; Зиборова, 1990; Истягин, 1998; Максимычев, 2014; Павлов, 1994; Павлов, 1989; Павлов, 1990; Павлов, 2005; Павлов, 2017; Френкин, 1990], сумевшие избежать крайних суждений при оценке событий, имевших место в ходе советско-западногерманских отношений. Указанные авторы стремились показать, каким образом СССР и ФРГ пытались решить проблему обеспечения собственной безопасности в контексте многосторонних и двусторонних связей. Также исследователи выделили ведущие силы на политической арене ФРГ и осуществили критический анализ их внешнеполитических концепций. Было установлено, что, несмотря на имеющиеся в них общие стратегические черты (ориентация на США и

западноевропейских союзников, активное участие в НАТО и др.), между ними существовали расхождения по вопросу о тактике в области политики безопасности.

Несомненен большой вклад западногерманской, а впоследствии германской историографии в исследование заявленной проблемы. Серьезный труд по истории политических отношений между СССР и ФРГ был опубликован профессором Гамбургского университета К. Хакке. Подход этого ученого к проблеме советско-западногерманских отношений определялся его главной идеей: решающее значение для ФРГ играет реалистичная внешняя политика (ее соответствие возможностям страны), основанная на стабильности, взвешенности и гармоничности связей с другими субъектами международных отношений [Haccke, 1988].

Отдельные аспекты проблем, связанных с вопросами безопасности, были затронуты в изданиях, главными редакторами которых являлись лидеры СвДП — Г.-Д. Геншер [Nach vorn..., 1987] и В. фон Мишник [Verantwortung..., 1989]. Представители СвДП осторожно подошли к оценке курса СССР в области безопасности, сделав акцент на необходимости сотрудничества с ним по актуальным вопросам международной повестки дня.

Вопросы советско-западногерманских отношений в области безопасности рассматривались на страницах журналов «Osteuropa», «Europäische Archiv», «Aussenpolitik», «Blätter für deutsche und internationale Politik», издававшихся соответственно в Штутгарте, Бонне, Гамбурге и Кельне. Среди авторов статей можно выделить Х. Адомайта [Adomeit, 1988], К. Кайзера [Kaiser, 1988], А. Лебана [Lebahn, 1988], Б. Мейсснера [Meissner, 1989], А. Хайнриха [Heinrich, 1988]. Советское направление во внешней политике ФРГ исследовали В. фон Бредов [Bredow von, 2006], Х. Халфендорн [Halfendorn, 2001], Г. Шеллген [Schöllgen, 1999] и коллектив историков во главе с А. Якобсеном [Deutsch-russische..., 1995].

В целом изучению отношений между СССР и ФРГ в сфере безопасности уделялось весьма пристальное внимание. Это неудивительно ввиду понимания ученым сообществом важности осмысления повестки дня и специфики взаимодействий двух стран, обладавших большим политическим весом не только на европейской, но и на мировой арене. Вместе с тем отдельные аспекты проблемы не получили должного освещения: внутривнутриполитическая борьба в ФРГ за кресло министра иностранных дел после парламентских выборов 1987 года, анализ которой позволяет глубже понять механизм укрепления конструктивных сил в правительстве ФРГ; вклад коалиции ХДС/ХСС в решение проблемы сокращения ядерных ракет средней и меньшей дальности; изменение акцентов в политике безопасности федерального правительства в период 1988—1989 годов.

В рамках проведенного исследования автором использовался проблемно-хронологический метод, позволивший изучить проблему безопасности в последовательности ее развития; при анализе перемен, произошедших во внешней политике коалиции ХДС/ХСС-СвДП, применялся метод сравнительно-исторического анализа. Для выявления причин, способствовавших сближению позиций СССР и ФРГ по вопросам разоружения и контроля над вооружениями, оказался востребованным историко-генетический метод. Индуктивный метод помог автору обобщить собранные факты и сформулировать выводы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Усиление позиций конструктивных сил в федеральном правительстве в 1987 году

25 января 1987 года в ФРГ состоялись очередные парламентские выборы. Победу на них одержала консервативная коалиция ХДС/ХСС, потерявшая при этом 21 место в бундестаге (223 депутатских мандата вместо 244) и 4,5 % голосов избирателей. Социал-демократическая партия получила 186 мест (против 193, бывших по итогам выборов в 1983 году) и лишилась 2,1 % голосов. СвДП же добилась существенного прироста голосов (9,1 % против 7 % в 1983 году) и провела в бундестаг 46 депутатов (в 1983 году было 34 депутата) [Федоров, 1987, с. 6]. В ФРГ, как и ранее, было сформировано коалиционное правительство, состоящее из партий ХДС, ХСС и СвДП.

Ободренные итогами выборов в бундестаг свободные демократы использовали тактику, применяемую ими в тех случаях, когда проблема безусловной поддержки старших партнеров из консервативного блока ради сохранения коалиции не стоит особенно остро. СвДП взяла на себя роль силы, инициировавшей перемены во внешней политике ФРГ. Предыдущая достаточно прямолинейная линия ведущих партий правительственной коалиции, — ХДС и ХСС, — сведенная так или иначе к проведению антисоветского курса с позиции сдерживания, открыла перед свободными демократами уникальные возможности демонстрации своей либеральной самобытности и закрепления влияния на ключевые процессы, протекавшие на европейской арене в целом и в двусторонних отношениях с СССР в частности.

Свое мнение о предпосылках внедрения концепции нового типа отношений с СССР изложил министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер, выступая 1 февраля 1987 году. В г. Давосе (Швейцария) на XVII Международном экономическом форуме. Сославшись на доклад экспертов Европейской группы стратегических исследований во главе с У. Нерлихом (ФРГ), Геншер заявил, что позитивные изменения во внутренней и внешней политике Советского Союза диктуют иной подход в отношениях с ним. Таких

изменений министр иностранных дел ФРГ насчитывал как минимум пять, а именно: гласность и демократизация во внутренней жизни страны; начало экономических преобразований; активная и менее идеологизированная внешняя политика, благоприятствующая контактам с зарубежными партнерами; систематическая деятельность советского руководства во главе с М. С. Горбачевым в пользу разоружения; ограничение военных расходов.

Геншер настаивал на предложении Советскому Союзу полномасштабного сотрудничества в разных областях, однако приоритетной называл сферу переговоров по разоружению и контролю над вооружениями. При этом он четко определял, что безопасность ФРГ может быть достигнута не только в результате максимально возможного сокращения ядерных и обычных вооружений и вооруженных сил двух сверхдержав в Европе, но и путем разумного уменьшения наступательного потенциала западногерманского бундесвера [Genscher, 1987, S. 8].

Для реализации намеченных направлений по преобразованию отношений с СССР Геншеру требовались соответствующие условия, в первую очередь увеличение собственного веса в федеральном правительстве. Вскоре после январских выборов в бундестаг ему удалось сделать шаги на этом пути, попутно отразив политическую атаку со стороны правоконсервативных сил.

При формировании нового состава федерального правительства ХСС обратился к Г. Колю с предложением назначить министром иностранных дел ФРГ не Г.-Д. Геншера, а другое лицо. Такая позиция сопровождалась критикой курса министра иностранных дел в отношении Советского Союза. Как полагал убежденный оппонент Г.-Д. Геншера лидер ХСС Ф. Й. Штраус, руководство Министерства иностранных дел проводит в западногермано-советских отношениях «иллюзорную» политику разрядки напряженности. В качестве примера Штраус ссылаясь на занятую Геншером позицию по важному для безопасности ФРГ вопросу сокращения ядерного оружия, одновременно противопоставляя ей свою точку зрения. Если Г.-Д. Геншер выступал за полную ликвидацию такого класса оружия массового уничтожения, как ракеты средней дальности (от 1000 до 5500 км), не связывая этот шаг с уничтожением ракет других классов, прежде всего ракет оперативно-тактического назначения (дальность полета до 500 км), то Ф. Й. Штраус, считая такую позицию глубоко ошибочной, подчеркивал: «Советский Союз установил почти 1500 ядерных ракет с дальностью полета до 500 км, которым противостоят размещенные на территории ФРГ 88 американских ракет MGM-52A «Ланс» с радиусом действия 120 км. Русские имеют сплошной ракетный фронт, в пределах досягаемости которого находится вся территория Федеративной Республики. Другие

члены НАТО оказываются вне опасности, мы же подвергаемся страшному риску» [Штраус, 1991, с. 486].

В феврале 1987 года Штраус провел встречу с федеральным канцлером Г. Колем, в ходе которой пытался убедить его отказаться от дальнейшего сотрудничества с Г.-Д. Геншером. При этом лидер ХСС предложил на пост министра иностранных дел ФРГ свою кандидатуру.

Однако в позиции Ф. Й. Штрауса было больше несбыточных желаний, чем объективного анализа внутривнутриполитической ситуации в ФРГ. Стоило учитывать, что появление во главе федерального Министерства иностранных дел правого политика было несвойственно политической культуре и практике Федеративной Республики, где традиционно на этом посту оказывался сторонник приоритета «мягкой силы». Также упор на силовые методы и конфронтацию не отвечал наметившемуся в конце 1980-х годов тренду на смягчение международной напряженности. Наконец, появление Штрауса на посту министра иностранных дел поколебало бы авторитет Г. Коля в глазах либеральной общественности и экономической элиты, настроенных в целом на укрепление политического диалога и хозяйственных связей с СССР.

Учитывая эти обстоятельства, становится понятной точка зрения федерального канцлера, взвесившего все «за» и «против» и в итоге отвергнувшего притязания правоконсервативного политического фланга, что позволило Г.-Д. Геншеру сохранить пост министра иностранных дел в новом составе правительства.

Более того, в аппарате Министерства иностранных дел ФРГ произошли кадровые перестановки, благодаря которым на ключевых позициях, включая должность статс-секретаря, оказались представители СвДП. На посту руководителя отдела по связям с СССР в федеральном Министерстве иностранных дел остался член СвДП Э. Хейкен.

Результатом кадровых перестановок явилось усиление влияния свободных демократов на формирование внешней политики ФРГ, в то время как позиции крайне правых кругов были поколеблены. Постепенно Министерство иностранных дел становилось основным государственным институтом, принимавшим ключевые решения по проблемам диалога с Советским Союзом.

3.2. Сближение позиций СССР и ФРГ по вопросам разоружения и контроля над вооружениями

Усилению влияния в Бонне политических сил, стремившихся наладить диалог с СССР и проводить в его отношении конструктивную линию, способствовала внешнеполитическая деятельность советского руководства в области ядерного разоружения и контроля над вооружениями. Выступая 1 марта 1987 года по советскому телевидению, М. С. Горбачев предложил

выделить проблему ракет средней дальности в Европе из блока других вопросов, заключить по ней отдельное соглашение, причем сделать это безотлагательно. После подписания соглашения СССР обязывался вывести с территории своих союзников, ГДР и Чехословакии, те оперативно-тактические ракеты повышенной дальности, которые были размещены в этих странах в ответ на развертывание американских ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Западной Европе. Что касается других ракет оперативно-тактического назначения, то Советский Союз выразил готовность сразу же приступить к переговорам с целью их сокращения и ликвидации [Горбачев, 1987, с. 445].

18 марта 1987 года федеральный канцлер Г. Коль выступил с первым после выборов правительственным заявлением, в котором изложил официальную точку зрения правительства ФРГ на обозначенную выше проблему в области разоружения. Речь Коля оставляла двойственное впечатление. С одной стороны, она содержала элементы прежнего конфронтационного подхода, ибо федеральный канцлер высказывался за сохранение ядерных вооружений как главного средства сдерживания обычной войны. Вместе с тем Коль подчеркнул особую заинтересованность ФРГ в скорейшем заключении соглашения о ликвидации советских и американских ракет средней дальности в Европе. Федеральный канцлер также заявил, что лучшим с точки зрения обеспечения безопасности Федеративной Республики был бы вариант «двойного нуля», предусматривавший заключение договора об одновременной ликвидации ракет средней и меньшей дальности с обязательным эффективным контролем над его выполнением. В этой речи, традиционно посетовав на якобы имеющееся количественное и качественное превосходство стран Организации Варшавского договора в ракетах оперативно-тактического назначения, особенно ближнего действия (дальность полета до 150 км), Коль потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать диспропорцию и установить одинаковые «потолки» для ОВД и НАТО в данном виде вооружений [Bulletin, 1987, 19. März, S. 215—217].

Советский Союз вынужденно учитывал замечания своих ключевых западных партнеров, к числу которых относилась ФРГ, что нашло отражение в дополнении ранее выдвинутых инициатив. На митинге советско-чехословацкой дружбы в Праге 10 апреля 1987 года М. С. Горбачев предложил начать обсуждение вопроса о сокращении и последующей ликвидации ракет меньшей дальности (от 500 до 1000 км), дислоцированных на европейском континенте, не увязывая с этим решение проблемы ракет средней дальности. Что касается ракет оперативно-тактического назначения, то Советский Союз считал необходимым не наращивать их число и выражал готовность вести дело к радикальному сокращению и в итоге к полной ликвидации оперативно-тактических ракет в Европе.

Идея навстречу пожеланиям западной стороны, советский лидер поднял тему проверки соблюдения будущих соглашений. Соответствующим контролем, в том числе с применением инспекций на местах, предлагалось охватить остающиеся после сокращения ракеты и пусковые установки, причем находящиеся как в боевом составе, так и на других объектах: на испытательных полигонах, заводах-изготовителях, в учебных центрах, базах и на территориях третьих стран [Горбачев, 1987, с. 483].

Несмотря на сближение позиций, федеральное правительство оказалось не готово поддержать советские инициативы. В частности, идею Горбачева о ликвидации в Европе оперативно-тактических ракет правящая коалиция сочла неприемлемой. Аргументы, приведенные западногерманской стороной, были следующими: ликвидация оперативно-тактических ракет в Европе означала ослабление, а в перспективе возможную потерю американских ядерных гарантий для ФРГ; при ликвидации оперативно-тактических ракет в Европе с обеих сторон остались бы лишь тактические ракеты ближнего действия, которые, в случае военного столкновения, могли быть применены исключительно на территории немецких государств (ФРГ и ГДР); советские оперативно-тактические ракеты объявлялись мобильными, которые можно легко перемещать и укрывать от контроля, и потому этот класс ракет предлагалось ликвидировать не только в Европе, но и в глобальном масштабе [Португалов, 1987, с. 10—12].

Уместен вывод о том, что федеральное правительство (прежде всего его консервативная часть) не спешило идти навстречу советским инициативам в области ядерного разоружения, выдвигая все новые условия и добиваясь от СССР очередных уступок.

Однако такая тактика не оправдала себя. Коалиция ХДС/ХСС на этот раз оказалась в изоляции, причем как на международной арене, так и внутри своей страны. Ее ближайшие союзники — страны-члены НАТО, прежде всего США, а также партнеры по правительственному блоку в лице свободных демократов подвергли критике позицию консервативного большинства.

Оказавшись под внешнеполитическим давлением и учитывая нарастающие пацифистские настроения избирателей Западной Германии, федеральный канцлер Г. Коль был вынужден маневрировать. 2 июня 1987 года в Бонне состоялось совещание руководителей партий правящей коалиции, на котором обсуждались вопросы обеспечения безопасности ФРГ. 4 июня того же года федеральное правительство согласилось при обсуждении вопроса о ликвидации ракет средней и меньшей дальности не принимать в расчет ситуацию с ракетами оперативно-тактического назначения, и вскоре бундестаг большинством голосов высказался в пользу «нулевого решения» по советским и американским ракетам средней и меньшей даль-

ности в Европе. В правительственном заявлении федеральный канцлер выразил надежду, что предстоящее соглашение по этим классам ракет между СССР и США положит начало широкому процессу разоружения, который охватит все виды ядерных и обычных вооружений. Более того, Г. Коль изложил западногерманские предложения по сокращению вооружений, которые оказались во многом созвучны ранее выдвинутым инициативам советской стороны: 50-процентное сокращение стратегических наступательных вооружений СССР и США, создание в Европе стабильного соотношения сил в области обычных вооружений на низком уровне, скорейшее заключение конвенции о всеобщем запрещении химического оружия. В то же время Г. Коль потребовал, чтобы 72 установки для запуска ракет «Першинг-1А» (класс «ракеты меньшей дальности») не были включены в предстоящее советско-американское соглашение по ракетам средней и меньшей дальности. Федеральный канцлер мотивировал это тем, что договор заключается между СССР и США, а установки являются системами третьего государства, то есть ФРГ [Bulletin, 1987, 6 Juni, S. 487].

Вероятно, Коль отдавал себе отчет в том, что его заявление не снимает до конца препятствия на пути заключения соглашения по ракетам средней и меньшей дальности. Своими оговорками он выигрывал время, а также поддерживал баланс сил внутри правящей коалиции, где против включения в советско-американское соглашение установок и «Першингов-1А» выступали ХСС и часть правых политиков ХДС.

Однако начавшаяся разрядка напряженности в отношениях между странами с различным общественным строем, а также постепенное продвижение СССР и США к договоренности по ракетам средней и меньшей дальности настоятельно требовали от федерального правительства уступок. К середине августа 1987 года стало очевидно, что большинство членов бундестага (фракции СвДП и СДПГ, многие рядовые депутаты фракции ХДС/ХСС) настроены отозвать западногерманские возражения и ждут от федерального правительства решительных шагов в этом направлении.

Основным противником этого решения по-прежнему являлись правые консерваторы в бундестаге. Они рассматривали сохранение «Першингов-1А» и установок для них в качестве средства давления на СССР, полагая, что тем самым вынудят советское руководство продолжать изменения во внешней политике.

Учитывая, сколь важна была для Г. Коля устойчивость правящей коалиции, он проявил политическое мужество и единолично принял ответственное решение. 26 августа 1987 года федеральный канцлер созвал пресс-конференцию, на которой объявил о том, что при определенных условиях ракеты «Першинг-1А» могут быть ликвидированы. В качестве таковых

были озвучены: подписание советско-американского соглашения об уничтожении в глобальном масштабе ракет средней и меньшей дальности, принадлежавших СССР и США; удовлетворительное решение проблемы контроля за соблюдением соглашения; ратификация и вступление в силу этого соглашения; фактическая ликвидация ракет в соответствии с утвержденным графиком [Павлов, 1989, с. 102]. По сути Коля согласился ликвидировать ракеты, размещенные на территории ФРГ, но только после подписания и начала действия соответствующего советско-американского соглашения.

После заявления федеральному канцлеру пришлось выдержать огонь критики со стороны сторонников жесткого курса. Он был обвинен в отступлении от обговоренной позиции без предварительной консультации с членами правительства. Выяснилось, что даже министр обороны ФРГ М. Вернер ничего не знал о готовящемся заявлении Г. Коля и ни сам, ни сотрудники его министерства не принимали участия в подготовке документа, связанного с этим решением.

Тем не менее благодаря настойчивому поиску сторонам удалось снять последнюю преграду на пути заключения советско-американского соглашения, и 8 декабря 1987 года во время визита М. С. Горбачева в Вашингтон Советский Союз и США подписали договор о ликвидации двух классов ядерных вооружений, а именно ракет средней и меньшей дальности (далее РСМД). Согласно договору, вместе с ракетами подлежали уничтожению их пусковые установки, а также связанные с ними вспомогательное оборудование и различные сооружения.

В договоре предусматривались широкие методы контроля. СССР и США согласились проводить в течение 13 лет взаимные инспекции по проверке исходных данных, ликвидации и непроизводству ракет, подтверждению факта уничтожения ракетных операционных баз и вспомогательных объектов. Проведение инспекций на местах предусматривалось, помимо территорий СССР и США, на территории стран размещения ликвидируемых ракет: ГДР и Чехословакии, с одной стороны; ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и Нидерландов, с другой стороны [Сборник международных договоров..., 1988, с. 58—60].

Вскоре после заключения советско-американского договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности различные политические силы ФРГ дали свою оценку этому договору.

Лишь отдельные политики из лагеря крайне правых сил в бундестаге выразили скептическое отношение к договору. Такую позицию традиционно занял ХСС в лице своего бессменного лидера Ф. Й. Штрауса, заявившего, что «ракеты средней и меньшей дальности составляют лишь 3 % накопленного в мире ядерного потенциала и положение ФРГ, на территории

которой остается еще значительная часть из примерно 4 тыс. американских ядерных боеголовок, не изменилось в сторону большей безопасности» [Штраус, 1991, с. 546].

В целом же реакция западногерманских политиков на заключение Вашингтонского договора была оптимистической. «Это — революционный договор», — заявил от имени своей партии генеральный секретарь ХДС Х. Гайслер в интервью газете «Die Zeit» [Жолквер, 1987, с. 3].

3.3. Закрепление позитивного тренда в советско-западногерманском диалоге

После заключения советско-американского договора о РСМД акценты в политике безопасности ФРГ стали смещаться, доказательства чего вскоре появились. В январе 1988 года визит в ФРГ нанес министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. В ходе его переговоров с Г.-Д. Геншером важнейшей темой стала проблема разоружения и контроля над вооружениями. Впервые была опробована практика параллельного обсуждения отдельных разделов повестки дня и переговоров в специально образованных группах экспертов — по вопросам безопасности, правовым проблемам, двусторонним отношениям [Die Begegnungen..., 1989, S. 133]. А в феврале 1988 года Г. Коль, в отличие от представителей США, Великобритании и Франции, отклонил так называемую «паузу» в переговорах с СССР по сокращению ядерных потенциалов и прохладно отнесся к готовящейся в НАТО модернизации тактических ядерных ракет дальностью полета до 500 км.

Перед визитами государственного секретаря США Дж. Шульца в Москву (февраль и апрель 1988 года), министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Вашингтон (март 1988 года) и их встречей в Женеве (май 1988 года) федеральный канцлер постоянно взаимодействовал с американской администрацией на предмет поиска компромисса на переговорах с Советским Союзом в целях быстрее достижения соглашения о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений.

Западногерманские государственные деятели и политики, осознав, что СССР намерен и далее следовать по пути разоружения, стали внимательно прислушиваться к советским инициативам в этой области. Положительный отклик в Федеративной Республике получила новая советская инициатива, а именно решение об одностороннем сокращении обычных вооружений и вооруженных сил. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 7 декабря 1988 года, М. С. Горбачев сообщил, что в течение 1989—1990 годов Советский Союз в одностороннем порядке намерен осуществить следующие меры: уменьшить численный состав своих вооруженных сил на 500 тыс. человек; вывести из ГДР, Чехословакии и Венгрии 6 танковых дивизий и расформировать их; вывести также десант-

но-штурмовые и ряд других соединений и частей с вооружением и боевой техникой; сократить находящиеся в вышеназванных странах войска на 50 тыс. человек, а вооружение — на 5 тыс. танков; переформировать все остающиеся на территории союзных стран советские войсковые подразделения таким образом, чтобы придать им чисто оборонительный характер. В этом же выступлении Горбачев выразил намерение сократить численность вооруженных сил и вооружений в европейской части СССР [Международный ежегодник..., 1989, с. 23].

Главный редактор западногерманского журнала «Europa-Archiv» Й. Тис тонко подметил психологическое значение инициатив советского лидера. До сих пор максимумом, на что отваживались противоборствующие стороны, являлось подписание договора о ликвидации отдельных классов ядерных вооружений (например, РМСД), что, однако, не приводило к уменьшению военных расходов. Теперь же Горбачев делал шаги на этом пути, существенно сокращая обычные вооружения и вооруженные силы [Тис, 1989, с. 13]. Перед ФРГ открывалась перспектива мира с меньшим количеством оружия.

Федеральное правительство обнаружило еще большее стремление к проведению внешней политики в духе разоружения. Причем, в отличие от предыдущих лет, официальный Бонн ввел в практику предварительные консультации перед принятием решения не только с США и союзниками по блоку НАТО, но и с советским руководством.

Такая тенденция отчетливо проявилась при обсуждении проблемы «ядерного перевооружения». Речь шла о замене 88 американских ракет «Ланс», базировавшихся на территории ФРГ, на новые системы с повышенной дальностью поражения до 500 км (ракеты «Ланс», как говорилось ранее, имели дальность полета 120 км). Новые ракеты являлись к тому же более точными, позволяя наносить удары по объектам в глубине территории стран-участниц Варшавского договора.

В 1988 году администрация США обратилась к федеральному правительству с предложением обсудить проблему «переворужения». Министр обороны ФРГ Р. Шольц (с 18 мая 1988 года сменивший на этом посту М. Вернера в связи с занятием последним должности главнокомандующего силами НАТО в Европе), а затем федеральный канцлер Г. Коль, дав формальное согласие, тем не менее заявили, что пока не видят особой необходимости в установлении четких сроков и форм модернизации ракет «Ланс». 19 января 1989 года в Вене состоялась встреча Э. А. Шеварднадзе и Г.-Д. Геншера [Встречи в Вене, 1989, с. 5], в ходе которой министр иностранных дел СССР убеждал своего западногерманского коллегу отказаться от американского предложения. Вернувшись в Бонн, Геншер передал

это пожелание Г. Колю, высказав свою точку зрения, которая оказалась еще более радикальной, чем советская. Министр иностранных дел ФРГ призывал вообще сократить ракеты ближнего действия до нулевого уровня.

В феврале 1989 года в ФРГ прибыл государственный секретарь США Дж. Бейкер, который вновь получил уклончивые ответы на вопрос о модернизации ракет «Ланс». 6 апреля 1989 года от имени федерального правительства было заявлено, что по этому вопросу решение не принято [Deutscher Bundestag..., 1989].

После проведения интенсивных политических консультаций с лидерами всех крупных партий Западной Германии, а именно Г.-Д. Геншером (СвДП), А. Дреггером (ХДС), Т. Вайгелем (ХСС) и Г.-Й. Фогелем (СДПГ), Г. Коля выступил 27 апреля 1989 года с правительственным заявлением. «Настала пора серьезно задуматься о коренных национальных интересах», — многообещающе подчеркнул во вступлении федеральный канцлер, отметив далее, что интересы ФРГ состоят в предотвращении любого военного конфликта в Европе. Затем он напомнил, что в случае войны полем использования ракет «Ланс» и им подобных видов оружия массового уничтожения станут территории ФРГ и ГДР, а не США и СССР. Поэтому предложения Г. Коля, которые он выносил на обсуждение в НАТО, сводились к следующему: скорейшее начало переговоров с Организацией Варшавского договора по тактическому ядерному оружию с целью установления равных пониженных уровней; решение о том, нужно ли вводить новые системы вместо ракет «Ланс», принять в 1992 году с учетом политического развития и достигнутых к тому времени результатов на всех переговорах по разоружению. В конце своего выступления федеральный канцлер не исключил возможности «третьего нулевого решения», то есть глобальной ликвидации тактических ядерных ракет [Международный ежегодник..., 1990, с. 260].

В конце апреля 1989 года для пояснения позиции федерального правительства в Вашингтон были отправлены министр иностранных дел Г.-Д. Геншер и министр обороны Р. Шольц. Визит не внес серьезного вклада в укрепление американско-западногерманских отношений, поскольку объяснения эмиссаров федерального правительства не нашли должного понимания у администрации президента США Дж. Буша-старшего. Более того, на федеральное правительство было оказано давление с целью добиться немедленного согласия на модернизацию ядерных вооружений ближнего действия. Основной ударной силой на дипломатическом фронте выступал посол Соединенных Штатов в ФРГ Р. Барт, который провел несколько встреч с руководством Федеративной Республики, требуя приступить к реализации мер по модернизации размещенного на территории Западной Германии ядерного оружия. При этом в ход был пущен, казалось бы, безот-

казный тезис о якобы «огромном» перевесе Советского Союза в обычных вооружениях.

Несмотря на политическое давление и присущее федеральному правительству чувство осторожности в отношениях с ближайшим союзником, Г. Коль остался тверд в занятой им позиции. По его прямому указанию официальный представитель ФРГ, выступая на сессии Совета НАТО, проходившей в мае–июне 1989 года, предложил начать переговоры со странами-участницами Варшавского договора по ядерным ракетам ближнего действия. Также западногерманский представитель приветствовал решение М. С. Горбачева об одностороннем выводе 500 ядерных боеголовок из стран Восточной Европы, о чем советский руководитель объявил в Москве в ходе майской встречи с государственным секретарем США Дж. Бейкером.

1 июня 1989 года Г. Коль выступил на пленарном заседании бундестага с правительственным заявлением по поводу проблемы сокращения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Он отметил, что «в Советском Союзе и других странах Варшавского договора происходят перемены, не имеющие до сих пор прецедента и открывающие исторические возможности упрочить мир и стабильность на европейском континенте меньшим количеством оружия» [Коль..., 1989, с. 6]. От имени правительства федеральный канцлер предложил депутатам бундестага сообща разработать программу модернизации западногерманских вооруженных сил с целью придания им сугубо оборонительного характера.

Вскоре проект программы был подготовлен, одобрен бундестагом, и с конца 1989 года федеральное Министерство обороны приступило к реализации программы, предусматривавшей в качестве первоочередных задач сокращение численного состава бундесвера и уменьшение расходов на закупку основных видов вооружений.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в период 1987—1989 годов сложился комплекс факторов, благоприятствующих поиску компромиссных решений в области безопасности на международной арене. Решающий вклад внесли инициативы, выдвинутые М. С. Горбачевым в сфере ликвидации ракет средней и меньшей дальности, сокращения обычных вооружений и вооруженных сил. Они позволили добиться позитивных изменений на советско-американских переговорах по ядерному разоружению и контролю над вооружениями, создав тем самым предпосылки для активизации взаимодействий Советского Союза и Западной Германии по линии дипломатии. На политической арене ФРГ произошло усиление позиций сторонников конструктивной линии в отношении СССР. К их числу в той или иной степени сле-

дует отнести лидеров СвДП, занимавших ключевые посты в федеральном Министерстве иностранных дел, часть влиятельных политиков из партии ХДС, СДПГ. В ФРГ получила преобладание точка зрения, согласно которой лучше иметь в лице СССР не вооруженного до зубов противника, а договороспособного партнера. В большинстве случаев риторика западно-германских политиков смягчилась, а основные центры принятий решений, сосредоточенные вокруг федерального канцлера Г. Коля и министра иностранных дел Г.-Д. Геншера, имея в ряде случаев тактические разногласия, выступили в пользу нахождения компромисса с СССР по злободневным вопросам повестки дня в области безопасности. Позиция федерального канцлера претерпела наиболее существенную эволюцию: от скептического отношения к советским инициативам до участия в процессах разоружения и контроля над вооружениями. Это выразилось в отказе от политики «ядерного перевооружения», а в дальнейшем в запуске программы сокращения численного состава бундесвера и расходов на закупку основных видов вооружений. По сути, это позволило федеральному правительству обеспечить возрастание влияния ФРГ в рамках глобальной политики безопасности, а также создать дипломатический плацдарм для решения важнейшей задачи воссоединения Германии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Встречи в Вене* // Правда : [газета]. — 1989. — № 20. — С. 5.
2. *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва : Политиздат, 1987. — Т. 4. — 510 с.
3. *Жолквер Н.* Когда дешевеют ядерные акции / Н. Жолквер // Новое время. — 1987. — № 52. — С. 3—4.
4. *Г. Коль* : все больше шансов для конструктивного диалога // За рубежом : [газета]. — 1989. — № 24. — С. 6—7.
5. *Международный ежегодник*: Политика и экономика / АН СССР. Институт мировой экономики и международных отношений ; гл. ред. О. Н. Быков. — Москва : Политиздат, 1989. — 351 с.
6. *Международный ежегодник* : Политика и экономика / АН СССР. Институт мировой экономики и международных отношений ; гл. ред. О. Н. Быков. — Москва : Политиздат, 1990. — 416 с.
7. *Португалов Н.* Боннские вратари / Н. Португалов // Новое время. — 1987. — № 22. — С. 10—12.
8. *Сборник международных договоров СССР*. — Москва : Международные отношения, 1990. — Выпуск 44. — 520 с.
9. *Тис Й.* Воспоминания о средневековье / Й. Тис // Новое время. — 1989. — № 9. — С. 13—14.

10. Федоров М. ФРГ : избиратели голосуют за разрядку / М. Федоров // За рубежом. — 1987. — № 5. — С. 6.
11. Штраус Ф. Й. Воспоминания / Ф. Й. Штраус ; пер. с нем. — Москва : Международные отношения, 1991. — 556 с. — ISBN 5-7133-0411-6.
12. *Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung*. Bonn. — 1987. — 19. März.
13. *Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung*. Bonn. — 1987. — 6. Juni.
14. *Deutscher Bundestag*. 11. Wahlperiode. 10. April 1989. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. Mechttersheimer, Eich und der Fraktion DIE GRÜNEN. [Electronic resource]. — Access mode : <https://dsrserver.bundestag.de/btd/11/043/1104322.pdf> (accessed 07.06.2024).
15. *Die Begunungen von Moskau und Bonn: Neue Qualität der Beziehungen*. — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1989. — 159 s.
16. *Genscher H.-D. Nehmen wir Gorbatschows «Neue Politik» beim Wort: Berichte und Dokumentationen* / Hrsg. : Auswärtiges Amt und Presse- und Informationsamt der Bundesregierung / H.-D. Genscher. — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1987. — 17 s.
17. «Gorbatschow, der lockert und lockert...» [Electronic resource] // *Der Spiegel*. — 1988. — № 50. — Access mode : <https://www.spiegel.de/politik/gorbatschow-der-lockert-und-lockert-a-1351f23a-0002-0001-0000-000013531153?context=issue> (accessed 05.05.2024).

Литература

1. *Божик К. Б. Приоритеты внешней политики Германии до и после объединения : 1945—2005 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук / К. Б. Божик*. — Москва, 2022. — 264 с.
2. *Ватлин А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин*. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. — 336 с. — ISBN 5-82430-293-6.
3. *Зиборова М. С. Взаимодействие и противоречия между ФРГ и США / М. С. Зиборова // Мировая экономика и международные отношения*. — 1990. — № 3. — С. 81—91. — DOI: 10.20542/0131-2227-1990-3-81-91.
4. *Истягин Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности (1949—1987 гг.) / Л. Г. Истягин*. — Москва : Наука, 1988. — 166 с. — ISBN 5-02-010388-8.
5. *Максимычев И. Ф. Россия — Германия. Война и мир. От мировых катастроф к европейской безопасности / И. Ф. Максимычев*. — Москва : Книжный мир, 2014. — 510 с. — ISBN 978-5-8041-0674-5.
6. *Павлов В. С. Проблемы внутренней и внешней политики Западной Германии в историографии ФРГ / В. С. Павлов*. — Нижний Новгород : Издательство Нижегородского университета, 1994. — 118 с. — ISBN 5-85746-068-9.
7. *Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ : концепции и реалии 80-х годов / Н. В. Павлов*. — Москва : Международные отношения, 1989. — 253 с. — ISBN 5-7133-0060-9.
8. *Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера / Н. В. Павлов, А. А. Новиков*. — Москва : Московские учебники — СиДиПресс, 2005. — 605 с. — ISBN 5-8443-0024-6.
9. *Павлов Н. В. Германский вопрос и «общеевропейский дом» (о балансе сил и учете интересов) / Н. В. Павлов // Мировая экономика и международные отношения*. — 1990. — № 6. — С. 5—17. — DOI: 10.20542/0131-2227-1990-6-5-17.

10. Павлов Н. В. Россия и Германия : несостоявшийся альянс (история с продолжением) / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 557 с. — ISBN 978-5-7567-0854-7.
11. Френкин А. А. Западногерманские консерваторы : кто они? / А. А. Френкин. — Москва : Международные отношения, 1990. — 216 с. — ISBN 5-7133-0274-1.
12. Adomeit H. Gorbatschows Westpolitik : «Gemeinsames europäisches Haus» oder «atlantische Orientierung»? / H. Adomeit // Osteuropa. — 1988. — № 6. — S. 427—432.
13. Bredow von W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland / W. von Bredow. — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. — 299 s. — ISBN 978-3-531-90129-9.
14. Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941—1995 / Hrsg. : A. Jacobsen, J. Loser, D. Proektor, S. Sluttsch. — Baden-Baden : Nomos, 1995. — 789 s. — ISBN 978-3-789-03683-5.
15. Hacke Chr. Weltmacht wider Willen : Die Aussenpolitik der BRD / Chr. Hacke. — Stuttgart : Klett-Cotta, 1988. — 544 s. — ISBN 3-608-91452-8.
16. Halfendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945—1990 / H. Halfendorn. — Stuttgart-München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2001. — 536 s. — ISBN 978-3-421-05219-3.
17. Heinrich A. Zeitwende : Der Moskauer Gipfel und das Ende des kalten Krieges / A. Heinrich // Blätter für deutsche und internationale Politik. — 1988. — № 7. — S. 775—779.
18. Kaiser K. Atomare Abschreckung und Nichtverbreitung von Kernwaffen / K. Kaiser // Europa-Archiv. — 1988. — № 17. — S. 481—490.
19. Lebahn A. Politische und wirtschaftliche Auswirkungen der Perestrojka auf die Sowjetunion sowie auf ihre Beziehungen zu Osteuropa und zum Westen / A. Lebahn // Aussenpolitik. — 1988. — Quartal 2. — S. 107—124.
20. Meissner B. Gorbatschows Umbau des Sowjetsystems / B. Meissner // Osteuropa. — 1989. — № 8. — S. 702—719.
21. Nach vorn gedacht : Perspektiven deutsche Politik / Hrsg. H.-D. Genscher. — Stuttgart : Bonn aktuell, 1987. — 285 s. — ISBN 978-3-879-59290-6.
22. Schöllgen Gr. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland : Von den Anfängen bis zur Gegenwart / Gr. Schöllgen. — München : Beck, Cop, 1999. — 248 s. — ISBN 3-406-42091-5.
23. Verantwortung für die Freiheit. 40 Jahre FDP / Hrsg. von W. Mischnik. — Stuttgart : Deutsche Verlage, 1989. — 655 s. — ISBN 978-3-421-06500-1.

Статья поступила в редакцию 12.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung.* (1987). Bonn. 19. März. (In Germ.).
- Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung.* (1987). Bonn. 6. Juni. (In Germ.).
- Collection of international treaties of the USSR, 44.* (1990). Moscow: International Relations. 520 p. (In Russ.).
- Deutscher Bundestag. 11. Wahlperiode. 10. April 1989. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. Mechttersheimer, Eich und der Fraktion DIE*

- GRÜNEN. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/11/043/1104322.pdf> (accessed 07.06.2024). (In Germ.).
- Die Begunungen von Moskau und Bonn: Neue Qualität der Beziehungen.* (1989). Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 159 s. (In Germ.).
- Fedorov, M. (1987). FRG: voters vote for détente. *Abroad*, 5: P. 6. (In Russ.).
- «Gorbatschow, der lockert und lockert...». (1988). *Der Spiegel*, 50. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/gorbatschow-der-lockert-und-lockert-a-1351f23a-0002-0001-0000-000013531153?context=issue> (accessed 05.05.2024). (In Germ.).
- G. Kohl: *there are more and more chances for a constructive dialogue.* (1989). *Abroad*: [newspaper], 24: 6—7. (In Russ.).
- Genscher, H.-D. (1987). *Nehmen wir Gorbatschows «Neue Politik» beim Wort: Berichte und Dokumentationen.* Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 17 s. (In Germ.).
- Gorbachev, M. S. (1987). *Selected speeches and articles*, 4. Moscow: Politizdat. 510 p. (In Russ.).
- International Yearbook: Politics and Economics.* (1990). Moscow: Politizdat. 416 p. (In Russ.).
- International Yearbook: Politics and Economics.* (1989). Moscow: Politizdat. 351 p. (In Russ.).
- Meetings in Vienna. (1989). *Pravda: [newspaper]*, 20: P. 5. (In Russ.).
- Portugalov, N. (1987). Bonn goalkeepers. *Novoe vremya*, 22: 10—12. (In Russ.).
- Strauss, F. J. (1991). *Memoirs.* Moscow: International Relations. 556 p. ISBN 5-7133-0411-6. (In Russ.).
- Tree, Y. (1989). Memories of the Middle Ages. *New time*, 9: 13—14. (In Russ.).
- Zholkver, N. (1987). When nuclear stocks become cheaper. *Novoye vremya*, 52: 3—4. (In Russ.).

References

- Adomeit, H. (1988). Gorbatschows Westpolitik: «Gemeinsames europäisches Haus» oder «atlantische Orientierung»? *Osteuropa*, 6: 427—432. (In Germ.).
- Bojik, K. B. (2022). *Priorities of German foreign policy before and after unification: 1945—2005.* PhD Diss. Moscow. 264 p. (In Russ.).
- Bredow von W. (2006). *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 299 s. ISBN 978-3-531-90129-9. (In Germ.).
- Deutsch-russische Zeitenwende. (1995). *Krieg und Frieden 1941—1995.* Baden-Baden: Nomos. 789 s. ISBN 978-3-789-03683-5. (In Germ.).
- Frenkin, A. A. (1990). *West German conservatives: who are they?* Moscow: International Relations. 216 p. ISBN 5-7133-0274-1. (In Russ.).
- Hacke, Chr. (1988). *Weltmacht wider Willen: Die Aussenpolitik der BRD.* Stuttgart: Klett-Cotta. 544 s. ISBN 3-608-91452-8. (In Germ.).
- Halfendorn, H. (2001). *Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung 1945—1990.* Stuttgart-München: Deutsche Verlags-Anstalt. 536 s. ISBN 978-3-421-05219-3. (In Germ.).
- Heinrich, A. (1988). Zeitwende: Der Moskauer Gipfel und das Ende des kalten Krieges. *Blätter für deutsche und internationale Politik*, 7: 775—779. (In Germ.).
- Istyagin, L. G. (1988). *Socio-political struggle in Germany on issues of peace and security (1949—1987).* Moscow: Nauka. 166 p. ISBN 5-02-010388-8. (In Russ.).
- Kaiser, K. (1988). Atomare Abschreckung und Nichtverbreitung von Kernwaffen. *Europa-Archiv*, 17: 481—490. (In Germ.).

- Lebahn, A. (1988). Politische und wirtschaftliche Auswirkungen der Perestrojka auf die Sowjetunion sowie auf ihre Beziehungen zu Osteuropa und zum Westen. *Aussenpolitik*, 2: 107—124. (In Germ.).
- Maksimychev, I. F. (2014). *Russia — Germany. War and Peace. From global catastrophes to European security*. Moscow: Knizhny Mir. 510 p. ISBN 978-5-8041-0674-5. (In Russ.).
- Meissner, B. (1989). Gorbatschows Umbau des Sowjetsystems. *Osteuropa*, 8: 702—719. (In Germ.).
- Nach vorn gedacht: Perspektiven deutsche Politik*. (1987). Stuttgart: Bonn aktuell. 285 s. ISBN 978-3-879-59290-6. (In Germ.).
- Pavlov, N. V. (1989). *Foreign policy of Germany: concepts and realities of the 80s*. Moscow: International Relations. 253 p. ISBN 5-7133-0060-9. (In Russ.).
- Pavlov, N. V., Novikov, A. A. (2005). *Foreign policy of Germany from Adenauer to Schroeder*. Moscow: Moscow Textbooks — SiDiPress. 605 p. ISBN 5-8443-0024-6. (In Russ.).
- Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany: a failed alliance (a story with a sequel)*. Moscow: Aspect Press. 557 p. ISBN 978-5-7567-0854-7. (In Russ.).
- Pavlov, N. V. (1990). The German question and the “pan-European House” (on the balance of forces and consideration of interests). *World Economy and international relations*, 6: 5—17. DOI: 10.20542/0131-2227-1990-6-5-17. (In Russ.).
- Pavlov, V. S. (1994). *Problems of domestic and foreign policy of West Germany in the historiography of Germany*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press. 118 p. ISBN 5-85746-068-9. (In Russ.).
- Schöllgen, Gr. (1999). *Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. München: Beck, Cop. 248 s. ISBN 3-406-42091-5. (In Germ.).
- Verantwortung für die Freiheit. 40 Jahre FDP*. (1989). Stuttgart: Deutsche Verlage. 655 s. ISBN 978-3-421-06500-1. (In Germ.).
- Watlin, A. Yu. (2002). *Germany in the twentieth century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 336 p. ISBN 5-82430-293-6. (In Russ.).
- Ziborova, M. S. (1990). Interaction and contradictions between Germany and the USA. *World Economy and international relations*, 3: 81—91. DOI: 10.20542/0131-2227-1990-3-81-91. (In Russ.).

*The article was submitted 12.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

Информация для цитирования:

Зимаков А. В. Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии : результат климатической политики? / А. В. Зимаков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 365—387. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387.

Zimakov, A. V. (2024). European Union's Withdrawal from Energy Charter Treaty: A Result of Climate Policy? *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 365-387. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Выход Евросоюза
из Договора
к Энергетической хартии:
результат климатической
политики?**

Зимаков Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0001-6574-6258

WoS ResearcherID: F-7869-2017

Scopus Author ID: 57194103489

кандидат экономических наук,
научный сотрудник Центра
европейских исследований
zimakov@newmail.ru

Национальный исследовательский
институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е. М. Примакова
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**European Union's
Withdrawal from Energy
Charter Treaty: A Result
of Climate Policy?**

Andrey V. Zimakov

orcid.org/0000-0001-6574-6258

WoS ResearcherID: F-7869-2017

Scopus Author ID: 57194103489

PhD in Economics,
research scientist,
Centre for European Studies
zimakov@newmail.ru

Primakov National Research Institute
of World Economy and
International Relations,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу политических и экономических причин решения о скорректированном выходе Евросоюза и его членов из Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) в марте 2024 года. Особое внимание уделяется вопросу о роли в этом процессе климатической политики Евросоюза. Представлен обзор тридцати лет с момента основания договора с целью выявления влияния на внутривнутриполитические процессы стран ЕС. На основе анализа практики инвестиционных арбитражных разбирательств, а также официальных документов ЕС делается вывод, что, несмотря на декларативные заявления, климатическая повестка была лишь внешним и второстепенным фактором, в то время как основной причиной явились изменения в инвестиционной политике ЕС. Показано, что договор не являлся препятствием для реализации климатических целей Евросоюза, однако механизм защиты инвестиций в международном арбитраже оказался несовместимым с продвигаемыми принципами автономности и приоритета права ЕС. Вместе с тем договор действительно давал инвесторам возможность требовать от правительств стран ЕС компенсаций за активы, «блокированные» в результате климатической политики. Отказ от проверенного инструмента защиты международных инвестиций может негативно повлиять на инвестиционную привлекательность «зеленой» энергетики Евросоюза.

Ключевые слова:

ЕС; Договор к Энергетической хартии; климатическая политика ЕС; инвестиционный арбитраж; инвестиционная политика ЕС.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the political and economic motivations behind the coordinated decision of the European Union and its member states to withdraw from the Energy Charter Treaty (ECT) in March 2024. Special emphasis is placed on the role of the EU's climate policy in this process. A comprehensive review of the thirty years since the treaty's inception is presented, aiming to uncover its influence on the domestic political dynamics within EU member states. Through an examination of investment arbitration practices and official EU documents, it is concluded that, despite declarative statements, the climate agenda was merely an external and secondary factor, while the primary driver was a shift in the EU's investment policy. The article illustrates that the treaty did not obstruct the achievement of the EU's climate objectives; however, the investment protection mechanism in international arbitration proved incompatible with the principles of autonomy and primacy of EU law. Furthermore, the treaty indeed provided investors with avenues to seek compensation from EU member state governments for assets "blocked" as a result of climate policies. The abandonment of a proven international investments protection tool may negatively impact the foreign investment attractiveness of the EU's green energy sector.

Key words:

EU; Energy Charter Treaty; EU climate policy; investment arbitration; EU investment policy.

УДК 327:621.039 (4-66ЕС)“2024”+94(430).087

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-365-387

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Выход Евросоюза из Договора к Энергетической хартии: результат климатической политики?

© Зимаков А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Экологизация является одним из важнейших современных трансформационных процессов в ЕС. Начавшись с декарбонизации электроэнергетики, экологическая трансформация постепенно перешагнула первоначальные рамки и в настоящий момент предопределяет изменения, происходящие в самых разных сферах экономической жизни стран Евросоюза. Без понимания этих движущих сил многие значимые события могут представляться парадоксальными, в то время как в логике экологической трансформации они являются вполне закономерными. При этом, однако, следует избегать упрощений, объясняющих причины лишь влиянием климатической политики. Среди подобных событий последних лет особое место занимает выход стран ЕС и самого Евросоюза из Договора к Энергетической хартии (ДЭХ). Парадоксальность этого достаточно подчеркнуть тем фактом, что европейские страны являлись основателями этого договора тридцать лет назад, и именно за счет их усилий и ресурсов состоялся этот уникальный и не имеющий аналогов в мировой практике международный правовой механизм [Конопляник, 2018].

Решение Евросоюза оказалось достаточно неожиданным, особенно учитывая начатый в 2017 году по инициативе Евросоюза процесс модернизации договора. Тем не менее под предлогом несовместимости ДЭХ с климатическими целями ЕС Европарламент не поддержал итог работы по модернизации и призвал к немедленному выходу [European Parliament ..., 2022].

Что же заставило ЕС отказаться от ДЭХ, даже имея перспективы его модернизации? И действительно ли главным мотивом была несовместимость ДЭХ с климатической политикой ЕС? Данная статья посвящена выявлению на основе анализа «жизненного цикла» (от основания ДЭХ до выхода стран ЕС) основных факторов и причин, а также тех более комплексных процессов, элементом и следствием которых стал отказ Евросоюза от ДЭХ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

ДЭХ как международный договор, как система защиты иностранных инвестиций и как инструмент в спорах между частными инвесторами и государствами неоднократно привлекал внимание различных исследователей как в России, так и за рубежом. Среди отечественных исследователей следует особо выделить А. А. Конопляника, являвшегося активным участником процесса становления и развития ДЭХ [Конопляник, 2010; 2011; 2018].

Как правило, в отечественной научной литературе периодическое возникновение интереса к договору было связано с различными арбитражными разбирательствами, инициированными на основе ДЭХ, в первую очередь теми из них, которые непосредственно затрагивали РФ. В этом контексте много внимания уделялось делу акционеров ЮКОСа [Рачков и др., 2016]. Также ряд публикаций был посвящен выходу России из ДЭХ в 2018 году. Меньшее внимание привлекали прочие арбитражные разбирательства, например, «солнечные иски» [Ермакова, 2022], в связи с отказом Германии от АЭС [Зимаков, 2021], по причине изменений в регулировании оффшорной ветроэнергетики [Попов и др., 2021]. Также интерес у исследователей вызывал процесс модернизации ДЭХ, подробный анализ направлений модернизации можно найти у Шиянова А. В. [Шиянов, 2023], Гудкова И. В. [Гудков, 2020] и других.

Что касается иностранных исследователей, то с их стороны ДЭХ подвергался детальному анализу в различных аспектах: вопросов практического применения механизма международного инвестиционного арбитража [Vig, 2022], анализа процесса модернизации [Roiger-Simek, 2021; Belyi, 2021], влияния на климатическую политику [Tienhaara et al., 2020; Vaaranmaa, 2021; Hinrichsen, 2024; Hajdu, 2020], как элемент энергетического колониализма [Energy Colonialism ..., 2023] и пр. Особо следует выделить исследования вопросов взаимодействия международного инвестиционного правового механизма ДЭХ и формирующегося европейского инвестиционного права [Titi, 2015; Odermatt, 2024]. Особенности инвестиционной политики ЕС рассматривались также отечественными учеными [Гурова, 2016; Шайдуллина, 2018; Исполинов, 2021].

Источниковую базу исследования составляют официальные документы Еврокомиссии и Европарламента, базы данных по инвестиционным арбитражам МЦУИС и Арбитражного института международной торговой палаты в Стокгольме, статистика Секретариата Энергетической хартии, а также материалы независимых экологических движений и организаций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Три десятилетия Договора к Энергетической хартии (1994—2024)

Предыстория, процесс формирования и основные положения ДЭХ достаточно подробно рассмотрены в научной литературе. Вместе с тем для полноты понимания проблематики необходимо вкратце напомнить историю становления и развития ДЭХ. В декабре 1991 года в Гааге была принята политическая декларация о развитии энергетического сотрудничества между Востоком и Западом, получившая название *Европейская энергетическая хартия*. Данный документ стал результатом инициативы стран Западной Европы, заинтересованных в получении доступа к энергетическим ресурсам постсоветского пространства. Фактически речь шла о создании правового механизма, который позволял осуществлять прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в энергетические проекты в странах СНГ, гарантировал их защиту в международном арбитраже и обеспечивал возможность беспрепятственных поставок энергоресурсов в страны-импортеры, среди которых главными заинтересованными были страны Европейского Сообщества. Разработанный на основе декларации Договор к Энергетической хартии, принятый в Лиссабоне в декабре 1994 года и вступивший в силу в 1998 году, по сути, сфокусирован на двух основных механизмах обеспечения заявленных целей: свободный транзит энергоресурсов и защита иностранных инвестиций (торговые аспекты договора практически сразу потеряли значение с появлением ВТО и были модифицированы для приведения в соответствие с ее нормами). Основным дискуссионным вопросом на тот момент являлись положения, касающиеся обеспечения свободы транзитных потоков энергоресурсов. При этом второй механизм ДЭХ, призванный обеспечить привлечение иностранных инвестиций на недискриминационных условиях и их защиту, на первоначальном этапе не вызвал значимых дискуссий, возможно, потому что его потенциал не был на тот момент в достаточной степени оценен договаривающимися сторонами. Страны — потенциальные реципиенты ПИИ действовали в целях создания благоприятного инвестиционного климата для привлечения средств иностранных инвесторов, в которых крайне нуждались. В свою очередь страны — потенциальные инвесторы постарались заложить максимально благоприятные для себя условия при конфликтных ситуациях на уровне «частый инвестор — государство». Для этого ДЭХ предусматривал особый порядок разрешения инвестиционных споров, в соответствии с которым инвестор получал право на разбирательство в международном арбитраже (в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров — МЦУИС — в Вашингтоне, в Арбитражном институте Между-

народной торговой палаты в Стокгольме или в арбитражном трибунале по регламенту ЮНСИТРАЛ). Данный механизм разрешения инвестиционных споров вне национальной судебной системы принимающего ПИИ государства формировался в 1950—1960-е годы и стал привычным элементом двухсторонних инвестиционных договоров (ДИД) между странами, что позволяло инвесторам из экономически развитых стран успешно отстаивать свои интересы в спорах с правительствами развивающихся стран третьего мира. ДЭХ стал первым многосторонним межгосударственным соглашением, интегрировавшим этот механизм, распространив его действие на энергетическую отрасль [Конопляник, 2010].

После вступления в силу в 1998 году ДЭХ начал вскоре использоваться как инструмент международными инвесторами, и поначалу он действительно работал в направлении Запад — Восток, как и ожидалось его архитекторами [Конопляник, 2011]. Первым арбитражным разбирательством на основании ДЭХ стал иск в 2001 году инвестора из Великобритании к Венгрии (на тот момент не являвшейся членом ЕС). В последующее десятилетие ответчиками по арбитражным разбирательствам в рамках ДЭХ становились Монголия, Болгария, Грузия, Словения, Турция, Азербайджан, Казахстан, Македония, а также Россия, подписавшая, но не ратифицировавшая ДЭХ [Рачков и др., 2016].

Вместе с тем к концу 2000-х среди ответчиков по инвестиционным искам в рамках ДЭХ стали появляться страны Евросоюза. И если ответчики — страны Восточной Европы, присоединившиеся к ЕС в рамках расширения 2004 и 2007 годов, укладываются в логику вектора Запад — Восток, то иск против Германии в 2009 году стал первым против «старого» члена ЕС. Этот иск, инициированный шведской компанией Vattenfall, можно также назвать первым иском, предъявленным к стране ЕС в связи с изменениями регуляторной среды под влиянием климатической политики и смены политической конъюнктуры. Стоит особо отметить, что, хотя Vattenfall и не получил положительного исхода арбитражного разбирательства (стороны достигли мирового соглашения), своих главных целей — получения разрешения на строительство и существенно большей сговорчивости властей — он все же добился. По сути, шведский концерн использовал механизм защиты инвестиций ДЭХ для оказания политического давления на германские органы власти [Попов и др., 2021]. Этот опыт был, очевидно, признан шведской компанией успешным, и в конфликтной ситуации в связи с решением об ускоренном выходе Германии из атомной энергетики она подала еще один иск в международный арбитраж против ФРГ, в 2012 году. А начиная с 2014 года на основании ДЭХ были поданы десятки исков различных инвесторов против Испании, Италии, Болгарии, Чехии, Германии

и других стран ЕС, связанных с изменениями в государственных программах стимулирования развития возобновляемой энергетики.

Серия исков, поданных в 2014—2016 годах и продолжающих поступать к Испании и Италии, получила название «солнечных», так как они были вызваны изменениями в программах государственного стимулирования развития солнечных электростанций, значительно ухудшивших доходность вложений в фотовольтаику [Ермакова, 2021]. Позже со схожими исками столкнулись Чехия, Болгария, Франция и Германия.

Особо следует выделить арбитражные иски в связи с решениями государств о прекращении или сокращении использования различных видов или мощностей традиционной энергетики, продиктованными климатической политикой. Помимо упоминавшегося процесса против Германии в связи с отказом от АЭС, это иски, связанные с решениями правительств об отказе от производства электроэнергии на угольных ТЭС. В 2021 году такие иски были поданы германскими концернами RWE и Uniper к Нидерландам в связи с решением прекратить работу угольных электростанций с 2030 года. А в 2023 году схожий иск был подан от швейцарского миноритарного акционера угольной ТЭС в Германии в связи с решением об отказе от угольной электроэнергетики к 2038 году.

К этой же категории с определенными допущениями можно отнести иск нефтегазовой компании Rockhopper к Италии из-за изменений в законодательстве, которые лишили инвестора права получить лицензию на разработку разведанного нефтяного морского месторождения нефти, а также иск Ascent Resources к Словении в связи с тем, что правительство требовало проведения дополнительной экологической экспертизы перед применением гидроразрыва пласта на газовом месторождении [Hinrichsen, 2024].

При этом было бы неправильно сказать, что механизм защиты иностранных инвестиций в энергетику стал использоваться только против мер климатической политики правительств европейских стран. На протяжении всего времени функционирования ДЭХ продолжал защищать инвесторов от различных дискриминационных и экспроприационных практик правительств. Однако с середины 2010-х годов ДЭХ стал объектом ожесточенной кампании различных климатических активистских организаций, объявивших договор главным защитником углеводородной энергетики и тормозом экологической трансформации.

Перечень претензий, предъявляемых ДЭХ эоактивистами, достаточно длинный, начиная с отсутствия интегрированных экологических целевых показателей и заканчивая обвинениями в покровительстве предприятиям индустрии ископаемых видов топлива. Справедливо отмечая инструментальность угрозы международным арбитражем в спорах с правительства-

ми стран, эоактивисты особо выделяли иски, предъявленные в связи с отказом от угольных электростанций в Нидерландах и разработки морских месторождений в Италии. Иски предприятий возобновляемой энергетики эоактивисты не считают полезными для климатической повестки, так как их инициаторы, по большей части, являются институциональными инвесторами, а не собственно предприятиями-инноваторами. Петиция эоактивистов к Совету ЕС, Еврокомиссии и Европарламенту с призывом кардинально модернизировать, а лучше — демонтировать ДЭХ собрала подписи 278 независимых общественных организаций [Open Letter ..., 2019].

Нужно отметить, что серия «солнечных» исков действительно создала серьезную головную боль для правительств затронутых стран ЕС, причем Италия приняла решение выйти из ДЭХ, формально прекратив свое членство с начала 2016 года. Этот шаг сложно назвать взвешенной стратегией, так как, по сути, Италия мало что изменила для себя в отношении рисков арбитражных разбирательств. Дело в том, что в ДЭХ была заложена особая оговорка, продлевающая возможность подачи арбитражных исков в течение еще 20 лет с момента выхода из договора («закатная» оговорка). Защиту ДЭХ потеряют только инвестиции, сделанные после 2016 года.

Выход Италии из договора, давление эоактивистов и ряд иных соображений побудили Евросоюз искать пути изменения ДЭХ. Инициированные Евросоюзом консультации по модернизации договора идут с 2018 года [Roiger-Simek, 2021]. Основные предлагаемые направления модернизации подразумевают исключение из защиты инвестиции в энергетику ископаемых видов топлива, сокращение срока «закатной оговорки» до 10 лет, регулирование арбитражных разбирательств, а также исключение из процедуры возможности подачи исков инвесторов из стран одного «регионального экономического интеграционного объединения» к странам этого же регионального объединения [Belyi, 2021].

В результате нескольких раундов переговоров стороны ДЭХ согласовали в июне 2022 года принципиальный текст нового соглашения. Однако итоговый документ не устроил как климатических активистов, объявивших полученные уступки поражением климатического движения [IISD ..., 2022]¹, так и Европарламент, который рассчитывал увидеть в тексте договора более жесткие меры по отказу от защиты инвесторов нефтегазовой отрасли и полной отмены процедуры международного арбитража [European parliament, 2022]. В октябре 2022 года Еврокомиссия представила Совету Европы проект резолюции об утверждении согласованного текста

1 IISD, Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action (13 September 2022), available at: <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty>

модернизированной энергетической хартии, однако этот проект не набрал необходимого числа голосов. Таким образом, Еврокомиссии не удалось достичь консенсуса даже в рамках Евросоюза. И хотя суммарно страны Евросоюза составляют больше половины голосов в конференции ДЭХ, невозможность соглашения даже только в рамках ЕС поставила под вопрос реализуемость модернизации ДЭХ [European Commission, 2023]. В ноябре 2022 года Европарламент призвал Еврокомиссию немедленно инициировать скоординированный выход стран-членов и самого ЕС из ДЭХ. Соответствующий проект резолюции был представлен Еврокомиссией в июле 2023 года. Нужно отметить, что к этому моменту (декабрь 2022) Германия, Франция, Польша уже подали уведомления о своем выходе из договора (выход считается осуществленным по прошествии года с даты подачи). В октябре 2023 года их примеру последовали Люксембург и Словения, а в феврале 2024 — Португалия. Также о намерении покинуть ДЭХ заявляли Испания, Нидерланды, Дания и Ирландия.

Наконец, в марте 2024 года Совет ЕС утвердил скоординированный выход ЕС из ДЭХ, а в июне 2024 года было подано соответствующее официальное уведомление. Скоординированность выхода означает, что после выхода Евросоюза из договора, в силу разделения компетенций, ни одна из стран ЕС не может остаться стороной ДЭХ, если только на то не будет дано отдельное согласование Совета ЕС [European Commission, 2024].

3.2. Климатическая политика, заблокированные активы и проблема компенсаций

Таким образом, за почти тридцать лет Евросоюз прошел путь от создателя ДЭХ до его противника. В чем же причина подобной трансформации и действительно ли ДЭХ стал жертвой климатической политики ЕС? Еврокомиссия в своем предложении о выходе из договора подчеркивает, что ДЭХ более не совместим с климатическими целями «Зеленой сделки» ЕС и Парижским соглашением, в соответствии с которым страны-подписанты декларировали цель приведения финансовых потоков в соответствие с задачами климатической политики (ст. 2, п. 1 С) [Парижское соглашение..., 2015]. Еврокомиссия указывает, что защита инвестиций в сектора энергетики, связанные с ископаемыми видами топлива, противоречит этим целям. Аналогичные положения содержатся в резолюциях Европарламента, призывавшего к скорейшему прекращению членства ЕС в договоре, несовместимом с Парижским соглашением и экологическими целями Евросоюза. Симптоматичной можно также считать реакцию экологических НКО на решение Совета Европы о выходе из ДЭХ, объявивших об очередной победе экологического движения.

Вместе с тем при ближайшем рассмотрении аргументы о несовместимости ДЭХ с климатической политикой выглядят несостоятельными. В Па-

рижском соглашении 2015 года нет требования о прекращении инвестиций в ископаемые виды топлива, а ДЭХ не отдает предпочтений какой-либо конкретной технологии или источнику энергии. Более того, арбитражные разбирательства, отстаивающие вложения в нефтегазовые и прочие активы, составляют меньшинство и теряются на фоне исков, призванных защитить интересы инвесторов в возобновляемую энергетику (34 % и 59 % от всех исков) [Energy Charter ..., 2023]. ДЭХ вообще не содействует направлению финансовых потоков в какое-то конкретное направление; его функционал — не привлекать инвестиции, а защищать их. Владельцы угольных ТЭС в Нидерландах, подавшие иск в международный арбитраж, вовсе не стараются противодействовать климатической политике правительства страны, как это представлено в резолюции Европарламента, а всего лишь требуют компенсации за досрочный принудительный вывод актива из эксплуатации.

Именно этим ДЭХ оказался неудобен правительствам стран ЕС, реализующим экологическую трансформацию экономики. Основным проблемным моментом является то, что ДЭХ предусматривает выплату компенсации инвестору в случае прямой или косвенной экспроприации, что интерпретируется достаточно широко, например, уменьшение прибыли или невозможность ее получения в случае изменения государственного регулирования. Сюда же относятся случаи досрочного вывода активов из эксплуатации, если это произошло не по экономическим причинам, а в принудительном порядке по решению госорганов (так называемые «блокированные активы», *stranded assets*) [Tienhaara et al., 2020]. Тем самым правительства, меняющие условия стимулирования (например, снижающие размер вознаграждения за «зеленую» электроэнергию) или запрещающие генерацию определенного вида (например, угольную или атомную), оказываются в сложной ситуации. По мнению инвесторов, выпадающие прибыли и потерянные инвестиции должны быть возмещены. И если при принятии этих мер правительствами не были предусмотрены какие-либо компенсации, то инвесторы обоснованно подают в суд против таких действий. Причем это может быть как национальный суд, так и международный арбитражный в соответствии с ДЭХ. Неудивительно, что правительства при принятии решений в рамках энергоперехода ощущают себя «связанными» ДЭХ [Vaaranmaa, 2021].

На самом деле ДЭХ, по большому счету, ни при чём. Экологическая трансформация, инициированная в общественных интересах, не всегда следует логике максимизации экономической выгоды и зачастую вступает с ней в прямое противоречие. Энергопереход неизбежно сопровождается своего рода негативными побочными эффектами, которые приходится также преодолевать. Например, отказ от угольной промышленности влечет за

собой деградацию угледобывающих регионов со всем вытекающим комплексом социоэкономических проблем. Другим побочным эффектом является рост тарифов на электроэнергию и топливо для населения, провоцирующий увеличение энергетической бедности. На решение этих и других возникающих проблем необходимы средства, которые поступают из бюджетов стран ЕС, а значит, из налогов того же населения и бизнеса.

Необходимость выплаты компенсаций компаниям энергетической отрасли еще больше увеличивает размер необходимых для реализации климатической политики средств. Компенсации также финансируются из государственных бюджетов, что ставит правительства перед непростой дилеммой: либо искать соглашения с энергетическими концернами, либо, рискуя оказаться втянутым в судебные разбирательства, последовать логике экологических НКО, считающих, что энергетические компании традиционной углеродной энергетики в долгу у общества за тот урон, который они нанесли окружающей среде за многие годы, и потому не заслуживают компенсации [Dauphin et al., 2020].

Нужно отметить, что в ЕС можно обнаружить примеры использования обоих подходов. Так, при принятии решения правительством Германии в 2011 году об ускоренном выходе из атомной энергетики не были предусмотрены какие-либо компенсации энергетическим компаниям, эксплуатирующим АЭС. Это привело к длительным судебным разбирательствам в рамках германской судебной системы, которые закончились признанием неправомерности решения правительства и обязательством выплатить компенсации концернам.

Правительство ФРГ учло этот опыт при подготовке решения о постепенном отказе от угольной электроэнергетики, и в итоговый пакет вошло соглашение о компенсациях энергоконцернам [Зимаков, 2021]. Несмотря на это, ФРГ все же столкнулось с арбитражным иском от швейцарского миноритарного акционера Azienda Elettrica Ticinese угольной ТЭС Люнен (она должна быть остановлена в 2032 году), не получившего компенсацию в рамках соглашения по выходу из угольной энергетики.

Таким образом, даже при наличии политической воли к поиску компромиссного решения не всегда получается учесть интересы всех сторон, и инвесторы, которые посчитают свои интересы ущемленными, могут подать иск в международный арбитраж. Означает ли это, однако, что их претензии будут автоматически удовлетворены? И действительно ли правительства европейских стран членов ДЭХ связаны режимом инвестиционной стабильности и не могут осуществлять энергопереход или же лишены гибкости в вопросах регулирования и изменений мер стимулирования развития ВИЭ? Арбитражная практика показывает, что это не так.

Арбитражные трибуналы, рассматривая иски, связанные с изменением условий стимулирования возобновляемой энергетики, в частности, снижением правительствами тарифов на зеленую электроэнергию и изменением принципов расчета вознаграждения за произведенное электричество, неоднократно подчеркивали, что государство обладает суверенным правом реализовывать ту или иную политику в общественных интересах. Инвестор не должен ожидать, что тарифы или размер вознаграждения просуществуют весь срок полезной эксплуатации построенного энергетического объекта, если только государством не были даны конкретные гарантии [Vig, 2022]. Наконец, бизнес должен понимать, что производит инвестиции в условиях не статичной, а развивающейся ситуации. Основываясь на таком подходе, как правило, по «солнечным» искам трибуналы не подтверждали нарушение государством «обоснованных и разумных ожиданий» инвесторов и отказывали в компенсации [Hajdu, 2020]. При такой трактовке даже у концернов RWE и Uniper, добивавшихся компенсаций от правительства Нидерландов за досрочное закрытие своих новых угольных ТЭС, получается достаточно слабая позиция. Действительно, в 2015—2016 годах, когда новейшие угольные электростанции Маасвлакте 3 и Эймсхавен вводились в эксплуатацию, в Нидерландах не просматривался выход из угольной энергетики. Однако на фоне общеевропейских тенденций эти инвестиции уже тогда вызывали как минимум недоумение [Зимаков, 2017]. Например, в соседней Бельгии последняя угольная ТЭС в стране была закрыта как раз в эти годы.

Таким образом, международный арбитраж в рамках ДЭХ не ограничивает правительства стран ЕС в их праве реализовывать климатическую политику в интересах всего общества. Если же государство действительно нарушает права инвестора, то такие ситуации признают незаконными даже национальные суды, как это было в случае с ускоренным выходом Германии из атомной энергетики. Чем же тогда разбирательство в международном арбитраже не устраивает правительства стран ЕС?

3.3. Международный инвестиционный арбитраж и принципы автономности и приоритета права ЕС

Причин этому несколько, и начать стоит с более частного случая, когда арбитражное разбирательство инициирует инвестор из другой страны ЕС. Следует сразу оговориться, что такое возможно не только в рамках ДЭХ. Гораздо более распространенной практикой (порядка трех четвертей всех исков) явились арбитражные разбирательства в рамках двусторонних инвестиционных договоров (ДИД), основная масса которых была заключена в 1990-е годы между странами ЕС и восточно-европейскими государствами с целью поощрения экономической интеграции в европейское пространство. Однако после вступления в ЕС эти договоры, содержавшие

стандартную арбитражную оговорку, стали использоваться для разрешения споров «инвестор — государство» уже в рамках Евросоюза. Такая практика вызвала крайне негативную реакцию как Еврокомиссии, так и европейской судебной системы, на протяжении долгих лет развивавших принципы автономности и приоритета права ЕС: разбирательство в международном суде в обход европейской судебной системы противоречит праву ЕС. Инвестор должен искать решения своей конфликтной ситуации в соответствии с правом ЕС в судебной системе того государства, к которому у него возникли претензии, а в случае несогласия с решением суда апеллировать к вышестоящим судам ЕС [Гурова, 2016].

Более того, принципы автономности и приоритета права ЕС подразумевают независимость как от национального законодательства стран-членов, так и от международного права [Исполинов, 2021]. Это означает, что международные соглашения стран-членов не должны нарушать распределение компетенций между ЕС и государствами. Так как по Лиссабонскому договору при определении компетенций ЕС и государств сфера координирования инвестиционной политики была закреплена за Евросоюзом, само наличие ДИД между членами Евросоюза оказалось противоречащим праву ЕС.

В результате последовательной политики Еврокомиссии по демонтажу внутриевропейских ДИД на основе «эпохального» решения Суда ЕС по делу Achmea в 2018 году [Nagy, 2019] в мае 2020 года было подписано многостороннее соглашение между странами ЕС о прекращении всех «внутренних» ДИД (Agreement for the Termination of Bilateral Investment Treaties between the Member States of the European Union, OJ L 206 of 29 May 2020). Однако при этом остался вопрос о допустимости «внутренних» инвестиционных споров в международном арбитраже в соответствии с иными международными договорами, и в первую очередь с ДЭХ, почти три четверти арбитражных разбирательств в рамках которого инициированы «внутри» ЕС.

Свою позицию по данному вопросу Еврокомиссия сформулировала еще в 2017 году, реагируя на «солнечные иски» к Испании. Еврокомиссия продекларировала, что, исходя из принципов автономности и приоритета права ЕС, разбирательство в международном арбитраже между странами ЕС и инвесторами из ЕС противоречит праву ЕС, что также относится к инвестиционным спорам в рамках ДЭХ. При этом Еврокомиссия все же признала законность арбитражных исков в рамках ДЭХ между странами ЕС и другими странами [European Commission, 2017]. Эту же позицию занял Суд ЕС в сентябре 2021 году в решении по делу Komstroy [Odermatt, 2021].

Как было сказано, реализовать свою позицию по выведению внутриевропейских споров за рамки ДЭХ и международного арбитража Евроко-

миссия намеревалась посредством модернизации договора. Интересно отметить, что согласованный проект нового соглашения сохранил арбитражную процедуру, но из нее исключены споры внутри регионального экономического объединения, что есть ЕС. По-видимому, для Еврокомиссии приоритетными были все же два вопроса: исключение арбитража внутри ЕС и сокращение срока «закатной» оговорки. Однако именно оставшаяся арбитражная оговорка в обновленной версии ДЭХ стала одной из основных претензий Европарламента, отказавшегося поддержать модернизацию ДЭХ и призвавшего покинуть договор.

Существующая система международного инвестиционного арбитража становилась неоднократно предметом критики различных политических сил как в Европарламенте, так и в Еврокомиссии. Предъявляемые к ней претензии включают непрозрачность процессов, их затратность и длительность, а также отсутствие стандарта определения суммы компенсации, что приводит к значительному разрыву в суммах, присужденных либо разными трибуналами, либо национальными и международными арбитражными судами [Damages ..., 2023]. При этом Евросоюз разрабатывает собственный механизм разрешения инвестиционных споров, основанный на создании особых инвестиционных судов [Titi, 2015]. Подобный механизм Еврокомиссия включает во вновь заключаемые торговые соглашения, например, во Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение с Канадой [Макаренкова, 2016]. По сути, Евросоюз взял курс на разрыв со сложившейся практикой международного арбитражного права не только в инвестиционных спорах внутри ЕС, но во внешних договорах. Данный процесс протекает достаточно болезненно и наталкивается на сопротивление, однако ЕС продолжает достаточно жестко продавливать свою позицию [Шайдуллина, 2018]. Продолжение участия в «старой» системе международного арбитража в рамках ДЭХ противоречило бы этому тренду [Kehl et al., 2024].

Нельзя сказать, что в свете реформы инвестиционной политики и практики ЕС выход из ДЭХ был практически предрешен, однако, безусловно, данный фактор сыграл существенную, если не ведущую роль при принятии окончательного решения. При этом выход из договора не означает прекращение арбитражной практики, так как еще в течение 20 лет сохраняются обязательства по уже реализованным инвестициям благодаря или по вине «закатной» оговорки: Италия продолжает получать иски, несмотря на выход из ДЭХ с 2016 года. Защиты лишаются только новые инвестиции. Так был ли в этом экономический смысл?

Вероятно, что да, даже с учетом 20-летней оговорки. Во-первых, Еврокомиссия давно прорабатывает вариант прекратить действие этой оговорки между странами ЕС в рамках особого соглашения, по аналогии, как это

было сделано с ДИД [Braoudakis et al., 2024]. Во-вторых, Евросоюз уже, по сути, объявил все иски на основании ДЭХ внутри ЕС «вне закона» и успешно продвигает эту позицию в международных арбитражах. Так, иск RWE к Нидерландам был признан не соответствующим закону Федеральным верховным судом Германии в ответ на запрос, сделанный правительством Нидерландов (в итоге прекращены оба арбитражных разбирательства: Uniper отозвал свой иск как часть соглашения с правительством Германии о финансовой помощи в связи с предбанкротным состоянием). Остается вопрос с международными инвесторами, однако у Евросоюза есть козырь, который тот пока не спешит использовать в этом ключе, а именно принципы автономности и приоритета права ЕС. Вместе с тем примеров их одностороннего применения Евросоюзом не наблюдается, и такое действие будет негативно воспринято международными инвесторами и отрицательно повлияет на инвестиционную привлекательность Евросоюза, в то время как ЕС нуждается в значительном объеме инвестиций для дальнейшей реализации энергоперехода и экологической трансформации хозяйства.

Этот объем будущих инвестиций — достаточно весомый аргумент в пользу выхода ЕС из ДЭХ. Ведь в противном случае их сумма превратится в размер будущих рисков для правительств стран ЕС, которые сложно заранее учесть в условиях развивающегося процесса. Как пойдет развитие тех или иных технологий, какие меры стимулирования и какие изменения в законодательстве придется предпринять в будущем, просчитать сложно. Например, как будет развиваться водородная энергетика? Ведь необходимо создавать этот рынок с нуля — развивать как предложение (производство водорода), так и его потребление (разрабатывать двигатели, турбины и котельное оборудование, а также всю посредническую инфраструктуру). Каждый из этих элементов несет свои риски, и не факт, что все сработает так, как ожидается, и водородная экономика состоится. В этом контексте даже гипотетическая угроза разбирательств в международном арбитраже с гибкой системой оценки размера убытков может обернуться непредсказуемыми финансовыми последствиями.

С другой стороны, для международных инвесторов фактор политических рисков в этих условиях становится крайне важным — что правительства стран ЕС не попытаются переложить свои недоработки и упущения на плечи компаний. Каким образом Евросоюз планирует решить проблему гарантий и обеспечить привлекательность новых инвестиций в энергетику при отсутствии защиты ДЭХ, пока неясно. Еврокомиссия утверждает, что механизмы защиты инвестиций, подобные ДЭХ, не потребуются для привлечения международных инвесторов, так как ЕС предлагает высокий уровень доступа к правовой защите и верховенство права. Насколько

оценят такой подход инвесторы из Японии, Великобритании, Швейцарии и других стран, покажет время. Пока Евросоюз сам ограничивает доступ некоторых инвесторов к ряду отраслей [Кулинич, 2024], всё больше сокращая круг потенциальных инвесторов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, транслируемые в медийном пространстве заявления о необходимости выхода ЕС из ДЭХ для ликвидации блокирующего экологическую трансформацию механизма, который защищает индустрию ископаемых видов топлива, являются лишь внешней публичной стороной гораздо более глубоких процессов. По мере становления и развития комплексной инвестиционной политики ЕС старые инвестиционные договоры стран-членов — двусторонние и многосторонние — оказались несовместимыми с новыми подходами. Постулируемые принципы автономности и приоритета права ЕС также входят в конфликт с механизмом международного арбитражного разбирательства, заложенного в ДЭХ. Наконец, ДЭХ оказался одной из «точек кристаллизации» проблематики, кто оплачивает европейскую экологическую трансформацию: общество или бизнес? Ведь, по сути, основным вопросом арбитражных споров «инвестор — государство» является не сам политический акт, а урегулирование его последствий. Бизнес требует компенсаций за те убытки, которые он понес в результате проводимой государством политики, в данном случае климатической, которая, как известно, не всегда реализуется последовательно. Однако в случае выплаты компенсаций бизнесу эти убытки оплачивает общество, которое и без того платит высокую цену за экологическую трансформацию, например, за счет более высоких цен на электроэнергию, поэтому многие правительства негативно воспринимают эту практику и стараются ее, при возможности, избежать. Механизм ДЭХ стал инструментом бизнеса в этом споре, сопротивляющегося попыткам государства переложить на него часть затрат.

Европа проделала большой путь за те тридцать лет, которые прошли с основания ДЭХ. ЕС находится в постоянном развитии, в котором процесс трансформации затрагивает самые разные сферы политической и хозяйственной деятельности. Неудивительно, что контекст, в котором разрабатывался ДЭХ, изменился настолько, что ДЭХ начал плохо вписываться в новые европейские реалии.

Несмотря на все эти причины, выход ЕС из ДЭХ не был единственно возможным решением. Большинство задач было возможно решить путем модернизации договора, однако в итоге возобладали радикальный подход. Несмотря на то, что ранее сделанные инвестиции сохранят защиту на про-

тяжении последующих 20 лет после выхода из ДЭХ, это уже не затронет новые инвестиции в «зеленую» энергетику. Если учесть развивающийся характер экологической трансформации и относительно сложную предсказуемость отдельных мер климатической политики, остается открытым вопрос привлекательности европейской энергетики для потенциальных ПИИ. Отменяя механизм защиты международного инвестиционного арбитража ДЭХ, ЕС предлагает потенциальным инвесторам правовую защиту стран ЕС, которая не всегда может оказаться достаточной с учетом разного состояния правовых систем и практик различных членов Евросоюза. Возможно, такой гарантией сможет стать создаваемая система европейских инвестиционных судов, однако пока что баланс сил уравнения «инвестор — государство» смещается в пользу последнего.

Выход Евросоюза из ДЭХ также ставит вопрос о дальнейшем будущем ДЭХ. Сможет ли договор продолжить существование без своих основателей? Сохранит ли он свою привлекательность для других стран? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. С одной стороны, секретариат ДЭХ в последние годы вел активную деятельность по расширению круга государств-членов и по их вовлечению в процесс модернизации, в том числе в рамках Международной энергетической хартии (обновленная политическая декларация 2015 года, призванная дать ДЭХ более глобальное измерение, чем Европейская энергетическая хартия 1991 года). С другой стороны, среди стран третьего мира также существует движение эоактивистов, для которых выход ЕС из договора является сильным аргументом против членства [Nabimana et al., 2023], а также противников ДЭХ как проявления энергетического колониализма [Energy Colonialism ..., 2023]. Не давая прогнозов, отметим, что, разрабатывая ДЭХ, европейские государства создали очень устойчивый механизм, способный, как оказалось, противостоять своим создателям и даже пережить их выход, при этом продолжая удерживать их в своей орбите на протяжении последующих двадцати лет.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. ДЭХ — *Договор к Энергетической хартии 1994 года* // Портал Секретариата Энергетической хартии. — Режим доступа : <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (дата обращения 30.05.2024).

2. МЦУИС — *Международный центр урегулирования инвестиционных споров*, г. Вашингтон [Электронный ресурс] // Портал Всемирного банка. База данных арбитражных дел. — Режим доступа : <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database> (дата обращения 30.05.2024).

3. Конопляник А. А. Договор упущенных возможностей. Энергетическая хартия пока остается вне поля зрения России. / А. А. Конопляник // «Независимая газета», ежемесячное приложение «НГ-Энергия»: [газета]. — 12.03.2019. — С. 12—13.

4. Парижское соглашение 12 декабря 2015 года [Электронный ресурс] // Портал ООН. — Режим доступа : https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения 30.05.2024).

5. Dauphin et al. The Energy Charter Treaty : an axe to climate action — 10 reasons the EU and governments must quit the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // Friends of Earth Europe, May 2020. — Access mode : <https://friendsoftheearth.eu/publication/the-energy-charter-treaty-an-axe-to-climate-action/> (accessed 30.05.2024).

6. Energy Charter Secretariat. 150 investment arbitration cases instituted under the Energy Charter Treaty [Electronic resource]. — Access mode : https://www.energychartertreaty.org/fileadmin/DocumentsMedia/Statistics/Chart_ECT_cases_-_1_June_2022.pdf (accessed 30.05.2024).

7. Energy Charter Secretariat Statistics of ECT Cases [Electronic resource]. — 2023. — Access mode : https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Disputes/20230501_-_Statistics_-_Cases_under_the_Energy_Charter_Treaty.pdf (accessed 30.05.2024).

8. European Commission. State aid SA.40348 (2015/NN) — Spain Support for electricity generation from renewable energy sources, cogeneration and waste [Electronic resource] // 7384 final, Brussels, 10.11.2017. — Access mode : https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/258770/258770_1945237_333_2.pdf (accessed 30.05.2024).

9. European Commission. Proposal for a Council decision on the withdrawal of the Union from the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // COM(2023)447 final, Brussels, 7.7.2023. — Access mode : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023PC0447> (accessed 30.05.2024).

10. European Commission. Proposal for a Council Decision on the position to be taken on behalf of the European Union in the Energy Charter Conference [Electronic resource] // COM (2024) 104 final, Brussels, 1.3.2024. — Access mode : [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM\(2024\)104_0/090166e509d92685?rendition=false](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM(2024)104_0/090166e509d92685?rendition=false) (accessed 30.05.2024).

11. European Parliament. Resolution on the outcome of the modernisation of the Energy Charter Treaty [Electronic resource] // 2022/2934(RSP). — 2022. — Access mode : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0421_EN.html (accessed 30.05.2024).

12. IISD, Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action. — 13 September 2022. — Access mode : <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty> (accessed 30.05.2024).

13. Nabimanya J. The Energy Charter Treaty : Current state of play, implications for climate action in the Global South and recommendations [Electronic resource] / J. Nabimanya, C. Batte // Kampala. SEATINI Policy brief. — 5 May 2023. — Access mode : <https://seatiniuganda.org/download/energy-charter-treaty-current-state-of-play-issues-and-recommendations/> (accessed 30.05.2024).

14. Open Letter On The Energy Charter Treaty [Electronic resource]. — 9 December 2019. — Access mode : https://foeurope.org/sites/default/files/eu-us_trade_deal/2019-enc-open-letter1.pdf (accessed 30.05.2024).

Литература

1. *Гудков И. В.* «Экологизация» экономических отношений в праве (на примере энергетической отрасли) / И. В. Гудков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2020. — № 5. — С. 124—141. — DOI: 10.12737/jflcl.2020.046.
2. *Гурова И. П.* Противоречия реформы инвестиционных соглашений в Евросоюзе / И. П. Гурова // Экономика, предпринимательство и право. — 2016. — № 3 (32). — С. 303—314. — DOI: 10.18334/errp.6.3.36154.
3. *Ермакова Е. П.* «Солнечные» споры : может ли выход Италии из Договора к Энергетической хартии привести к его краху? / Е. П. Ермакова // Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 150—163. — DOI: 10.31857/S102694520019171-9.
4. *Зимаков А. В.* Есть ли будущее для угольных ТЭС в Европе? / А. В. Зимаков // Вестник МГИМО Университета. — 2017. — № 5 (56). — С. 130—150. — DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-130-150.
5. *Зимаков А. В.* Политика отказа Германии от атомной энергетики : от конфликта к компромиссу. / А. В. Зимаков // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 359—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-359-377.
6. *Исполинов А. С.* Принципы автономности и приоритета права ЕС как оружие Суда Европейского союза в конфликте с инвестиционными арбитражами. Дело Achmea / А. С. Исполинов // Российский юридический журнал. — 2021. — № 2. — С. 56—77. — DOI: 10.34076/20713797_2021_2_56.
7. *Конопляник А. А.* Договор к Энергетической хартии : разрушить нельзя модернизировать / А. А. Конопляник // ЭКО : Всероссийский экономический журнал. — 2011. — № 2. — С. 118—136.
8. *Конопляник А. А.* Россия и Энергетическая хартия: долгий и извилистый путь навстречу друг другу / А. А. Конопляник // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. — 2010. — № 12. — С. 114—132.
9. *Кулинич А. Д.* Регулирование прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе / А. Д. Кулинич // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2024. — № 1. — С. 53—63. — DOI: 10.15211/vestnikieran120245363.
10. *Макаренкова А. К.* Регулирование инвестиционной деятельности в соглашениях ЕС о свободной торговле / А. К. Макаренкова // Право и управление. XXI век. — 2016. — № 3. — С. 78—86.
11. *Попов Е. В.* Вызовы для международных инвесторов в контексте экологизации энергетики в ЕС : сравнительный обзор практики Германии / Е. В. Попов, А. В. Зимаков // Сравнительная политика. — 2021. — № 12. — С. 47—55. — DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10039.
12. *Рачков И. В.* Дело «ЮКОС против Российской Федерации» и вопрос о юрисдикционном иммунитете государства / И. В. Рачков, Н. А. Чурилина // Московский журнал международного права. — 2016. — № 3. — С. 49—67. — DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67.
13. *Шайдулина В. К.* Двусторонние договоры Европейского Союза и третьих стран в сфере защиты иностранных инвестиций : проблемы правоприменения / В. К. Шайдулина // Общество : политика, экономика, право. — 2018. — № 3. — С. 80—83. — DOI: 10.24158/perp.2018.3.16.
14. *Шиянов А. В.* Основные направления модернизации инвестиционного режима договора к энергетической хартии / А. В. Шиянов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — № 3. — С. 42—49. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-6.

15. *Belyi A.* The Energy Charter process in the face of uncertainties / A. Belyi // *The Journal of World Energy Law & Business.* — 2021. — Vol. 14. — Issue 5. — Pp. 363—375. — DOI: 10.1093/jwelb/jwab032.
16. *Braoudakis N.* Neutralising the ECT Sunset Clause Inter Se / N. Braoudakis, R. Craveia, C. Baldon // *ICSID Review — Foreign Investment Law Journal.* — 2024. — Vol. 39. — Issue 1. — Pp. 7—8. — DOI: 10.1093/icsidreview/siae011.
17. *Damages and ISDS Reform : Between Procedure and Substance / J. Bonnitcha, M. Langford, J. Alvarez-Zarate, D. Behn* // *Journal of International Dispute Settlement.* — 2023. — Vol. 14. — Issue 2. — Pp. 213—241. — DOI: 10.1093/jnlids/idab034.
18. *Energy Colonialism : A Category to Analyse the Corporate Energy Transition / J. Sánchez Contreras, A. M. Matarán Ruiz, A. Campos-Celador, E. M. Fjellheim* // *Land.* — 2023. — Vol. 12. — Pp. 12—41. — DOI: 10.3390/land12061241.
19. *Hajdu G.* Recent Investment Cases Against EU Member States : Europe's Green Energy Policies Under Threat? / G. Hajdu // *Sociálne Vedy Z Perspektívy Mladých Vedeckých Pracovníkov.* — 2020. — Vol. IV. — Pp. 124—128. — DOI: 10.34135/svpmvpIV.191014.
20. *Hinrichsen E.* Reconciling International Climate Law and the Energy Charter Treaty through the Use of Integrative Interpretation in Arbitration / E. Hinrichsen // *Laws.* — 2024. — Vol. 13. — P. 24. — DOI: 10.3390/laws13020024.
21. *Kehl Ph.* The Energy Charter Treaty at a Tipping Point — Modernization Efforts, Withdrawal Plans and their Legal Consequences / Ph. Kehl, S. Wuschka // *ZEuS Zeitschrift für Europarechtliche Studien.* — 2024. — № 1. — Pp. 59—90. — DOI: 10.5771/1435-439X-2024-1-59.
22. *Nagy C. I.* Introduction : Intra-EU BITs after Achmea — A cross-cutting issue / C. I. Nagy. — Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2019. — Pp. 1—13. — DOI: 10.4337/9781788115179.00009.
23. *Odermatt J.* Is EU Law International? Case C-741/19 Republic of Moldova v Komstroy LLC and the Autonomy of the EU Legal Order / J. Odermatt // *European Papers.* — 2021. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 1255—1268. — DOI: 10.15166/2499-8249/522.
24. *Roiger-Simek K.* The Modernization of the Energy Charter Treaty : Dead in the Water? / K. Roiger-Simek // *Austrian Review of International and European Law.* — 2021. — Vol. 26. — Pp. 121—146. — DOI: 10.1163/15736512-02601005.
25. *Tienhaara K.* Raising the cost of climate action? Investor-state dispute settlement and compensation for stranded fossil fuel assets / K. Tienhaara, L. Cotula. — London : IIED, 2020. — 59 p.
26. *Titi C.* International Investment Law and the European Union : Towards a New Generation of International Investment Agreements / C. Titi // *The European Journal of International Law.* — 2015. — Vol. 26. — № 3. — Pp. 639—661. — DOI: 10.1093/ejil/chv040.
27. *Vaaranmaa O.* The Energy Charter Treaty, Frivolous Claims and the Looming Threat of Investor-state Dispute Settlement : Any Hope from the EU's Modernisation Proposal? / O. Vaaranmaa // *Groningen Journal of International Law.* — 2021. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 270—287. — DOI: 10.21827/GroJIL.8.2.270-287.
28. *Víg Z.* Legitimate expectations in the arbitral practice of green energy cases under the Energy Charter Treaty / Z. Víg // *Hungarian Journal of Legal Studies.* — 2022. — Vol. 62. — № 2. — Pp. 115—130. — DOI: [10.1556/2052.2022.00347](https://doi.org/10.1556/2052.2022.00347).

Статья поступила в редакцию 28.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- Dauphin et al. (2020). The Energy Charter Treaty: an axe to climate action — 10 reasons the EU and governments must quit the Energy Charter Treaty. *Friends of Earth Europe*, May. Available at: <https://friendsoftheearth.eu/publication/the-energy-charter-treaty-an-axe-to-climate-action/> (accessed 30.05.2024).
- ECT — Energy Charter Treaty of 1994. *Portal of the Energy Charter Secretariat*. Available at: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECT-ru.pdf> (accessed 30.05.2024). (In Russ.).
- Energy Charter. (2023). *Secretariat Statistics of ECT Cases*. Available at: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Disputes/20230501_-_Statistics_-_Cases_under_the_Energy_Charter_Treaty.pdf (accessed 30.05.2024).
- Energy Charter Secretariat. 150 investment arbitration cases instituted under the Energy Charter Treaty*. Available at: https://www.energychartertreaty.org/fileadmin/DocumentsMedia/Statistics/Chart_ECT_cases_-_1_June_2022.pdf (accessed 30.05.2024).
- European Commission. Proposal for a Council Decision on the position to be taken on behalf of the European Union in the Energy Charter Conference. (2024). *COM 104 final, Brussels, 1.3*. Available at: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM\(2024\)104_0/090166e509d92685?rendition=false](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/api/files/COM(2024)104_0/090166e509d92685?rendition=false) (accessed 30.05.2024).
- European Commission. Proposal for a Council decision on the withdrawal of the Union from the Energy Charter Treaty. (2023). *COM(2023)447 final, Brussels, 7.7*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023PC0447> (accessed 30.05.2024).
- European Commission. State aid SA.40348 (2015/NN) — Spain Support for electricity generation from renewable energy sources, cogeneration and waste. (2017). *7384 final, Brussels, 10.11*. Available at: https://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/258770/258770_1945237_333_2.pdf (accessed 30.05.2024).
- European Parliament. Resolution on the outcome of the modernisation of the Energy Charter Treaty. (2022). *2022/2934(RSP)*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0421_EN.html (accessed 30.05.2024).
- ICSID — International Center for Settlement of Investment Disputes, Washington. *The World Bank portal. Database of arbitration cases*. Available at: <https://icsid.worldbank.org/cases/case-database> (accessed 30.05.2024). (In Russ.).
- IISD, *Newly Released Text for Modernized Energy Charter Treaty Shows Too Many Potential Obstacles for Climate Action*. 13 September 2022. Available at: <https://www.iisd.org/articles/statement/newly-released-text-modernized-energy-charter-treaty> (accessed 30.05.2024).
- Konoplyanik, A. A. (2019). The contract of missed opportunities. The Energy Charter remains out of sight of Russia for the time being. *Nezavisimaya Gazeta, monthly supplement NG-Energiya: [newspaper]*. 03/12. 12—13. (In Russ.).
- Nabimanya, J. (2023). The Energy Charter Treaty: Current state of play, implications for climate action in the Global South and recommendations. *Kampala. SEATINI Policy brief*. 5 May. Available at: <https://seatiniuganda.org/download/energy-charter-treaty-current-state-of-play-issues-and-recommendations/> (accessed 30.05.2024).
- Open Letter On The Energy Charter Treaty*. 9 December 2019. Available at: https://foeurope.org/sites/default/files/eu-us_trade_deal/2019/en-ect-open-letter1.pdf (accessed 30.05.2024).
- The Paris Agreement on December 12, 2015. *The UN Portal*. Available at: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (accessed 30.05.2024). (In Russ.).

References

- Belyi, A. (2021). The Energy Charter process in the face of uncertainties. *The Journal of World Energy Law & Business*, 14 (5): 363—375. DOI: 10.1093/jwelb/jwab032.
- Bonnitcha, J., Langford, M., Alvarez-Zarate, J., Behn, D. (2023). Damages and ISDS Reform: Between Procedure and Substance. *Journal of International Dispute Settlement*, 14 (2): 213—241. DOI: 10.1093/jnlids/idab034.
- Braoudakis, N., Craveia, R., Baldon, C. (2024). Neutralising the ECT Sunset Clause Inter Se. *ICSID Review — Foreign Investment Law Journal*, 39 (1): 7—8. DOI: 10.1093/icsidreview/siae011.
- Ermakova, E. P. (2022). “Solar” disputes: can Italy’s withdrawal from the Energy Charter Treaty lead to its collapse? *State and law*, 3: 150—163. DOI: 10.31857/S102694520019171-9. (In Russ.).
- Gudkov, I. V. (2020). “Ecologization” of economic relations in law (on the example of the energy industry). *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 5: 124—141. DOI: 10.12737/jflcl.2020.046. (In Russ.).
- Gurova, I. P. (2016). Contradictions of the reform of investment agreements in the European Union. *Economics, entrepreneurship and law*, 3 (32): 303—314. DOI: 10.18334/epp.6.3.36154. (In Russ.).
- Hajdu, G. (2020). Recent Investment Cases Against EU Member States: Europe’s Green Energy Policies Under Threat? *Sociálne Vedy Z Perspektívy Mladých Vedeckých Pracovníkov, IV*: 124—128. DOI: 10.34135/svpmvpIV.191014.
- Hinrichsen, E. (2024). Reconciling International Climate Law and the Energy Charter Treaty through the Use of Integrative Interpretation in Arbitration. *Laws*, 13: P. 24. DOI: 10.3390/laws13020024.
- Ispolinov, A. S. (2021). Principles of autonomy and priority of EU law as a weapon of the Court of the European Union in conflict with investment arbitrations. *The Achmea case. Russian Law Journal*, 2: 56—77. DOI: 10.34076/20713797_2021_2_56. (In Russ.).
- Kehl, Ph., Wuschka, S. (2024). The Energy Charter Treaty at a Tipping Point — Modernization Efforts, Withdrawal Plans and their Legal Consequences. *ZEUS Zeitschrift für Europarechtliche Studien*, 1: 59—90. DOI: 10.5771/1435-439X-2024-1-59.
- Konoplyanik, A. A. (2010). Russia and the Energy Charter: a long and winding path towards each other. *ECO: All-Russian Economic Journal*, 12: 114—132. (In Russ.).
- Konoplyanik, A. A. (2011). The Energy Charter Treaty: it cannot be destroyed to modernize. *ECO: All-Russian Economic Journal*, 2: 118—136. (In Russ.).
- Kulinich, A. D. (2024). Regulation of foreign direct investment in the European Union. *Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS*, 1: 53—63. DOI: 10.15211/vestnik-eran120245363. (In Russ.).
- Makarenkova, A. K. (2016). Regulation of investment activity in EU free trade agreements. *Law and management. XXI century*, 3: 78—86. (In Russ.).
- Nagy, C. I. (2019). *Introduction: Intra-EU BITs after Achmea — A cross-cutting issue*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 1—13. DOI: 10.4337/9781788115179.00009.
- Odermatt, J. (2021). Is EU Law International? Case C-741/19 Republic of Moldova v Komstroy LLC and the Autonomy of the EU Legal Order. *European Papers*, 6 (3): 1255—1268. DOI: 10.15166/2499-8249/522.
- Popov, E. V., Zimakov, A. V. (2021). Challenges for international investors in the context of greening energy in the EU: a comparative review of German practice. *Comparative Politics*, 12: 47—55. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10039. (In Russ.).

- Rachkov, I. V. (2016). The case of YUKOS v. the Russian Federation and the issue of jurisdictional immunity of the state. *Moscow Journal of International Law*, 3: 49—67. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-3-49-67. (In Russ.).
- Roiger-Simek, K. (2021). The Modernization of the Energy Charter Treaty: Dead in the Water? *Austrian Review of International and European Law*, 26: 121—146. DOI: 10.1163/15736512-02601005.
- Sánchez Contreras, J., Matarán Ruiz, A. M., Campos-Celador, A., Fjellheim, E. M. (2023). Energy Colonialism: A Category to Analyse the Corporate Energy Transition. *Land*, 12: 12—41. DOI: 10.3390/land12061241.
- Shaidullina, V. K. (2018). Bilateral treaties of the European Union and third countries in the field of protection of foreign investments: problems of law enforcement. *Society: politics, economics, law*, 3: 80—83. DOI: 10.24158/pep.2018.3.16. (In Russ.).
- Shiyarov, A. V. (2023). The main directions of modernization of the investment regime of the Energy Charter treaty. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 3: 42—49. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-3-6. (In Russ.).
- Tienhaara, K., Cotula, L. (2020). *Raising the cost of climate action? Investor-state dispute settlement and compensation for stranded fossil fuel assets*. London: IIED. 59 p.
- Titi, C. (2015). International Investment Law and the European Union: Towards a New Generation of International Investment Agreements. *The European Journal of International Law*, 26 (3): 639—661. DOI: 10.1093/ejil/chv040.
- Vaaranmaa, O. (2021). The Energy Charter Treaty, Frivolous Claims and the Looming Threat of Investor-state Dispute Settlement: Any Hope from the EU's Modernisation Proposal? *Groningen Journal of International Law*, 8 (2): 270—287. DOI: 10.21827/GroJIL.8.2.270-287.
- Vig, Z. (2022). Legitimate expectations in the arbitral practice of green energy cases under the Energy Charter Treaty. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 62 (2): 115—130. DOI: 10.1556/2052.2022.00347.
- Zimakov, A. V. (2021). Germany's Nuclear Energy Refusal Policy: from Conflict to Compromise. *Nauchnyi dialog*, 10: 359—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-359-377> (In Russ.).
- Zimakov, A. V. (2017). Is there a future for coal-fired thermal power plants in Europe? *Bulletin of MGIMO University*, 5 (56): 130—150. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-130-150. (In Russ.).

*The article was submitted 28.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ильин П. В. Новые имена в истории движения декабристов : купец-заговорщик А. П. Сапожников / П. В. Ильин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 388—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-388-408.

Ilyin, P. V. (2024). New Figures in History of Decembrist Movement: Merchant-Conspirator A. P. Sapozhnikov. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 388-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-388-408. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Новые имена в истории
движения декабристов:
купец-заговорщик
А. П. Сапожников**

Ильин Павел Владимирович
orcid.org/0000-0001-6058-2186
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
pavilyn1970@gmail.com

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

**New Figures in History
of Decembrist Movement:
Merchant-Conspirator
A. P. Sapozhnikov**

Pavel V. Ilyin
orcid.org/0000-0001-6058-2186
PhD in History,
senior research scientist
pavilyn1970@gmail.com

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье речь идет о малоизвестном участнике тайного общества и заговора декабристов в Петербурге купце Александре Петровиче Сапожникове (1788—1827). Актуальность исследования состоит в том, что оно затрагивает важный для историографии вопрос о созревании оппозиционных самодержавию идей в купеческой среде. Новизна работы определяется неизученностью отношений, связывавших А. П. Сапожникова с декабристами. Автор собрал немногочисленные указания источников, раскрывающие обстоятельства вступления в декабристский союз выходца из купеческой семьи, его участие в заговоре 1825 года и «демарше» его родственника Я. И. Ростовцева, связанном с намерениями умеренно настроенных декабристов — добиться ограничения самодержавия невооруженным путем. Свидетельства источников сопоставляются между собой, оценивается степень их авторитетности и достоверности. Проведена интерпретация документальных данных на основе критического анализа полного объема их содержания. Реконструированы причины, в силу которых А. П. Сапожников избежал наказания. Приводятся уникальные сведения о «вольномудстве» семьи Сапожниковых, обусловившем присоединение представителя этого рода к декабристскому движению. Результаты исследования позволяют говорить о появлении единомышленников декабристов в «элитном слое» купечества, с другой стороны, раскрывают усилия участников декабристского союза по распространению своего влияния на купеческое сословие.

Ключевые слова:

декабристы; тайные общества; неизвестные участники; купечество; семья Сапожниковых.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article discusses a lesser-known participant in the secret society and conspiracy of the Decembrists in St. Petersburg, merchant Alexander Petrovich Sapozhnikov (1788–1827). The relevance of this research lies in its engagement with a significant historiographical question regarding the maturation of opposition ideas to autocracy within the merchant class. The novelty of this work is defined by the unexplored relationships that connected A. P. Sapozhnikov with the Decembrists. The author has gathered scarce references from sources that illuminate the circumstances surrounding the entry of a merchant family member into the Decembrist union, his involvement in the conspiracy of 1825, and the “demarche” of his relative, Ya. I. Rostovtsev, related to the intentions of moderately inclined Decembrists to achieve limitations on autocracy through non-violent means. The evidence from the sources is compared, and the degree of their authority and reliability is assessed. An interpretation of the documentary data is conducted based on a critical analysis of their comprehensive content. The reasons for A. P. Sapozhnikov’s avoidance of punishment are reconstructed. Unique information is presented regarding the “free-thinking” of the Sapozhnikov family, which influenced this representative’s alignment with the Decembrist movement. The findings suggest the emergence of like-minded individuals among the “elite layer” of merchants, while simultaneously revealing the efforts of Decembrist union members to extend their influence into the merchant class.

Key words:

Decembrists; secret societies; unknown participants; merchant class; Sapozhnikov family.

Новые имена в истории движения декабристов: купец-заговорщик А. П. Сапожников

© Ильин П. В., 2024

1. Введение = Introduction

Движение декабристов, как известно, было дворянским по своему социальному облику. Участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 годов — почти исключительно дворяне, принадлежавшие к разным слоям внутри привилегированного сословия, от древних аристократических фамилий, богатейших помещиков-магнатов до представителей низшего дворянского слоя, не имевших земельных владений, чиновников и офицеров, получивших дворянство в ходе службы. Однако в декабристское движение были вовлечены или ему сочувствовали отдельные представители других сословий, в частности купечества. Имена их почти не известны в исторической традиции. В предлагаемой статье речь идет об одном таком случае участия в заговоре декабристов представителя той части купечества, которая в первые десятилетия XIX века по укладу жизни, образованию и мировоззрению примыкала к просвещенным и прогрессивно настроенным дворянским кругам.¹

Цель настоящей работы — прояснить характер отношений, связывавших купца А. П. Сапожникова с декабристским обществом, установить степень его участия в заговоре декабристов 1825 года, для чего было необходимо решить следующие задачи: собрать воедино имеющиеся указания по этому вопросу, сопоставить и проанализировать их, провести интерпретацию полученных данных в их полном объеме, наконец, обратиться к поиску и изучению свидетельств, которые могли бы пролить свет на политические взгляды представителей образованного и просвещенного купеческого «слоя», в том числе семьи Сапожниковых.

Следует отметить, что специальных работ, освещающих вопрос об участии представителей купеческого сословия в тайном обществе декабристов в канун событий 14 декабря 1825 года, помимо наших публикаций, не имеется; ниже будет сказано об исследованиях, авторы которых за-

1 См. подробнее о распространении либеральных идей в купеческом сословии и близости прогрессивно мыслящих купцов к декабристам [Семенова, 1991, с. 183—203].

трагивали сюжет о связях купца Сапожникова с декабристским заговором, не углубляясь в анализ имеющихся документальных указаний.

Актуальность исследования определяется важностью рассмотрения процесса созревания оппозиционных самодержавию настроений в купеческой среде в первую половину XIX века, а изучение мало освещенной фигуры из числа участников декабристского общества имеет значительную степень новизны. Настоящая статья продолжает цикл наших исследований, затрагивающих проблему неизученных и «незамеченных» участников декабристского движения, которые традиционно оцениваются как лица, причастные к нему, но не состоявшие в тайных обществах [Ильин, 2004; Ильин, 2008]. В статье детально рассматривается «случай» Сапожникова, по сравнению с предыдущими нашими публикациями привлечены новые источники, проведены критический анализ и сопоставление собранных документальных материалов, по их результатам осуществлена реконструкция отношений, связывавших купца с декабристской конспирацией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

При ограниченном круге документальных данных, которые, в силу особенностей избранной темы, содержатся в основном в следственных материалах (показания, записи допросов) и мемуарах, автор избрал традиционную для декабриствоведения методику сопоставительного анализа свидетельств этих источников. Ввиду уникальности случая «непроясненного участия» А. П. Сапожникова в заговоре декабристов использован углубленный критический анализ первоисточников, учитывающий каждое свидетельство в полном его объеме. Речь идет не об отборе той или иной фразы или отдельного указания, извлеченных из источника и подтверждающих ту или иную точку зрения, а об объективном и непредвзятом рассмотрении содержания каждого сохранившегося документального свидетельства в полном его составе. Особую роль играл критический подход к содержанию следственных показаний, учет условий их происхождения. В тех случаях, когда это необходимо, применялась интерпретация данных на основе рассмотрения всего объема собранных сведений, а не ограниченной их части, как нередко было принято в научной литературе. Для характеристики мировоззрения семьи Сапожниковых впервые привлечены материалы русской неподцензурной печати 1860-х годов.

В историографии данный сюжет специально не рассматривался — в частности, он не затронут в трудах по истории петербургского заговора и восстания декабристов [Пресняков, 1926; Нечкина, 1985]. Если купец Сапожников и упоминался, то лишь как лицо, имевшее связи с декабристами и потому разделявшее антисамодержавные взгляды [Дружинин, 1985,

с. 35]. Первоначальные оценки причастности Сапожникова к декабристскому обществу содержат труды Я. А. Гордина, А. А. Брегман, В. П. Шахерова, А. П. Банникова и А. С. Маркова [Гордин, 1989; Брегман, 1989; Шахеров, 1992; Банников, 1994; Марков, 1986; Марков, 2007]. Эти авторы в подавляющем большинстве случаев обходят стороной вопрос о принадлежности купца к тайному обществу, либо отвечают на него отрицательно, сообщая лишь о его дружеских отношениях с некоторыми декабристами. Объективному изучению вопроса об участии Сапожникова в тайном обществе препятствовали связи купца (в том числе родственные) с Я. И. Ростовцевым, традиционно считающимся доносчиком на декабристов. Вместе с тем следует выделить работы Я. А. Гордина и В. П. Шахерова, впервые поставивших вопрос об участии Сапожникова в декабристском заговоре и полностью пересмотревших традиционный взгляд на «акцию» Ростовцева. Сводка данных о купеческих фамилиях, близких к декабристам, и политических настроениях, распространенных в этой среде, содержится в статье А. В. Семеновой [Семенова, 1991, с. 188—201].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Биографические сведения и черты личности А. П. Сапожникова

Живший в Петербурге купец Александр Петрович Сапожников (1788—1827) происходил из недавно образовавшегося богатого купеческого рода, предки которого были крестьянами. Его дед по отцовской линии, Семен Ефимович (около 1720—1774), крестьянин-старообрядец Саратовской губернии, принял участие в повстанческом движении Е. И. Пугачева в будущем г. Вольске (тогда С. Малыковка) и был казнен по распоряжению начальника экспедиционного отряда Г. Р. Державина.¹ Сын казненного, Петр Семенович (1762—1828), основатель купеческой династии, служил мелким канцеляристом, затем числился астраханским купцом 3-й гильдии (1784), стал совладельцем рыбных и соляных промыслов богатого астраханского купца В. А. Злобина, затем владельцем рыбных промыслов на Каспийском море и, скупив земли в приволжских губерниях, крупным землевладельцем, перешел в 1-ю гильдию, поступил на государственную службу, заведя питейными сборами в Астраханской губернии [Марков, 2007, с. 13—23, 27—32, 39—50, 125].

1 Среди осужденных по делу о бунте Е. И. Пугачева имя Сапожникова не обнаруживается, но в ходе военных действий против различных отрядов повстанцев были казнены сотни их участников [Овчинников, 1995, с. 27—29]. Сведения о казни Сапожникова содержатся в записках Г. Р. Державина и его биографии, приложенной к собранию сочинений [Грот, 1997, с. 124].

Александр Петрович, второй сын Петра Семеновича, также стал предпринимателем, владел кожевенными, мукомольными и мыловаренными фабриками, хлеботорговыми организациями, золотыми приисками. Основной сферой деятельности Сапожниковых оставались рыбные и соляные промыслы в Каспийском море и низовьях Волги [Марков, 2007, с. 19, 29, 42]. Переселившись в 1820-е годы в Петербург, Александр Петрович именовался астраханским купцом 1-й гильдии. Как и отец, он уделял часть времени службе, занимая должность директора Петербургского коммерческого банка [Марков, 2007, с. 73, 164]. Процветание фирмы и накопленное состояние обеспечили ему высокое положение в столичных купеческо-промышленных кругах и соответствующий образ жизни. А. П. Сапожников выдвинулся в число общественных деятелей, приобрел известность благодаря культурной и собирательской деятельности — как библиофил, собравший обширную библиотеку¹, и коллекционер, владелец картинной галереи (в том числе известной картины «Мадонна с цветком» Леонардо да Винчи). Просвещенность второго поколения купцов Сапожниковых, с одной стороны, приближала их к образу жизни дворянского образованного слоя, с другой — влекла за собой увлеченность политическими идеями, которые распространялись в прогрессивно мыслящей части дворянского класса в первые десятилетия XIX века.

3.2. Следственные показания об участии А. П. Сапожникова в заговоре декабристов и их критический анализ

На каком основании можно говорить о принадлежности А. П. Сапожникова к тайному обществу и заговору декабристов? Сведения о его причастности к Северному обществу обнаруживаются в следственном деле В. И. Штейнгейля.

Декабрист Штейнгейль, связанный с купеческой средой Петербурга и Москвы, получил от следствия вопрос о предполагаемом поступлении в тайный союз «некоторых [лиц] из здешнего купечества», на что, по собранным показаниям, рассчитывал один из руководителей Северного общества К. Ф. Рылеев, «с тою целью, чтобы иметь членов и в этом словии». Штейнгейль отвечал, что в начале декабря 1825 года Рылеев передал ему просьбу другого участника тайного общества Я. И. Ростовцева о принятии купца Сапожникова. Далее Штейнгейль показал: «Дня через два или три Ростовцев и сам мне то же подтвердил, примолвя: “Я бы и сам принял, но мне неловко, пожалуйста, примите”. Тому и другому я отвечал нерешительно “Посмотрю”. Поводом к тому, что они ко мне в сем случае

¹ В библиотеке имелись труды по русской и всеобщей истории (Н. М. Карамзина, С. Н. Глинки), произведения русской и французской литературы, периодические издания на русском, французском, немецком, английском языках [Марков, 2007, с. 261—266].

адресовались, было то, что известна была дружеская связь моя с Сапожниковым, а Ростовцев притом знал, что он, по делам своим терпя многие притеснения и потери от покойного министра финансов (Д. А. Гурьева. — П. И.), часто в семейственном кругу, не обинуясь¹, жаловался на порядок вещей; да и вообще *человек с очищенными понятиями*» (курсив наш. — П. И.) [ВД, 1976, с. 165, 167]. Штейнгейль отрицал свое участие в приеме купца: «За всем тем я и Сапожникова не принял, во-первых, потому что не надеялся, чтобы он при обширных и трудных делах своих решился войти в дело толь щекотливое, а во-вторых, мне не хотелось кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу, ибо я очень то чувствовал, что если бы сказал кому-нибудь, то с той минуты спокойствие мое начало бы зависеть от того лица» [Там же].

Как видно из свидетельства, руководство Северного общества в лице К. Ф. Рылеева было заинтересовано в принятии Сапожникова. Но, согласно показаниям Штейнгейля, сам он в декабристский союз купца не принимал. Вероятно, Ростовцеву было «неловко» сделать предложение Сапожникову из-за родственных отношений: купец был женат на сестре Ростовцева Пелагее Ивановне (1799—1868); семья Ростовцевых также происходила из купцов [Алексеев, 2001а, с. 5, 9; Алексеев, 2001б, с. 5—7]. Обратим внимание на ёмкую характеристику взглядов и личности Сапожникова («человек с очищенными понятиями»), которая означала принадлежность к кругу прогрессивно мыслящих людей, близких по убеждениям участникам декабристского движения. Нельзя пройти мимо свидетельства о жалобах на «порядок вещей», которые высказывал Сапожников из-за того, что терпел «притеснения и потери» от министра финансов и, как можно полагать, правительственных мер в области торговли и промышленности. И то, и другое могло служить веским основанием для того, чтобы декабристы видели в Сапожникове единомышленника, способного присоединиться к тайному союзу. Судя по всему, в этом заключается ответ на вопрос, почему руководители Северного общества, желая пополнить ряды его участников представителями купечества, обратили свой взгляд на Сапожникова.

На допросе в Зимнем дворце, который вел генерал-адъютант В. В. Левашев, Штейнгейль, отвечая на вопрос, кого он принял в тайное общество, решил признаться в том, что получил просьбу о приеме Сапожникова, но никак на нее не откликнулся: «Никого; просил было меня Ростовцев принять своего зятя купца Сапожникова, но я не принял». Примечателен ответ генерала Левашева, который заметил: «Не приняли, так нечего и упоминать» [ВД, 1976, с. 167]. Реплика Левашева, одного из главных деятелей

1 Откровенно, прямо, не прибегая к намёкам (устар.).

следствия, по нашему мнению, обусловлена тем, что в качестве члена тайного общества в этом показании фигурировало имя Ростовцева. Согласно официальной версии, этот офицер в канун 14 декабря оказал услугу новому императору, предупредив его о готовящемся восстании [ВД, 1976, с. 180; Донесение ..., 1980, с. 52; Алфавит ..., 1988, с. 313; Ильин, 2008, с. 157—166]. По этой причине, как можно полагать, обстоятельства, связанные с Ростовцевым, в том числе вопрос об участии в заговоре его родственника Сапожникова, не стали предметом внимания следствия.

Несмотря на уверения Штейнгейля в том, что сам он Сапожникова не принимал, родившиеся, правда, в условиях следствия, за скобками остается вопрос: в связи с установленным в ходе следствия намерением лидеров Северного общества принять купца в тайное общество прозвучало ли такое предложение со стороны кого-либо из членов декабристского союза?

Биограф Штейнгейля В. П. Шахеров считает необходимым отнестись критически к показаниям этого декабриста, особенно в вопросе о контактах заговорщиков в купеческой среде: «На следствии Штейнгейль не раз подчеркивал, что не принял в тайное общество ни одного купца. В какой-то мере это объяснялось избранной им тактикой — принижением своей роли в обществе. Сыграло роль и желание вывести своих единомышленников-купцов из поля зрения Следственной комиссии. Надо заметить, что следствие не проявило особого интереса к этому сюжету и удовлетворилось ответами Штейнгейля. Однако даже если он... не привлек к обществу никого из представителей российской буржуазии, сам характер его отношений со многими из них позволяет утверждать, что их связывали не только коммерческие интересы, но и общие размышления о судьбе страны и желания политических перемен». Историк подчеркивает: «И все же, по крайней мере, один представитель купечества был посвящен в планы декабристов. Речь идет о А. П. Сапожникове, в дружеских отношениях с которым находились Штейнгейль и Батеньков, а в родственных — Я. И. Ростовцев» [Шахеров, 1992, с. 33].

Действительно, по свидетельству Штейнгейля, Сапожникова всё же известили о существовании конспиративного союза и намерениях его участников. Как следует из воспоминаний Штейнгейля, начиная с вечера 14 декабря 1825 года мемуарист несколько раз навещал пострадавшего от рук восставших солдат на Сенатской площади Ростовцева [Штейнгейль, 1985, с. 152]. На следствии же Штейнгейль показал, что при первой такой встрече узнал от самого Ростовцева, что незадолго до выступления 14 декабря тот открыл существование тайного общества своему родственнику Сапожникову, познакомив его с планами декабристского союза: «После 14 декабря, при первом посещении Ростовцева, он мне рассказал, что написал к государю письмо по совету своего зятя [Сапожникова], которому

тогда только (то есть не позднее 11 декабря. — П. И.) *открыл об обществе и его намерениях*» (курсив наш. — П. И.) [ВД, 1976, с. 167].

3.3. А. П. Сапожников и акция Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 года

Итак, согласно переданному в показаниях Штейнгейля рассказу Ростовцева выясняется, что последний посвятил своего родственника в тайну заговора и намерения его участников. Более того, 12 декабря по совету Сапожникова Ростовцев отправился в Зимний дворец со своим обращением к будущему императору (устным и в виде письма), раскрывавшим вероятное существование обширного заговора против великого князя как претендента на престол. Это свидетельство следует признать безусловно авторитетным: Штейнгейль, давний знакомый и друг как Сапожникова, так и Ростовцева, узнал об этом из первых уст.

Как отреагировало следствие на свидетельства о Сапожникове, которые прозвучали в ходе допросов и в показаниях Штейнгейля? В оригинале показаний фамилия купца подчеркнута карандашом, очевидно, чиновником аппарата следствия. По заведенному порядку, это означало привлечение внимания руководителей дознания к сообщаемой информации. Но дальнейшего хода эти показания не имели [ВД, 1986, с. 189].

Почему Сапожникова после полученных от Штейнгейля данных не привлекли к следствию? Сведения о том, что Сапожников знал о тайном обществе, его целях и планах, не вызвали никаких следственных действий, видимо, по уже упомянутой причине: на расследование обстоятельств, связанных с Ростовцевым, был получен негласный запрет. Он исходил, несомненно, от курировавшего следствие Николая I.

Свидетельство Штейнгейля имеет ключевое значение в контексте рассматриваемого вопроса. Выясняется, что купец получил представление о планах декабристского общества на 14 декабря 1825 года. В частности, ему, как можно полагать, стали известны главная цель тайного союза (введение представительного правления) и намерения руководителей заговора в случае новой присяги (подготовка выступления гвардейских частей). Обращает на себя внимание тот факт, что Сапожников узнал о тайном обществе и его планах одновременно с «демаршем» Ростовцева и, как следует из приведенного свидетельства, участвовал в его подготовке. Сапожников оказывается непосредственно связанным с «акцией» Ростовцева 12 декабря 1825 года.

По результатам анализа имеющихся источников исследователи приходят к выводу о том, что действия Ростовцева в канун выступления 14 декабря являлись актом воздействия на кандидата в императоры, для того чтобы отклонить его от немедленного воцарения [Гордин, 1989, с. 140, 148—160; Ильин, 2008, с. 167—195, 251—260]. Письмо, которое Ростов-

цев передал великому князю Николаю, было попыткой шантажа наследника престола угрозами влиятельного заговора, таящегося в «высшем кругу» управления и генералитете, масштабной междоусобицы и последующего распада страны.¹ Такой способ «мирного давления» на великого князя с целью заставить его отложить решение стать императором или вовсе отказаться от него, отвечал тактическим представлениям умеренной части заговорщиков, желавшей избежать военного противостояния. Однако акция не удалась: Николай на угрозы не поддался [Ильин, 2008, с. 195—197].²

Итак, Сапожников оказывается непосредственно вовлеченным в один из самых загадочных эпизодов междоусарствия 1825 года, оставивший противоречивый след в историографии («поступок» Ростовцева долгое время трактовался как донос на декабристов). Это привело к тому, что историки пытались совместить различные, порой противоположные оценки. Так, А. П. Банников полагал, что Сапожников сочувствовал декабристам, разделял их взгляды, выражал недовольство ситуацией в сфере торгово-промышленной деятельности, но вместе с тем дал совет Ростовцеву «раскрыть заговор» Николаю I [Банников, 1994, с. 16]. Однако противоречия здесь кажущиеся: они основаны на традиционном восприятии «демарша» Ростовцева как доноса. Если же считать письмо Ростовцева средством давления на великого князя, задуманным с той же целью, с какой было предпринято восстание 14 декабря (отстранение от власти претендента на престол), то Сапожников оказывается единомышленником декабристов, действующим по согласованию с ними [Ильин, 2008, с. 195].

3.4. Реконструкция участия А. П. Сапожникова в декабристском обществе

Однако приведенные документальные данные не дают ответа на вопрос: был ли принят Сапожников в Северное общество? Есть лишь свидетельство о том, что Ростовцев «открыл» родственнику об обществе и его намерениях. Что оно означает: принял ли Ростовцев купца в конспиративный союз или только сообщил ему, что союз существует? В условиях дефицита источниковых данных исследователь вынужден ограничиться интерпретацией имеющихся свидетельств.

- 1 См. анализ письма Ростовцева от 12 декабря 1825 года [Гордин, 1989, с. 153—157]. История создания письма, появления двух его редакций разобрана в нашей работе [Ильин, 2008, с. 105—126], здесь же — анализ различий между редакциями.
- 2 См. наблюдения В. П. Шахерова, развивающие выводы исследователей (Я. А. Гордина и др.), критически изучавших источники, относящиеся к «демаршу» Ростовцева: «Донос Ростовцева — последняя попытка представителей умеренного крыла Северного общества как-то воздействовать на Николая I, заставить его, пугая призраком гражданской войны, отказаться от престола и тем самым предотвратить кровопролитие и другие крайности. Одновременно они пытались повлиять и на наиболее радикальную часть декабристов» [Шахеров, 1992, с. 34].

Согласно встречающемуся в литературе мнению, Ростовцев не состоял в тайном обществе, а только узнал о планах его участников [Марков, 1986, с. 4]. В основе этого мнения лежит версия самого Ростовцева, которая опровергается показаниями декабристов на следствии, утверждавших, что Ростовцев состоял членом Северного общества.¹ Некритическое воспроизведение версии Ростовцева до сих пор имеет место в научной литературе. Если опираться на эту версию, Сапожников не мог быть участником декабристской организации, потому что его принял Ростовцев. Так, А. П. Банников, знакомый с показаниями Штейнгейля, тем не менее утверждает: «Несмотря на сочувствие, тесные связи с декабристами, сам Александр Петрович членом тайного общества не был» [Банников, 2004, с. 514]. С таким категоричным выводом согласиться нельзя, поскольку он не учитывает документальные данные в полном объеме и основан на их одностороннем толковании.

Представляется, что есть основания утверждать: речь идет о приеме в члены декабристского союза, а не простом уведомлении о его существовании [Ильин, 2004, с. 522—525]. В своих показаниях Штейнгейль утверждал, что ему было дано поручение присоединить к тайному обществу лиц купеческого звания. Очевидно, в числе первых кандидатов был Сапожников — во всяком случае, его принятие считали желательным. В основе этого намерения лежали расчеты лидеров заговора — распространить влияние декабристов в петербургском купечестве. Член Северного общества Ростовцев, которому Сапожников приходился зятем, просил Штейнгейля принять родственника; Штейнгейль, по-видимому, не выполнил этой просьбы, но вскоре, непосредственно перед 12 декабря, Ростовцев, ранее настаивавший, чтобы Сапожников стал членом общества, известил купца о существовании заговора и его целях. Думается, что человек, который сначала хотел видеть своего родственника в числе товарищей по тайному союзу, к которому сам недавно присоединился, а затем лично сообщил ему о существовании и целях декабристской конспирации, должен был принять в ее состав Сапожникова.

Вывод о полноценном вступлении Сапожникова в ряды заговорщиков подкрепляется тем, что Ростовцев обсуждал с ним такой политически острый и сокровенный вопрос, как замысел визита в Зимний дворец. Стоит уделить внимание сообщению Штейнгейля о том, что, по признанию самого Ростовцева, письмо к великому князю было написано именно по совету Сапожникова. Но это еще не всё. В своих записках Ростовцев отражает следующие обстоятельства: во-первых, утверждает, что готовился

1 Свидетельства о вступлении Ростовцева в Северное общество собраны и проанализированы нами [Ильин, 2008, с. 40—54].

к своей «акции» заранее и «доверился только зятю» (Сапожникову), письмо к великому князю писал в кабинете Сапожникова (очевидно, при его участии); во-вторых, сообщает, что, отправляясь в Зимний дворец, «простился, может быть, навсегда» с Сапожниковым — другими словами, купец был тем человеком, с которым обсуждалась «акция» и ее возможные последствия; в-третьих, открывает: в тот день купец — «один, которому доверил я тайну мою, с нетерпением ждал моего возвращения. И, равно как и я сам, сомневался в оном. Он обнял меня, как бы возвратившегося с кровопролитной битвы» [Ростовцев, 1873, с. 472]. Очевидно, Сапожников не только обсуждал замысел «демарша» Ростовцева, но и принял прямое участие в составлении письма к великому князю, постоянно находясь рядом с Ростовцевым. Купец-заговорщик выступил как главный советник Ростовцева в задуманном политическом акте, являясь фактически его организатором [Ильин, 2008, с. 193—195]. Сапожников не мог играть столь значимую роль, если бы не был посвящен в цели и конкретные планы заговора, составленного участниками Северного общества.

В любом случае, судя по сведениям, сообщенным Штейнгейлем, нужно зафиксировать установленный факт: не позднее 11 декабря купец был посвящен в тайну существования декабристского союза и, очевидно, согласился принять участие в его деятельности, разделяя цели заговорщиков. Даже если считать, что Ростовцев формально не принял Сапожникова в тайное общество, то, уведомив о его существовании и целях, он уравнил степень осведомленности купца с тем, что знали многие «полноценные» участники декабристской конспирации (по объему сведений, которые были им объявлены).

В воспоминаниях, посвященных событиям 1825 года, Штейнгейль оставил еще одно свидетельство о Сапожникове. В контексте разобранных нами данных оно приобретает особое значение. Согласно мемуарам Штейнгейля, вечером накануне 14 декабря в доме Сапожникова собрался узкий круг лиц (среди них был мемуарист, который выступает как «самовидец»): «Был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева. Хозяин, угощая шампанским, не обинуясь, говорил: “Выпьем! Неизвестно, будем ли завтра живы!”». Мемуарист заключает: «Так были уже уверены, что не обойдется без восстания» [Штейнгейль, 1985, с. 154—155]. На этом вечере присутствовал другой заговорщик Г. С. Батеньков¹, показавший на

1 Г. С. Батеньков в своих показаниях сообщал о недовольстве правительственной политикой в купеческой среде (упомянув А. П. Сапожникова): в дни междуцарствия «чаще всего бывал <...> я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемен» [ВД, 1976, с. 54, 102—103].

следствии: «В 7-м часу вечера 13 декабря я был у купца Сапожникова...» [ВД, 1976, с. 54, 102—103]. В устах человека, посвященного в существование тайного союза и его планы на 14 декабря, недавно обсуждавшего замысел, связанный с попыткой давления на великого князя, эти слова звучат не как признак страха «обывателя» перед предстоящими политическими событиями. Их можно расценить как свидетельство о том, что купец понимал опасность, грозившую заговорщикам, присутствовавшим на «ужине», к которым Сапожников причислял и себя.

То, что Сапожников не отделял себя от участников тайных обществ, показывают его длительные дружеские связи с Батеньковым и Штейнгейлем. Купец постоянно встречался не только со своим родственником Ростовцевым¹, но и с другими заговорщиками-декабристами. Исследователи располагают данными, подтверждающими многолетние связи Сапожникова со Штейнгейлем, который в начале 1820-х годов некоторое время даже вел его коммерческие дела². Активно вращался в купеческой среде Петербурга и Г. С. Батеньков, встречавшийся с Сапожниковым на воскресных «семейных» собраниях в доме петербургского головы купца И. В. Кусова [Брегман, 1989, с. 46; Батеньков, 2015, с. 426]. Вследствие частых посещений Батеньковым квартиры Сапожникова (осенью 1825 года и накануне выступления 14 декабря) у историков возникло предположение о связи «акции» Ростовцева с планами этого декабриста, который на совещаниях членов тайного общества предлагал «бескровные варианты достижения желаемых перемен»; речь шла о «запугивании претендента на престол сообщением о масштабном заговоре и возможном антиправительственном выступлении», в результате чего великий князь Николай вынужден будет согласиться ввести конституцию [Брегман, 1989, с. 60—61]. Таким образом, Сапожников (наряду с Ростовцевым) оказывается связанным с идеями и намерениями умеренного крыла декабристов (Батеньков, Штейнгейль и др.).

Дружеские отношения с обоими указанными деятелями декабристского заговора сохранялись до конца 1825 года, на них никак не повлиял «демарш» Ростовцева (традиционно считавшийся «доносом»): «Ни Штейнгейль, ни Батеньков не прервали свои отношения с Ростовцевым и Сапожниковым после доноса, продолжали встречаться и обсуждать вопросы, связанные с предстоящим выступлением. Вечером, накануне восстания, они собрались в доме Сапожникова на ужин, который по сути дела

1 Не будем забывать, что Ростовцев, как родственник, постоянно посещал дом купца, в котором одно время проживала мать Ростовцева (теща А. П. Сапожникова).

2 Летом 1821 года Штейнгейль «уехал в Астрахань по приглашению губернатора В. С. Попова в качестве его личного секретаря. Есть свидетельство, что одновременно он взялся вести дела купца А. П. Сапожникова, владевшего богатейшими рыбными промыслами на Каспии» [Зейфман, 1985, с. 17]. Историк опирается на публикацию [Зиновьев, 1862, с. 4].

стал прощальным» [Шахеров, 1992, с. 34]. Неслучайным представляется еще один зафиксированный в показаниях Штейнгейля факт: в день восстания 14 декабря он долгое время находился в доме Сапожниковова [ВД, 1976, с. 152]. Очевидно, связь купца с тайным обществом продолжалась до последнего дня существования союза.

3.5. «Вольнодумство» и оппозиционные настроения купцов Сапожниковых в отражении эмигрантской неподцензурной печати

К сожалению, Сапожников не оставил собственных описаний событий 1825 года. К следствию он не привлекался, а значит, не осталось ни показаний, ни других свидетельств, касающихся его участия в тайном союзе. Писем, дневников, воспоминаний он тоже не оставил. Жизнь его оказалась короткой: купец заболел и умер в 1827 году (похоронен в Петербурге на Волковском кладбище) [Марков, 2007, с. 42, 73, 86; Банников, 2004, с. 510—523]. После его смерти владельцем купеческого дела Сапожниковых остался старший брат Алексей Петрович (1786—1852) [Марков, 2007, с. 90]. Сыновья Александра Петровича, Александр и Алексей, по достижении совершеннолетия возглавили отдельные части семейного дела, а в 1850-е годы встали во главе его [Марков, 2007, с. 164—165].

О настроениях в семье Сапожниковых, оппозиционных самодержавию и социальным устоям русского общества того времени, сохранились уникальные свидетельства, практически неизвестные в исторической литературе. Критический взгляд членов семейства Сапожниковых на основы сословного строя, на правительственную политику в экономической области и в сфере вероисповедания подтверждается указаниями, опубликованными на страницах русской неподцензурной печати в начале 1860-х годов.

В 1862 году в эмигрантском либерально-оппозиционном издании «Правдолюбивый», руководство которым незадолго до этого находилось в руках П. В. Долгорукова, появилась статья под заглавием «Письмо из Петербурга», посвященная Я. И. Ростовцеву и его окружению¹. Статья написана анонимным «петербургским корреспондентом». В ней сообщались сведения о связях Ростовцева с купеческими семействами, в первую очередь Сапожниковых. На первое место автор помещает одного из видных представителей рода, Алексея Петровича. Речь идет о старшем брате Александра Петровича, возглавившем купеческую фирму после ухода из жизни отца, Петра Семеновича. На момент публикации Алексея Петровича уже десять лет не было в живых, поэтому появление в неподцензурной печати политически опасных для главы купеческой фирмы данных уже не грозило ему преследованием со стороны полицейских органов.

1 Благодарим д.и.н. Л. Ю. Гусмана за указание на публикацию и полезные советы, связанные с анализом этого материала.

Анонимный автор сообщал: «Яков Иванович [Ростовцев] был в свойстве с многими купеческими домами, между прочими, с известным Алексеем Петровичем Сапожниковым. Алексей Петрович был тип умного среднего сословия России и мог служить доказательством, что Россия, если только захочет, всегда найдет людей, могущих быть достойными ее представителями в палатах при конституционном правлении <...> Он не получил никакого научного образования, но один из умнейших и даровитейших людей в России говорил про него, что он — “алмаз в коре”, это название как нельзя лучше идет к этому “русскому купцу”, как Алексей Петрович любил себя называть. Его отношения к Якову Ивановичу, который даже приезжал в дальний Вольск, Саратовской губернии, где Алексей Петрович проводил последние годы жизни, были самые короткие» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53]. Это сообщение отражает многолетние связи Ростовцева с братьями Сапожниковыми, несомненно, носившие откровенно-дружеский характер, включавшие в себя политический элемент. Приводимые данные свидетельствуют о высокой степени образованности и просвещенности членов семейства Сапожниковых, их большой общественной роли как выразителей взглядов прогрессивно мыслящей части купечества.

Автор раскрывает глубинные основы оппозиционных взглядов Сапожниковых, которых придерживался не только Алексей Петрович, но и младший брат Александр Петрович. Эти взгляды коренились в принадлежности семьи к многочисленному слою старообрядческого купечества: «Алексей Петрович был раскольник, но его принудили принять единоверие — и, вследствие этого, он, как все значительные купцы, всё среднее сословие, принадлежал к оппозиции правительству — оппозиции сильной, которой существования не подозревают петербургские магнаты, но которая, тем не менее, пустила глубокие корни в народной жизни России» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53]¹. О распространении в среде преследуемого и ограничиваемого в правах старообрядческого купечества оппозиционных взглядов по отношению к социальному устройству и правительственной вероисповедной политике собран значительный материал; это относится и к астраханским купцам-старообрядцам [Соколов, 1888; Кузнецов, 2007; Канатьева, 2013].

Далее автор утверждал, что Сапожников делился с Ростовцевым своими политическими взглядами, существенным элементом которых было неприятие деспотической власти, социальной несправедливости, преследований за веру, и влиял в этом смысле на убоинастроения его сыновей: «От него Яков Иванович часто слышал жалобы на существующий порядок <...> от него же и молодые Ростовцевы (сыновья Я. И. Ростовцева Михаил

1 См. о принадлежности Сапожниковых к старообрядчеству [Канатьева, 2007, с. 95—98].

и Николай. — П. И.), привыкшие читать Алексея Петровича как умного человека, вероятно, слышали слова укора угнетению, грабительству, веропреследованию» [Петербургский корреспондент ..., 1862, с. 53].

Поскольку автор статьи в «Правдолюбивом» остался анонимным и до сих пор не идентифицирован, мы не можем сказать ничего определенного о степени авторитетности его данных, проверить их. Скрывшийся за именованием «петербургский корреспондент», скорее всего, опирался на сведения из столичных кругов, связанных с Ростовцевым и семьей Сапожниковых. Затруднительно полагать, что отраженные в статье сведения, относящиеся к Алексею Петровичу, можно отнести в равной степени к рано умершему Александру Петровичу. Тем не менее характеристика взглядов одного из братьев обращает на себя внимание. Она раскрывает глубокие основы оппозиционных настроений, таившихся в кругах просвещенного купечества, в частности, в семье Сапожниковых. В основе этих настроений лежала как приверженность к преследуемому старообрядчеству, так и недовольство условиями торгово-промышленной деятельности, «грабительством» и «угнетением» купечества со стороны бюрократии. Определенную роль играли запреты и ограничения, наложенные на хозяйственную деятельность купцов самодержавной властью, — препятствия, которые ставились даже перед высшим слоем купечества на пути к расширению его политических и экономических прав¹. Это влекло за собой мысли об ограничении самодержавия. Н. М. Дружинин, говоря о низком уровне политического развития купечества, всё же приходил к заключению: «Только единичные представители столичной буржуазии, вроде богатых купцов Селивановского и Сапожникова, склонялись к конституционным выводам из своих экономических построений» [Дружинин, 1985, с. 35]. Основанием для вывода послужила близость этих купцов к декабристскому заговору.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, следует заключить, что немногие имеющиеся у нас документальные данные подтверждают участие Сапожникова в заговоре декабристов, его принадлежность к тайному обществу накануне 14 декабря

1 В 1834 году в отношении Сапожниковых была вынесена резолюция Николая I, лишавшая их возможности приобретения дворянского права владения деревнями (крепостными). В ответ на ходатайство А. Х. Бенкендорфа от 12 декабря 1834 года, в котором содержалась просьба пожаловать это право «коммерции советнику Алексею Сапожникову и детям умершего его брата, личного дворянина и кавалера Александра Сапожникова», в благодарность за что Сапожниковы готовы были жертвовать в пользу Коммерческого училища 200.000 рублей, император наложил резолюцию: «Дворянское право не покупается, и впредь не смеет входить ко мне с подобными представлениями» [Столетие Военного министерства ..., 1908, с. 454].

1825 года. Прогрессивно мыслящий купец, по формулировке декабристов, «с очищенными понятиями», критически настроенный к правительственной политике в сфере промышленно-торговой деятельности и самодержавию в целом, Сапожников был в числе тех, кого лидеры Северного общества хотели видеть в его рядах с целью создания «точки опоры» в столичном купечестве.

Согласно следственным показаниям и воспоминаниям Штейнгейля, переданному в них свидетельству Ростовцева, Сапожников был принят в декабристский союз за несколько дней до 14 декабря: ему были открыты существование тайного общества, политические цели и намерения, планы его участников, возникшие в дни междоусарствия 1825 года. Купец оказался одним из участников «акции» Ростовцева, главным «консультантом», с которым обсуждался замысел «демарша» и текст письма к великому князю Николаю. Роль купца в этом эпизоде заговора декабристов, судя по всему, значительна.

О критике социальных порядков и «вольнлюбивых» настроениях в купеческой семье, формировавших взгляды Сапожникова, красноречиво говорит публикация эмигрантской печати 1860-х годов. То обстоятельство, что Сапожников, благодаря прямой связи с «доносом» Ростовцева, избежал ареста и привлечения к следствию, а затем ранняя смерть привели к тому, что его имя как участника декабристского движения было практически забыто, а роль купца-заговорщика в заговоре 1825 года осталась не проясненной в исторической литературе. В настоящей статье впервые в историографии критически изучен весь комплекс источниковых данных о вовлечении купца Сапожникова в тайное общество и заговор декабристов, показаны существенные черты оппозиционных самодержавию взглядов, сформировавшихся в семье Сапожниковых и обусловивших участие одного из представителей этой семьи в декабристском движении, раскрыты причины невнимания официального следствия к показаниям о купце-заговорщике, что повлекло за собой слабую освещенность данного вопроса в научной традиции.

Рассмотренный случай уникален для истории декабристского движения. Привлечение Сапожникова в тайное общество можно оценить как признак особого внимания декабристов к кругу «свободомыслящих» купцов, позволяет говорить о попытках членов декабристского союза в Петербурге распространить свое влияние на купеческую среду. Принадлежность «незамеченного заговорщика» Сапожникова к столичному купечеству имеет мало важное значение для исследователя русского общества начала XIX века. Его присоединение к заговору 1825 года означает, что в просвещенном «элитном слое» внутри купеческого сословия появлялись единомышленники декабристов, готовые принять участие в политической деятельности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы. Биографический справочник. — Москва : Наука, 1988. — С. 215—345. — ISBN 5-02-009485-4.
2. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Сочинения, письма. 1856—1863 / Г. С. Батеньков. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 2015. — Т. 2. — 740 с. — ISBN 978-5-901539-13-2.
3. ВД — *Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1976. — Т. XIV. — 508 с.
4. ВД — *Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1986. — Т. XVI. — 400 с.
5. *Донесение Следственной комиссии // Восстание декабристов. Документы.* — Москва : Наука, 1980. — Т. XVII. — С. 24—61.
6. Зиновьев А. З. К биографии В. И. Штейнгейля / А. З. Зиновьев // Московские ведомости. — 1862. — 7 окт. — № 218. — С. 4.
7. *Петербургский корреспондент. Письмо из Петербурга // Правдолюбивый : [альманах].* — 1862. — № 7. — С. 52—54.
8. *Ростовцев Я. И. Из записок 1825—1826 гг. / Я. И. Ростовцев // Русский архив.* — 1873. — Книга 1. — С. 459—485.
9. *Штейнгейль В. И. Записки о восстании / В. И. Штейнгейль // Сочинения и письма. Записки и письма.* — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. — Т. 1. — С. 143—180.

Литература

1. *Алексеев А. А. Дворяне и графы Ростовцевы. Забытые могилы / А. А. Алексеев.* — Санкт-Петербург : Лига плюс, 2001а. — 54 с. — ISBN 5-88663-013-9.
2. *Алексеев А. А. Портрет реформатора / А. А. Алексеев.* — Санкт-Петербург : Лига-плюс, 2001б. — 90 с.
3. *Банников А. П. Новое о коллекции А. П. Сапожникова / А. П. Банников // Памятники культуры. Новые открытия. 2003.* — Москва : Наука, 2004. — С. 510—523. — ISBN 5-02-032662-3.
4. *Банников А. П. Шевченко и Сапожниковы / А. П. Банников.* — Оренбург : [б. и.], 1994. — 76 с.
5. *Брегман А. А. Декабрист Г. С. Батеньков / А. А. Брегман // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Письма. 1813—1856 / Г. С. Батеньков.* — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989. — Т. 1. — С. 3—88. — ISBN 5-7424-0037-3.
6. *Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. 14 декабря 1825 года / Я. А. Гордин.* — Ленинград : Лениздат, 1989. — 398 с. — ISBN 5-289-00263-4.
7. *Грот Я. К. Жизнь Державина / Я. К. Грот.* — Москва : Алгоритм, 1997. — 685 с. — ISBN 5-88878-009-X.
8. *Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в.* — Москва : Наука, 1985. — С. 5—304.

9. *Зейфман Н. В.* Декабрист В. И. Штейнгейль / Н. В. Зейфман // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Записки и письма. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. — Т. 1. — С. 3—54.

10. *Ильин П. В.* Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междоусурствия 1825 г. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 300 с. — ISBN 978-5988-7277-8.

11. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825—1826 гг. / П. В. Ильин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — 664 с. — ISBN 5-98187-034-6.

12. *Канатьева Н. С.* Астраханское старообрядчество и сектантство XIX в. В культурном контексте губернии / Н. С. Канатьева. — Астрахань : Изд. Сорокин, 2013. — 150 с. — ISBN 978-5-91910-232-8.

13. *Канатьева Н. С.* Старообрядческие корни семьи Сапожниковых / Н. С. Канатьева // Перекрестки истории : актуальные проблемы исторической науки : мат-лы всерос. науч. конф. — Астрахань : Изд. Астраханского ун-та, 2007. — С. 95—98. — ISBN 978-5-9926-0008-7.

14. *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII — первой половине XIX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / В. В. Кузнецов. — Саратов, 2007. — 24 с.

15. *Марков А. С.* «Братья Сапожниковы». Иллюстрированное документальное повествование / А. С. Марков. — Астрахань : ИПК «Волга», 2007. — 322 с. — ISBN 978-5-98066-055-0.

16. *Марков А. С.* Один из друзей декабристов / Н. С. Марков // Волга (Астрахань). — 21.08.1986. — С. 4.

17. *Нечкина М. В.* День 14 декабря 1825 года / М. В. Нечкина. — Москва : Мысль, 1985 (3-е изд.). — 256 с.

18. *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками / Р. В. Овчинников. — Москва : Изд. Инст. рос. истории РАН, 1995. — 272 с. — ISBN 5-201-00579-9.

19. *Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года / А. Е. Пресняков. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. — 226 с.

20. *Семенова А. В.* Декабристы и купечество (к проблеме «Дворянские революционеры и русская буржуазия») / А. В. Семенова // Город и горожане в России в XVII — первой половине XIX в. : Сб. ст. — Москва : Изд. Инст. истории СССР АН СССР, 1991. — С. 183—204. — ISBN 5-201-00559-4.

21. *Соколов Н. С.* Раскол в Саратовском крае : опыт исследования по неизданным материалам / Н. С. Соколов. — Саратов : Тип. Н. П. Штерцер и К., 1888. — 512 с.

22. *Столетие* Военного министерства. Имп. Гл. квартира. История государевой Свиты. Царствование Николая I. — Санкт-Петербург : Тип. М. О. Вольф, 1908. — Т. 2. — Книга 3. — 632 с.

23. *Шахеров В. П.* Декабрист В. И. Штейнгейль и его творческое наследие / В. П. Шахеров // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Записки и статьи / В. И. Штейнгейль. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. — Т. 2. — С. 3—61. — ISBN 5-7424-0348-8.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.*

Material resources

- “Alphabet to members of former malicious secret societies and persons involved in the case...” [A. D. Borovkova]. (1988). In: *The Decembrists. Biographical reference book*. Moscow: Nauka. 215—345. ISBN 5-02-009485-4. (In Russ.).
- Batenkov, G. S. (2015). *Writings and letters. Essays, letters. 1856—1863*, 2. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 740 p. ISBN 978-5-901539-13-2. (In Russ.).
- Report of the Investigative Commission. (1980). *The Decembrist Uprising. Documents, XVII*. Moscow: Nauka. 24—61. (In Russ.).
- Rostovtsev, Ya. I. (1873). From notes of 1825—1826. *Russian Archive, 1*: 459—485. (In Russ.).
- Shteyngeyl, V. I. (1985). Notes on the uprising. In: *Writings and letters. Notes and letters, 1*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 143—180. (In Russ.).
- St. Petersburg correspondent. A letter from St. Petersburg. (1862). *Pravdolyubiviy: [almanac]*, 7: 52—54. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XIV*. (1976). Moscow: Nauka. 508 p. (In Russ.).
- VD — *The Decembrist Uprising. Documents, XVI*. (1986). Moscow: Nauka. 400 p. (In Russ.).
- Zinoviev, A. Z. (1862). On the biography of V. I. Shteyngeyl. *Moscow Vedomosti, 218*. October 7. P. 4. (In Russ.).

References

- Alekseev, A. A. (2001a). *Nobles and counts of Rostovtsev. Forgotten graves*. St. Petersburg: Liga plus. 54 p. ISBN 5-88663-013-9. (In Russ.).
- Alekseev, A. A. (2001b). *Portrait of a reformer*. St. Petersburg: Liga-plus. 90 p. (In Russ.).
- Bannikov, A. P. (2004). New about the collection of A. P. Sapozhnikov. In: *Monuments of culture. New discoveries. 2003*. Moscow: Nauka. 510—523. ISBN 5-02-032662-3. (In Russ.).
- Bannikov, A. P. (1994). *Shevchenko and Sapozhnikov*. Orenburg: [b. i.]. 76 p. (In Russ.).
- Bregman, A. A. (1989). Decembrist G. S. Batenkov. In: *Writings and letters. Letters. 1813—1856, 1*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—88. ISBN 5-7424-0037-3. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1985). The Decembrist Nikita Muravyov. In: *Selected works. The revolutionary movement in Russia in the XIX century*. Moscow: Nauka. 5—304. (In Russ.).
- Gordin, Ya. A. (1989). *Rebellion of reformers. December 14, 1825*. Leningrad: Lenizdat. 398 p. ISBN 5-289-00263-4. (In Russ.).
- Grotto, Ya. K. (1997). *Life of Derzhavin*. Moscow: Algorithm. 685 p. ISBN 5-88878-009-X. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2008). *Between the conspiracy and the throne. Ya. I. Rostovtsev in the events of the interregnum of 1825*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 300 p. ISBN 978-5988-7277-8. (In Russ.).
- Ilyin, P. V. (2004). *New about the Decembrists. Forgiven, acquitted and undetected by the investigation participants in secret societies and military actions of 1825—1826*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 664 p. ISBN 5-98187-034-6. (In Russ.).
- Kanatueva, N. S. (2007). The Old Believer roots of the Sapozhnikov family. In: *Crossroads of history: actual problems of historical science: materials of the All-Russian Scientific Conference*. Astrakhan: Astrakhan University. 95—98. ISBN 978-5-9926-0008-7. (In Russ.).
- Kanatueva, N. S. (2013). *Astrakhan Old Believers and sectarianism of the XIX century. In the cultural context of the province*. Astrakhan: Sorokin. 150 p. ISBN 978-5-91910-232-8. (In Russ.).

- Kuznetsov, V. V. (2007). *Merchants of the small Volga cities of Saratov province at the end of the XVIII — first half of the XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 24 p. (In Russ.).
- Markov, A. S. (2007). "The Sapozhnikov Brothers". *Illustrated documentary narrative*. Astrakhan: IPK Volga. 322 p. ISBN 978-5-98066-055-0. (In Russ.).
- Markov, A. S. (1986). One of the friends of the Decembrists. *Volga (Astrakhan)*. 08/21. P. 4. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. (1985). *Day of December 14, 1825*. Moscow: Mysl. 256 p. (In Russ.).
- Ovchinnikov, R. V. (1995). *Investigation and trial of E. I. Pugachev and his associates*. Moscow: Ed. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 5-201-00579-9. (In Russ.).
- Presnyakov, A. E. (1926). *December 14, 1825*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 226 p. (In Russ.).
- Semenova, A. V. (1991). Decembrists and merchants (on the problem of "Noble revolutionaries and the Russian bourgeoisie"). In: *The city and the townspeople in Russia in the XVII — first half of the XIX century: Collection of articles*. Moscow: Ed. Inst. Histories of the USSR, USSR Academy of Sciences. 183—204. ISBN 5-201-00559-4. (In Russ.).
- Shakherov, V. P. (1992). Dekabrist V. I. Shteyngeyl and his creative legacy. In: *Shteyngeyl V. I. Writings and letters. Notes and articles, 2*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—61. ISBN 5-7424-0348-8. (In Russ.).
- Sokolov, N. S. (1888). *Split in the Saratov Region: research experience on unpublished materials*. Saratov: Type. N. P. Shterzer and K. 512 p. (In Russ.).
- The centenary of the War Ministry. (1908). *Imp. Gl. apartment. The history of the sovereign's Retinue. The reign of Nicholas I, 2 (3)*. St. Petersburg: M. O. Wolf Type. 632 p. (In Russ.).
- Zeifman, N. V. (1985). Decembrist V. I. Shteyngeyl. In: *Writings and letters. Notes and letters, 1*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 3—54. (In Russ.).

*The article was submitted 16.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

Информация для цитирования:

Костецкая Е. В. Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков : распространение, численный состав и религиозная культура / Е. В. Костецкая, Л. Н. Сулова, К. Е. Зольникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 409—434. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-409-434.

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N., Zolnikova, K. E. (2024). Rationalistic Sects of Doukhobors and Molokans in Tobolsk Province in 19th — Early 20th Centuries: Distribution, Numerical Composition, and Religious Culture. *Nauchnyi dialog, 13* (6): 409-434. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-409-434. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков: распространение, численный состав и религиозная культура

Костецкая Екатерина Викторовна
orcid.org/0000-0002-1138-8157
кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории, права,
социально-экономических
дисциплин и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Сулова Людмила Николаевна
orcid.org/0000-0002-2426-2967
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания,
корреспондирующий автор
lnsuslova@yandex.ru

Зольникова Кристина Евгеньевна
orcid.org/0009-0008-4404-612X
исследователь
zolnikova_2004@mail.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Rationalistic Sects of Doukhobors and Molokans in Tobolsk Province in 19th — Early 20th Centuries: Distribution, Numerical Composition, and Religious Culture

Ekaterina V. Kostetskaya
orcid.org/0000-0002-1138-8157
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Law,
Socio-economic disciplines
and teaching methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Ludmila N. Suslova
orcid.org/0000-0002-2426-2967
PhD in History, Associate Professor
Department of History, Law,
Socio-economic disciplines
and teaching methods,
corresponding author
lnsuslova@yandex.ru

Kristina E. Zolnikova
orcid.org/0009-0008-4404-612X
Researcher
zolnikova_2004@mail.ru

Tyumen State University
(Tyumen, Russia)

© Костецкая Е. В., Сулова Л. Н., Зольникова К. Е., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей вероучения, религиозного культа духоборов и молокан, специфики формирования общины этих рационалистических сект, численного состава их религиозных последователей на территории Тобольской губернии. Были привлечены материалы Тобольского государственного архива, газеты «Тобольские епархиальные ведомости», труды дореволюционных, советских и современных исследователей. В ряду рационалистических сект выделены духоборы, молокане, немольяки, которые были основными религиозными движениями сектантов на изучаемой территории. Проанализированы факты образования религиозных общин и места проживания сектантов отдельных направлений на территории Тобольской губернии, особенности их самоорганизации и функционирования сект. Отмечается, что в секты вступали люди, желавшие разобраться в Библии, ищущие справедливого устройства общества. В своих стремлениях они оказывались в оппозиции по отношению к официальной церкви и государству. Социальную основу сект рационалистических сект составляло крестьянство и мещанство. Анализ статистических материалов показал незначительный рост численности сектантства на территории Тобольской губернии на протяжении второй половины XIX века и существенный скачок в начале XX века. С 1855 года к 1913 году число сектантов со 182 человек увеличилось до 1473 человек.

Ключевые слова:

сектантство; рационалистические секты; Тобольская губерния; духоборцы; молокане; немольяки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on studying the peculiarities of the beliefs, religious cults of Doukhobors and Molokans, the specifics of community formation of these rationalistic sects, and the numerical composition of their religious followers in the territory of Tobolsk Province. Materials from the Tobolsk State Archive, the newspaper "Tobolskie Eparhialnye Vedomosti," as well as works of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary researchers were utilized. Among the rationalistic sects, Doukhobors, Molokans, and Nemolyaks (sectarians who don't pray) were identified as the main religious movements of sectarians in the studied territory. The article analyzes the formation of religious communities, the residential areas of sectarians of different denominations in Tobolsk Province, the peculiarities of their self-organization, and the functioning of sects. It is noted that people joined these sects seeking to understand the Bible and searching for a just social order, placing them in opposition to the official church and state. The social base of rationalistic sects consisted of peasants and townspeople (burgher class). Statistical analysis showed a slight increase in the number of sectarians in Tobolsk Province during the second half of the 19th century and a significant surge in the early 20th century. From 1855 to 1913, the number of sectarians increased from 182 individuals to 1473 individuals.

Key words:

Sectarianism; Rationalistic Sects; Tobolsk Province; Doukhobors; Molokans; Nemolyaks.

Рационалистические секты духоборов и молокан в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков: распространение, численный состав и религиозная культура

© Костецкая Е. В., Суслова Л. Н., Зольникова К. Е., 2024

1. Введение = Introduction

Сегодня религиозная жизнь России отличается разнообразием. В среде современного сектантства распространяются социально-опасные идеи, практики агрессивного психического воздействия на личность человека, призывы к деструктивному поведению, терроризму. История XX века дает примеры существования тоталитарных сект, разрушительно и массово воздействующих на общество, противоречащих его интересам (принуждение к разрушению семьи, отрицание службы в армии, угроза национальной безопасности). Однако еще в XIX веке в России самым опасным движением считали скопчество, которое активно распространялось в регионах, а представители рационалистических сект воспринимались как меньшее зло и были легализованы, их последователям было разрешено организовывать общины.

Некоторые исследователи XIX века разделяют точку зрения, согласно которой сектантство имеет естественное происхождение на русской почве и признается «не менее национальным и самобытным продуктом, чем само обрядовое благочестие» [Милуков, 1994, с. 102]. Например, А. С. Пругавин видит основу раскола в самом русском духе, которому свойственно искать правду, в противоречивости национального характера: «Во всех движениях религиозно-этического характера мы видим горячее, искреннее стремление народа добиться истины...» [Пругавин, 1905, с. 94].

Очевидно, что в моменты таких религиозных поисков для человека возникает опасность оказаться под влиянием деятельности сект, идеология которых может противоречить государственным ценностям и представлять угрозу для духовной жизни граждан. В связи с этим особую ценность для понимания эволюции рационалистического сектантства представляет изучение его истории, механизмов распространения и специфики функционирования. Изучение религиозных движений в региональном аспекте имеет определенное значение для понимания специфики общероссийских процессов развития религиозной жизни. Представляется актуальным рас-

смотрение основных проблем, связанных с пребыванием последователей рационалистических сект в Тобольской губернии в середине XIX — начале XX веков.

Для историографии XIX — начала XX веков была характерна неразработанность категориального аппарата. Вслед за Т. И. Буткевичем отметим различие в терминах «ересь», «раскол», «секта», существующих для обозначения отделившихся от Православной церкви «лжеучений». Ересью называют учение, искажающее христианские догматы. Под расколом подразумевают отделение от Православной церкви в основном по причине расхождения взглядов на культовую практику, церковные обряды. Понятие «секта» было перенесено русскими богословами из римско-католической литературы и использовано применительно к русским общинам, учения которых противоречат официальной церкви, но формально ею не осуждаются [Буткевич, 1910, с. 2—3]. Сегодня распространена точка зрения на определение секты как религиозного объединения с самобытным вероучением и культом, которое возникло в результате отделения от более крупной организации и характеризуется изолированностью и претензиями на исключительность взглядов приверженцев.

Принципиальным для понимания исследуемой проблемы является определение понятия «религиозное сектантство». Под *религиозным сектантством* в широком смысле понимают социальное явление, которое представляет собой совокупность негативно-деструктивных взглядов и действий, направленных на противостояние с другими социальными и государственными институтами, создающее в сфере духовной жизни общества систему, состоящую из асоциальной веры, деструктивного культа и организации [Боева, 2012, с. 11]. Термин «сектантство» был введен в оборот представителями официальных церквей и в их понимании он носил негативный характер по отношению к представителям оппозиционных течений. Следует заметить, что сами последователи некоторых отошедших от традиционных церквей движений не видели ничего предосудительного в этом названии. Кроме того, сектанты отмечали в данном явлении положительные черты: проявление свободы веры, единение, религиозное очищение и возрождение.

В XIX веке объектом исследования церковных и государственных деятелей становится проблема классификации русских сект. В дореволюционный период этот вопрос рассматривают Т. И. Буткевич, А. С. Пругавин и другие. Т. И. Буткевич выделяет ряд критериев для классификации: степень интеллигентности приверженцев, источник вероучения, причины происхождения, время появления, наличие мистического и рационалистического элемента. По его мнению, наиболее оправданно деление сект на

мистические и рационалистические [Буткевич, 1910, с. 13]. К мистическим сектам он относил хлыстов, скопцов, шалопутов, к рационалистическим — духоборов, молокан, штундистов, баптистов и другие движения. А. С. Пругавин предлагает делить секты на три группы: староверческие, рационалистические и мистические [Пругавин, 1905, с. 76]. К рационалистическим сектам («духовных христиан») он относит духоборцев, субботников, молокан, штундистов, баптистов.

В свою очередь, рационалистическое сектантство принято было делить на секты, «отпавшие от инославия» и «отпавшие от православия». К сектам западного происхождения, сложившимся под иноземным влиянием, имеющим значительное распространение в России, следует относить баптистов, евангельских христиан, адвентистов и пр. В то время как духоборов, молокан, иеговистов и толстовцев можно признать учениями, сложившимися в условиях национального русского быта [Терюкова, 2013, с. 105]. Данная классификация представляется вполне приемлемой и обоснованной для дальнейшего рассмотрения изучаемой проблемы.

Содержательно взгляды представителей мистического и рационалистического сектантства имели ряд отличий. Если последователи мистических сект исповедовали учение о воплощении божественного начала в людях и источником вероучения признавали внутреннее откровение, то приверженцы рационалистических сект считали источником познания мира Священное Писание, но допускали его толкование каждым верующим. Для рационалистических сект важнее учение, этика, чем ритуал и обрядовость. В. М. Скворцов отмечает, что система вероучения рационалистических сектантских движений строится на заимствованных в начале XVIII века западноевропейских религиозно-протестантских понятиях. В этой системе разум (ratio) человека становится важным инструментом религиозного познания, поэтому допускается свобода и самостоятельное участие в понимании Священного Писания. Авторитет Церкви как посредника в общении Бога и человека ставится под сомнение. С этим связана такая особенность культовой практики рационалистического сектантства, как «иконоборчество и отвержение церковной обрядности» [Скворцов, 1896, с. 4].

В контексте настоящей работы термин «рационалистическое сектантство» будет использован применительно к идеям представителей раскола нестарообрядческого и немистического направления, сформировавшимся в русской культуре в XVII — начала XX веков, согласно которым верующие хотят понять божественный смысл с помощью собственного разума без руководства и помощи Русской Православной церкви.

Хронологические границы исследования охватывают период XIX — начала XX веков. Начало проявления в русской религиозной жизни ра-

ционалистического сектантства восходит ко второй половине XVIII века. Однако интенсивное развитие сектантских движений в России происходит в XIX — начале XX века. Преобразования в социально-политической жизни способствовали изменению традиционной религиозной картины мира, религиозному поиску. Для рассмотрения эволюции сектантства также ключевым этапом служит революция 1905—1907 годов, за которой последовало изменение государственной политики в сторону веротерпимости. Кроме того, этот период интересен и в отношении рассматриваемого региона: именно в это время в Тобольской губернии начинают распространяться рационалистические движения. Географические рамки исследования охватывают Тобольскую губернию как один из центров распространения рационалистического сектантства: на эту территорию переселялись жители южной и европейской части России; ее населяли ссыльные, в том числе сосланные за религиозные взгляды.

Целью исследования является рассмотрение общих закономерностей, тенденций развития сектантства в Тобольской губернии в XIX — начале XX веков. В задачи входит выделение религиозных групп сектантов, существовавших в губернии; описание локализации рационалистических сект на территории Тобольской губернии; установление численности последователей, характеристика основных положений вероучения и культовой практики сектантов. Изучение распространения рационалистического сектантства на территории Тобольской губернии в указанный период представляется актуальным в аспекте исторического развития и регионального функционирования с целью обогащения научного знания в данной области и для разработки религиозной политики в сфере профилактики деструктивных влияний сект на общество.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование основано на ряде опубликованных и неопубликованных источников. Корпус неопубликованных источников составляют материалы официального делопроизводства, хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска. В фондах Тобольского губернского правления, Тобольского городского полицейского управления, Тобольской духовной консистории, Тобольского статистического комитета отложились дела, содержащие законодательные акты, переписку и распоряжения центральных и местных гражданских и церковных властей по вопросам реализации правительственных мер в отношении сектантов Тобольской губернии. Архивные материалы фонда позволяют изучить технологию и результаты деятельности местных властей по пресечению пропаганды сектантами-молоканами своих взглядов, сбору статистических сведений о сектантах. Распоряже-

ния губернских властей о содержании прибывающих в ссылку сектантов, осужденных за распространение своего вероучения, и другие материалы Тобольского государственного архива дают возможность более подробно раскрыть предмет научного исследования с использованием методов исторического анализа архивных источников.

К числу опубликованных источников, содержащих ценную информацию по истории рационалистического сектантства в Тобольской губернии, относятся статистические материалы, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного характера.

Изучение статистических источников, собранных, обобщенных и опубликованных различными департаментами министерства внутренних дел, таких как «Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел», «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел», «Статистические сведения о старообрядцах к 1 января 1912 года», позволило проследить изменения численности, поездного распределения различных сект рационалистического направления, представленных на территории Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX веков, их место в религиозной структуре населения губернии. В эти источники включены данные первой всероссийской переписи населения 1897 года [Списки населенных мест ..., 1871; Распределение ..., 1901; Статистические сведения ..., 1912].

Важные сведения об истории рационалистического сектантства, вероучении его приверженцев, обрядовой практике, причинах дробления на местные толки содержатся в губернской периодической печати, представленной церковным изданием «Тобольские епархиальные ведомости». Отметим публикации И. Сырцова о современном состоянии раскола в епархии и характеристику сектантов Тюкалинского уезда Г. Шореца [Сырцов, 1883; Шорец, 1915]. Тобольские епархиальные ведомости публиковали также делопроизводственные материалы в виде отчетной документации миссионерского Тобольского свято-Иоанно-Дмитриевского православно-церковного Братства, итогов заседаний Всероссийского миссионерского съезда [Отчет о деятельности ..., 1918; Соловьев, 1909б].

К источникам личного происхождения относится переписка Л. Н. Толстого с лидером духоборов П. В. Веригиным, отбывающим ссылку на севере Тобольской губернии [Толстой и др., 1995].

Комплексный анализ привлеченных источников позволил рассмотреть историю распространения на территории губернии рационалистических сект, изменение их вероучения, обрядов, социального состава общин. Осо-

бенностью источников по теме является их преимущественно официальный характер происхождения, что не могло не повлиять на относительность получаемых данных, в частности статистических.

Условно корпус отечественных исследований по теме рационалистического сектантства может быть представлен трудами дореволюционных авторов, историографией советского периода и современными научными изысканиями по разным аспектам изучения сектантства. Также за это время исследователями накоплен достаточно разнообразный комплекс методов изучения рационалистического сектантства.

Представители Русской православной церкви рассматривали рационалистическое сектантство как ересь, отступление от веры, враждебное православию заблуждение, «недуг», «патологию», «пустоцвет», «лжеучение», «саранчу». Они делали свои выводы на основе анализа официальной административной переписки светских и духовных учреждений, судебных материалов и письменных свидетельств сектантов. Историко-генетический и описательный методы изучения рационалистических сект представляются плодотворными, так как дают представление об учении, культе, способах религиозной пропаганды различных сектантских движений. Такой подход находит отражение в коллективном труде членов IV Всероссийского миссионерского съезда [Русские сектанты ..., 1911]. Подобный взгляд к изучению вопроса встречается и в труде С. В. Булгакова, включающем в себя помимо прочего материалы о рационалистических учениях, предназначенные для практического использования духовенством [Булгаков, 1913].

В сочетании с методами историзма и описания церковные авторы используют богословский подход к изложению сведений о русском рационалистическом сектантстве и делают акцент на сущности заблуждений адвентистов, баптистов, духоборов и пр. [Буткевич, 1910] и степени вредности их влияния на социальную жизнь [Скворцов, 1896]. Сегодня необходимо учитывать, что представители богословского подхода к изучению сектантства стоят на позиции православного христианства, то есть этот взгляд конфессионален, основан на понимании изучаемых явлений и процессов с точки зрения православной веры.

Дореволюционными авторами предложена общая методологическая схема изучения феномена сектантства и рационалистического сектантства, в частности. Она является базовой и для современных исследований, в том числе отчасти и для настоящей работы: история формирования и распространения общины, численность и социальный состав последователей, вероучение, организационная структура, религиозный культ, нравственное учение и быт, особенности взаимодействия сектантов и православной церкви [Рождественский, 1889; Маргаритов, 1910; Буткевич, 1910].

В определенной степени ценным для настоящей работы может послужить психологический подход к разработке темы рационалистического сектантства. К. Н. Плотников, составитель труда «История и обличение русско-го сектантства (мистического и рационалистического)», считает, что истоки сектантства берут начало в религиозно-нравственной психологии, но при этом его развитие зависит от исторических условий. В. Н. Терлецкий также обращает внимание на значимость метода психологического анализа «идей, эмоций и настроений, из которого слагается духовный облик сектанта». При этом он подчеркивает, что для расширения поля научного исследования необходимо пользоваться сравнительно-историческим методом.

В основном в работах церковных авторов и консервативно настроенных государственных и общественных деятелей рационалистическое сектантство представлялось как опасное явление религиозной и общественной жизни, противоречащее социально-политическим и духовным основам Российской империи. Однако была распространена и другая точка зрения на рационалистическое сектантство как прогрессивное явление и акт самостоятельной творческой духовной деятельности русского народа. В трудах о расколе А. С. Пругавин обращал внимание на идеи веротерпимости и равноправия по отношению к новым религиозным движениям [Пругавин, 1905]. Исследователь предлагает рассматривать развитие духовной интеллектуальной жизни народа во взаимосвязи с общественно-экономическим и правовым развитием общества. Такой историко-генетический метод дает возможность проследить взаимосвязь религиозной жизни с историческими и социальными процессами. Он выступает одним из ведущих методов исследования в работах советских исследователей сектантства.

В советский период появились труды, в которых христианское сектантство изучается с точки зрения марксистского подхода. П. М. Никольский в работе «История русской церкви» (1930) рассматривает рационалистическое сектантство как феномен, обусловленный развитием экономических отношений [Никольский, 1983]. А. И. Клибанов также связывает появление новых религиозных движений с социально-экономическими и политическими процессами [Клибанов, 1989]. Труды советских историков имеют определенную ценность для рассмотрения рационалистического сектантства в аспекте влияния на него власти, экономики, социальной среды в границах Тобольской губернии. В советское время в результате развития интереса к краеведению обращается внимание исследователей на изучение истории Сибири, в том числе предметом внимания становится региональный аспект исследования сектантства, в научный оборот вводятся неопубликованные местные архивные источники [Муратов, 1923; Долотов, 1930].

Сегодня территориально-локальный подход к исследованию бытования сектантства становится все более популярным в научном сообществе. Современные научные изыскания посвящены комплексному изучению сект на территории различных регионов [Кориков, 2011; Черказьянова, 1997]. Однако факты распространения на территории Тобольской губернии и локальные характеристики принципов вероучения и культа рационалистических сект остаются недостаточно изученными.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Духоборы

Духоборы — русская секта рационалистического направления, возникшая в России во второй половине XVIII века. Екатеринославский архиепископ Амвросий дал им такое название, так как «видел в их учении противление Св. Духу». Однако сами духоборы считали, что это название объясняет суть их учения: отрицание внешней обрядовой стороны религии и признание их борцами за дух: «Потому и духоборец, говорится в одном их псалме, что духом Богу служим..., духа забрали, от духа берем, и духом бодрствуем» [История и обличение ..., 1916, с. 106].

Как представители рационалистического сектантства, духоборы осуждали учение православной церкви, отвергали ее иерархию и отказывались от исполнения таинств и обрядов, посещения храмов, почитания икон, соблюдения постов и пр. Они считали, что «везде церковь, где два или три собораны во имя Христово» [Барсов, 1893, с. 252]. Под *церковью* понимали самих себя — «собрание истинных христиан для искреннего моления Господу Богу» [Бонч-Бруевич, 1909, с. 23]; «собрание избранных Богом людей» [Маргаритов, 1910, с. 103].

Как противники внешней обрядности, духоборы не признавали абсолютного авторитета Библии, так как считали писаное слово мертвым. Для них Священное писание христиан являлось лишь второстепенным источником, они многое в нем отрицали, придавая тексту свой иносказательный смысл. Они основывали свое вероучение на живом, устном предании, составлявшем «книгу животную», включавшую в себя отрывки Ветхого и Нового завета, молитвы православной церкви и духоборческие псалмы [Маргаритов, 1910, с. 99]. Предание, по верованию духоборцев, «есть плод внутреннего откровения и просвещения от Бога Слова» [Терлецкий, 1911, с. 32]. В псалмах духоборцы изобличали пороки пьянство, блуд, воровство, сваливали крайность и воздержание.

У духоборов нет определенного учения об Иисусе Христе. Они не отвергают его рождения во плоти: «Иисус Христос был и человек; ибо родился, подобно нам, в плоти» [Новицкий, 1882, с. 232—233]. Но счита-

ют, что в нем выражается божественный разум, и он рождается, страдает, умирает и воскресает в душе человека, в том числе в духовных лидерах духоборцев.

Религиозный культ прост. Духоборы почитали святых и Богородицу, но не обращались к ним за помощью, отмечали храмовые праздники, за умерших не молились. Пост рассматривался как время для воздержания от дурных мыслей и дел. У них отсутствовали специальные помещения для молитвенных собраний. Молитвенные собрания устраивались в специальных комнатах, где стоял стол с солью и хлебом, в этих помещениях организовывалось чтение псалмов, беседы о житейских делах, трапеза. У духоборов были очень строгие нравственные правила: осуждались ложь, дурные мысли, роскошь в быту, желание славы. При этом брак не считался таинством и совершался по взаимному согласию без религиозных церемоний и обрядов. Управление жизнью общины находилось в руках религиозного руководителя секты. В этом отношении государственная и духовная власть не являлась для сектантов авторитетом и законом. С одной стороны, они считали, что им не нужны никакие власти, так как все люди между собой равны, и духоборцы по своей воле без принуждения исполняли все правила. Они не позволяли себе клятвы, почитание титулов, участие в войне, ношение оружия. С другой стороны, духоборы видели необходимость светской власти только для защиты от враждебного внешнего окружения [Маргаритов, 1910, с. 87]. В ходе переселения за Кавказ в 1841 году духоборы выражали подчинение властям: «Царя почитаем, милостивым властям повинемся: кто безвинно бьет и мучит, тот антихрист, кто милостиво судит, уподобляется Богу» [Барсов, 1893, с. 252].

Духоборы первоначально появились в Харьковской, Екатеринославской губерниях, затем распространились в Тамбовской, Воронежской и других губерниях России [Варадинов, 1863, с. 158—179]. С 40-х годов XIX века духоборы жили компактными поселениями в Закавказье. Переселенные в Закавказье духоборы были размещены в Тифлисской губернии [Буткевич, 1910, с. 222]. Некоторое время спустя часть их переселилась в Елизаветпольскую губернию и в Карскую область [Клибанов, 1965, с. 90]. Всего к концу XIX века в Карской области и Закавказье насчитывалось от 12 805 до 20 000 членов духоборческой секты [Распределение ..., 1901, с. 3, 22].

В 1886 году в среде духоборцев происходит раскол, связанный со смертью «богородицы» Лукерьи, не оставившей детей и не назначившей себе преемника. Образовалось две партии: одна с претендентом «на престол Давида» П. В. Веригиным, вторая партия — «гореловцев» со своим кандидатом А. Зубковым. Петр Веригин, провозгласив себя «пророком» и «царем царей», явился в с. Горелово, потребовав немедленно признать

его правителем «пророком Сиона». Однако А. Зубков вместо признания, обратился к местному начальству с тем, «что по случаю смерти Лукеры Калмыковой и предстоящего дележа её имущества происходят беспорядки, угрожающие общественной безопасности». Веригин как главный виновник возмущения был сослан в Шенкурск Архангельской губернии, а оттуда в 1894 году отправлен в г. Березов Тобольской губернии, куда прибыл 17 февраля 1895 года [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и1, оп. 1, д. 895, л. 6].

Ссылка Веригина в г. Березов подтолкнула его последователей (Большая партия) «поднять настоящее возмущение против русского правительства». Они перестали платить подати, отказались от военной и полицейской службы, требовали возвращения Веригина и невмешательства правительственных властей в дела общины. Попытка правительства в 1895 году расселить приверженцев Веригина по различным селениям Тифлиской губернии окончилась неудачей [Бирюков, 1896, с. 16—18]. С 1898 года по апрель 1899 года духоборы отбыли в Канаду, но эмигрировавшие духоборы составляли меньшую часть. По данным 1901 года в Тифлиской и Елизаветпольской губерниях и в Карской области осталось 14 824 духоборов. Кроме того, духоборческие поселения общей численностью около 2 тысяч жителей имелись в Воронежской, Самарской, Киевской, Иркутской и некоторых других губерниях, а также в Амурской области [Распределение ..., 1901, с. 8—9]. На миссионерском съезде 1910 года в Киеве указывалось, что среди духоборцев ведут успешную пропаганду штундобаптисты. ^B начале XX века происходит поглощение секты духоборцев другими рационалистическими сектами (баптизм, штундизм).

По мнению Т. И. Буткевича, уже в конце XVIII века на территории Сибири встречались духоборы, в частности, в Тобольской и Иркутской губерниях [Буткевич, 1910, с. 210]. Сектантство в Сибири развивалось преимущественно среди переселенцев [Муратов, 1923, с. 3].

На территории Тобольской губернии в 1855 году на жительстве находилось 59 человек — представителей сектантства рационалистического направления, из них 27 человек — молокане и духоборцы. Со времени воцарения Александра II и прекращения гонений на сектантов рационалистического направления наблюдается медленный, но неуклонный рост их на территории Тобольской губернии. К 1867 году численность сектантов-рационалистов увеличилась с 59 до 140 человек [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 32, д. 551, 554]. По данным всеобщей переписи 1897 года в регионе проживало 226 человек сектантов, из них 36 духоборцев [Распределение ..., 1901, с. 9].

Необходимо отметить нахождение в Тобольской губернии ссыльных духоборов, которые оказывали непосредственное влияние на местное на-

селение. В с. Обдорском Березовского уезда находился ссыльный духобор П. В. Веригин. Он был знаком по переписке с Л. Н. Толстым и произвел на него такое яркое впечатление, что в 1897 году первую в истории Нобелевскую премию мира, которую предполагалось вручить Толстому, Лев Николаевич предлагал присудить духоборам [Толстой и др., 1995, с. 5]. Учитывая это, можно предполагать, что взгляды Петра Васильевича (в том числе и религиозные) вполне могли быть приняты местным населением. По отзывам местной полиции и священников, Веригин был аккуратным, приличным и вел образ жизни «безукоризненный» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 15, д. 25, л. 55 об.]. В марте 1897 года березовский окружной исправник В. Кондратович писал: «Поведение Петра Веригина заслуживает самый похвальный отзыв, он безукоризненно честен, отзывчив на нужды ближнего, всегда готовый нести помощь нуждающемуся и личными услугами, и материальными средствами» [Там же, л. 108].

В 1897 году березовский окружной исправник предлагал перевести Веригина в г. Березов либо усилить наблюдение за ним в Обдорске вследствие соращения в свою секту обдорчан. Так, после появления здесь духобора отставной унтер-офицер А. А. Черноногов и крестьянин А. А. Чупров стали отрицать церковь, иконы, богослужения и иные внешние проявления религиозности. В качестве последователей Веригина обдорский земский заседатель также называл Филиппа Конева, инородца А. А. Собрина и крестьянина Егора Палтырева [Там же, л. 57—59].

Косвенным доказательством близости духоборческих идей населению Обдорска служит следующий эпизод. В конце XIX века в Обдорске находилась православная церковная миссия. В 1897 году туда прибыли два монаха, которые вели проповеди об опасности и вреде идей духоборческой общины для государства и православных. В письме П. В. Веригина Л. Н. Толстому сообщается, что в одно из воскресений ему дали возможность говорить в церкви: «Полемика вышла горячая, здесь же в народе многие приняли мою сторону мировоззрений <...> попы дошли до такого волнения, что один из них выразился: покажи нам своего Бога или Любовь! На такой вопрос некоторые из людей даже рассмеялись» [Толстой и др., 1995, с. 36].

В городе Сургуте отбывали наказание духоборцы Н. Т. Изюмченко (был знаком с Веригиным по переписки) и его «товарищ» В. И. Гаевский [Андросов, 1908, с. 86]. Николай Изюмченко, сосланный за отказ от военной службы в Тобольскую губернию, был освобожден только в 1905 году. По свидетельству губернатора, Н. Изюмченко оказывал влияние на молодежь, которая часто собиралась у него дома для бесед. Епископ отмечал, как установленный факт, что жена березовского купца Надежда Павлов-

на Добровольская была им совращена [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 17, д. 15, л. 3 об.].

Следует отметить, что в Тобольской губернии не было массового распространения духоборческих идей. В начале XX века в Тобольских епархиальных ведомостях сообщали, что Тобольский край «мало заражен сектантством»: «В темной необразованной массе идеи сектантства не вызывают ничего кроме улыбок: быть настоящими богами не желают даже тобольские раскольники» [Соловьев, 1909а, № 19, с. 498].

3.2. Молокане

Молокане — русская рационалистическая секта, близкая по вероучению к духоборческой и многое унаследовавшая из её учения и обрядов. В научной литературе по истории рационалистических сект традиционно, начиная с исследований дореволюционных авторов, духоборчество и молоканство рассматриваются параллельно как родственные движения («духовные христиане») в силу их генетических связей, общности положений учения, единства взглядов на светскую и духовную власти.

Около 1780 года от секты духоборов отделилось новое направление. Его основал С. Уклеин, крестьянин Тамбовской губернии, зять руководителя духоборческого движения И. Побирохина. Однако существует мнение, что истоки молоканства необходимо искать в «еретических» учениях Башкина и Косого времен Ивана Грозного [Новицкий, 1882, с. 11]. С. Уклеин только обобщил молоканские верования «бродившие в разрозненном виде... и объединил всех исповедников в одну секту» [Буткевич, 1910, с. 283]. Начал активно распространять свое учение по разным губерниям. Его приверженцами были преимущественно зажиточные деревенские жители, представители городских сословий (мещане, купцы). Название секты утвердилось благодаря донесению Тамбовской Консistorии (1765 год), в котором она «назвала учение этих вольнодумцев молоканием», так как последователи С. Уклеина позволяли себе есть в посты молоко [Маргаритов, 1910, с. 109]. Сами сектанты объясняют названия секты тем, что они «вкусают словесное млеко».

Молокане отвергали господство православной церкви, отказывались от православных таинств и обрядов, крестного знамения, культа икон и святых и почитания святых мощей, но в отличие от духоборцев не отрицали института церкви. Не признавая святости храмов и церковной иерархии, считали, что «церковь Христова, или храм Божий, есть общество верующих в Бога» [Буткевич, 1910, с. 292]. По их мнению, Вселенские соборы и отцы церкви извратили своими постановлениями и сочинениями истинное христианство: «Один архиерей — Христос, все люди братья, все равны по благодати. Все люди равны и не может быть ни бедных, ни бога-

тых, ни рабов, ни господ». Свое учение молокане основывают на книгах Ветхого и Нового Завета.

Как и духоборы, молокане были противниками исполнения государственных законов, по их мнению, противоречащих Библии. Они избегали войны, военной службы, присяги. Однако отношение к политической власти в среде молокан было неоднозначным. Одни считали, что «не должно быть власти...ибо власть есть насилие», другие признавали царя и светскую власть: «Мы не отвергаем власти, мы считаем, что следует ей повиноваться, исполняя изречение священного писания, повелевающего...покоряться предержавшим властям. Надобно ...признавать власти, какие бы они ни были», но «нельзя и не следует признавать превосходным все то, что исходит из власти, если собственный наш разум не убеждает нас в превосходстве этого» [Цит. по: Пругавин, 1905, с. 35—36].

К середине XIX века в молоканстве уже существовали толки, отличающиеся друг от друга нововведениями в обрядах, учении, пищевыми запретами: «уклеицы», «сухие», молокано-штундисты, молокане тамбовские и пр. Так уже в 50-х годах XIX века в кругах донского казачества появился донской толк. Сектанты данного толка именовали себя «евангельскими христианами», «евангеликами». Они критиковали учение С. Уклеина за «сухое и безжизненное» молоканское богослужение в виде чтения псалмов и толкования Писания и признавали необходимость пяти таинств и некоторых обрядов Православной церкви. И. Крылов назвал себя «первосвященником всех духовных христиан» и ввел определенный строй «богослужения» с использованием внешней обрядности. Странники секты отвергали миропомазание, священство и признавали крещение, причастие, покаяние, брак, елеосвящение. Однако они понимали таинства в большей степени как обряды. В отношении к светской власти представители донского толка соблюдают законы государства и демонстрируют верность гражданским властям: признают военную присягу и службу, «молятся за царя» [Маргаритов, 1910, с. 137]. Один из руководителей этого толка Захаров в «Кратких правилах веры» утверждал: «Вера наша повелевает нам повиноваться властям, угрожая гневом Божиим...» [Клибанов, 1973, с. 132].

Дальнейшим развитием молоканства в новейшее время явились секты общих и прыгунов. В 30-х годах XIX века из молоканства выделилась секта общих, возглавляемая М. А. Поповым, который «начал учить, что труд и получаемое за труд должны быть общими» [Маргаритов, 1910, с. 138]. Он сформулировал правила организации жизни сектантов на началах социализма в его религиозном понимании. Поповым была введена общность имущества в общине и строгий общественный и церковно-религиозный строй. Во главе общины стояли двенадцать «апостолов» и казначей. Об-

щина управлялась «судьей», который объяснял Священное Писание и наблюдал за деятельностью других избранных «чинов», чтобы они не нарушали выполнение своих функций. В секте «общих» узаконена публичная исповедь перед судьей [Никольский, 1983, с. 315—316], или перед всем собранием, или перед тремя управляющими [Маргаритов, 1910, с. 139]. Толкование Библии разрешено любому члену общины, но по согласованию с «судьей».

В начале 50-х годов XIX века из секты общих выделилось прыгунство. Причинами откола прыгунов стали несогласие с особым положением двенадцати апостолов и недовольство тем, что «судьи» в секте общих решали не только земные вопросы, но и духовные — совершали исповедь над членами общины. Распространение деятельности секты началось с молоканина Лукьяна Петрова. Ссылаясь на слова пятидесятого псалма «окропиши мя иссопом и очищуся», он ввел правило, кроме чтения и пения, во время богослужений сопеть друг на друга, чтобы взаимно освятиться и очиститься от грехов. Поэтому последователей секты еще называли *сопунами*. Л. Петров установил обряды воскрешения дев и обряд прыгания, во время которого к избранным людям может снизойти Святой дух. Во время молитвенных собраний вместе с чтением и пением практиковалось «скаkanie, прыгание, топание ногами и дрожание всем телом по примеру царя Давида, с приговариванием бессмысленных слов, которые изъяснялись кем-либо как пророчество» [Маргаритов, 1910, с. 140]. Собрания и худощавый нервный вид прыгунов сближают их с хлыстами.

Религиозным обрядом у прыгунов руководит «пророк», которого выбирает община [Булгаков, 1913, с. 1651]. Прыгунское общество считало себя «избранным» и верило в наступление тысячелетнего царства Иисуса Христа. Они отмечали некоторые иудейские праздники. В 1859 году один из руководителей секты М. Рудометкин был сослан в монастырь за попытку короновать себя «царем духовных христиан». Но во второй половине XIX — начале XX веков сектанты не высказывали противогосударственных мыслей. Таким образом, в учении прыгунов обнаруживается комплекс идей из учений молокан, хлыстов, иудеев. В XX веке прыгунство все больше обнаруживало черты не рационалистической, а мистической секты, сближаясь с хлыстовщиной [Никольский, 1983, с. 317—321].

Во второй половине XIX — начале XX веков ни один из существующих в молоканстве толков не являлся главным и преобладающим. После отделения ряда толков оставшееся большинство молокан стало называться *постоянными молоканами*. Из всех религиозных сект молоканство было наиболее многочисленным и широко распространенным. Географически поселения молокан находились в Тамбовской, Воронежской, Самарской,

Саратовской и Астраханской губерниях. На протяжении XIX — начала XX веков среди участников секты стало распространяться миграционное движение. В 1870-е годы молокане «в большом количестве» переселяются в Сибирь, Закавказье, Среднюю Азию и Дальний Восток [Клибанов, 1965, с. 146—147]. Приверженцы молоканства подвергались преследованиям и ссылались в Сибирь и на Кавказ, «но ни ссылка, ни тюремное заключение, никакие кары не могли утратить фанатиков нового учения» [Пругавин, 1905, с. 65]. Имело место и добровольное переселение молокан. Так, в 1870-е годы переселенцы из Тамбовской, Самарской, Воронежской и Тобольской губерний обосновались в Гильчинской волости Амурской области [Клибанов, 1965, с. 149]. К началу XX века в России сложились «три основных очага молоканства — закавказский, дальневосточный и средне-русский» [Клибанов, 1989, с. 609]. По данным переписи 1897 года, в Сибири проживало 11 692 последователя молокан разных толков, в Тобольской губернии — 60 человек [Распределение ..., 1901, с. 9]. По данным официальной статистики, к концу первого десятилетия XX века число молокан в губерниях центра достигало 13 400 человек, в Поволжских губерниях — 28 400, на Кавказе — 21 300 и на Дальнем Востоке — 28 400. Общая же численность молокан на территории Российской империи превышала 200 000 человек [Статистические сведения ..., 1912, с. 5—9].

В середине XIX века на территории Тобольской губернии Ялуторовский уезд считается районом распространения молокан [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 31, д. 1307, л. 38—39]. В это время в местной печати отмечается, что сектантство Тобольской губернии находится в периоде развития и редкие семейства придерживаются сектантских верований: «Есть на юге Тобольской губернии и молокане, но их очень мало» [Соловьев 1909, № 19, с. 497—498].

По сведениям благочинных округов, в 1912 году молокане проживали в п. Боголюбовском Больше-Могильской волости Тюкалинского уезда — 138 человек, 55 человек — в п. Павлодарском [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и417, оп. 1, д. 249, л. 62—63, 81 об]. Кроме того, из донесений священников и местных жителей видно, что в поселках Васильевском Андреевской волости, Михайловском и Беловском Царицынской волости Тюкалинского уезда проживало также некоторое количество молокан, ведущих активную пропаганду своего учения. В п. Васильевском Андреевской волости проживало 9 душ молокан, но после посещения поселка проповедниками-молоканами из п. Беловского было возвращено еще несколько семейств [Там же, л. 69—70]. Секта молокан существовала также в Ишимском уезде (24 человека) и имела общий молитвенный дом с баптистами [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 35, д. 846, л. 41].

Следует отметить, что большую сложность учета сектантов представляет отсутствие единой терминологии, которой бы пользовались священнослужители и органы административно-полицейского аппарата при доставлении сведений о сектантах. Сектантов называли по каким-либо признакам, обрядам или особенностям вероучения. Такие названия, как правило, отличались от используемых самими сектантами. Так, например, под именем *субботников* могли скрываться сектанты: молокане, иудействующие, адвентисты, — которые считали субботу праздничным днем. Лишь в некоторых случаях в документах расшифровывалось название секты. Также некоторые миссионеры и священники не могли определить, к какой разновидности раскола (старообрядчеству или сектантству) необходимо относить ту или иную группу отступников.

3.3. Немоляки

Основателем секты немоляков был Гавриил Зимин, сосланный в 1837 году на Кавказ за особое толкование Священного Писания, где основал свое учение. Секта возникла из старообрядчества как реакция на их чрезмерное увлечение ег последователей обрядовой стороной. Названа так в силу того, что представители данного толка не совершали молитв «наружно». Они считали, что необходимо произносить молитву, которая не написана в книгах, а «которая исходит от собственных чувств человека, — произносится духом ума» [Булгаков, 1913, с. 1636]. Объяснение такого взгляда на воссылание к Богу молитвы сектанты основывали на учении «о временах века»: весна — век праотеческий, период от сотворения мира до Моисея; лето — век отеческий, от Моисея до Христа, осень — век сыновий, от Рождения Христа до 1666 года и зима — век Святого Духа, от 1666 года. Немоляки не признавали телесного пришествия Иисуса Христа, обрядов, молитв и тайнств [Обнорский, 1897, с. 873].

В 1883 году корреспондентом «Русского курьера» впервые было обращено внимание общественности на существование в Тобольской губернии секты немоляков. Он отметил, что по рекам Исети и Тоболу есть очень большие села, населенные исключительно раскольниками. Не так давно среди них выделилась своеобразная группа, которая известна здесь под именем «немоляхов». Автор статьи, говоря о немоляках, отмечает, что в Ялуторовском округе в д. Пилевой эти сектанты составляют лишь один двор, в соседней д. Плюхиной два двора. При этом замечает, что, «по отрывочности существующих о них сведений, трудно судить, насколько по своему мировоззрению они близки к немолякам» [Немоляки ..., 1883, с. 442].

В этом же 1883 году А. Г. Пругавин отверг предположение о том, что эта секта самобытна, то есть возникла на территории Тобольской губернии. По мнению А. Г. Пругавина, секта немоляков возникла на Дону не

ранее 1830-х годов XIX века. Её основателем был казак Гавриил Зимин, который сам сначала принадлежал к поповскому толку. Затем он перешел в беспоповщину и, наконец, отказавшись от старой веры, начал «уже сам изыскивать правую веру по старопечатным книгам и всевозможным рукописям» [Немоляки ..., 1883, с. 442]. С А. С. Пругавиным солидарен Т. И. Буткевич, который относит немоляков к сектам, появившимся «на почве мнимого старообрядчества». К ним же он относит так называемых дырновцев, аристовцев, белоризцов, неплательщиков, душителей и др. [Буткевич, 1910, с. 13].

Противоположное мнение было высказано Н. М. Никольским. Он считал, что секта немоляков возникла в 1865 году в Вятской губернии в среде бывших удельных крестьян, отказавшихся признать сокращенные нормы наделной земли по реформе 1861 года. Не найдя поддержку от приходских священников, вятские крестьяне организовали коллективный переход из состава православных приходов в новую секту, получившую в административной и судебной документации наименование «немоляков». В 1870-е годы немоляки обосновались в соседней с Вятской губернией — Пермской, а на рубеже 1870—1880-х годов расселились на территории Курганского уезда Тобольской губернии [Никольский, 1983, с. 369—370].

По данным всеобщей переписи 1897 года, в Тобольской губернии проживал 121 немоляк [Распределение ..., 1901, с. 9]. Из сообщения Тобольского епископа на имя губернатора от 26 ноября 1899 года усматривается, что сектанты имеются «в приходе градо-Ялуторовского, Сретенского собора в деревнях Хохловой и Петешной, именуемые местным православным населением “иконоборцами” и “немоляками”, каковых по составленному 18 ноября минувшего года причтом собора списку 52 муж. пола и 53 жен. пола. Сектанты эти как видно из исповедных росписей названного собора, появились с 1830 года; но как возникла эта секта — ни причту, ни местному населению неизвестно; б) имеются немоляхи в приходах Чинеевском и романовском единоверческом (в д. Могильной) Курганского уезда, которых в последнем насчитывается, как донес 19 октября сего года миссионер священник Василий Богословский, 8 муж. пола и 7 жен. пола» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. и152, оп. 17, д. 15, л. 3].

Следует отметить, что духовенство не делало различий между немоляками и некоторыми другими сектами. Так, например, И. Сырцов в статье «Современное состояние раскола в Тобольской епархии» относит немоляков к молоканам или иконоборцам, хотя известно, что все они являются отдельными сектами. Приведем отрывок из его статьи, где говорится о вероучении секты, названной им молоканской (иконоборцы): «О молоканах известно от причта градо-Ялуторовского Сретенского собора... не покло-

няются иконам, не изображают на себе крестного знамения, никогда не отправляют никакого ни по каким книгам богослужения, а только читают Библию и свои иконоборческие поучительные тетради, не исполняют постов в воскресные и праздничные дни» [Сырцов, 1883, с. 497]. Под данное описание подходит большое количество сект, так как конкретных отличительных особенностей в нем не указано.

4. Заключение = Conclusions

Для рационалистических сект духоборов и молокан характерна рационализация религиозного сознания. Их последователи считают Священное Писание источником истинного знания о мире, но разрешают руководителям и членами общины толкование его текста. Они делают какой-либо элемент веры центральным в своем учении. С помощью культовой практики поддерживают дисциплину, ограничивают общение с внешним миром. Многообразие религиозных сект и их толков создавало для правительственных органов и исследователей трудности в решении вопроса их классификации. Несмотря на наличие относительно большого количества классификаций сект, предлагавшихся учеными и служителями церкви, до настоящего времени на этот счет не сформировалось единого мнения.

Рассмотрев особенности основных сект, распространенных на территории России и Tobольской губернии во второй половине XIX — начале XX веков, можно отметить общие черты рационалистических сект и отличительные особенности их различных направлений. Последователи сект рационалистического характера отвергли иконы и кресты, но были ближе к православию, в отличие от скопцов и хлыстов с их мистическими воззрениями. Критикуя Русскую православную церковь, они стремились к построению общества, построенного на началах религиозного и социального равенства. Если сектанты-мистики, скрывая от властей свою истинную веру, были добросовестными прихожанами православной церкви, то рационалисты как истинные христиане были «освобождены от властного надзора».

Несмотря на разницу в некоторых положениях вероучения и культа, рационалистические секты имели схожие черты. С идеологической точки зрения в секты молокан, духоборцев вступали люди, стремившиеся разобраться в Библии, ищущие не столько сильного лидера, сколько нравственных идеалов, справедливого устройства общества. Отказываясь от общепринятых норм в российском обществе, они стремились к совершенствованию нравственной жизни, так как они это представляли. В своих стремлениях они оказывались в оппозиции по отношению к официальной церкви и государству, ставя правила своих общин выше их законов. Социальную основу сект

рационалистических сект составляло крестьянство и мещанство. Однако по социальному составу духовная «верхушка» у духоборцев, молокан и баптистов была представлена крупными землевладельцами.

Ко второй половине XIX века русское сектантство представляло собой достаточно сложное явление, включавшее в себя большое количество сект. Часть сект, истоки которых уходят в XVII—XVIII века, к рассматриваемому нами времени не представляли собой единого целого. Большинство из них распались на более мелкие толки, отличавшиеся между собой. В секте духоборцев появляются ответвления, она теряет свои позиции после переселения значительной части последователей во главе с духовным лидером П. В. Веригиным в Канаду. Происходят процессы перехода духоборов в другие рационалистические секты.

Со второй четверти XIX века начинается сектантская колонизация Тобольской губернии, санкционированная правительством Николая I. Несмотря на предписание МВД, местные власти распределяли ссыльных сектантов по территории всей губернии, чем способствовали распространению «еретических» идей. Во второй половине XIX века на территории Тобольской губернии зафиксирована относительно небольшая численность сектантов, однако следует отметить, что по ряду причин официальные источники не отражали в полной мере присутствие сектантов в регионе. С 1855 года к 1913 году число сектантов со 182 человек увеличилось до 1473 человек. Значительная часть сектантов губернии в начале XX века принадлежала к переселенцам, выходцам из европейской и южной части России. Отчасти они вступали в секты по причине выплаты новообращенным материального пособия.

Анализ статистических материалов показал незначительный рост численности сектантства на территории Тобольской губернии на протяжении второй половины XIX века и существенный скачок в начале XX века. Выявленные данные свидетельствуют о присутствии на изучаемой территории последователей рационалистического сектантства с конца XIX века.

На наш взгляд, тема исследования заслуживает дальнейшей разработки в аспекте изучения фактов пребывания отдельных групп сектантов на территории Тобольской губернии, особенностей их религиозных взглядов и обрядов, их взаимоотношений с духовной и светской властями.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Андросов М. С.* Мое путешествие : рассказ члена христианской общины всемирного братства Михаила Андросова / М. С. Андросов // *Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола* / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. — Санкт-Петербург, 1908. — Вып. 1. — С. 74—146.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»*. — Ф. 1. Тобольское городское полицейское управление (1798—1917 гг.). Оп. 1. Д. 895 ; — Ф. И152. Тобольское губернское управление (1822—1919 гг.). Оп. 15. Д. 25 ; Оп. 17. Д. 15 ; Оп. 31. Д. 1307 ; Оп. 32. Д. 551, 554 ; Оп. 35. Д. 846. — Ф. 417. Губернский статистический комитет (1835—1919 гг.). Оп. 1. Д. 249.
3. *Отчет* о деятельности Тобольского свято-Иоанно-Дмитриевского православно-церковного Братства // Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 1/2 (официальный отдел). — С. 10—21.
4. *Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам* / Разработано Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет МВД, 1901. — 26 с.
5. *Соловьев Л.* Сведения о современном состоянии раскола в Тобольской епархии / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909а. — № 19. — С. 497—498.
6. *Соловьев Л.* Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве 12—26 июня 1908 г. / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909б. — № 3. — С. 38—47 ; № 4. — С. 91—96.
7. *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел.* — Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861—1885. Тобольская губерния : ... по сведениям 1868—1869 годов / обраб. ред. В. Зверинским ; составлен и издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1871. — CCLXXII. — Выпуск 60. — 196 с.
8. *Статистические сведения* о старообрядцах к 1 января 1912 г. — Санкт-Петербург : Департамент духовных дел Министерства внутренних дел, 1912. — 25 с.
9. *Сырцов И.* Современное состояние раскола в Тобольской епархии / И. Сырцов // Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 23—24 (неофициальный отдел). — С. 481—499.
10. *Толстой Л. Н.* Переписка / Л. Н. Толстой, П. В. Веригин ; подгот. Л. Д. Громова-Опульская. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. — 108 с.
11. *Шорец Г.* Сектанство в Тюкалинском уезде, Тобольской губернии / Г. Шорец // Тобольские епархиальные ведомости. — 1915. — № 44 (неофициальный отдел). — С. 698—706.

Литература

1. *Барсов Н.* Духоборцы / Н. Барсов // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. — Т. XI (21). — С. 251—253.
2. *Бирюков П. И.* Гонения на духоборцев / П. И. Бирюков. — Лондон : типография Фонда вольн. рус. прессы, 1896. — 40 с.
3. *Боева Е. С.* Нетрадиционные религиозные организации в российском обществе : факторы роста и оценки населения : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Е. С. Боева. — Хабаровск, 2012. — 23 с.

4. *Бонч-Бруевич В. Д.* Животная книга духоборцев / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург, 1909. — 327 с.
5. *Булгаков С. В.* Настольная книга для Священно-Церковно-служителей : (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С. В. Булгаков. — Изд. 3-е испр. и доп. — Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. — 1774 с.
6. *Буткевич Т. И.* Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография губернского правления, 1910. — 608 с.
7. *Варадинов Н. В.* История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1863. — Книга 8. — 667 с.
8. *Долотов А.* Церковь и сектантство в Сибири / А. Долотов. — Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. — 128 с.
9. *История и обличение русского сектантства (мистического и рационалистического)* / сост. К. Плотников. — Петроград : Типография И. В. Леонтьева, 1916. — 330 с.
10. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.
11. *Клибанов А. И.* Народные противоцерковные движения / А. И. Клибанов // Русское православие : вехи истории / под редакцией А. И. Клибанова. — Москва : Издательство политической литературы, 1989. — С. 562—615.
12. *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1973. — 256 с.
13. *Кориков Д. Г.* Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Г. Кориков. — Челябинск, 2011. — 226 с.
14. *Маргаритов С. Д.* История русских мистических и рационалистических сект / С. Д. Маргаритов. — Симферополь : Таврическая губернская типография, 1910. — 232 с.
15. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милюков. — Москва : Прогресс, 1994. — Т. 2. — Ч. I. — 416 с.
16. *Муратов М. В.* Духоборцы Иркутской губернии / М. В. Муратов. — Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1923. — 55 с.
17. *Немоляки* // Тобольские епархиальные ведомости. — 1883. — № 21. — С. 442—456.
18. *Никольский Н. М.* История Русской церкви / Н. М. Никольский. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.
19. *Новицкий О. П.* Духоборцы : Их история и вероучение / О. П. Новицкий. — Киев : Унив. тип. (И. Завадзкого), 1882. — 282 с.
20. *Обнорский Н.* Немоляки / Н. Обнорский // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1897. — Т. ХХА (40). — С. 873—874.
21. *Пругавин А. С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. — Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. — 95 с.
22. *Рождественский А. В.* Южнорусский штундизм / А. В. Рождественский. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента уделов, 1889. — 301 с.
23. *Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды.* Братский труд членов IV Всероссийского Миссионерского Съезда (с портретами сектантов и картинами сектантских радений) / ред. и изд. М. А. Кальнев. — Одесса : Типография Е. И. Фесенко, 1911. — 336 с.

24. Скви́рцов В. М. Существенные признаки и степень вредности [русских] мистических и рационалистических сект и раскольничьих старообрядческих толков / В. М. Скви́рцов. — Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1896. — 19 с.

25. Терлецкий В. Н. Очерки, исследования и статьи по сектантству. Общие понятия о сектанстве. Духоборы и толстовцы. Павловское «страшное дело». Секта «иоаннитов» / В. Н. Терлецкий. — Полтава : электр. тип. Г. И. Маркевича, 1911. — Выпуск 1. — 255 с.

26. Терюкова Е. А. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. / В. Н. Терюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2013. — № 4. — С. 102—106.

27. Черказьянова И. В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири / И. В. Черказьянова // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. / под ред. П. П. Вибе. — Омск : ОГИК музей, 1997. — С. 79—98.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024,
одобрена после рецензирования 21.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

Androsov, M. S. (1908). My journey: the story of a member of the Christian community of the world brotherhood Mikhail Androsov. In: Bonch-Bruевич, V. D. (ed.). *Materials for the history and study of Russian sectarianism and schism*. St. Petersburg. 1: 74-146. (In Russ.).

GBUTO GA in Tobolsk — *The State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk"*. (In Russ.).

Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 60. (1871). St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).

Report on the activities of the Tobolsk St. John—Dmitrievsky Orthodox Church Brotherhood. (1918). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 1/2 (official department): 10—21. (In Russ.).

Shorets, Sectarianism in Tyukalinsky district, Tobolsk province. (1915). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 44 (unofficial department): 698—706. (In Russ.).

Solovyov, L. (1909). Information on the current state of the schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 19: 497—498. (In Russ.).

Solovyov, L. (1909). The fourth All-Russian Missionary Congress in Kiev on June 12—26, 1908. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 3, 4: 38—47; 91—96. (In Russ.).

Statistical information on Old Believers by January 1, 1912. (1912). St. Petersburg: Department of Spiritual Affairs of the Ministry of Internal Affairs. 25 p. (In Russ.).

Syrtsov, I. (1883). The current state of schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk diocesan vedomosti*, 23—24 (unofficial department): 481—499. (In Russ.).

The distribution of Old Believers and sectarians by sect and sect. (1901). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 26 p. (In Russ.).

Tolstoy, L. N., Verigin, P. V. (1995). *Correspondence*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 108 p. (In Russ.).

References

- Barsov, N. (1893). Dukhobortsy. In: *Encyclopedic dictionary*. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography (I. A. Efron). 251—253. (In Russ.).
- Biryukov, P. I. (1896). *Persecution of dukhobortsev*. London: Printing house of the Free Russian Press Foundation. 40 p. (In Russ.).
- Boeva, E. S. (2012). *Non-traditional religious organizations in Russian society: factors of growth and assessment of the population*. Author's abstract of PhD Diss. Khabarovsk. 23 p. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1909). *Animal book of dukhobortsev*. St. Petersburg. 327 p. (In Russ.).
- Bulgakov, S. V. (1913). *A handbook for Sacred Church ministers: (A collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)*. Ed. 3rd edition and add. Kiev: Type. Kiev-Pechersk Dormition Lavra. 1774 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Review of Russian sects and their interpretations*. Kharkov: Printing house of the provincial government. 608 p. (In Russ.).
- Cherkazyanova, I. V. (1997). Religious communities of Mennonites and Baptists in Western Siberia. In: *Germans. Russia. Siberia: collection of articles*. Omsk: OGIK Museum. 79—98. (In Russ.).
- Dolotov, A. (1930). *The Church and sectarianism in Siberia*. Novosibirsk: Sibkraizdat. 128 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1989). Popular anti-church movements. In: *Russian Orthodoxy: milestones of history*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 562—615. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1973). *Religious sectarianism in the past and present*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *The history of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century — 1917)*. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russ.).
- Korikov, D. G. (2011). *The state, the Church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 226 p. (In Russ.).
- Margaritov, S. D. (1910). *The history of Russian mystical and rationalistic sects*. Simferopol: Taurida provincial Printing House. 232 p. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. (1994). *Essays on the history of Russian culture: in 3 volumes, 2 (1)*. Moscow: Progress. 416 p. (In Russ.).
- Muratov, M. V. (1923). Dukhobortsy Irkutsk province. Irkutsk: Irkutsk University Press. 55 p. (In Russ.).
- Nikolsky, N. M. (1983). *The history of the Russian Church*. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Non-Poles. (1883). *Tobolsk Diocesan Gazette*, 21: 442—456. (In Russ.).
- Novitsky, O. P. (1882). *Dukhobortsy: Their history and doctrine*. Kiev: Univ. type (I. Zavadzky). 282 p. (In Russ.).
- Obnorsky, N. (1897). Nemolyaki. In: *Encyclopedic dictionary, XXXA (40)*. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography (I. A. Efron). 873—874. (In Russ.).
- Plotnikov, K. (ed.). (1916). *The history and denunciation of Russian sectarianism (mystical and rationalistic)*. Petrograd: I. V. Leontiev's Printing House. 330 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1905). *Schism and sectarianism in Russian folk life*. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership. 95 p. (In Russ.).
- Rozhdestvensky, A. V. (1889). *South Russian shtundism*. St. Petersburg: Type. Department of the Estates. 301 p. (In Russ.).

- Russian sectarians, their teachings, cult and methods of propaganda. Fraternal work of the members of the IV All-Russian Missionary Congress (with portraits of sectarians and paintings of sectarian joys).* (1911). Odessa: Printing house of E. I. Fesenko. 336 p. (In Russ.).
- Skvortsov, V. M. (1896). *Essential signs and degree of harmfulness of [Russian] mystical and rationalistic sects and schismatic Old Believers.* Kiev: Type. S. V. Kulzhenko. 19 p. (In Russ.).
- Terletsky, V. N. (1911). *Essays, research and articles on sectarianism. General concepts of sectarianism. Doukhobors and Tolstoyans. Pavlovsky's "terrible case". Sect of the "Ioannites", 1.* Poltava: Electrical type by G. I. Markevich. 255 p. (In Russ.).
- Teryukova, E. A. (2013). The concept of sectarianism in the Russian religious legislation of the early twentieth century. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflictology. Cultural studies. Religious studies, 4:* 102—106. (In Russ.).
- Varadinov, N. V. (1863). *History of the Ministry of Internal Affairs, 8.* (1863). St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 667 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.05.2024;
approved after reviewing 21.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

Информация для цитирования:

Пьянков С. А. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны : от проектов к реализации / С. А. Пьянков, А. В. Сушков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 435—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455.

Pyankov, S. A., Sushkov, A. V. (2024). Evacuation of Moscow Automobile Plant named after Stalin during Great Patriotic War: from Projects to Implementation. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 435-455. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны: от проектов к реализации

Пьянков Степан Александрович

orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра экономической истории
корреспондирующий автор
kliostefan@mail.ru

Сушков Андрей Валерьевич

orcid.org/0009-0001-4963-7227
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра социальной истории
suschkow@mail.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Evacuation of Moscow Automobile Plant named after Stalin during Great Patriotic War: from Projects to Implementation

Stepan A. Pyankov

orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
PhD in History, senior research scientist,
Center for Economic History
corresponding author
kliostefan@mail.ru

Andrey V. Sushkov

orcid.org/0009-0001-4963-7227
PhD in History, senior research scientist
Center for Social History
suschkow@mail.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется процесс эвакуации предприятий автомобильной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны на примере Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина (ЗИС). Актуальность исследования обусловлена необходимостью реконструкции деятельности высших органов партийно-государственного управления в ходе эвакуации промышленности. Проанализированы архивные документы Совета по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР. Совет функционировал с июня по декабрь 1941 года на правах комиссии при советском правительстве и отвечал за эвакуацию предприятий и учреждений. Источниками исследования выступили документы Государственного комитета обороны СССР — высшего органа партийно-государственной власти в стране в период Великой Отечественной войны. В качестве материалов исследования использована переписка руководства автомобильного завода с различными учреждениями и ведомствами, отчетные документы об эвакуации предприятия. Рассмотрены существовавшие варианты эвакуации ЗИС, дискуссии между советскими ведомствами о месте размещения предприятия в тыловых районах страны. На основе статистических сводок и отчетных документов изучены интенсивность процесса эвакуации и его результаты. Сделан вывод о том, что эвакуация ЗИС способствовала сохранению промышленного потенциала страны и оказала долговременное позитивное влияние на развитие советской автомобильной индустрии.

Ключевые слова:

история автомобильной промышленности; Великая Отечественная война; эвакуация; Москва; Московский автомобильный завод имени И. В. Сталина; Завод имени Лихачёва.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the process of evacuating Soviet automotive industry enterprises during the Great Patriotic War using the example of the Moscow Automobile Plant named after I. V. Stalin. The relevance of the research is justified by the necessity to reconstruct the activities of the highest bodies of party-state management during the industrial evacuation. Archive documents of the Evacuation Council under the People's Commissariat of the USSR were analyzed. The Council operated from June to December 1941 as a commission under the Soviet government and was responsible for evacuating enterprises and institutions. The sources of the study were documents of the State Defense Committee of the USSR, the highest body of party-state power in the country during the Great Patriotic War. Correspondence between the plant management and various institutions and departments, as well as evacuation reports, were used as research materials. The existing evacuation options for of the Moscow Automobile Plant named after I. V. Stalin, discussions among Soviet agencies on the location of the plant in rear areas of the country were examined. Based on statistical summaries and reports, the intensity of the evacuation process and its outcomes were studied. It is concluded that the evacuation of the Moscow Automobile Plant named after I. V. Stalin contributed to preserving the country's industrial potential and had a long-term positive impact on the development of the Soviet automotive industry.

Key words:

history of automotive industry; Great Patriotic War; evacuation; Moscow; Moscow Automobile Plant named after I. V. Stalin; Likhachev Plant.

УДК 94(470.42)“1941/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны: от проектов к реализации

© Пьянков С. А., Сушков А. В., 2024

1. Введение = Introduction

В ряду предприятий отечественной автомобильной промышленности Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева (ЗИЛ) занимает особое место. Основанный в годы Первой мировой войны (в 1916 году) завод по праву являлся одним из символов технических достижений страны в XX столетии, олицетворением мощи советской индустрии. На протяжении своей истории автозавод неоднократно менял наименование. После коренной реконструкции в годы индустриализации предприятие стало именоваться Московским автомобильным заводом имени И. В. Сталина (ЗИС). Автомобили под маркой «ЗИС» предприятие выпускало до 1956 года, когда завод был в очередной раз переименован и стал носить имя легендарного директора автозавода — И. А. Лихачева [Белый, 2021, с. 177—181].

Истории автозавода посвящено значительное количество публикаций научного и научно-популярного характера [Прокофьева, 2009, с. 257—261; Siegelbaum, 2008, р. 10—35]. В рамках рассматриваемой проблематики обратимся к наиболее значимым из них.

Научное осмысление истории ЗИЛ началось в канун 50-летнего юбилея предприятия. В это время при заводе была сформирована комиссия по изучению истории предприятия, в ее состав вошли ветераны, инженеры, рабочие и руководители автозавода. Непосредственное участие в работе над историей завода принимали научные сотрудники Института истории Академии наук СССР. В результате работы комиссии в 1966 году вышла книга по истории автозавода [История..., 1966]. На сегодняшний день это издание содержит наиболее подробное научное описание того пути, который прошел завод с момента его создания и до 1965 года. В монографии с опорой на архивные источники излагается история автозавода в годы Великой Отечественной войны, в том числе и освещаются события эвакуации ЗИС. Процесс подготовки к эвакуации завода, дискуссии о его размещении авторы книги не рассматривали, сконцентрировав внимание на основных

результатах перемещения рабочих и оборудования в тыловые районы страны [Там же, с. 287—399].

К столетнему юбилею завода была подготовлена серия научно-популярных изданий, охватывающих различные аспекты истории предприятия вплоть до начала XXI века [Музей..., 2015; Завод..., т. 1, 2016; Завод..., т. 2, 2016; Завод..., т. 3, 2016; Дороги..., 2016; Легенды..., 2016; Размышления..., 2018; Колокола..., 2022]. На момент выхода юбилейных изданий Завод имени И. А. Лихачева существовал лишь формально, но фактически с 2013—2014 годов прекратил основную деятельность [Белый, 2019; Белый, 2021, с. 180]. Книги, приуроченные к юбилею предприятия, стали данью памяти автозаводу и его работникам, внесшим огромный вклад в промышленное развитие страны. Несмотря на огромный массив опубликованной ценной информации по истории завода, некоторая их часть лишь повторяет текст ранее опубликованных работ. Например, глава первого тома трехтомника по истории ЗИЛ, посвященная истории завода в годы Великой Отечественной войны, полностью воспроизводит текст девятой, десятой и одиннадцатой глав монографии 1966 года [Завод..., т. 1, 2016, с. 9, 234—316; История..., 1966, с. 287—399].

Краткий обзор историографии темы свидетельствует, что история Московского автомобильного завода исследована фрагментарно, многие аспекты функционирования предприятия остались недостаточно изученными. Все сказанное в полной мере относится к периоду Великой Отечественной войны и истории эвакуации автозавода [Смирнов, 1966, с. 246—260; Курлаев, 2008, с. 224—227; Пьянков, 2019, с. 227—234; Пьянков, 2022, с. 253—262].

Актуальность изучения проблемы эвакуации на примере Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина обусловлена необходимостью детальной реконструкции деятельности высших органов управления в ходе эвакуации промышленного оборудования, населения, а также исследования механизмов принятия управленческих решений и анализа их практической реализации [Потемкина, 2020, с. 757—772; Потемкина, 2023, с. 25—38; Мухин, 2022, с. 124—169; Хлевнюк, 2018, с. 58—72; Хлевнюк, 2022, с. 122—134]. Всестороннее и подробное изучение этих проблем возможно лишь с опорой на архивные источники.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на основе документов Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-6822 «Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР»), содержащих переписку, информационные сводки, проекты постановлений о подготовке и реализации процесса

эвакуации части оборудования, рабочих и инженеров ЗИС. Созданный 24 июня 1941 года Совет по эвакуации функционировал на правах постоянной комиссии при Совнаркомом СССР. В сферу компетенции Совета входило определение подлежащих эвакуации предприятий и учреждений, средств и сроков их перемещения. На Совет были возложены и функции контроля за указанными мероприятиями. Совет осуществлял руководство процессом эвакуации до 25 декабря 1941 года, когда он был расформирован, а его аппарат управления передан вновь созданному комитету разгрузки при СНК СССР [Сорокин, 2022, с. 137—141].

В статье использованы распорядительные документы Государственного комитета обороны (ГКО) СССР — высшего органа партийно-государственной власти, действовавшего в годы Великой Отечественной войны в СССР, которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 644 «Государственный комитет обороны СССР (ГКО)») [Государственный комитет ..., 2015, с. 5—7]. Постановления ГКО, использованные при подготовке статьи, содержат указания о целях и сроках эвакуации автомобильного производства в тыловые регионы страны.

Кроме того, использованы документы из фондов Российского государственного архива экономики (фонд 8573 «Главное управление автомобильной промышленности (Глававтопром) Минавтопрома СССР»), а также Центрального государственного архива г. Москвы (фонд Р-415 «ОАО “Московский завод имени И. А. Лихачева” (АМО ЗИЛ)»), содержащих заводскую и ведомственную делопроизводственную документацию об эвакуации автозавода.

Совокупность выявленных источников позволяет описать существовавшие варианты эвакуации ЗИС, восстановить хронологию принятия управленческих решений, изучить интенсивность процесса эвакуации и его результаты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проекты эвакуации и дискуссии о размещении Московского автозавода имени Сталина (июль — октябрь 1941 года)

Вопрос об эвакуации ЗИС стал рассматриваться руководством СССР летом 1941 года, когда армии вермахта стремительно продвигались вглубь страны. В этих условиях угроза все отчетливее нависала над промышленными предприятиями Москвы и Московской области. В ряду промышленных предприятий столицы тех лет первенец советской автоиндустрии — ЗИС — занимал одно из важнейших мест.

Народным комиссариатом среднего машиностроения (НКСМ) и дирекцией автогиганта предлагались различные варианты размещения

предприятия в тылу. Эвакуировать ЗИС в одно место не представлялось возможным ввиду чрезвычайно большого объема промышленного оборудования. Для его размещения требовались соответствующие помещения и энергетическая инфраструктура. Первые проекты частичной эвакуации ЗИС предполагали размещение мощностей предприятия на площадях заводов Урала и Западной Сибири [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 213, л. 76].

Так, например, проект постановления наркома среднего машиностроения С. А. Аكوпова от 16 июля 1941 года, адресованный председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н. М. Швернику, предполагал размещение производства автомашин на предприятиях Омской, Челябинской и Свердловской областей. Проект предусматривал эвакуацию заготовительных цехов на Челябинский тракторный завод, Уралвагонзавод в г. Нижний Тагил, Верхне-Салдинский завод мостовых конструкций, а механических, термических и сборочных цехов — на Омский автосборочный завод. В записке С. А. Аковоп просил пересмотреть ранее проведенное ГКО закрепление заводов Омска, Челябинска и Верхней Салды за другими наркоматами. Слова «за другими наркоматами» подразумевали такие влиятельные ведомства, как Народный комиссариат авиационной промышленности (НКАП), наркоматы боеприпасов (НКБ) и вооружений (НКВ) [Там же, л. 78].

Кроме обозначенных выше заводов, Наркомсредмаш просил для размещения ЗИСа в г. Омске завод № 6 Глававтоприцепа, завод имени Куйбышева, а также здания автодорожного, сельскохозяйственного и строительного институтов. В Челябинской области автозавод претендовал на Механический завод в г. Куса, Плужный завод имени Колющенко в г. Челябинске, завод Продмашин в г. Кургане. Деревообделочные цеха автозавода предполагали разместить на Тавдинском и Лобвинском комбинатах Народного комиссариата лесной промышленности [Там же, л. 79, 81].

В списке заводов Наркомсредмаша Москвы и Московской области от 17 июля 1941 года, подлежащих эвакуации, автозавод занимал первую строку. Предполагалось, что перевод дублирующего оборудования на Урал и в Сибирь позволит организовать производство грузовых машин в количестве 100 штук в день. Для эвакуации дублирующего оборудования Наркомсредмаш запрашивал 5800 вагонов, в том числе 12 % тяжелогрузных и 20 специальных 100-тонных платформ [Там же, л. 101—102].

Однако против проекта, предложенного Наркомсредмашем, выступил Госплан СССР. Заместитель председателя Госплана Н. А. Борисов в письме от 25 июля 1941 года подверг проект критике. Он считал, что проект постановления, предложенный Наркомсредмашем, несостоятелен. В письме он указывал на то, что все важнейшие заводы, предложенные Наркомсредмашем под размещение оборудования ЗИС, уже были заняты другими,

не менее важными оборонными предприятиями. Так, группа омских заводов — автосборочный № 6 и завод имени Куйбышева — были заняты предприятиями НКАП. Уральские заводы: Механический в г. Кусе, Продмашин в г. Кургане, завод имени Колющенко, частично Уралвагонзавод, Верхнесалдинский завод мостовых конструкций — также были зарезервированы за предприятиями НКВ, НКБ и НКАП [Там же, л. 76]. Вместе с тем Госплан предлагал «ввиду создавшейся обстановки» немедленно эвакуировать дублирующее оборудование (около 270 единиц) для сохранения на Челябинский тракторный и Уральский вагоностроительный заводы. Для решения вопроса об эвакуации ЗИС в «район Урал — Западная Сибирь» Госплан предлагал совместно с Советом по эвакуации, НКСМ, НКВ, НКБ, НКАП согласовать в течение 3-х дней перечень предприятий для размещения автозавода [Там же]. Однако быстро решить этот вопрос, как предлагал Госплан, не удалось.

Важно отметить, что дирекция ЗИС поднимала вопрос не только об эвакуации промышленного оборудования. Отдельное внимание директор И. А. Лихачев уделял вопросу эвакуации рабочих и служащих автозавода, а также членов их семей. Об этом свидетельствует его переписка с Советом по эвакуации. Так, в письме Лихачева от 8 июля 1941 года Н. М. Швернику сообщалось, что «на Автозаводе имени Сталина до сих пор не вывезено около 7000 детей рабочих и служащих». В письме Иван Алексеевич просил о выделении мест для детей работников завода в доме отдыха «Лесной курорт» возле станции Ветлуга в Горьковской области, а также испрашивал дополнительные места для размещения 1500 детей в возрасте от 3 до 15 лет в одном из «удаленных районов» страны [Там же, д. 424, л. 1].

Непосредственно вопросы об эвакуации Москвы и Московской области стали рассматриваться Советом по эвакуации 31 июля — 1 августа 1941 года. Правительством прорабатывались различные аспекты эвакуации населения столицы, промышленных предприятий, материальных и культурных ценностей. Всего в протоколе Совета по эвакуации рассматривались 26 вопросов. Среди них проблема эвакуации ЗИС занимала 5-ю позицию, что не удивительно, учитывая значение автозавода для экономики и обороны страны [Советское ..., 2020, с. 664—666]. Однако это не помогло окончательно решить вопрос с эвакуацией завода.

В адрес высшего руководства страны НКСМ и ЗИС неоднократно направляли обращения с просьбами ускорить процесс эвакуации. В высшие инстанции писал не только директор автозавода, но и представители трудового коллектива.

Так, например, 15 августа 1941 года на имя Председателя Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталина было направлено кол-

лективное письмо инженеров Московского автозавода: Дундукова, Лалыкина, Липкина. В нем инженеры сообщали: «Несмотря на полуторамесячный срок и неоднократные обращения в вышестоящие организации директора завода товарища Лихачева, этот важнейший вопрос до сих пор своего решения не получил.

Ясно представляя себе значение ЗИС для снабжения автомашинами нашей Армии и полную зависимость Ярославского автозавода, мы считаем своим долгом обратиться к Вам» [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 213, л. 82].

Решение об эвакуации автозавода и других машиностроительных предприятий Москвы и Московской области откладывалось, так как на производственные площади заводов на Урале и в Сибири претендовали Народные комиссариаты вооружений, боеприпасов и авиационной промышленности. Перемещение предприятий этих критически важных отраслей оборонной промышленности планировали провести в первую очередь. 16 августа 1941 года заместитель председателя Госплана А. Н. Лаврищев просил Совет по эвакуации об отсрочке планов эвакуации предприятий московского промышленного района. Свою просьбу он мотивировал следующим образом: «Госплан при СНК СССР просит отложить представление плана эвакуации машиностроительных заводов из г. Москвы и Московской области до 20 августа [сего] года в связи с тем, что в настоящее время разрабатываются мероприятия по эвакуации предприятий НКАП, НКВ и НКБ, перемещение которых должно быть произведено в первую очередь» [Там же, л. 99].

Эвакуировать все предприятия Москвы одновременно было невозможно, ведь транспортная система страны просто не могла справиться с таким потоком грузов. Приходилось расставлять приоритеты.

В это время руководство ЗИС продолжало подыскивать подходящие промышленные площади для эвакуации. В качестве одного из возможных вариантов размещения рассматривались склады Главного таможенного управления Наркомвнешторга СССР в г. Ульяновске. Для определения возможностей по эвакуации оборудования и кадров автомобильного производства в г. Ульяновск в конце августа 1941 года И. А. Лихачевым были направлены заместитель главного инженера ЗИС Е. А. Дундуков и инженер Выдревич.

Уже 11 сентября 1941 года директор ЗИС И. А. Лихачев просил разрешения у председателя Совета по эвакуации при СНК СССР Н. М. Шверника о размещении дублера Автозавода имени Сталина на площадях ульяновских складов ГТУ Наркомвнешторга [Там же, л. 97].

По мнению И. А. Лихачева, склады могли быть использованы для размещения механосборочных, арматурного и инструментального цехов при

условии их переоборудования и перепланировки [Там же, л. 97—97 об.]. Тяжелое же оборудование прессового, кузнечного и литейного производства руководство ЗИС намеревалось разместить на площадях Челябинского тракторного и Уральского вагоностроительного заводов [Там же, л. 97 об.].

Справедливости ради нужно отметить, что Народный комиссариат внешней торговли также не спешил расставаться с собственными складами. Против передачи складских помещений в Ульяновске возражал заместитель Наркомвнешторга А. Д. Крутиков. Однако в этот раз на стороне Наркомата среднего машиностроения выступил Госплан СССР. В письме от 1 октября 1941 года на имя В. М. Молотова Госплан в лице А. Н. Лаврищева поддержал передачу складов Наркомвнешторга ЗИСУ [Там же, л. 72—73].

Размещение части производственных мощностей в Ульяновске поддерживало и руководство Куйбышевской области. В телеграмме секретаря обкома М. Я. Канунникова от 18 сентября 1941 года на имя заместителя председателя ГКО В. М. Молотова сообщалось: «Обком партии считает целесообразным складские помещения базы Внешторга целиком передать для размещения завода “ЗИС”» [Там же, л. 85].

Если для размещения автосборочного производства ЗИС нашел подходящее место и заручился поддержкой влиятельного союзника в лице Госплана СССР, то проблему размещения кузнечнопрессового оборудования и литейного производства еще предстояло решить.

Прорабатывая схему эвакуации ЗИС в «район Урал — Западная Сибирь», НКСМ, одновременно с размещением производства в Ульяновске, предлагал строительство автомобильного завода производительностью 100 грузовых трехтонных автомобилей в день в Новосибирске [Там же, л. 87—88]. В проекте постановления ГКО об эвакуации завода ЗИС, предложенном наркомом С. А. Акоповым 20—21 сентября 1941 года, предлагалось начать строительство Новосибирского автозавода с металлургических цехов (чугунно-литейных, сталелитейного и кузнечного). Мощность производства должна была рассчитываться на 200—250 машин в день. Это делалось с учетом обеспечения поковками и литьем автозавода в Ульяновске. Проект постановления предполагал начало строительства в январе 1942 года, с пуском первой очереди предприятия к концу 1942 года оборудование для соответствующих цехов предполагалось эвакуировать с автозавода имени Сталина в Москве. Для размещения же рабочих, инженерно-технических работников (ИТР) и членов семей предлагалось немедленно начать строительство деревянных жилых домов и барачков [Там же, л. 87—91].

Стоит отметить, что в новом проекте постановления ГКО о частичной эвакуации ЗИС, предложенном Наркомсредмашем 20—21 сентября 1941 года, уже не упоминаются предприятия г. Омска. В тексте проек-

та отсутствуют и «претензии» на площади Челябинского тракторного и Уральского вагоностроительного заводов, которые ранее рассматривались НКСМ как площадки для «сохранения оборудования» [Там же, л. 89—91]. Однако и этот проект также не завершил череду межведомственных согласований.

Приемлемое решение об эвакуации автогиганта удалось найти к концу первой декады октября 1941 года. 10 октября 1941 года председатель Совета по эвакуации Н. М. Шверник внес проект Наркомсредмаша о частичной эвакуации ЗИС на площади ГТУ Наркомвнешторга в г. Ульяновске Куйбышевской области на рассмотрение Государственного комитета обороны; этот вариант был одобрен И. В. Сталиным [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 22, л. 58].

3.2. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина (октябрь 1941 — январь 1942 годов)

11 октября 1941 года вышло постановление ГКО № 761сс «О частичной эвакуации Московского автомобильного завода им. Сталина». Принятое ГКО решение подвело черту под сложными межведомственными согласованиями, его текст гласил: «Принять предложение Наркомсредмаша об эвакуации оборудования по производству легковых машин ЗИС-101, неиспользуемого оборудования и металлоконструкций с Московского автомобильного завода им[ени] Сталина в г. Ульяновск на складские помещения Главного таможенного управления Наркомвнешторга для производства узлов шасси (задний мост, передняя ось и руль) автомобиля ЗИС-5 на программу 80 единиц в день» [Там же, оп. 1, д. 12, л. 75].

Для перевозки в Ульяновск оборудования, заводских рабочих и членов их семей постановление обязывало НКПС выделить 3500 вагонов. Наркомречфлот в течение октября 1941 года был обязан выделить для транспортировки эвакуируемых грузов 10 барж.

Наркомсредмаш и Наркомстрой были обязаны немедленно приступить к строительству металлургических цехов ЗИС (кузнечный цех, литейный цех серого и ковкого чугуна, рессорный цех) в районе г. Миасса Челябинской области (бывшая площадка Шарикоподшипника)» [Там же].

Вечером 15 октября 1941 года в цехах Московского автозавода прошли собрания, работники предприятия получили разъяснения о необходимости эвакуации. В ночь с 15 октября на 16 октября 1941 года начались демонтаж, упаковка и погрузка оборудования [История..., 1966, с. 300].

Динамику процесса эвакуации можно реконструировать по информационным сводкам Наркомсредмаша в Совет по эвакуации (табл. 1). Среднесуточный план погрузки вагонов предусматривал увеличение со 150 вагонов в сутки 17 октября до 300 вагонов 26 октября 1941 года. Высокие планы отгрузки оборудования сохранялись с 26 октября по 5 ноября

1941 года. С 6 по 14 ноября 1941 года планы отгрузки последовательно снизились до 170 вагонов в сутки.

Таблица 1

Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина
с 17 октября по 14 ноября 1941 года (вагонов)*

Дата	Среднесуточный план погрузки вагонов	Наличие вагонов под погрузку	Погружено вагонов	Всего отгружено вагонов с начала эвакуации
17 октября	150	нет свед.	150	нет свед.
18 октября	150	60	нет свед.	нет свед.
19 октября	150	63	нет свед.	115
20 октября	240	69	78	нет свед.
21 октября	240	251	51	334
22 октября	240	475	146	нет свед.
23 октября	280	536	200	814
24 октября	280	499	137	1060
25 октября	280	673	273	1343
26 октября	300	557	206	1549
27 октября	300	434	248	нет свед.
28 октября	300	401	155	нет свед.
29 октября	300	334	132	нет свед.
30 октября	300	456	172	нет свед.
31 октября	300	394	152	нет свед.
1 ноября	300	327	156	нет свед.
2 ноября	300	379	156	нет свед.
3 ноября	300	417	108	нет свед.
4 ноября	300	528	240	нет свед.
5 ноября	300	291	113	нет свед.
6 ноября	180	319	154	нет свед.
7 ноября	180	166	138	нет свед.
8 ноября	180	215	153	3128
9 ноября	180	–	130	3258
10 ноября	180	91	54	3312
12 ноября	170	76	96	3504
13 ноября	170	51	52	3556
14 ноября	170	162	84	3640

* Составлено по: [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 457, л. 2, 10, 19, 27, 38, 60, 70, 81, 91, 109, 115, 126, 126, 137, 145; д. 461, л. 15, 27, 33, 37, 76, 90, 104, 111, 173, 183, 192, 203, 219, 224].

В реальности темпы отгрузки вагонов были неравномерны и не соответствовали плану, что было обусловлено сложностью погрузки тяжелого оборудования, а также высокой нагрузкой на Московский железнодорожный узел. Высокие темпы отгрузки оборудования зафиксированы с 22 октября по 9 ноября 1941 года, когда они достигали максимума в 248 вагонов в сутки. Всего, по данным Наркомсредмаша, с начала эвакуации до 14 ноября 1941 года с Московского автозавода имени Сталина удалось эвакуировать 3640 вагонов.

Спустя месяц после начала эвакуации Московского автозавода имени Сталина заместитель наркома среднего машиностроения Ю. С. Коган докладывал заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину о ходе эвакуации московских заводов [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 407, л. 147]. Среди машиностроительных заводов Москвы ЗИС был самым крупным предприятием.

Эвакуации с Московского автомобильного завода имени Сталина подлежало 7687 единиц различного оборудования. По данным сводки Наркомсредмаша, на 15 ноября 1941 года было эвакуировано 7460 единиц. Еще 227 подлежали эвакуации. По расчетам НКСМ, для завершения эвакуации промышленного и энергетического оборудования автозавода требовалось 774 вагона [Там же, л. 149].

Вместе с оборудованием из Москвы было эвакуировано 2504 работника ЗИС. Из них: 1644 рабочих, 714 инженерно-технических работников, 146 служащих. Вместе с ними в тыловые регионы страны отправились 3844 члена семей работников автозавода. Итого к 15 ноября 1941 года ЗИС эвакуировал 6348 человек [Там же, л. 150]. Всего же, согласно планам, эвакуации подлежало 15 000 работников ЗИС и 30 000 членов их семей [Там же, л. 151].

30 ноября 1941 года заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР А. Н. Косыгин докладывал о результатах эвакуации промышленных предприятий Москвы и Московской области высшему руководству страны: И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. И. Микояну, Г. М. Маленкову, Н. А. Вознесенскому. Собранные Советом сведения подводили промежуточный итог эвакуации столичного промышленного района по состоянию на 25 ноября 1941 года.

Масштабы эвакуации носили беспрецедентный характер. В соответствии с постановлениями Государственного комитета обороны, Совнаркома СССР и Совета по эвакуации всего по Москве и Московской области эвакуировалось 498 предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, не считая предприятий республиканских, промкооперации, высших учебных заведений, научно-исследовательских и проектных институтов, библиотек, музеев, театров и прочих учреждений [Там же, д. 408, л. 24].

По сведениям Совета по эвакуации, железная дорога систематически не выполняла план подачи вагонов под погрузку оборудования, материалов и рабочих, что замедляло процесс эвакуации предприятий. В частности, отмечалось: «Подача вагонов зачастую происходила не по степени важности предприятия и необходимости его вывоза, а исходя из “ловкости” работающих по эвакуации людей и наличия порожняка на данной дороге» [Там же, л. 10].

Одновременная, массовая эвакуация заводов создала затор из вагонов на железнодорожных путях вблизи Москвы. Так, например, сообщалось: «Крайне плохо обстоит дело с продвижением маршрутов к месту нового назначения. Маршруты, вытолкнутые из Москвы километрах в 50—100, а то и просто на Окружной железной дороге в Москве, стоят по 10—16 суток на одном месте. Так было с эшелонами автозавода имени Сталина, ГПЗ-1 (Государственный подшипниковый завод № 1) и другими предприятиями, что создавало крайне нехорошие настроения среди рабочих» [Там же].

30 ноября 1941 года вышло постановление ГКО № 984сс «О размещении Московского автомобильного завода имени Сталина». Постановление обязало Наркомсредмаш в лице С. А. Акопова и директора автозавода имени Сталина И. А. Лихачева организовать производство грузовых автомобилей ЗИС-5, ЗИС-6 и танков Т-60 на заводах в г. Миассе Челябинской области — на площадях строящегося завода № 316 Наркомата боеприпасов, в г. Челябинске — на площадях предприятия «Стройсемь» Наркомтанкопрома и Титанстрой Наркомхимпрома, в г. Ульяновске — на площадях складов ГТУ Наркомвнешторга, в г. Шадринске Челябинской области — на площадях фабрики «Красный Октябрь» Наркомтекстиля РСФСР, гарнизонного клуба и складов Уральского военного округа, помещений Заготзерно и Госсемфонда [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 15, л. 179].

Постановление ГКО предписывало создать в глубоком тылу 4 предприятия: Миасский завод автомобильных моторов имени Сталина, Ульяновский автомобильный завод имени Сталина, Челябинский кузнечно-прессовый завод имени Сталина, Шадринский завод автомобильных агрегатов имени Сталина. Каждое предприятие имело свою специализацию. На Миасском заводе должны были создать цех моторов, коробок скоростей, инструментальный, а также цехи литейного, ковкого и серого чугуна. На заводе в Ульяновске предполагали организовать цех шасси грузовых машин ЗИС-5 и ЗИС-6, цех танков Т-60, инструментальный и цех нормалей. Завод в Челябинске должен был состоять из кузнечного, прессово-рамного и штампово-механического цехов. Шадринский завод должен был иметь цехи арматурно-карбюраторный, кузовной, деревообделочный, снарядный [Там же].

Согласно сводке Наркомсредмаша в Совет по эвакуации от 5 декабря 1941 года, оборудование Московского автозавода имени Сталина продвигалось в 5 пунктов: Ульяновск, Шадринск, Троицк, Челябинск и Молотов. Всего из Москвы, по сведениям НКСМ, было отгружено 5747 вагонов. В тыл отправили 8517 единиц промышленного оборудования, оставалось отгрузить 109 единиц энергетического оборудования. Для этого требовалось еще 573 вагона. На момент составления сводки в Ульяновск прибыло 400 вагонов. Планировалось, что первой продукцией предприятия в Ульяновске станут снаряды, производство которых предполагалось начать с 15 декабря 1941 года. Следует отметить, что размещению и монтажу оборудования в Ульяновске мешало то, что Наркомвнешторг не смог полностью освободить предназначенные для завода помещения [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 448, л. 1—2].

К 5 декабря 1941 года в Шадринск прибыло 190 вагонов. Здесь с 15 декабря 1941 года предполагали освоить производство взрывателей. В сводке сообщалось, что в г. Троицк Челябинской области прибыло 290 вагонов с оборудованием. Из них 80 вагонов кузнечнопрессового оборудования были переадресованы в Челябинск и разгружены там 30 ноября 1941 года. Еще 60 вагонов из Троицка были отгружены в Миасс. В город Молотов на завод № 172 с Московского автозавода поступило 100 вагонов. Сюда направили оборудование для производства узлов 25-миллиметровой зенитной автоматической пушки 72-К [Там же, л. 2].

В начале декабря 1941 года темпы отгрузки оборудования с ЗИС снизились, о чем свидетельствует письмо исполняющего обязанности директора завода В. Н. Тахтарова к наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу. В письме Тахтаров сообщал, что с 6 по 10 декабря 1941 года автозаводом было получено лишь 76 вагонов. По мнению заводского руководства, задержка в подаче вагонов срывала «развертывание строительства и монтажа заводов ЗИСа» в тылу [ЦГАМ, ф. Р-415, оп. 2, д. 495, л. 20].

Коллектив автозавода переходил к завершающей стадии эвакуации и был намерен отгрузить энергетическое оборудование, мостовые и железнодорожные краны, фермы металлических конструкций, котлы заводской ТЭЦ, а также готовую продукцию, полуфабрикаты и качественный металл. Всего для этих целей завод запрашивал у НКПС 1763 вагона. Отправка перечисленного в письме оборудования должна была завершить процесс эвакуации. Последними должны были отгрузить подъемно-транспортное оборудование. Вместе с мостовыми и железнодорожными кранами Москву должны были покинуть монтажники и такелажники, необходимые на площадках, вновь созданных в тылу заводов [Там же].

После того как советские войска остановили немецко-фашистских захватчиков на подступах к столице, процесс эвакуации был замедлен и стал

носить более избирательный характер. В частности, была ограничена эвакуация промышленного оборудования. 11 декабря 1941 года вышло распоряжение Совета по эвакуации № 15153-СЭ, запрещавшее всем наркоматам и ведомствам без специального разрешения эвакуировать с предприятий Москвы и Московской области металлорежущие станки, кузнечнопрессовое, металлодавящее, прокатное и прочее оборудование [ГА РФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 448, л. 94].

Часть оборудования и материалов, эвакуированных из Москвы, была отправлена речным транспортом. В связи с поздними сроками отправки и окончанием навигации на реках суда со специальными грузами и оборудованием вынуждены были зимовать в бассейнах Московско-Окского и Верхне-Волжского пароходств. Необходимо было разгрузить баржи и организовать транспортировку оборудования по железной дороге. Однако реализовать это было крайне сложно из-за сильнейшей нагрузки на железные дороги. Так, например, уполномоченный Наркомречфлота СССР Владимиров сообщал в Совет по эвакуации: «Срок разгрузки судов 13 декабря, установленный правительством, находится под угрозой срыва» [Там же, л. 54].

Эвакуированное на баржах заводское имущество вынужденно зазимовало в пути, реки сковало льдом. Из-за отсутствия подъемно-транспортного оборудования и свободного подвижного состава его не могли своевременно перегрузить и отправить к месту назначения. Так, например, 14 декабря 1941 года заместитель Наркомсредмаша Ю. С. Коган сообщал А. Н. Косыгину о том, что ЗИС не может выгрузить оборудование с двух барж из-за отсутствия трактора, необходимого для транспортировки грузов на станцию, а также вагонов. Для доставки трактора к месту разгрузки требовалось время. В письме А. Н. Косыгину заместитель наркома просил, чтобы НКПС подал вагоны для погрузки оборудования на станцию Голутвино (г. Коломна) [Там же].

Потребность Московского автозавода в подвижном составе сохранялась и в дальнейшем. Руководство завода пыталось вывезти все, что могло представлять ценность. 24 декабря 1941 года И. А. Лихачев обращался к А. Н. Косыгину с просьбой дать указание НКПС о предоставлении вагонов для отправки комплектного оборудования и металла. Свою просьбу Лихачев мотивировал необходимостью пуска заводов в Ульяновске, Миассе и Челябинске. В своем письме он отмечал, что НКПС отказывает в предоставлении вагонов, ссылаясь на действовавший запрет со стороны Совета по эвакуации. Всего И. А. Лихачев запрашивал 1592 вагона [Там же, д. 446, л. 29].

Героическая оборона столицы и первая крупная победа Красной армии над войсками вермахта под Москвой позволили пересмотреть планы по эвакуации промышленных предприятий [Исаев, 2020]. Это относи-

лось и к Московскому автозаводу. 5 января 1942 года В. А. Малышевым, С. А. Акоповым, И. А. Лихачевым была подготовлена докладная записка на имя И. В. Сталина «О возвращении части автозавода имени Сталина в г. Москву». В докладной записке сообщалось о «возможности деления оборудования», восстановлении производства грузовых машин в Москве и параллельном создании автомобильного производства на Урале. Для этого, по мнению составителей записки, требовалось из 8670 агрегатов производственного оборудования, отправленного в эвакуацию, вернуть 3250 единиц [РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 32, л. 71—72].

Предложение о воссоздании производства автомобильной техники в Москве было поддержано И. В. Сталиным [Там же, л. 71]. 6 января 1942 года вышло постановление ГКО № 1113с «О восстановлении производства грузовых машин на автозаводе им. Сталина». Оно предусматривало ряд мероприятий по обеспечению строительства новых заводов, восстановлению производства в Москве, выделению материальных ресурсов и кадров для организации производства [Там же, оп. 1, д. 18, л. 179—196].

Для создания самостоятельных производств требовалось перераспределить имеющееся оборудование между заводами. Поэтому часть эвакуированного оборудования возвращалась в столицу, а часть заводского имущества отправляли на новые заводы в Поволжье и на Урал. В частности, в постановлении указывалось, что отправленные с 16 октября по 1 декабря 1941 года эшелоны с оборудованием необходимо срочно доставить в Челябинск, Шадринск, Миасс и Ульяновск. До 20 января 1942 года автозаводам имени Сталина в Челябинске, Шадринске, Миассе и Ульяновске для отгрузки оборудования из Москвы выделялось 1000 вагонов. Для перевозки оборудования в Москву из Ульяновска и уральских заводов НКПС был обязан до 25 января 1942 года предоставить 2500 вагонов [Там же, л. 181].

Таким образом, вышедшее в начале января 1942 года постановление ГКО о восстановлении автозавода повернуло процесс эвакуации вспять. С этого момента начался процесс реэвакуации заводского оборудования и инструментария.

Всего, по оценке И. А. Лихачева, с Московского ЗИСа было погружено и отправлено 7708 вагонов и железнодорожных платформ. В период эвакуации демонтировано и погружено 12 800 единиц оборудования. Обрато на Московский автозавод поступило 1657 вагонов с 4500 единицами оборудования. Часть из поступивших на завод вагонов была возвращена, не дойдя до мест первоначального назначения. Вместе с автозаводом в глубокий тыл выехали 6907 работников предприятия, а всего, с членами их семей, в Поволжье и на Урал эвакуировали 14 166 человек [История..., 1966, с. 304; РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 2, л. 2 об., 5].

4. Заключение = Conclusions

Эвакуация Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина является одним из ярких примеров беспрецедентного характера перемещения населения, промышленного оборудования и материальных ценностей в тыловые районы страны в годы Великой Отечественной войны.

Как свидетельствуют документы, эвакуация ЗИС не имела заранее подготовленного решения. Разместить столь крупное предприятие машиностроения в одном месте не представлялось возможным. Для этого в тылу не имелось подходящих промышленных площадей, обеспеченных энергетической инфраструктурой. Кроме того, в условиях войны и массовой эвакуации автозавод вступил в вынужденную конкуренцию за производственные площади с предприятиями авиационной промышленности, вооружений и боеприпасов, которые имели приоритетное значение для нужд обороны страны.

Огромный масштаб автозавода, тяжелейшие условия военного времени потребовали значительных усилий со стороны руководства предприятия и Народного комиссариата среднего машиностроения, чтобы разработать приемлемые варианты размещения автогиганта. В результате принятых советским правительством решений об эвакуации Московского автозавода на Урале и в Поволжье были созданы четыре предприятия автомобильной промышленности. Организованные в глубоком тылу заводы позволили наладить производство грузовых автомобилей, необходимых для снабжения Красной армии.

С точки зрения сегодняшнего дня, позиции постзнания, решение об эвакуации Московского автозавода может показаться не вполне выгодным и прагматичным. Однако при внимательном рассмотрении проблемы эта точка зрения не выдерживает критики. В случае отказа от эвакуации, военной катастрофы и потери Москвы страна могла лишиться огромного промышленного потенциала, а если учитывать возможность утраты высококвалифицированных работников промышленности, то эта потеря стала бы критической и невосполнимой. Учитывая долговременные результаты эвакуации гиганта отечественной автомобильной индустрии, можно с уверенностью сказать, что она заложила основу для дальнейшего развития автомобилестроения в стране на многие десятилетия вперед [Прокофьева, 2011]. Несмотря на все тяготы, связанные с эвакуацией, данный шаг имел позитивное значение для развития автомобильной отрасли. Перемещение высокотехнологичного производства в тыловые районы СССР привело к сдвигу производительных сил на Восток, качественному и более рациональному промышленному освоению территории страны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГА РФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-6822 (Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР). Оп. 1. Д. 213, 407, 408, 424, 446, 448, 457, 461.
2. *Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941—1945 гг.* Аннотированный каталог. В 2 т. — Москва : Политическая энциклопедия, 2015. — Т. 1. — 1222 с. — ISBN 978-5-8243-1970-5.
3. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 644 (Государственный комитет обороны СССР (ГКО)). Оп. 1. Д. 12, 15, 18 ; Оп. 2. Д. 22, 32.
4. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 8573 (Главное управление автомобильной промышленности (Глававтопром) Минавтопрома СССР). Оп. 3. Д. 2.
5. *Смирнов П. И. Московский автозавод едет на Восток / П. И. Смирнов // Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941—1942 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1966. — С. 246—260.*
6. *Советское военно-политическое руководство в годы Великой Отечественной войны. Государственный Комитет Обороны СССР. Политбюро ЦК ВКП(б). Совет народных комиссаров СССР : сборник документов / сост. Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. — Москва : Кучково поле Музеон, 2020. — 752 с. — ISBN 978-5-907174-28-3.*
7. ЦГАМ — *Центральный государственный архив города Москвы*. Ф. Р-415 (ОАО «Московский завод имени И. А. Лихачева» (АМО ЗИЛ)). Оп. 2. Д. 495.

Литература

1. *Белый К. В. Завод исчез, а история его осталась / К. В. Белый, Г. Р. Наумова // Клио. — 2021. — № 2 (170). — С. 177—181. — DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00.*
2. *Белый К. В. Сохраним архив Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева / К. В. Белый // Отечественные архивы. — 2019. — № 5. — С. 133—137.*
3. *Дороги, которые мы выбирали / сост. В. Г. Мазепа ; под ред. В. Г. Мазепы, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-2760-2391-5.*
4. *Завод и люди. 1916—2016 : в 3 т. Зарождение автомобилестроения / авт. сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков ; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — Т. 1. — 548 с. — ISBN 978-5-2760-2389-2.*
5. *Завод и люди. 1916—2016 : в 3 т. Флагман отрасли / сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков ; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — Т. 2. — 412 с. — ISBN 978-5-2760-2390-8.*
6. *Завод и люди. 1916—2016 : в 3 т. Сдача позиций / сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков ; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — Т. 3. — 556 с. — ISBN 978-5-2760-2409-7.*

7. *Исаев А. В.* Чудо под Москвой / А. В. Исаев. — Москва : Яуза-Каталог, 2020. — 448 с. — ISBN 978-5-00155-192-8.
8. *История* Московского автозавода имени И. А. Лихачева / А. П. Салов, Т. М. Сидоренко, П. И. Смирнов и др. — Москва : Мысль, 1966. — 647 с.
9. *Колокола* сии сооружали мастера ЗИЛа и иные трудники / сост. В. Г. Мазепа ; под ред. В. Д. Кальнера, М. А. Машина, А. И. Новикова, Б. Н. Ньюнина. — Москва : Московский политех, 2022. — 672 с. — ISBN 978-5-2760-2737-1.
10. *Курлаев А. Е.* Эвакуация МАЗИС и создание автомобильной промышленности на Урале / А. Е. Курлаев // Россия между прошлым и будущим : исторический опыт национального развития. — Екатеринбург : УрО РАН, 2008. — С. 224—227. — ISBN 5-7691-1916-0.
11. *Легенды* и были Тюфелевой рощи / сост. В. Г. Мазепа ; под ред. В. Г. Мазепы, О. О. Петровой, А. В. Курковой. — Москва : Московский политех, 2016. — 554 с. — ISBN 978-5-2760-2392-2.
12. *Музей* истории Акционерного Московского Общества «Автомобильный завод имени И. А. Лихачева», 1916—2016. / сост. В. Г. Мазепа. — Москва : МГИУ, 2015. — 296 с. — ISBN 978-5-2760-2387-8.
13. *Мухин М. Ю.* Экономическое обеспечение перелома в Великой Отечественной войне / М. Ю. Мухин // Исторические записки. — 2022. — № 21 (139). — С. 124—169.
14. *Потемкина М. Н.* Советский опыт управления эвакуогрузами в 1941—1942 гг. : от сверженной централизации к местной инициативе / М. Н. Потемкина // Новейшая история России. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 25—38. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.102.
15. *Потемкина М. Н.* Современная отечественная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой отечественной войны / М. Н. Потемкина, А. Ю. Климанов // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 3. — С. 757—772. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.312.
16. *Прокофьева Е. Ю.* Историографический обзор отечественной автомобильной промышленности / Е. Ю. Прокофьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 2. — С. 257—261.
17. *Прокофьева Е. Ю.* Направления отраслевого развития автоиндустрии СССР во второй половине 40-х — конце 60-х гг. XX в. / Е. Ю. Прокофьева // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. — 2011. — № 23. — С. 564—567.
18. *Пьянков С. А.* Эвакуация Московского автозавода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны в город Шадринск : воспоминания Л. Я. Пучкова / С. А. Пьянков // Современная научная мысль. — 2022. — № 5. — С. 253—262. — DOI: 10.24412/2308-264X-2022-5-253-262.
19. *Пьянков С. А.* Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина на Урал в воспоминаниях А. П. Чураева / С. А. Пьянков // Архив в социуме — социум в архиве. — Челябинск : ОГАЧО, 2019. — С. 227—234. — ISBN 978-5-6040284-5-2.
20. *Размышления* у закрытой проходной / сост. В. Г. Мазепа ; под ред. В. Г. Мазепы, А. В. Курковой. — Москва : Московский политех, 2018. — 364 с. — ISBN 978-5-2760-2480-6.
21. *Сорокин А. К.* В штабах Победы : Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / А. К. Сорокин. — Москва : Политическая энциклопедия, 2022. — 239 с. — ISBN 978-5-8243-2499-0.
22. *Хлевнюк О. В.* Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны / О. В. Хлевнюк // Российская история. — 2018. — № 4. — С. 58—72. — DOI: 10.31857/S086956870000132-6.

23. Хлевнюк О. В. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Исследования о характере и эволюции мобилизационной системы / О. В. Хлевнюк // Российская история. — 2022. — № 3. — С. 122—134. — DOI: 10.31857/S0869568722030098.

24. Siegelbaum L. Cars for comrades : The life of the Soviet automobile / L. Siegelbaum. — Ithaca : Cornell University Press, 2008. — XIV, 309 p. — ISBN 978-0-8014-4638-2.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024,
одобрена после рецензирования 26.06.2024,
подготовлена к публикации 07.07.2024.

Material resources

RGAE — *Russian State Archive of Economics*. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History*. (In Russ.).

Smirnov, P. I. (1966). *The Moscow Automobile plant goes East*. In: *Echelons go east. From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941—1942*. Moscow: Nauka. 246—260. (In Russ.).

The GA of the Russian Federation — *The State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.). *The Soviet military and political leadership during the Great Patriotic War. The State Defense Committee of the USSR. Politburo of the Central Committee of the CPSU(b). Council of People's Commissars of the USSR: collection of documents*. (2020). Moscow: Kuchkovo Field Museum. 752 p. ISBN 978-5-907174-28-3. (In Russ.).

The State Defense Committee of the USSR. Regulations and activities. 1941—1945. An annotated catalog. In 2 volumes, 1. (2015). Moscow: Political Encyclopedia. 1222 p. ISBN 978-5-8243-1970-5. (In Russ.).

TSGAM — *Central State Archive of the city of Moscow*. (In Russ.).

References

Bely, K. V. (2019). Let's keep the archive of the Moscow Automobile Plant named after I. A. Likhachev. *Domestic archives*, 5: 133—137. (In Russ.).

Bely, K. V., Naumova, G. R. (2021). The plant disappeared, but its history remained. *Klio*, 2 (170): 177—181. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00. (In Russ.).

History of the I. A. Likhachev Moscow Automobile Plant. (1966). Moscow: Mysl. 647 p. (In Russ.).

Isaev, A. V. (2020). *Miracle near Moscow*. Moscow: Yauza-Catalog. 448 p. ISBN 978-5-00155-192-8. (In Russ.).

Khlevnyuk, O. V. (2018). Soviet People's commissariats and decentralization of economic management during the Great Patriotic War. *Russian History*, 4: 58—72. DOI: 10.31857/S086956870000132-6. (In Russ.).

Khlevnyuk, O. V. (2022). Soviet rear during the Great Patriotic War. Studies on the nature and evolution of the mobilization system. *Russian History*, 3: 122—134. DOI: 10.31857/S0869568722030098. (In Russ.).

Kurlaev, A. E. (2008). Evacuation of MAZIS and the creation of the automotive industry in the Urals. In: *Russia between the past and the future: historical experience of national development*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 224—227. ISBN 5-7691-1916-0. (In Russ.).

Legends and traditions of the Tufel grove. (2016). Moscow: Moscow Polytechnic University. 554 p. ISBN 978-5-2760-2392-2. (In Russ.).

- Mukhin, M. Yu. (2022). Economic support of the turning point in the Great Patriotic War. *Historical notes*, 21 (139): 124—169. (In Russ.).
- Museum of the History of the Joint-Stock Moscow Company “Automobile Plant named after I. A. Likhachev”, 1916—2016.* (2015). Moscow: MGIU. 296 p. ISBN 978-5-2760-2387-8. (In Russ.).
- Plant and people. 1916—2016: in 3 volumes. Flagship of the industry*, 2. (2016). Moscow: Moscow Polytechnic University. 412 p. ISBN 978-5-2760-2390-8. (In Russ.).
- Potemkina, M. N., Klimanov, A. Y. (2020). Modern domestic historiography and prospects for studying industrial evacuation during the Great Patriotic War. *Modern History of Russia*, 10 (3): 757—772. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2020.312. (In Russ.).
- Potemkina, M. N. (2023). The Soviet experience of managing bulk carriers in 1941—1942: from over-centralization to local initiative. *The modern history of Russia*, 13 (1): 25—38. DOI: 10.21638/spbu24.2023.102. (In Russ.).
- Prokofieva, E. Y. (2009). Historiographical review of the domestic automotive industry. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 11 (2): 257—261. (In Russ.).
- Prokofieva, E Yu. (2011). Directions of sectoral development of the USSR automotive industry in the second half of the 40s — late 60s of the XX century. *Proceedings of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 23: 564—567. (In Russ.).
- Pyankov, S. A. (2022). Evacuation of the Moscow Automobile Plant named after Stalin during the Great Patriotic War to the city of Shadrinsk: memoirs of L. Ya. Puchkov. *Modern scientific thought*, 5: 253—262. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-5-253-262. (In Russ.).
- Pyankov, S. A. (2019). Evacuation of the Moscow Automobile Plant named after Stalin to the Urals in the memoirs of A. P. Churaev. In: *Archive in society — society in the archive*. Chelyabinsk: OGACHO. 227—234. ISBN 978-5-6040284-5-2. (In Russ.).
- Reflections at the closed entrance.* (2018). Moscow: Moscow Polytechnic University. 364 p. ISBN 978-5-2760-2480-6. (In Russ.).
- Siegelbaum, L. (2008). *Cars for comrades: The life of the Soviet automobile*. Ithaca: Cornell University Press. XIV, 309 p. ISBN 978-0-8014-4638-2.
- Sorokin, A. K. (2022). *At Victory Headquarters: Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War 1941—1945*. Moscow: Political Encyclopedia. 239 p. ISBN 978-5-8243-2499-0. (In Russ.).
- The factory and the people. 1916—2016: in 3 vols., 3. Surrender of positions.* (2016). Moscow: Moscow Polytechnic University. 556 p. ISBN 978-5-2760-2409-7. (In Russ.).
- The factory and the people. 1916—2016: in 3 volumes, 1. The origin of the automotive industry.* (2016). Moscow: Moscow Polytechnic University. 548 p. ISBN 978-5-2760-2389-2. (In Russ.).
- The roads that we chose.* (2016). Moscow: Moscow Polytechnic University. 288 p. ISBN 978-5-2760-2391-5. (In Russ.).
- These bells were built by masters of ZILA and other workers.* (2022). Moscow: Moskovsky Polytech. 672 p. ISBN 978-5-2760-2737-1. (In Russ.).

*The article was submitted 02.05.2024;
approved after reviewing 26.06.2024;
accepted for publication 07.07.2024.*

Информация для цитирования:

Сафонов Д. А. Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области) / Д. А. Сафонов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С.456—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477.

Safonov, D. A. (2024). Socio-Demographic Profile of Provincial Journalists in Late 1920s to Early 1930s (Orenburg Region). *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 456-477. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области)

Сафонов Дмитрий Анатольевич
orcid.org/0000-0003-0882-4592
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
научно-исследовательская лаборатория
«Коммуникационные аспекты
исторического и социального-
экономического развития общества»
d_safonov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФ
в рамках научного проекта
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Socio-Demographic Profile of Provincial Journalists in Late 1920s to Early 1930s (Orenburg Region)

Dmitriy A. Safonov
orcid.org/0000-0003-0882-4592
Doctor of History, Professor,
senior research scientist,
research laboratory
“Communication aspects
of historical and socio-economic
development of society”
d_safonov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with financial
support from the Russian Science
Foundation as part of scientific project
№ 22-18-00132,
<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья представляет собой опыт составления социально-демографического портрета журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов одного провинциального региона. Источниковую базу составили личные дела номенклатуры 1935—1939 годов по Оренбургской области. Данные автобиографий, а также анкет послужили основой для создания базы данных, позволившей проанализировать их основные социографические характеристики. Представленные результаты сопоставительного анализа позволили сделать ряд выводов, допустимых и для иных провинциальных областей РСФСР указанного периода. Автор акцентирует внимание на том, что работа газетчиков рассматривалась прежде всего как пропагандистская, почему кадровый вопрос решался за счет направления в редакции номенклатурных работников как лиц, проверенных в идеологическом отношении. Наиболее подходящими были пропагандисты, чаще всего — секретари райкомов. По тем же причинам при необходимости редакторы перенаправлялись на иную работу, связанную с пропагандой. Доказано, что уровень образования и подготовки кадров, пришедших в районные газеты во второй половине 1930-х годов, был вполне достаточным для исполнения служебных обязанностей, а именно — для своевременного обеспечения выхода номеров районных газет с централизованно распространяемой информацией.

Ключевые слова:

периодическая печать; журналисты; Оренбургская область; пропаганда; РСФСР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an attempt to construct a socio-demographic profile of journalists from the late 1920s to early 1930s within a provincial region. The source base consists of personal files from the nomenclature of the years 1935-1939 pertaining to the Orenburg region. Data derived from autobiographies and questionnaires served as the foundation for creating a database that enabled the analysis of their primary sociographic characteristics. The results of the comparative analysis allow for several conclusions that are applicable to other provincial areas of the RSFSR during the specified period. The author emphasizes that the work of journalists was primarily viewed as propagandistic, which is why staffing issues were resolved by assigning nomenclature personnel to editorial offices, as these individuals were ideologically vetted. The most suitable candidates were propagandists, often serving as secretaries of district committees. For similar reasons, editors were redirected to other tasks related to propaganda when necessary. It has been demonstrated that the level of education and training of personnel who joined regional newspapers in the second half of the 1930s was sufficiently adequate for fulfilling their official duties, namely, ensuring the timely publication of issues of regional newspapers containing centrally disseminated information.

Key words:

periodical press; journalists; Orenburg region; propaganda; RSFSR.

УДК 94:070.422(470.56)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-456-477

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Социально-демографический портрет провинциальных журналистов конца 1920-х — начала 1930-х годов (на материалах Оренбургской области)

© Сафонов Д. А., 2024

1. Введение = Introduction

После окончания гражданской войны в стране начала создаваться общегосударственная система идеологического воздействия и контроля, достигшая почти совершенного уровня в 1930-х годах, когда пропаганда стала единой, скоординированной и всеобщей. Работа велась параллельно по нескольким направлениям: выработки идейных общегосударственных позиций, поиска и совершенствования приемов воздействия, подготовки кадров в центре и на местах, а также осуществлялась корректировки процесса с учетом приобретаемого опыта — с идейной и организационной сторон. Важным элементом ее была пресса — центральная и местная. Традиционная информационная функция печати перестала быть основной. Ее место заняла функция мобилизационная — организация масс на участие в политических кампаниях и иных партийных начинаниях; расширительно ее можно определить как пропагандистскую. В начале 1930-х годов в каждом регионе сложилась своя система периодических изданий. Например, в Средне-Волжском крае были областные издания: руководящая партийная, крестьянская, комсомольская; журналы: партийный, профсоюзный, кооперативный, планово-экономический. Край делился на округа, и в каждом была своя окружная газета [Средне-Волжская область ..., 1928, с. 11]. Все издания транслировали общепартийные и общегосударственные установки. С 1934 года вместо краев стали создаваться области с административным делением на районы. В конце 1934 года три округа Средне-Волжского края — Оренбургский, Бузулукский и Бугурусланский — были объединены в самостоятельную Оренбургскую область, в которой наряду с областными изданиями были созданы районные газеты; по числу районов — 52. Стала очевидной потребность соответствующего кадрового обеспечения. Источником кадров было прежде всего поколение «революционного перелома», чья социализация приходилась на период революции и гражданской войны. Поколение людей объединяет прежде всего эпоха; но внутри поколения су-

существуют отдельные группы со своими особенностями формирования, действия, мышления [Безгин и др., 2022; Слезин, 2022; Вязинкин и др., 2023]. К одной из таких групп принадлежали газетные работники.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

К проблеме исследования состава и деятельности газетных работников интересующего нас периода ученые, конечно же, обращались — преимущественно филологи и журналисты. Они ставили и ставят свои исследовательские задачи, которые несколько отличны от исторических исследовательских задач — и постановкой таковых, и источниками, и методами исследования. Вероятно, самое главное отличие заключается в рассмотрении проблемы расширительно, вне исторических реалий, без должного учета специфики того или иного исторического периода. Так, например, И. А. Фатеева, рассматривая «журналистское образование в России» на протяжении всего XX века, полагает правильным исследовательским методом «выводы, сделанные на основе теоретического анализа объекта, подкрепить описанием исторического опыта» [Фатеева, 2008а, с. 10]. Характерное для отечественной исторической школы предшествующее анализу собрание максимально представительной источниковой базы заменяется на выборочное использование отдельных документов: «Есть основания предполагать, что значительную научную ценность будут иметь исторические фрагменты работы» [Фатеева, 2008а, с. 13]; «Цель данной статьи — не только “озвучить” архивные документы, но и провести их анализ» [Селифонова, 2013] и т. п. Поэтому серьезные по содержанию выводы нередко основываются на единичных фактах: «Занимаясь проблемой правового “поля” организации и деятельности советской печати, мы обнаружили в архивных документах информацию о подготовке кадров прессы в Орловской областной партийной школе газетных и пропагандистских работников в 30—40-е годы XX века» [Селифонова, 2012]. И на основе этой информации автор заключает, что становление и развитие местной периодической печати по стране приходится на 1930—1940-е годы. Журналистское образование на всем протяжении XX века было «эволюционирующим» [Фатеева, 2008а, с. 10], то есть процесс происходил как бы вне социальных перемен и реалий столетия. В работах некоторых авторов заявляется, что пресса и журналисты противостоят «партийному диктату» и партийным чиновникам [Фатеева, 2007; Тепляков, 2013; Приходько, 2014]; газеты несут высокую гуманистическую миссию: «Районная пресса была не только источником новостей и панорамой местной жизни, но и советчиком, путеводителем в сложных социальных и политических вопросах» [Бабина, 2014, с. 159—166]). Собственно журналисты не становились объ-

ектом изучения, вероятнее всего, по причине ограниченности источниковой базы¹. Сведения о них привлекались в основном с точки зрения становления в рассматриваемый период журналистского образования, связанного тогда с совпартшколами; с особым вниманием к подробностям существования партшкол для газетных работников в 30-х годах [Фатеева, 2007; Фатеева, 2008а; Барунов, 2010; Никонов и др., 2010; Кондратенко, 2010].

Предложенная в свое время методика составления социологического портрета журналиста [Свитич и др., 1979, с. 158—168] включает следующие социально-демографические признаки: пол, возраст, партийность, образование, опыт работы в журналистике и движение «по вертикали» (в современной терминологии — карьерный рост). Данная методика частично применима и для нашей проблемы, но с некоторыми коррективами: помимо социально-демографической структуры, рекомендовался анализ профессионально-творческих характеристик. Информационные возможности имеющихся в нашем распоряжении источников не позволяют изучить последнее.

Мы рассмотрели личные дела номенклатуры, находящиеся в фонде 371 (Оренбургский областной комитет КПСС) Объединенного государственного архива Оренбургской области, во временных границах 1935—1939 годов (в отдельных случаях 1940-е годы — до момента, когда работник снимался с номенклатуры и дело закрывалось). Из них были выбраны все те, где в информации о трудовой деятельности так или иначе упоминалась газетная работа. Общее количество таких дел — 81; их можно рассматривать как естественную выборку. Дела содержат личный листок по учету кадров, автобиографию, материалы спецпроверки, проводимой при рекомендации работника на руководящую должность, выписку из решения бюро обкома партии об утверждении на должность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: возраст и образование

Газетных работников можно поделить на две группы: ставших таковыми на определенном этапе трудовой деятельности на достаточно длительный период (как вариант — с последующим уходом из газетного дела), и на тех, у кого работа в газете была временным эпизодом трудовой биографии.

Также условно можно выделить четыре возраста: родившиеся в конце XIX века, в первом десятилетии XX века, втором десятилетии и 1920-х го-

1 Статья Л. Г. Свитич «Журналисты двадцатых годов (из истории социологических исследований)» [Свитич, 1973], на первый взгляд, опровергает наше суждение, но в ней повествуется прежде всего о попытках в 1920-х годах изучения журналистов как социологического объекта.

дах. Наиболее многочисленная группа — первое десятилетие (68,75 %). Ее также можно поделить на две группы, первые два возраста — группа А, третий, четвертый — Б. К группе А относятся не просто родившиеся до революции, но в той или иной степени заставшие прежний мир, с ним знакомые не только по рассказам родственников, но и на своем опыте. Группа Б — те, кто знали прошлое только понаслышке, формировались как личности в единственно мыслимой среде — советской. И все же, на наш взгляд, общность бытия в одних социальных условиях, реалиях, идеях позволяет говорить о них всех как одном поколении.

Анализировать некоторые иные анкетные данные можно, но значительной дополнительной информации это не даст: по половому признаку — все были мужчины; по партийности — все без исключения были коммунистами, поскольку с 1920-х годов это было обязательным требованием к кандидату на газетную должность. Малоинформативны данные о социальном происхождении родителей и самого работника («соцпроисхождении» и «соцположении»): и то, и другое указывались политически правильно.

Обращает на себя внимание, что абсолютное большинство газетных работников после 1934 года направлялось в Оренбуржье с территориями других округов Средне-Волжского края с формулировкой «в распоряжение Оренбургского обкома». «Своих» (местных) кадров было явно недостаточно. Направлялись работники с определенным опытом, поэтому в отношении их в отдельных случаях мы затрагиваем данные конца 1920-х годов.

Образование. Обобщая данные анкет, получаем следующую картину: без образования — 2 чел. (2,5 %), «низшее» — 9 чел., незаконченное начальное — 14, начальное — 3 чел. — всего 32 %. Незаконченное среднее — 15 чел., среднее — 26 чел. (всего 50 %), наконец, незаконченное высшее — 6 и высшее образование — 7 чел.¹

Но следует учитывать, что уровень своего образования респонденты указывали сами, поэтому встречаются уточнения: «сельское (низшее)», «ниже среднего (сельское)»; «незаконченное высшее» (Гончаров Т. К. при этом уточнял, что речь идет о вечернем рабфаке и курсах по подготовке в вуз [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2465]); аналогично П. Ф. Унгуриянов в анкете писал, что учился в агроветинституте в Чкалове, но ушел с 1 курса, а в автобиографии — что ушел с шестимесячных курсов по

1 Для сравнения: в Курской области в 1936 году из 84 редакторов и заместителей редакторов районных газет высшее образование было у четырех человек, среднее — у 10, неполное среднее — у четырех, у остальных 66 человек — начальное образование [Селифонова, 2013]. В 1936 году в Челябинской области из 63 редакторов районных газет только 1 был с высшим образованием, 23 со средним и неоконченным средним и 39 с начальным [Фатеева, 2007, с. 31] (соответственно 79 % и 62 %).

подготовке в вуз [Там же, д. 2223, л. 3, 15]; А. Е. Рыжов указывал: «ниже», но оговаривался, что не окончил второго класса — только «стал читать и писать» [Там же, д. 3555, л. 6]. Уместно указать, что в дальнейшем он был рабкором, а затем шесть лет проработал в газете. Сходным образом М. А. Сидорович в анкете указывал 9 классов, явно суммируя годы пребывания в разных учебных заведениях, из которых не закончил ни одного, что, впрочем, не мешало ему работать учителем. В его партийной характеристике указывалось четко: образование низшее [Там же, д. 918, л. 8]. Интервал между назначением редактором и направлением его на курсы подготовки / переподготовки редакторов районных газет достигал в среднем 1—2 лет. О повышении требований к редакторам заговорили позднее. Так, упомянутый П. Унгуриянов в 1940 году просил освободить его от должности, «мотивируя тем, что его образование не обеспечивает полноту работы», ссылаясь при этом на решение ЦК «О районных газетах», требовавшего, чтобы все редакторы имели образование не ниже среднего [Там же, д. 2223, л. 22—23].

Если говорить о **культурном уровне** респондентов, то некоторую информацию дают так называемые «Заключения», даваемые работником райкома при решении вопроса о назначении на номенклатурную должность (в данном случае — редакторскую). У многих информация излагалась достаточно скупо, но у некоторых присутствовал раздел «Работа над собой». Так, у И. В. Стародубцева отмечалось: «Закончил изучение учебника краткий курс истории ВКП(б) — без конспектов. Читает худож. лит. Ванду Василевскую “Земля в ярме” и другие. Читает “Спутник агитатора” и “Большевик” и регулярно газеты “Правда” и “Чкаловская коммуна» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1371, л. 22] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). У С. Ф. Савелова: «Изучение краткого курса истории ВКП(б), закончил 8 главу. Кроме этого, читал “Историю средних веков”, “Происхождение человека” Дарвина и др. В настоящее время больше интересуется вопросами текущего момента» [Там же, д. 458, л. 19]. А. Н. Таркин: «Краткий курс “Истории ВКП(б)” один раз прочитал, и около 2-х месяцев не читал вследствие болезни желудка» [Там же, д. 1763]. Горбунов А. И.: «“Краткий курс” изучает, записи делает на 2 главы. Прочитал весь учебник. Учится русскому языку» [Там же, д. 2516, л. 1].

В постановлении бюро обкома ВКП(б) «О работе районных газет Сакмарского, Ташлинского, Переволоцкого и Люксембургского районов» (19 апреля 1935) отмечалось: «Мало повышают свой уровень редакторы газет: только редактор сакмарской газеты Лакирев читает политическую и художественную литературу. Редакторы переволоцкой, ташлинской и люксембургской — Полякова, Ахматова и Шелль — за последние

3—4 месяца только просматривали газеты» [Оренбургская коммуна ..., 1935, 19 апреля].

Показательны и ответы на вопросы листка по учету кадров: Г. И. Феоктистов в графе «ученая степень (звание)» написал «газетных работников» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 2438], у другого в графе «ученая степень» указан «зоотехник» [Там же, д. 976, л. 3 об]. Двое, русские по национальности, в таблице «знание иностранных языков и языков народностей СССР» указали: «русский — хорошо»; «русский язык знаю хорошо» [Там же, д. 2302, л. 3 об.; Там же, д. 918, л. 3 об]. Заместитель редактора районной газеты В. П. Гусев написал «афто-биографию» [Там же, д. 2835]. Показателен пример уже упомянутого выше Г. И. Феоктистова с «низшим образованием», учившегося в Куйбышевской ВКСХШ на газетном отделении с октября 1931 года, отозванного со 2 курса редактором политотдельской газеты. В мае 1936 года «за допущение орфографических ошибок» газета была закрыта, Феоктистов от работы отстранен, но решением райкома он был назначен заместителем редактора районной газеты [Там же, д. 2438, л. 3 об]. Вероятно, по причине малообразованности он был вновь направлен на областные шестимесячные курсы марксизма, редакторское отделение.

3.2. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: дополнительное и профессиональное образование

Высшее образование получили (хотя корректнее будет — получали) 7 чел. (7,5 %), причем именно журналистское только четверо. Назовем заведения: Ленинградский государственный институт журналистики имени В. В. Воровского (2 чел.), Коммунистический университет им. Я. Свердлова (Москва) (студент ушел со 2 курса), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского (Москва) (в 1936 году был закрыт; студент ушел со 2 курса); условно сюда можно добавить литфак Куйбышевского педагогического института.

Примерно треть обучалась в совпартшколах, ставших постепенно необходимым условием для номенклатурного роста. Многие авторы, касавшиеся этой темы, определяли такие школы прежде всего как учебные заведения по подготовке кадров управленцев для советского государства [Барунов, 2019, с. 62] либо национальных управленцев: «Основной задачей советско-партийной школы являлась подготовка калмыцких национальных управленцев, партийной и советской номенклатуры, ведущим критерием которой выступала идеологическая направленность [Лиджеева и др., 2019, с. 45; 46]. В принципе подобное суждение вполне имеет право на существование, вот только авторы упускают важный момент: это были учебные заведения не государства, а партии. Первоначально они и назывались пар-

тийно-советскими. Их содержание работы корректировалось в связи с задачами, которые ставила партия. В 1920-е годы готовили пропагандистов и секретарей первичных ячеек; в 1930-х — кадры низовых работников для промышленности и сельского хозяйства. Позднее были коррективы в условиях военного времени и в свете задач восстановительного периода. При всех переменах сохранялись два основных момента: внимание к отбору обучаемых кадров и ориентированность на возможность осуществления пропагандистской деятельности [Сафонов, 2020, с. 44—55].

Рассмотрим варианты партийных учебных заведений, где учились респонденты: совпартшкола (СПШ) (Оренбург, Актюбинск, Рязань), Высшая комсомольская сельско-хозяйственная школа (ВКСХШ) в Оренбурге (с вечерним отделением) (позднее Чкаловская облпартшкола), пропагандистская школа (Пенза), вечерний комвуз в Ташкенте, партийная школа в Свердловске. Время обучения варьировалось от 1 ½ лет до трех. В отдельных случаях после СПШ получалось дополнительное образование: так, С. Савелов после губсовпартшколы (ГСПШ) в Рязани был направлен в ВКСХШ в Москве. А также см.: курсы комсомольских пропагандистов; подготовительные курсы института красной профессуры в Самаре; Кубышевская ГСПШ.

Восемь чел. (10 %) имели за плечами помимо школьного образования только курсы в Оренбурге: четырехмесячные курсы пропагандистов Чкаловского обкома ВКП(б), курсы партактива (3 и 6 мес.), курсы марксизма-ленинизма, курсы инструкторов райкомов, сюда же включаем Школу комсомольской молодежи и райпартшколу с отрывом от производства в 1937 году (Названия школ взяты из анкет; вполне возможно, что в отдельных случаях речь идет об одних и тех же). Можно предположить, что некоторые обучающиеся могли получать профессиональную подготовку: в Оренбурге в феврале 1936 года было открыто редакторское отделение на областных курсах марксизма на 15 человек, одновременно открыты областные 3-х месячные курсы газетных работников на 60 человек [ОГАОО, ф. 371, оп. 1, д. 423, л. 14]. Но в то же время есть информация по Бузулукской совпартшколе, что из ее выпускников 25 человек были просто рекомендованы для газетной работы, а также что в районные газеты перебрасывались работники райкомов [Там же, оп. 3, д. 214, л. 2].

И только у 5 % от общего числа специально отмечено обучение с профессиональным уклоном: 3-х мес. курсы редакторов газет в Оренбурге, Самаре; курсы редакционных работников «Правды» в Москве; шестимесячные центральные курсы повышения квалификации редакторов газет при ЦК ВКП(б); годовичные курсы газетных работников. С профессиональным образованием было плохо, поскольку такого почти не было; вряд

ли даже коммунистический университет действительно мог дать квалифицированное журналистское образование. Так было повсеместно; все авторы, повествовавшие о той или иной газетной школе или вузе, единодушны в признании отсутствия нужных преподавателей. Если прибавить обучавшегося в партийной школе в Свердловске — «специально газетному делу», — то всего получается 6 чел. (7,5 %). Все прочие были в лучшем случае пропагандистами.

Обучение профессии в считанные месяцы, наложенное на начальное или незаконченное среднее, впрочем, и на среднее образование, вызывает уместные дополнительные вопросы относительно качества этого обучения. Были случаи, когда окончившего СПШ сразу назначали редактором газеты, но были и иные, когда человека назначали редактором и лишь потом его направляли на обучение. Так, И. К. Федюнин стал редактором политотдельской газеты в 1931 году, но направлен в ВКСХШ только в 1937 году [ОГАОО, ф. 371, оп. 29, д. 993]

Без журналистского образования, но с богатым газетным опытом был Н. А. Росницкий — 1893 г.р., учившийся еще в Петербургском университете на юридическом факультете, член партии эсеров-максималистов. Он был автором ряда книг — «Лицо деревни», (М., 1926), «Три интернационала» (1923) и др. В газетах он работал с 1917 года, с 1929 года был членом редколлегии «Средне-Волжской коммуны», заведующим сектором печати Средне-Волжской области. Но из газетного дела потом ушел; в декабре 1934 года был откомандирован в Оренбургскую область «на руководящую партийную работу»; стал заведующим промышленно-транспортного отдела Оренбургского обкома [Там же, оп. 28, д. 259, л. 19].

В историографической оценке кадровой политики в газетном деле этого периода можно достаточно условно выделить две позиции. Л. Свитич полагала, что к 1926 году должности редакторов и секретарей редакций были «в основном» укомплектованы, почему дальнейшая работа была ориентирована на «улучшение» состава рядовых сотрудников [Свитич, 2024, с. 24]. Иное мнение заключалось в том, что людских резервов не хватало: «В условиях смены государственного строя России подготовка кадров для местной периодической печати стала делом невероятно трудным» [Салифонова, 2012]. На наш взгляд, необходимы некоторые уточнения: в определенной ситуации должность редактора издания могла действительно какое-то время оказаться незанятой. Но нет никаких оснований полагать это системным явлением: кадрового голода не было и не могло быть. Но не по причине огромного наплыва желающих работать, а по причине проводимой особой кадровой политики — не только в газетном деле, но и в любых иных сферах деятельности.

3.3. Социально-демографические признаки журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов: опыт работы в газете и движение «по вертикали»

Уместна постановка вопроса: как люди приходили на работу в газету? Большинство авторов его обходит, поскольку ответ кажется более чем очевидным: потому что получил газетное (журналистское) образование или же по собственному выбору и призванию. Многие авторы, затрагивавшие тему рабкоров, однозначно оценивали и оценивают таковых как основной резерв, откуда черпались газетные кадры [Гаврилюк, 2008; Смирнова, 2008; Костякова, 2012]. Возможно, что среди рядовых работников встречались бывшие рабкоры, но вот в рассматриваемых делах по Оренбургской области упоминание о факте, что имярек был рабкором, единичное [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 3555].

Важно указать, что в эти годы самостоятельное трудоустройство (увольнение, поступление на работу) в структуры, принадлежащие государству, распространено не было. Обращает на себя внимание факт, что в автобиографиях исключительно редко указывалось, что тот или иной переход был осуществлен «по собственному желанию». Поскольку автобиографии писались по определенным правилам, можно достаточно ответственно утверждать, что подобное уточнение было обязательным. Разумеется, речь идет о политически важных должностях и занятиях. Приход на таковые происходил поэтапно: вышестоящая партийная структура спускала разрядку на райком партии. Последний переадресовывал запрос в первичные партийные (реже — комсомольские) организации. В рассматриваемых нами личных делах встречаются упоминания о направлении «по инициативе ЦК в счетоводы» (А. Е. Рыжов) [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 259; оп. 28, д. 3555], «в счет 500 на работу в деревне» (С. С. Ткачев) [Там же, д. 1941]; «был выдвинут по набору учителем» (И. Г. Ильясов) [Там же, д. 4400]; есть сходные направления на работу в НКВД. На должности районного уровня назначал райком партии, также с подачи партийных и комсомольских организаций («Адамовский райком назначил меня ответственным редактором» (И. С. Голиков) [Там же, д. 2409, л. 5 об], «Комсомольская организация депо выдвинула на должность секретаря редакции в создаваемую тогда дорожно-транспортную газету» (Дворянчиков В. В.) [ОГАОО, ф. 371, оп. 26, д. 2959]). Запрос на кандидата исполнялся обязательно, был возможен отзыв из вуза или иного образовательного учреждения (с 1-го курса Куйбышевского планового института, подготовительного отделения Института красной профессуры и др.). Прежняя профподготовка могла учитываться, по решающую роль никогда не играла. Некоторые послужные списки могут вызывать только удивление: чернорабочий, милиционер, киномеханик в Сорочинском райо-

не, в 1932 году «был взят (выдвинут)» зав. агит-массовым отделом Сорочинского райкома; 2 ½ года Оренбургской ВКСХШ, зам. ред. газеты в Акбулаке [Там же, оп. 28, д. 4433]; рабочий стеколзавода, варщик асфальта на станции, безработный в 1929 году в Ашхабаде, пожарный работник на нефтебазе в Сызрани, с 1929 года зав. транспортного отдела газеты «Красный Октябрь» в Сызрани [Там же, д. 3555]; ремонтный рабочий, младший надзиратель в тюрьме, табельщик, агент горфинотдела, армия, политрук изолятора, с 1933 года — зав. райбюро союзпечати [Там же, д. 234].

Мы полагаем, что в основе подобной схемы выдвижения лежала необходимость идеологической проверки кандидата на должность — с учетом сферы его привлечения. Первоначальную гарантию надежности давала первичная организация, затем кандидатуру проверял райком. В итоге назначаемый в первый раз на должность попадал в номенклатуру и в дальнейшем использовался как кадровый резерв. Позднее утвердился несколько иной взгляд на номенклатуру — как на партийно-бюрократическую прослойку [Восленский, 1991]). В рассматриваемый нами период, судя по изученным архивным делам номенклатуры 1930-х годов, это был именно резерв, причем активно используемый, поскольку речь шла о кадрах, уже проверенных.

Достаточно уверенно можно заключить, что решение о перемещении номенклатурного работника на ту или иную должность определялось приоритетами запросов на текущий момент. В качестве примера: Я. В. Сорочкин со 2-го курса Пензенской губсовпартшколы был отправлен на 3-месячные юридические курсы, после чего работал судьей и судисполнителем, затем «переброшен» секретарем ячейки, а в 1929 году «мобилизован на газетную работу» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1340]. Еще один показательный пример. А. Е. Соболев имел четко выстроенную карьеру газетного работника: окончил Свердловский комвуз в Москве, с 1929 года — член редколлегии окружной газеты, с 1930 года — ответственный редактор районной, в 1931 году — курсы переподготовки редакторов райгазет в Самаре, затем — редактор газеты в Ставрополе. Но в 1932 году «переброшен» «в связи с большим прорывом на Первомайском асфальтовом заводе в пусковой период» на этот завод секретарем парткома, затем — зам. директора завода [Там же, д. 1198].

Если суммировать конкретные примеры из личных дел, то на должность редактора люди приходили с должностей председателя колхоза, заведующего орготделом, пропагандиста, секретаря комитета комсомола, инспектора РОНО, секретаря парткома, председателя рабочкома, секретаря райкома, инструктора райисполкома, пожарного работника на нефтебазе, заместителя председателя крайкома профсоюза коммунальщиков и др.

Работа в газете воспринималась именно как пропагандистская работа — вернее, вариант таковой. И это верно: главной задачей прессы была прежде всего пропаганда. Показательно, что в имеющихся автобиографиях, заключениях, справках и иных документах порой даже не указывались названия газет, в которых работал кандидат ранее: информация ограничивалась указанием района, в газете которого он работал. Прошедшего курсы пропагандистов или заведующего отделом пропаганды райкома направляли в газету, а в случае необходимости из районной газеты перебрасывали пропагандистом в райком партии. Иногда это повторялось: Игнатьев И. М.; секретарь парткома мясовохоза (1931—1932), редактор газеты в Орске (1932—1933), зав. отделом райкома (1933—1934), редактор газеты в Ульяновске (1934—1935) [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 4320]; Федюнин И. К.: секретарь комитета ВЛКСМ зерносовхоза (1929—1931), редактор газеты политотдела совхоза «Маяк» (1931—1933), секретарь парткома (1933—1934), секретарь редакции совхозной газеты (1934—1936) [Там же, оп. 29, д. 993].

Анализ кадровых перестановок позволяет определить кадровые приоритеты под воздействием внешних факторов. Вероятно, самым значимым было укомплектование политотделов МТС (машинно-транспортных станций). Туда людей направляли по мобилизации; в документах: «был взят в политотдел», «мобилизован в политотдел». Прежняя должность или обучение практически не учитывались. Так, И. К. Инжеватов с высшим педагогическим образованием с 1931 по 1939 годы прошел путь от учителя до зав. Бугурусланским райотделом. Был признан одним из лучших заведующих райотделов. Но был послан начальником политотдела Каликинской МТС, а после ликвидации политотделов — редактором районной газеты. К прежней профессии не вернулся [Там же, оп. 28, д. 4404]. Не вернулся к избранной профессии и М. И. Степнов, «взятый» в политотдел с первого курса Куйбышевского мединститута [Там же, д. 1430]. В феврале 1935 года политотделы были слиты с райкомами, после чего мобилизованные работники были направлены редакторами в районные газеты, всего 15 чел. от общего числа — 18,8 %.

Если говорить именно о газетной работе, то нормальная карьерная лестница, подающаяся современной логике роста, выстраивалась так: политотдельская газета, районная, областного уровня. Это видно на примере В. И. Германовича: начинал как редактор заводской газеты в Чапаевске, с созданием Оренбургской области послан туда из Средне-Волжской области на работу редактором — сначала многотиражка, затем городская газета «Орский рабочий», с 1939 года зав. отделом в областной «Чкаловской коммуне» [Там же, д. 2240]. Несколько человек, получивших в той или иной степени профессиональные знания, в итоге работали в газетах областного уровня («Смычка», «Оренбургская коммуна», «Большевистский сигнал»).

Система назначения с исполнением приказа в рамках партийной дисциплины несла в себе неизбежные сбои. Были отдельные случаи, когда газетчики заявляли о своем нежелании работать в газете: «Использование мое на газетной работе считаю не целесообразным» (Савельев С. Ф.) [Там же, д. 451, л. 5 об]. Были случаи, когда райком снимал или ставил вопрос о снятии с должности. Так, В. П. Гусев, зам. редактора районной газеты был признан не справляющимся с работой [Там же, д. 2835, л. 17]. Секретарь Ново-Покровского райкома полагал «дальнейшее использование» редактора Т. К. Гончарова «на этой работе невозможным», так как то выполнял свои обязанности «с большим нежеланием» [Там же, д. 2465, л. 13 об]. Но эти люди уже вошли в номенклатуру и были проверены. В итоге в отношении В. П. Гусева было решено, что его «можно использовать на второстепенной газетной работе в другом районе» [Там же, д. 2835, л. 15]. С. Ф. Савельев был рекомендован в областную газету «Чкаловская коммуна». Т. К. Гончаров утвержден «заместителем областного комитета радиои информации и главным редактором комитета» [Там же, д. 2465, л. 23]. Не отмечено ни одного случая увольнения по профнепригодности. Но вообще увольнения имели место — прежде всего в связи с репрессиями 1937—1939 годов.

3.4. Репрессии «1937-го года» в судьбах журналистов Оренбуржья конца 1920-х — начала 1930-х годов

На наш взгляд, раскрытие темы будет неполным без освещения сюжета условного «1937 года». В историографии присутствуют два варианта трактовки событий, связанных с репрессиями. Те авторы, кто писал о журналистах вне конкретной исторической реальности, специально репрессии 1937-го не выделяют. Например, Е. И. Приходько, констатируя, что в 1937 году в редакциях газет «Сталинский призыв» и «Вышка» сменились по три редактора, объясняет это текучестью руководящих кадров [Приходько, 2014, с. 14]. Иной вариант — упоминание о репрессиях в общем: «Несколько редакторов было арестовано, несколько сняты с работы по политическим причинам» [Гаврилюк, 2008, с. 15]; «Многие и многие стали жертвами репрессий» [Кондратенко, 2010, с. 14]; «Вторая половина 30-х годов стала катастрофой для журналистов...власть обрушилась на них беспощадные репрессии. Были истреблены целые творческие коллективы» [Тепляков, 2013, с. 35]. Понятно, что конкретизировать подобные суждения можно только архивными данными; доступ к документам подобного рода крайне ограничен. Привлекаемые нами личные дела номенклатуры несколько расширяют информационную картину.

В названный временной интервал наблюдаются настолько странные передвижения с должности на должность, причем порой на короткий срок, что со значительной долей вероятности можно предположить, что мотивы

вом таковых было стремление срочно заполнить освободившуюся более важную, по мнению райкома или вышестоящих уровней, должность. Причины ухода со своих должностей тех, кого теперь замещали, в документах отсутствуют, но наиболее вероятная версия в этих случаях — репрессии. Во всяком случае, именно на них обращают внимание все, кто затрагивает события 1937—1939 годов. При этом наблюдаются два варианта: первый — выдвижение на высокую должность человека, ранее занимавшего значительно более скромную или даже занятого ранее в иной сфере, и второй — наоборот, смещение занимавшего достаточно ответственную должность из иной сферы приложения — в редакцию.

Примеры первого варианта: С. Ф. Савелов, редактор политотдельской газеты, в 1937 году назначается временно исполняющим обязанности начальника политотдела, а через несколько месяцев рекомендуется на повышение редактором районной газеты, в 1939 году — зам. редактора областной «Чкаловской коммуны» [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 451]. Курсант эксплуатационных курсов Орской ТЭЦ П. А. Романов с мая 1937 года по август 1938 года исполнял обязанности ответственного редактора многотиражки этой ТЭЦ. Затем его назначают председателем Адамовского райсовета ОСОАВИАХИМА [Там же, д. 234]. Постоянно работавший в профсоюзах Н. Г. Кульмизов в апреле 1938-го назначается уполномоченным Чкаловского облрадиокомитета по Сорочинскому району, а с апреля 1939 года — секретарем редакции районки [Там же, оп. 27, д. 1675]. В декабре 1937 года председатель колхоза А. Я. Туркин, не имевший даже начального образования (только год обучения в СПШ в 1932—1933 годах), назначен заместителем ответственного редактора Ивановской районной газеты [Там же, оп. 28, д. 2110]. И. Г. Ильясов — инспектор РОНО школ для взрослых — с декабря 1937 года стал зам. редактора Андреевской районной газеты, затем ее редактором [Там же, д. 4400, л. 8]. Зоотехника Н. Н. Синицына в августе 1938 года райком выдвинул редактором [Там же, д. 976].

Примеры второго: Директор птицекомбината в Бугуруслане М. В. Тимофеев был снят из-за пожара на комбинате, назначен управляющим заготконторой в Переволоцком районе, а с февраля 1938 года выдвинут зам. редактора райгазеты [Там же, д. 1856]. Начальник отдела кадров Никелькомбината И. М. Игнатъев в 1938 году был поставлен директором школы в Орске, с 1939 года — редактором газеты «Орский рабочий» [Там же, д. 4320]. Директор раймелькомбината А. И. Горбунов с февраля 1938 года по 1 июля 1939 года был секретарем редакции райгазеты, затем стал инструктором отдела кадров райкома партии [Там же, д. 2517]. И. И. Сухинин, комсомольский работник с 1932 года, секретарь райкома комсомола, в 1937 году становится ответственным редактором районной газеты [Там

же, д. 1634]. Заведующий фермой Ордабай Канкин в 1937 году был поставлен инструктором райкома партии, а затем редактором газеты на казахском языке [ОГАОО, ф. 371, оп. 27, д. 194]. Председатель рабочкома В. П. Гусев с 15 августа 1937 года по решению райкома стал заместителем редактора районной газеты [Там же, оп. 28, д. 2835, л. 8 об].

Впрочем, есть и третий вариант — когда, судя по дальнейшей биографии, работник, далекий от газетного дела, тем не менее на некоторое время направлялся в газету: П. Ф. Унгуриянов, инспектор райуполнаркомзаг (районный уполномоченный наркомата заготовок) с апреля 1938 года был поставлен заместителем ответственного редактора, чуть позже — ответственным редактором. С декабря 1940 года он стал заведующим военным отделом райкома [Там же, д. 2233]; инструктор райкома А. И. Синельников с ноября 1938 года по январь 1939 года был литератором в газете, затем — помощником прокурора [Там же, д. 953]; секретарь райкома партии Я. С. Седых в феврале — октябре 1939 года — заместитель редактора, затем — редактор многотиражки Пономаревского зерносовхоза. С октября взят на работу в органы НКВД [Там же, д. 720].

Достаточно логично поставить вопрос о репрессиях в отношении самих газетных работников. Здесь необходимо уточнение в отношении того, какие меры имеются в виду. Если принимать *репрессии* в толковании большинства словарей и энциклопедий — как карательную меру, наказание, то к их числу уместно относить и объявление выговора, снятие с должности, даже исключение из партии. В то же время все перечисленное могло быть лишь условным воспитательным моментом, и наказанный вскоре возвращался на подобную должность, восстанавливался в партии и т. п. Так, Ф. Г. Сапожников был в 1937 году снят с должности редактора за «необеспечение разворота критики и самокритики в газете и за выступление на собрании актива в защиту секретаря РК ВКП(б)». Далее он — заместитель редактора в другой районной газете, с 1939 года — ее редактор [Там же, д. 371]. С. Ф. Савелов в 1937 году получил выговор за «притупление большевистской бдительности — за опубликование в политотдельской газете рекомендательного списка художественной литературы в помощь изучающим историю ВКП(б), в котором оказались книги авторов, разоблаченных врагов народа» [Там же, д. 451, л. 5]. В начале 1938 года райком снял взыскание. В 1941 году — он зав. орг. инструкторского отдела райкома партии. В 1939 году райком за «допущение грубых политических извращений, пропусков и технических ошибок» в газете обратился в обком партии с требованием снять с должности И. И. Исаева, однако обком не дал согласия [Там же, д. 4433, л. 16].

Если же исходить из толкования репрессии как «карательной меры со стороны государственных органов (тюремное заключение, ссылка,

расстрел» [БТСРЯ, 2008], то можно прибавить к нашему списку еще пять человек. В. С. Сорокин в 1937 году был снят с должности редактора районной газеты; далее он писал: «По согласованию с РК ВКП(б) я поступил на работу технормировщиком на никельрудник “Айдарбан”, где 21 февраля 1938 года был арестован как враг народа и заключен под стражу». Под стражей он находился до 4 марта 1939 года, после чего был освобожден, и дело было прекращено [ОГАОО, ф. 371, оп. 28, д. 1315, л. 7—7 об]. Остальные четверо свободы не лишались. И. В. Решетов в августе 1937 года был выдвинут редактором районной газеты, а в ноябре уволен и исключен из партии «за связь с врагами народа и пособничество». В декабре восстановлен в партии, работал инспектором отделения госбанка, в мае 1938 года взят инструктором в райком [Там же, оп. 27, д. 1732, л. 2 об]. В. Л. Дворянчиков в августе 1937 года был уволен из редакции «Большевистской смены» с формулировкой «За допущенные политические ошибки в статье “Плохие вожаки молодежи”»; в дальнейшем восстановлен на работе [Там же, оп. 26, д. 2959, л. 7]. С. Б. Байгабылов в июне 1937 года снят с редакторства и исключен из комсомола за связь с алашордынцами (казахские националисты), восстановлен в январе 1938 года. Эти полгода он работал в колхозе [Там же, д. 640]. И. К. Гудов, директор областной школы советского строительства, был уволен в 1937 году «за связь с врагами народа и укрывательство врага народа», после чего около года работал кладовщиком куспромартели. Однако в 1938 году был принят литработником в областную «Чкаловскую коммуну», после чего еще около 20 лет работал в редакциях газет [Там же, оп. 28, д. 2764].

Действительно репрессированных получается немного — только два человека, притом с оговорками. Мы допускаем, что был репрессирован Х. А. Зиганшин, редактор газеты Асекеевского района, но вывод сделан по косвенным данным. В «дополнении к личному листку по учету кадров», где указывались данные о работе с момента взятия на учет», содержались колонки, в которых следовало указать даты вступления в должность и оставления должности, основание записи и подпись производящего запись. Эта информация присутствует практически у всех, в обязательном порядке. В данном случае дата ухода указана коротко: «VIII-37» [Там же, оп. 26, д. 3031, л. 1]. И, наконец, четкое указание имеется в деле только одного — Н. А. Росницкого. В протоколе бюро обкома 20 июня 1937 года указано недвусмысленно: «Исключить... как двурушника врага народа» [Там же, оп. 28, д. 259, л. 19]. Только Росницкий, как уже упоминалось выше, на тот момент уже не был газетчиком; вернее, был, но раньше; и можно предполагать, что он был репрессирован как бывший эсер-максималист.

4. Заключение = Conclusions

Мы приходим к выводу о том, что в начале 1930-х годов в стране сложилась система пропагандистского воздействия на массы, где особую роль играла периодическая печать. Административные преобразования, имевшие следствием создание областей и районов, повлекли за собой ощутимое увеличение числа печатных изданий (в Оренбургской области, например, в десятки раз). Неизбежным следствием было обострение проблемы кадрового обеспечения. Наиболее сложным было положение в провинциальных областях, таких как Оренбургская — юго-восточная окраина европейской части РСФСР. В созданной в декабре 1934 года области кадровых ресурсов газетных работников не было вообще, как не было и соответствующего профессионального обучения. В то же время поставленная партией задача обеспечения населения газетами, а редакций — кадрами требовала скорого и обязательного решения. Применительно к Оренбуржью кадровый вопрос успешно решался за счет направления в редакции номенклатурных работников — пропагандистов, чаще всего — секретарей райкомов. При необходимости редакторы перенаправлялись на иную пропагандистскую работу. Базовым критерием при принятии кадровых решений было не наличие профессиональных навыков, но идеологическая надежность, которую гарантировали неоднократные проверки таковой. Именно поэтому, несмотря на распространенное в литературе и публицистике (как, впрочем, и в обыденном сознании наших современников) мнение о массовых репрессиях в условном «1937 году», провинциальные газетные работники массово не репрессировались. Освобождение в 1937—1939 годах от должности редакторов за политические ошибки в большинстве случаев не влекло за собой иных карательных мер; все ограничивалось направлением на новую должность.

Схожесть уровня образования работников редакций, уровня подготовки кадров, пришедших в районные газеты во второй половине 1930-х годов, а также их последующие карьерные траектории позволяют заключить, что для исполнения служебных обязанностей редактора допускался низкий уровень образования, иногда в объеме начальной школы, то есть специалисты с отсутствием профильного образования привлекались к выполнению трудовых функций редактора газеты. Во всяком случае, региональные архивные материалы свидетельствуют, что газетные работники оренбургской провинции той поры не имели специального образования — журналистского или филологического. Это были прежде всего пропагандисты, достаточно легко заменяемые и способные заменить людей с теми же функциями, но на иных должностях. В их задачу входило прежде всего обеспечение своевременного выхода газетных номеров с централизованно распространяемой информацией. Собственно журналистика появляется

в следующем историческом периоде — в меняющихся общественно-политических условиях и с развитием системы высшего образования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008. — 1534 с.
2. ОГАОО — *Объединенный* государственный архив Оренбургской области. Ф. 371 (Оренбургский областной комитет КПСС, г. Оренбург). Оп. 1, 3, 26—29.
3. *Оренбургская* коммуна. — 1935. — 19 апреля.
4. *Средне-Волжская* область: сборник материалов к 1-ой Областной Конференции ВКП(б) и 1-му Областному съезду Советов. — Самара : Временное Бюро ЦК ВКП(б) и организ. комитета Средне-Волжск. области, 1928. — 119 с.

Литература

1. *Бабина К. А.* Трансформации районных газет в условиях новой экономической и медийной среды (на примере Оренбургской области) / К. А. Бабина // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. — 2014. — № 3 (16). — С. 159—166.
2. *Барунов В. Ю.* Советско-партийные школы в начальный период нэпа : основы образования или идеологическая обработка (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) / В. Ю. Барунов // *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*. — 2010. — № 3. — С. 57—63.
3. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. Я. Якимов // *Вестник архивиста*. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247.
4. *Болотова Е. Ю.* Периодическая печать Нижнего Поволжья в 1920—1930-е гг. / Е. Ю. Болотова, И. Л. Гаврилюк. — Волгоград : Перемена, 2012. — 119 с. — ISBN 978-5-9935-0280-9.
5. *Восленский М. С.* Номенклатура : Господствующий класс Сов. Союза / М. С. Восленский ; предисловие М. Джиласа. — 1-е сов. изд. — Москва : Октябрь : Сов. Россия, 1991. — 622 с. — ISBN 5-268-00063-2.
6. *Вязинкин А. Ю.* Между деревней и городом : радикалы поколения «революционного перелома» в начале XX века / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // *Научный диалог*. — 2023. — № 12 (7). — С. 312—329. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329>.
7. *Гаврилюк И. Л.* Развитие периодической печати в Нижнем Поволжье в 1920—1930-е гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Л. Гаврилюк. — Астрахань, 2008. — 20 с.
8. *Кондратенко А. И.* Становление профессионального журналистского образования в 1930-е годы / А. И. Кондратенко // *Знак. Проблемное поле медиаобразования*. — 2010. — № 1 (5). — С. 9—15.
9. *Костякова Ю. Б.* Рабочие и сельские корреспонденты : оценка с позиций интеллигентоведения (на материалах Хакасии и Горного Алтая) / Ю. Б. Костякова // *Intelligentsia and the World = Интеллигенция и мир*. — 2012. — Issue 3. — С. 60—78.

10. *Лиджеева К. Ф.* Подготовка кадров в калмыцкой советско-партийной школе как составляющая трансформации модели общества / К. Ф. Лиджеева, Ц. В. Олчанова // Каспийский регион : политика, экономика, культура : научный журнал. — 2019. — № 3 (60). — С. 42—46.
11. *Никонов И. И.* Деятельность советско-партийных школ по подготовке командно-административных кадров в начале нэпа (на материалах Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний) / И. И. Никонов, В. Ю. Барунов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2010. — № 3. — С. 63—65.
13. *Овсепян Р. П.* В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX / Р. П. Овсепян. — Москва : Изд. РИП-холдинг, 2001. — 316 с. — ISBN 5-900045-17-X.
14. *Приходько Е. И.* История и динамика развития районной прессы Краснодарского края 1920—1991 годов : на примере газет Апшеронского, Белореченского и Горячключевского районов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. И. Приходько. — Краснодар, 2014. — 24 с.
15. *Сафонов Д. А.* «Опора режима» : проблема защиты коммунистической власти в годы гражданской войны / Д. А. Сафонов // Вопросы истории. — 2020. — № 12—1. — С. 44—55. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi04.
16. *Свитич Л. Г.* Журналист и его работа / Л. Г. Свитич, А. А. Ширяева. — Москва : МГУ, 1979. — 191 с.
17. *Свитич Л. Г.* Журналисты двадцатых годов (из истории социологических исследований) / Л. Г. Свитич // Вестник Моск. ун-та. Сер. Журналистика. — 1973. — № 6. — С. 42—55.
18. *Свитич Л. Г.* Социология журналистики / Л. Г. Свитич. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 397 с. — ISBN 978-5-534-00396.
19. *Селифонова Т. Н.* Периодическая печать Курской области конца 30-х — начала 40-х гг. XX в. : проблемы и трудности / Т. Н. Селифонова // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 2 (26). — С. 137—140.
20. *Селифонова Т. Н.* Подготовка кадров для местной печати в 30—40-е годы XX века (неизвестные страницы) / Т. Н. Селифонова // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2012. — № 2 (22). — С. 1—4.
21. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.
22. *Смирнова С. Ю.* Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл : история и современность : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. Ю. Смирнова. — Йошкар-Ола, 2008. — 28 с.
23. *Тепляков А. Г.* Журналисты и власть Западной Сибири в 1930-е годы : конформизм и сопротивление / А. Г. Тепляков // Вестник Новосибирского государственного университета (НГУ). Серия : История. Филология. — 2013. — Т. 12. — Выпуск 6. — С. 30—35.
24. *Фатеева И. А.* Журналистское образование в России : теория, история, современная практика : автореферат диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.10 / И. А. Фатеева. — Екатеринбург, 2008а. — 45 с.
25. *Фатеева И. А.* История Челябинской областной партийно-газетной школы в контексте развития профессионального медиаобразования Южного Урала / И. А. Фатеева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008б. — Выпуск 24. — № 15 (116). — С. 69—77.

25. Фатеева И. А. Профессиональная подготовка журналистов 20—30-х годов в системе формального образования : формы существования и взаимодействия с социальными институтами / И. А. Фатеева // Знак. — 2007. — № 1 (1). — С. 27—38.

Статья поступила в редакцию 28.04.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- BTSRYa — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (2008). St. Petersburg: Norint; Moscow: Ripol classic. 1534 p. (In Russ.).
- OGAoo — *United State Archive of the Orenburg region. F. 371 (Orenburg Regional Committee of the CPSU, Orenburg). Op. 1, 3, 26—29*. (In Russ.).
- Orenburg commune. April 19th*. (1935). (In Russ.).
- Sredne-Volzhskaya oblast: collection of materials for the 1st Regional Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the 1st Regional Congress of Soviets*. (1928). Samara: Provisional Bureau of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Organizing Committee of the Middle Volga Region. 119 p. (In Russ.).

References

- Babina, K. A. (2014). Transformations of regional newspapers in the conditions of a new economic and media environment (on the example of the Orenburg region). *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 3 (16): 159—166. (In Russ.).
- Barunov, V. Yu. (2010). Soviet-party schools in the initial period of the NEP: fundamentals of education or ideological processing (based on the materials of Ivanovo-Voznesenskaya, Kostroma and Yaroslavl provinces). *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasova*, 3: 57—63. (In Russ.).
- Bezgin, V. B., Yakimov, K. Ya. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the archivist*, 4: 1235—1247. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1235-1247. (In Russ.).
- Bolotova, E. Y. (2012). *Periodical press of the Lower Volga region in the 1920s—1930s*. Volgograd: Peremena. 119 p. ISBN 978-5-9935-0280-9. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2007). Professional training of journalists of the 20—30s in the system of formal education: forms of existence and interaction with social institutions. *Sign*, 1 (1): 27—38. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2008a). *Journalistic education in Russia: theory, history, modern practice*. Author’s abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 45 p. (In Russ.).
- Fateeva, I. A. (2008b). The history of the Chelyabinsk regional party and newspaper school in the context of the development of professional media education in the Southern Urals. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 24/15 (116): 69—77. (In Russ.).
- Gavrilyuk, I. L. (2008). *The development of periodicals in the Lower Volga region in the 1920s—1930s*. Author’s abstract of PhD Diss. Astrakhan. 20 p. (In Russ.).
- Hovsepyan, R. P. (2001). *In the labyrinths of the history of domestic journalism. Century XX*. Moscow: RIP-holding Publishing House. 316 p. ISBN 5-900045-17-X. (In Russ.).
- Kondratenko, A. I. (2010). The formation of professional journalistic education in the 1930s. *Sign. The problematic field of media education*, 1 (5): 9—15. (In Russ.).
- Kostyakova, Yu. B. (2012). Workers and rural correspondents: an assessment from the standpoint of intellectual studies (based on the materials of Khakassia and the Altai Mountains). *Intelligentsia and the World = Intelligentsia and the World*, 3: 60—78. (In Russ.).

- Lidzheeva, K. F., Olchanova, T. S. (2019). Personnel training in the Kalmyk Soviet Party school as a component of the transformation of the model of society. *Caspian region: politics, economics, culture: scientific journal*, 3 (60): 42—46. (In Russ.).
- Nikonov, I. I., Barunov, V. Yu. (2010). Activity of Soviet-party schools for the training of command and administrative personnel at the beginning of the NEP (based on the materials of Ivanovo-Voznesenskaya, Kostroma and Yaroslavl provinces). *Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 3: 63—65. (In Russ.).
- Prikhodko, E. I. (2014). *The history and dynamics of the development of the regional press of the Krasnodar Territory in 1920—1991: on the example of newspapers in the Absheron, Belorechensk and Goryacheklyuchevsky districts*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 24 p. (In Russ.).
- Safonov, D. A. (2020). "Support of the regime": the problem of protecting communist power during the Civil War. *Voprosy istorii*, 12—1: 44—55. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi04. (In Russ.).
- Selifonova, T. N. (2012). Training of personnel for the local press in the 30—40s of the twentieth century (unknown pages). *Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*, 2 (22): 1—4. (In Russ.).
- Selifonova, T. N. (2013). Periodical press of the Kursk region of the late 30s — early 40s of the twentieth century: problems and difficulties. *Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*, 2 (26): 137—140. (In Russ.).
- Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of "Revolutionary Turning Point" Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).
- Smirnova, S. Y. (2008). *Formation and development of professional training of journalistic personnel in the Republic of Mari El: history and modernity*. Author's abstract of PhD Diss. Yoshkar-Ola. 28 p. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (1973). Journalists of the twenties (from the history of sociological research). *Vestnik. Moscow. Univ. Ser. Journalism*, 6: 42—55. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (1979). *The journalist and his work*. Moscow: Moscow State University. 191 p. (In Russ.).
- Svitich, L. G. (2024). *Sociology of journalism*. Moscow: Yurait Publishing House. 397 p. ISBN 978-5-534-00396. (In Russ.).
- Teplyakov, A. G. (2013). Journalists and the power of Western Siberia in the 1930s: conformism and resistance. *Bulletin of Novosibirsk State University (NSU). Series: History. Philology*, 12 (6): 30—35. (In Russ.).
- Voslensky, M. S. (1991). *Nomenclature: The ruling class of Ows. Union*. Moscow: MP "October": Sov. Russia. 622 p. ISBN 5-268-00063-2. (In Russ.).
- Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2023). Between Village and City: Radicals of "Revolutionary Breakthrough" Generation at beginning of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 312—329. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-312-329> (In Russ.).

*The article was submitted 28.04.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татарникова А. И. Реорганизация системы размещения населения Северо-Западной Сибири как отражение социально-экономической политики СССР в 1930—1950-е годы / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 478—497. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-478-497.

Tatarnikova, A. I. (2024). Reorganization of Population Placement System in Northwestern Siberia as a Reflection of Socio-Economic Policies of USSR in 1930s-1950s. *Nauchnyi dialog, 13* (6): 478-497. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-478-497. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Реорганизация системы размещения населения Северо-Западной Сибири как отражение социально-экономической политики СССР в 1930—1950-е годы

Татарникова Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории истории Сибири
tatob777@yandex.ru

Тобольская комплексная
научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Reorganization of Population Placement System in Northwestern Siberia as a Reflection of Socio-Economic Policies of USSR in 1930s-1950s

Anna I. Tatarnikova
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD of History,
Senior Researcher,
Laboratory of Siberian History
tatob777@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются изменения в системе размещения населения в пределах Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е годы. Дается характеристика поселенческой сети, составлявшей основу размещения населения в регионе. Вводятся в научный оборот неопубликованные архивные данные о типологии поселений и их людности, о переселении на север в годы индустриализации и коллективизации, в послевоенный период. Приводятся сведения о динамике численности и размещения населения в национальных округах, исследуется этнический состав жителей сельских поселений. Отмечается, что одновременно с увеличением численности населения снижалась доля индигенных народов, произошло заметное увеличение числа белорусов, украинцев, немцев в этническом составе населения, что во многом стало следствием массовых принудительных миграций. Делается вывод, что по сравнению с 1920-ми годами в рассматриваемый период происходит сокращение числа малых поселений кочевых народов (юрт, оленьих стойбищ). В результате перевода на оседлость аборигенного населения края значительная часть его селений становится стационарными и получает статус поселков. Меняется типологическая структура поселенческой сети: уменьшается число населенных пунктов «инородческого» типа, возникают «спецпоселки», растет число городов и сельских несельскохозяйственных поселений: звероферм, лесоучастков, поселков при заводах.

Ключевые слова:

размещение населения; сеть поселений; Северо-Западная Сибирь; этнический состав населения; величина поселений; типическая структура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the changes in the population placement system within Northwestern Siberia during the 1930s-1950s. It provides an overview of the settlement network that formed the basis of population distribution in the region. Previously unpublished archival data on settlement typology, population size, resettlement to the north during industrialization and collectivization, and post-war periods are introduced into scholarly discourse. The dynamics of population size and distribution in national districts are discussed, along with an exploration of the ethnic composition of rural settlements' inhabitants. The study notes a decrease in the proportion of indigenous peoples alongside an increase in the number of Belarusians, Ukrainians, and Germans in the ethnic composition of the population, largely due to mass forced migrations. It is concluded that compared to the 1920s, there was a reduction in the number of small settlements of nomadic peoples (yurts, reindeer camps) during the period under review. As a result of sedentarization efforts among the indigenous population of the region, a significant portion of their settlements became permanent and acquired town status. The typological structure of the settlement network changed: the number of "alien" type settlements decreased, giving rise to "special settlements," an increase in towns, and rural non-agricultural settlements such as animal farms, forestry areas, and settlements near factories.

Key words:

population placement; settlement network; Northwestern Siberia; ethnic composition of population; settlement size; typological structure.

УДК 94:314.925(571.1)“193/195”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-478-497

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Реорганизация системы размещения населения Северо-Западной Сибири как отражение социально- экономической политики СССР в 1930—1950-е годы

© Татарникова А. И., 2024

1. Введение = Introduction

1930—1950-е годы можно назвать периодом активной интеграции Северо-Западной Сибири в социально-экономическое пространство страны в целях проведения индустриализации и коллективизации в СССР, превращения его в индустриальную державу. Политика государства, направленная на интенсивное освоение природных богатств северных территорий Западной Сибири и их использование для хозяйственных нужд страны, привела к серьезным социально-экономическим и демографическим изменениям в регионе. Мобилизационные методы развития экономики актуализировали задачу формирования и закрепления населения в слабоосвоенных районах Сибири. Решение данной задачи осуществлялось разными способами: благодаря добровольной миграции; путем организации принудительного переселения в виде политической, административной, уголовной ссылки; через перевод кочевых коренных народов на оседлость, часто проводившийся насильственно.

Принимаемые государством меры по индустриализации северных районов, привлечению и закреплению здесь трудовых ресурсов оказали влияние на систему размещения населения, функционирование поселенческой сети. В 1930—1950-е годы на фоне роста общей численности населения Северо-Западной Сибири произошли изменения в его этническом и социальном составе, территориальной концентрации, соотношении городских и сельских жителей. Это, в свою очередь, отразилось на характеристиках сети поселений региона: сократилось количество сельских населенных пунктов; появились поселки спецпереселенцев; исчезли некоторые типы подвижных селений автохтонных народов; выросло число постоянных (стационарных) поселений.

К сожалению, трансформация системы размещения населения в СССР и в его регионах в довоенные и послевоенные годы до сих пор остается одним из слабо изученных вопросов. Частое перекраивание административно-

территориальных границ в 1930—1950-е годы, неоднократная смена вектора государственной социально-экономической политики в ходе «социалистического строительства», небольшое количество источников, отражающих изменения в размещении населения и развитии сети поселений, стали причинами, затрудняющими проведение исследований по названной теме.

Между тем современные проблемы пространственной организации хозяйства, усиление урбанизационных процессов, повышение значения северных территорий для сохранения экономических и геополитических позиций России в мире порождают необходимость выстраивания грамотной расселенческой политики, сохранения сложившегося каркаса поселенческой сети Северо-Западной Сибири на основе обращения к предшествующему историческому опыту. В связи с этим восполнение образовавшегося вакуума в исследовании вопросов размещения населения, эволюции поселенческой сети названного региона приобретает особую актуальность.

Целью настоящей публикации является характеристика системы размещения населения Северо-Западной Сибири — территории, специфика освоения которой определялась суровыми природно-климатическими условиями, редкочаговым расселением преимущественно вдоль рек, сырьевым характером экономики, особенностями этнической структуры населения, образа жизни проживающих здесь коренных и пришлых народов.

Выбор хронологических рамок работы обусловлен, с одной стороны, отсутствием каких-либо исследований по развитию расселения в обозначенном регионе в 1930—1950-е годы, с другой — особенностями источниковой базы, основу которой составили неопубликованные материалы всеобщих переписей населения 1939 и 1959 годов, касающиеся численности, типологии и величины населенных пунктов национальных округов.

Изучение динамики размещения населения Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е годы осуществлялось с учетом предшествующих (имперского и раннесоветского) и последующих (связанных с ликвидацией неперспективных деревень и нефтегазовым освоением региона) периодов ее развития.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Система размещения населения Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е годы исследуется нами с ориентиром на основные понятия, методы и научные подходы, разработанные в рамках исторической науки в целом, социальной и культурной антропологии, этнологии.

Ключевыми концептуальными идеями, на которые мы опирались, стали выводы географов С. А. Ковалева и Н. Я. Ковальской о территориальных системах поселений, включающих все населенные пункты, находящи-

еся в пределах рассматриваемой территории, независимо от их типа, отраслевой принадлежности и пр. [Ковалев и др., 1980]. В контексте данных выводов расселение населения трактуется нами как неотъемлемая часть процесса освоения территории, в ходе которого образуются, развиваются, трансформируются или исчезают населенные пункты, имеющие общую организацию управления, обслуживания, экономические и социокультурные взаимосвязи.

Также теоретическую и методологическую основу работы составили научные труды по формированию и функционированию системы расселения на локальном и региональном уровнях [Алексеев, 1987; Заойнчковская, 1991; Глезер и др., 2013; Зубаревич, 2013].

Знакомство с исследовательской литературой, посвященной названной теме, показало, что ее комплексное изучение еще не проводилось. Интерес ученых, занимающихся проблемами размещения населения, формирования сети поселений, фокусируется преимущественно на изучении демографических процессов и связанных с ними изменений в хозяйственном освоении северных территорий Западной Сибири [Алексеева, 2017; Михалев, 2010; Население Ямала ..., 2013; Пивнева, 2023].

К числу наиболее изученных аспектов темы относятся влияние спецпереселений на экономику региона, создание и функционирование спецпоселков. Данные вопросы обстоятельно рассмотрены Н. Н. Поповым, Л. Ф. Гизатуллиной, А. С. Ивановым и Н. А. Михалевым, Н. И. Загороднюк [Попов, 1997; Гизатулина, 2005; Загороднюк, 2023б; Иванов и др., 2023].

Особенности урбанизации северных территорий, формирования и развития здесь городов в период, предшествующий началу нефтегазового освоения, исследованы А. И. Тимошенко, И. В. Стасем, В. А. Исуповым. Работы названных ученых дают понимание исторического контекста трансформации системы расселения жителей Северо-Западной Сибири под влиянием урбанизационных процессов [Тимошенко, 2009; Стась, 2012; Исупов, 2018].

Определить особенности развития сети поселений региона в 1930—1950-е годы по сравнению с предшествующими десятилетиями позволяют публикации В. В. Аксарина, А. И. Татарниковой, Н. И. Загороднюк, в которых отражена специфика функционирования населенных пунктов в 1920—1930-е годы, их численность и величина [Аксарин, 2022; Татарникова, 2022; Загороднюк, 2023а].

В отечественной историографии изучено развитие системы расселения в 1960—1980-е годы, когда Северо-Западная Сибирь переживала освоение нефтегазовых месторождений, становление нефтегазодобывающего комплекса. В работах Г. Ю. Колевой, Н. Ю. Гавриловой, А. Н. Силина рассмотрены вопросы возникновения вахтовых поселков, изменений в разме-

щении населения и производительных сил региона, создания территориально-производственных комплексов и др. [Колева, 2007; Гаврилова, 2017; Силин, 2017].

Вместе с тем период 1930—1950-х годов в истории функционирования сети поселений северных районов Западной Сибири остается практически неисследованным. Представленная работа — первый шаг к восполнению существующей лакуны в изучении обозначенной темы.

Основными источниками для написания работы стали хранящиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ, г. Москва) материалы всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 годов [РГАЭ, ф. 1562]. В частности, по данным названных переписей нами были определены число населенных пунктов региона, их людность, типическая структура, а также общая численность населения и его этнический состав. В работе также использованы документы Всесоюзного переселенческого комитета при СНК СССР (1933—1935 годы), касающиеся организации переселения в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, создания колхозов, перевода хуторян на жительство в колхозные деревни [РГАЭ, ф. 5675].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Численность и национальный состав населения Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е годы

Северо-Западная Сибирь на протяжении многих столетий отличалась слабой хозяйственной освоенностью, редкоочаговым расселением, низкой плотностью населения. Объективными причинами таких характеристик были суровые климатические условия, неравномерный ход внутренней колонизации, слабая включенность в процессы межрайонного экономического взаимодействия, неразвитость транспортной инфраструктуры и проч.

Окончательное установление советской власти и последовавшая вслед за этим трансформация экономической и социальной политики оказали существенное влияние на демографические процессы в стране и ее регионах. Развернувшаяся политическая и социально-экономическая модернизация центральных и периферийных районов, перестройка хозяйственного уклада, проведение принудительной миграции отдельных групп населения на окраины страны повлекли за собой изменения в демографической ситуации в северных округах Западной Сибири.

Ханты-Мансийский (до 1940 года — Остяко-Вогульский) и Ямало-Ненецкий национальный округа были образованы в июле 1930 года путем выделения в составе Уральской области части северных районов Тобольского округа в самостоятельные административно-хозяйственные единицы. Главным критерием определения границ названных округов была зна-

чительная доля коренного населения (70 % индигенных народов на территории будущего Ямало-Ненецкого округа и 40 % — Ханты-Мансийского) [Зайцева, 2012, с. 21].

По данным Приполярной переписи 1926—1927 годов, численность населения Ханты-Мансийского округа составляла 51 618 чел., Ямало-Ненецкого — 13 572 чел. [Пивнева, 2023, с. 92; Население Ямала ..., 2013, с. 39]. Суммарно на территории данных округов проживало 65 190 чел.

В этническом составе населения Ханты-Мансийского округа преобладали коренные народы: «остяки», «самоеды», «вогулы». Их доля составляла 51,7 %, в то время как доля русских — 37,2 % [Пивнева, 2023, с. 91]. В структуре населения Ямало-Ненецкого округа русские составляли 28,9 %, индигенные народы — свыше 65 % [Население Ямала ..., 2013, с. 39]. При этом бо́льшая часть аборигенного населения округа вела кочевой образ жизни.

К 1939 году традиционная система хозяйствования региона подверглась разрушению в результате активной модернизации хозяйства Северо-Западной Сибири, в том числе за счет выселяемых сюда в ходе массовой и форсированной коллективизации крестьян и их семей, превращения «кулацкой» ссылки в один из важных факторов формирования населения региона. Это отразилось на демографических процессах, особенно на динамике численности населения и его национальном составе. Так, с 1926/1927 по 1939 годы численность населения Ханты-Мансийского округа выросла с 51 618 до 93 274 чел. (на 80,7 %), Ямало-Ненецкого — с 13 572 до 45 840 чел. (на 227,7 %). Всего в границах Северо-Западной Сибири к 1939 году проживало 139 114 чел. (прирост по сравнению с 1926/1927 годом составил 113,4 %). Доля автохтонного населения в Ханты-Мансийском округе снизилась с 51,7 % до 20,2 %, Ямало-Ненецком — с 65 % до 41,3 %.

В период с 1939 по 1959 годы численность населения национальных округов Северо-Западной Сибири увеличилась соответственно со 139 114 до 186 260 чел. (на 33,9 %). В Ханты-Мансийском национальном округе прирост составил 30 652 чел., Ямало-Ненецком — 16 494 чел. Основными причинами высоких темпов роста общей численности населения региона были принудительные миграции и административно-территориальные преобразования, обеспечивающие механический прирост. Тем не менее плотность населения продолжала оставаться низкой: на «обдорских землях» к 1959 году — примерно 0,2 чел. на км², «ямальских» — 0,08 чел. на км².

Представительство коренных народов региона (хантов, манси, ненцев, селькупов) в Ханты-Мансийском национальном округе с период с 1939 по 1959 годы уменьшилось с 18 866 до 17 894 чел. (–5,2 %), что, с одной стороны, было связано с влиянием ассимиляционных процессов, с другой —

Таблица 1

Этнический состав населения национальных округов
Северо-Западной Сибири по данным всесоюзных переписей
1939 и 1959 годов*

Этнос	Ханты-Мансийский национальный округ**			Ямало-Ненецкий национальный округ		
	Численность населения, абс.		Прирост, %	Численность населения, абс.		Прирост, %
	1939 г.	1959 г.		1939 г.	1959 г.	
Русские	67 616	89 813	32,8	19 308	27 789	43,9
Украинцы	1111	4363	292,7	395	1921	386,3
Белорусы	141	1281	808,5	74	388	424,3
Татары	2227	2938	31,9	1636	3952	141,6
Ханты	12 238	11 435	— 6,6	5367	5519	2,8
Манси	5768	5644	— 2,2	27	94	248,1
Ненцы	852	815	— 4,4	13 454	13 977	3,9
Селькупы	8	—	—	87	1245	431,0
Коми и коми-пермяки	2436	2821	15,8	4722	4867	3,1
Казахи	89	103	15,8	399	82	—386,6
Немцы	177	2059	1063,3	101	957	847,5
Прочие***	611	2654	334,4	270	1543	471,5
Итого	93 274	123 926	32,9	45 840	62 334	36,0

*Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1462; д. 3784].

** До 1940 года Ханты-Мансийский национальный округ назывался Остяко-Вогульским.

*** В категорию «Прочие» вошли удмурты, мордва, чуваша, марийцы, поляки, финны, эвенки и другие немногочисленные этнические группы.

с недоучетом отдельных лиц, ведущих кочевой образ жизни. В Ямало-Ненецком округе в рассматриваемый период индигенное население в численном выражении, напротив, выросло с 18 935 до 20 835 чел. (+10,0 %). Тем не менее удельный вес абorigенов в общей численности населения региона сократился: в Ханты-Мансийском округе с 20,2 до 14,4 %, Ямало-Ненецком — с 41,3 до 33,7 %.

Изменилось представительство украинцев, белорусов, немцев в этнической структуре населения. В Ханты-Мансийском национальном округе численность представителей украинского этноса увеличилась в 3,9 раза, белорусского — в 9,1, немецкого — в 11,6 (!). В Ямало-Ненецком округе показатель роста перечисленных этнических групп составил соответственно 4,9;

5,2 и почти 9,5. Изменения в этническом составе населения Северо-Западной Сибири были в основном следствием этнических и политических депортаций, развернувшихся в конце 1930-х — первой половине 1940-х годов.

Серьезную эволюцию в 1930—1950-е годы переживала система расселения жителей региона. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах она отличалась более выраженными, по сравнению с расположенными южнее административно-территориальными единицами Западной Сибири, этническими особенностями. Русские проживали преимущественно в городах и в селениях, расположенных в непосредственной близости от них, а также в селах и деревнях в долине рр. Иртыша, Оби. Территориальное размещение индигенных народов совпадало с исконными районами их проживания.

В Ханты-Мансийском округе к 1959 году насчитывалось 104 населенных пункта, где проживали преимущественно ханты (46,8 % сети поселений округа), 62 — с преобладанием манси (27,9 % сети). Таким образом, почти 75 % селений по своему этническому составу были хантыйскими или мансийскими. При этом наибольшим количеством хантыйских поселений отличался Сургутский район (49,5 % районной сети), в то время как мансийские селения доминировали в Березовском районе (43,7 % сети его поселений). Населенные пункты с преобладанием русского населения занимали в округе третье место. Также здесь имелись в единичном числе селения украинцев, татар, коми, чувашей, ненцев [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 3784].

В структуре поселенческой сети Ямало-Ненецкого национального округа в 1959 году доминировали селения с преимущественно хантыйским населением. В Шурышкарском районе, к примеру, из 71 населенного пункта 62 были хантыйскими (87,3 %). Поселения ненцев чаще всего встречались в Надымском (37,5 % сети населенных пунктов), Пуковском (62,5 %) и Ямальском (39,3 %) районах округа. Русские селения присутствовали во всех административно-территориальных единицах округа, однако их количество было незначительным (за исключением Приуральского района). В четырех из восьми поселений Красноселькупского района проживали исключительно селькупы. В округе существовали отдельные населенные пункты коми, украинцев, татар [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 3784].

3.2. Сеть поселений в округах Северо-Западной Сибири: численность и величина

Индустриализация и коллективизация, проводившиеся в СССР с конца 1920-х до начала 1940-х годов, привели к «вымыванию» части трудовых ресурсов из сельской местности и их концентрации в городах. Северные районы вслед за остальной страной постепенно вовлекались в урбанизационные процессы. В. А. Исупов, исследовавший специфику урбанизации

в Западной Сибири, отметил отставание региона по показателям роста городов и численности городского населения от центральной части РСФСР [Исупов, 2018, с. 15]. Однако и в самой Западной Сибири ее субрегионы имели разный уровень урбанизированности, который во-многом определялся темпами промышленного развития территорий.

К 1939 году прослойка городского населения составляла 8 % в Ханты-Мансийском национальном округе и 27,8 % — в Ямало-Ненецком. К этому времени в каждом округе имелось по одному городскому поселению. В 1936 году статус поселка городского типа получил Остяк-Вогульск (с 1940 года — Ханты-Мансийск), население которого по переписи 1939 года составляло 7488 чел. В 1938 году в город был преобразован поселок Салехард (до 1933 года — Обдорск), где проживало 12 764 чел. Сравнивая две северные территории, следует отметить, что Ямало-Ненецкий округ к концу 1930-х годов по уровню урбанизированности превосходил Ханты-Мансийский.

За два последующих десятилетия количество городских поселений в названных округах увеличилось с двух до шести. Четыре из них располагались в Ханты-Мансийском округе — г. Ханты-Мансийск (с 1950 года), поселки городского типа Березов (с 1954 года), Сургут (с 1958 года), Октябрьское (с 1959 года). Доля горожан в общей численности окружного населения выросла по сравнению с 1939 года с 8 % до 30,1 %. В Ямало-Ненецком округе к 1959 году к городским поселениям относились Салехард с населением 16 567 чел. и поселок городского типа Лабытнанги (с 1952 года) с 5220 жителями. Таким образом, городское население Ямальского Севера увеличилось с 27,8 % в 1939 году до 35 % в 1959 году.

Однако до середины 1960-х годов в округах Тюменской области, наряду с городским, продолжала расти численность сельского населения (табл. 1), поэтому говорить об урбанизации северных территорий в 1930—1950-е годы преждевременно, поскольку развитие сельской местности в этот период продолжалось. В целом урбанизационный переход в Тюменской области (когда доля городского населения превысила долю сельского) произошел лишь в 1970—1971 годы (в Ямало-Ненецком округе — в 1979 году), в то время как в других областях это случилось раньше: в Томской и Омской — в 1960-е годы, Новосибирской — в 1950-е, Кемеровской — 1930-е [Стась, 2012, с. 193].

Представленные в таблице 2 данные демонстрируют отрицательную динамику численности сельской сети поселений, выразившуюся в сокращении количества населенных пунктов с 1146 в 1939 году до 692 в 1959 году (в 1,6 раза).

Существенные изменения коснулись поселенческой сети Ханты-Мансийского округа, масштабы которой сократились почти в 2 раза. Наиболь-

Таблица 2

Динамика сельской поселенческой сети в национальных округах
Северо-Западной Сибири (1939—1959 годы)*

Район	1939 г.		1959 г.	
	Кол-во селений	Кол-во жителей	Кол-во селений	Кол-во жителей
Ханты-Мансийский национальный округ				
Березовский	175	13 744	71	15 247
Кондинский	147	14 539	101	20 469
Микояновский (Октябрьский)	88	15 157	70	12 561
Ларьякский	83	5276	33	7095
Самаровский	116	22 329	91	18 601
Сургутский	315	14 744	97	12 655
Итого	924	85 789	463	86 628
Ямало-Ненецкий национальный округ				
Красноселькупский**	–	–	8	2514
Надымский	25	3565	16	3729
Приуральский	54	6403	82	6852
Пуровский	8	2295	8	3316
Тазовский	14	4939	16	6994
Шурышкарский	93	7444	71	8897
Ямальский	28	8430	28	8245
Итого	222	33 076	229	40 547

*Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1462; д. 3784].

**Красноселькупский район образован в 1944 году из земель кочевых советов, ранее входивших в состав Туруханского района Красноярского края.

шие количественные потери понесла сеть населенных пунктов Сургутского и Березовского районов, где численность селений уменьшилась соответственно в 3,2 и 2,6 раза.

В Ямало-Ненецком округе незначительное увеличение численности населенных пунктов (с 222 до 229) стало следствием расширения административно-территориальных границ округа за счет вхождения в его состав в августе 1944 года Красноселькупского района, образованного из кочевых советов Туруханского района Красноярского края. В целом масштабы сокращения поселенческой сети Ямало-Ненецкого округа оказались менее впечатляющими, нежели Ханты-Мансийского. Только в Надымском и Шурышкарском районах произошло небольшое сокращение численности на-

селенных пунктов, в то время как в Тазовском районе число поселений увеличилось в 1,5 раза.

Столь серьезная трансформация системы расселения рассматриваемой территории имела несколько причин. В 1930-е годы произошла смена вектора государственной политики в отношении кочевых народов Севера. Государство инициировало их перевод на оседлость, что было вызвано задачами коллективизации народного хозяйства, включения северных районов в экономическое развитие страны и повышения эффективности их использования в хозяйственных нуждах. Результатом такой политики стала ликвидация небольших родовых хозяйств, изменение образа жизни индигенного населения, вызванное принуждением к оседлости. При этом во Всесоюзном переселенческом комитете при СНК СССР отмечалось, что «едва ли не основным фактором, способствующим полному оседанию населения [Севера], являются колхозы, так как через разделение труда в колхозах, с созданием промысловых бригад, минует необходимость перекочевки всего семейства... Сложное комплексное хозяйство на Севере может быть поставлено на интенсивные основы только в колхозе, при наличии коллективного труда» [РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 99, л. 39 об.].

В рамках организации переселения в северные районы центральные органы власти стремились концентрировать сельское население в более крупных поселениях. К примеру, в 1935 году, согласно программе по заселению нижней части р. Оби, разработанной Всесоюзным переселенческим комитетом, побережья Обской и Тазовской губы предписывалось «заселять значительными поселками, которые дадут возможность организовать между ними безубыточную регулярную связь летом водным путем на сильных катерах, а зимой на санях, самолетах». При этом отмечалось, что «значительные поселки от 70 до 100 и более хозяйств на каждый сезон (охота, рыбная путина) смогут обеспечить создание различных специализированных артелей и бригад, как на рыбные, так и на охотничьи и другие промыслы» [РГАЭ, ф. 5675, оп. 1, д. 99, л. 9].

Реализация политики перевода кочевых народов на оседлость отразилась на данных всесоюзной переписи 1959 года, в которой было зафиксировано заметное сокращение поселений кочевников (стойбищ оленеводов, одиночных юрт и пр.), что повлияло на численность сети поселений.

Процесс создания крупных населенных пунктов сопровождался постепенным сокращением доли населения, живущего в мелких селениях, ростом внутривосприимчивой миграции сельских жителей в более крупные села, деревни, поселки либо в города.

В 1930—1950-е годы Северо-Западная Сибирь стала одним из районов водворения десятков тысяч спецпереселенцев и политических ссыльных.

Первых размещали отдельными спецпоселками, вторых — путем приселения к определенному населенному пункту. Согласно данным Л. Ф. Гизатуллиной, к 1950 году в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах было сосредоточено до 23 тыс. спецпереселенцев, большую часть которых составляли депортированные немцы, калмыки, крымские татары, молдаване и др. [Гизатуллина, 2005, с. 16]. Помимо депортированных по этническому признаку, в число спецпереселенцев входили ссыльные — раскулаченные крестьяне, принудительно выселенные в северные районы в 1930-е годы, лица, обвиненные в годы войны в пособничестве немцам, члены семей «изменников Родины», представители секты «истинно-православных христиан» и другие «социально-опасные элементы».

Прибывающие на север спецпереселенцы обосновывались в уже функционировавших селах, деревнях, поселках, увеличивая тем самым их людность, либо водворялись в «заботливо» созданные для данной категории лиц спецпоселки, изначально представлявшие собой участки земли, на которых новоселы строили сначала землянки, шалаши, бараки, а спустя год-два — дома. Как правило, спецпоселки образовывались в местах активной лесо- и (или) рыбодобычи с целью решения проблемы дефицита рабочих рук в этих отраслях народного хозяйства.

На 1 декабря 1941 года в Ханты-Мансийском национальном округе насчитывалось 43 трудпоселка, 14 из которых располагались в Самаровском районе. В Ямало-Ненецком округе таких поселков было 8 (подсчитано по: [Иванов и др., 2023, с. 202—205]). К 1956 году спецпереселенцы проживали в 99 населенных пунктах рассматриваемых округов [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 31, л. 2—2 об.].

Перестройка системы сельского расселения, выразившаяся в принуждении кочевых народов Севера к оседлости, создании спецпоселков как особых типов поселений для раскулаченных и других категорий репрессированных, в целенаправленном развитии инфраструктуры экономически более значимых населенных пунктов, привела, с одной стороны, к сокращению числа селений, с другой — к укрупнению продолживших свое существование сел, деревень, поселков и других типов поселений. Если в 1939 году средняя величина населенного пункта в Ханты-Мансийском национальном округе составляла 93 чел., то в 1959 году — 187 чел. В Ямало-Ненецком округе средняя людность селения выразилась соответственно в следующих цифрах: 149 и 177 чел.

За два десятилетия (1939—1959 годы) значительно выросла средняя людность населенных пунктов Сургутского (с 47 до 130 чел.), Ларьякского (с 63 до 215 чел.) и Березовского (с 78 до 215 чел.) районов Ханты-Мансийского округа. В Ямало-Ненецком округе увеличение средней людности по-

селений было не столь значительным, однако в отдельных районах (Тазовском, Пуровском) в одном населенном пункте проживало в среднем свыше 400 чел. В Приуральском и Ямальском районах величина среднестатистического населенного пункта по числу жителей снизилась: в первом — со 118 до 83 чел., во втором — с 301 до 294 чел.

К концу 1950-х годов окружное население по-прежнему сосредоточивалось преимущественно вдоль рек и в прибрежной полосе морских губ-заливов, что было исторически обусловлено, с одной стороны, особенностями заселения русскими северных территорий по водным артериям, с другой — преимущественным размещением вновь организуемых рыболовных угодий по берегам рек и заливов.

3.3. Типическая структура поселенческой сети округов Северо-Западной Сибири

Период с 1939 по 1959 годы ознаменовался заметными изменениями в типической структуре сельской поселенческой сети округов Северо-Западной Сибири.

Таблица 3 показывает увеличение в обоих округах количества сел, деревень и поселков. В Ямало-Ненецком округе число селений со статусом села выросло в 2,6 раза, деревни — в 5 раз. Поселков в Ханты-Мансийском округе стало больше в 1,5 раза, в Ямало-Ненецком — в 1,6 раза. Поселковое расселение пополнилось так называемыми «спецпоселками», возникшими в ходе принудительной колонизации северных территорий. Как отмечает Н. И. Загороднюк, образованные в рассматриваемый период спецпоселки были в основном индустриальными (например, поселок рыбоконсервного комбината с. Обдорска) и сельскохозяйственными; по людности — мельчайшими, малыми и средними. Почти все они имели приречное расположение и отличались типовой застройкой [Загороднюк, 2023б, с. 105]. В число селений со статусом поселка также входили немногочисленные совхозные поселки и поселки МТС.

Приведенные в таблице 3 данные свидетельствуют о сокращении количества юрт — одного из самых старых в рассматриваемых административно-территориальных единицах типов поселений. Если в 1939 году юрты составляли 57,5 % всей поселенческой сети Ханты-Мансийского округа, то в 1959 году — лишь 15,8 % (сокращение в 7,3 раза). В сети населенных пунктов Ямало-Ненецкого округа доля юрт в указанный период снизилась соответственно с 47,7 до 17 % (в 2,7 раза). Это стало следствием проведения политики перевода кочевых народов на оседлое положение, образования поселков и деревень путем сселения кочевников, живших ранее одиночными юртами. Данный вывод подтверждается, к примеру, следующим фактом: в Ларьякском районе Ханты-Мансийского округа переписью

Таблица 3

Количество сельских поселений разного типа
в национальных округах Северо-Западной Сибири
(по данным всесоюзных переписей 1939 и 1959 годов)

Тип поселения	Ханты-Мансийский национальный округ		Ямало-Ненецкий национальный округ	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Село	31	32	5	13
Деревня	207	240	5	45
Поселок	50	77	29	47
Участок	–	6	–	2
Юрты	531	73	106	39
Фактория	1	–	44	55
Рыбоучасток / промысел	2	4	15	–
Лесной участок	12	4	3	–
Техучасток	–	1	–	–
Звероферма / участок	–	3	2	–
Ферма	1	2	1	–
Хутор	–	4	–	–
Выселок	18	–	–	–
Заимка	7	5	–	–
Охотничье хозяйство	–	1	8	1
Прочие	64	11	4	27
Итого	924	463	222	229

Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1462; д. 3784].

1959 года был зафиксирован поселок Оленьи Юрты, состоявший из четырех дворов, в которых проживали кочевавшие прежде ханты.

Несмотря на географическое соседство, округа Северо-Западной Сибири имели ряд отличий в типической структуре своей поселенческой сети. Так, ханты-мансийская сеть поселений отличалась большим типическим разнообразием. К 1939 году ее составляли населенные пункты 28-ми типов, в то время как ямало-ненецкая сеть включала селения 14-ти типов. В число 64-х поселений, указанных в таблице 3 в графе «прочие» по Ханты-Мансийскому округу, входили избушки, чумы, будки, молочно-товарные фермы, бараки и др. В Ямало-Ненецком округе в указанную графу помещены совхоз, песок, метеорологическая станция и радиостанция.

Двумя десятилетиями позже из поселенческой сети Ханты-Мансийского округа исчезли выселки, чумы, избушки, кордоны, пески и селения

некоторых других типов, однако появились населенные пункты со статусом участка, зверофермы, хутора, рейда, охотничьего хозяйства, смолокурки и др. (всего 19 типов). В сети поселений Ямало-Ненецкого округа возникли селения таких ранее не встречающихся статусов, как разъезды, станции, аэропорт, затон, бухта, мыс и пр. (всего 15 типов).

Таким образом, в 1930—1950-е годы структура поселенческой сети Северо-Западной Сибири стала менее разнообразной по представленным в ней типам населенных пунктов, но вместе с тем пополнилась селениями новых статусов, что было следствием социально-экономической модернизации региона.

4. Заключение = Conclusions

Развитие системы размещения населения Северо-Западной Сибири в 1930—1950-е годы можно назвать противоречивым. С одной стороны, преимущественно за счет механического прироста увеличилась численность населения (со 139 114 чел. в 1939 году до 186 260 чел. в 1959 году). Однако расширения масштабов поселенческой сети региона (как это было в предыдущие периоды) не последовало. Напротив, за два десятилетия число населенных пунктов сократилось в 1,6 раза (с 1146 в 1939 году до 692 в 1959 году). Особенно заметным было уменьшение числа поселений в Ханты-Мансийском национальном округе.

Рост числа городских поселений в регионе в 1930—1950-е годы можно считать результатом урбанизации «сверху», вызванной необходимостью повышения эффективности управления огромными северными территориями, создания целостной иерархически построенной системы расселения в каждом из национальных округов, в которой города должны были стать центрами всестороннего обслуживания населения и хозяйства окружающих районов.

В рассматриваемый период серьезные изменения претерпело сельское расселение. С переводом кочевых народов на оседлость постепенно исчезали однодворные селения со статусом юрт, оленьих стойбищ, заимок, в то время как число стационарных населенных пунктов средней величины (от 25 до 100 дворов) увеличивалось, росла их людность. Это свидетельствует о развитии в регионе групповых форм расселения, хотя преобладающим, безусловно, оставалось автономное мелкодисперсное расселение, отличающееся значительной территориальной удаленностью соседних поселений, слабым развитием транспортных коммуникаций.

Расселенческая политика государства, нацеленная на решение задач интенсификации использования ресурсов сибирского Севера для хозяйственных нужд страны, была ориентирована на восполнение дефицита рабочих кадров в лесной и рыбной промышленности, звероводстве. Резуль-

татом этой политики стало изменение рисунка расселения, трансформация типической структуры поселенческой сети. Интенсивность последней определялась численностью потока мигрантов, в том числе вынужденных, а также степенью вовлеченности конкретной территории в процессы экономического развития страны.

Принудительная сельскохозяйственная колонизация северных территорий за счет ссылки раскулаченных крестьян в 1930-е годы, развитие кустарного производства, наращивание объемов рыбодобычи и лесозаготовок путем прикрепления спецпереселенцев к рыбтрестам и леспромхозам способствовали увеличению количества деревень и поселков, факторий, появлению новых рыбопромышленных и лесных участков.

«Размывание» населения Северо-Западной Сибири вынужденными мигрантами привело к сокращению доли индигенных народов в этническом составе, уменьшению доли селений «инородческого» типа в типической структуре поселенческой сети.

В целом изменения в системе расселения жителей Северо-Западной Сибири, произошедшие в 1930—1950-е годы, были связаны с развитием производительных сил и стали основой для дальнейшего хозяйственного освоения этого региона, превращения его в нефтегазовый плацдарм страны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479.
2. РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 1562 ; Ф. 5675.

Литература

1. Аксарин В. В. Поселения Остяко-Вогульского национального округа в 1930-е годы : численность и типология / В. В. Аксарин // Genesis : исторические исследования. — 2022. — № 10. — С. 71—81. — DOI: 10.25136/2409-868X.2022.10.39041.
2. Алексеев А. И. Региональные проблемы долгосрочного развития сельского расселения / А. И. Алексеев. — Йошкар-Ола : Марийский НИИ, 1987. — 13 с.
3. Алексеева Л. В. Население Ханты-Мансийского национального округа (1945—1959 гг.) : историко-демографический аспект / Л. В. Алексеева // Историография. Историковедение. Историческое краеведение : сб. статей к юбилею д-ра ист. наук В. В. Митрофанова. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарг. гос. ун-та, 2017. — С. 321—326.
4. Гаврилова Н. Ю. Урбанизационные процессы в начальный период формирования нефтегазового комплекса Западной Сибири / Н. Ю. Гаврилова // Нефть и газ Западной Сибири : материалы междунар. науч.-техн. конф. — Тюмень : Изд-во Тюмен. индустр. ун-та, 2017. — С. 231—234.
5. Гизатуллина Л. Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939—1956 годах : автореферат диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Ф. Гизатуллина. — Омск, 2005. — 28 с.

6. *Глезер О. Б.* Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России / О. Б. Глезер, Э. И. Вайнберг // Регион : экономика и социология. — 2013. — № 3. — С. 21—38.

7. *Загороднюк Н. И.* Влияние модернизационных процессов на формирование сети населенных пунктов Ямало-Ненецкого национального округа в 1920—1930-е гг. / Н. И. Загороднюк // Исторический журнал: научные исследования. — 2023а. — № 6. — С. 176—187. — DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69302.

8. *Загороднюк Н. И.* Формирование спецпоселенческой сети в Северо-Западной Сибири (по материалам Тобольского окружного земельного управления) / Н. И. Загороднюк // Общество : философия, история, культура. — 2023б. — № 1. — С. 100—106. — DOI: 10.24158/fik.2023.1.15.

9. *Зайончковская Ж. А.* Демографическая ситуация и расселение / Ж. А. Зайончковская. — Москва : Наука, 1991. — 132 с.

10. *Зайцева Е. А.* История населенных пунктов Югры : краткий научно-популярный справочник / Е. А. Зайцева, В. П. Клюева, С. Н. Щербич. — Ханты-Мансийск — Москва : Перо, 2012. — 176 с. — ISBN 978-5-91940-338-8.

11. *Зубаревич Н. В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности / Н. В. Зубаревич // Известия РАН. Серия географическая. — 2013. — № 3. — С. 26—38. — DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38.

12. *Иванов А. С.* Спецпереселенцы на Западносибирском Севере в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / А. С. Иванов, Н. А. Михалев. — Москва : Полит. энцикл., 2023. — 319 с. — ISBN 978-5-8243-2548-5.

13. *Исупов В. А.* Урбанизация Западной Сибири : взгляд историка / В. А. Исупов // ЭКО. — 2018. — № 7 (529). — С. 7—22. — DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2018-7-7-22.

14. *Ковалев С. А.* География населения СССР / С. А. Ковалев, Н. Е. Ковальская. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — 287 с.

15. *Колева Г. Ю.* Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960—1980-е гг. / Г. Ю. Колева // Вестник Тюменского государственного университета. — 2007. — № 1. — С. 237—244.

16. *Михалев Н. А.* Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ) / Н. А. Михалев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2010. — 196 с. — ISBN 978-5-7691-2084-8.

17. *Население Ямала в XX веке : историко-демографический анализ* / Г. Г. Корнилов, Г. Е. Корнилов, Н. А. Михалев, А. Г. Оруджиева. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-8057-0879-5.

18. *Пивнева Е. А.* Коренные малочисленные народы ХМАО-Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX—XXI вв. / Е. А. Пивнева // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. — 2023. — Выпуск 4 (16). — С. 87—110. — DOI: 10.22405/2712-8407-2023-4-87-10.

19. *Попов Н. Н.* Положение спецпереселенцев на севере Урала и Западной Сибири при сталинском режиме / Н. Н. Попов // История репрессий на Урале : идеология, политика, практика (1917—1980-е гг.) : сборник статей. — Нижний Тагил : НТГПИ, 1997. — С. 155—163.

20. *Силин А. Н.* Вахтовый метод в нефтегазовом комплексе : опыт социологического обеспечения / А. Н. Силин // Вестник ВЭГУ. — 2017. — № 4 (90). — С. 111—118.

21. *Стась И. Н.* Историко-динамический анализ городского и сельского населения Тюменской области : вторая половина XX — начало XXI века / И. Н. Стась // Историче-

ские, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Теория и практика. — 2012. — № 6 (20). — Ч. 2. — С. 188—194.

22. Татарникова А. И. Сельские поселения Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов в 1930-е гг. : размещение, плотность, экономическое и социокультурное развитие / А. И. Татарникова // Исторический журнал : научные исследования. — 2022. — № 6. — С. 89—101. — DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39355.

23. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950—1980-е гг. : планы и реальность / А. И. Тимошенко. — Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2009. — 173 с. — ISBN 978-5-91124-037-0.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024,
одобрена после рецензирования 21.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. F. 9479. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics*. F. 1562; F. 5675. (In Russ.).

References

Aksarin, V. V. (2022). Settlements of the Ostyako-Vogulsky National District in the 1930s: number and typology. *Genesis: historical research*, 10: 71—81. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.10.39041. (In Russ.).

Alekseev, A. I. (1987). *Regional problems of long-term development of rural settlement*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute. 13 p. (In Russ.).

Alekseeva, L. V. (2017). Population of the Khanty-Mansiysk National Okrug (1945—1959): historical and demographic aspect. In: *Historiography. Source studies. Historical local lore: collection of articles for the anniversary of Dr. V. V. Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences*. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk State University. 321—326. (In Russ.).

Gavrilova, N. Y. (2017). Urbanization processes in the initial period of formation of the oil and gas complex of Western Siberia. In: *Oil and gas of Western Siberia: materials of international scientific and technical Conf.* Tyumen: Tyumen Publishing House. industry Unita. 231—234. (In Russ.).

Gizatullina, L. F. (2005). *The deportation of peoples to Northwestern Siberia in 1939—1956*. Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 28 p. (In Russ.).

Glezer, O. B. (2013). The space of vital activity of the population and settlement as factors and conditions of modernization of Russia. *Region: economics and sociology*, 3: 21—38. (In Russ.).

Isupov, V. A. (2018). Urbanization of Western Siberia: a historian's view. *ECO*, 7 (529): 7—22. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-7-7-22. (In Russ.).

Ivanov, A. S., Mikhalev, N. A. (2023). *Special settlers in the West Siberian North during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Moscow: Polit. Encyclopedia. 319 p. ISBN 978-5-8243-2548-5. (In Russ.).

Koleva, G. Y. (2007). Construction of cities in the areas of new industrial development in the 1960s—1980s. *Bulletin of the Tyumen State University*, 1: 237—244. (In Russ.).

- Kornilov, G. G. (2013). *The population of Yamal in the XX century: historical and demographic analysis*. Yekaterinburg: Publishing House of the AMB. 360 p. ISBN 978-5-8057-0879-5. (In Russ.).
- Kovalev, S. A. (1980). *Geography of the population of the USSR*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 287 p. (In Russ.).
- Mikhalev, N. A. (2010). *The population of Yamal in the first half of the XX century (Historical and demographic analysis)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 196 p. ISBN 978-5-7691-2084-8. (In Russ.).
- Pivneva, E. A. (2023). Indigenous small peoples of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the general population censuses of Russia of the XX—XXI centuries. *Tula Scientific Bulletin. A series of Stories. Linguistics*, 4 (16): 87—110. DOI: 10.22405/2712-8407-2023-4-87-10. (In Russ.).
- Popov, N. N. (1997). The situation of special settlers in the north of the Urals and Western Siberia under the Stalinist regime. In: *History of repression in the Urals: ideology, politics, practice (1917—1980 years): collection of articles*. Nizhny Tagil: NTGPI. 155—163. (In Russ.).
- Silin, A. N. (2017). The shift method in the oil and gas complex: the experience of sociological support. *Vestnik VEG*, 4 (90): 111—118. (In Russ.).
- Stas, I. N. (2012). Historical and dynamic analysis of the urban and rural population of the Tyumen region: the second half of the XX — beginning of the XXI century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and practice*, 6 (20) / 2: 188—194. (In Russ.).
- Tatarnikova, A. I. (2022). Rural settlements of the Ostyako-Vogulsky and Yamalo-Nenets national districts in the 1930s: location, density, economic and socio-cultural development. *Historical Journal: scientific research*, 6: 89—101. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39355. (In Russ.).
- Timoshenko, A. I. (2009). *State policy of formation and consolidation of the population in the areas of new industrial development of Siberia in the 1950s—1980s: plans and reality*. Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. 173 p. ISBN 978-5-91124-037-0. (In Russ.).
- Zagorodnyuk, N. I. (2023a). Influence of modernization processes on the formation of a network of settlements in the Yamalo-Nenets National District in the 1920s—1930s. *Historical Journal: scientific research*, 6: 176—187. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69302. (In Russ.).
- Zagorodnyuk, N. I. (2023b). Formation of a special settlement network in Northwestern Siberia (based on the materials of the Tobolsk District Land Administration). *Society: philosophy, history, culture*, 1: 100—106. DOI: 10.24158/fik.2023.1.15. (In Russ.).
- Zaitseva, E. A. (2021). *The history of settlements in Yugra: a short popular science reference book*. Khanty-Mansiysk — Moscow: Pero. 176 p. ISBN 978-5-91940-338-8. (In Russ.).
- Zayonchkovskaya, J. A. (1991). *Demographic situation and settlement*. Moscow: Nauka. 132 p. (In Russ.).
- Zubarevich, N. V. (2013). Transformation of rural settlement and network of services in rural areas. *Izvestiya RAS. The series is geographical*, 3: 26—38. DOI: 10.15356/0373-2444-2013-3-26-38. (In Russ.).

*The article was submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 21.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Трут В. П. Добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 498—514. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-498-514.

Trut, V. P. (2024). Volunteer Partisan Movement in Rostov Region During Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 498-514. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-498-514. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны

Трут Владимир Петрович
orcid.org/0000-0002-2833-629X
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и культурологии
trut.vladimir@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

Volunteer Partisan Movement in Rostov Region During Great Patriotic War

Vladimir P. Trut
orcid.org/0000-0002-2833-629X
Doctor of History, Professor,
Department of History and Culturology
trut.vladimir@rambler.ru

Don State
Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны. Анализируются его содержание, общие и специфические региональные черты. Источниками данной статьи являются опубликованные и выявленные автором архивные материалы, часть которых впервые вводится в научный оборот. Автором был обоснован вывод о том, что местный степной ландшафт, отсутствие естественных природных укрытий очень негативно влияли на масштабы и характер военных операций партизан. Автор установил, что партизанские отряды в местных условиях были небольшими по численности и могли проводить только локальные военные операции. Многие из них действовали только как разведывательно-диверсионные группы. Проведённый автором анализ позволил заключить, что основными тактическими формами ведения боевых действий местных партизан являлись быстрые и непродолжительные военные набеги и налеты, диверсии, а также военные рейды. Автор установил, что одной из существенных особенностей партизанского движения в Ростовской области являлся казачий фактор. Обоснован вывод, что основная часть донского казачества не встала на путь коллаборационизма и активно участвовала в партизанском движении.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; Ростовская область; партизанское движение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the volunteer partisan movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. It analyzes its content, as well as the general and specific regional characteristics. The sources for this study include both published and newly identified archival materials, some of which are introduced into scholarly discourse for the first time. The author substantiates the conclusion that the local steppe landscape and the lack of natural shelters had a profoundly negative impact on the scale and nature of the partisans' military operations. It is established that partisan units, under local conditions, were small in number and could only conduct localized military operations. Many operated solely as reconnaissance and sabotage groups. The analysis conducted by the author leads to the conclusion that the primary tactical forms of combat employed by local partisans were swift and brief military raids and strikes, sabotage actions, as well as military incursions. The author identifies that one of the significant features of the partisan movement in the Rostov region was the Cossack factor. It is argued that the majority of Don Cossacks did not embark on a path of collaboration and actively participated in the partisan movement.

Key words:

Great Patriotic War; Rostov region; partisan movement.

УДК 94(47).084.8+356.15(470.61)“1941/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-498-514

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Добровольческое партизанское движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны

© Трут В. П., 2024

1. Введение = Introduction

Практически сразу после начала Великой Отечественной войны возникло очень большое по своим масштабам добровольческое движение, в составе которого были как военнообязанные граждане, пожелавшие сугубо добровольно еще до объявления мобилизации своего призывного возраста вступить в ряды армии, так и имевшие официальное освобождение от нее в силу возрастных, физических или профессиональных обстоятельств. Но при этом нужно отметить, что не подлежавшие призыву по различным причинам граждане, также исключительно добровольно пожелавшие пойти на фронт, направлялись в создаваемые иррегулярные добровольческие части. К ним относились и полки народного ополчения, и действовавшие в ближнем тылу для борьбы с вражескими десантами и поддержания порядка истребительные отряды, и, конечно же, партизанские формирования и подпольные группы, действовавшие в тылу противника.

Исследованию проблематики партизанского движения в годы войны посвящены работы В. Н. Андрианова [Андрианов, 1981], Л. Н. Бычкова [Бычков, 1965], А. Д. Колесника [Колесник, 1988], Т. Д. Медведева [Медведев, 2022, с. 146—153], А. М. Сеницына [Сеницын, 1985], а также ряд коллективных обобщающих работ [Война ..., 1974; История партизанского ..., 2001; Партизанское ..., 2001].

Данной теме уделялось внимание и в современной зарубежной историографии [Cornish, 2014; Grenkevich, 1999; Heuser, 2013; Hill, 2019; Musial, 2009; War..., 2010].

Партизанское движение отличалось своей массовостью, присутствием в его рядах представителей самых разных этнических, половозрастных и социальных категорий граждан. По данным, имеющимся в работах авторитетных отечественных исследователей, общая численность партизан, сражавшихся в годы войны с врагом в составе 6 тысяч партизанских отрядов, превышала миллион человек [Россия ..., с. 451].

Различные аспекты формирования подразделений и ведения боевой деятельности донских партизан затрагивались в ряде исследований, посвященных в целом изучению событий военного периода в Ростовской области [Кислицын и др., 2012; Маркусенко, 1977; Трут, 2020].

Актуальность исследования обусловливается тем, что, несмотря на проделанную исследовательскую работу, многие важные аспекты обозначенного вопроса, в частности особенности партизанского движения в Ростовской области, остаются во многом неизученными. Научная новизна статьи состоит в том, что комплексно исследуются позитивные и негативные факторы, оказавшие непосредственное воздействие на формирование движения и деятельность партизан, его характер и точная численность, выявляется его региональная специфика.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве источников исследования использованы опубликованные и архивные неопубликованные документы.

Одним из первых сборников документов, в котором среди прочего присутствовали и некоторые документальные источники обозначенной проблематике, стало издание «На защите Родины: партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» [На защите..., 1980]. В частности, в данном сборнике был представлен такой интересный документ, как «Информация Ростовского обкома партии в ЦК ВКП (б) о деятельности партизанских отрядов в области 6 мая 1942 года» [Там же, с. 169—173], который отражал ситуацию с партизанским движением в области в начале и в середине 1942 года.

В сборнике документов из Архива Президента Российской Федерации «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны» [Партизанское движение..., 2015], посвященном деятельности партизан всей страны, присутствуют и важные документы, относящиеся к партизанскому движению на территории Ростовской области.

Достаточно значительный и разноплановый источниковый материал по обозначенному вопросу содержится в современных публикациях, например, в издании «Завещано помнить... Донские архивы 70-летию Великой Победы» [Завещано..., 2015]. В нем наибольший интерес представляет документ «Отчет Ростовского обкома ВКП (б) к IV-й областной партийной конференции», в котором приведены очень важные итоговые данные об официально учтенных результатах деятельности донских партизан в годы войны [Там же, с. 206—207]. Немалый исследовательский интерес вызывает и опубликованный «Отчет партизанского отряда имени Ростовского обкома ВКП (б) о деятельности отряда в 1943—1943 гг.», который отра-

жает как общее содержание боевой деятельности одного из партизанских отрядов Ростовской области, так и ее специфические особенности, обусловленные социальным составом и политическими настроениями местного населения, их различным отношением к оккупационному режиму и партизанам, а также природными факторами [Там же, с. 94],

В вышедшем в 2020 году издании «И помнит мир спасенный... Сборник документов Ростовской области» [И помнит..., 2020] также приведены некоторые интересные документальные источники, освещающие деятельность партизан области. Например, в нем опубликован содержательный «Доклад Мигулинского райкома партии Ростовскому обкому ВКП (б) о деятельности партизанского отряда “Донской казак”» [Там же, с. 21].

Но основной массив источников по данной проблематике сосредоточен в областных архивных хранилищах — Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). В ЦДНИРО имеется фонд Ф. Р-3 «Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны». В нем сосредоточено большое количество документальных источников по данной теме: докладные записки командования партизанских отрядов, отчеты руководителей областного и местных уровней о формировании и деятельности партизанских отрядов, об их успешной деятельности и имевшихся проблемах. Также в этом архиве есть и фонд Ф. Р-9 «Ростовский обком ВКП (б)», в котором содержатся различные материалы местных партийных органов разного уровня, в той или мере затрагивающие интересующую нас проблематику.

В фонде Ф. 3613 ГАРО, в котором сосредоточены разнообразные документы, относящиеся к событиям периода войны в области, присутствует и ряд документов по обозначенному вопросу [ГАРО, ф. 36, оп. 1, д. 164, л. 38—41].

Эти документы содержат важные, притом достаточно развернутые сведения о деятельности партизан области вплоть до момента освобождения областного центра [Там же, д. 168, л. 18].

Содержательным историческим источником является и периодическая печать рассматриваемого периода. Во время войны в области в общей сложности издавалось порядка пятидесяти трех областных и районных газет. Примечательно, что даже в период временной оккупации области подпольным образом издавалось немалое количество газет, в частности, «Сталинские партизаны», «Приазовская правда», «Коммунист Дона».

Информативным, хотя, безусловно, и своеобразным источником являются и непосредственные воспоминания партизан-добровольцев. Среди них выделяются воспоминания А. Даниловского «В донских плавнях

(Записки комиссара партизанского отряда) [Даниловский, 1946, с. 32—56]. Комплексное использование всех отмеченных источников позволяет довольно обстоятельно и всесторонне осветить деятельность и специфику областного партизанского движения.

Целью статьи является исследование содержания, масштабов, итогов деятельности добровольческого партизанского движения в Ростовской области в период Великой Отечественной войны, выяснение, всесторонняя характеристика и обстоятельный анализ как общих, так и особенных его черт в этом своеобразном в плане природно-географических условий регионе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Организационная работа по формированию партизанских отрядов в Ростовской области в начальный период войны

18 июля 1941 года было принято постановление Политбюро ЦК партии об организации партизанского движения во вражеском тылу. После этого в Ростовской области, так же как и в других областях, началась активная целенаправленная работа по формированию и оснащению партизанских формирований. Она проводилась оперативно, организованно, но одновременно и строго секретно. При этом за ход, результаты и секретность данной работы была установлена персональная ответственность руководители данных органов. В результате уже в следующем месяце в области стали реализовываться достаточно значительные как общие организационные, так и конкретные практические действия по формированию отрядов, определению мест их будущей дислокации, обеспечению вооружением, боеприпасами, взрывчаткой, продовольствием, медикаментами, закладке соответствующих баз, подготовке агентуры для связи и разведки из числа надёжных местных жителей.

С учетом таких факторов, как крайне неблагоприятный природный ландшафт области для ведения партизанской борьбы, отсутствие здесь больших и густых лесных массивов, болот, гор и предгорий, других естественных укрытий, было принято обоснованное решение о том, что в таких условиях местные партизанские отряды должны быть довольно малочисленными, насчитывать всего от трёх до пяти десятков человек в каждом из районов области, обладать хорошей мобильностью за счёт использования конского состава и базироваться в наиболее труднодоступных местах, таких как, например Приазовские плавни. В связи со спецификой местных природно-ландшафтных условий планировалась и деятельность отрядов в качестве диверсионно-разведывательных групп с их постоянным базированием за линией фронта в расположении регулярных советских войск. Итогом проведённой масштабной и напряжённой работы стала практиче-

ски полная готовность к выполнению боевых задач почти всех отрядов уже к октябрю 1941 года. Всего же к январю 1942 года, когда данная подготовительная работа была завершена, были полностью укомплектованы всем необходимым 83 партизанских отряда численностью 3395 бойцов [На защите..., 1980, с. 162].

Значительная организационная работа была проведена и в плане поиска и боевой подготовки проверенного и надежного личного состава донских партизанских отрядов. В них зачислялись наиболее сознательные и проверенные граждане, понимавшие всю опасность партизанской деятельности, но тем не менее сознательно согласившиеся вступить в ряды народных мстителей. Прошедшие строгий отбор будущие бойцы партизанских отрядов направлялись на специально организованные курсы военной подготовки, на которых они изучали специфическую тактику партизанских действий, минно-взрывное дело, приемы диверсионной деятельности.

В условиях острого дефицита оружия вооружение будущих партизанских отрядов осуществлялось главным образом за счёт оружия, находившегося на руках бойцов действовавших местных истребительных отрядов. В условиях, когда практически все запасы наиболее пригодного и современного оружия, особенно автоматического, были направлены на вооружение формировавшихся в области регулярных частей Красной Армии, в районные истребительные батальоны и местные истребительные отряды оружие передавалось по остаточному принципу и зачастую включало в себя переделанные учебные, устаревшие и даже иностранные образцы. Необходимо отметить один немаловажный, по нашему мнению, и совершенно не отраженный в историографии факт, весьма красноречиво свидетельствующий и о той крайне сложной и довольно специфической ситуации, которая сложилась в плане обеспечения формировавшихся в Ростовской области партизанских отрядов оружием. Официальных документов, свидетельствующих о количестве и марках оружия, поступившего на вооружение этих отрядов при их создании, в архивных хранилищах области обнаружить не удалось. Впоследствии же ветераны донского партизанского движения в своих воспоминаниях отмечали, что в каждом отряде на вооружении были польские винтовки. (В основном это были выпускавшиеся в Польше в межвоенный период безлицензионные немецкие «Маузеры» и переделанные под немецкий патрон русские «трехлинейки»). Они, скорее всего, являлись трофеями Красной Армии после известного сентябрьского 1939 года похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и были переданы на хранение на оружейные склады тыловых военных округов. Также на вооружении практически каждого формировавшегося партизанского отряда было 1—2 ручных пулемёта, 200

—300 гранат, 25—50 килограммов взрывчатки, детонаторы и значительное количество патронов. В каждом отряде заблаговременно была создана необходимая продовольственная база с запасом продуктов. В местах предполагавшегося базирования каждого отряда было заложено по несколько подземных тайников с боеприпасами.

Довольно пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает и такой существенный, но фактически никак не отраженный в историографии факт, как денежно-финансовое обеспечение как отдельных партизан, так и отрядов. Бойцы получали денежное содержание, величина которого непосредственно зависела от их довоенного оклада по месту работы и занимаемой в отряде должности. В ЦДНИРО нами обнаружен весьма интересный документ — «Смета расходов на содержание партизанских формирований Ростовской области на 8 месяцев» [ЦДНИРО, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 36], датированный августом 1941 года. В нем содержатся подробные цифры по выделенным из областного бюджета на данные цели денежным средствам, их распределение по статьям расходов, в частности, на обеспечение бойцов данных формирований продовольствием, одеждой, снаряжением, медикаментами.

Таким образом, несмотря на имевшиеся серьезные трудности, подготовительная работа по созданию и оснащению партизанских отрядов в Ростовской области еще до ее оккупации противником была проделана достаточно значительная и всесторонняя. Вместе с тем реализовано было далеко не все из запланированного. Более того, в ходе данной подготовительной работы были допущены явные недоработки и просчеты. Так, в ряде случаев оказались неверно оценены личные моральные качества некоторых назначенных руководителей партизанских отрядов, следствием чего стали проявление трусости и даже прямое предательство отдельных их членов буквально сразу после начавшейся вражеской оккупации. В результате некоторые партизанские отряды не начали свою боевую деятельность, поскольку отдельные командиры и бойцы из-за своей трусости либо взглядом не явились в условленное время в установленные места сбора того или иного отряда. Были даже лица, которые открыто перешли на сторону врага и выдали ему планировавшиеся места дислокации отрядов, их схронов с оружием, боеприпасами и продовольствием, а в отдельных, правда, единичных случаях, и их списочный состав.

Кроме того, очень большое, во многом даже определяющее влияние на масштабы, характер, тактику и, соответственно, результаты деятельности партизанских отрядов области накладывал важнейший объективный природный фактор. Территория Ростовской области, за очень небольшим исключением приазовских плавней и редких лесных массивов, представляла собой степной ландшафт. Для постоянного или длительного нахождения

отрядов он был практически непригоден. Поэтому многие отряды базировались за линией фронта в ближайшем тылу Красной Армии. Соответственно, многие отряды могли действовать только в качестве разведывательно-диверсионных групп, многократно и с большим риском переходя линию фронта.

3.2. Увеличение масштабов и интенсивности действий партизанского движения в области в 1942 году

Увеличение масштабов и интенсивности боевых действий партизан происходило по мере продвижения противника вглубь территории Ростовской области. После того, как в западные районы области в сентябре 1941 года вступили наступавшие части немецкой армии, дислоцировавшиеся здесь партизанские отряды Федоровского, Таганрогского, Неклиновского и ряда других районов начали активную боевую работу. Причем (и на данное обстоятельство следует обратить особое внимание) сформированные в Неклиновском районе партизанские отряды «Отважный-1» и «Отважный-2» по приказу командования вместе с частями Красной Армии вынуждены были вступить в тяжелые и кровопролитные полевые бои с наступающими частями неприятеля. Но к ведению напряженных боевых действий такого характера партизаны ни в тактическом, ни в оперативном планах подготовлены не были. Спустя достаточно короткий период по прямому приказу командования 56-й армии они начали вести довольно активную разведывательно-диверсионную деятельность в тылу врага. В октябре того же года в прямые полевые бои с противником вынуждены были вступить и бойцы партизанских отрядов Анастасиевского и Фёдоровского районов. При этом в ходе этих напряженных боестолкновений они понесли весьма существенные потери и в результате практически полностью утратили боеспособность и затем фактически распались и прекратили свое существование. (Правда, уже в феврале 1942 года эти отряды были заново сформированы и вновь развернули боевую деятельность).

Кроме выполнения разведывательных и диверсионных заданий, существенное внимание партизаны уделяли и агитационной работе на оккупированных территориях среди местного населения с целью его активного привлечения к борьбе с оккупантами.

Очень значительное и самое непосредственное влияние на деятельность партизан Ростовской области (прежде всего на тактику и содержание их боевой деятельности) оказал тот фактор, что после известного контрнаступления Красной Армии в ноябре 1941 года, освобождения г. Ростова-на-Дону и прилегающих районов проходившая по территории области линия фронта стабилизировалась на достаточно длительный период. Такая ситуация здесь сохранялась на протяжении без малого пяти месяцев. За это время противник сосредоточил не только непосредственно на линии

боевого соприкосновения, но и в своем ближнем и даже дальнем тылу значительные военные и охранно-полицейские силы, серьезно укрепил свои позиции, что очень существенно осложнило возможности деятельности всех партизанских отрядов, но особенно тех из них, которые базировались в расположении советских войск и действовали в качестве разведывательно-диверсионных групп. В такой ситуации буквально каждый их выход на боевое задание и переход линии фронта становился чрезвычайно трудным и опасным. Тем не менее небольшие по своей численности отряды постоянно осуществляли свои зафронтные рейды.

Более того, с целью увеличения масштабов данной деятельности областным руководством совместно с командованием Красной Армии в неоккупированном Александровском районе создаются новые отряды «Александровский-1-й» и «Александровский-2-й». Это позволило активизировать деятельность партизан на прифронтной территории противника и повысить ее эффективность.

Весной 1942 года на территории области активно действовали 67 партизанских отрядов, в составе которых было 2324 человека [И помнит ..., 2020, с. 362].

Одновременно с обеспечением деятельности партизан во вражеском тылу партийно-советское руководство области совместно с органами НКВД проводило большую работу по формированию специальных подпольных групп и всесторонней подготовке их дальнейшей деятельности в городах Ростове-на-Дону, Новочеркаске, Шахтах, Миллерово, Каменске в случае их оккупации. Впоследствии, когда данные населенные пункты были заняты неприятелем, эти группы сразу начали активную разведывательно-диверсионную работу [ЦДНИРО, ф. 3, оп. 1, д. 67, л. 19—20].

После оккупации противником летом 1942 года территории области боевая работа партизан существенно активизировалась. С учетом общей обстановки на фронте, продолжавшегося крупномасштабного наступления немецкой армии было принято решение о максимально возможной активизации деятельности партизан с целью нанесения урона неприятелю и сковывания его сил в тылу. Поэтому летом и осенью 1942 года местное партизанское движение существенно расширяется и активизируется. Фактически наступил его новый этап деятельности. В данный период наиболее эффективно вели боевые действия партизаны отрядов «Отважный-1» и «Отважный-2», пяти отрядов, базировавшихся на занятом нашими войсками южном побережье Таганрогского залива, отрядов «Гневный Дон», «Донской казак», имени Ростовского обкома ВКП (б) и некоторых других [Трут, 2023, с. 41].

При характеристике донского партизанского движения необходимо обратить внимание на одно достаточно важное обстоятельство, не получив-

шее, несмотря на свою значимость, необходимого рассмотрения в историографии. Несмотря на налаженное взаимодействие донских партизан с находившимся в эвакуации за пределами области Ростовским областным партийно-советским руководством и командованием соединений Красной Армии, дислоцировавшихся непосредственно на линии боевого соприкосновения, проходившей по территории области, точные данные о количестве партизанских отрядов области и их численности некоторым центральным руководящим органам известны не были. Следствием были ошибки в оценке реального масштаба и боевого потенциала областного партизанского движения. Например, в одной из записок начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 18 ноября 1942 года о численности всех известных Штабу партизанских отрядов говорилось, что в Ростовской области действуют всего девять партизанских отрядов общей численностью 305 бойцов, причем ни с одним из них связи не было [Партизанское движение ..., 2015, с. 280]. Как видим, эти данные очень и очень сильно расходились с реальным положением дел. Общее количество бывших здесь отрядов, и их численность, и реальные боевые возможности, и результаты боевой деятельности были гораздо более значительными.

3.3. Особенности партизанского движения в Ростовской области и их непосредственное влияние на деятельность местных партизанских отрядов

Одной из существенных особенностей партизанского движения в Ростовской области являлся так называемый казачий фактор. На Дону буквально с первых дней войны развернулось очень масштабное добровольческое движение казаков. Они вступали в формировавшиеся 15-ю и 116-ю казачьи добровольческие кавалерийские дивизии, на базе которых впоследствии был образован 5-й Донской гвардейский казачий кавалерийский корпус. Сотни тысяч донских казаков сражались в различных стрелковых, кавалерийских, артиллерийских и иных частях и соединениях. Казаки-добровольцы активно вступали в партизанские отряды, подпольные группы.

В то же самое время немецкое командование, принимая во внимание серьезный политический раскол в казачьей среде в годы Гражданской войны, прилагало значительные усилия с целью привлечения казаков на свою сторону. С целью противодействия данным устремлениям противника Центральный штаб партизанского движения издал специальную директиву Южному штабу партизанского движения от 29 июля 1942 года, в которой говорилось о данном факте и о необходимости присутствия потомственных донских казаков в каждом партизанском отряде Ростовской области [ЦДНИРО, ф. 3, оп. 1, д. 13, л. 5].

Важным представляется и тот факт, что в ней указывалось и на задачу комплектования особых партизанских групп, в состав которых входили бы казаки для включения их в уже действовавшие партизанские отряды и осуществления казаками этих групп необходимой агитации среди казачьего населения [Там же, л. 6]. Также указывалось на формирование небольших конных партизанских отрядов, имевших большую мобильность, что было очень важно при действиях в степной зоне [Там же, л. 7].

Ещё одной отличительной особенностью добровольческого партизанского движения в Ростовской области являлось наличие в нем специальных молодёжных, точнее, как их называли тогда и в обиходе, и в официальных советских документах, комсомольско-молодежных групп. Такие группы формировались исключительно из добровольцев (юношей и девушек) и действовали в составе и партизанских отрядов, и подпольных организаций в донских городах и станицах. При вступлении в данные группы юноши и девушки прекрасно осознавали возможные для них трагические последствия своего мужественного выбора, поскольку все хорошо знали, как жестоко оккупанты относились к партизанам и подпольщикам. Однако они добровольно и сознательно делали свой жизненный выбор — беспощадно бороться с врагом во имя свободы и независимости Родины. Успешно сражалась, например, Синявская комсомольско-молодёжная группа «Комсомолец». Ее бойцы провели много военных операций, а также организовали и осуществили большое количество акций саботажа по активному противодействию местной оккупационной администрации. При этом они, и это было очень важно и показательно, активно привлекали для этого мирное местное население. Аналогичные подпольные группы существовали в Каменске, Шахтах, Миллерово, на станции Глубокой. А состоявшие преимущественно из молодых людей небольшие, но очень мобильные партизанские отряды хутора Урывского Глубокинского района, сел Синявки Неклиновского района, Екатериновки Анастасиевского района, ряда населённых пунктов Куйбышевского района вели активную диверсионную работу во вражеских тылах, уничтожая немецких захватчиков и их приспешников из числа местного населения и дезорганизуя функционирование оккупационной администрации и тыловых структур неприятельской армии. Всего в области с оккупантами боролось порядка 25 комсомольско-молодежных отрядов и групп [ЦДНИРО, ф. 36, оп. 1, д. 28, л. 18].

Еще одной специфической чертой партизанского движения в Ростовской области являлась организация здесь новых партизанских отрядов специально подготовленными и направленными сюда с соответствующими заданиями офицеров НКВД или Красной Армии. Такая практика применялась советским командованием в Белоруссии, на Украине, в Ленин-

градской и Псковской областях и очень хорошо себя зарекомендовала. Но в названных регионах существовали многочисленные густые лесные массивы и иные пригодные природные укрытия, в то время как в Ростовской области их не было. Тем не менее сюда тоже направлялись специально подготовленные офицеры с целью организации партизанских отрядов и дальнейшего ведения активной разведывательно-диверсионной и иной деятельности. Это объяснялось, по нашему мнению, тем, что территория области была очень важна в военно-оперативном отношении. Данный факт в целом подтверждается очень значительной активизацией деятельности местных партизанских отрядов в период Сталинградской битвы. В области были организованы и эффективно сражались отряды имени Сталина, «За Тихий Дон», имени Кирова, «Гроза», «Мститель», «За Родину», руководимые специально присланными сюда кадровыми офицерами. Один из таких отрядов «За Родину» по заданию командования в начале января 1943 года стремительной атакой занял опорный оборонительный рубеж неприятеля в поселке Зимовники. А партизанский отряд «За Тихий Дон», выполняя приказ, совершил длительный двухмесячный рейд по тылам немецко-фашистских войск от Константиновской до Таганрога, достаточно существенно дезорганизовав вражеские тылы и оборону противника.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, партизаны Ростовской области, несмотря на целый ряд существовавших неблагоприятных факторов, вели значительную и результативную боевую деятельность. В общей сложности в период войны и временной оккупации области здесь было сформировано и действовало, согласно официальным документально подтвержденным данным, 163 партизанских отряда, в которых сражалось 4990 человек [Трут, 2020, с. 200]. Среди них было и 155 женщин [ЦДНИРО, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 79]. Исходя из местной обстановки, специфика которой в значительной мере определялась особенностями природно-ландшафтного характера и обусловленными ими крайне неблагоприятными для ведения партизанский действий условиями, местные партизанские отряды являлись весьма небольшими по своей численности и вынуждены были применять особые тактические приемы ведения боевых действий. А это, в свою очередь, самым непосредственным образом влияло и на масштабы, и на формы их военной деятельности, и на ее общие результаты. Они уничтожили и пленили без малого десять тысяч солдат и офицеров противника, привели в негодность значительное количество неприятельского вооружения и техники. Помимо этого им удалось отбить у неприятеля и сохранить значительные товарно-материальные ценности, в том числе большое количество продовольствия, зерна и скота [Стрепухов, 1944].

Довольно значительное число донских добровольцев-партизан было удостоено боевых государственных наград. Так, в 1943 году двадцать четыре человека было награждено боевыми орденами, сто восемнадцать человек получили боевые медали. А в самом начале следующего 1944 года еще сто тридцать один партизан был награжден медалями. Пофамильные списки награждённых 16 января 1944 года были опубликованы в областной газете «Молот» [Высокие награды ..., 1944]. 30 апреля 1944 года состоялось торжественное вручение этих медалей награжденным, а еще четырнадцать партизан получили другие правительственные боевые награды [Стрепухов, 1944].

Всего за совершенные подвиги боевыми орденами и медалями было отмечено без малого пятьсот донских партизан и подпольщиков [Трут, 2020, с. 201].

В ходе ведения боевых действий местными партизанами использовались различные военно-стратегические приемы и боевые тактики. Все партизанские отряды области имели общую военно-политическую цель (борьба с немецкими оккупантами, их союзниками и приспешниками из числа местного населения), выступали исключительно с советских политических позиций, подчинялись советскому центральному и местному государственно-политическому и военному руководству, использовали во многом одинаковую стратегию и тактику, обусловленную единой военной подготовкой их руководителей.

Отметим, что местные природно-географические условия (крайне неблагоприятный для партизанских боевых действий преимущественно степной ландшафт, практически полное отсутствие лесов, болот и других естественных природных укрытий) очень сильно затрудняли действия донских партизан. Однако данный негативный фактор, тем не менее, не оказал определяющего влияния на результативность боевой деятельности партизан.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3 (Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны); Ф. Р-9 (Ростовский обком ВКП (б)).

2. ГАРО — *Государственный архив* Ростовской области. Ф. 3613 (Ростовская область в годы Великой Отечественной войны).

3. *На защите Родины*: партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В: Сб. документов. Сост. В. М. Резванов и др. — Ростов-на-Дону: Рост. книжн. изд-во, 1980. — 374 с.

4. *Завещано помнить ...* Донские архивы — 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. — Ростов-на-Дону: Альтаир, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.

5. *И помнит мир спасенный ...* Сб. док. архивов Ростовской области / Сост. Л. В. Левендорская. — Ростов-на-Дону ; Белгород : Константа, 2020. — 647 с. — ISBN 978-5-907159-64-8.

6. *Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны* / Гл. ред. С. В. Кудряшов. — Москва : Архив Президента Российской Федерации : Ист. лит., 2015. — 689 с. — ISBN 978-5-9906493-1-6.

Литература

1. *Андрианов В. Н.* Советские партизаны и подпольщики в Великой Отечественной войне / В. Н. Андрианов. — Москва : Знание, 1981. — 64 с.

2. *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны / Л. Н. Бычков. — Москва : Мысль, 1965. — 454 с.

3. *Война в тылу врага.* О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. — Москва : Политиздат, 1974. — 447 с.

4. *Высокие награды Родины.* Список донских партизан и подпольщиков, награжденных правительственными наградами // Молот. — 1944. — 16 января.

5. *Даниловский А.* «В донских плавнях (Записки комиссара партизанского отряда) / А. Даниловский // Дон : литературно-художественный альманах. — 1946. — № 1. — С. 32—56.

6. *История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны.* — Москва : Ком. обществ. и межрегион. связей Правительства Москвы : Рос. Комис. по делам партизан, подпольщиков и участнко антифашист. Сопротивления, 2001. — 232 с. — ISBN 5-86656-115-8.

7. *Кислицын С. А.* История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней) / С. А. Кислицын, И. Г. Кислицына // Изд. 2-е. испр. и доп. — Ростов-на-Дону : Ростовкнига, 2012. — 416 с. — ISBN 978-5-89778-110-4.

8. *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник. — Москва : Наука, 1988. — 286 с.

9. *Маркусенко И. С.* Дон в Великой Отечественной войне / И. С. Маркусенко. — Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1977. — 180 с.

10. *Медведев Т. Д.* Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне : историография вопроса / Т. Д. Медведев // Российская история. — 2022. — № 3. — С. 146—153. — DOI: 10.31857/S0869568722030116.

11. *Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.)* / Под общей ред. В. А. Золотарева. — Москва : Кучково поле, 2001. — 464 с. — ISBN 5-901679-03-2.

12. *Россия и СССР в войнах XX века.* Статистическое исследование. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 608 с. — ISBN 5-224-01515-4.

13. *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / А. М. Синицын. — Москва : Воениздат, 1985. — 319 с.

14. *Стрепухов М.* Вклад донских партизан в Победу / М. Стрепухов // Молот. — 1944. — 1 мая.

15. *Трут В. П.* Добровольческое движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный альманах стран Причерноморья. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 38—43. — DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>.

16. *Трут В. П.* Донское казачество в годы Великой Отечественной войны / В. П. Трут // История донского казачества. В 3-х томах. Донское казачество на переломе

эпох (XX — начало XXI в.). — Ростов-на-Дону : Омега Паблицер, 2020. — Т. 3. — С. 177—218. — ISBN 978-5-902441-61-8.

17. *Cornish N. Soviet Partisan 1941—1944* / N. Cornish. — London : Bloomsbury Publishing. — 2014. — 453 p.

18. *Grenkevich L. D. The Soviet Partisan Movement, 1941—1944 : a Critical Historiographical Analysis* / L. D. Grenkevich. — London : Frank Cass Publishers, 1999. — 384 p.

19. *Heuser B. Partisanen, Guerilleros. Asymmetrische Kriege von der Antike bis heute* / B. Heuser. — Paderborn : Ferdinand Schoningh, 2013. — 307 p. — ISBN 978-3506776051.

20. *Hill A. Soviet Partisan versus German Security Soldier* / A. Hill. — Oxford : Osprey Publishing, 2019. — 80 p. — ISBN 1472825667.

21. *Howell E. The Soviet Partisan Movement, 1941—1945* / E. Howell. — Washington, DC : Department of the Army, 1956. — 346 p.

22. *Musial B. Sowjetische Partisanen 1941—1941 : Mythos und Wirklichkeit* / B. Musial. — Paderborn : Ferdinand Schoningh, 2009. — 592 p.

23. *Unknown Conflicts of the Second World War : Forgotten Fronts*. — London : Routledge, 2019. — 246 p. — ISBN 9781138612945.

24. *War in a Twilight World : Partisan and Anti-partisan Warfare in Eastern Europe, 1939—1945*. — New York : Palgrave Macmillan, 2010. — 277 p.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

And the saved world remembers ... Sat. doc. archives of the Rostov region. (2020). Rostov-on-Don; Belgorod: Constanta. 647 p. ISBN 978-5-907159-64-8. (In Russ.).

Bequeathed to remember ... the Don archives — the 70th anniversary of the Great Victory. Collection of documents and materials. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

CDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region*. (In Russ.).

GARO — *State Archive of the Rostov region*. (In Russ.).

In defense of the Motherland: the Don party organization in the Great Patriotic War of 1941—1945. (1980). In: *Collection of documents*. Rostov-on-Don: Growth. books. Publishing house. 374 p. (In Russ.).

The partisan movement during the Great Patriotic War. (2015). Moscow: Archive of the President of the Russian Federation: Ist. lit. 689 p. ISBN 978-5-9906493-1-6. (In Russ.).

References

Andrianov, V. N. (1981). *Soviet partisans and underground workers in the Great Patriotic War*. Moscow: Znanie. 64 p. (In Russ.).

Bychkov, L. N. (1965). *The partisan movement during the Great Patriotic War*. Moscow: Mysl. 454 p. (In Russ.).

Cornish, N. (2014). *Soviet Partisan 1941—1944*. London: Bloomsbury Publishing. 453 p.

Danilovsky, A. (1946). In the Don floodplains (Notes of the commissioner of the partisan detachment). *Don: literary and artistic almanac, 1*: 32—56. (In Russ.).

Grenkevich, L. D. (1999). *The Soviet Partisan Movement, 1941—1944: a Critical Historiographical Analysis*. London: Frank Cass Publishers. 384 p.

Heuser, B. (2013). *Partisanen, Guerilleros. Asymmetrische Kriege von der Antike bis heute*. Paderborn: Ferdinand Schoningh. 307 p. ISBN 978-3506776051. (In Germ.).

- High awards of the Motherland. The list of Don partisans and underground fighters awarded with government awards. (1944). *Molot. January 16*. (In Russ.).
- Hill, A. (2019). *Soviet Partisan versus German Security Soldier*. Oxford: Osprey Publishing. 80 p. ISBN 1472825667.
- Howell, E. (1956). *The Soviet Partisan Movement, 1941—1945*. Washington, DC: Department of the Army. 346 p.
- Kislitsyn, S. A., Kislitsyna, I. G. (2012). *The history of the Rostov region (from the Land of the Don Army to the present day)*. Rostov-on-Don: Rostovkniga. 416 p. ISBN 978-5-89778-110-4. (In Russ.).
- Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).
- Markusenko, I. S. (1977). *Don in the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov. Unita. 180 p. (In Russ.).
- Medvedev, T. D. (2022). Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue. *Russian History*, 3: 146—153. DOI: 10.31857/S0869568722030116. (In Russ.).
- Musial, B. (2009). *Sowjetische Partisanen 1941—1941: Mythos und Wirklichkeit*. Paderborn: Ferdinand Schöningh. 592 p.
- Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Statistical research*. (2001). Moscow: OLMA-PRESS. 608 p. ISBN 5-224-01515-4. (In Russ.).
- Sinitsyn, A. M. (1985). *National assistance to the front. About the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941—1945*. Moscow: Voenizdat. 319 p. (In Russ.).
- Strepukhov, M. (1944). The contribution of the Don partisans to Victory. *Hammer. May 1*. (In Russ.).
- The history of the partisan movement in the Russian Federation during the Great Patriotic War*. (2001). Moscow: Com. Of societies. and the inter-region. Moscow Government relations: Grew. Comis. on the cases of partisans, underground workers and anti-fascist participants. Resistance. 232 p. ISBN 5-86656-115-8. (In Russ.).
- The partisan movement (Based on the experience of the Great Patriotic War of 1941—1945)*. (2001). Moscow: Kuchkovo Pole. 464 p. ISBN 5-901679-03-2. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2020). Don Cossacks during the Great Patriotic War. In: *History of the Don Cossacks. In 3 volumes, 3. The Don Cossacks at the turning point of the epochs (XX—early XXI century)*. Rostov-on-Don: Omega Publisher. 177—218. ISBN 978-5-902441-61-8. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2023). The volunteer movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. *Scientific almanac of the Black Sea countries*, 9 (4): 38—43. DOI: <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43>. (In Russ.).
- Unknown Conflicts of the Second World War: Forgotten Fronts*. (2019). London: Routledge. 246 p. ISBN 9781138612945.
- War behind enemy lines. About some problems of the history of the Soviet partisan movement during the Great Patriotic War*. (1974). Moscow: Politizdat. 447 p. (In Russ.).
- War in a Twilight World: Partisan and Anti-partisan Warfare in Eastern Europe, 1939—1945*. (2010). New York: Palgrave Macmillan. 277 p.

*The article was submitted 07.05.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Тулузакова М. И. Иммиграционный кризис в Палестине (1933—1936) в отражении периодической печати США / М. И. Тулузакова, С. О. Буранок // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 515—531. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-515-531.

Tuluzakova, M. I., Buranok, S. O. (2024). Immigration Crisis in Palestine (1933–1936) as Reflected in Periodical Press of United States. *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 515-531. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-515-531. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Иммиграционный кризис в Палестине (1933—1936) в отражении периодической печати США

Тулузакова Маргарита Игоревна

orcid.org/0009-0009-9914-4349

кандидат исторических наук,

Отдел научных исследований и грантов

tuluz-pearl@rambler.ru

Буранок Сергей Олегович

orcid.org/0000-0001-8307-9428

доктор исторических наук, доцент,

кафедра всеобщей истории,

права и методики обучения,

корреспондирующий автор

s.buranok@pgsga.ru

Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Самара, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда,

проект № 24-28-00071,

<https://rscf.ru/project/24-28-00071/>

Immigration Crisis in Palestine (1933–1936) as Reflected in Periodical Press of United States

Margarita I. Tuluzakova

orcid.org/0009-0009-9914-4349

PhD of History,

Department of Research and Grants

tuluz-pearl@rambler.ru

Sergey O. Buranok

orcid.org/0000-0001-8307-9428

Doctor of History, Associate Professor,

Department of General History,

Law and Teaching Methodology,

Corresponding author

s.buranok@pgsga.ru

Samara State University
of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number № 24-28-00071,

<https://rscf.ru/project/24-28-00071/>

© Тулузакова М. И., Буранок С. О., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Образ Палестины в период 1933—1936 годов формировался в периодической печати США под влиянием «колониальной дискуссии». В первой половине 1930-х годов вопрос о еврейских переселенцах стал одним из основных в «палестинской теме». Материалы периодической печати позволяют установить, как в информационном дискурсе США менялись представления о причинах кризиса на Ближнем Востоке; как шёл процесс эволюции образа арабов, евреев и Великобритании. Публикации американских газет позволяют определить оценки британских мер по урегулированию иммиграционного кризиса в Палестине 1930-х годов. Анализ газет США демонстрирует особенности формирования образа еврейского и арабского населения Палестины. Выявлено, кто попадал под категорию «свой». Первая половина 1930-х годов стала определяющим для общественного мнения США в выборе приоритетов в ближневосточном конфликте. Материал статьи наглядно иллюстрирует этапы эволюции оценок ситуации в Палестине в 1933—1936 годы. Изучены манипулятивные средства и приёмы американской периодической печати 1930-х годов в отношении Палестины, что позволило более точно понять, как проблема еврейских переселенцев встраивалась в общий образ Палестины в периодической печати США.

Ключевые слова:

Палестина; Ближний Восток; периодическая печать США; информационный дискурс; Великобритания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The image of Palestine during the years 1933 to 1936 was shaped in the periodical press of the United States under the influence of the “colonial discourse”. In the first half of the 1930s, the issue of Jewish immigrants became one of the central themes in the “Palestinian question”. The materials from the periodical press allow for an exploration of how perceptions regarding the causes of the crisis in the Middle East evolved within the informational discourse of the United States; how the representations of Arabs, Jews, and Great Britain underwent transformation. Publications from American newspapers provide insights into evaluations of British measures aimed at resolving the immigration crisis in Palestine during the 1930s. An analysis of U.S. newspapers reveals distinctive features in the construction of the images of the Jewish and Arab populations of Palestine. It identifies who was categorized as “the other”. The first half of the 1930s proved decisive for American public opinion in prioritizing positions within the context of the Middle Eastern conflict. The material presented in this article vividly illustrates the stages of evolving assessments of the situation in Palestine from 1933 to 1936. The study examines the manipulative techniques and strategies employed by American periodicals in the 1930s concerning Palestine, thereby providing a clearer understanding of how the issue of Jewish immigration was integrated into the broader narrative of Palestine within U.S. periodical literature.

Key words:

Palestine; Middle East; U.S. periodical press; informational discourse; Great Britain.

УДК 94:325.14(569.4)“1933/1936”+070(73)

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-515-531

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Иммиграционный кризис в Палестине (1933—1936) в отражении периодической печати США

© Тулузакова М. И., Буранок С. О., 2024

1. Введение = Introduction

Важность исследования процесса формирования образа Палестины в информационном дискурсе США подчеркивается обострением политической ситуации на Ближнем Востоке. Актуальность темы исследования обусловлена и научно-практическим интересом к проблеме формирования в СМИ образов конфликтов Новейшего времени и современности [Буранок, 2020, р. 1186]. В контексте данной проблемы интерес вызывает не только изучение уже традиционных категорий — таких, как образ «Другого» в медиа-дискурсе США во время военных кампаний, но и исследования по воображаемой географии, анализ особенностей пропаганды американских властей. Образ Палестины в США показывает, с одной стороны, как шел процесс конструирования (в контексте методологии «воображаемой географии») образа региона, а с другой стороны, как на протяжении короткого, но насыщенного исторического периода (1933—1936 годы) менялись представления о Ближнем Востоке, национализме, колониализме в информационном дискурсе США [Myres, 1932, р. 14].

Изучение формирования информационной повестки США относительно проблемы еврейских переселенцев в Палестине поможет выяснить, как освещали данную проблему американские СМИ: были ли определенные паттерны поведения журналистов и редакторов, есть ли общая стратегия публикаций; определить, формировалась ли в американском обществе идея о нацистской угрозе для Ближнего Востока; выявить периоды активизации интереса американского общества к проблеме Палестины: определить была ли привязка к ключевым датам развития Холокоста в Германии (апрель 1933 года, сентябрь 1935 года, ноябрь 1938 года).

Историография проблемы делится на несколько направлений. Первое — работы о восприятии Палестины в американской периодической печати. Однако большинство работ рассматривают периоды Первой мировой войны, Холодной войны и «войны с террором», а также достаточно редко — этап

1930-х годов. Так, в статье Сары Рой изучается складывание в общественно-политических кругах США «критического восприятия арабо-израильского конфликта» в XX веке. По мнению исследовательницы, это приводит к появлению «контрдискурса», который «бросает вызов доминирующим концепциям и пониманию конфликта, особенно роли Израиля в нем», а 1930-е годы выступают лишь в качестве предыстории конфликта [Roy, 2010, p. 24]. Р. Свити рассматривает американскую политику в Палестине в XIX — первой половине XX веков. Он определяет взаимосвязь между американской политикой и изменениями в восприятии американским обществом событий на Ближнем востоке. Кроме того, Свити выводит закономерности между периодами развития сионистского движения и колебаниями американских интересов на Ближнем Востоке. Также анализируется особая роль различных американских институтов, газет и деятелей в формировании направления и аспектов «Палестинской политики» [Sweiti, 2008, p. 26]. Похожий предмет исследования в статье Кэтлин Кристисон — взаимосвязь общественного мнения США и американской политики на Ближнем Востоке [Christison, 1997, p. 46—50]. В статье изучаются оценки арабо-израильского конфликта в информационном дискурсе США XX века.

Второе направление — это труды о Британской империи в контексте процессов деколонизации [Stein, 1961, p. 13; Miladi, 2023, p. 15]. Их авторы отмечают, что реалии постколониального мира сделали востребованным, прежде всего, в США имперский, колониальный и антипартизанский опыт Британской империи. На основе архивных материалов, официальных публикаций дипломатических документов, изданных в США, СМИ исследователи данного направления описывали, как в США изучался британский опыт управления Палестиной, но не реакция периодической печати США на восстание 1936—1939 годов.

Отдельно необходимо упомянуть работы С. Зананири, посвященные фотообразам Палестины в историческом контексте [Imaging ..., 2021, p. 38; Zananiği, 2023, p. 56; Zananiği et al., 2021, p. 11]. Однако визуальные образы, прокомментированные в указанных работах, — лишь один из многих факторов формирования общего образа Палестины. Данные работы не содержат детального анализа того, как в изображениях (фотографиях, карикатурах, рисунках) формировались именно американские оценки Палестины, какой путь эволюции прошло понимание «британского опыта» в США в 1933—1939 годы, какие особенности визуализации Палестины были использованы американскими художниками.

Третье направление в историографии представлено трудами о международных отношениях и формировании оценок ближневосточного кризиса [Hamdi, 2018, p. 251—272; McTague, 1982, p. 10—112]. В данных трудах рас-

смотрены общие информационные тенденции американского общества и их связь с внешней политикой. Результаты указанных исследований являются базой для изучения вопроса о развитии и эволюции «колониальной темы» в информационном дискурсе США в первой половине XX века [Louis, 1978].

В указанных трудах главный акцент был сделан на изучении оценок самого арабо-израильского конфликта либо в одном из конкретных медиа, либо в широком сравнительном ключе. Сам процесс формирования образа Палестины в периодической печати США 1933—1939 годов не был исследован.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В методологическом плане исследование базируется как на традиционных методах исторического исследования, так и на методах имагологии, с помощью которых стало возможным изучить образ Палестины в 1933—1939 годы, сложившийся в американском информационном дискурсе. В современной историографии большую популярность приобрели имагологические сюжеты, которые, как правило, раскрывают темы из истории международных отношений. В настоящее время исследования строятся вокруг уже ставших классическими понятий «воображаемая география», «воображаемые сообщества», «идентичность».

Необходимо показать эволюцию образа Палестины в американской прессе как «воображаемый кризис»: конкретно-исторический процесс общественной жизни США, в котором нашли отражение и общие (характерные для цивилизации в целом), и национальные закономерности. Наше исследование обращено как к межнациональным имагологическим сюжетам, так и к внутренним, которые оказывают не менее сильное воздействие на формирование американской национальной Я-концепции: как формировался образ Палестины в различных слоях американского общества; какие события периода британского мандата на Палестину мифологизировались, актуализировались или предавались забвению в ходе эволюции данного образа; какую роль образ Палестины играл при определении образов союзников и врагов США; как через оценки будущего Палестины шли формирование и корректировка колониальной дискуссии в периодической печати США.

Исследование образа Палестины невозможно без изучения процесса эволюции и взаимодействия американских оценок колониализма, мандатной системы, империализма, что должно базироваться на понимании важности социокультурного контекста, в котором данные образы создаются и функционируют, формируя тем самым, новый культурный контекст, прочно входя в мифологию американского общества, становясь своеобразным культурным кодом, который срабатывает в качестве ответной реакции общества на события, связанные с Ближним Востоком. Прямое влияние

образов Палестины 1930-х годов мы можем обнаружить в СМИ США как в период холодной войны, так и в начале XXI века, когда старые стереотипы о Ближнем Востоке были актуализированы для новых реалий эпохи «войны с террором».

Использованные газеты США можно классифицировать по нескольким признакам:

Во-первых, по партийной принадлежности. В 1933—1939 год[ведущим республиканским изданием была «Chicago Tribune» (Иллинойс), принадлежавшая известному стороннику изоляционизма Роберту Маккоррику. Газета определяла информационные тенденции не только штата Иллинойс, но и всего Среднего Запада (более 300 тысяч выпусков ежедневно). Другими крупными ежедневными республиканскими изданиями были «The Washington Times» и «Evening Star» — вторая и третья по важности столичные газеты Америки (тираж более 100 тысяч экземпляров). Демократические издания представлены, прежде всего, «New York Times» — одной из основных газет, специализирующихся на освещении международных новостей в 1930-е годы. «San Francisco Chronicle», «The Waterbury Democrat» представляли демократические издания Калифорнии.

Во-вторых, большое значение для изучения оценок периодической печати имеют не только крупные, влиятельные газеты («Chicago Tribune», «The Washington Times», «New York Times»), но и издания малых и средних городов, представляющих «американскую глубинку». Для исследования были привлечены газеты «Endicott Bulletin» (Массачусетс) и «The Times-news» (Порт-Гуроне, штат Мичиган), обе республиканской направленности, принадлежали семье Оттауэй, а также «Brownsville Herald» (Нью-Йорк), демократическая, «The Wolf Point Herald» (Монтана), «Endicott Bulletin» (Массачусетс), «The Waterbury Democrat» (Коннектикут), «Brownsville herald» (Техас). Все они представляли города с населением от 2500 до 20 тысяч человек.

Изучение как республиканских, так и демократических газет США (и крупных, и небольших изданий) позволяет детально реконструировать процесс эволюции оценок Палестины, выявить не только ключевые мнения, тиражируемые лидерами информационного поля, но и локальные оценки, характерные для прессы американской провинции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Палестина и проблема еврейских переселенцев в периодической печати США 1933 года

Одной из поставленных задач исследования был поиск свидетельств о том, какой была реакция американских СМИ на бойкот еврейских фирм

и магазинов в Германии (1 апреля 1933 года). Интересны также связи этого события с еврейской иммиграцией в Палестину. Однако только 5 апреля 1933 года на последней странице «The Washington Times» была напечатана заметка «Палестина — убежище для преследуемых евреев» [The Washington Times, 1933, April 5, p. 30]. В тексте статьи заявлялось, что все американцы, которые были в ужасе от преследований евреев гитлеровским правительством, окажут им моральную и финансовую поддержку. Целью сбора объявлялся поиск средств для отправки евреев из Европы или любой другой точки мира в Палестину. Палестина оценивается в статье как убежище для страдающей еврейской нации. Статья говорит о средневековом варварстве со стороны Германии, отмечается, что бесчинства, творившиеся против евреев в текущем году, никак не были ограничены немецким руководством. Авторы статьи отмечают, что всплеск антисемитизма наблюдался и во многих других частях континента, в некоторых случаях проявленная жестокость превосходила ту, которую демонстрирует нацистский режим.

Отмечается, что Палестина добилась заметного прогресса благодаря Британскому мандату и самоотверженному сотрудничеству еврейских лидеров по всему миру, а при наличии необходимых средств десятки тысяч угнетенных евреев могли бы быть отправлены туда для того, чтобы найти либо постоянное пристанище на земле своих отцов, либо, по крайней мере, защиту и правосудие во время нынешней волны терроризма.

В американском информационном дискурсе начала 1930-х годов продвигалась идея о том, что американские евреи, более преуспевающие, чем большинство их единомышленников в других странах, захотят помочь этому движению, а американцы-христиане не смогут найти более практичного способа проявить сочувствие к бедствующему народу, чем поддержка кампании по переселению всеми доступными средствами [Roy, 2010, p. 24]. 21 апреля 1933 года в «The Washington Times» [The Washington Times, 1933, April 21, p. 4] выходит статья с названием «Рассел воспекает дело Сиона». Статья посвящена публичному выступлению Чарльза Эдварда Рассела, состоявшемуся в Еврейском общественном центре. В речи Рассел называет переселение еврейской нации в Палестину не только исправлением великой ошибки, но и открытием дверей Востока для современной цивилизации и прогресса.

Газета «Evening star» [Evening star, 1933, July 2, p. 9] 2 июля 1933 года выпустила заметку «Оценка прогресса палестинского очага», в которой цитирует «Associated Press» от 1 июля 1933 года. На открытии 36-ого ежегодного съезда американских сионистов Моррис Ротенберг, президент организации, рассказал о воссоздании национального еврейского очага в Палестине. Мистер Ротенберг в отличие от сионистов похвалил сэра Артура Гренфелла Уокопа, верховного комиссара Палестины, назначенного

британцами, за его сотрудничество с евреями в Палестине. В то же время мистер Ротенберг выразил сожаление по поводу неспособности министерства юстиции Великобритании выдать большее количество иммиграционных свидетельств для удовлетворения потребностей евреев, преследуемых в Германии и других странах и ищущих убежища в Палестине. Слова мистера Ротенберга приводит и издание «Chicago Tribune», сообщая, что за 18 месяцев в Еврейский национальный очаг въехало 20 000 евреев из всех стран. Он добавил, что о масштабах притока капитала свидетельствует тот факт, что в 1932 году в Палестину были вложены инвестиции на общую сумму более 12 000 000 долларов [Chicago Tribune, 1933, July 2, p. 11].

30 августа 1933 года в газете «Evening star» размещена статья под заголовком «Вейцман избегает еврейского руководства» [Evening star, 1933, August 30, p. 20]. Первая часть заметки касается вопроса, связанного с прибытием Хаима Вейцмана, бывшего лидера Сионистского движения, в Прагу на Восемнадцатый всемирный сионистский конгресс. Хаим подчеркивает, что прибудет туда при условии, что его визит не будет рассмотрен как намерение снова стать лидером организации, а также что основным направлением его деятельности сейчас являются интересы немецких евреев. Раввин Уайз подверг критике высказанный доктором Вейцманом взгляд на создание Трансиордании для еврейских поселений и его позицию по поддержке арабо-еврейского паритета в Палестине. Он призвал избирать только таких лидеров, которые не выступают против создания еврейского государства в Палестине и готовы поддержать идею создания еврейского большинства по обе стороны реки Иордан. Кроме того, раввин обвинил лейбористов в попытке превратить Палестину в Утопию.

Далее в статье размещены сведения о том, что 650 немецких евреев, отправляющихся в Палестину, получили от правительства Германии разрешение на вывоз 1000 франков каждый, из-за чего они попали в иммиграционную категорию «капиталист». Данная информация содержалась в отчете Сионистской организации о соглашении на импорт немецких товаров на сумму 977 000 долларов. Меер Гроссман, глава партии «Еврейское государство», охарактеризовал данное действие как удар по антинацистскому бойкоту.

Совсем небольшой абзац в самом конце статьи включает сообщение о том, что 30 августа в городе Вормсе было арестовано большое количество евреев, они были отправлены в концентрационный лагерь. Немецкая полиция объяснила это тем, что данное действие было защитой, поскольку еврейство в последнее время вело себя «провокационным образом против государства и его институтов». Начальник полиции земли Гессен выступил с предупреждением о том, что евреи позволяют себе дерзкие высказывания в адрес нацистов, попытки приблизиться к немецким девушкам, а дан-

ные действия вызывают оправданный гнев населения. В результате, по его словам, полиция вынуждена была произвести аресты.

В публикациях нашло выражение двойственное отношение к политике Германии [Sweiti, 2008, p. 26]. С одной стороны, публично, без поиска каких-либо оправданий констатируется факт отправки евреев в концлагеря, отмечается участие Рейхсбанка в иммиграции в Палестину евреев. С другой стороны, статьи в «The Washington Times» и «New York Times» указывают на «средневековое немецкое варварство» по отношению к евреям [The Washington Times, 1933, April 21, p. 4; New York Times, 1933, April 21, p. 6].

2 сентября 1933 года газета «Evening star» выпускает статью, большая часть которой посвящена конфликту сионистов и не-сионистов [Evening star, 1933, September 2, p. 3]. Однако в самом конце публикации появляется подзаголовок «Германия помогает эмиграции». Заметка рассказывает о том, что 1 сентября Министерство экономики Германии опубликовало полный текст указа о передаче еврейской собственности Палестине. В указе говорилось, что соглашение было заключено с «заинтересованными еврейскими организациями» с целью содействия эмиграции немецких евреев в Палестину путем выделения необходимых сумм без чрезмерного давления на валютные резервы Рейхсбанка, а также для увеличения немецкого экспорта в Палестину.

Другие публикации чаще рассматривают Палестину как спасение для еврейского народа от угнетения в Германии, однако 4 октября 1933 года на 22 странице «Indianapolis Times» разместил рядом с кроссвордом небольшую заметку доктора Джорджа С. Дункана с заголовком «Палестина — не убежище / Земля обетованная для евреев» [Indianapolis Times, 1933, October 4, p. 22]. Эксперт, специалист по востоковедению Американского университета в Вашингтоне, только что вернувшийся из Палестины, отмечает, что лучшим местом для евреев будут США и Британские доминионы. Дункан отмечает, что Палестина, которая к моменту написания заметки уже 10 лет находилась под Британским мандатом, не способна принять евреев в больших количествах. Автор указывает на соотношение евреев и мусульман в регионе (175 000 евреев и 760 000 мусульман), отмечает их чрезвычайно напряженные отношения и делает прогноз, что, как только британцы покинут Палестину, там не останется ни одного еврея, так как они будут уничтожены [San Francisco Chronicle, 1933, October 4, p. 11].

Значительная часть публикаций, связанных с переселением евреев в Палестину, положительно оценивает Британский мандат, исключение составляет лишь статья в «Daily Worker» — в ней дана исключительно негативная оценка политики Великобритании в регионе и выражена поддержка арабскому восстанию. 30 октября 1933 года на 6-ой странице «Daily Work-

ег» выходит статья с названием «Арабский подъем», она является реакцией на арабские беспорядки в Подмандатной Палестине [Daily Worker, 1933, October 30, p. 6]. Публикация весьма эмоциональна, а используемые речевые манипулятивные тактики вполне характерны для газеты левого толка. Автор заметки указывает, что арабские массы Палестины, стонущие под гнетом британского империализма, встали на революционный путь острой открытой борьбы против своих британских угнетателей и их капиталистически-помещичьих сионистских агентов. В статье подчеркивается, насколько важно именно сейчас прояснить значение арабского восстания в Палестине, которое уже имеет свои последствия далеко на Востоке, вплоть до Багдада, когда фашизм в других странах приобрел ярко выраженный антисемитский характер. Далее статья призывает еврейские массы не быть обманутыми и поддержать борьбу арабов Палестины с британским империализмом, указывая, что только революционное свержение капитализма принесет свободу трудящимся массам всех наций, а в качестве примера приводит свободу, завоеванную еврейским народом после пролетарской революции в России.

В 1933 году ни одна из публикаций, освещающих проблему еврейских переселенцев, не занимает передовицу, чаще — последние страницы изданий. Из этого мы можем сделать вывод, что американский обыватель в этот период почти не интересуется темой Палестины. При этом публикации о Палестине чрезвычайно редко сопровождались фотоматериалами. Основным методом создания визуального образа были карты и редкие карикатуры [Zananiri, 2023, p. 56; Zananiri, 2021, p. 11].

3.2. Палестина перед Арабским восстанием: оценки периодической печати США

В ходе анализа публикаций 1935 года не удалось выявить увеличения количества или привязки публикаций к Нюрнбергским расовым законам (сентябрь 1935 года). Наибольшая активность публикаций приходится на август.

Смещается акцент: все чаще в статьях рассматривается экономическая сфера жизни Палестины: промышленность, сельское хозяйство, выгодное положение для торговли, отмечается скорость развития региона [Halevi, 1983, p. 458].

9 августа 1935 года в «The Indianapolis times» вышла статья под названием «Угнетенных нацистами евреев призывали отправиться в Палестину» с подзаголовком «Всемирный сионистский конгресс ускорит исход на Новую Родину» [The Indianapolis times, 1935, August 9, p. 17]. Пресс-секретарь сионистской организации в Америке Моррис Маргулис сообщил агентству United Press, что массовый исход из Германии уже приобретает

интенсивность, но ожидается, что конгресс направит более решительные предложения «классу пионеров». Маргулис также заявил, что повторная колонизация Палестины стала реализовываться более эффективно после начала гитлеровской кампании против евреев. Он отметил, что с тех пор, как Гитлер пришел к власти, более 30 000 человек из Германии въехали в Новую Палестину. По его словам, из 44 000 евреев, которые иммигрировали на Новую Родину в прошлом году, 20 000 были из Германии, а в этом году ожидается еще больше мигрантов, в результате чего приток составит от 65 000 до 70 000 человек. Американская делегация в конгрессе намерена была предложить план развития переселения на 4 года, чтобы к 1940 году еврейское население Палестины достигло 1 000 000 человек. Мистер Маргулис предполагал, что большая часть жителей поступит именно из Германии, «поскольку именно там больше всего требуется помощь».

По его словам, Всемирный сионистский конгресс, запланированный на 20 августа — 5 сентября, должен был стать важнейшим из всех когда-либо проведенных еврейми и положить начало третьему этапу создания национальной еврейской родины. Он утверждает, что это единственное правительство в мире на данный момент, которое испытывает нехватку рабочей силы и имеет профицит бюджета.

Маргулис также заявил, что евреи могут въезжать в Палестину в составе класса капиталистов или в составе класса трудящихся-первопроходцев: любой, у кого есть вступительный взнос в размере 5000 долларов, может сразу войти в класс капиталистов. Остальные же должны получить сертификат, распространяемый Всемирной сионистской организацией, для этого необходимо пройти обучение в сельскохозяйственных школах, получить квалификацию автомеханика, сантехника или маляра [New York Times, 1935, August 9, p. 13].

Также 9 августа 1935 года в газете «The Times-News» [The Times-News, 1935, August 9, p. 6] выходит статья с названием «Сионисты толкают еврейское движение в Палестину». Автор статьи — штатный корреспондент United Press Тед Малоу. Именно со ссылкой на него были написаны статьи в «The Indianapolis times» и «Endicott Bulletin» [Endicott Bulletin, 1935, August 9, p. 12]. Статьи данных газет почти полностью совпадают. Кроме того, газета «Brownsville Herald» размещает на предпоследней странице короткую заметку «Евреи Техаса спонсируют город в Палестине» [Brownsville Herald, 1935, August 15, p. 9]. В статье указываются иммиграционные барьеры, расовые, религиозные, экономические преследования в Германии и части других стран как причина для создания нового дома для евреев в Палестине. Статья цитирует мистера Фрида, техасского председателя Еврейского национального фонда, который проводит кампанию в поддержку

увеличения спонсируемого Техасом фонда для создания города в Палестине. Он описал город Тель-Авив, население которого, по его словам, выросло за 18 лет на 143 000 человек. По его утверждению, это современный город, в котором находится Еврейский университет. Фрид также утверждает, что каждый месяц в Палестину прибывает по 5000 евреев и ожидается, что еще миллион иммигрантов в конечном итоге обретут там дом.

17 августа 1935 года появляется еще одна публикация за авторством Теда Малоу в «The Waterbury Democrat» с названием «Сионисты планируют создать в Палестине огромную промышленность» и подзаголовком «Новая родина евреев рассматривается как будущий торговый центр Востока» [The Waterbury Democrat, 1935, August 17, p. 9]. Журналист приводит слова Морриса Маргулиса, секретаря Сионистской организации Америки, который утверждал, что в скором времени Палестина готова будет закрыть потребности Индии и Китая в промышленных товарах. По словам Маргулиса, фактическая работа по реализации Всемирного сионистского плана только начата. Новая родина евреев планирует увеличить к 1940 году население до 1 000 000 человек, а, значит, ей необходимы будут новые земли, новые отрасли промышленности, чтобы обеспечить растущее население.

В республиканском издании «Evening star» [Evening star, 1935, August 20, p. 5] выходит публикация, цитирующая Associated Press и освещающая Сионистский конгресс. Еврейское телеграфное агентство сообщало, что к этому конгрессу проявлен больший интерес, чем когда-либо: евреи со всего мира, тронутые бедственным положением еврейских масс в Германии и Восточной Европе, с одной стороны, и вдохновленные развитием еврейской строительной деятельности в Палестине в последние несколько лет, с другой стороны, сосредоточили свое внимание на этом мероприятии.

Повесткой дня для конгресса было объявлено создание законодательного совета в Палестине. Еврейское агентство постоянно высказывало свое недвусмысленное несогласие из-за опасений, что такое положение дел отдало бы судьбу еврейского меньшинства в руки арабского большинства [Hamdi, 2018, p. 251—272; McTague, 1982, p. 10—112]. Кроме того, сообщалось, что конгресс был намерен рассмотреть проблему спекуляции землей, развитие пищевой промышленности Палестины, расселения большого числа беженцев из Германии и отношения с правительством мандата.

С 1935 года в публикациях прослеживаются, а со временем и усиливаются библейские мотивы в освещении еврейского переселения.

11 октября 1935 года на последней странице «The Wolf Point herald» [The Wolf Point herald, 1935, October 11, p. 5] выходит весьма объемная статья с названием «Источники процветания в Библейских землях». В 1933—1934 годах события в Палестине развивались так быстро, что в течение

следующих двенадцати месяцев можно было опасаться их спада. Но в ежегодном докладе британского правительства Лиге Наций говорится, что пиковые значения 1933—1934 годов были превышены в 1934—1935 годах.

Статья утверждает, что несколько лет назад, на заре еврейской колонизации, для содержания семьи требовалось более шестидесяти акров земли. Сегодня, при ирригации и интенсивном возделывании, требуется всего 5 акров. В конце публикации авторы задаются вопросом: является ли процветание этой земли просто результатом человеческих усилий или это что-то другое? Те, кто верит Библии, убеждены, что пророчества, записанные столетия назад, сегодня быстро исполняются в Палестине. Далее в статье цитируется Книга Пророка Исаии, глава 61, стих 4: «И они застроят старые развалины, они восстановят прежние запустения, они восстановят заброшенные города, опустошённые многими поколениями» [The Wolf Point herald, 1935, October 11, p. 5].

29 ноября 1935 года публикация в «Evening star», со ссылкой на Associated Press, была посвящена решению организации Хадасса начать перевозить еврейских детей из Германии в Палестину отдельно от родителей [Evening star, 1935, November 29, p. 43]. В американских газетах в 1935 году более настойчиво стал упоминаться «германский фактор» в традиционном трехстороннем конфликте в Палестине «евреи — арабы — британцы». Смещается оценка действий британцев в регионе с «положительной» на «нейтральную» [Christison, 1997, p. 46—50].

В конце 1935 года республиканская газета «The Washington times» публикует статью Флоида Гиббонса с названием «Евреи отвергают британский план по Палестине» [The Washington times, 1935, December 23, p. 21]. Автор пишет, что на земле Израиля не будет мира при той форме самоуправления, которую король Англии Георг предложил народу Палестины. Предполагаемый законодательный совет должен был включать в себя 14 арабов, 7 евреев и 7 британцев. За британским комиссаром оставалось право вето. Такая ситуация не позволит разрешить извечный конфликт между арабами и евреями. По словам журналиста, все еврейское население Палестины (350 000 человек) будет бойкотировать британские предложения, поскольку они воспринимаются как препятствующие улучшению отношений между евреями и арабами и противоречащие концепции устройства национального очага для еврейского народа в Палестине. Мистер Гиббонс пишет, что данное решение еще более неудовлетворительно для арабского населения (численностью 800 000), однако некоторые из его лидеров могут выступать за принятие данного проекта, надеясь таким образом получить, по крайней мере, юридическую трибуну для противодействия дальнейшему захвату земель еврейскими финансовыми силами.

По мнению автора статьи, предлагаемые меры практически сводятся к тому, что Британия вызывает обоих непримиримых соперников в центр ринга и предлагает им новый неудовлетворительный набор правил, а затем отправляет их готовиться к следующему раунду. Мистер Гиббонс приводит мнения нейтральных наблюдателей, которые считали, что раздираемая междоусобицами Святая земля погрузится в пучину жестокого насилия и кровопролития, а возможные потрясения распространятся на весь мусульманский мир Ближнего Востока.

4. Заключение = Conclusions

Анализ американской периодической печати показал, что если в 1933 году значительная часть статей фокусируется на Палестине как на месте, которое приютит страдающую еврейскую нацию, а предложения о финансовой поддержке, обращенные к американским гражданам, связаны прежде всего с морально-этической стороной вопроса, то уже в 1935 и 1936 годах основной акцент смещается на экономику: промышленность, сельское хозяйство, выгодное положение для торговли, отмечается невероятная скорость развития региона. Палестина фактически позиционируется как место для выгодных инвестиций. В 1936 году транслируется идея важности стратегического положения региона в рамках приближающегося конфликта [Arielli, 2008, p. 181].

В начале десятилетия большая часть заметок про Палестину размещается в самом конце изданий. В 1936 году публикации, связанные с Палестиной, могли занимать несколько полос, но тема так и не попадает на передовицы, из чего можно сделать вывод, что для американского обывателя она так и не стала ключевой в эти годы. После начала Второй мировой войны данная тема и вовсе практически исчезает со страниц СМИ. Отношение к политике Германии в публикациях двойственное. Бесстрастно констатируется факт отправки евреев в концлагеря, отмечается участие Рейхсбанка в иммиграции евреев на территорию Палестины, и одновременно в других публикациях указывается на «средневековое немецкое варварство» по отношению к евреям, а Палестина рассматривается как место спасения для еврейского народа от гнета, под которым они находятся на территории Европы.

Значительная часть публикаций, посвященных переселению евреев в Палестину, положительно оценивали Британский мандат. В начале 1930-х отмечается, что без британцев нет и шанса на создание новой родины для евреев. Однако позже в американских СМИ также стали появляться высказывания, разъясняющие и поддерживающие позицию арабской стороны конфликта. А к 1936 году, на момент начала арабских восстаний на территории

Палестины, все в большем количестве статей отмечается, что британский мандат не справляется с позицией регулятора, а сама Британия оказывается из-за этого под ударом мусульманских восстаний в своих колониях.

В начале 1930-х годов в американских СМИ конструировался образ Палестины как земли обетованной, рая на земле, спасения для еврейской нации, однако к концу десятилетия продвижение этой идеи зашло в тупик. В публикациях того периода все чаще указывалось на неразрешимые противоречия, возникшие в треугольнике «евреи — арабы — британцы».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Holy Land* // Chicago Tribune. — 1933. — July 2. — P. 11.
2. *Jew in Palestine* // San Francisco Chronicle. — 1933. — October 4. — P. 11.
3. *Jew to Confer on Reich Crisis* // Evening star. — 1935. — August 20. — P. 5.
4. *Jewish Council Breach Averted* // Evening star. — 1933. — September 2. — P. 3.
5. *Jews Reject British Plan in Palestine* // The Washington times. — 1935. — December 23. — P. 21.
6. *Nazi-Oppressed Jew Urged to Join Palestine* // The Indianapolis times. — 1935. — August 9. — P. 17.
7. *Palestine in Crisis* // New York Times. — 1935. — August 9. — P. 13.
8. *Palestine is not Jewish Haven* // Indianapolis Times. — 1933. — October 4. — P. 22.
9. *Palestine : Haven for Persecuted Jew* // The Washington Times. — 1933. — April 5. — P. 30.
10. *Plan for Palestine* // Endicott Bulletin. — 1935. — August 9. — P. 12.
11. *Prosperity Springs in Bible Lands* // The Wolf Point herald. — 1935. — October 11. — P. 5.
12. *Reviews Progress of Palestine Home* // Evening star. — 1933. — July 2. — P. 9.
13. *Russell Lauds Zion Cause* // The Washington Times. — 1933. — April 21. — P. 4.
14. *Texas Jews Sponsor City in Palestine* // Brownsville Herald. — 1935. — August 15. — P. 9.
15. *The Arab Upsurge* // Daily Worker. — 1933. — October 30. — P. 6.
16. *Wiezmann Shuns Jewish Leadership* // Evening star. — 1933. — August 30. — P. 20.
17. *Zion Drive Aided by Jewish Women* // Evening star. — 1935. — November 29. — P. 43.
18. *Zionists Plan Vast Industry for Palestine* // The Waterbury Democrat. — 1935. — August 17. — P. 9.
19. *Zionists to Push Jewish Movement Into Palestine* // The Times-News. — 1935. — August 9. — P. 6.

Литература

1. *Arielli N. Italian Involvement in the Arab Revolt in Palestine 1936—1939* / N. Arielli // British Journal of Middle Eastern Studies. — 2008. — № 2. — PP. 180—220.

2. *Buranok S. O.* Evaluation of Asia and Decolonization in US Press / S. O. Buranok // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* — 2020. — № 4. — Pp. 1186—1201.
3. *Christison K.* U.S. Policy and the Palestinians : Bound by a Frame of Reference / K. Christison // *Journal of Palestine Studies.* — 1997. — № 4. — Pp. 46—59.
4. *Hamdi O.* American Foreign Policy toward the Arab-Israeli Conflict : Strategic Transformations / O. Hamdi // *Insight Turkey.* — 2018. — № 2 — Pp. 251—272.
5. *Halevi N.* The Political Economy of Absorptive Capacity : Growth and Cycles in Jewish Palestine under the British Mandate / N. Halevi // *Middle Eastern Studies.* — 1983. — Vol. 19. — № 4. — Pp. 456—469.
6. *Imaging and imagining Palestine : photography, modernity and the biblical lens, 1918—1948* / Edited by Karène Sanchez Summerer and Sary Zananiri. — Leiden : Brill, 2021. — 480 p. — ISBN 978-90-04-43794-4.
7. *Louis W.* Imperialism at Bay : The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941—1945 / W. Louis. — New York : Oxford University Press, 1978. — 422 p.
8. *McTague J. J.* Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine 1919—1920 / J. J. McTague // *Journal of Palestine Studies.* — 1982. — № 2. — Pp. 100—112.
9. *Miladi N.* Global Media Coverage of the Palestinian-Israeli Conflict : Reporting the Sheikh Jarrah Evictions / N. Miladi. — London : I. B. Tauris, 2023. — 292 p.
10. *Myres S. D.* Constitutional Aspects of the Mandate for Palestine / S. D. Myres // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* — 1932. — Vol. 164. — Pp. 12—21.
11. *Roy S.* Reflections on the Israeli-Palestinian Conflict in U.S. Public Discourse : Legitimizing Dissent / S. Roy // *Journal of Palestine Studies.* — 2010. — № 2. — Pp. 23—38.
12. *Stein L.* The Balfour declaration / L. Stein. — New York : Simon and Schuster, 1961. — 368 p.
13. *Sweiti R.* American Policy toward Palestine between 1850 and 1939 / R. Sweiti // *Bethlehem University Journal.* — 2008. — Vol. 27. — Pp. 26—58.
14. *Zananiri S.* Costumes and the Image : Authenticity, Identity and Photography in Palestine / S. Zananiri // *The Social and Cultural History of Palestine : Essays in Honour of Salim Tamari.* — 2023. — Pp. 52—60.
15. *Zananiri S.* European Cultural Diplomacy and Arab Christians in Palestine, 1918—1948 / S. Zananiri, S. Summerer. — London : Palgrave Macmillan, 2021. — 488 p.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.07.2024,
подготовлена к публикации 02.08.2024.

Material resources

- Holy Land. (1933). *Chicago Tribune.* July 2. P. 11.
Jew in Palestine. (1933). *San Francisco Chronicle.* October 4. P. 11.
Jew to Confer on Reich Crisis. (1935). *Evening star.* August 20. P. 5.
Jewish Council Breach Averted. (1933). *Evening star.* September 2. P. 3.
Jews Reject British Plan in Palestine. (1935). *The Washington times.* December 23. P. 21.
Nazi-Oppressed Jew Urged to Join Palestine. (1935). *The Indianapolis times.* August 9. P. 17.
Palestine in Crisis. (1935). *New York Times.* August 9. P. 13.
Palestine is not Jewish Haven. (1933). *Indianapolis Times.* October 4. P. 22.
Palestine: Haven for Persecuted Jew. (1933). *The Washington Times.* April 5. P. 30.

Plan for Palestine. (1935). *Endicott Bulletin*. August 9. P. 12.
Prosperity Springs in Bible Lands. (1935). *The Wolf Point herald*. October 11. P. 5.
Reviews Progress of Palestine Home. (1933). *Evening star*. July 2. P. 9.
Russell Lauds Zion Cause. (1933). *The Washington Times*. April 21. P. 4.
Texas Jews Sponsor City in Palestine. (1935). *Brownsville Herald*. August 15. P. 9.
The Arab Upsurge. (1933). *Daily Worker*. October 30. P. 6.
Wiezmann Shuns Jewish Leadership. (1933). *Evening star*. August 30. P. 20.
Zion Drive Aided by Jewish Women. (1935). *Evening star*. November 29. P. 43.
Zionists Plan Vast Industry for Palestine. (1935). *The Waterbury Democrat*. August 17. P. 9.
Zionists to Push Jewish Movement Into Palestine. (1935). *The Times-News*. August 9. P. 6.

References

- Arielli, N. (2008). Italian Involvement in the Arab Revolt in Palestine 1936—1939. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2: 180—220.
- Buranok, S. O. (2020). Evaluation of Asia and Decolonization in US Press. *Vestnik of Saint Petersburg University: History*, 4: 1186—1201.
- Christison, K. (1997). U.S. Policy and the Palestinians: Bound by a Frame of Reference. *Journal of Palestine Studies*, 4: 46—59.
- Hamdi, O. (2018). American Foreign Policy toward the Arab-Israeli Conflict: Strategic Transformations. *Insight Turkey*, 2: 251—272.
- Halevi, N. (1983). The Political Economy of Absorptive Capacity: Growth and Cycles in Jewish Palestine under the British Mandate. *Middle Eastern Studies*, 19 (4): 456—469.
- Imaging and imagining Palestine: photography, modernity and the biblical lens, 1918—1948*. (2021). Leiden: Brill. 480 p. ISBN 978-90-04-43794-4.
- Louis, W. (1978). *Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire, 1941—1945*. New York: Oxford University Press. 422 p.
- McTague, J. J. (1982). Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine 1919—1920. *Journal of Palestine Studies*, 2: 100—112.
- Miladi, N. (2023). *Global Media Coverage of the Palestinian-Israeli Conflict: Reporting the Sheikh Jarrah Evictions*. London: I. B. Tauris. 292 p.
- Myres, S. D. (1932). Constitutional Aspects of the Mandate for Palestine. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 164: 12—21.
- Roy, S. (2010). Reflections on the Israeli-Palestinian Conflict in U.S. Public Discourse: Legitimizing Dissent. *Journal of Palestine Studies*, 2: 23—38.
- Stein, L. (1961). *The Balfour declaration*. New York: Simon and Schuster. 368 p.
- Sweiti, R. (2008). American Policy toward Palestine between 1850 and 1939. *Bethlehem University Journal*, 27: 26—58.
- Zananiri, S. (2023). Costumes and the Image: Authenticity, Identity and Photography in Palestine. *The Social and Cultural History of Palestine: Essays in Honour of Salim Tamari*. 52—60.
- Zananiri, S., Summerer, S. (2021). *European Cultural Diplomacy and Arab Christians in Palestine, 1918—1948*. London: Palgrave Macmillan. 488 p.

*The article was submitted 07.06.2024;
approved after reviewing 25.07.2024;
accepted for publication 02.08.2024.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ

Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.6. Исторические науки
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)	
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)	

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Andrianova, N. S., Bulina, E. N., Mingazova, R. R.</i> Specificity of Translating Icononyms into Diverse Structural Languages (English, French, and Tatar).....	9
<i>Antonova, N. A., Ignatyeva, T. S.</i> English Verbs of Directional Vision: Compatibility with Designations of a Qualitative Attribute	26
<i>Bogoyavlenskaya, Yu. V., Li Tianying.</i> Linguistic-Cultural Stereotype ‘Philologist’ in Individual Consciousness of Chinese Speakers.....	43
<i>Bochkarev, A. I.</i> Concept of PRIDE in Comic Discourse: Axiological Approach.....	60
<i>Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I.</i> Confessional Component of Urbanonymy in Lexicographic Interpretation.....	78
<i>Khilkhanova, E. V., Khilkhanov, D. L.</i> Role of Tourism in Preservation and Support of Minority Languages: Russian and Global Context.....	95
<i>Zhang Yanqiu.</i> Cultural and National Peculiarities of Russian and Chinese Proverbs with Component ‘Mouse’	114
<i>Shirshikova, A. A.</i> English Prepositions Expressing Temporal Limits: Semantic Features and Functioning.....	127

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Kirzhaeva, V. P., Osovsky, O. O.</i> Russian School Journal in History of Educational Journalism of Russian Diaspora in 1920s and 1930s.....	146
<i>Kolomiyets, E. A.</i> Construction of Expert Image in Genre of Editorial: Discursive Practices	169
<i>Kochetova, L. A., Kononova, I. V.</i> Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach.....	186
<i>Han Jiaxing, Chen Yixin, Takazov, V. D.</i> Expression and Evolution of Public Opinion in Social Network VKontakte During COVID-19 Pandemic.....	209

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Barova, A. G., Trofimova, L. V.</i> Representation of Concept MYTH in Austrian Literature (Works of Elias Canetti and Barbara Frischmuth).....	230
<i>Merkulova, M. G., Prudius, I. G.</i> Graphic Novel Adaptation as a Subgenre (Franco- and Anglophone Texts).....	250
<i>Osmukhina, O. Yu.</i> Artistic Peculiarities of Mikhail Volkov’s Collection “Tales of Antrop from Fox Hills”.	266

Frolova, A. V. Domestic and Existential in Stories of Vasily Shukshin
and Boris Yekimov.....287

HISTORY

Baryshnikov, V. N., Smolin, A. V., Chepik, V. N. Rapacki Plan: Policy of Small
States in Central and Eastern Europe in Second Half of 1950s..... 305

Vlasov, N. A., Koloskov, E. A. Images of Russian Pan-Slavists in German Empire
of 1880s..... 322

Egorov, A. I. Ensuring Military-Political Security in USSR and FRG Dialogue
(1987–1989)..... 344

Zimakov, A. V. European Union’s Withdrawal from Energy Charter Treaty: A Result
of Climate Policy?..... 365

Iyin, P. V. New Figures in History of Decembrist Movement: Merchant-Conspirator
A. P. Sapozhnikov 388

Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N., Zolnikova, K. E. Rationalistic Sects
of Doukhobors and Molokans in Tobolsk Province in 19th — Early 20th Centuries:
Distribution, Numerical Composition, and Religious Culture..... 409

Pyankov, S. A., Sushkov, A. V. Evacuation of Moscow Automobile Plant named
after Stalin during Great Patriotic War: from Projects to Implementation 435

Safonov, D. A. Socio-Demographic Profile of Provincial Journalists in Late 1920s to
Early 1930s (Orenburg Region)..... 456

Tatarnikova, A. I. Reorganization of Population Placement System in Northwestern
Siberia as a Reflection of Socio-Economic Policies of USSR in 1930s-1950s 478

Trut, V. P. Volunteer Partisan Movement in Rostov Region During Great Patriotic War..... 498

Tuluzakova, M. I., Buranok, S. O. Immigration Crisis in Palestine (1933–1936)
as Reflected in Periodical Press of United States..... 515

TO AUTHORS 532

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»
Подписано в печать 05.08.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,07. Тираж 500 экз. Заказ 05/08-1.
Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024
Свободная цена

